ИСТОРІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

V.

ИСТОРІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

Сочиненіе

Николая Полеваго.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Мед.-Хирург. Академіи.

1833.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Апрѣля 22 дня 1833 года.

Цензоръ, Заслуженный Профессоръ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ Иванъ Двигубскій.

ИСТОРІЯ
РУССКАГО НАРОДА.
КНИГА V.

Отъ утвержденія *Великаго Княжества* за княжествомъ Московскимъ, или отъ кончины Князя Іоанна Калиты, до образованія политической самобытности *Русскаго Государства*, или кончины Великаго Князя Іоанна III-го (съ 1341-го до 1505-го года): *вторая половина* владычества Татаръ надъ Русью.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава IV. Василій, сынъ Димитрія, покорствуя Монголамъ, усиливаетъ Великое Княжество Суздалемъ. Удачныя обстоятельства и благоразумная, хитрая политика дѣлаютъ Василія Димитріевича замѣчательнымъ укрѣпителемъ Руси. Орда и Литва — *Тармеланъ* и *Витовтъ* — два губительные человѣка, отъ которыхъ спасаетъ Русь Провидѣніе. Послѣднія усилія Орды быть грозною владычицею Руси — *Эдигей*. Церковныя и внутреннія дѣла. Отношенія Василія къ Русскимъ Князьямъ, Новгороду и Пскову. Василій утверждаетъ Великокняжество въ своемъ родѣ.

Глава V. *Василій Васильевичъ* — суровый, скрытный и хитрый властитель. Двадцати-семилѣтняя борьба его съ дядею Юріемъ, и съ дѣтьми Юрія, за наслѣдованіе Великимъ Княжествомъ; безчеловѣчіе сей борьбы — ослѣпленіе Василія Юрьевича, ослѣпленіе Василія Васильевича, отравленіе Димитрія Юрьевича Шемяки. Смерть Витовта; безопасность Руси отъ Литвы. Орда дѣлится на *Крымъ* и *Казань*; остатки *Сарайской Золотой Орды*. Бѣдствія Василія оканчиваются въ пользу Москвы.

Глава VI. Послѣдніе годы княженія Василіева: быстрое уничтоженіе Удѣльной системы. Послѣдній періодъ самобытности Новгорода. Послѣдніе остатки удѣловъ. Новые Удѣлы дѣтей Василія. Кончина его. Отношенія къ Греціи, Ордѣ и Литвѣ.

Глава VII. Іоаннъ Васильевичъ, Великій Князь. Тихое, мирное начало его владычества. — Обширные замыслы Іоанна. Неожиданное развитіе тайныхъ его помышленій. Дѣла двадцати лѣтъ: униженіе Казани, дружба съ Крымомъ, хитрая политика съ Золотою Ордою и Литвою; уничтоженіе Новгородской вольности; супружество съ Софіею Палеологъ и родство съ потомствомъ Греческаго Императора. Паденіе Новгорода. Конецъ Золотой Орды. Крымъ поставленъ врагомъ Литвы и защитою Руси. Уничтоженіе удѣловъ двухъ братьевъ Іоанна. Покушеніе на остальные удѣлы. Іоаннъ презираетъ мнѣніе людей, не понимающихъ мудрыхъ его дѣяній.

Глава VIII. Торжество Іоанновой политической системы. Уничтоженіе удѣльной власти Тверскихъ,

Ярославскихъ, Ростовскихъ Князей, и братьевъ Іоанна. Іоаннъ властвуетъ Казанью. Сношенія съ Европою и Азіею. Художества и Знанія въ Россіи. Дворское устройство. Внутреннія учрежденія. Свадьба старшаго сына Іоаннова. Война съ Швеціею; ссоры съ Ливоніею. Сношенія съ Крымомъ; отношенія къ Литвѣ. Супружество Александра, владѣтеля Литвы, съ Еленою, дочерью Іоанна.

Глава IX. Семейственныя несогласія и бѣдствія государственныя, омрачающія старость Іоанна. Димитрій, внукъ его, объявленъ наслѣдникомъ престола. Война съ Литвою. Война съ Ливоніею. Іоаннъ возвращаетъ право наслѣдства второму сыну своему Василію. Возстаніе Казани. Дряхлость и кончина Іоанна.

Симеонъ Іоанновичъ *Гордый*—Димитрій Іоанновичъ *Донской*, сынъ его Василій, внукъ Василій *Темный*, правнукъ Іоаннъ III-й—Алексій Митрополитъ — Михаилъ Александровичъ Тверской—Олегъ Князь Рязанскій—Дмитрій Константиновичъ Суздальскій, и дѣти его Василій Кирдяпа и Симеонъ—Юрій Димитріевичъ, и дѣти его Василій *Косой* и Димитрій *Шемяка*—Василій Ярославичъ Боровскій—Владиміръ Андреевичъ *Храбрый*, Іоаннъ Андреевичъ Можайскій, братъ его Михаилъ Верейскій—внукъ Іоанна III-го Димитрій, и Іоаннъ, сынъ Шемяки—Митрополиты Кипріанъ, Ѳеогностъ и Іона —Бояринъ Іоаннъ Димитріевичъ Всеволожъ—Вассіанъ, Архіепископъ Ростовскій и Ѳедоръ Басенокъ—Князь Даніилъ Холмскій—Марѳа Посадница и Новгородскіе ея товарища — Василій и Ѳеофилъ, Архіепископы Новгородскіе—замѣчательнѣйшіе представители сего періода.

ИСТОРІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

ГЛАВА I.

Таинственное будущее безвѣстно, невѣдомо человѣку. Но кто, безъ всякаго пристрастія разсматривая наблюдательнымъ окомъ *Россійское государство*, не скажетъ, что Россіи предоставлена *будущность великая*? Если скажетъ онъ сіе, смотря на настоящую Географію и Этнографію нашу, еще болѣе убѣдитъ его въ этомъ *Исторія* Русскаго народа. Періодъ Монголовъ въ Исторіи Русской заключаетъ въ себѣ *вторую* важную задачу, для вывода о будущей судьбѣ Россіи: *первую* находимъ мы въ началѣ и жизни Руссовъ *до XIII-го вѣка.*

Будущая судьба Русской земли должна совершаться отдѣльно отъ жребія другихъ Европейскихъ государствъ, когда, начавшись одинаково съ ними, сія земля разъединялась отъ

нихъ вѣрою, нравами, Исторіею своею, въ теченіе *четырехъ* вѣковъ (1). Будущее Русской земли должно быть велико, когда она заняла собою между тѣмъ обширное пространство *между Европою* и *Азіею*, переходила свой особенный Средній вѣкъ, время Феодализма и вольныхъ городовъ, по подобію Европы, но по образу Азіи.

Что-же *Монгольскій* періодъ?

Его огромность изумляетъ, его быстрота заставляетъ сомнѣваться въ истинѣ прешедшихъ въ немъ событій. Говоря опредѣленно, мы не можемъ сказать, что *Русь спасла Европу отъ Монголовъ*. Нѣтъ! Европа тѣмъ была спасена отъ Азіи, въ лицѣ Монголовъ стремившейся на Западъ, что царство Чингисово образовалось по законамъ Азійскихъ завоевательныхъ государствъ, и Исторія онаго совершалась разрушительно почти съ самаго своего начала (2). Но неоспоримо, что Русь, или лучше сказать, пространство земель, издревле ей предназначенное — степи Черноморскаго Юга и лѣса Балтійскаго Сѣвера—послужили раздѣлительною чертою Азіи отъ Европы (3). Наполнивъ потомъ сіе про-

---

(1). Ист. Русск. народа, т. II, стр. 15, и слѣд.
(2) Ист. Р. Н. т. IV, стр. 25 и 151.
(3) Ист. Р. Н. т. I, стр. 22, IV, стр. 164.

страпство общественною жизнію, Русь служила орудіемъ разрушенія Азійскаго образованія, приближавшагося къ Европѣ и въ Европу: она отодвинула его снова въ глубь Азіи.

Сіи дѣйствія составляютъ собственно вторую половину Монгольскаго періода, или *владычества Татаръ надъ Русью:* вторая половина есть именно открытая борьба Европы и Азіи, Духа и Вещественности, Природы и Человѣка, Русса и Монгола, Сѣвера, посредника Европы Западной, и Востока, вспомоществуемаго Югомъ Азіи, двигавшагося на Западъ—*Мугаммеданства* и *Христіанства*, скажемъ наконецъ однимъ выразительнымъ словомъ.

Въ первой половинѣ, когда Востокъ двинулся на Западъ, мы видѣли *Сѣверъ* и представителя его *Русса*, падшихъ прежде всѣхъ другихъ подъ исполинскою силою Востока; видѣли, что потóмъ, въ теченіе болѣе нежели ста лѣтъ (съ 1236-го до 1340-го года), затяготѣла надъ нимъ неподвижность громадъ Азійскимъ деспотизмомъ и рабствомъ, послѣ страшнаго взрыва, нашествія, означеннаго кровью, огнемъ и мечемъ.

Обѣ половины Монгольскаго періода сливаются однакожъ вмѣстѣ, и уже въ первой, съ самаго начала, явилось противодѣйствіе оглушающему удару Азіи. Оно явилось сперва въ уничиженіи и покорности, остановившихъ мечъ и опустошенія варваровъ Монгольскихъ; потóмъ,

среди совершеннаго распаденія частей, рѣшительнаго переворота прежняго порядка дѣлъ, и ниспроверженія быта общественнаго, въ основаніи новой политической самобытности, которой первое, крѣпкое начало положено было въ *Москвѣ* — средоточіи новой жизни.

Если въ первомъ періодѣ Руси былъ свой отдѣльный переходъ *Феодализма*, то Монгольскій періодъ не то-ли самое былъ для Руси, что *эпоха Крестовыхъ походовъ* для Европы? Мысль сія, съ перваго взгляда, можетъ показаться не совсѣмъ вѣрною; но она справедлива, и сходство борьбы Руси съ Монголами, и борьбы Европы за Гробъ Христовъ, разительно (4).

Тамъ и здѣсь—боролся *Христіанинъ* съ Невѣрнымъ, равно призывая имя Христіанскаго Бога, умирая въ битвѣ за вѣру; тамъ и здѣсь велъ его священнослужитель; Святитель Московскій былъ то-же, что Первосвященникъ Римскій; Игуменъ Троицкій и иноки его явили собою Петра Пустынника. Идея вѣры двигала Руссовъ въ борьбу, съ того времени, когда съ возгласомъ: *Господи! помоги рабу твоему!* палъ въ 1380-мъ году Пересвѣтъ, до того, когда съ возгласомъ: *И будетъ едино стадо и единъ*

(4) Мы объясняли сію мысль нѣсколько лѣтъ уже тому (см. Телеграфъ, т. XXXV, стр. 83).

пастырь—взлетѣли на воздухъ стѣны Казанскія, въ 1552-мъ году (5).

Но, какъ Крестовые походы заключали въ себѣ тайныя высшія судьбы Божіи—возрожденіе Европы—а не одно исполненіе желанія благочестиваго: освободить стѣны Сіонскія, такъ и борьба Руссовъ съ Монголами заключала въ сущности своей не одно освобожденіе Христіанъ отъ ига поганыхъ, но и возрожденіе Руси, составленіе царства, коего будущая судьба была: внести особую стихію духа въ Европу—царства, коему, немедленно послѣ возрожденія его, Византія, умирая въ то время, завѣщала Православную вѣру, Царьградъ, и типъ Восточно-Европейскаго образованія.

Вотъ, по нашему мнѣнію, рѣшеніе второй важной задачи, образуемой въ Исторіи Руси Монгольскимъ періодомъ. Таковъ *второй* Историческій выводъ для будущей судьбы Россіи.

Опредѣливъ симъ образомъ основную идею, приступаемъ мы къ изображенію остальной, уже болѣе отрадной для сердца, половины періода Монгольскаго. Но прежде, намъ должно сообразить описанную уже нами *первую половину* онаго. Постараемся извлечь порядокъ событій

(5) Ист. Р. Н. т. V, глава 2, въ описаніи *Куликовской битвы*, и т. VI, глава 3, въ описаніи *взятія Казани*.

изъ безпорядочнаго, по видимому, смѣшенія страстей, кровопролитій, крамолъ и скорбей, какія видѣли мы въ Исторіи Русскаго народа съ 1236-го по 1341-й годъ.

Главными предметами для созерцанія являются намъ здѣсь: уничтоженіе прежняго быта и порядка; то, что было и осталось при томъ неизмѣнно, и пережило переходящія, измѣняемыя формы; то, что вещественно производило жизненное движеніе силъ въ областяхъ Руси; то, чѣмъ окружена была въ сіе время Русь отъ Востока и Запада; наконецъ — соображеніе двухъ крайнихъ точекъ бытія Руси въ первой половинѣ Монгольскаго періода: 1236-*го* и 1341-*го годовъ*.

Ничтожества нѣтъ въ мірѣ. Ничто не уничтожается, въ полномъ смыслѣ сего слова; все совершаетъ только переходы, или измѣняется. Измѣненія совершаются равно въ духѣ и вещественности, и всегда бываютъ постепенны. Но соображая двѣ крайнія точки переходовъ и измѣненій, мы видимъ такую разницу, что говоримъ о первой точкѣ бытія въ отношеніи къ послѣдней: *она уничтожилась*. Разсмотрите Русь при смерти Ярослава Владиміровича (1054 г.), и Русь при кончинѣ Мстислава Удалаго (1228 годъ), и вы скажете: Русь Ярославова уже не существовала, *уничтожилась*, въ началѣ XIII-го вѣка. Такъ Русь временъ Мстислава Удалаго не

существовала во времена Іоанна Калиты (1328 годъ). Прошло *сто лѣтъ*; ея уже *не было*.

Что́ видѣли мы *прежде* (1228-й годъ)? — На западѣ борьбу съ Польшею и Венгріею за Русскія области; споръ за Кіевъ на югѣ; вражду Олегова и Мономахова рода; стараніе сѣвернаго и южнаго Великокняжества покорить себѣ Новгородъ, или, лучше сказать, раздоръ власти Князей съ властью народа въ Новгородѣ; удалыя сшибки съ кочующими ордами Половцевъ, полукочевыми Приволжскими народами и дикарями Литовскими; рѣшеніе споровъ мечемъ, выражаемое словами: *Иди на судъ Божій!*

Теперь (1340-й годъ) что́ является намъ? Борьба западныхъ областей не существуетъ; спора за Кіевъ нѣтъ; на гробахъ Ольги, Владиміра, Мстислава Удалаго, налягаетъ власть Польши, Литвы, Монголовъ; Олеговичи и Мономаховичи не враждуютъ: они исчезли съ лица земли; сшибки удалыя съ Половцами, Булгарами, Литвою, прекратились. Съ запада стало сильное, самобытное государство Миндовга и Гедимина; съ востока могущественное царство потомковъ Чингиса: отъ одного надлежало защищаться, другое уничтожать. Вмѣсто рѣшенія споровъ мечемъ, явился споръ рабскою крамолою, и Князья, вмѣсто *суда Божьяго*, говорятъ: «*Иди на судъ Орды.*»

Вотъ измѣняемыя формы. Что-же оставалось *не-*

измѣнно? Религія и *языкъ*, какъ внутреннее основаніе быта.

Въ религіозномъ чувствѣ сливались сердца и души всѣхъ Руссовъ, горѣлъ свѣтильникъ надежды—подъ мечемъ Ордынскаго палача, и на полѣ битвы съ поганымъ—оставалась единственная связь съ родною по духу образованія Греціею.

Въ языкѣ Русскомъ заключалось не гибнущее основаніе взаимнаго родства Руссовъ, первыя сѣмена образованія, Поэзіи, вѣчныхъ истинъ ума и сердца, хотя и сокрытыхъ еще подъ грубою оболочкою.

Изъ вещественныхъ основаній не погибли междоусобія Князей. Они держались прежней, столь много измѣненій испытавшей, но неизчезнувшей мысли о *Великомъ Княжествѣ*, какъ средствѣ преобладать другими. Родъ Олега истребился; родъ Мономаха уцѣлѣлъ; Юга для Руси не стало; Сѣверъ остался. Мысль о *Великомъ Княжествѣ* сохранилась на *Сѣверѣ*, въ *родѣ Мономаховомъ*.

Великое Княжество было такимъ образомъ основою. Противъ него высился предметъ прежняго раздора между властью Князей и властью народа — Новгородъ. Отдаленіе, дикость и болота сѣвера защитили Новгородъ отъ Монголовъ; Географическое положеніе доставляло ему богатства, когда образъ управленія под-

крѣплялъ вольный духъ Новгородцевъ. Богатство и душу Новгородскую прошивопоставляли вольные его горожане силѣ и власти Князей Великихъ, безпрерывно учась воевать въ битвахъ съ Шведами и Ливонскими Рыцарями.

Замѣнивъ междоусобія рабскою крамолою, Князья собственно перемѣнили только образъ своихъ дѣйствій. Но въ этомъ измѣненіи внѣшности междоусобій должны были рѣшать побѣду искусство и умъ, не одна дикая сила.

Какъ-же удивительно сей новый бытъ Руси сталъ между разрушающею самое себя силою Монголовъ и возраставшею силою Литвы! Руссъ острилъ мечъ свой о мечъ Литовскій, дабы низложить Монгола; онъ низложилъ Монгола, дабы потомъ рѣшить споръ между двумя родными народами, ставшими на восточныхъ краяхъ Европы. Одинъ изъ нихъ былъ ознаменованъ типомъ религіи и образованія Греціи и Востока—*Русскій;* другой ознаменованъ типомъ религіи и образованія Рима и Запада—*Польскій*, съ коимъ слилась Литва, въ то самое время, когда Руссъ дерзко началъ рѣшать вѣковое дѣло свое съ Монголомъ. Сіи два народа боролись потомъ цѣлые четыре вѣка (6).

(6) Избраніе Ягелла въ Польскіе Короли въ 1386 г.; начало открытой борьбы Донскаго съ Монголами съ 1376 года. Первый раздѣлъ Польши въ 1773 году.

Вотъ основныя идеи Исторіи Русскаго народа со времени нашествія Монголовъ. Симъ главнымъ Историческимъ идеямъ, въ удивительной стройности соотвѣтствуютъ всѣ подробности событій первой половины Монгольскаго періода.

Жизнь, послѣ гибельнаго нашествія Батыя, началась на сѣверѣ, въ лицѣ *Ярослава*, въ идеѣ *Великаго Княжества*. Туда удалилось и могущество религіи, въ лицѣ *Митрополитовъ*. Почему допустили Монголы сохраниться остатку общественной жизни Руссовъ, мы уже изъяснили (7). Сія жизнь не могла сосредоточиться на югѣ, въ лицѣ Даніила, въ Галичѣ или Кіевѣ: ей надобно было созрѣть въ снѣгахъ сѣверныхъ, въ грубомъ новомъ типѣ образованія, гдѣ равно соединились-бы стихіи Нордманна, Славянина, Грека, Монгола; ей слѣдовало развиться въ срединѣ, не на краю того пространства, которое заняла потомъ *Россія*. Край западный слишкомъ приблизилъ-бы ее къ западной Европѣ; край восточный къ Азіи (8). Она

(7) Ист Р. Н. т. IV, стр. 164.

(8) Языкъ, нравы, одежда южныхъ Галичанъ и Волынцевъ сдѣлали ихъ болѣе похожими на Поляковъ, нежели на Рускихъ, даже при Даніилѣ и Львѣ. Впослѣдствіи, Волынцы и Галичане не узнавали въ сѣверномъ Руссѣ своего родича. Какое сильное вліяніе Востока отзывается, напротивъ, въ вольныхъ ордахъ

долженствовала прислониться къ сѣвернымъ льдамъ, только облокотиться потомъ на Уралъ и Карпатъ, и стать среди народовъ Азіи и Европы. Не опираясь еще смѣло на мечъ, новая жизнь Руси долженствовала состоять въ грубой страсти властолюбія, купленнаго цѣною рабства; ей надлежало хитрить передъ своимъ властителемъ, угнѣтать подвластнаго, не щадить добра и доблести, и — посмотрите на рядъ ея представителей: это совсѣмъ не Даніилы, не Гедимины, не Мстиславы Удалые! Они не думаютъ о самобытности отчизны, о чести народной; они рабствуютъ, крамольничаютъ, покупаютъ золото притѣсненіемъ Новгорода и безчеловѣчными пошлинами и продажами; золотомъ покупаютъ онъ кровь ближняго; кровью ближняго покупаютъ владычество ...

Какой кровавый рядъ главныхъ представителей Руси, и какъ исчезаетъ при немъ все, что только осмѣливается хотя немного доблествовать! *Андрей* Ярославичъ, *Даніилъ* Романовичъ, *Димитрій* Александровичъ, *Михаилъ* Ярославичъ, *Александръ* Михайловичъ, едва покушаются дохнуть свободно—гибнутъ! Андрей осмѣливается подумать о непокорности Монголамъ, Даніилъ

Донскихъ и Уральскихъ Казаковъ! Сравните ихъ съ Малороссійскими, гдѣ преимуществовали Западъ и Польша.

укрѣпить противъ нихъ города Волынскіе, Димитрій не согласиться на исчисленіе данниковъ въ Новгородѣ, Михаилъ защитить права свои сопротивленіемъ при Бортновѣ, Александръ умертвить наглаго притѣснителя Твери, и — Переяславль въ пеплѣ, Андрей какъ безпріютный бѣглецъ укрывается на чужбинѣ; кроткій отецъ страшно наказываетъ Димитрія и его сообщниковъ; Бурондай жжетъ города Волынскіе; Михаила и Александра гонятъ отвсюду, предаютъ, терзаютъ въ Ордѣ! Едва Новгородъ осмѣливается стать грудью противъ своихъ притѣснителей — Михаилъ Ярославичъ, дотолѣ великодушный защитникъ гонимыхъ, потомъ безстрашный мученикъ, губитъ дружины вольнаго города; едва Псковъ дерзаетъ защитить бѣглеца Александра — все противъ него: ему грозятъ, его воюютъ — даже его проклинаетъ Церковь! Будетъ еще время для доблести, для подвиговъ: теперь нѣтъ имъ мѣста. Теперь показывайте великодушіе свое, Князья Черниговскіе, Тверскіе, Стародубскіе, Новосильскіе, Курскіе, Рязанскіе, Брянскіе, только въ мученическомъ терпѣніи! Теперь еще время не ваше: современники видятъ благодѣтелей въ такихъ только Князьяхъ, которые, какъ Глѣбъ Ростовскій, женятся на поганыхъ Татаркахъ; какъ Ѳеодоръ Ярославскій, умѣютъ крамольничать; какъ Андрей Городецкій и Георгій Московскій, губятъ родныхъ для властолюбія;

какъ Даніилъ Московскій, пользующося бѣдствіемъ ближнихъ; какъ Олегъ Курскій, Іоаннъ Коротополъ, Святославъ Брянскій, безчеловѣчно рѣжущъ брашьевъ; какъ Іоаннъ Калиша дѣйствуюшъ скрышною клевешою. . . .

И все во благо! *Ярославъ Всеволодовичъ*, брашъ его *Святославъ* Всеволодовичъ, дѣши: *Александръ* Ярославичъ, *Ярославъ* Ярославичъ, *Василій* Ярославичъ, въ шеченіе первыхъ 20-ши лѣшъ Монгольскаго ига шолько рабсшвуюшъ, и уравниваюшъ повсюду рабсшво. Сама Религія Хрисшіанская идешъ поклонишься въ Орду, довольная шѣмъ, что ей осшавили униженное бышіе въ лицѣ духовныхъ владыкъ. Орда не мыслишъ о будущносши бѣдной Руси; она кипишъ, волнуешся смяшеніями. — Но вошъ другое поколѣніе: пользуясь волненіями Орды, *Димитрій Александровичъ* споришъ съ дядею, усшупаешъ, и власшвуешъ; брашъ *Андрей* споришъ съ нимъ самимъ, и чешырекрашная перемѣна успѣховъ и неудачь между двумя брашьями-врагами, переходы Великокняжесшва, съ 1237 года, изъ Владиміра въ Тверь, Косшрому, Переяславль, производяшъ возсшаніе самобышносши Твери, Ярославля, Суздаля, Косшромы, наконецъ *Москвы*, гдѣ *младшій братъ* Димишрія и Андрея, *Даніилъ*, скрываешъ свое упрямое чесшолюбіе, пока умираешъ Димишрій и слабѣешъ Андрей. Даніилъ передаешъ пошомъ замыслы своимъ дѣ-

тямъ. *Старшій* изъ нихъ, дерзкій, свирѣпый *Георгій* Даніиловичъ, представитель *старшаго* рода Александрова (хотя и отъ младшей линіи) смѣло возстаетъ на потомковъ *втораго рода*, Ярославова (9); *Москва* становится противъ *Твери*, при безмолвіи другихъ поколѣній (отъ Василія, Константина, Андрея Ярославичей (10). Роды *Константина* и *Святослава Всеволодовичей* уже отвыкли тогда во все отъ мысли о Великомъ Княжествѣ (11). Другіе: *Смоленскій*, *Галицкій*, *Рязанскій*, были удалены, или ничтожны. Борьба поколѣній Александра и Ярослава была кровава, свирѣпа, продолжительна — рѣшилась въ пользу Москвы, и безвозвратно отдала Великое Княжество въ родъ младшаго внука Александрова — *Іоанна Даніиловича Калиты* (12). Ослѣпленная, распадающаяся Орда еще не предвидитъ бѣды, еще не замѣчаетъ, что уважая *Религію* Руссовъ, она сохранила для нихъ не гибнущій элементъ духовной жизни; что оставляя имъ *слово*, помогая суетнымъ раздорамъ Князей Русскихъ, сохранила для Руси политическое бытіе. Она не знаетъ, что *внукъ Калиты*, губителя родныхъ, щедраго поклонника

---

(9) Ист. Р. Н. Т. IV, глава 4.

(10) т. е. Князей Костромскихъ и Суздальскихъ.

(11) Князья Ярославскіе, Ростовскіе, Юрьевскіе.

(12) Ист. Р. Н. Т. IV, глава IV и V-я.

Хановъ, обнажитъ уже на Орду мечъ; что *Святитель*, котораго она считаетъ добрымъ слугою своимъ, одушевитъ сего внука на святую брань... Но, что̀ предвидитъ слѣпота человѣческая въ тайнахъ будущаго!

Все это дѣятельно укрѣплялось, какъ мы выше сказали, притѣсненіемъ и гоненіемъ на Новгородъ. Безспорно: Москву должно почесть колыбелью возрожденія Руси; но ее возлелѣяла въ пеленахъ *Новгородская* воля. Разсмотрите, что̀ дѣлалъ каждый Князь, рѣшительно каждый: Александръ, Ярославъ, Василій, Димитрій, Андрей, Михаилъ, Георгій, Іоаннъ—лишь только пріобрѣталъ Великокняжество? Ссорился съ Новгородцами, притѣснялъ ихъ, заставлялъ Вѣче вольнаго города волноваться, защищать себя золотомъ, уступкою, упорствомъ, мечемъ. Новгороду надлежало наконецъ пасть въ неравной битвѣ, но пасть тогда только, когда Москва—представитель новаго періода въ Исторіи народа Русскаго—побѣдитъ Монгола, и перестанетъ бояться Литовца (13). И для сего надлежало родиться въ Москвѣ человѣку, выше Калиты умомъ и духомъ: *Іоаннъ III-й* такъ-же превышалъ *Іоанна Калиту*, какъ превышала Москва его времени, укрѣпленная Си-

(13) Ист. Р. Н. т. IV, глава V.

меономъ, Димитріемъ, и двумя Василіями, Москву временъ Калиты.

Повѣствованіе наше будетъ отселѣ увлекательнѣе для вниманія: его начнутъ освѣщать сильные характеры, его возвысятъ событія, далеко превосходящія своимъ объемомъ всѣ мѣлкія происшествія отъ Ярослава Всеволодовича до Калиты. Но начало сихъ характеровъ, сихъ событій, скрывается въ происшествіяхъ Русскихъ далѣе на цѣлый вѣкъ, и предложенное нами разсмотрѣніе *первой половины Монгольскаго періода* доказываетъ, какъ несправедливо осуждаютъ на безсмысліе и ничтожество сіе несчастное время, не видя вѣрной связи его съ предыдущимъ и послѣдующимъ. Не будетъ-ли справедливо, если мы назовемъ Іоанна Калиту первымъ основателемъ, а крамольнаго Андрея Городецкаго первымъ начинателемъ новой жизни Русскаго народа?

Мы заключили повѣствованіе наше кончиною Іоанна Калиты, едва только успѣвшаго унизить Тверь, едва только наложившаго руку на Ярославль и Ростовъ, замышлявшаго низложить Новгородъ своею крѣпкою волею, и обезопасившаго себя отъ Орды. Московскій Кремль, окруженный еще деревянными стѣнами, принялъ въ нѣдра свои останки Іоанна; дѣтямъ передалъ онъ свое небольшое наслѣдіе и свои обширныя начала и предпріятія. Митрополія уже

постоянно основалась въ Москвѣ. Переяславль, Владиміръ, Коломна, Можайскъ, присовокупились къ Москвѣ, прочнымъ образомъ, но все еще они принадлежали ей какъ мѣсто пребыванію *Великаго Князя*. Мы видѣли, что Калита не смѣлъ завѣщать Владиміра и Переяславля дѣтямъ своимъ. Въ Ордѣ царствовалъ Ханъ Узбекъ. Въ *Литвѣ*, раздѣленной на удѣлы, не стало великаго Гедимина.

Все сосредоточивалось теперь для Русскихъ земель въ рѣшеніи одного важнаго вопроса: *кому достанется Великое Княжество*, и въ *Москвѣ-ли* оставаться ему?

Сей вопросъ былъ нерѣшимъ для Руссовъ. Конечно, *Симеонъ Іоанновичъ*, зять Гедимина, сынъ Калиты, въ лучшихъ лѣтахъ юности и надежды, превышавшій другихъ Князей объемомъ владѣній, приближенный къ престолу Великокняжескому умомъ и дѣлами отца, властитель города, гдѣ пребывалъ Митрополитъ, имѣлъ, само по себѣ разумѣется, болѣе вещественныхъ средствъ, былъ издавна ознакомленъ съ Ордою отцомъ, и могъ болѣе другихъ надѣяться. Симеона прозвали *Гордымъ*. Изъ сего заключаемъ о строгомъ, важномъ характерѣ сего Князя, умершаго въ полномъ развитіи жизни (14). Сво-

(14) Прозваніе Симеона сохранилось въ Лѣтописяхъ и Родословныхъ книгахъ.

имъ твердымъ благоразуміемъ, онъ оправдалъ надежды, какія могъ полагать на него отецъ. Но все это не рѣшало вопроса о Великокняжествѣ. Такъ думали два Русскіе Князя: потомокъ другаго поколѣнія Князей Ярославова рода, *Князь Суздальскій Константинъ Васильевичъ*, угнетенный Калитою, и потомокъ третьяго поколѣнія Князей Ярославова рода, *Князь Тверской Константинъ Михайловичъ*, съ юности испытанный несчастіями. Оба сіи Князя имѣли при томъ болѣе правъ и потому, что однимъ колѣномъ были старѣе, дядья Симеона (15).

Симеонъ не хотѣлъ уступать никому. Въ одно время съ нимъ явились къ Узбеку Князь Тверской и Князь Суздальскій. Узбекъ рѣшилъ въ пользу Симеона. Къ чести двухъ его соперниковъ, скажемъ, что они не думали спорить, уступили племяннику, не хотѣли войдти и въ сношенія съ Новгородцами, хотя ссора съ ними, не прекращенная смертію Іоанна, могла подать случай къ крамолѣ. Симеонъ былъ возведенъ на Великокняжескій престолъ въ соборной Владимірской церкви, но онъ остался и по-

---

(15) Константинъ Тверской находился при кончинѣ родителя его въ Ордѣ (См. Ист. Р. Н. т. IV, глава IV). Симеонъ былъ *правнукъ* Александра Невскаго; но Константинъ Суздальскій *внукъ* брата его Андрея, а Константинъ Тверской *внукъ* другаго брата его, Ярослава.

слѣ шого княжишь въ Москвѣ (16). Избраніе его рѣшило конечный перевѣсъ Москвы: все, чѣмъ владѣла Москва, какъ *мѣстопребываніе Великаго Князя*, укрѣпилось для нея двѣнадцашилѣшнимъ правленіемъ Симеона. Привыкли видѣшь Владиміръ и Переяславль за Москвою, привыкли видѣшь въ Москвѣ Великаго Князя, а привычка въ дѣлахъ государсшвенныхъ иногда важнѣе правъ и усшавовъ.

Симеонъ хошѣлъ покорносши родныхъ брашьевъ: юные Князья, *Іоаннъ* и *Андрей*, были приведены имъ къ ошцовскому гробу въ Архангельскомъ соборѣ, цѣловали кресшъ, при Архимандришахъ и сановникахъ Московскихъ (Тысяцкомъ и Окольничихъ), клялись: признавашь Великаго Князя сшарѣйшимъ, какъ ошца; бышь съ нимъ за одинъ; дружишься съ его друзьями, враждовашь съ его врагами; взаимно, не заключашь договоровъ безъ общаго согласія, ни ему, ни имъ; не слушашь смушниковъ, блюсши другъ другу свои особенные Удѣлы, при жизни и по смерши одного кошораго либо изъ брашьевъ; не лишашь Бояръ свободы переходишь ошъ одного Князя къ другому. Но брашья Симеона обязались не принимашь къ себѣ какого-шо знашнаго крамольника *Алексѣя Петровича* (вѣроятно Тысяцкаго Московскаго), на кошораго Симеонъ

---

(16) Исш. Г. Р. Т. IV, прим. 331.

возвергъ гнѣвъ, и у котораго отнялъ онъ помѣстья. За то Вел. Князь далъ братьямъ участки изъ отнятаго у Алексѣя Петровича имѣнія. Обѣщаясь воевать за одно съ Симеономъ, братья уступали ему при старшинствѣ разные доходы, а Симеонъ отдалъ имъ за то *поль-тамги* Московской, дѣля, за симъ исключеніемъ, поровну, на трое, всѣ Московскіе доходы (17).

Утвердивъ союзъ съ братьями, Симеонъ, первый изъ Князей Русскихъ, назвался *Великимъ Княземъ всея Руссіи* (18), и немедленно хотѣлъ показать твердость характера своего Новгороду. Не ссылаясь съ непокорнымъ Вѣчемъ, онъ

---

(17) *Собр. Гос. граматъ*, т. I, № 23 й. Договоръ Симеона есть древнѣйшій изъ извѣстныхъ доселѣ актовъ государственныхъ, писанныхъ на *бумагѣ*. *Алексѣй Петровичъ*, Тысяцкій Московскій, былъ неизвѣстно кѣмъ убитъ въ 1357 году, т. е. черезъ 4 года послѣ кончины Симеона, и убитъ, вѣроятно, по волѣ Великаго Князя (*Троицк. Лѣт.* Истор. Г. Р. т. IV, прим. 381). Великіе Князья постоянно старались уничтожать сей важный санъ; Алексій Петровичъ могъ сдѣлаться опаснымъ при слабомъ Іоаннѣ, хотя и не имѣлъ уже сего сана. Въ договорѣ Симеона упоминается Тысяцкій Василій — вѣроятно: *Васильевичъ Вельяминовъ*; онъ скончался въ 1374 г., и съ нимъ уничтожилось званіе *Тысяцкихъ Московскихъ*.

(18) На печати, приложенной къ его завѣщанію, находится сей титулъ.

послалъ намѣстниковъ въ Торжекъ, и собралъ тамъ большую дань съ жителей. Торжковцы просили помощи Новгорода. Пославъ сказать Симеону: «Ты не *усѣдѣлъ* еще на княженіи у насъ, а уже посылаешь Бояръ своихъ своевольничать,» Новгородцы прислали въ Торжекъ воеводъ Новгородскихъ. Намѣстники Симеоновы были схвачены, скованы, брошены въ тюрьмы, съ женами ихъ и съ дѣтьми. Симеонъ велѣлъ сбирать войско. Испуганные Торжковцы молили Новгородъ прислать на защиту ихъ дружины. Сѣтуя, можетъ быть, въ то время на великомъ пожарищѣ своемъ, Новгородцы не захотѣли *сѣсть на конь* (19). Симеонъ двинулся съ войскомъ. Спасая себя, Торжковцы возстали на своихъ собственныхъ Бояръ, разграбили ихъ домы, даже убили одного изъ нихъ, Симеона Внучка, собрали народное вѣче, насильно вывели изъ тюрьмы намѣстниковъ Московскихъ и прогнали Бояръ Новгородскихъ. Великій Князь встрѣченъ былъ въ Торжкѣ покорно и ласково. Новгородцы опомнились, стали собирать дружины, но, готовясь къ войнѣ, прислали Владыку Василія и Тысяцкаго просить мира. Симеонъ согласился, взялъ 1000 рублей за Торжковскій сборъ, и признанъ былъ Новгородцами, оставивъ

---

(19) О пожарѣ см. далѣе.—*Новг. Лѣт.* годъ 1340-й.

имъ всѣ прежнія льготы ихъ, по старымъ грамотамъ (20).

Важныя вѣсти были получены изъ Орды: Узбекъ умеръ въ 1341 году. Сынъ его, *Тинбекъ*, принялъ владычество надъ Ордою (21). Надобно было поспѣшить къ новому властителю. Но вскорѣ узнали о событіи ужасномъ: *Чанибекъ*, третій сынъ Узбека, умертвилъ новаго Хана, брата своего, убилъ другаго брата, Хидырбега, и сѣлъ на окровавленномъ ихъ наслѣдіи (22). Къ нему явились съ покорностію Симеонъ, Князья Константинъ Тверской, Константинъ Суздальскій, и Василій Ярославскій—главные властители Руси. Чанибекъ принялъ челобитье ихъ милостиво. Симеонъ и Князья скоро возвратились во свояси. Гораздо труднѣе было отдѣлаться отъ новаго Хана Митрополиту Ѳеогносту: съ него требовали неслыханной, тяжкой дани. Ѳеогностъ не соглашался, готовъ былъ претерпѣть мученія, и кончилъ наконецъ единовременнымъ платежемъ 600 рублей. Кажется, что жена Чанибека, Тайдула, уговорила своего мужа. Она выдала Митрополиту отъ себя грамату, въ подкрѣпленіе Ханской, говоря въ

(20) Новг. Лѣт. 1340 годъ; Строевск. I, 324.

(21) *Троицк. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. IV, прим. 334.

(22) По Френу, Чанибекъ — *Джелаль-Эддинъ Махмудъ Джани-Бекъ Ханъ.*

ней, что «съ людей, которые отъ давнихъ, добрыхъ временъ зовутся *богомольцы,* и составляютъ поповскій чинъ, никакой подати брать не надобно. (23).» Черезъ годъ Симеонъ снова отправился въ Орду (1344 г.), съ братьями и другими Князьями. Они возвратились *пожалованные Богомъ и Царемъ,* превозносили кротость и милосердіе братоубійцы Чанибека, и называли его *добрымъ* (24).

Симеонъ праздновалъ, по возвращеніи въ Москву, вторую свадьбу свою; дочь Гедиминова умерла, постригшись въ тяжкой болѣзни своей, и принявъ схиму передъ кончиною. Симеонъ сосватался на дочери одного изъ Смоленскихъ Князей; но невѣсту, Княжну Евпраксію, *испортили* на свадьбѣ: она казалась супругу своему мертвецомъ, и была отослана обратно. Къ великому соблазну современниковъ, Евпраксія вышла потомъ за Князя Ѳоминскаго, а Симеонъ же-

(23) *Стр. Лѣт.* г. 1343-й; Тайдула, какъ вторая Биракана, жена Батыева, или Монгольскія царицы Гуракина и Таймышъ, самовластно управляла Золотою Ордою при мужѣ, и послѣ него, соединясь съ его убійцами. Ярлыкъ ея, см. Собр. Гос. грамать, т. II, N° 9. «Ѳеогноста Митрополита Царь пожаловалъ» — говоритъ Тайдула—«съ алою тамгою ярлыкъ далъ, и мы первыхъ ярлыковъ *не изынота,* такожъ молвя, съ грамату дали... Заячьяго лѣта, Арама *мишенемб* мѣсяца, въ 8-й нова» (новолунія).

(24) Ист. Г. Р. т. IV, прим. 373, 384.

нился на дочери несчастнаго Александра Тверскаго, Маріи. Бояринъ его, Андрей Кобыла, родоначальникъ знаменитаго дома Романовыхъ, ѣздилъ за Княжною въ Тверь (1347 г.). Кажется, что при поѣздкѣ своей въ Орду, Симеонъ успѣлъ услужить новымъ своимъ родственникамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ еще болѣе обезопасить Москву отъ Твери. Константинъ и Василій не хотѣли дать удѣла Всеволоду, сыну Александра; Константинъ поѣхалъ даже жаловаться на него въ Орду, и тамъ скончался (1346 г.). Всеволодъ, бывшій тогда въ Ордѣ, получилъ отъ Хана грамату на Тверь, встрѣтилъ на дорогѣ дядю Василія, ѣхавшаго къ Хану, и ограбилъ его. Ссора усиливалась. Наконецъ уговорили Всеволода отдать Тверь дядѣ, и взять Холмъ. Братъ его Михаилъ имѣлъ удѣломъ область Микулинскую (25).

---

(25) Анастасія умерла въ 1345 г., и погребена въ Преображенскомъ соборѣ, въ Кремлѣ.—Объ Евпраксіи: «Великую Княгиню на свадьбѣ испортили: ляжетъ съ Великимъ Княземъ, и она ему покажется мертвецомъ.» Князья Ѳоминскіе были Удѣльные отъ Смоленскихъ. — Отъ *Андрея Кобылы* произошли многіе роды знаменитые; но главнѣйше —родъ Анастасіи, супруги Іоанна Грознаго. *Ѳеодоръ Кошка*, сынъ Андрея Кобылы, былъ однимъ изъ главныхъ вельможъ при Димитріи и Василіи Димитріевичѣ. Сынъ его *Ѳеодоръ* считался родоначальникомъ Голтяевыхъ, из-

Симеонъ честно держалъ договоры съ Новгородомъ, не тѣснилъ горожанъ его, не требовалъ новыхъ даней и продажъ, но и не сближался съ вольнымъ городомъ: казалось, небрегъ имъ. Онъ и не ѣхалъ въ Новгородъ—не потому-ли, что хотѣлъ показать необходимость свою Новгородцамъ, и заставлялъ себя упрашивать, дѣлая черезъ то отношенія свои важнѣе въ глазахъ Новгородцевъ? Въ 1346 г. Владыка Василій пріѣзжалъ въ Москву нарочно, просить Князя и Митрополита пожаловать въ Новгородъ. Оба гостя охотно пріѣхали, жили въ Новгородѣ три недѣли, были угощаемы; въ знакъ благоволенія ихъ, Владыкѣ Новгородскому подарены были тогда *крещатыя ризы* (26). Но и

вѣстныхъ при Василіи Темномъ; отъ другаго сына его, *Ивана*, и внука *Захаріи*, произошли *Захарьины*, славные при Іоаннѣ III-мъ; внучата Захаріи, по отцу своему Юрію, приняли названіе *Юрьевыхъ*; одинъ изъ сыновей Юрія былъ *Романъ*; дѣти его назывались *Романовыми*; Анастасія была дочь сего Романа Юрьевича, а сынъ *Никита* имѣлъ шесть сыновъ, изъ коихъ старшій былъ знаменитый Ѳеодоръ Никитичъ, *Митрополитъ Филаретъ*, отецъ Царя Михаила Ѳеодоровича. — О Твери, см. Ист. Г. Р. т. IV, прим. 369.

(26) Новг. Лѣт. годъ 1346-й. — Крещатыя ризы, *Полиставрій, или* святительскій фелонъ изъ матеріи, съ крестами.

номомъ продолжилось мнимое невниманіе Симеона къ Новгородцамъ. Также поступалъ онъ и въ отношеніи къ новому Литовскому Князю, Олгерду. Послѣднее казалось непонятно.

Еще въ 1341 году, сей знаменитый сынъ Гедимина, княжа въ Витебскѣ, вздумалъ осадить Можайскъ: причины неизвѣстны; Москва молчала. Олгердъ вскорѣ оставилъ осаду, и въ 1342 году вмѣшался въ ссору Пскова съ Ѳстляндіею и съ Новгородомъ. Послы Псковскіе были убиты въ землѣ Эстонской. Псковитяне мстили за то опустошеніемъ около Нарвы, предводимые бывшимъ тогда у нихъ Княземъ Александромъ, и Изборскимъ Евстафіемъ. Но Всеволодъ оставилъ ихъ, и Псковитяне просили помощи Новгорода, слыша о сильномъ сборѣ Нѣмцевъ. «Идетъ на насъ рать Нѣмецкая *дополна;* кланяемся вамъ, господамъ своимъ, оборонипе насъ» — говорили Псковскіе Послы на Вѣчѣ. Новгородцы вступились за братьевъ; бросили свои общественныя дѣла нерѣшенными; многіе поѣхали въ самую Страстную Субботу, забывъ о Свѣтломъ праздникѣ. На дорогѣ встрѣтили ихъ новыя рѣчи Псковитянъ: «Кланяемся вамъ, господамъ своимъ; войны съ Нѣмцами у насъ нѣтъ; пришла было рать Нѣмецкая, но она не воюетъ, а мирно ставитъ новый городокъ на своей землѣ.» Новгородцы съ досадою воротились, и съ негодованіемъ услышали, что

Псковичи обманули ихъ, *передались Литвѣ*, и сами выпроводили Князя Александра изъ Пскова. Можетъ быть, Псковитяне думали, что имъ легче имѣть *своего Князя на свободѣ*, нежели зависѣть отъ горделиваго Новгорода. Олгердъ согласился оставить у нихъ сына своего, и самъ пріѣхалъ защищать Псковъ, съ дружинами, которыхъ Псковитяне боялись однакожъ не менѣе Нѣмцевъ. Рыцари Эстонскіе обманули Олгерда: перерѣзали одинъ изъ отрядовъ Литовскихъ, и осадили Изборскъ. Съ трудомъ отбился отъ нихъ Евстафій. Олгердъ не слушалъ уговоровъ Псковитянъ, не хотѣлъ самъ креститься (онъ былъ уже опять язычникомъ въ это время), плохо помогалъ Псковитянамъ, и надѣлавъ болѣе убытка, нежели пользы, спѣшилъ уйдти во свояси. Псковитяне приняли однакожъ сына его, въ крещеніи названнаго Андреемъ. Но сей Князь скоро оставилъ Псковъ, и отправился въ Литовскій удѣлъ свой, Полоцкъ. Псковитяне узнали, что имъ надежнѣе уповать на Св. Троицу, молитвы святыхъ Псковскихъ Всеволода и Довмонта, и помощь единовѣрныхъ. Война съ Нѣмцами продолжалась и въ 1343 году: Евстафій и Псковичи безъ отдыха опустошали Эстонію, и однажды не сходили съ коней въ продолженіе пяти сутокъ. Близъ Нейгаузена, на обратномъ пути, нагнали ихъ посланные въ погоню отряды Рыцарей. Не смотря на утомле-

ніе, Псковичи рѣшились биться, молили тѣнь Довмонта защитить ихъ, и припоминали слова его: «Братья Псковичи! не посрамимъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ! Кто старъ, тотъ отецъ, кто молодъ, тотъ братъ — потягнемъ за Св. Троицу и за свое отчество.» Взаимно простясь другъ съ другомъ, напомнивъ себѣ, что бьются въ самый Троицынъ день (1 Іюня), бросились они въ битву. Первый *припоръ* Нѣмцы сбили. Тогда какой-то *попъ Рудъ* струсилъ, бѣжалъ, и перепугалъ Псковъ и Изборскъ вѣстію о разбитіи дружинъ, до того, что Псковитяне поспѣшно отправили вѣсть въ Новгородъ, умоляя Новгородцевъ *загонить оборзѣ во Псковъ, прежде Нѣмцевъ*. Но Рудъ ошибся; Нѣмцы были разбиты, и спѣшили мириться, ибо имъ было не до войны: открылось сильное, опасное возмущеніе Эстонцевъ (27).

Трудно было сыскать другую страну, истомленную болѣе Ливоніи и Эстоніи. Кромѣ того, что обѣ сіи земли были позорищемъ грабежа Руских и Литовцевъ, почти безпрерывно дравшихся съ Рыцарями Риги и Ревеля, съ самаго перваго заселенія Рижскаго, въ концѣ XII-то, и Ревельскаго, въ началѣ XIII-го столѣтія, надъ туземцами тяготѣли взаимныя

(27) Новг. Лѣт. г. 1342. — Псковск. Лѣт. (Ист. Г. Р. т. IV, пр. 336, 338).—Стр. Лѣт. I, 325.

ссоры Датчанъ и Нѣмцевъ, своеволіе Духовенства, деспотизмъ Рыцарей, корыстолюбіе иностранныхъ торговцевъ. Сражавшіеся въ рядахъ своихъ повелителей, покорные волѣ ихъ во всемъ, платившіе жизнію и имѣніемъ за каждую ссору ихъ, ибо месть непріятелей состояла въ опустошеніи жилищъ Эстонскихъ, а Рыцари отсиживались въ это время въ своихъ городахъ и замкахъ, Эстонцы въ тоже время почти не были почитаемы за людей отъ своихъ безчеловѣчныхъ повелителей. Ихъ грабили, били, вѣшали безотчетно, кто могъ и хотѣлъ. «Да,» говоритъ лѣтописецъ Ливонскій, «Лифляндію и Эстляндію въ XIV вѣкѣ можно было назвать небомъ дворянъ, раемъ поповъ, золотымъ дномъ чужеземцевъ и адомъ поселянъ. Чѣмъ счастливѣе были Нѣмцы во всѣхъ состояніяхъ, тѣмъ несчастнѣе были Эстонскіе поселяне. Повелители *трактовали* ихъ так не по-Христіански, что одинъ изъ Историковъ справедливо называлъ житье бѣдныхъ Эстонцевъ хуже собачьяго.» Мы уже видѣли, что въ 1223 году Эстонцы бунтовали, дрались, и заняли города Рыцарей. Наказанные жестоко, они страдали потомъ безмолвно болѣе 100 лѣтъ. Въ 1343 году терпѣніе Эстонцевъ снова истощилось: они составили заговоръ, и ночью, на Юрьевъ день, перерѣзаны были Нѣмцы въ Гаррійскомъ округѣ; возстаніе сдѣлалось общимъ; толпы Эстон-

цевъ осадили Ревель. Бунтовщики уступили только послѣ гибельнаго истребленія, и отчаянной драки, продолжавшейся около двухъ лѣтъ. Рыцари помогали Датчанамъ усмирять, или лучше сказать истреблять Эстонцевъ, и Королю Датскому такъ надоѣло кровопролитіе, что онъ согласился *продать* Эстляндію, кстати нуждаясь въ это время въ деньгахъ, для путешествія въ Іерусалимъ. Въ Ивановъ день 1347 г. заключили съ нимъ Рыцари условіе, и Король передалъ имъ Эстляндію на вѣки, съ городами *Ревелемъ*, *Нарвою*, *Везенбергомъ* (Колыванью), Ругодевомъ и Раковоромъ), съ Гаррійскою, Вирландскою и Аллентакенскою провинціями, получивъ за то 19,000 марокъ чистаго серебра (28).

(28) Для соображенія прежнихъ событій въ Ливоніи, см. *Ист. Р. Н.* т. III, стр. 123, 214, 281, 314. — Кельхъ, стр. 114—121. Онъ прилагаетъ къ Ливоніи XIV-го вѣка извѣстную поговорку о современной ему Польшѣ: Cœlum Nobilium, Paradysus Clericorum, Aurifodina Advenarum et Infernus Rusticorum, и продолжаетъ: Denn wie gross der Teutschen Glückseligkeit in allen Ständen, so gross und noch viel grösser war das Elend des armen Baurvolks, und wurden selbe von ihrer Herrschafft so unchristlich *tractiret*, das auch der bekannte Geschichtschreiber Crantzius saget: Unsere Hunde in Wahrheit, wurden besser gehalten, als diese elende Leute, и проч.

Олгердъ оставилъ безъ помощи Псковитянъ, и не трогалъ Руси—не даромъ; онъ былъ занятъ важнѣйшимъ дѣломъ. Согласясь предварительно съ братомъ своимъ Кестутомъ, Олгердъ нечаянно напалъ на Евнутія и Наримантa; едва успѣли спастись бѣгствомъ тотъ и другой Князь, одинъ въ Москву, другой къ Монголамъ. Остальные братья покорились Олгерду, и съ 1345 года онъ началъ самовластно править Литвою, называясь *Великимъ Княземъ Литовскимъ*, и выставляя въ поле сильныя свои ополченія. Нѣмецкіе Рыцари и Польша были встревожены симъ новымъ, могущимъ врагомъ. Въ 1346 году, Олгердъ явился съ войскомъ своимъ въ Шелонской области, ограбилъ селенія, и взялъ окупъ съ Порхова и Опоки, приказавъ сказать Новгородцамъ о замысловатой причинѣ войны: «Мщу вамъ за то, что Посадникъ вашъ Евстафій *облаялъ меня, и назвалъ собакою* (29)!

Новгородъ былъ тогда въ большомъ горѣ. Кромѣ холодной пріязни Симеона, кромѣ войны, угрожавшей со стороны Швеціи, ихъ устрашили новые пожары. Послѣ бѣдственнаго опустошенія въ пожарѣ 1340 года, Новгородцы такъ ужаснулись другаго сильнаго пожара на Даниславовой улицѣ, что жители оставили домы, и

---

(29) Даниловичъ, *стр.* 168.—Новг. Лѣт. г. *стр.* 615.

жили нѣсколько времени на поляхъ, а Владыка Василій, желая ободрить народъ, установилъ постъ и крестные ходы (30). Нашествіе Олгерда казалось новою, нежданною напастью. Новгородцы вышли однакожъ къ Лугѣ; но между тѣмъ на Вѣчѣ, въ сильномъ народномъ смятеніи, убили несчастнаго Посадника Евстафія, вопія, что за него гибнутъ Новгородскія волости (31). Олгердъ неожиданно обратился то-

(30) *Нове. Лѣт.* «Людіе боящеся, не смѣяху въ городѣ жити; иніи по рли живяху, а иніи по берегу въ учанехъ; и бѣ видѣти весь градъ движащься, и бѣгаша по недѣлѣ и болѣе, и много пакости бысть людемъ, и убытка отъ лихихъ людей, иже Бога не боятся. Владыка-же, съ игумены и съ попы, замысли постъ, и хождаху съ кресты по монастырямъ, и по инымъ церквамъ,» и проч.

(31) Разумѣется, что буйная толпа народная убила Евстафія въ смятеніи Вѣча, какъ это бывало нерѣдко, и прежде и послѣ. Карамзину весьма не понравилось такое дѣло. Онъ говоритъ: «Посадникъ имѣлъ враговъ между согражданами, утверждавшихъ, что безразсудно лить кровь многихъ за нескромность одного чиновника; что лучше принести его въ жертву отечеству, и тѣмъ удовольствовать раздраженнаго Олгерда. Другіе, уже будучи въ походѣ, согласились съ ними, и возвратясь съ пути, умертвили Евстафія на Вѣчѣ. Сіе дѣло, противное народной чести, противное всѣмъ законамъ, есть одно изъ постыднѣйшихъ въ Исторіи Новгородской, буде Лѣтописцы не скрыли нѣкоторыхъ обстоятельствъ, уменьшающихъ его

гда въ *Литву*, гдѣ Нѣмцы грозили ему нападеніемъ. Едва прошла буря со стороны Литвы, Новгородцы услышали о приходѣ Шведскаго Короля Магнуса: его не называлъ собакою Новгородскій Посадникъ, но требованія Магнуса были еще страннѣе Олгердова.

Магнусъ вздумалъ обратить Новгородцевъ въ *истинную вѣру*. Онъ собралъ войско, взялъ на расходы даже церковныя деньги, нанялъ Нѣмцевъ, Датчанъ, не слушалъ упрековъ своего Духовенства, жалобъ народа, предвѣщаній Бригитты, слывшей у Шведовъ пророчицею, и приплылъ съ войскомъ къ Березовымъ островамъ. Подтвердивъ въ 1338 г. мирный договоръ съ Шведами, Новгородцы не понимали причинъ Шведскаго нашествія. Магнусъ крестилъ между тѣмъ дикарей Финляндскихъ, указывая имъ на купѣль и петлю, и заставляя ихъ, или спасаться въ купѣли, или лѣзть на висѣлицу. «Пришлите ко мнѣ на съѣздъ своихъ Философовъ» — сказали наконецъ послы его на Новгородскомъ Вѣчѣ — «а я представлю своихъ. Пусть поговорятъ и рѣшатъ они, чья вѣра лучше. Если ваша, то я приму ее; если наша, то вы примите ее, и *будемъ едино стадо*. Не хотите — я иду воевать вашу землю!» Владыка

гнусность.») (Ист. Г. Р. т. IV, 260). Но какъ можно обвинять цѣлый народъ за своевольство нѣсколькихъ бунтовщиковъ?

Василій, Посадникъ, Вѣче, долго думали, и послали Тысяцкаго Абрама и другихъ Пословъ сказать Магнусу: «Нѣтъ-ли у тебя другой какой нибудь обиды, что ты идешь войною; если есть, то мы пріѣхали рѣшить ее дружелюбно. Но о вѣрѣ спорить не хотимъ. Мы приняли вѣру отъ Грековъ. Хочешь узнать, чья вѣра лучше, пошли къ Патріарху Греческому, въ Царьградъ.» — Никакой обиды отъ васъ не видалъ я — отвѣчалъ Магнусъ Посламъ—но если вы не хотите состязаться о вѣрѣ, признайте-же мою безъ отговорокъ. Иначе иду на васъ со всею моею силою.»— Онъ двинулся къ Орѣхову. Новгородцы, съ Посадникомъ, отрядами Псковичей, Торжковцевъ, и своими дружинами, спѣшили защитить Ладогу, и послали въ Москву звать Симеона, *боронить свою отчину*. «Радъ, иду»— отвѣчалъ Симеонъ, пошелъ, воротился отъ Торжка, и послалъ только брата Іоанна, но велѣлъ ему медлить и смотрѣть на обстоятельства. Магнусъ взялъ между тѣмъ Орѣховъ, въ началѣ Августа, и воротился назадъ, услышавъ о сборѣ Новгородцевъ. Легкій отрядъ Новгородскій, подъ предводительствомъ удалаго Онисифора Лукина, мстилъ Магнусу разбитіемъ его отрядовъ, и казнилъ измѣнниковъ Корельскихъ. Іоаннъ явился наконецъ въ Новгородѣ съ Москвичами, но узналъ объ уходѣ Магнуса и обратилъ дружины назадъ. Новгородцы

оскорблялись тѣмъ, что онъ *не слушалъ Новогородскаго челобитья, не принялъ и благословенія владыкня* (32). Какъ будто въ укоръ Великому Князю, Новгородъ заключилъ немедленно союзный договоръ со Псковомъ. Положили: считать Псковъ независимымъ отъ Новгорода, *равнымъ ему вольнымъ городомъ, младшимъ братомъ;* не править его намѣстниками Новгородскими; Намѣстникомъ Владыки во Псковѣ быть Псковитянину; не звать Псковитянъ на Вѣчѣ ни *Дворянами*, ни *Подвойскими*, ни *Софіянами*, ни *Извѣтниками*, ни *Бирючами*, но *Послами*,

---

(32) Онисифоръ, *или Анцыфоръ*, былъ извѣстенъ уже въ Новгородѣ своею удалью. Въ 1342 г., онъ, и отецъ его Лука, своевольно набрали себѣ шайку товарищей, воевали Заволочье, и поставили тамъ городокъ Орлецъ. Онисифоръ грабилъ берега Ваги, когда Луку измѣннически убили въ Орлецѣ. Чернь Новгородская приписала смерть его умыслу Посадниковъ Андрея и Ѳеодора, разграбила ихъ домы, и принудила ихъ самихъ бѣжать въ Копорье. Онисифоръ явился въ Новгородъ съ обвиненіемъ. Андрей и Ѳеодоръ, вызванные къ суду, собрали Вѣче на Ярославовомъ дворѣ, пока Онисифоръ пересылался съ ними съ Софійскаго Вѣча. Товарищи его бросились на Ярославовъ дворъ, но были прогнаны. На другой день взволновался весь городъ. Владыка и Великокняжескій Намѣстникъ едва успѣли помирить чернь, защищавшую Онисифора, и аристократовъ, заступившихся за Посадниковъ (*Новг. Лѣт.* годъ 1342-й).

какъ вольный городъ равный Новгороду (33). Обрадованные Псковичи охотно пошли послѣ сего съ Новгородцами освобождать Орѣховъ, котораго Новгородъ не хотѣлъ оставить во власти Магнуса. Къ прискорбію союзниковъ, Псковскія дружины должны были отъ Орѣхова поспѣшить домой, гдѣ Рыцари, управясь между тѣмъ съ Эстонцами, начали грабежи, и хотѣли захватить Изборскъ. Псковитяне мстили имъ (въ 1349 г.) взятіемъ новаго городка ихъ. Новгородцы оставались одни, но приступили къ Орѣхову смѣло, стояли отъ Августа до Великаго поста, устроили костры, позвали благословить ихъ Владыку Василія, взяли Орѣховъ на самый праздникъ Обрѣтенія главы Предтечи, и перерѣзали Шведовъ (34). Они приступили на другой годъ (1350) къ Выборгу; дружины ихъ ходили грабить даже въ Норвегію. Магнусъ не помышлялъ уже объ обращеніи Новгородцевъ при внутреннихъ раздорахъ и бѣдствіяхъ Швеціи, не слушалъ Папы, и миръ съ Новгородомъ заключили снова. Память о походѣ Магнуса осталась надолго въ Новгородѣ, украшенная поэтическими вымыслами. Преданіе говорило, будто онъ былъ наказанъ безуміемъ

(33) Пск. и Рост. Лѣт. (Карамзинъ, IV, пр. 345).— Типогр. Лѣт. стр. 91.

(34) Новг. Лѣт.

за покушеніе на Православную вѣру, посаженъ на цѣпь, освобожденъ сыномъ, но видя что язва, голодъ, наводненіе, междоусобіе, терзаютъ Швецію, бѣжалъ къ Норвежцамъ; что корабль его разбило на морѣ, и онъ, на доскѣ, принесенъ былъ къ пустынѣ Валаамской, тамъ постригся, умеръ, и завѣщалъ потомкамъ: никогда не наступать на Русь, «ибо намъ не пособляется; и кто настунитъ, на того Богъ, и огнь, и вода, имъ-же «я казнился. Благодарю Бога, что все это обра«тилось къ моему спасенію.» Близъ Валаамской обители донынѣ показываютъ мнимую могилу Магнуса (35).—Онисифоръ, отличившійся въ Орѣховской войнѣ, былъ избранъ Посадникомъ, и жестоко мстилъ врагамъ своимъ въ 1351 году: домы ихъ разграбили, самихъ заставили бѣжать. Онисифоръ добровольно отказался отъ Посадничества въ 1354 году.—Вотъ одинъ изъ рѣзкихъ Новгородскихъ характеровъ!

Въ это время Олгердъ дрался съ Польшею за Галичъ и Волынь, и съ Нѣмецкими Рыцарями.—

(35) О походѣ Магнуса, см. Олофа Далина *Шведск. Ист.* (Русск. переводъ, т. II, 607 и слѣд.), и *Нов. Лѣт.* годъ 1348-й и далѣе. *Рукописаніе Магнуса* (явная и нелѣпая выдумка) помѣщено во многихъ Лѣтописяхъ Русскихъ. Валаамская обитель находится на Ладожскомъ озерѣ, на островѣ Валаамѣ. Тамъ, въ кленовой рощѣ, большую насыпь земли донынѣ называютъ *Магнусовою могилою*.

Богъ знаетъ за что! Потерявъ нѣсколько битвъ, онъ употреблялъ хитрости, смирялся, вооружалъ Монголовъ Днѣпровскихъ на Польшу, ссорилъ Рыцарей съ Польшею, и зная набожность Казимира, обѣщалъ ему даже принять Католическую вѣру; Папа уже началъ съ нимъ объ этомъ переписку. Ревность Казимирова къ распространенію Католицизма такъ раздражала православныхъ Галичанъ, что они лучше хотѣли быть во власти Монголовъ, нежели «Короля «Краковскаго, который лестію взялъ землю Во«лынскую, и много зла Христіанамъ сотворилъ, «претворивъ церкви святыя на Латинское бо«гомерзкое служеніе.» Слыша, что Чанибекъ крѣпко властвуетъ въ Ордѣ, Олгердъ, доведенный до крайности, прибѣгнулъ къ пособію Чанибека (36).

Во все это время, Симеонъ не дремалъ въ бездѣйствіи. Соблюдая одинакую политику съ Литвою и Новгородцами, онъ увидѣлъ теперь случай тайно стѣснить опаснаго врага, Князя Литовскаго. Истинный сынъ Калиты, допустивъ Новгородъ тревожиться сварами и биться съ Олгердомъ и Магнусомъ, а Олгерда истомляться въ ссорахъ съ Польшею и Рыцарями, онъ

(36) Нарушевичъ, H. N. P. VI, 108; Новг. Лѣт. годъ 1349-й; Райнальда, Ann. Eccl. 1349 годъ, № 24; Троицк. Лѣт. (Карамз. IV, пр. 349).

лѣниво двинулъ дружины, когда Новгороду грозила опасность отъ Шведовъ, и сдѣлался дѣятельнымъ, когда Чанибекъ могъ поправить дѣла Литвы. Послы Симеона ударили челомъ Хану; доложили, что Олгердъ злодѣй, грабитъ и зоритъ *отчину Симеона, Русь, покорный улусъ великаго Хана.* Чанибекъ не послушалъ Олгерда, и даже выдалъ Симеону пословъ Олгердовыхъ — брата его Коріада, съ спутниками (37). Рѣшась на такое дѣло, оскорбительное для честолюбія Литовскаго Князя, Симеонъ конечно приготовился къ битвѣ. Но Олгердъ не уступалъ въ хитростяхъ Симеону; прежде терпѣлъ онъ, что врагъ его Евнутій, крестившись въ Москвѣ, жилъ тамъ свободно: и теперь не оказалъ никакого гнѣва. Его Послы смиренно явились, напротивъ того, къ Симеону, съ дарами и серебромъ, прося мира. Симеонъ обрадовался. Вскорѣ Олгердъ предложилъ еще болѣе тѣсную дружбу. Бывъ дотолѣ врагомъ вѣры, даже мучителемъ Христіанъ, онъ обѣщалъ отнынѣ покровительствовать православію. Митрополитъ Ѳеогностъ былъ радъ, боясь, что Польша лишитъ его наконецъ доходовъ съ Галича и Волыни. За Любарта Волынскаго немедленно выдали племянницу Симеона, Княжну Ростовскую.

---

(37) Карамзинъ, т. IV, пр. 349 и слѣд. Костр. лѣт. т. I, 174.

Θеогностъ сдѣлалъ еще болѣе, когда Олгердъ, вдовый послѣ перваго брака, вздумалъ укрѣпить союзъ съ Симеономъ родственною связью, и просилъ выдать за него самого Ульяну, сестру Великой Княгини. Симеонъ усомнился, и *доложилъ Θеогносту*. Митрополитъ разрѣшилъ, и сирота Александра Тверскаго сдѣлалась супругою Литовскаго язычника.

Оправдывая себя, говорили потомъ, будто Ульяна обратила Олгерда въ православіе, *тайно* (38); но явно онъ не думалъ о православной

---

(38) Θеогностъ, боясь лишиться власти и доходовъ, до того утѣснялъ между прочимъ Новгородское Духовенство, что Владыка Моисей посылалъ жаловаться на него въ Царьградъ. О докладѣ Симеоновомъ Θеогносту см. *Троицк. Лѣт.* (Кар. IV, пр. 351); Типогр. Лѣт. стр. 92. Говорятъ, что Олгердъ даже замучилъ въ Литвѣ, въ 1342 и 1347 г., за усердіе къ Христіанству, Бояръ своихъ Антонія, Іоанна и Евстафія (въ язычествѣ *Кругдеца*). Въ 1364 г. сихъ мучениковъ причли къ лику Святыхъ, и память ихъ донынѣ празднуется 14-го Апрѣля (*Опис. Кіево-Соф. собора*, стр. 93).—Карамзинъ говоритъ (т. V, стр. 52). «Славный Олгердъ умеръ въ 1377 г., *не только Христіаниномъ*, но *и схимникомъ*, по убѣжденію его супруги Іуліаніи и Печерскаго Архимандрита Давида, принявъ въ крещеніи имя *Александра*, а въ монашествѣ *Алексія*, чтобы загладить свое прежнее отступленіе отъ вѣры Іисусовой.» Это извѣстіе, пересказанное столь утвердительно Историкомъ, есть пустая выдумка. Въ подтвержденіе его, Карамзинъ ссылается на текстъ

равно покровительствовалъ Католикамъ, Грекамъ, язычникамъ, и забылъ обѣщаніе креститься и крестить Литву. По ходатайству Симеона давъ небольшой удѣлъ Евнутію, въ Минской области, удачно освободивъ Галичъ отъ Польши, Олгердъ побѣдилъ Нѣмцевъ, и успѣлъ спастись среди бѣдствій и потерь. Увидимъ послѣдствія обѣщаній и родственныхъ его союзовъ. Впрочемъ, Олгердъ постоянно соблюдалъ дружбу къ Симеону, и даже мирилъ его съ другими. Въ 1352 году, Симеонъ двинулъ Московскую рать на Смоленскъ. Покровительствуя Смоленскъ особенно, Олгердъ прислалъ къ нему дары, пословъ и просьбу о мирѣ. Симеонъ *не оставилъ Олгердова слова*, и помирился.—

какой-то лѣтописи (прим. 50-е); но *какой именно*, ничего не говоритъ. «Не знаемъ, откуда взялъ это Карамзинъ,» прибавляетъ Г-нъ Даниловичъ, не довѣряя словамъ его (стр. 189, въ примѣчаніи). Мы долго и тщетно искали источника этой сказки, и наконецъ нашли его: въ концѣ *Костромской Лѣт.* приложено нѣсколько разныхъ отдѣльныхъ статей, и между ними: *Предисловіе о Великихъ Князѣхъ Литовскихъ, откуда они пошли* (стр. 315). Это сборъ нелѣпостей, и въ немъ-то находится извѣстіе о крещеніи и посхимленіи Олгерда. Кажется, что Карамзинъ отыскалъ его въ *Рост. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. IV, пр. 266), но онъ не смѣлъ сослаться на свидѣтельство столь ничтожное, и потому умолчалъ, откуда беретъ его.

Все это не мѣшало Олгерду мстить Псковитянамъ, когда они отказались держать у себя намѣстниковъ сына его, Князя Полоцкаго. Олгердъ жаловался на убытки, грабилъ села Псковскія, и захватывалъ купцовъ Псковскихъ, заѣзжавшихъ въ Полоцкъ (39).

Такъ проходило княженіе Симеона, всего болѣе сильнаго умомъ и хитростью. Но, ни что — ни умъ, ни хитрость, ни сила не могли спасти Русскихъ земель отъ страшнаго бѣдствія, какое внезапно посѣтило тогда Азію, Африку и Европу. Мы говоримъ о смертоносной болѣзни, извѣстной въ Исторіи подъ именемъ *Черной смерти*, и составившей эпоху въ лѣтописяхъ Медицины, памятную болѣе современной намъ *Холеры*.

Черною смертью названъ былъ неслыханный моръ, начавшійся въ Китаѣ, и съ 1348-го до 1352 года перешедшій черезъ среднюю Азію, Индію, Аравію, Египетъ, Сѣверную Африку, Грецію и всю Европу. Говорили, что онъ начался Божіимъ гнѣвомъ: смертные пары вдругъ вылетѣли изъ земли въ Китаѣ, погубили тамъ 13-ть милліоновъ человѣкъ, и разлетѣлись потомъ во всю вселенную. Болѣе 20-ти милліоновъ погибло въ Турецкихъ Азійскихъ государствахъ. «Ангелъ

---

(39) Пск. и Троицк. Лѣт. (Карамзинъ, т. IV, пр. 355, 356).

смерти никогда не губилъ вдругъ столько людей, съ самаго Ноева потопа, сколько погибло ихъ съ 1348 до 1350-го и въ слѣдующіе годы," говоритъ знаменитый Историкъ Медицины, увѣряя, что по всѣмъ повѣркамъ погибла тогда треть народонаселенія земнаго шара (40). Въ Лондонѣ недоставало мѣста на кладби-

(40) Шпренгель, въ Beyträge zur Geschichte der Medicin.. Мы заимствуемъ подробности изъ Рихтеровой *Ист. Медицины въ Россіи* (т. I, стр. 191 и слѣд.).— Названіе *Черной смерти* дано было сей губительной болѣзни въ Даніи, гдѣ трупы умершихъ отъ нея людей чернѣли. Она была прилипчива, и переходила посредствомъ сообщенія; но множество примѣровъ было, что она поражала отдаленныя области, когда другія, ближайшія къ зараженнымъ и имѣвшія съ ними сообщеніе, оставались невредимы. Петрарка, потерявшій тогда свою Лауру, въ отчаяніи восклицалъ: Quando hoc posteritas credet, fuisse tempus sine cœli aut telluris incendio, sine bellis aut alia clade visibili, quo non hæc pars aut illa terrarum, sed universus fere orbis sine habitatore remanserit? Quando unquam tale aliquid visum, aut fando auditum: quibus hoc unquam annalibus lectum est, vacuas domos; derelictas urbes, squalida rura, arva cadaveribus angusta, horrendam vastamque toto orbe solitudinem? Consule Historibus, silent; interroga Physicos, obstupescunt; quære a Philosophis, humeros contrahunt, frontem rugant et digito, labris imposito, silentium jubent. O felicem populum pronepotum! Quis has miserias non agnovit, et fortassis testimonium nostrum inter fabulas numerabit?

кладбищахъ; въ Вѣнѣ нѣсколько времени умирало ежедневно до 1,000, въ Любекѣ до 1,500, въ Парижѣ до 500 человѣкъ. Флоренція лишилась 100,000 жителей; Марсель и островъ Кипръ вымерли совершенно. Альфонсъ X-й, Королева Наваррская, Королева Французская, множество знаменитыхъ людей всѣхъ званій, состояній, пола и возраста, погибли наравнѣ съ простымъ народомъ, между коимъ повсюду моръ свирѣпствовалъ сильнѣе, ибо простолюдины менѣе имѣли средствъ спасаться отъ заразы. Европа ужасалась, трепетала, молилась, отправляла духовныя процессіи, и думала, что злые люди отравляютъ воду и воздухъ; врачи, погибая наравнѣ съ другими, не знали даже, какъ назвать страшную болѣзнь, и еще менѣе того, какъ лечить ее (41). Хоронить мертвыхъ и совершать погребальныя молитвы было нѣкому, ибо священники погибали скорѣе другихъ, по долгу своему прикасаясь къ умершимъ. Трупы сбра-

(41) Припадки Черной смерти состояли въ воспалительной, гнилой горячкѣ. Въ Руси начиналась она внезапною болью подъ ложкою, или межд уплечъ; потомъ наступали жестокій жаръ и ознобъ, *кровохарканіе* (признакъ, отличившій Черную смерть отъ другихъ заразительныхъ болѣзней, извѣстныхъ въ лѣтописяхъ Медицины); наконецъ выступалъ сильный потъ; человѣкъ совершенно лишался силъ, и черезъ три дни умиралъ непремѣнно.

сывали наконецъ въ ямы сотнями, тысячами; другіе валялись повсюду, распухшіе, почернѣлые, и заражали собою воздухъ. Животныя, звѣри, птицы пожирали ихъ, и сами гибли послѣ того въ неизобразимомъ множествѣ (42).

Давно уже слышали Руссы, что «совершается казнь отъ Бога на людей подъ Восточною страною, въ Ордѣ, Сараѣ, у Бусурмановъ, Фряговъ, Армянъ, Обезовъ, Черкесовъ; что тамъ свирѣпствуетъ сильный моръ, и «живые не успѣваютъ хоронить мертвыхъ» (43). Вскорѣ бѣдствіе появилось въ Руси. Ужасное описаніе *Черной смерти* осталось особенно въ преданіяхъ Псковитянъ, гдѣ зараза оказалась прежде чѣмъ въ другихъ Русскихъ мѣстахъ, въ 1352 году (44). Отчаянные жи-

---

(42) Лингардъ, Hist. d'Angleterre, т. IV, 102.

(43) Троицк. Лѣт. Карамзинъ, т. IV, пр. 357.

(44) *Пск. Лѣт.* «Бысть во градѣ Псковѣ моръ золъ, и по селамъ смерти належащей, мнози мроша люди, и жены, и старые и молодые, попове, чернецы и черницы... и помышляху единое люди о душѣ своей, а не о животѣ. И сего ради мнози идяху въ монастыри, мужи и жены, постригахуся во мнишескій чинъ, и Ангельскому образу сподобляхуся, тѣла и крови Христовой причастившеся, и тако въ добромъ исповѣданіи сподобляхуся отъ сея временныя жизни на онъ вѣчный свѣтъ, къ Богу души своя предаша, пришедшимъ по нихъ Ангеломъ. Друзіи-же въ мірѣ, въ домѣхъ своихъ готовляхуся такожде на душевный исходъ, о душахъ своихъ печалующеся,

тели просили Новгородскаго Владыку пріѣхать

имѣнія своя отдающе въ милостыню, церквамъ и монастырямъ, и духовнымъ отцамъ и нищимъ, и маломощные убогіе кормяше и напояюще; нищъ-бо помилованъ, вождь бываетъ въ царство небесное; овіи отъ богатства села даютъ въ церкви и монастыри; друзіи-же во езерахъ ловища и исады, и иное что отъ имѣній своихъ дающе, да тѣмъ хотяще имѣти свою память, по писанному: милостынею и вѣрою очищаются грѣси. И тако очищающе души своя отъ грѣхъ, съ покаяніемъ и слезами преставляхуся отъ сего свѣта на онъ покой. Се-бо бяше тогда попове не можаху по единому проводити изъ дворовъ, за множествомъ умирающихъ не успѣвающимъ-бо имъ, но веляху комуждо мертвые своя приносити въ церковь изъ дворъ объ нощь умершимъ; и утре обрѣташеся во дву десять, или до трехъ, ихъ скопится во единой церкви. А всѣмъ тѣмъ единъ проводъ отпѣваху, надгробную пѣснь, то имъ душевную молитву разрѣшальную комуждо отъ себя измолвливаху, и мужу, или женѣ, или дѣтямъ. И тако полагаху по три, и по пяти мертвыхъ въ единъ гробъ; такожде быша по всѣмъ церквамъ, и нѣгдѣ бяше погребати умершихъ, се-бо могиліе всюду воскопано бяше, но и въ подолѣ, и опричь церкви ископаваху гробы, на цѣлыхъ мѣстѣхъ погребаху. Тогда бяше многъ плачъ зѣло, и лютое кричаніе въ людяхъ, зѣльнымъ рыданіемъ. Кто-же плакашеся своихъ мертвецъ, родители по чадѣхъ своихъ, а чада по родителѣхъ своихъ, а братія по братіи своей, а друзи по друзѣхъ, жены по мужѣхъ, сердоболи по сродницѣхъ своихъ, а прочіи вси плакахуся по душахъ своихъ. Кто-бо тогда, каменносердъ человѣкъ, безъ слезъ можетъ быти, видяще сію ве-

къ нимъ и благословитъ ихъ. Василій не устрашился, пріѣхалъ во Псковъ, совершилъ тамъ

ликую бѣду, яко мнози напрасно вскорѣ умираху, и отъ себѣ скоро отлучаеми, и сами себѣ того ожидающе. Мняху-бо тогда мнози, яко-же помрети всѣмъ. Егда-бо видяще въ который родъ, или въ семью, въ богатые и въ простые люди, сирѣчь и до убогихъ, болѣзнь лютая смертное жало вношаше, кто имъ тогда послужилъ, въ часъ исхода душь ихъ отъ жизни сея пригладѣлъ, или попекся, мня, яко подобаетъ здравымъ промышляти о болящихъ и о мертвыхъ, сродницы, или друзи, или инъ кто, тако Бога ради послужиша при животѣ и при смерти, да наслѣдуетъ кто что отъ имѣнія ихъ: но кто аще кому отдаваху остатокъ живота своего, или дѣти, тако и тіи на борзѣ разболѣвшися, умираху. Сія-же видѣвши иные, бояхуся пріимати что отъ умершихъ тѣхъ животовъ, страхомъ смертнымъ омрачившеся, безумніи, своихъ родственниковъ отвращахуся тогда. А иніи, веледушніи, весь страхъ смертный отъ сердецъ своихъ отринувше, безъ сомнѣнія, и чуждая мертвецы, или сироты и убогіе небрегомы, тѣхъ опрятывающи, и износяще погребаху, и память по нихъ творяще службами и просвирами, спасенія ради себя и своимъ душамъ. Сана свѣтлостію не умаленна, бысть смерть на всѣхъ раззѣваетъ многоядные свои зубы. . . *Се-же ми о семъ написавшу* (говоритъ въ заключеніе Лѣтописецъ) *отъ многаго малое, еже худый мой умъ постиже, и на память принесе.* Аще кому и не потребно будетъ, да сущимъ по насъ оставимъ, да не до конца забвенно будетъ, а нынѣ возвратимся на иное сказаніе.

торжественный ходъ кругомъ города, и спѣшилъ въ Новгородъ, гдѣ оказалась зараза, столь-же свирѣпая и смертельная. Онъ скончался въ пути, на берегахъ Шелони, и мертвый привезенъ былъ въ Новгородъ, гдѣ тогда «вошла смерть въ люди, тяжка и напрасна, и безчисленное множество людей добрыхъ погибло (45).»—Святитель, достопамятнѣйшій въ числѣ владыкъ Новгородскихъ, защитникъ правъ отчизны, наставникъ Князей, строитель и созидатель Новгорода, человѣкъ государственный (46)! Лишась добраго пастыря, Новгородцы пришли ко Владыкѣ Моисею, который передалъ паству свою Василію, и уже 22 года послѣ того жилъ схимникомъ, въ глубокомъ усдиненіи. До-

(45) Новг. и Пск. Лѣт.

(46) Мы видѣли дѣла его. Онъ правилъ паствою Новгородскою съ 1330 года. Осаждая Орѣховъ, Новгородцы просили его пріѣхать и благословить *Костры*, и осадныя орудія. Онъ путешествовалъ въ Царьградъ, посѣщалъ Іерусалимъ, и первый изъ Русскихъ Святителей носилъ *бѣлый клобукъ*, присланный ему отъ Царяградскаго Патріарха. (См. любопытное изслѣдованіе Митроп. Евгенія, въ *Ист Г. Р.* т. IV, пр. 360). Въ *Нове. Лѣт.* записано, что сынъ Александра Тверскаго, знаменитый впослѣдствіи *Михаилъ*, коего Василій крестилъ во Псковѣ, въ 1333 г., въ 1341 г. пріѣхалъ въ Новгородъ къ Василію *учиться грамотѣ*. Василій сооружалъ на свой счетъ стѣны Новгородскія, украшалъ Софійскій соборъ, и проч.

бродѣтельный старецъ оставилъ свое уединеніе, утѣшилъ соотчичей согласіемъ, не жалѣлъ себя, уцѣлѣлъ отъ смерти среди гибели всеобщей, и правилъ Новгородскою паствою еще семь лѣтъ. —До самой Пасхи продолжалась зараза въ Новгородѣ; прекратилась тамъ, и распространилась всюду по областямъ Русскимъ. Опустошенія были ужасны. Глуховъ и Бѣлозерскъ вымерли вовсе; въ Кіевѣ, Смоленскѣ, Суздали, думали что настало преставленіе свѣта (47).

Митрополитъ Ѳеогностъ былъ уже боленъ, когда Черная смерть тяжко начала терзать Москву. Онъ скончался Марта 11-го дня, 1353 года. Въ одну недѣлю умерли двое дѣтей Великаго Князя. Наконецъ Симеонъ самъ подвергся участи другихъ. Зная уже признаки смертной, неисцѣлимой болѣзни, онъ не сомнѣвался въ кончинѣ своей, отрекся отъ міра, постригся, и—какъ смиренный инокъ *Созонтъ*, приготовилъ свое завѣщаніе. Симеонъ *приказывалъ* жену и сына Василію Михайловичу Тверскому,

(47) Новгородскій Лѣтописецъ и другіе. Извѣстія о числѣ умершихъ, разумѣется, увеличены. Такъ, напримѣръ, пишутъ, что послѣ троекратнаго мора, въ Смоленскѣ, въ 1387 г. осталось только *пять человѣкъ*, которые *вышли изъ города и ворота его затворили*: нелѣпость явная, хотя она повторена въ Ист. Г. Р. т. V, стр. 12. — Это показываетъ однакожъ безмѣрную смертность тогдашнюю.

и братьямъ своимъ Іоанну и Андрею. «Полагаюсь на Бога, и на васъ, братья!»—завѣщавалъ онъ.— «блюдите мои завѣты по нашему докончанью, какъ мы цѣловали крестъ у отцовскаго гроба. Благословилъ насъ отецъ жить за-одинъ; такъ и я завѣщаваю жить за-одинъ, не слушать лихихъ людей, кто станетъ ссорить васъ, а слушать *отца нашего Владыку Алексѣя*, и старыхъ Бояръ; они всегда хотѣли добра намъ и отцу нашему. Пишу завѣтъ сей, дабы не перестала память родителей нашихъ и наша, и свѣча-бы на гробѣ ихъ не угасла.» Симеонъ распорядился только *собственнымъ своимъ участкомъ* въ наслѣдствѣ; отдалъ его весь женѣ своей, «да молитъ Бога, и душу мою поминаетъ до живота своего.» Ни слова не говорилъ онъ о Великомъ Княжествѣ: смерть была тогда единственнымъ помышленіемъ всѣхъ! Апрѣля 26, 1353 г., скончался Симеонъ (48). Не успѣли отправить по немъ сорочинъ, какъ преставился братъ его Андрей (Іюня 6-го). Супруга Андрея осталась беременною, и черезъ шесть недѣль родила сына, достопамятнаго *Владиміра Андреевича* (Іюля 15-го, 1353 года) (49).

Бѣдствіе пролетѣло на время; страхъ смерти исчезъ съ нимъ вмѣстѣ; люди опомнились,

(48) Дух. Симеона въ *Собр. Гос. грам.* т. I, № 23.

(49) Симеонъ и Андрей погребены въ Архангельскомъ соборѣ, въ Москвѣ.

и опять начались суеты міра. Снова ожили всѣ людскія помышленія. Опять нетерпѣливѣе всего хотѣли знать: *кто* будетъ теперь Великимъ Княземъ? Взоры всѣхъ обращались на Константина Суздальскаго. Іоаннъ Іоанновичъ, человѣкъ смиренный, прозванный *Кроткимъ* (50), отправился однакожъ вмѣстѣ съ другими Князьями въ Орду. Къ общему изумленію, Чанибекъ избралъ его, не уважая даже особеннаго старанія Новгородцевъ, ходатайствовавшихъ за Суздальскаго Князя. Новгородцы оскорбились, и не хотѣли признать Іоанна, повинуясь, на зло Москвѣ, Константину. Смерть Симеона и качества новаго Великаго Князя, ободряли своевольство. Олегъ Рязанскій напалъ въ то-же время на предѣлы Московскіе, пожегъ и раззорилъ берега Лопасни. Въ Твери снова перессорились Василій и Всеволодъ. Дядя сильно притѣснялъ Всеволода, получивъ грамату Ханскую въ 1352 году, и женивъ сына своего Михаила на дочери Симеона, въ 1350 году. Олгердъ принялся за крамолы и хитрости. Онъ женилъ племянника на дочери Іоанна, и выдалъ дочь свою за Бориса Константиновича, Суздальскаго Князя, честолюбиваго и отважнаго. Управясь совершенно въ это время съ Польшею, и отдыхая отъ битвъ съ Нѣмцами, Олгердъ сдѣлалъ

(50) Ист. Г. Р. т. IV, стр. 291.

рѣшительно зависимымъ отъ него Смоленскъ, овладѣлъ Брянскомъ, отнялъ у Смоленскаго Князя Бѣлый и Мстиславль, занялъ Ржевъ, и воевалъ Тверскія области, когда Ржевъ у него отняли. Ссоры съ Псковомъ не прекращались (51).

Такимъ образомъ, Москва могла всего бояться при Князѣ слабомъ и нерѣшительномъ, хотя судьба вскорѣ избавила его отъ одного соперника опаснаго: *Константинъ Суздальскій* умеръ въ 1355 году, «княживъ 15 лѣтъ честно и грозно, боронивъ отчину свою отъ сильныхъ Князей и отъ Татаръ. (52)» Новгородцы отреклись отъ дѣтей Константина, и признали власть Московскаго Князя. Но дѣти Константина, Князья Андрей, Димитрій, Борисъ, казались независимыми отъ Москвы, раздѣливъ наслѣдіе отца, и получивъ отдѣльныя грамоты Хана. Также независимъ сдѣлался Князь Іоаннъ Стародубскій. Іоаннъ сидѣлъ въ Кремлѣ Московскомъ, и безмолвствовалъ (53).

---

(51) Тамъ-же, прим. 377, и слѣд.—Стр., Костр. Лѣт.

(52) Карамзинъ, т. IV, прим. 376. Константинъ погребенъ въ Спасскомъ Нижегородскомъ соборѣ, принявъ предъ кончиною схиму.

(53) Іоаннъ Стародубскій былъ *праправнукъ* Іоанна Всеволодовича, и сынъ Ѳеодора Благовѣрнаго. Онъ былъ бездѣтенъ; у брата его Димитрія былъ только одинъ сынъ; но отъ третьяго брата, Андрея, произошли знаменитые роды Князей: *Пожарскихъ*, *Стародубскихъ*, *Ряполовскихъ* и *Палецкихъ*.

Но Провидѣніе поставило тогда близъ Великокняжескаго престола мужа великаго: это былъ Владыка *Алексій*, котораго слушаться заказывалъ Симеонъ братьямъ, въ своей духовной. Мы видѣли Алексія юношею въ Богоявленскомъ монастырѣ. Онъ постригся на 20-мъ году отъ рожденія, и, взысканный милостью Митрополита Ѳеогноста, былъ 12-ть лѣтъ Намѣстникомъ его, отличался святостью жизни, подвигами благочестія. Въ 1352 году былъ онъ поставленъ въ Епископы Владимірскіе. Свидѣтель завѣщанія Симеонова, Алексій хоронилъ Ѳеогноста, который, умирая, благословилъ его на свое мѣсто. Утвержденный потомъ общимъ согласіемъ въ санѣ Митрополита, Алексій ѣздилъ въ Царьградъ для поставленія, въ 1353 году, и вскорѣ имѣлъ случай показать твердость своего характера. Въ Кіевъ пріѣхалъ изъ Царьграда другой Митрополитъ, Романъ, объявляя права свои на верховную власть. Духовенство Русское не хотѣло его слушаться, но не знало, что̀ съ нимъ дѣлать. Алексій снова отправился въ Царьградъ въ 1356 году. Онъ долженъ былъ согласиться на убѣжденія Царяградскаго Патріарха, что Митрополитъ въ Заднѣпровскихъ странахъ необходимъ для сопротивленія Папской власти, сильно стремившейся овладѣть въ сихъ странахъ православіемъ. Романа наименовали Митрополитомъ *Литовскимъ* и *Волынскимъ*; Алек-

сій не отдалъ ему Кіева, и назывался *Кіевскимъ* и *Владимірскимъ* (54). На обратномъ пути Алексій претерпѣлъ сильную бурю, достопамятную по обѣту, какой далъ онъ тогда: если уцѣлѣетъ отъ потопленія, построитъ монастырь во имя того святаго, память котораго будетъ праздновать Церковь, въ день его спасенія. Приставъ къ берегу въ день Св. Андроника, Алексій воздвигъ на берегу Яузы, въ Москвѣ, Андроньевскую обитель (55).

Дѣйствуя какъ мудрый правитель Церкви, Алексій умѣлъ внушить благоговѣніе и почтеніе къ своему сану, и бывши первымъ изъ Святителей Руси, сталъ выше Князей духовною своею властью. Въ 1357 году, онъ судилъ распрю Всеволода и Василія Тверскихъ, не перестававшихъ ссориться, осудилъ племянника, и велѣлъ остаться въ Твери Епископу Ѳеодору, который хотѣлъ удалиться оттуда, не терпя *нестроенія* Княжескаго. Москва явно дружила Василію. Тщетно просивъ защиты въ Ордѣ, Всеволодъ поѣхалъ наконецъ въ Литву, и уговорилъ Митрополита Романа мирить его съ дядею. Романъ обрадовался случаю, пріѣхалъ въ

(54) Опис. Кіево-Соф. собора, Митр. Евгенія.

(55) Въ 1356 г.—Св. Сергій любовался мѣстоположеніемъ Андроньева монастыря (Карамзинъ, т. IV, прим. 383), и благословилъ его основаніе.

Тверь, осудилъ Василія, былъ одаренъ Всеволодомъ, и успѣлъ помирить Князей въ 1360 г. Но всѣ возопіяли противъ его своевольства, говорили, что онъ «содѣялъ мятежъ въ Святительствѣ, чего не бысть прежде въ Руси»; что онъ поставленъ въ санъ Митрополита сребролюбіемъ человѣческимъ, производитъ только въ церковникахъ смятеніе и *тщету имѣнія*, и въ Тверь пришелъ напрасниствомъ и безстыдствомъ. Романъ уступилъ, уѣхалъ опять на Волынь, и умеръ тамъ въ 1362 году (56).

Опасное дѣло предстояло Алексію въ 1357 году. Изъ Орды получено было слово Чанибека: «Слышу, что у васъ есть попъ, святой, которому Богъ ни въ чемъ не отказываетъ. Пошлите его ко мнѣ: пусть молитвою своею испроситъ онъ здравіе женѣ моей.» Тайдула, покровительница Русскаго Духовенства, была тогда отчаянно больна. Еще прежде знала она святость Алексія, и для путешествія его въ Царьградъ дала ему запасный пропускной ярлыкъ (57). Алексій не поколебался ѣхать въ Орду по слову Чанибека, надѣясь на помощь Божію. Въ самый день отъѣзда его изъ Москвы, загорѣлась сама собою свѣча въ Успенскомъ со-

(56) Карамзинъ, т. IV, прим. 383.

(57) Ярлыкъ Тайдулы, въ *Собр Гос. граматъ*, т. II, № 10.

боръ. Народъ сбѣжался толпами смотрѣть на чудо. При многочисленномъ собраніи, Митрополитъ пѣлъ молебенъ, роздалъ свѣчу по кусочкамъ, взялъ съ собою часть оной, поѣхалъ въ Орду, и молился съ чудотворною свѣчею. Тайдула исцѣлилась, благодарила Алексія, и поспѣшно отправила его изъ Орды (58): тамъ начались убійства. Сынъ Чанибека, Бердибегъ (59), зарѣзавъ отца и 12 братьевъ своихъ, завладѣлъ Ордою. Начиная отцеубійствомъ, онъ продолжилъ свое владычество притѣсненіемъ подвластныхъ, и слѣдуя совѣтамъ корыстолюбиваго Товлубія, послалъ обременить новыми данями Русскія области. Надѣясь на заступленіе Тайдулы, Алексій снова отправился въ Орду, и не ошибся въ ожиданіи. Бердибегъ смиловался надъ Русью, и пожаловалъ Русское Духовенство. Святителя Алексія встрѣтили въ Москвѣ торжественно; со слезами благодарили его, поздравляли какъ побѣдителя. Восьмилѣтній Димитрій, сынъ Іоанна, говорилъ ему: «Ты подарилъ насъ мирнымъ житіемъ, Владыко! Чѣмъ воздадимъ тебѣ (60)?

Митрополитъ отправился послѣ сего въ Кіевъ, для обозрѣнія паствы. Въ его отсутствіе

---

(58) *Троицк. Лѣт.* (Карамзинъ, т. IV, прим. 384).
(59) По Френу, *Мугаммедъ Бирди-бегъ Ханъ.*
(60) Карамзинъ, т. IV, прим. 384.

скончался Великій Князь (Ноября 13, 1359), утвердивъ дѣтямъ Димитрію и Іоанну, племяннику Владиміру, съ матерью, и вдовѣ Симеона, Московскія волости и движимое имѣніе. Онъ забылъ о Великомъ Княжествѣ (61).

Изъ Москвы нѣкому было теперь явиться въ Ордѣ: *Димитрій*, *Іоаннъ*, остались дѣтьми. Алексій воротился изъ Кіева въ Москву, и благоразумно ждалъ, что̀ будетъ, тѣмъ болѣе, что и Тайдула погибла въ страшныхъ смятеніяхъ, какія всколебали тогда всѣ Орды Монгольскія.

Кровожадный Бердибегъ властвовалъ въ Золотой Ордѣ только два года; утопая въ разврате, онъ не щадилъ ближнихъ, и рѣзалъ ихъ для своей безопасности. Развратъ прекратилъ наконецъ отвратительную его жизнь. Кульпа (Аскулпа), сынъ недостойнаго тирана, наслѣдовалъ ему. Тогда явились изъ Крымской Орды: Ханъ Наврузъ (или Урусъ) и двоюродный братъ его Тохтамышъ. Не прошло полугода, и—Кульпа погибъ подъ мечами убійцъ, съ двумя сыновьями своими (въ 1359 г.).—Съ его смертію пресѣклось поколѣніе Менгу-Темирово на Капчацкомъ тронѣ. Наврузъ овладѣлъ Ордою. Но не вся Золотая Ор-

(61) Дух. Іоанна, *Собр. Гос. граматъ*. т. I, № 25.—Іоаннъ предъ кончиною постригся, и принялъ схиму; похороненъ въ Архангельскомъ соборѣ (*Типогр. Лѣт*. г. 1359-й.)

да покорилась новому Хану. Заставивъ Тохтамыша бѣжать и укрыться въ Чагатайскомъ царствѣ Монголовъ, Наврузъ увидѣлъ въ потомкѣ Шейбановомъ, властителѣ Заяицкой Синей Орды, Ханѣ Хидырѣ, мстителя за Кульпу. Битва рѣшила споръ ихъ въ 1360 году; Хидырь овладѣлъ Золотою Ордою. Наврузъ, сынъ его Темиръ, и Тайдула, сообщница столькихъ злодѣйствъ, погибли. Наврузъ торжествовалъ, но недолго: родной сынъ его Муруть (или Темиръ-Хожа) зарѣзалъ отца, убилъ брата своего Кутлуя, и думалъ быть крѣпкимъ на тронѣ Батыевомъ, обливъ его кровію родныхъ (62).

Одно простое исчисленіе сихъ отвратительныхъ событій показываетъ ужасное состояніе, въ какомъ находилось тогда царство Батыево: въ *четыре* года смѣнилось тамъ *шесть Хановъ*; трое изъ нихъ сѣли на тронъ Орды отцеубійствомъ и истребленіемъ родныхъ братьевъ (Чанибекъ, Бердибекъ, Муруть), и

---

(62) Статья Г-на Буткова въ *Сѣв. Архивѣ. Наврузъ* (по Френу, Мугаммедъ Неврузъ, или Неврузъ-Бегъ) и *Тохтамышъ* (по Френу, Насиръ-Эддинъ, или Джелалъ-Эддинъ, или Гайясъ-Эддинъ, Махмутъ Тохтамышъ), были праправнуки *Тавай-Тимура*, правнуки Авасъ-Тимура и внуки Хаджи и Сарычая, дѣти Бадакула и Токела-Хаджи-Оглана. Хидырь (по Френу, Махмудъ Хыззръ, или Хыдръ Ханъ) былъ внукъ *Баядура*, которому Менгу-Темиръ отдалъ Акъ-Орду Заяицкую.

одинъ междоусобною войною и убійствомъ (Хидырь)! Прибавимъ, что всѣ сіи злодѣйства совершались открыто, явно, хладнокровно; сопровождались каждый разъ Азійскимъ безчеловѣчіемъ—смертью людей, близкихъ къ погибшему Хану, грабежемъ, рабствомъ вельможъ, женъ, родныхъ его...

Но послѣднія, быстрыя перемѣны произвели въ ордахъ общее волненіе. Мурутъ владѣлъ Сараемъ; никто не хотѣлъ его слушать. Мамай, простой Темникъ Чанибека, объявилъ себя противникомъ Мурута, не сталъ ему повиноваться, отдѣлилъ орды, бывшія на правомъ берегу Волги, грозилъ погибелью Муруту, и возвелъ другаго Хана на престолъ Золотой Орды, Авдула, самъ управляя его войсками. Въ то-же время, остатокъ Синей Орды Хидыря закочевалъ далѣе Сарая, на лѣвомъ берегу Волги, предводимый Амуратомъ, братомъ Хидыря. Четыре орды отдѣлились еще въ разныхъ мѣстахъ, избравъ мѣстопребываніямъ своимъ: *Азовъ*, *Наручатъ*, *Казань*, *Астрахань*. Могущественная орда составилась отдѣльно на берегахъ Яика. Половецъ Эдигей, учредивъ пребываніе свое въ Сарайчикѣ, сдѣлался главнымъ Бій-улу, или властителемъ сей новой орды, назвавъ ее *Мангитскою*, по главному улусу, или *Ногайскою*, то есть: *Луговою*. Въ то время, какъ Эдигей тѣснилъ Амурата, Мамай го-

шовился ниспровергнуть отцеубійцу Мурута. Кровь Монголовъ лилась повсюду въ гибельныхъ междоусобіяхъ (63).

Руссы видѣли несчастное состояніе своихъ властителей, не думали употреблять его для государственнаго блага, и пока мудрый Алексій оставался въ благоразумномъ ожиданіи, Князья спѣшили пользоваться перемѣнами въ Ордѣ, и наперерывъ являлись то къ одному, то къ другому Хану. Угрожаемые безпрерывною опасностью, сидя на зыбкомъ, окровавленномъ тронѣ Ордынскомъ, Ханы рады были случаю взять что можно съ Русскихъ Кня-

(63) Мамай, какъ Тимуръ Чагатайскій, никогда не принималъ названія Хана. На мѣстѣ *Наручатской* Орды нынѣ городъ *Наровчатъ*, Пензенской губерніи. Основателемъ сей Орды Лѣтописи называютъ Тагая Бездежскаго (кстати о *Бездежѣ*: не тамъ-ли онъ находился, гдѣ по *Книгѣ большаго чертежа* поставленъ городъ *Бешкызъ*.—«Отъ моря Каспійскаго, возлѣ пески, пять мечетей Татарскихъ, *Бешкызъ*; а отъ песковъ 30 верстъ бугры, а въ нихъ два колоязя; а отъ тѣхъ бугровъ, 60 верстъ къ Астрахани, другіе бугры Чагатъ»)? *Сарайчикъ* (т. е. *Малый Сарай*), находился на Уралѣ; развалины его еще замѣтны донынѣ близъ нынѣшней Сарайчиковской крѣпости, верстахъ въ 60 отъ устья Урала. Имя *Ногайской* Орды производитъ Г-нъ Бутковъ отъ словъ: *Наганъ-нуу*, т. е. *Зеленый лукъ*.

зей-челобитчиковъ, и спѣшили выдавать имъ граматы, на что угодно.

Немедленно по кончинѣ Іоанна, пріѣхали въ Сарай Суздальскіе Князья. Они застали тамъ въ живыхъ Хана Навруза, который назвалъ Великимъ Княземъ перваго, кто попросилъ сего титула: это былъ *Димитрій Константиновичъ* Суздальскій. Алексій Митрополитъ находился во *Владимірѣ*; туда пріѣхалъ новый Великій Князь, въ концѣ Іюня 1360 г., и основалъ пребываніе въ семъ городѣ. Кажется, что даже родные братья видѣли непрочность и неумѣстность Димитріева честолюбія. По крайней мѣрѣ, Андрей, старшій братъ его, не захотѣлъ требовать себѣ Великаго Княжества (64). Митрополитъ благословилъ Димитрія Константиновича, но не оставлялъ Москвы, и пока Олгердъ своевольствовалъ въ Смоленскѣ, Ржевѣ и Брянскѣ, и новый Великій Князь судилъ въ Костромѣ Русскихъ разбойниковъ, разграбившихъ Жукотинъ, Князь Константинъ Ростовскій и Князь Димитрій Галицкій выпросили въ Ордѣ независимыя граматы на свои владѣнія (65). Новгородцы, любившіе отца Димитріева, Кон-

---

(64) Карамзинъ, т. IV, 295.

(65) Ист. Г. Р. т. IV, прим. 396.—Въ *Арханг. Лѣт.* (стр. 69) походъ на Жукотинъ приписанъ Новгородцу Анѳалу Никитичу, который собралъ ватагу удальцовъ, и грабилъ по Волгѣ Татарскіе города и улусы.

шантина, признали власть Великаго Князя, но съ излишкомъ выговорили себѣ всѣ прежнія свои льготы (66).

Такъ прошло около трехъ лѣтъ. Алексій и совѣтники юнаго *Димитрія Іоанновича* Московскаго имѣли время приготовиться, сообразить всѣ обстоятельства, и положили, что время дѣйствовать наконецъ настало. Они начали смѣло, быстро, безостановочно.

Еще въ 1361-мъ году, 11-ти лѣтній Димитрій Іоанновичъ былъ въ Ордѣ, вмѣстѣ съ Андреемъ Суздальскимъ, Константиномъ Ростовскимъ и Михаиломъ Давидовичемъ Ярославскимъ. Они пріѣхали къ Хану Хидырю. При нихъ Мурутъ возсталъ на отца, убилъ его и брата, и черезъ нѣсколько дней Мамай поднялъ знамя бунта. Мурутъ бѣжалъ. Мамай рѣзалъ его сообщниковъ, избиралъ новаго Хана. Въ Сараѣ засѣлъ на это время братъ Хидыря, повелитель Синей Орды, Амуратъ (67). Подвергаясь гибели, Князья Русскіе спѣшили уѣхать изъ Орды, и благополучно достигли отчизны. Только на Андрея Суздальскаго нападалъ дорогою какой-то Ряпяхозя, но Андрей отбился отъ злодѣевъ. Князь Ростов-

(66) Новг. Лѣт. годы 1353 и 1360-й.

(67) Или Мюридъ Ханъ, по Френу.

скій былъ ограбленъ, но то-же спасся (68). Въ числѣ Русскихъ бѣглецовъ находился и будущій побѣдитель Мамая, отрокъ Димитрій. Вѣроятно, поѣздка его имѣла уже цѣлью предпріятіе, обнаружившееся на другой годъ. Пока Мамай управлялся на нагорной сторонѣ Волги, гдѣ являлись безпрерывно новые Ханы, пока Мурутъ бѣгалъ за Волгою, Сарай все еще оставался за Амуратомъ.

Къ изумленію всѣхъ, юный Московскій Князь, совсѣмъ нечаянно, объявилъ права свои на *Великое Княжество*. Димитрій Константиновичъ заспорилъ. Москва не уступала, и звала его на судъ къ Сарайскому Хану; Бояре Московскіе и Суздальскіе явились въ Сарай, вѣроятно потому, что самимъ Князьямъ было опасно проѣхать въ мѣстопребываніе Ханское. Амуратъ, конечно, не ждалъ такой почести, и охотно присудилъ первенство Князю Димитрію Московскому. Димитрій Константиновичъ не думалъ соглашаться, хотѣлъ искать новаго суда, и былъ испуганъ твердою рѣшительностію Москвы. Дружины Московскія стояли уже готовыя; онѣ быстро двинулись къ крѣпкому Переяславлю. Ими предводили дѣти: *Димитрій, Іоаннъ, Владиміръ*; но сихъ дѣтей окружали опытные вожди, совѣтники дѣда Іоанна, дяди Симеона; съ ними, тор-

(68) Ист. Г. Р. Т. IV, прим. 396. Стр. Лѣт. годъ 1361-й.

жественно шествовалъ Святитель Алексій. Не готовый къ отпору, Димитрій Константиновичъ ушелъ во Владиміръ. Его преслѣдовали, и заставили бѣжать въ Суздаль. Во Владимірѣ, со всѣми обрядами, возсѣлъ Димитрій Іоанновичъ на Великокняжество, благословенный Святителемъ Алексіемъ. Три недѣли прожилъ онъ тамъ, и возвратился въ Москву (69).

---

(69) Стр. Лѣт. годъ 1362-й. — Костр. Лѣт. т. I, стр. 180, 181.—Частныя замѣчательныя событія, съ 1340 года: послѣ нападенія Олега Рязанскаго на берега Лопасни въ 1353 г., пріѣзжалъ изъ Орды въ 1358 г. въ Рязань какой-то Мамашъ-Хожа, и вступался въ раздѣленіе границъ между Рязанью и Москвою; его не послушали.—Въ 1345 г. умеръ непріятель Калиты, Василій Давидовичъ Ярославскій.—Въ 1351 г. Князь Георгій обновилъ древній, запустѣлый послѣ Батыя Муромъ; но въ 1355 г., по суду Ханскому, Муромъ былъ отданъ племяннику Князя, Ѳеодору, и Георгій умеръ въ бѣдствіи. — Въ 1345 г. едва Посадникъ успѣлъ сойдти съ Вѣча Новгородскаго на Торговую сторону, льдомъ разнесло мостъ Волховскій. Софіяне избрали другаго Посадника; рѣка разлучила соперниковъ, и они помирились.—Но въ 1359 г. дѣло дошло до битвы: жители Славянскаго Конца пришли на Вѣче въ доспѣхахъ, разогнали, прибили безоружныхъ гражданъ, и избрали въ Посадники Селиверста. Все зашумѣло; Славянцы разобрали мостъ, но другіе Концы хотѣли сражаться съ ними, три дня стояли съ оружіемъ, разграбили села Селиверста и славянцевъ. Владыка Моисей, снова отказавшійся то-

гда отъ своего сана (и черезъ годъ послѣ сего умершій), не смотря на дряхлость и болѣзнь, пришелъ съ новоизбраннымъ Владыкою Алексіемъ, и съ духовенствомъ, смирять враговъ. «Дѣти!» говорилъ онъ имъ, «не доспѣйте брани, похвалы поганымъ, пустоты мѣсту сему и церквамъ, не ступайтесь на бой!» Растроганные Новгородцы послушались Архипастыря, Селиверстъ былъ смѣненъ, «и не попусти Богъ до конца діаволу порадоваться».—Въ 1360-мъ г. жестокій моръ возобновился въ Псковѣ; храбрый Евстафій Изборскій умеръ тогда, съ двумя своими сыновьями; Владыка Новгородскій, Алексій, ѣздилъ по просьбѣ жителей во Псковъ, обошелъ городъ съ крестами, служилъ обѣдни, и «была Псковичамъ милость Божія: престалъ моръ.» Пожары нѣсколько разъ опустошали Новгородъ: въ 1347 г. сгорѣлъ Славянскій Конецъ до Нутной улицы; въ 1348-мъ былъ пожаръ дважды: сгорѣли церковь и Людогощая улица; потомъ улицы Волосова, Добрынина, Прусская и Чудинцева, съ 5-ю церквами; въ 1360-мъ году выгорѣлъ Гончарскій Конецъ, и сгорѣло 7 церквей. Москву опустошилъ пожаръ въ 1343 году: однѣхъ церквей сгорѣло тогда 28; въ 1354 г. выгорѣлъ Московскій Кремль и сгорѣло 13-ть церквей.—Въ 1360 году, замѣтили въ Филипповъ постъ знаменіе: «Мѣсяцъ, аки темною кровію покровенъ сотворился, на чистомъ небѣ;» въ Великій постъ того-же года: «Аки огненны зари явишася, отъ востока восходящи черезъ небо.» Руссы думали, что это означало великій мятежъ и кровопролитіе въ Ордѣ. (См. Лѣтописи: *Новгородскую*, въ Продолженіи Вивліоѳики, *Костромскую*, *Строевскую*, *Софійскую*, *Воскресенскую*, *Троицкую* (въ прим. Карамзина къ IV тому *Ист. Гос. Росс.*), и другія—кромѣ *Никоновской*, на которую мы *не ссылаемся*.

ГЛАВА II.

У народа есть своя память: это не оспоримо, и сія память не спрашивается Исторіи; она сама избираетъ себѣ героевъ, облекаетъ ихъ поэтическими вымыслами и славитъ въ вѣкахъ. Иногда, она знаетъ одно событіе въ въ жизни какого-либо Государя или великаго человѣка, забываетъ всю остальную жизнь его, и говоритъ о немъ по этому *одному* событію, избранному ею. Такъ въ народной памяти Англичанъ сохранился Альфредъ Великій, у Французовъ Генрихъ IV-й; у Шотландцевъ жива память Брюса — у насъ *Димитрія*. Съ наименованіемъ *Донскаго*, народъ празднуетъ въ имени Димитрія воспоминаніе *великаго Задонскаго побоища*, великую побѣду Димитрія, и — 26-ти лѣтнее княженіе сего Государя исчезаетъ передъ нимъ, оставляя мѣсто одному, что разительно изображаетъ для него Димитрія: *герой*, *побѣдитель Мамая* (70). Исторія безпристрастнѣе памя-

(70) Такъ въ Европѣ; когда на Востокѣ, напротивъ, съ именемъ героя, какого нибудь *Искандера*, сливаются событія цѣлыхъ столѣтій (См. *Ист. Р. Н.* т. I, пр. 101 и 151.

ти народной: она разсматриваетъ хладнокровно причины и слѣдствія; оцѣняетъ лавры побѣдителя, и не рѣдко выше ихъ ставитъ дѣла властителя, сошедшаго во гробъ безъ шумящей славы. Но Димитрій великъ и при безпристрастіи Историческомъ, великъ *не по одной только Куликовской битвѣ* — первой побѣдной пѣсни Руссовъ. Димитрій былъ однимъ изъ достопамятнѣйшихъ Князей, продолживъ начатое дѣдомъ его Іоанномъ и дядею Симеономъ; утвердивъ, среди бѣдствій, неизмѣнною волею своею, силу Москвы; мужественно противясь могуществу грознаго Олгерда; начавъ уничтоженіе удѣльныхъ Князей; отважась на смѣлую, и хотя неудачную, но явную борьбу съ Монголами, и передавъ единовластіе въ родъ свой.

Бунтовщикъ Мамай завладѣлъ многими частями Золотой Орды, не хотѣлъ самъ принимать названія Хана, но повелѣвалъ, какъ Государь самовластный, безпрестанно возводя на престолъ Орды безвластныхъ Царей. До гибельнаго ему 1380-го года, онъ перемѣнилъ четырехъ Хановъ: Авдула, Барахомзю (1364—1369 г.), Мамашъ-Султана (1370 г.), и наконецъ Атюляка (сына Мамашова и сестры Мамаевой). Не смотря на сопротивленіе ему отдѣльныхъ Ордъ, и на то, что Амуратъ все еще владѣлъ Сараемъ, и не покорялся, Мамай былъ страшенъ

и опасенъ. Рѣшились задобрить и этого бунтовщика; просили у него граматы, получили ее благосклонно отъ имени царствовавшаго тогда Хана Авдула, и Димитрій снова возведенъ былъ на Великокняженіе во Владимірѣ, Посломъ Ханскимъ. Амуратъ разгнѣвался; не могъ послать войска, но послалъ новую грамату Димитрію Суздальскому, который захотѣлъ воспользоваться дозволеніемъ Хана, снова пріѣхалъ во Владиміръ, и снова былъ изгнанъ Московскими дружинами. Онъ бѣжалъ безъ сраженія, былъ осажденъ въ Суздалѣ, увидѣлъ свое безсиліе, примирился навсегда и искренно. Отказываясь отъ Великаго Княжества, Князь Суздальскій прислалъ въ Москву третью грамату Амуратову, по которой еще разъ отдавали ему Великокняжество (71).

(71) Имена Хановъ, которыхъ возводилъ и низвергалъ попеременно Мамай, были, по утвержденію Г-на Буткова: *Аладжи Оглу*, *Барахъ Ходжу*, *Тамано-Салтанъ*. Г-нъ Френъ называетъ Авдула — *Абдъ-Улла Ханъ*, Мамата Султана — *Гайясъ Эддинъ Мугаммедъ Булакъ Ханъ*, а Атюляка — *Тулунъ-Бегъ Ханъ*. Онъ упоминаетъ однакожь о монетѣ, на которой Мамай названъ *Ханомъ*. Впрочемъ, сія монета сомнительна. Она выбита въ Азовѣ, 763 года Эгиры (1361 г.). Наши Лѣтописи утвердительно сказываютъ, что Мамай никогда Ханомъ не былъ. Карамзинъ (т. V, 9) говоритъ, будто *третью* грамату Ханскую Князь

Въ 1367 году, союзъ Димитрія Константиновича съ Москвою укрѣпился бракомъ добродѣтельной дочери его, Евдокіи, съ юнымъ Великимъ Княземъ. Москва успѣла оказать ему еще прежде того важную услугу. Старшій братъ его, Андрей Константиновичъ, скончался въ 1365 году. Борисъ Городецкій занялъ Нижній Новгородъ, не хотѣлъ уступить Димитрію Константиновичу, и выпросилъ себѣ грамату отъ Ордынскаго Хана. Оскорбленный Димитрій Константиновичъ обратился въ Москву. Увидѣли поразительное зрѣлище: вмѣсто дружинъ, пріѣхалъ въ Нижній Новгородъ пустынножитель, Игуменъ Троицкаго монастыря, *Святой Сергій*. Тщетно уговаривавъ Бориса, онъ подвергъ его наконецъ церковному проклятію, затворилъ въ Нижнемъ всѣ церкви, прекратилъ богослуженіе, и, именемъ Митрополита Алексія, лишилъ сана Епископа Алексія, вѣроятно, защищавшаго Бориса. Устрашенный Борисъ, слыша, что старшій братъ его въ то-же время идетъ изъ Москвы съ дружинами, смирился, встрѣтилъ его съ почестью, и удовольствовался прежнимъ своимъ удѣломъ. Дѣйствіе Москвы могло показаться смѣлымъ въ Ордѣ, ибо грамата Бори-

---

Суздальскій получилъ отъ *Хана Азиса* (такъ и въ *Типогр. Лѣт.* 102), но Г-нъ Бутковъ доказываетъ, что *Азисъ* было одно изъ именъ Амурата.

су была дана не отъ безсильнаго Амурата, но отъ Барахомзи. Василій Кирдяпа, сынъ Димитрія Константиновича, посланъ былъ въ орду объяснить сущность дѣла Мамаю (72).

Поддерживая достоинство Великаго Княжества столь самовластнымъ рѣшеніемъ Княжескихъ споровъ, еще смѣлѣе поступила Москва въ Галичѣ, Стародубѣ, Ростовѣ: Князьямъ двухъ первыхъ областей была объявлена старинная *покупка* Галича и Углича Калитою; ихъ выгнали изъ владѣній, и заставили бѣжать въ Нижній и Устюгъ. Съ тѣхъ поръ Галичъ и Паволожье зависѣли отъ Москвы. Князь Ростовскій долженъ былъ признать свою зависимость

(72) Стр. Врем. 1,340, Арханг. стр. 71 Костр. 1,183, Тип. стр. 103. — Вотъ одно изъ важнѣйшихъ дѣлъ, доказывающихъ великую Государственную власть, обширную политику Алексія Митрополита, и силу Религіи, какую обращалъ онъ на благотворныя дѣла политическія. Карамзинъ ничего этого не видалъ, и думалъ, что Св. Сергій былъ просто посыланъ отъ Димитрія. Онъ говоритъ: «Древнее обыкновеніе употреблять людей духовныхъ въ важныхъ дѣлахъ государственныхъ *еще не перемѣнилось*» (т. V. 10), и проч. Андрей Суздальскій, принявшій передъ кончиною схиму, погребенъ въ Нижегородск. соборѣ Св. Спаса. Добродѣтельная супруга его постриглась послѣ его кончины и отличалась благочестіемъ (Ист. Г. Р. т. V. пр. 4).

отъ Москвы, наравнѣ съ Ярославскими Князьями (73).

Безсильные на борьбу, Князья уступали; Новгородъ также смирялся, слушался Москвы; оставалось укрѣпиться со стороны Рязани и Твери, поддерживая до времени покорность Ордѣ. Но въ Рязани княжилъ гордый, отважный Олегъ—Гедиминъ въ маломъ видѣ; Тверь казалась покорною, ища посредничества и суда въ распряхъ Василія Михайловича съ дѣтьми брата его Александра. Мы говорили о ссорахъ слабодушнаго Всеволода Холмскаго съ Василіемъ. Но вскорѣ и въ Твери явился свой Олегъ.

Бѣдствія, испытанныя Русью въ страшные годы *Черной смерти*, снова посѣтили Русскія области. Послѣ мора Псковскаго (въ 1360 г.), зараза появилась на Волгѣ; въ 1364 г. опустошила Нижній, Переяславль; въ 1365 г. Ростовъ, Тверь, Торжекъ, въ 1366 году Москву и другія области (74). Смертность была ужасная.

---

(73) См. описаніе княженія Калиты. Въ Лѣтописяхъ Стр., Костр. и другихъ: «Сгони В. К. Князей изъ Галича, да Князя Ивана Стародубскаго — Князь Константинъ Ростовскій съѣхалъ на Устюгъ,» и проч.

(74) При семъ появленіи заразительной болѣзни, смѣшивались признаки Черной смерти (см. пр. 41) съ признаками настоящей моровой язвы, или чумы (*Типогр. Лѣт.* стр. 101.)

Замѣтимъ, что современники не смѣли или не хотѣли приписывать язвѣ кончины знаменитыхъ особъ; но *въ теченіе двухъ лѣтъ умершіе*: въ Нижнемъ Андрей Константиновичъ, въ Ростовѣ Князь Константинъ, его супруга, Епископъ, въ Твери дѣти Александра Михайловича: Всеволодъ, Андрей, Владиміръ, мать ихъ и супруги, сынъ Константина Михайловича, Симеонъ, его супруга, и въ Москвѣ единственный братъ Великаго Князя Іоаннъ, потомъ мать его (въ 1364 г.) — не показываютъ-ли, что всѣ они были жертвою одной губительной болѣзни (75)? Въ то-же время (1365 г.) Москва загорѣлась, лѣтомъ, среди сильныхъ жаровъ, и страшно выгорѣла; сгорѣли и Кремлевскія деревянныя стѣны. Великій пожаръ сей, начавшись отъ церкви Всѣхъ Святыхъ, былъ названъ *Всесвятскимъ* (76).

Оставаясь одинъ, съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ, Великій Князь долженъ былъ подтвердить договоры дружбы, союза, послушанія

---

(75) Упоминая о кончинѣ Митрополита Өеогноста, Архіепископа Василія, Симеона Гордаго, и другихъ Князей и знаменитыхъ особъ, лѣтописцы нигдѣ не прибавляютъ, что они умирали отъ общаго заразительнаго повѣтрія. Братъ Димитрія названъ въ Лѣт. Іоанномъ *малымъ*. Онъ владѣлъ Звенигородомъ (Дух. Іоанна II-го, въ *Собр. Гос. граматъ*).

(76) Тр. Лѣт. (Карамзинъ. V, пр. 6).

взаимнаго. Князья клялись въ присутствіи Митрополита Алексія. Желая отвратить всѣ недоразумѣнія мѣлочныя и распри между сановниками, Святитель наполнилъ множествомъ подробностей договоръ Князей (77). Не унывая среди ужасовъ, онъ благословилъ оградить Москву крѣпкою защитою, и скоро облегли Кремль Московскій каменныя стѣны, съ глубокими рвами и желѣзными воротами. Москва быстро возникла изъ пепла (78).

Новыя ссоры начались между оставшимися въ живыхъ Тверскими Князьями, и особенно между Василіемъ Кашинскимъ и Михаиломъ Александровичемъ, завладѣвшимъ Тверью послѣ смерти братьевъ. Москва не знала еще характера Михаилова, непреклоннаго и мужественнаго;

---

(77) *Собр. Гос. граматъ*, I, № 27. «Цѣловали есмы крестъ *у отца своего, у Алексія Митрополита.*»

(78) Типогр. Лѣт. годъ 1366-й. О желѣзныхъ воротахъ Московскаго Кремля, см. описаніе Тохтамышева нашествія въ Лѣтописяхъ. Кромѣ *пяти* извѣстныхъ донынѣ Кремлевскихъ воротъ, были еще шестыя: *Константино-Еленскія;* они вели на Варварку, отъ Кремлевскаго подола, или церкви Константина и Елены, но потомъ были закладены, и во рву Кремлевскомъ, отступивъ отъ нихъ, былъ складенъ тайный *застѣнокъ* для пытки преступниковъ, именовавшійся Константиновскимъ; входъ въ него былъ изъ Кремля, на мѣстѣ закладенныхъ воротъ.

забыла о сильномъ Олгердѣ Литовскомъ, родственникѣ Михаила, и думала, что жалобы Тверскихъ Князей, одного на другаго, будутъ для нея средствомъ подчинить себѣ Тверь. Михаила, Василія, и жалкаго Еремія Константиновича, княжившаго въ Тверскомъ Дорогобужѣ, уговорили рѣшить дѣло *духовнымъ судомъ*. Алексій далъ полномочіе Тверскому Епископу. Современники явно заговорили, что «Князь Великій хочетъ привести всѣхъ Князей Русскихъ подъ свою волю, а которые не будутъ повиноваться, тѣхъ принудить.» Но Епископъ ничего не понималъ, и добродушно оправдалъ Михаила, обвинилъ Василія и Еремія. Его немедленно позвали въ Москву къ Митрополиту, обложили данью, и уничтожили судъ его. Михаилъ бросился въ Литву. Василій, получивъ помощь Московскую, занялъ Тверь, пожегъ селенія, и едва успѣлъ убѣжать отъ Михаила, возвратившагося съ Литовскою помощью. Жена его, жена Еремія, Бояре, достались въ руки Михаила; Москва помирилась съ Михаиломъ, не препятствовала ему тѣснить Василія, и взять миръ на всей волѣ. Василій и Еремій повиновались; Михаилъ назвалъ себя *Великимъ Княземъ Тверскимъ*—но не надолго (79).

---

(79) Ист. Г. Р. V, пр. 9, 10. Тверской Дорогобужъ нынѣ село *Дорожево*. Ников. *Лѣтописецъ* вмѣщаетъ

Еремій отправился въ тотъ-же годъ въ Москву, и жаловался на новыя обиды. Михаила дружески пригласили къ Великому Князю, отъ имени его и Митрополита, разобрать споры *третьими*. Михаилъ пріѣхалъ, увидѣлъ пристрастіе судей, заспорилъ; его объявили *плѣнникомъ*. Только заступленіе Ханскаго Посла, бывшаго тогда въ Москвѣ, избавило Михаила отъ темницы, и онъ въ гнѣвѣ уѣхалъ въ Тверь, называя Митрополита и Димитрія *клятвопреступниками*. Но еще онъ не хотѣлъ вражды. Москва не боялась гнѣва Тверскаго Князя; удержала за Ереміемъ Тверской Городецъ. Василій Кашинскій умеръ; дружина Московская явилась въ Тверь, будто-бы защищать сына его Василія. Михаилъ поклялся наказать Москву, и — здѣсь было начало десятилѣтней, тяжкой вражды, гибели множества людей, и тяжелаго урока Мо-

---

послѣ описанія мира Димитрія съ Михаиломъ любопытное философствованіе. Онъ говоритъ, что миру сему «радовахуся Бояре ихъ, и вси вельможи ихъ, тако-же гости и купцы, и вси работники, людіе, роды и племена Адамовы; вси-бо сіи единъ родъ и племя Адамово: и Цари, и Князи, и Бояре, и Вельможи, и гости, и купцы, и ремесленницы, и работные люди единъ родъ и племя Адамово; и забывшеся, другъ на друга враждуютъ, и ненавидятъ, и грызутъ, и кусаютъ, отстояще отъ заповѣдей Божіихъ», и проч.

еквѣ, въ томъ, съ какимъ трудомъ и болѣзнію совершаются великія перемѣны государственныя (80).

Олгердъ находился въ какомъ-то полу-мирѣ съ Москвою, около 18-ти лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ подружился и породнился съ Симеономъ. Москва не препятствовала ему стѣснять Смоленскъ, ссориться со Псковомъ, и распространяться на югъ, совершенно погибшій для Руси. Олгердъ не враждовалъ за то, когда Москва не отдавала ему Ржева, тѣснила Тверь, унижала

(80) Вотъ еще одно изъ замѣчательныхъ политическихъ дѣлъ Алексія Митрополита, ибо онъ былъ руководителемъ всѣхъ сихъ сношеній съ Тверью. Карамзинъ опять приписываетъ все не Алексію, но другимъ, съ прибавленіями отъ себя, будто Михаилъ для того пріѣзжалъ въ Москву, «что *желалъ видѣть столицу Димитрія, тогда уже славную въ Россіи, узнать его лично, бесѣдовать*, и проч.—Вообще о поступкѣ съ Михаиломъ онъ говоритъ: «*Обманъ, недостойный правителей мудрыхъ* (т. V, стр. 16)!» Но если-бы Михаилъ не былъ необыкновенно мужественъ и твердъ, то Алексій успѣлъ-бы совершить безъ брани и кровопролитія то, что сдѣлалъ уже онъ съ Галичемъ, Ростовомъ, Стародубомъ, и тѣмъ легко уничтожилъ-бы сильнаго соперника Москвы. Такую государственную мѣру имѣлъ въ виду великій Святитель, а совсѣмъ не былъ онъ «невольно вовлеченъ въ дѣло, противное совѣсти.» Доказательство находимъ въ наказаніи Тверскаго Епископа, который оправдалъ Михаила, и въ послѣдствіяхъ.

зятя его Бориса Городецкаго; Москва уважила помощь Литвы Михаилу, въ 1367 году. Но въ сіи восьмнадцать лѣтъ, властвуя совершенно Литвою, Олгердъ успѣлъ пріобрѣсть силу, въ безпрерывныхъ войнахъ съ Польшею и Нѣмецкими Рыцарями, твердый дружбою брата Кейстута, и храбростію 12-ти сыновей своихъ, и Витовта, сына Кейстутова, еще юнаго, но уже подобнаго мужественному отцу. Напрасно Венгрія и Монголы вмѣшивались въ притязанія Олгерда на Галичъ и Волынь. Онъ умѣлъ отбить ихъ. Напрасно потомъ мнимо-*Великій* Людовикъ наслѣдовалъ *Великому* Казиміру въ Польшѣ: Олгердъ не боялся его, и, пользуясь смятеніями Орды, гналъ Монголовъ изъ-за Днѣпра, воевалъ до береговъ Чернаго моря, овладѣлъ древними Русскими землями: Кіевъ считался удѣломъ сына его Владиміра. Лѣтописцы, вообще не любя хвалить враговъ Руси, говорятъ объ Олгердѣ, что «онъ превзошелъ всѣхъ братій своихъ властію и саномъ, ибо не пилъ ни вина, ни меду, ни пива, ни квасу кислаго, и великоумствомъ воздержанія пріобрѣлъ крѣпкую думу, и многій промыслъ пріялъ, города и Княжества многіе захватилъ, удержалъ себѣ честь великую, и умножилъ владѣнія паче отца и дѣда. «Когда Олгердъ хотѣлъ куда идти на войну,» прибавляютъ они, «обычай у него былъ: не говорить объ этомъ ни своимъ, ни чужимъ, да не будетъ

услышана дума его непріятелемъ. И такою-то хитростью много земель завоевалъ Олгердъ, не столько силою, сколько умѣньемъ (81).»

Такъ ничего не знали въ Москвѣ, когда при-

---

(81) Строевск. Врем. I. 351.—Владиміръ Андреевичъ отнялъ Ржевъ у Литвы въ 1368 г. (Типогр. Лѣт. стр. 106). — Въ именахъ, удѣлахъ и самомъ числѣ сыновей Олгерда находимъ разнорѣчія. Вотъ они, по изслѣдованіямъ Лелевеля: *Ягелло*, род. 1348 г.; *Скиригелло*—Казиміръ; *Свидригелло*—Волеславъ, Левъ; *Вигундъ* — Александръ; *Минигелло*; *Владиміръ* Кіевскій; *Лугвеній* — Симеонъ; *Андрей* Полоцкій; *Корибутъ*—Димитрій Брянскій, родоначальникъ Вишневецкихъ; *Коригелло* — Казимиръ, родоначальникъ Чарторійскихъ; *Бутава* — Константинъ, Борисъ. Въ нашихъ Лѣтописяхъ нѣтъ *Вигунда*, но они именуютъ *Θеодора* и *Кербута*; Стриковскій еще болѣе путается. Его преувеличенныя извѣстія о побѣдахъ и завоеваніяхъ Олгерда (будто онъ взялъ *Херсонъ* въ Крыму, и проч.) повторены у Карамзина (т. V, стр. 17). Завоеванія Олгерда ограничивались на востокъ теченіемъ Днѣпра до пороговъ. Въ нашихъ Лѣтописяхъ: «въ 1462 г. Князь Олгердъ Синюю воду и Бѣлобережье повоева.» *Бѣлобережье*, см. Ист. Р. Н. т. I, пр. 132; о *Синихъ водахъ*, въ *Книгѣ большаго чертежа*: «А вверхъ по рѣкѣ Бугу (отъ Лимана морскаго 50 верстъ) пала въ Бугъ рѣчка Синяя вода; а на рѣчкѣ Синей водѣ, 70 верстъ отъ Буга, городъ Синяя вода.» Вотъ южный предѣлъ власти и побѣдъ Олгерда.—Витовтъ, сынъ Кейстута, родился въ 1350 году.

шла внезапная вѣсть о вступленіи сильныхъ дружинъ Олгерда въ предѣлы Московскіе. Наскоро выслали отрядъ войска, встрѣтить его. Гонцы поскакали сзывать дружины и Князей. Близъ Тростенскаго озера разбиты были Олгердомъ высланные Москвичи; воевода Акинѳъ Шуба палъ въ битвѣ. Означая путь свой пожарами и смертью, Олгердъ *сталъ подъ Москвою* въ концѣ Ноября (Тростенская битва была Ноября 21 ч.). Въ Кремлѣ наскоро затворились Великій Князь, Владиміръ, Митрополитъ, избранная дружина; посады Московскіе были сожжены. Три дня стоялъ на пепелищѣ Олгердъ, грабилъ, что могъ, и удалился безпрепятственно.

Кажется, что переговоровъ не происходило; но присутствіе Михаила въ станѣ Олгердовомъ показывало, зачѣмъ приходилъ Князь Литовскій. Вспоминая, что отъ *Ѳедорчуковой* рати не было такого зла Руси, а отъ Литвы еще никогда подобнаго не бывало, Москва согласилась на уступку Городца, Твери, и отступилась отъ Еремія (82). Но не прошло го-

(82) *Тростенское* озеро, Моск. губ. въ Рузскомъ уѣздѣ.—Взявъ *Оболенскъ* (нынѣ слобода, на рѣкѣ Нарѣ, Калужск. губ.), Литовцы убили въ немъ Князя Константина Оболенскаго. *Типографск. Лѣт.* стр. 107.— «Се-же первое зло Москвѣ отъ Литвы сотворися,» и проч.—О Ѳедорчуковой рати, см. т. IV, годъ 1327-й.

да, какъ Димитрій самъ объявилъ войну Михаилу. Началось опустошеніемъ Зубцова, Микулина (1370 г.). Михаилъ не могъ, по видимому, уговорить Олгерда, отправился въ Орду, и вывезъ грамату Мамаитъ-Султана на Великое Княжество. Къ изумленію Ханскаго Посла, Руские ему не внимали. Тогда открылись умыслы Олгерда: разсѣянные отряды Московскіе еще не были готовы къ отпору, а онъ уже стоялъ близъ Волоколамска, быстро двинувшись по зимнему пути. Князь Березуйскій начальствовалъ въ Волоколамскѣ, и три дня защищался мужественно. Димитрій думалъ, что войско успѣетъ между тѣмъ соединиться; но Олгердъ повернулъ прямо на Москву; 6-го Декабря онъ окружилъ Кремль, и сжегъ Московскій посадъ, едва отстроившійся. Но Олгердъ видѣлъ опасность: наступала оттепель; отъ Пронска, отъ Перемышля, изъ Суздальскихъ областей (гдѣ Алексій Митрополитъ дружески гостилъ въ то время, и крестилъ сына у Бориса Городецкаго), шли войска; Кремль не сдавался, и Олгердъ самъ предложилъ *вѣчный миръ*, будучи готовъ укрѣпить его брачнымъ союзомъ Владиміра Андреевича съ дочерью своею Еленою. Предложеніе принято; заключили перемиріе, и Михаилъ, видя себя преданнымъ мщенію Москвы, снова отправился въ Орду. Тамъ еще разъ выдали ему грамату на Великое

Княжество. Великодушно не взявъ войска Ордынскаго, Михаилъ съ горестью увидѣлъ, что ни Московскій, ни другіе Князья, не слушаются простаго приказа Ханскаго. Напрасно Сары-Ходжа, Посолъ Мамая, звалъ Димитрія во Владиміръ, на судъ и слушаніе Ханскаго ярлыка. «Не ѣду слушать ярлыка, не отдаю Великаго Княжества, а ты всюду поѣзжай свободно»—отвѣчалъ Димитрій. Богатые дары были посланы къ Сары-Ходжѣ. Онъ отдалъ Михаилу ярлыкъ Ханскій, а самъ поѣхалъ въ станъ Димитрія, который расположился тогда на Мологѣ, и загородилъ путь Михаилу въ Тверь. Михаилъ пробрался черезъ сѣверныя области, а Димитрій повезъ Сары-Ходжу въ Москву, мало заботясь о томъ, что Тверитяне мстятъ ему раззореніемъ областей. Сары-Ходжа сдѣлался другомъ Москвы (83).

Время уже было Димитрію подумать о дружбѣ Ордынцевъ. Оказавъ дважды неповиновеніе Хану, онъ могъ ожидать бѣды, и только благосердіе Михаила спасло Русь отъ рати, хуже Ѳедорчуковой, когда Олгердъ и Тверь сидѣли въ то-же время на плечахъ Москвы. Мамай могъ простить Рускимъ, что они дерзко отразили Монголовъ и разбили ихъ въ 1365-мъ и 1367-мъ годахъ: это были Монголы враждебныхъ ордъ,

---

(83) Стр., Типографск., Арханг. Лѣт.

приходившіе своевольно (84); но неповиновеніе *Ордѣ Мамая* казалось страшнымъ преступленіемъ. Еще не крѣпкимъ союзомъ утверждены были части Великаго Княжества. Новгородцы заключили съ Димитріемъ договоръ, обязываясь «быть съ нимъ въ одиначествѣ, всѣсть на коня, при обидѣ съ Литвою и съ Тверью.» Димитрій обѣщалъ быть у нихъ самъ, или прислать Владиміра Андреевича, при войнѣ Новгорода съ Литвою или Тверью, и «не мешать Новгородъ, пока онъ не умирится,» развѣ въ случаѣ рати на Москву и Новгородъ въ одно время. И тутъ Димитрій обязывался объявить объ этомъ безъ *хитрости;* а Новгороду, послѣ сего, отъѣзда Княжескаго въ измѣну не ставить.—Но почти тогда-же Михаилъ взялъ отъ Новгорода подобную грамату, хотя и вынужденную неволею, ибо Новгородцы не любили Михаила, приводившаго Литву на Русь (85). Не забудемъ и

(84) Въ 1365 году приходилъ на Рязань *Тагай* Наручатскій, и былъ разбитъ Княземъ Пронскимъ; въ 1367 г. *Булатъ-Темиръ*, отъ предѣловъ Казани, нападалъ на Бориса Городецкаго, и былъ также разбитъ; его гнали за Волгу до рѣки Пьяны (Типогр. Лѣт. стр. 102, 105).

(85) Договоръ Новгорода съ Димитріемъ сохранился въ собраніи Двинскихъ граматъ (Ист. Г. Р. т. V, пр. 26); о договорѣ съ Михаиломъ Карамзинъ говоритъ, что онъ былъ заключенъ въ 1370 году, и

Рязани, хотя Олегъ не соединялся съ Тверью, и даже приходилъ на помощь Москвѣ, при второмъ нашествіи Литовскомъ. Увѣренный, что покорность и дары умилостивятъ Орду, Димитрій рѣшился на отважное дѣло: онъ поѣхалъ въ Орду самъ. Москва боялась за юнаго своего Князя. Митрополитъ, съ благословеніемъ, провожалъ его до Оки. Димитрій оставилъ въ Москвѣ грамату духовную. Къ сожалѣнію, отъ нея сохранился только одинъ ветхій лоскутъ: не знаемъ распоряженій Димитрія о Великомъ Княжествѣ, когда онъ ѣхалъ на жизнь и смерть, беззащитно предавая голову свою въ руки свирѣпыхъ Ордынцевъ, раздраженныхъ имъ (86).

Тѣмъ радостнѣе было благополучное возвращеніе Димитрія. Онъ пріѣхалъ обратно съ полною милостью Хана; видѣлъ лицемъ къ лицу производителя въ Ханы и въ Князья, грознаго Мамая. Михаилу Тверскому привезли изъ Орды

хранится въ Архивѣ Колл. ин. дѣлъ, подъ № 8-мъ. Онъ не помѣщенъ въ *Собр. Гос. граматъ* (Ист. Г. Р. т. V, пр. 26).

(86) Вѣроятно, къ 1371 г. относится актъ, пом. въ *Собр. Гос. граматъ*, т. I, стр. 51, а также и договоръ съ Владиміромъ, т. I, стр. 49, весьма ветхіе, такъ, что едва можно въ нихъ прочитать нѣсколько словъ. Тутъ упоминаютъ, *кажется*, объ уступкѣ Владиміру Галича и Дмитрова.

насмѣшливый отвѣтъ: «Мы давали тебѣ Великое Княжество, и давали тебѣ рать и силу сѣсть на него. Но ты рати и силы не взялъ; сказалъ: своею силою сядешь на Великомъ Княжествѣ; садись-же съ кѣмъ тебѣ любо, а отъ насъ помощи не ищи (87).» Въ отсутствіе Димитрія совершили свадьбу Владиміра Андреевича съ дочерью Олгерда. Рѣшились приступить послѣ сего къ сильнѣйшимъ мѣрамъ. Не мирясь съ Тверью, и надѣясь, что Олгердъ не будетъ уже болѣе помощникомъ Михаила, приняли всѣ другія предосторожности, и хотѣли сначала управиться съ Олегомъ Рязанскимъ. Воевода Московскій, мужественный Димитрій Волынскій, зять Димитрія (88), пошелъ на Рязань. Память ненависти между Рязанью и Москвою осталась въ лѣтописяхъ. «Рязанцы,» говорятъ онѣ, «люди суровые, человѣки свирѣпые, полоумные *смерды*,

---

(87) Карамзинъ, т. V, 28. Впрочемъ, едва-ли сіи слова не выдумка *Никон. Лѣтописи*; въ другихъ, достовѣрныхъ лѣтописяхъ, ихъ нѣтъ.

(88) Онъ выѣхалъ изъ Волыни, и Димитрій выдалъ за него сестру свою Анну (*Родословная книга*, т. II, 85). Этого Димитрія означаютъ потомъ Лѣтописи на Куликовской битвѣ подъ именемъ *Димитрія Волынца*, и *Боброка*. Карамзинъ увѣряетъ, что Волынецъ былъ потомокъ, либо Князей Пинскихъ, либо Романа Галицкаго (т. V, стр. 44, пр. 38). Доказательствъ на это нѣтъ.

вознеслись мыслью, возгордились величаніемъ; помыслили высокоуміемъ своимъ, и говорили другъ другу: «Не берите оружія, ни щита, ни копья, а только бери каждый веревки, лови и вяжи Москвичей, слабыхъ, страшливыхъ, не крѣпкихъ!» Наши-же (пишетъ Москвичъ), съ воздыханіемъ и смиреніемъ уповали на Бога, крѣпкаго въ бранихъ, шли не въ силѣ, но въ правдѣ, за что Богъ даетъ побѣду и одолѣніе. И увидѣлъ Богъ смиреніе наше, а Рязанское высокоуміе и гордость. Соломонъ сказалъ: гордымъ Богъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. И въ Евангеліи сказано: всякъ возносяйся смирится, а смиряйся вознесется. И Давидъ Пророкъ говоритъ: не спасется Царь многою силою, и исполинъ множествомъ храбростіи и крѣпости своея.» Въ битвѣ при Скорнищевѣ Олегъ былъ разбитъ, бѣжалъ. Москва объявила его лишеннымъ престола, и отдала Рязань доброму союзнику своему Владиміру Пронскому (89).

Участь Олега показала Михаилу, что готовится ему въ будущемъ. Новое, горькое оскорбленіе нанесено было Михаилу. Сынъ его, Іоаннъ, оставался въ Ордѣ, въ залогѣ, за долгъ Хану. Димитрій заплатилъ этотъ долгъ, привезъ

(89) Строевск. Врем. и другія лѣт. подъ 1371 годомъ.

Іоанна въ Москву, и требовалъ уплаты. Михаилъ немедленно выкупилъ сына (90), и готовилъ Москвѣ страшное мщеніе. Думали, что если Олгердъ и вступится за него, то поведетъ дружины свои зимою. Тотчасъ послѣ Пасхи, 1372 г., Михаилъ нечаянно напалъ на Дмитровъ, сжегъ и ограбилъ его. Тогда-же узнали, что Кейстутъ, Князь Андрей Полоцкій, Князь Друцкой, и Витовтъ, уже перешли Тверскую область, и грабятъ около Переяславля. Олегъ въ это-же время напалъ на Рязань, и изгналъ Князя Пронскаго. Но Кейстутъ скоро двинулся назадъ, мимоходомъ захватилъ Торжекъ, ввелъ въ него намѣстниковъ Михаиловыхъ, а Князь Полоцкій грабилъ мимоходомъ союзную Тверскую область. Можно было полагать, что участіе Литвы тѣмъ кончится. Москва приготовилась воевать Тверь. Новгородцы были еще поспѣшнѣе. Удалецъ Новгородскій, Александръ Абакумовъ (91), съ дружинами, прискакалъ въ Торжекъ, выгналъ Тверскихъ Намѣстниковъ, захватилъ Тверскихъ купцовъ. Михаилъ кинулся на Торжекъ съ войскомъ. Торж-

---

(90) Князь Іоаннъ заключенъ былъ въ Москвѣ, « на *Митрополичи дворѣ* Алексѣевѣ, и сѣдѣ донележе выкупиша его » (*Тип. Лѣт.* стр. 112).

(91) Знаменитый своими набѣгами по Волгѣ (см. далѣе).

ковцы клялись *быть съ Новгородомъ за одно.* Мая 31-го Михаилъ прислалъ съ *смиреніемъ*, просилъ только ввести въ Торжекъ его Намѣстника, и выдать ему обидчиковъ. Никто не думалъ слушаться. Абакумовъ выбѣжалъ первый въ битву, и былъ убитъ въ первой схваткѣ. Дружины его были вырѣзаны; остатки ихъ бѣжали. Тверитяне зажгли Торжекъ съ вѣтра, и городъ вспыхнулъ. Воины Михаила предавались всѣмъ неистовствамъ грабежа. Среди пламени и вопля людей, сгоравшихъ за живо, они грабили, рѣзали. Многія дѣвицы, спасая честь свою, бросались въ рѣку и тонули. Пять скудельницъ наполнено было потомъ мертвыми тѣлами, кромѣ тѣлъ сгорѣвшихъ, утонувшихъ, унесенныхъ Тверцою. Совершивъ ужасную месть надъ Торжкомъ (92), Михаилъ быстро ринулся на Калугу, и подъ Любуцкомъ соединился съ Литовцами (въ Іюлѣ). Олгердъ стоялъ уже тамъ съ сильнымъ войскомъ; Олегъ Рязанскій былъ съ нимъ вмѣстѣ. Но какъ ни скрытно дѣйствовалъ Олгердъ, какъ ни искусно развлекалъ онъ вниманіе Москвы, Димитрій ждалъ его. Москвичи смяли передовой полкъ Литовскій. Олгердъ и Димитрій сблизились на битву; силы ихъ были равны — только одинъ глубокій

---

(92) Новг. Лѣтоп. (1372 г.). — «И отъ поганыхъ не бываше таково зло.»

оврагъ раздѣлялъ непріятелей. Нѣсколько дней обѣ рати стояли неподвижно, боясь битвы; всѣ равно желали мира, не успѣвъ обмануть другъ друга, и договоръ былъ заключенъ, съ одной стороны отъ имени *Великаго* Князя Олгерда, брата его Кейстута, и *Великаго* Князя Святослава Смоленскаго, съ другой Великаго Князя Димитрія Ивановича, и Князя Владиміра Андреевича. «Войны между нами нѣтъ отъ Госпожинокъ до Дмитріева дня; Посламъ путь чистый. Обязуемся взаимно не воевать областей Михаила Тверскаго, Димитрія Брянскаго, Олега Рязанскаго, Владиміра Пронскаго, и союзниковъ другъ друга. Тверь не вступается въ Великое Княжество, а оно въ Тверь. Что касается до жалобъ нашихъ Царю (Ордѣ), въ томъ Божья воля—какъ Царь велитъ, такъ и дѣлать; взаимно отдать, что захвачено и пограблено.» — *Со Ржевы до исправы не высылать* — прибавлено въ концѣ: такъ дорожилъ этимъ мѣстомъ Олгердъ (93). Димитрій обрадованъ былъ послѣ того рожденіемъ втораго

---

(93) Сей договоръ въ *Собр. Гос. грамат*, т. I, № 31 (не 1371-го, а 1372 года). *Великими* названы въ немъ всѣ Князья самовластные. Слѣдовательно, тогда сей титулъ принимали уже всѣ тѣ, кто хотѣлъ отличить себя отъ *подручныхъ* - собственно, или присяжныхъ Князей, каковы были: Ростовскіе, Ярославскіе, и проч.

сына *Юрія*. Его крестилъ въ Переславлѣ Игуменъ Сергій. Дѣдъ, Димитрій Суздальскій, находился тамъ, со всѣмъ своимъ Дворомъ (94).

Миръ продолжился долѣе Дмитріева дня, но ненадежный. Орда безпрерывно становилась мрачнѣе. Мамай опять негодовалъ на Димитрія. Нечаянная ссора и убіеніе въ дракѣ Пословъ и воиновъ Монгольскихъ въ Нижнемъ Новгородѣ, привлекли толпу мстителей. Вѣроятно, ихъ успѣли умилостивить, но они раззорили часть Нижегородскихъ областей (95). Два злые перевѣтника бѣжали въ это время изъ Москвы въ Тверь, и возбудили готовую вражду. « Пишу о семъ » — говоритъ Лѣтописецъ — « понеже оттолѣ возгорѣся огонь. » Одинъ изъ нихъ былъ Сурожскій гость Некоматъ; другой сынъ Тысяцкаго Московскаго, Иванъ Вельяминовъ. Отецъ его скончался въ Сентябрѣ 1374 г. Димитрій уничтожилъ послѣ того сей важный санъ, опасный власти Князя (96). Оскорбленный Вельяминовъ

(94) Ноября 26, 1374 г.— *Василій*, старшій сынъ Димитрія, родился 30 Дек. 1371 г.

(95) Убитъ былъ посолъ Мурза Сарайко, и съ нимъ до 1000 Монголовъ; Монголы раззоряли послѣ того Нижегородскія области по рѣкѣ Киши (Кар. V, 37, и *Типогр. Лѣт.* годъ 1375).

(96) См. выше прим. 17. — Родъ *Вельяминовыхъ* происходилъ отъ Боярина Протасія, находившагося

миновъ внушилъ Михаилу надежды на помощь Хана. Отправивъ его и Некомата въ Орду, Михаилъ самъ съѣздилъ въ Литву. Послы его пріѣхали изъ Орды съ полнымъ успѣхомъ: привезли грамату Михаилу на Великое Княжество. Мамай обѣщалъ послать войско. Олгердъ готовился. Іюля 14-го Михаилъ послалъ въ Москву сказать, что слагаетъ крестное цѣлованіе (97). Но Димитрій безстрашно ждалъ новой грозы, и 5-го Августа Тверь была уже въ осадѣ. Сильныя дружины шли отовсюду, съ Князьями, подвластными или союзными Димитрію — Суздаль-

---

при Калитѣ, и считался однимъ изъ знатнѣйшихъ. *Тысяцкіи Василій* былъ старшій внукъ Протасія; другой внукъ его, *Тимоѳей Васильевичъ*, былъ Окольничимъ, и предводилъ Московскими дружинами въ Вожскомъ и Куликовскомъ сраженіяхъ. Кромѣ старшаго сына *Ивана*, у Тысяцкаго Василія было еще два сына: *Микула* (Николай), женатый на дочери Димитрія Константиновича, слѣдственно своякъ Великому Князю, и *Полуектъ* (Поліевктъ), дочь котораго, Евфросинія, была за сыномъ Великаго Князя, Петромъ Димитріевичемъ (*Родосл. Книга*, родъ *Воронцовыхъ* и *Вельяминовыхъ*).

(97) Михаилъ просилъ уже въ сей разъ у Мамая помощнаго войска; Мамай обѣщалъ ему, «и Князь Михаилъ Тверской, имя вѣры Бесерменской лести, и ни мало не пождавъ, но того дни посла на Москву, и цѣлованіе крестное сложилъ» (*Типогр. Лѣт.* годъ 1376-й).

скимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ, Моложскимъ, Кашинскимъ (сыномъ Михаила Васильевича, умершаго уже въ это время), Стародубскимъ, Брянскимъ, Новосильскимъ, Оболенскимъ, Торусскимъ, Бѣлозерскимъ. Пѣшія дружины Торжка, и Новгородцы, «скрежеща зубами за свою обиду» и «взводя честь Князя своего», окружили Тверь (98). Михаилъ защищался отчаянно. Осаждающіе прикатили туры, намешали наметы, зажигали башни. Михаилъ не сдавался; въ Тверскихъ церквахъ день и нощь молились со слезами о спасеніи; наложили постъ въ городѣ, ждали помощи. Мамай не шелъ. Къ прискорбію Михаила, Литовцы пошли, и вдругъ повернули назадъ, услышавъ о силѣ Димитрія. Дряхлый Олгердъ болѣе думалъ о спокойствіи. Между тѣмъ Москвичи и союзные имъ ратники «учинили пусты всѣ волости Тверскаго Княжества.» — Зубцовъ, Бѣлгородъ, Старица, Микулинъ были пожарищами, не городами! Въ крайности, Михаилъ прислалъ просить помилованія. Димитрій, довольный униженіемъ врага, не предписывалъ ему тяжкихъ условій. Въ договорѣ, позволивъ Михаилу называться Великимъ Княземъ, обязали его не трогать другихъ Князей безъ воли Димитріевой, который *дозритъ правду въ судѣ*; идти на войну по указу Димитрія; не слушать свады

(98) Новг., Костр., Строевск. лѣт.

Татарской, и если станутъ ему давать Великое Княжество, не брать (Димитрій тѣмъ-же обязался въ отношеніи Твери); въ Кашинъ не вступаться; съ Олгердомъ не дружиться, и если начнется съ нимъ война, помогать Москвѣ. Любопытно, что въ случаѣ спора, опредѣлили выбирать *въ третьи* Олега Рязанскаго. Далѣе сказано: « Держать намъ съ Татарами миръ, и давать, или не давать имъ выходъ по общей думѣ; пойдутъ на насъ Татары, биться за одно; если и *мы сами пойдемъ на нихъ*, тоже пойдти за одно. « Новгородъ включили въ договоръ общій; но заключили и особый договоръ отъ имени Новгорода (подтвержденный потóмъ черезъ Посла Михаилова). Михаилъ отступился отъ Вельяминова и Некомата. Сіи несчастные измѣнники оба погибли: Вельяминова поймали и казнили въ 1379 году, а Некомата черезъ восемь лѣтъ послѣ Тверской осады (99).

---

(99) Договоръ съ Михаиломъ въ *Собр. Гос. граматъ*, т. I, № 28 (онъ несправедливо отнесенъ тамъ къ 1368 году, ибо въ немъ упоминается объ измѣнѣ Вельяминова и Некомата, на стр. 48). Договоровъ Михаила съ Новгородомъ до насъ дошло два: *одинъ* краткій, вѣроятно, заключенный подъ Тверью; *другой* подробный, заключенный Посломъ его, нарочно пріѣзжавшимъ въ Новгородъ (см. *Собр. Гос. граматъ* т. I, № 16 и 17-й). У Карамзина помѣщена еще грамата, по которой Новгородцы заключили миръ съ Ми-

Не знаемъ: извинялся-ли Димитрій въ новомъ неповиновеніи грамагпѣ Ордынской. По крайней мѣрѣ, поступки его отъ сего времени сдѣлались еще болѣе смѣлы. Видно было, что онъ уже вѣрилъ въ силы свои. Часть дружинъ его, съ Дмитріемъ Волынскимъ, совершила удачный набѣгъ на Волгу. Соединясь съ дружинами Князя

хаиломъ (т. V, пр. 36); она хранится въ Архивѣ, но, неизвѣстно почему, не включена въ *Собр. Госуд. грамать*. О казни Вельяминова, въ *Троицкой лѣт.*, подъ 1379 годомъ (Ист. Г. Р. т. V, пр. 37) — «Иванъ Васильевъ, сынъ Тысяцкаго, мечемъ потять бысть на Кучковѣ полѣ, у города Москвы, повелѣніемъ Великаго Князя.» (Такъ и въ *Типографск. лѣт.*, стр. 151). О Некоматѣ, подъ 1383-мъ годомъ: «Убіенъ бысть нѣкій *брехъ*, именемъ Некоматъ, за нѣкую крамолу бывшую и измѣну.» *Кучковымъ полемъ* называлось мѣсто, гдѣ нынѣ Срѣтенскій монастырь. *Никоновскій лѣт.* распространилъ описаніе казни Вельяминова. Карамзинъ взялъ часть вымышленныхъ его прикрасъ, и говоритъ, что «народъ Московскій съ горестію смотрѣлъ на казнь сего несчастнаго, *прекраснаго лицомъ, благороднаго видомъ*,» и проч. — Карамзинъ называетъ сію казнь *первою смертною казнью въ Москвѣ* — т. е. «первою *торжественною*, о коей упоминаютъ Лѣтописцы,» прибавляетъ онъ въ примѣчаніяхъ. Соглашаемся. — Родъ Ивана Вельяминова пострадалъ вмѣстѣ съ нимъ. Въ *Родосл. книгѣ*: «И отъ Ивана дѣти, опалы для въ своемъ роду и въ счетѣ не стояли.» Братья и дяди Ивана оставались по прежнему въ своихъ званіяхъ.

Суздальскаго, въ 1376 году, Москвичи ходили на Орду Булгарскихъ Монголовъ (100). Другая часть ихъ безуспѣшно старалась выгнать Литовцевъ изъ Ржева (101). Если намъ неизвѣстны тогдашнія отношенія Руси къ Ордѣ, мы поймемъ ихъ по слѣдствіямъ. Въ Русь дошли слухи, что Царевичъ изъ Синей Орды, Арапша, идетъ къ Нижнему. Давъ знать о томъ Димитрію, Суздальскій Князь приготовился къ отпору. Димитрій пришелъ самъ; но объ Арапшѣ ничего не могли узнать. Поручивъ свои отряды дѣтямъ Димитрія Константиновича, Великій Князь поспѣшилъ въ Москву, а Симеонъ и Іоаннъ, сыновья Суздальскаго Князя, повели Московскія, Суздальскія, Владимірскія, Ярославскія, Юрьевскія дружины за Волгу, и перешли съ ними

---

(100) Никон. Лѣт., къ слову: на *Болгары*— прибавляетъ — *рекше на Казань*. Вслѣдствіе сего, Карамзинъ описываетъ — *Походъ на Казань и завоеваніе Булгаріи* (т. V стр. 45), со всѣми сказочными подробностями Никон. Лѣтописца (напримѣръ, что *Казанцы* хотѣли устрашить Руских *громомъ*. Какимъже громомъ)? Руские просто ходили на Волгу, и дрались съ Булгарскими Князьями Асаномъ и Махметъ-Салтаномъ. Еще въ 1370 г. Князь Суздальскій совершилъ такой-же походъ, съ дозволенія Мамая, ибо на Волгѣ, около Булгаръ, обитали орды Булатъ-Темира, врага Золотой Орды (см. *Тип. Лѣт.* стр. 109, 127).

(101) Архангел. Лѣт. стр. 18.

рѣку Пьяну (102). Тутъ узнали, что Арапша стоитъ за Волгою, на Волчьихъ водахъ (103). Не боясь врага столь отдаленнаго, Рускіе не готовились къ битвѣ: доспѣхи ихъ были сложены на тѣлеги; у иныхъ лежали въ сумахъ; даже сулицы у многихъ были не насажены, не приготовлены ни щиты, ни копья; полураздѣтые, воины занимались охотою и пили меды. Явились, не Арапша, но—полки Мамая: ихъ тайно подвели Мордовскіе Князьки, и на Шипорѣ, съ.

---

(102) *Синяя Орда*, т. е. Заяицкая, враждебная Золотой, Мамаевой. *Синимъ моремъ* называли Рускіе Аральское озеро. Слѣдственно, Арапша шелъ *изъ-за Волги*.—Рѣка *Пьяна*, начинаясь въ Курмышскомъ уѣздѣ, изгибается къ западу, потомъ къ востоку, и впадаетъ въ Суру, въ 5-ти верстахъ отъ Курмыша. Этотъ городъ поставленъ былъ Борисомъ Городецкимъ въ 1372-году. Въ сихъ мѣстахъ Рускіе оберегали Поволожье отъ набѣговъ, которые бывали изъ *Засурья* и изъ *Запьянья*.

(103) Т. е., что Арапша *еще не переходилъ черезъ Волгу*, а шелъ къ рѣкѣ Камѣ, по берегамъ рѣки Бѣлой, дабы потомъ спуститься по теченію Камы на Волгу. *Волчьи воды*, вѣроятно, рѣка *Бирь*, на которой находится нынѣ городъ Бирскъ. Она впадаетъ въ Бѣлую, и Татары называютъ ее *Бирь-су*, или *Бюрь-су* (Волчья вода). Около Бирска видны донынѣ остатки могилъ, рвовъ и городищъ, изъ коихъ одно называется туземцами *Чортовымъ*, другое *Сокольею горою*, третье *Акбашевымъ*.

тяти разныхъ сторонъ, они ударили на Рускихъ (104). Изумленныя дружины Русскія бросились въ бѣгство опрометью, тонули въ Пьянѣ, гибли подъ мечами враговъ; въ числѣ утонувшихъ былъ Іоаннъ Димитріевичъ—онъ кинулся на конѣ въ Пьяну, и погибъ. Порицая оплошность Князей, Лѣтописцы говорятъ, что съ тѣхъ поръ вышла пословка: *за Пьяною люди пьяны* (105).

---

(104) «Поганіи Князи Мордовстіи подведоша рать Татарскую въ таю, изъ *Мамаевы Орды*» (Типографск. лѣт. стр. 129). Слѣдовательно: *не Арапша* разбилъ Рускихъ за Пьяною.

(105) Арханг. лѣт. стр. 79, «И пословка и донынѣ прозвася,» и проч.—Тутъ именно говорится, что *Татаръ Мамаевыхъ* предводилъ Мордвинъ *Алабуга*.—*Никон. Лѣт.* по своему пересказываетъ все происшествіе, прибавляетъ безсовѣстно, говоритъ, что Арапша перебѣжалъ изъ-за Волги въ Мамаеву Орду. «И бѣ той Арапша свирѣпъ зѣло, и ратникъ велій, и мужественъ и крѣпокъ; возрастомъ-же тѣлеснымъ малъ зѣло, мужествомъ-же веліи, и побѣди многихъ.» Не разобравъ дѣла, Ник. Лѣт. приписываетъ побѣду Арапшѣ. Карамзинъ все это внесъ въ Исторію (т. V, стр. 47), даже и самое описаніе Арапши («карло станомъ, но великъ мужествомъ, хитръ на войнѣ, свирѣпъ до крайности,» и проч.). Изъ всѣхъ другихъ Лѣтописей видно, что Арапши тутъ вовсе не было. Онъ пришелъ уже по разбитіи Рускихъ на Пьянѣ, но не переходилъ Суры, вѣроятно, боясь Мамаевыхъ Ордъ

Быстрѣе Русскихъ бѣглецовъ пустились Монголы на Нижній; въ третій день они уже были тамъ. Димитрій Константиновичъ думалъ увидѣть побѣдителей—увидѣлъ Монголовъ, не имѣлъ силы имъ противиться, не смѣлъ засѣсть въ каменномъ Кремлѣ своемъ, и бѣжалъ въ Суздаль; Нижегородцы разбѣжались кто куда успѣлъ; остальныхъ перерѣзали Татары; городъ былъ ими зажженъ; монастыри, церкви ограблены, или сгорѣли.

Въ то-же лѣто дружины Монголовъ быстро явились близъ Рязани. Нападеніе было столь внезапно, что Олегъ едва успѣлъ убѣжать, *обстрѣлянный*, какъ говорятъ современники (106).

Сомнѣнія не оставалось болѣе: Орда была разгнѣвана, хотѣла мстить, и не довольствовалась уже Послами и данью. Но Димитрій и самъ готовился на битвы. Смерть Олгерда

(«того-же лѣта, *прежереченный* Арапша пришедъ, пограби Засурье все, и огнемъ пожже.» *Тип. и Арханг. Лѣт*).

(106) *Соф. и Строевск. Лѣт.* — Послѣ раззоренія Нижняго Новгорода, Мордва грабила уѣзды тамошніе. Борисъ Городецкій бросился на хищниковъ, и гналъ ихъ до самой Пьяны. Зимою, Борисъ, Симеонъ и Воевода Московскій, Свибло, ходили въ Мордовскую землю, грабили, жгли, рѣзали несчастныхъ полудикарей; множество ихъ привели потомъ въ Нижній, и на льду Волги терзали, мучили, даже травили собаками (*Тип. Лѣт.* стр. 132).

(1377 г.) и событія послѣ оной въ Литвѣ обезопасили Великаго Князя отъ Литвы и Твери. Олгердъ, какъ отецъ его Гедиминъ, раздѣливъ удѣлы 12-ти сыновьямъ, поставилъ младшаго изъ нихъ, Ягелло, главою всѣхъ. Кейстутъ, сотоварищъ и другъ Олгерда, вскорѣ увидѣлъ непріязнь племянника; вражда ихъ кончилась смертью Кейстута, умерщвленнаго по повелѣнію Ягелла. Дѣти Кейстута, одни погибли, другіе бѣжали. Братья Ягелловы не всѣ участвовали въ его злодѣйствахъ; нѣкоторые изъ нихъ ссорились, враждовали съ нимъ, или спасались отъ него бѣгствомъ (107). Въ числѣ такихъ бѣглецовъ былъ Андрей Полоцкій. Онъ явился въ Псковъ, и черезъ Новгородъ отправился въ Москву. Димитрій принялъ его ласково, и кажется, что Русскія дружины помогли ему снова занять Полоцкъ. Онъ и братъ его,

(107) Кейстутъ, узнавъ злоумышленіе Ягелла, сразился съ нимъ, побѣдилъ его, взялъ въ полонъ, и великодушно простилъ; но Ягелло отплатилъ измѣною, захватилъ дядю, и велѣлъ удавить этого сѣдаго героя въ темницѣ, гдѣ онъ былъ заключенъ. Изъ дѣтей Кейстута спаслись только *Витовтъ* и *Сигизмундъ*. О мнимомъ обращеніи Олгерда въ Христіанство передъ кончиною, см. прим. 38 (замѣтимъ еще здѣсь, что въ *Типогр. Лѣт.* именно сказано: « Умре В. К. Литовскій Олгердъ, *зловѣрный, безбожный, и нечестивый,* » стр 128. О дѣтяхъ его, см. прим. 81.

Димитрій Олгердовичъ Брянскій, являются потомъ вѣрными сподвижниками Московскаго Князя. Тверь осиротѣла безъ Олгерда (108).

Тогда важнѣйшія дѣла заняли Димитрія. Раздраживъ Орду, медлить было невозможно. Два быстрые набѣга Монголовъ, и пепелъ Нижняго и Рязани, показывали будущую участь Москвы. Еще Мамай не измѣрялъ силъ

---

(108) Въ *Строевск.* и другихъ лѣтописяхъ сказано только о побѣгѣ Андрея въ Псковъ, Новгородъ, и оттуда въ Москву, и что Владиміръ Андреевичъ, » «ходилъ съ нимъ на Литву. « Карамзинъ вывелъ изъ этого большую войну съ Литвою, начавъ ее громкими словами: « Димитрій успѣлъ *смирить Литву* » (т. V, 52). Онъ говоритъ далѣе, что сильныя Русскія войска ходили на Стародубъ и Трубчевскъ, « чтобы сію древнюю собственность нашего отечества *снова присоединить къ Россіи*; « что Димитрій Олгердовичъ, княжившій въ Трубчевскѣ, добровольно поддался Рускимъ; что ему отдали въ удѣлъ Переяславль-Залѣсскій. Слѣдуютъ громкія фразы: « Димитрій Іоанновичъ надѣялся возвратить прекрасныя земли, отнятыя у насъ Литвою,» и проч. — Любопытно, что Карамзинъ, говоря все это, ни на что не ссылается; да и не на что было сослаться, ибо все это нелѣпыя выдумки *Никоновскаго Лѣтописца* (т. IV, 84). — Владиміръ, вѣроятно, ходилъ къ Полоцку, ибо Андрей княжилъ уже въ Полоцкѣ снова, когда пришелъ на помощь Димитрію противъ Мамая. Димитрій Олгердовичъ владѣлъ не Трубчевскомъ, а Брянскомъ, и оттуда приходилъ и участвовалъ въ Куликовской битвѣ.

Московскихъ; онъ думалъ шакъ-же наказать Димитрія, какъ наказалъ Князя Рязанскаго и Князя Суздальскаго. Рать Монгольская устремилась на Москву лѣтомъ 1378 года, подъ предводительствомъ Мурзы Бигича. Мамай ожидалъ вѣсти о страшной казни Москвитянъ — услышалъ вѣсть о побѣдѣ ихъ!

Бигичъ шелъ обыкновеннымъ путемъ Монголовъ, сталъ на берегу рѣки Вожи (109), и увидѣлъ на другомъ берегу ея стяги Московскіе. Самъ Димитрій былъ при своихъ дружинахъ. Изумленный Бигичъ нѣсколько дней ожидалъ нападенія; думалъ, что Рускіе робѣютъ, и переправилъ Монголовъ черезъ Вожу, Августа 11-го 1378 года. Тогда всколебались Москвичи; Димитрій ударилъ съ лица; Окольничій Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ и Князь Даніилъ Пронскій съ боковъ. Монголы дрогнули, *повергли копья*, и бросились за Вожу. Ихъ били, кололи; другіе тонули въ рѣкѣ. Бигичъ, и еще

---

(109) Въ то-же время, *изгономъ*, снова захватили и сожгли Монголы Нижній Новгородъ; Димитрій Константиновичъ былъ тогда въ Городцѣ, и тщетно посылалъ къ нимъ, соглашаясь заплатить окупъ (*Типогр. Лѣт.* стр. 148).—*Вожа*, рѣка, впадающая въ Оку, съ правой стороны, выше Рязани.—Замѣтимъ, что она составляла предѣлъ, раздѣлявшій *Мещерскую* сторону отъ *Рязанской*, т. е. заселенной Рускими; въ *Мещеру* ходили они, какъ въ непріятельскую землю.

четыре Князя Ордынскіе, были убиты. Рѣка остановила преслѣдованіе; настала ночь. Съ вечера побѣжали Монголы отъ Вожи, и особливо по утру, пользуясь густымъ утреннимъ туманомъ. Уже къ полдню разсѣялся туманъ; Монголовъ не было слѣда. Вборзѣ поскакали по слѣдамъ ихъ Москвичи, но не могли уже догнать враговъ. По дорогѣ разбросаны были шатры, тѣлеги, обозъ, со множествомъ драгоцѣнностей. Поймали еще какого-то *попа* Ивана Васильевича, нашли у него мѣшокъ *лютаго зелья*, пытали его, и сослали на Лаче озеро (110).

Вожское сраженіе, столь легко выигранное, казалось славною побѣдою, проявило духъ Руси, ободрило души и умы: еще въ *первый разъ* Рускіе стали въ полѣ противъ Монголовъ и побѣдили ихъ. Димитрій явился въ Москву торжествующимъ. Всюду, даже въ Новгородѣ, говорили: «Пособилъ Богъ Князю Великому, а Татары дали плеща и побѣжали (111).»

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Москва была опечалена кончиною Святителя Алексія Митрополита. Онъ прешелъ въ вѣчность «въ старости честнѣ и глубоцѣ,» и видѣлъ зарю спасенія Руской земли. Первосвятительствовавъ 24 года,

(110) Окольничій Тимоѳей Васильевичъ былъ братъ Тысяцкаго Вельяминова (см. прим. 96).

(111) Новг. Лѣт. годъ 1379-й.

Алексій засталъ Русь рабствующею, долженъ былъ преклонять колѣна передъ отцеубійцею Чанибегомъ, молить спасенія у другаго убійцы, Бердибека, лелѣялъ свободу Отечества, какъ вожделѣнный цвѣтъ думы своей и надежды; видѣлъ потомъ гибель Монголовъ въ междоусобіяхъ. Онъ могъ надѣяться безопасности Руси отъ Литвы, съ смертію Олгерда и междоусобіями, наставшими въ Литвѣ; дожилъ до вѣсти о *первой побѣдѣ* надъ полчищами Монголовъ; дожилъ и до смѣлаго мужества Руских. Отрокъ, принятой имъ на руки и опеку, сынъ слабаго отца, былъ уже въ лѣтахъ цвѣтущей силы, являлся усмирителемъ Литвы, Твери, сильнымъ властителемъ Великаго Княжества, счастливымъ братомъ и отцомъ. Богу не угодно было порадовать Святителя великимъ торжествомъ Рускихъ на берегахъ Непрядвы..... Скажемъ болѣе: Алексій скончался въ самое затруднительное время, съ унылою думою, что человѣкъ, имъ назначаемый въ преемники, надежда отчизны, не хочетъ сана Святительскаго, и что мѣсто его заступаетъ человѣкъ не по его душѣ.... Судьбы Бога неисповѣдимы!

Когда провожая со слезами останки Святаго Алексія Митрополита, и полагая ихъ въ церкви Чудовскаго монастыря, имъ самимъ воздвигнутаго, Димитрій, шестилѣтній сынъ его Василій, другой трехлѣтній, Юрій, и Вла-

димірѣ Андреевичъ, стояли при гробѣ, пока народъ плакалъ и исчислялъ подвиги Святителя, труды, ревность его къ вѣрѣ—не зналъ еще никто, кого лишается Русская земля! Въ Алексіи видѣли только владыку духовнаго—не оцѣняли въ немъ мужа совѣта и великаго государственнаго человѣка, коимъ крѣпился духъ и держалась честь Руси; не знали, что если Димитрій является смѣлъ, храбръ, рѣшителенъ, то безъ Святителя Алексія *не будетъ прежняго Димитрія.* Но—заставимъ событія говорить понятнѣе нашего (112)....

Годъ прошелъ мирно; Князья Русскіе не ѣхали въ Орду. Литва была въ смятеніи, хотя Ягелло успѣлъ уже смирить многихъ противниковъ, и сдѣлаться сильнымъ властителемъ отцовскаго наслѣдія. Объ Ордѣ были безпрерывно страш-

---

(112) См. далѣе, прим. 144. — Митрополитъ Алексій скончался Февраля 12-го 1378 года, и положенъ въ обители Чуда Михаила Архангела, которую самъ основалъ въ 1365 году. — Мощи его обрѣтены нетлѣнными въ 1439-мъ году. Церковь празднуетъ память сего великаго Святителя, Февраля 12-го; обрѣтеніе мощей его Мая 20-го, и третично празднуется память его въ Соборѣ трехъ Святителей Московскихъ, вмѣстѣ съ Митрополитами Петромъ и Іоною, Октября 5-го. Подлѣ великолѣпной раки чудотворца Алексія, въ Чудовомъ монастырѣ, виситъ и ветхая, простая ряса сего Святителя.

ныя вѣсти. Говорили, что разгнѣванный Мамай собираетъ отвсюду войска, беретъ подъ свои бунчуки даже Бесерменовъ, Армянъ, Фряговъ, Черкасовъ, Яссовъ, Буртасовъ; что Ягелло сносится съ нимъ, и хочетъ отпустить на Русь силу Литвы; что Мамай творитъ совѣтъ злой въ темныхъ, поганыхъ своихъ царствахъ — «хочетъ быть новымъ Батыемъ, потерять Христіанство, попалить Божіи церкви, погубить законъ, пролить кровь (113).»

---

(113) *Стр. лѣт.* — Кромѣ сокращенныхъ извѣстій о Куликовской битвѣ, въ *Новг.* и *Арх.* лѣтописяхъ, въ другіе списки внесено описаніе оной отдѣльною статьею. Въ *Строевск.* и *Софійскомъ*, оно отмѣчено особою надписью: *Побоище В. К. Димитріа Ивановича на Дону съ Мамаемъ.* Это описаніе нашелъ еще Карамзинъ въ *Синодальномъ*, *Ростовскомъ* и *Троицкомъ* спискахъ. Разныя противорѣчія, отмѣны, прибавки отличаютъ его въ разныхъ спискахъ, но основаніе одно. Самое нелѣпое по прибавкамъ описаніе внесено въ *Никон. Лѣтопись* (IV, стр. 86—127), и въ *Синопсисъ*. Карамзинъ полагалъ, что сіе послѣднее сочинено было въ XV-мъ вѣкѣ, Рязанскимъ Іереемъ Софроніемъ, ибо такъ сказано въ спискѣ его, отдѣльно находившемся въ бывшей библіотекѣ Графа Ѳ. А. Толстаго (т. V, пр. 65). Но, кажется, Софроній только расцвѣтилъ современное, истинное повѣствованіе. Кромѣ того еще есть *Сказаніе о побоищѣ В. К. Димитріа Іоанновича Донскаго*: это уже совершенная поэма, въ прозѣ, подобная *Сказанію объ Александрѣ Невскомъ* и *Слову о полку Игоревомъ*. Ее напечаталъ

Воздадимъ хвалу великодушію Димитрія: онъ *не поколебался*, съ твердою вѣрою въ Бога побѣдодавца. Надобна душа, которая могла-бы понять и оцѣнить сей подвигъ Димитрія. Надобно сообразить притомъ обстоятельства, если хотимъ вполнѣ оцѣнить подвигъ его.

Димитрій былъ основою всѣхъ дѣйствій; только Владиміръ Андреевичъ остался неизмѣннымъ его другомъ, на жизнь и на смерть, на честь и на позоръ. Былъ еще великій старецъ, жилецъ пустыни Троицкой — *Святой Сергій*, отрекшійся отъ величія сана Святительскаго, но подкрѣплявшій Великаго Князя совѣтомъ и молитвою въ дѣлахъ государственныхъ. Всѣ другіе современники были недостойны Димитрія: они трепетали предстоявшаго подвига, укрывались на пепелищахъ городовъ своихъ, и робко ждали слѣдствій, дружа только по наружности Москвѣ (и то, можетъ быть, наученные примѣромъ Рязани и Твери), обѣщая дружины. Время текло. Современники замѣтили, что въ 1380 году Благовѣщеніе было въ самый день Свѣтлаго Воскресенія; что также было за 79-ть лѣтъ, и опять будетъ черезъ 11-ть лѣтъ. Послѣ Святой не-

въ *Русскомъ Зрителѣ* (М. 1829 г., ч. V), и отдѣльно, Гнъ Профессоръ Снегиревъ. Будемъ говорить объ этой поэмѣ подробнѣе впослѣдствіи; она чрезвычайно любопытна по многимъ отношеніямъ.

дѣли пріѣхали въ Москву знаменитые послы изъ Новгорода: Владыка Алексій, съ Боярами и Житыми Людьми. Димитрій принялъ ихъ съ любовію, и подтвердилъ всѣ условія съ Новгородомъ (114).

Насталъ Августъ мѣсяцъ, и въ Москву прибѣжали съ достовѣрными вѣстями: *Мамай идетъ!* Съ другой стороны сбиралась Литва, съ самимъ Ягелломъ.

Москва закипѣла дѣятельностью. Мгновенно вооружились приготовленныя дружины. Димитрій и Владиміръ спѣшили принять благословеніе Святаго Сергія, были угощаемы за его монастырскою трапезою, и благословлены имъ на подвигъ. Отпуская Князей съ молитвою, Святой мужъ хотѣлъ подкрѣпить ихъ и мірскою силою: двое изъ иноковъ, бывшихъ въ его обители, нѣкогда Бояре и сановники, *Ослябь* и *Пересвѣтъ*, не скидая святыхъ схимъ своихъ, рѣшились умереть за отчизну, и поѣхали съ Князьями. Вскорѣ велѣно было собираться воедино полкамъ, и идти въ походъ. Отслужили молебенъ въ Кремлѣ; Княжеское черное знамя, съ Образомъ Нерукотвореннаго Спаса, двинулось; стройные полки шли за нимъ изъ Кремля Фроловскими, Константиновскими и Никольскими воротами.

---

(114) Строевск. и Новгородск. Лѣтоп.

Димитрій и Владиміръ со слезами повергліся въ Архангельскомъ соборѣ, у гробницъ родителей. «Подвизайтесь съ нами, хранители православные, поборники наши! Если имѣеше дерзновеніе ко Господу Богу, молитесь, да простятся грѣхи наши: великое *приключеніе* настало намъ и чадамъ нашимъ!» говорили Князья. Лѣтописцы не забыли сказать намъ о трогательномъ прощаніи добродѣтельной Евдокіи съ супругомъ, и о томъ, что она со слезами смотрѣла изъ набережнаго терема, какъ шли дружины, по Барашевской, Болвановской и Котельской дорогамъ (115). Зрѣлище было умилительное: съ веселіемъ шли умирать избранные, юноши, старцы, иноки, Князья; звукъ трубъ и шелестъ знаменъ сливались съ духовнымъ пѣніемъ (116). Въ Коломнѣ подкрѣпили Рускихъ приходомъ своимъ два Олгердовича, Андрей Полоцкій и Димитрій Брянскій. Великій Князь радовался на

(115) Син. лѣт. (Карамзинъ, V, пр. 70), Арханг. лѣт. стр. 82. — *Барашевская* значитъ Боровскую дорогу; по ней шелъ Владиміръ Андреевичъ; *Болвановская, или Болванская,* вѣроятно, Коломенскую, шедшую черезъ урочище *Болвановку* (гдѣ нынѣ церковь Спаса на Болвановкѣ); *Котельская* — Серпуховскую, отъ урочища *Котлы,* на ней находящагося.

(116) *Син. лѣт.* (Кар. V, пр. 71) — «И начаша мнози гласи ратныхъ трубъ трубити и *варганы шепутъ,* и стязи ревутъ наволочены,» и пр.

многочисленное воинство, и забывалъ, что *кромѣ подвластныхъ ему*, Ростовскихъ, Бѣлозерскихъ, Ярославскихъ Князей, двухъ Литовскихъ и Василія Михайловича Кашинскаго, *ни одинъ* Князь Русскій не явился на дѣло отчизны! Смоленскъ, Тверь казались врагами, не прислали дружинъ своихъ; не было и Новогородцевъ; Суздальскія дружины пришли съ Боярами — тесть Димитрія, съ братьями и дѣтьми своими, сидѣлъ дома. Скорбно услышалъ Димитрій, что Олегъ Рязанскій не стыдится даже предавать Русь, соединяется съ Мамаемъ. «Господи! раззори совѣтъ неправедныхъ!» сказалъ Димитрій, вздохнувъ изъ глубины сердца. Онъ не устрашился извѣстія, что Ягелло былъ вѣрнѣе Олега: сдержалъ слово поганому, и шелъ уже къ Мамаю. Явились Послы Мамая. Недоумѣніе обнимало душу Димитрія: Мамай неожиданно предлагалъ ему пощаду, если заплатитъ тяжкую дань....Димитрій рѣшилъ отвѣтъ походомъ быстрымъ, поспѣшнымъ (117). Коломенскій Епископъ Герасимъ благословилъ войско; оно перешло за Оку. Близъ Лопасни соединились съ

---

(117) Мамай просилъ прежней дани, какую платили при Чанибекѣ; Димитрій соглашался платить, но только ту, какая была положена между Ордою и Русью въ послѣднее время (*Типогр. лѣт.* стр. 156).

Димитріемъ Владиміръ Андреевичъ, и участникъ Вожской побѣды, Тимоѳей Васильевичъ. Выступивъ изъ Коломны 20-го Августа, 6 Сентября Рускіе пришли къ Дону, туда, гдѣ вливается въ него рѣка Непрядва, и гдѣ за нею разстилается обширная долина—*Куликово поле* (118). Сентября 7-го, рано по утру, прибѣжали посыланные развѣдывать о Монголахъ; за ними гнались Монгольскіе всадники. Мамай стоялъ въ одномъ переходѣ отъ Рускихъ. Надобно-ли было переправляться черезъ рѣку, или ждать Мамая по сю сторону Дона? Литовскіе Князья совѣтовали первое, доказывая, что тогда и робкому бѣжать будетъ нѣкуда, и что всего важнѣе предупредить соединеніе Мамая съ Ягелломъ, ибо вся медленность Мамая происходитъ отъ того, что онъ ждетъ Литовскаго Князя (119). Тутъ привезли Димитрію посланіе

---

(118) *Непрядва* вливается въ Донъ съ правой стороны. Ровное, обширное пространство земли находится здѣсь отъ самыхъ вершинъ рѣкъ Упы и Зуши, въ Тульской губерніи, и отчасти въ Рязанской. *Куликово поле* состоитъ нынѣ во владѣніи разныхъ помѣщиковъ, и наиболѣе С. Д. Нечаева и Графовъ Бобринскихъ. Здѣсь предполагаютъ поставить памятникъ Димитрію и его сподвижникамъ. Донынѣ вырываютъ изъ земли на Куликовомъ полѣ обломки оружія, мѣдные кресты, и проч.

(119) Уже около трехъ недѣль Мамай стоялъ за До-

Св. Сергія. «Будь твердъ, иди на что пошелъ,» писалъ Сергій (120), и Димитрій велѣлъ наводить мосты; войско перешло Донъ. Стоя съ Князьями на высокомъ холмѣ, и смотря на полки, учреждаемые Княземъ Димитріемъ Волынскимъ; видя «вѣющіяся хоругви, блескъ оружій, колеблемыхъ, какъ волны рѣки, свѣтлость шеломовъ, и на нихъ, какъ огонь, алые *еловци*» (121), Димитрій погрузился въ думу. Литовскіе Князья сравнивали его съ Александромъ Македонскимъ; Димитрій думалъ иное: онъ сошелъ съ коня, преклонилъ колѣна, и молилъ у Бога побѣды, смотря издали на свое Княжеское знамя (122). Ободривъ другихъ напоминаніемъ,

---

номъ и ждалъ Ягелла. *Син. лѣт.* (Карамзинъ, т. V, стр. 68).

(120) *Строевск. лѣт.* стр. 360. — «Тогда-же приспѣла грамата отъ Преп. Игумена Сергія, отъ святаго Старца *благословенная*; въ ней-же писано благословеніе его таково: веля ему битися съ Татары, чтобы еси Господине, такъ и пошелъ, а поможетъ ти Богъ,» и проч.

(121) *Син. лѣт.* (Карамзинъ, V, пр. 76). — «У богатырей хоругви, аки живы, пашутся; доспѣхи-же Русскіе, аки вода сильна, во вся вѣтры колебашася, и шеломы на главахъ ихъ, аки утренняя заря; еловци-жь шеломовъ ихъ, аки поломя огненное пашется.»

(122) *Тамъ-же*: «Князь-же Великій, поимъ брата своего Владиміра, и Литовскіе Князи, и Воеводы, и выѣхаша на мѣсто высоко — и видѣ полцы, вельми

что настаетъ великій праздникъ Рождества Богородицы, и что умершій въ сей день на брани родится въ жизнь вѣчную, Димитрій поѣхалъ между полками, утѣшалъ, ободрялъ, называлъ воиновъ *Русскими сынами, милыми братьями*, напоминалъ имъ о вѣнцахъ мученическихъ, о славѣ побѣды. «Готовы положить головы наши за тебя, за ласковаго Государя!» кричали воины. «Вели творить поминовеніе по насъ Церкви православной; вели записать дѣла наши на память Русскимъ сынамъ (123)!»

При восхожденіи солнца, 8-го Сентября, полки Русскіе выстроились. Въ срединѣ стали

учрежены достойно.... И Князи Литовскіе рекуще: подобны суть Македонскому войску... Князь-же Великій сшедъ съ коня доловъ, и падъ на колѣну, прямо Великому полку черному знамени, на немъ-же бѣ образъ Владыки I. X., изъ глубины сердца нача призывати велегласно,» и проч.

(123) «И коемуждо полку рече своими усты:» братія моя милая, сынови Русскіе — приспѣ время нашей брани, пріиде праздникъ Пресв. Пречистыя Царицы, Богородицы, Честнаго ея Рождества. Аще оживемъ — Господеви оживемъ; аще-ли умремъ—умремъ за міръ сей.» Воины говорили: « Мы вси готовы есмы головы своя положити за тебя, за ласкова Государя; а тебѣ подобаетъ память творити, и въ книгахъ писати, памяти дѣля Русскихъ сыновъ!» (*Строевск.*, I, 361, и *Син. Лѣт.* Карамз. т. V, прим. 77).

Князья Литовскіе, Князь Θеодоръ Бѣлозерскій, Коломенскій Бояринъ Николай Васильевичъ; лѣвую руку взяли Князь Василій Ярославскій, Князь Θеодоръ Моложскій, Бояринъ Морозовъ; правую руку Князь Андрей Ростовскій, Князь Андрей Стародубскій, Бояринъ Грунка; Великокняжескій полкъ вели Князь Іоаннъ Смоленскій, Бояре, Костромской Квашня и Брянокъ; сторожевой полкъ отдали Князю Симеону Оболенскому, Князю Іоанну Торузскому, Боярину Михаилу Іоанновичу, и Переяславскому Боярину Серкизу. Распорядитель войска, Князь Димитрій Волынскій, взялъ отдѣльную дружину и сталъ въ тайной засадѣ, съ Владиміромъ Андреевичемъ, Княземъ Романомъ Брянскимъ, Княземъ Василіемъ Кашинскимъ, и сыномъ Князя Новосильскаго (124). Густой туманъ покрывалъ поле. Димитрій не хотѣлъ взять себѣ никакого особеннаго мѣста, хотѣлъ быть тамъ, гдѣ будетъ опасность, и тщетно уговаривали его остаться за войскомъ. «Могу-ли сказать: братья! потягнемъ вкупѣ! если стану скрываться? Словомъ и дѣломъ хочу быть впереди всѣхъ, и предъ всѣми положить свою голову,

(124) Впрочемъ, какъ въ исчисленіи Воеводъ, начальствовавшихъ въ битвѣ, такъ и потомъ, въ означеніи убитыхъ вождей, въ Лѣтописяхъ есть разница. Выбираемъ достовѣрнѣйшее, упомянутое во всѣхъ.

да и прочіе примутъ дерзновеніе!» отвѣчалъ Димитрій (125). Туманъ разсѣялся. Безчисленныя полчища Мамаевы уже стояли близко, и открылись на необозримой равнинѣ, во всей своей Азіятской дикости. «Богъ намъ прибѣжище и сила!» воскликнулъ Димитрій; полки двинулись; началась сѣча. Димитрій сталъ въ первую схватку. Инокъ Пересвѣтъ былъ впереди. Воскликнувъ: «Отцы и братія! простите меня грѣшнаго! Игуменъ Сергій! помоги мнѣ молитвою! Боже! помоги рабу твоему!» онъ рванулся въ бой, сразился съ какимъ-то богатыремъ Монгольскимъ, и палъ мертвый (126). Въ шестомъ часу дня битва сдѣлалась общею. Прошелъ часъ, прошелъ другой. Битва свирѣпѣла, но дѣло не рѣшалось. «Крѣпко ступились вои, трескались копья, звенѣли доспѣхи, стучали щиты, гремѣли мечи, блистали сабли,» говоритъ поэтъ-современникъ (127). Уже многіе легли костьми — главные Воеводы средины:

---

(125) *Рост. лѣт.* (Карамзинъ, т. V, пр. 77.—«Да, како азъ возглаголю: братія! потягнемъ вкупѣ! а самъ лицо свое почну крыти? Яко-же хощу словомъ, тако-же и дѣломъ напередъ всѣхъ быти, и предъ всѣми главу свою положити, да и прочіе пріимутъ дерзновеніе!» Краснорѣчіе сердца пламеннаго!

(126) Строевск. Лѣт. стр. 262; Карамзинъ, т. V, пр. 76.

(127) Сказаніе о побоищѣ.

Князь Θеодоръ Бѣлозерскій, Бояринъ Николай Васильевичъ; Воевода лѣвой руки, Бояринъ Морозовъ; Воевода Великокняжескій Брянокъ; воеводы сторожеваго полка: Князь Іоаннъ Торузскій, Бояринъ Михаилъ, Бояринъ Серкизъ; два Князя Торузскіе Θеодоръ и Мстиславъ, другой Князь Бѣлозерскій Іоаннъ, инокъ Ослябъ, пали (128)... Насталъ девятый часъ дня; сражающіеся смѣшались, кровь лилась на нѣсколькихъ верстахъ — Монголы одолѣвали и гнали въ одномъ мѣстѣ, Руские въ другомъ. Владиміръ тосковалъ въ засадѣ, видѣлъ гибель своихъ, рвался на битву; Димитрій Волынскій удерживалъ его. Наконецъ Волынскій подалъ знакъ, обнажилъ мечъ — свѣжее, засадное войско ударило на Монголовъ, и—

---

(128) Бояринъ Николай, или *Микула Васильевичъ*, былъ братъ казненнаго Ивана Вельяминова (см. пр. 96). Въ *Стр. Лѣт.* несправедливо сказано, что и Тимоѳей Васильевичъ, герой Вожской битвы, также былъ убитъ. Кромѣ того находимъ имена Бояръ: Семена Мелика (посыланнаго для развѣдыванія о Мамаѣ), Валуева, Димитрія Минина и Михайлы Ивановича (дѣтей воеводъ Минина и Акинѳа Шубы, убитыхъ въ Тростенской битвѣ). См. *Синодикъ*, въ VI-мъ т. *Вивліоѳики* (стр. 451). Лѣтописи прибавляютъ: «И иніи мнози, ихъже имена суть писаны въ Книзѣ Животней; здѣ-же не всѣхъ писахъ избіенныхъ имена, токмо Князи и Бояре нарочитые и Воеводы, множества ради именъ; мнози-бо на той сѣчи побіени быша.»

рѣшило побѣду. Монголы дрогнули отъ нежданнаго удара. Пораженіе ихъ было неизобразимо. Въ бѣгствѣ, враги бросали оружіе, оставляли обозы, тонули въ рѣкѣ Мечѣ, преслѣдуемые побѣдителями. Мамай, распоряжавшій войсками, съ высокаго *шеломеня*, бросился на утекъ изъ первыхъ, въ бѣшенствѣ, въ отчаяніи, терзаемый стыдомъ и яростью (129). . .

Если и отвергнемъ преувеличенныя описанія современниковъ, считавшихъ число Мамаевыхъ и Русскихъ войскъ, сражавшихся на берегахъ Непрядвы, нѣсколькими сотнями тысячь, то достовѣрно можно предположить, что полчища Мамая были многочисленны, превосходили числомъ Русскія дружины, и шли на вѣрную побѣду. Тѣмъ славнѣе было для Руских побоище Задонское (130).

---

(129) «Царь-же Мамай, съ тремя темными Князьями, взыде на мѣсто высоко, на *шоломя* (холмъ), и ту стояше, хотя видѣти кровопролитіе.» (Ист. Г. Р. т. V, пр. 76). — Сказывали, что видя пораженіе, онъ застоналъ и воскликнулъ: «Великъ Русскій Богъ!» *Стр. Лѣт.* т. I, стр. 364.

(130) Карамзинъ полагаетъ Рускихъ, бывшихъ съ Димитріемъ, болѣе 150 тысячь (Ист. Г. Р. т. V, пр. 71). По слухамъ въ Новгородѣ (см. пр. 133). Ганзейцы писали, что Рускихъ и Татаръ было убито 40 тысячь. — Въ *Стр. Лѣт.* полагается число воиновъ отъ 150 до 200,000, кромѣ Литовскихъ дружинъ (стр. 357); въ *Арх. Лѣт.* 300,000, да Литовскихъ дружинъ 40,000; побито, будто-бы, всѣхъ 250,000, а

Съ незапамятныхъ временъ, оно было *первое великое дѣло ратное*, когда мечи Руссовъ устремились не противъ родныхъ; *первое*, гдѣ Руссъ сталъ въ открытый, сильный бой съ свирѣпымъ властителемъ своимъ Монголомъ, и черезъ *сто пятьдесятъ лѣтъ* отмстилъ ему за честь Мстислава Удалаго, за гибель на Сити, за избіеніе цѣлыхъ поколѣній, пепелища безчисленнаго множества городовъ, и смертныя мученія столькихъ Князей! Совершились надежды великаго Алексія, исполнились молитвы Сергія; крамола не удержала смѣлаго, пламеннаго Димитрія; Русь пожала плоды пятидесятилѣтней политики хитраго Іоанна, гордаго Симеона и святаго Алексія. Если битва Невская, битва Раковорская были прославлены современниками и потомствомъ, какъ чудеса, то что̀ могли воздать они Димитрію, въ теченіе двухъ лѣтъ побѣдителю на Вожѣ и Непрядвѣ, смирителю Олгердовой гордости, покорителю Князей своевольныхъ?

Они и воздали ему памятью безсмертною. Съ того самаго времени, когда Владиміръ, прозванный *Храбрымъ*, рѣшитель Задонской побѣды, *сталъ на костяхъ враговъ*, и звукомъ трубъ сзывалъ воиновъ подъ хоругвь Великокняжескую, имя Димитрія слилось съ названі-

---

Татаръ *вчетверо*! Ксерксово ополченіе встрѣчается у всѣхъ народовъ!

емъ *побѣдителя Татаръ*. Подъ симъ отличіемъ, оно перешло вѣка. Вся прежняя и послѣдующая жизнь Димитрія исчезла въ одномъ днѣ: 8-*го Сентября* 1380 *года*. Поэты славили его въ преувеличенныхъ описаніяхъ (131). Молва описывала повсюду, какъ «уповая на милосердіе Божіе, и на Пречистую Матерь Божію, Богородицу, призывая на помощь честный Крестъ, Димитрій вошелъ за Дономъ въ землю Татарскую;» какъ «помянувъ реченное Пророкомъ: единъ поженетъ тысячи, и два подвигните тмы, если Богъ предастъ врага въ руки ваши,» Димитрій «изрядилъ полки, воззрѣлъ на небо *умными очами*, изрекъ: Богъ намъ прибѣжище и сила, совокупилъ полки, и устрашилъ Божіею невидимою силою злыхъ Агарянъ.»—«Отъ страха Божія и оружія Христіанскаго пали безбожные Татары, и вознесъ Богъ десницу Князя Великаго Димитрія Ивановича, и брата его Владиміра Андреевича на побѣду иноплеменниковъ (132).» Такъ говорили современники. Въ дальнія Нѣмецкія страны перешло извѣстіе о великой Димитріевой побѣдѣ (133). Множество слуховъ о чудесахъ, сопровождавшихъ Задонское по-

---

(131) См. прим. 113.

(132) Новг. Лѣт. годъ 1380-й.

(133) Кранцъ, писатель XVI-го вѣка, говоритъ о Задонской битвѣ въ своей *Wandalia* (кн. IX, стр. 207.

боище, и предшествовавшихъ ему, было разносимо, вмѣстѣ съ истиннымъ описаніемъ онаго (134).

Въ то время, когда враги *бѣжали по степи широкой, какъ по тѣсной дорогѣ* (135), и Рускіе преслѣдовали, гнали, били ихъ, отнимали у нихъ обозы, добычу, и устилали трупами ихъ окрестности на нѣсколько верстъ, Князья, Бояре, воины, собирались на мѣстѣ битвы, славили Бога, и поздравляли другъ друга со слезами. Владиміръ тревожно спрашивалъ всѣхъ: «Гдѣ братъ? Гдѣ *первоначальникъ* чести нашей?»

См. Карамзина, т. V, пр. 81), сказывая, что въ Любекѣ былъ тогда съѣздъ Ганзейскихъ купцовъ. Слѣдовательно, извѣстіе перешло въ Любекъ изъ Новгорода, отъ купцовъ, торговавшихъ въ Руси. Въ *Линденблатовой хроникѣ*, хранящейся въ рукописи въ Музеѣ Румянцовскомъ, говорится о битвѣ Задонской. Впрочемъ оба извѣстія Нѣмецкія весьма кратки и ошибочны.

(134) Извѣстіе о чудесахъ, бывшихъ въ битвѣ Куликовской, внесено во всѣ наши Лѣтописи. Говорили, что благочестивые люди видѣли Ангеловъ и Святыхъ, державшихъ побѣдные вѣнцы надъ Рускими, и поражавшихъ Татаръ; что наканунѣ битвы, ночью, въ сторонѣ Татарской слышанъ былъ вой волковъ и крикъ вороновъ, а на Русской пѣніе доброчестное, и проч.

(135) Стихъ Озерова: «*Имъ степь широкая, какъ тѣсная дорога.*

Димитрій сдержалъ свое слово: сказалъ, что будетъ, и—былъ *впереди всѣхъ*! Искали Димитрія, и не находили. Одни сказывали, что видѣли его біющагося противъ четырехъ Татаръ. Степанъ Новосильскій извѣстилъ, что видѣлъ его въ сторонѣ, идущаго пѣшкомъ, и раненаго; но сражаясь въ то время самъ съ тремя Татарами, онъ не могъ подать Князю помощи; общій слухъ былъ, что его сбили съ коня и тяжело ранили. Начали искать Димитрія между трупами, ужасались, находя убитыхъ, похожихъ на него; но это были Бояринъ Брянокъ и Князь Ѳеодоръ Бѣлозерскій (136). Наконецъ нашли и Димитрія, избитаго, утомленнаго, въ лѣсу, подъ деревомъ: онъ открылъ глаза, которые думалъ на вѣки сомкнуть съ горестною мыслію, ибо не зрѣлъ побѣды—открылъ ихъ, и увидѣлъ славу меча Русскаго и спасеніе оте-

(136) Строевск. Лѣт. стр. 366. Упомянувъ о рѣчи Димитрія (пр. 125)—«Яко-же рече, тако и сотвори, біяше-бося съ Татары тогда, ставъ напередъ всѣхъ (*Тип. Лѣт.* стр. 169, на первомъ *суймѣ* (т. е. сьемѣ) и елико одесную его, и ошуюю его, множество вой его битыхъ; самого-же вокругъ оступиша, аки вода многа оба полы.» Лѣтописецъ говоритъ еще, что Димитрій прежде всѣхъ выѣхалъ въ переднемъ Сторожевомъ полку; потомъ отъѣхалъ въ Большой полкъ, и что онъ лично бился съ Царемъ Телякомъ (Атюлякомъ?). *Син. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. V, пр. 77 и 80). — «Рекоша Ли-

чества (137). Не чувствуя ранъ своихъ, спѣшилъ онъ объѣхать поле битвы, помочь страдавшимъ, благодарить живыхъ, благословить почившихъ смертію. Поле было кроваво, и много лежало на немъ Христіанъ, много было поверженныхъ Князей, Бояръ, воиновъ доблестныхъ! Съ честію похоронили ихъ; воздвигли

товскіе Князи: мнимъ яко живъ есть, но уязвленъ. Иной рече: Азъ пятаго часа видѣхъ его, крѣпко біющагося съ четырьмя Татарины. Юрьевской-же юноша, Степанъ Новосильской: Азъ видѣхъ его передъ самымъ твоимъ (Владиміровымъ) приходомъ, пѣша идуща съ побоища, но уязвленна; того-бо дѣля не дахъ ему коня, зане гонимъ бѣ тремя Татарины.» ... «Овіи-же наѣхаша Михаила Александровича Брянка, и чаяше его Великимъ Княземъ, иніи-же Князя Θеодора Бѣлозерскаго, зане-же *приличенъ* бяше...»

(137) «Доспѣхъ весь битъ на немъ и язвенъ, но на тѣлеси его не бысть раны ни коея-же — и много ударенія по главѣ его, и по плещама его.»—*Строевск.* и *Типогр. Лѣт.*—Но въ *Арх. Лѣт.* сказано, что онъ былъ израненъ, и найденъ Костромичами Сабуромъ и Григоріемъ Хлопищевымъ, послѣ продолжительнаго поиска, безъ брони, въ окровавленной рубашкѣ, сидящій въ лѣсу, подъ березою. «И познаша его, рекоста ему: «Радуйся, Государь, Князь Димитрій Ивановичъ!» Онъже воззрѣвъ на нихъ и рече: «О дружина милая! чья побѣда?» Они-жь рекоша: «Твоя, Великаго Князя!» Хлопищевъ поскакалъ къ Владиміру; всѣ Князья пріѣхали, окружили Димитрія, поклонились ему, омыли его раны, и проч. (стр. 85).

потомъ на костяхъ ихъ церковь, и положили производить ежегодное поминовеніе въ недѣлю православія и въ *Димитріевскую Субботу* (138). Нѣсколько тѣлъ повезено было въ Русь, положенныхъ въ колодахъ. Такъ тѣла иноковъ-героевъ, Ослябя и Пересвѣта, похоронили въ Симоновской обители, въ Москвѣ. Много храмовъ православныхъ воздвигнуто было потомъ въ память незабвеннаго дня битвы Куликовской (139).

---

(138) *Димитріевою недѣлею* называется недѣля, въ которую приходится праздникъ Св. Мученика Димитрія, 26-го Октября.

(139) Гробница иноковъ-героевъ находится въ трапезѣ церкви Рождественской, въ слободкѣ подлѣ Симонова монастыря, гдѣ, какъ говоритъ преданіе, первоначально былъ Симоновъ монастырь, неизвѣстно когда перенесенный на нынѣшнее его мѣсто. До сихъ поръ сію приходскую церковь называютъ: «*на Старомъ Симоновѣ.*» Гробница была найдена въ царствованіе Екатерины, при разборкѣ ветхой колокольни. На камнѣ, ее покрывавшемъ, были начертаны имена Ослябя и Пересвѣта. Екатерина опредѣлила сумму на построеніе новаго памятника надъ гробницею; но деньги, на сіе назначенныя, употреблены были Митрополитомъ Платономъ на какое-то богоугодное дѣло. — Въ память Куликовской битвы воздвигнулъ Димитрій церковь Рождества Богородицы на Солянкѣ, что называется *на Стрѣлкѣ.* Вся окрестность получила тогда названіе: *Кулишки.* Кромѣ церкви на Старомъ Симоновѣ, Евдокія, супру-

Уже послѣ побѣды узнали, какъ полезенъ былъ совѣтъ Литовскихъ Князей — поспѣшить битвою. Ягелло находился въ 30-ти верстахъ отъ Куликова поля, и своимъ приходомъ могъ погубить прекрасную надежду спасенія Руси. Онъ поспѣшно повернулъ съ полчищами въ Литву, узнавъ о разбитіи Мамая (140).

Обратное шествіе Димитрія въ Русь было великимъ торжествомъ. Его, Владиміра, Князей, оставшихся отъ битвы воиновъ, встрѣчали, какъ спасителей отечества. Въ Кремлѣ обнялъ Димитрій вѣрную свою супругу. Въ Троицкой обители, гдѣ проливалъ онъ слезы, идя въ походъ, и моля о спасеніи отчизны, благословилъ его, побѣдоносца, Святый Сергій, и ликовалъ вмѣстѣ съ нимъ о благодати Божіей, удивившей въ слабости (141).

Казалось, что торжество Рускихъ будетъ

га Димитрія, воздвигла въ Москвѣ Рождественскій монастырь, что на Трубѣ, и проч.

(140) Тип. Лѣт. стр. 165. «Не поспѣша за мало на срокъ, за едино днище, или меньше.»

(141) «В. К. Димитрій Ивановичъ... ставъ на поганыхъ *обѣдищахъ*, и на костѣхъ Татарскихъ, утеръ поту своего, и отдохнувъ отъ труда своего... и возвратися въ Москву съ побѣдою великою... и обрѣте корысть многу, пригнаша многа стада коней, и вельблюды, и волы, имъ-же нѣсть числа, и доспѣхи, и порты (одежды), и товаръ.» (*Стр. Лѣт.* стр. 366).

долговѣчно; что миръ настанетъ отселѣ въ весяхъ и селахъ земли Русской; что Орда, потрясенная ударомъ меча Русскаго, долго не забудетъ тяжелой раны своей, а Князья не дерзнутъ болѣе крамольствовать и идти противъ Задонскаго побѣдителя.

Такъ, кажется, думалъ и Димитрій. Онъ хотѣлъ наказать вѣроломнаго Олега; но къ нему явились Бояре Рязанскіе, ударили челомъ, и объявили, что не дожидаясь гнѣва его, Олегъ бѣжалъ въ Литву. Димитрій отправилъ въ Рязань своего Намѣстника. Вскорѣ Олегъ явился покорнымъ Великому Князю, молилъ о мирѣ, каялся въ грѣхахъ своихъ. Счастливые не злопамятны. Димитрій согласился на миръ съ Рязанью. Условились (142): Олегу признавать Димитрія старшимъ, а Владиміра равнымъ братомъ; хотѣть добра отъ *чистосердечія;* отступиться отъ дружбы съ Литвою; держать миръ и дань Татарамъ, *если Димитрій будетъ держать ихъ,* биться съ ними за одно съ Димитріемъ, если дойдетъ до битвы. Изъ Русскихъ Князей считать другомъ своимъ того, кто будетъ другъ Димитрію, недругомъ его недруга; разобрать общимъ судомъ все, что захвачено взаимно послѣ Задонской битвы. Условясь о вольномъ переѣздѣ Бояръ, о мытахъ,

(142) Договоръ въ *Собр. Гос. грамотъ*, т. I. № 32.

пошлинахъ, условились и о границахъ между Владиміромъ, Москвою и Рязанью — безпрерывномъ предметѣ спора Великаго Княжества съ Рязанскимъ. Олегъ утвердилъ предѣломъ *теченіе Оки, вверхъ отъ Коломны*, уступая Димитрію за оною Тулу, мѣсто, принадлежавшее нѣкогда Ханшѣ Тайдулѣ, и управляемое нѣкогда ея Баскаками; къ востоку отъ Коломны, Цна, впадающая въ Оку, положена границею. Все за Цною на лѣво отходило къ Рязани. Но въ близкой къ Монголамъ Мордвѣ и Мещерской сторонѣ, за Окою, Князья Московскій и Рязанскій могли пріобрѣтать землю свободно. Выговорили только Мещерскую землю, уже купленную Димитріемъ у Мещерскихъ Князей (143).

---

(143) *Мещеряки*, народъ Татарскій, живущій между Башкирцами въ Пермской и Оренбургской губерніяхъ, должны-ли быть почитаемы остатками *Мещеры*, сохранившимися между Татаръ, и перешедшими за Волгу? *Мещера* былъ народъ Финскій, подобный Мордвѣ. Татары разселялись въ Мещерской сторонѣ, гдѣ основаны были ими впослѣдствіи города: Елатьма, Кадомъ, Темниковъ. Родоначальникомъ *Князей Мещерскихъ*, перешедшихъ въ службу Великаго Князя, былъ Мурза Бахметъ-Гуссеинъ. См. о Мещерской сторонѣ, прим. 109.

ГЛАВА III.

Не льзя не изумляться разительной противоположности событій до *Куликовской битвы*, и *послѣ оной*. Какъ? Тотъ самый Князь, который, вступивъ отрокомъ на престолъ, успѣлъ пересилить опытнаго соперника, Князя Суздальскаго, смѣло властвовалъ другими Князьями, крѣпко устоялъ въ десятилѣтней враждѣ съ Тверью, не палъ подъ силою Олгерда, отважно вознесъ мечъ на Монголовъ, жилъ мирно, братски съ Владиміромъ, благотворилъ Новгороду, что̀ являетъ намъ потомъ сей Князь, пришедшій въ крѣпость мужескихъ лѣтъ? Видимъ его упадшаго духомъ при первой бѣдѣ; снова рабствующаго, не смѣющаго стать грудью противъ хищниковъ отчизны; въ ссорѣ съ вѣрнымъ братомъ Владиміромъ, дотолѣ единодушнымъ ему; Русь, снова растерзанную своеволіемъ Князей; Новгородъ, угнетаемый властію Москвы! Тотъ-ли это Димитрій, семнадцать лѣтъ бывшій опорою и отрадою отчизны? Тотъ самый, Не стало только ангела-хранителя Руси, совѣтника Князей, крѣпителя дружбы и союзовъ, рѣшителя на брань: *Алексія Митрополита*. Онъ надолго унесъ въ могилу честь и *мирное житіе*

отечества! Не стало Алексія —предалась прежнему позору Русская земля, и постыдной смутѣ самая Церковь православная. Повторимъ: судьбы неисповѣдимыя (144)!

Смуты Церкви прежде всего поколебали душевное спокойствіе Димитрія, и соблазнили православныхъ.

Чувствуя бремя лѣтъ, Алексій обрекалъ въ преемники свои Святаго Игумена Троицкаго, Сергія. Но, зная великія обязанности сана первосвятительскаго, бѣгая тщеты мірскихъ суетъ, Сергій, готовый положить душу за отчизну, умолялъ Владыку спасти его отъ жизни Двор-

---

(144) Мы старались уже показать не понимаемый донынѣ Историками нашими, высокій характеръ Святителя Митрополита Алексія. Его жизнь и дѣла—это перлъ въ Исторіи нашей Церкви; звѣзда свѣтлая въ Исторіи Отечества! Именно должно замѣтить разительную противоположность событій до 1380 года, и послѣ онаго, т. е. *послѣ кончины Алексія Митрополита,* дабы уразумѣть все святое и мудрое величіе сего Архипастыря. Усмиреніе Суздаля, покореніе Удѣловъ, побѣда надъ Тверью, борьба съ Литвою, рѣшеніе на борьбу съ Монголами, миръ съ Новгородомъ, санъ Великокняжескій уваженный и чтимый, неприкосновенное величіе Религіи—вотъ дѣла Алексія! Сообразите-же, что происходило послѣ него, хотя Димитрій княжилъ, и при томъ уже испытанный, уже славный, уже въ лѣтахъ мудрости!

ской и величія тяжкаго! Чего бѣжалъ Сергій, того безстыдно искалъ Коломенскій Священникъ Митяй, духовникъ и любимецъ Димитрія, «высокій ростомъ, плечистый, рожаистый, съ красивою огромною бородою, рѣчистый на слова, искусный въ пѣніи, чтеніи, гораздый въ книгахъ, изящный на всякое дѣло поповское (145).» Не только Димитрій, но и знатнѣйшіе Бояре были его духовными дѣтьми, и Великій Князь желалъ видѣть его преемникомъ Святаго Алексія. Хитрый Митяй долго отговаривался. Когда Спасскій Архимандритъ Іоаннъ, по своей волѣ, удалился на покой, духовника Великокняжескаго насильно увлекли въ церковь, постригли въ монахи, назвали инокомъ Михаиломъ, и немедленно возвели въ санъ Архимандрита. «Дѣло, дива полное!» говорили современники. «До обѣда нашъ Митяй былъ бѣлецъ, по обѣдѣ сталъ Архимандритъ; до обѣда міранинъ, а по обѣдѣ монаховъ наставникъ, учитель, вождь и пастырь (146)!» Дѣло происходило еще за

---

(145) См. житіе Св. Сергія (*Ник. Лѣт.* IV, 233). Слова сего Святаго мужа: «Отъ юности моей нѣсть златоносецъ; нынѣ-же, на старость, нищетнѣе хочу пребывати.» Повѣсть о Митяѣ взята изъ *Троицк. Лѣт.* (Карамзинъ, V, пр. 54, и слѣд.) и *Типогр.* (стр. 137 и слѣд.). Она повторена въ *Никон.* и другихъ Лѣтописяхъ, съ измѣненіями.

(146) Тип. Лѣт. стр. 140.

два года до кончины Св. Алексія. Первосвятитель терпѣлъ своеволіе въ постриженіи Михаила, но не слушалъ просьбъ Димитрія: опредѣлить послѣ себя санъ Митрополита Михаилу, «Онъ *новоукъ*. Подобаетъ Митрополиту быть не новоуку, и непорочну, да не развеличается, и не впадетъ въ сѣть дьявольскую!» Такъ всегда отвѣчалъ Алексій. На всѣ просьбы Димитрія, онъ говорилъ одно: «Не воленъ я благословить его. Да будетъ Митрополитъ, если дастъ ему Богъ, Богоматерь, Патріархъ и Вселенскій Соборъ.» Къ зазору всѣхъ, едва скончался Алексій, Михаилъ возложилъ на себя клобукъ Митрополичій, надѣлъ владычную одежду, завладѣлъ церковною казною и ризницею, и, не бывъ еще Епископомъ, управлялъ духовенствомъ, какъ Митрополитъ, сбиралъ поборы, и угнеталъ своимъ высокомѣріемъ. Онъ увѣрилъ Димитрія, что пять или шесть Епископовъ, собравшись вмѣстѣ, и призвавъ на себя помощь Св. Духа, могутъ посвятить его во Епископы, заступая мѣсто Митрополита. Созвали Епископовъ; никто не дерзнулъ противорѣчить. Одинъ только Діонисій Суздальскій обличилъ неправду; Михаилъ вознегодовалъ, и велѣлъ спросить у него: «Какъ смѣлъ онъ пріѣхать въ Москву, и не быть у меня на поклонѣ и благословеніи? Развѣ не вѣдаетъ онъ, что я надъ всѣми власть имѣю?» прибавлялъ Миха-

илъ. — Надо мною никакой — отвѣчалъ Діонисій. — Ему должно было придти и благословиться у меня: я Епископъ, онъ попъ. Кто больше: попъ или Епископъ? — «Сдѣлаю его меньше попа!» воскликнулъ Михаилъ, услышавъ отвѣтъ Діонисія. «Возвращусь изъ Царьграда, и своими руками спорю у него скрижали!» Открылась соблазнительная вражда. Діонисій рѣшился ѣхать и жаловаться въ Царьградѣ. Его задержали, и выпустили съ условіемъ: не ѣздить въ Царьградъ. Святый Сергій поручился за Діонисія, и былъ оскорбленъ его вѣроломствомъ: Діонисій тайно уѣхалъ изъ Москвы, и по Волгѣ поплылъ въ Царьградъ. Сергій остался въ стыдѣ, а Михаилъ, спѣша предупредить соперника, съ великою свитою отправился сухимъ путемъ, черезъ Рязань и Половецкія степи. На пути взятый Монголами, онъ успѣлъ умилостивить ихъ, получилъ ярлыкъ Мамая, хотя бывшаго тогда въ явной враждѣ съ Москвою, и изъ Кафы поплылъ въ Царьградъ (147). Уже бѣлѣлись вдали передъ нимъ зданія Царяграда. Вдругъ онъ заболѣлъ, умеръ, и нашелъ себѣ только могилу тамъ, гдѣ искалъ почестей. Его похоронили въ Галатѣ.

Между спутниками Михаила сдѣлался раздоръ. Они рѣшились отъ себя представить въ

(147) Ярлыкъ въ *Собр. Гос. граматъ*, т. II, № 12.

Царьградъ ставленика, на мѣсто Михаила. Этого искали два бывшіе между ними Архимандрита: Пименъ Переяславскій, и Іоаннъ Петровскій (148). Послѣ многихъ споровъ, всѣ согласились на избраніе Пимена, и явили его въ Царьградѣ, какъ духовную особу, назначаемую въ Митрополиты Великимъ Княземъ. Греки недоумѣвали, тѣмъ болѣе, что въ Руси былъ уже Митрополитъ. Послѣ смерти Романа, въ 1375 году, посвященъ былъ въ Митрополиты на Волынь Сербъ Кипріанъ. Алексій Митрополитъ не допустилъ его въ Кіевъ, и напрасно, въ 1376 году, Кипріанъ присылалъ въ Новгородъ, увѣряя, что онъ посвященъ въ Митрополиты всея Руси. «Посылай къ Великому Князю»—отвѣчали Новгородцы—«если онъ приметъ тебя, будетъ и нашимъ Митрополитомъ (149).» Кипріанъ оставался на Волыни. Золото Пимена рѣшило недоумѣніе Грековъ. Онъ возвратился въ Русь уже послѣ побѣды надъ Монголами. Но Димитрій съ изумленіемъ узналъ о замыслахъ сего честолюбца, сожалѣлъ о смерти Михаила, не хотѣлъ видѣть Пимена, и торжественно призвалъ въ Москву Кипріана. Пимена схватили въ Коломнѣ, сняли

(148) Іоаннъ славился тѣмъ, что былъ первый установитель *общаго житія* монаховъ въ Москвѣ. Монастырь Петровскій основанъ былъ при Димитріѣ.

(149) Новг. Лѣт.

съ него Митрополитское облаченіе, и самого послали на заточеніе въ Чухлому.

Сіи распри были ничтожны, мѣлки, но тревожили умы всѣхъ, и были предвѣстіемъ бѣдствій, какихъ уже полвѣка не испытывала Москва! Тѣмъ ужаснѣе казались новыя бѣдствія послѣ мгновеннаго и столь еще недавняго торжества Рускихъ. Душа Русская болитъ изображая ихъ, даже по прошествіи четырехъ съ половиною столѣтій!

Рускіе крѣпко вѣрили, что истощенная въ кровавыхъ междоусобіяхъ, раздѣленная на Орды, враждебныя одна другой, испытавшая силу меча православныхъ, власть Монголовъ вскорѣ спадетъ, совершенно и на вѣчно, съ областей Русскихъ. Еще болѣе подтвердила сіе мнѣніе важная вѣсть, что Мамай встрѣтилъ конечную гибель въ своихъ улусахъ, по возвращеніи съ береговъ Непрядвы. Мы упоминали о Тохтамышѣ, удалившемся за двадцать лѣтъ прежде къ Чагатайскимъ Ханамъ, когда братъ его Наврузъ свергъ Бердибека и погибъ отъ мечей дружины Хидыря. Новый Чингисъ-Ханъ — Тимуръ Чагатайскій подчинилъ уже себѣ въ то время царство Самаркандское, громилъ Персію, и мечталъ о всесвѣтной монархіи, о явленіи міру втораго Темудзина. Онъ далъ нѣсколько дружинъ въ пособіе бѣдному бѣглецу изъ Золотой Орды. Подкрѣпленный Ногайскими Ор-

дами Эдигея, Тохтамышъ явился на берегахъ Волги. Мамай ждалъ его, и тамъ, гдѣ нѣкогда Монголы торжествовали первую побѣду надъ Руссами, на берегахъ Калки, схватились два остервенѣлые соперника (150). Тохтамышъ преодолѣлъ, и объявилъ себя Ханомъ Золотой Орды. Мамай укрылся въ Кафѣ у Генуэзцевъ. Тамъ палъ онъ подъ кинжаломъ Итальянскаго убійцы: хотѣли овладѣть бѣднымъ остаткомъ величія Мамаева — золотомъ, которое сберегъ при себѣ несчастный бѣглецъ (151)....

Тохтамышъ увѣдомилъ Русскихъ Князей о гибели общаго ихъ врага; извѣстилъ и о томъ, что отнынѣ ему принадлежитъ власть. Онъ ждалъ появленія властителей Руси, какъ древнихъ рабовъ, въ Ордѣ Сарайской. Князья послали подарки, но не ѣхали сами бить челомъ. Тохтамышъ еще разъ оказалъ умѣренность: прислалъ Посла, съ отрядомъ войскъ, требовать прежней дани и покорности. Димитрій велѣлъ отвѣчать, что онъ не ручается за безопасность

---

(150) Г-нъ Бутковъ полагаетъ, что битва происходила на рѣкѣ *Малкѣ*. Тамъ донынѣ, говоритъ онъ, на 4-хъ верстахъ видны могилы, между слободъ Солдатской и Прохладной, и называются: *Мамаево побоище* (Сѣв. Архивъ, XI, 18). Но въ Лѣтописяхъ нашихъ находимъ именно *Калку*.

(151) Стр. Лѣт. I, 367.

Посла Монгольскаго, если онъ еще явится въ Москвѣ (152).

Князья Русскіе казались согласными съ волею Димитрія, готовыми на брань, если рѣшено будетъ биться вновь съ Монголами. Такъ прошелъ годъ. Удивлялись только, что изъ Орды нѣтъ вѣстей. Тохтамышъ приготовилъ свои войска, но хотѣлъ застать Димитрія въ расплохъ; велѣлъ захватить и перерѣзать Русскихъ купцовъ въ Булгарахъ и по Волгѣ, чтобы они не передали вѣсти въ Москву (153). Тохтамышъ зналъ, что надобно было оглушить Русь однимъ страшнымъ ударомъ, и все затрепещетъ, покорится. Разсчеты его оказались вѣрны и гибельны. Не только низкая робость, но даже измѣна вгнѣздилась въ души Князей, едва услышали они о движеніи Хана. Не смотря на скрытность и поспѣшность его похода, Димитрія извѣстили *доброхоты Ордынскіе*, что Тохтамышъ уже перешелъ Волгу и идетъ прямо на Москву. Онъ послалъ сзывать дружины, и узналъ, что Тверь и Рязань пользуются случаемъ, хотятъ заплатить Москвѣ обиды, и готовы помогать Монголамъ. Даже тесть его, Князь Суздальскій, не только предалъ Димитрія, но и послалъ сыновей своихъ на встрѣчу Тохтамы-

---

(152) Троицк. Лѣт. (Карамз. V, пр. 89).

(153) Стр. Лѣт. (I, 368, 369) и другіе.

ша, съ поклономъ и дарами. Узнавъ, что Ханъ уже далеко ушелъ впередъ, Княжичи Суздальскіе скакали по слѣдамъ его нѣсколько дней, догнали его наконецъ близъ Сернача, и раболѣпно ударили ему челомъ. Тохтамышъ удержалъ ихъ при своемъ войскѣ (154). На границѣ Рязанской встрѣтилъ Хана другой перевѣтникъ—Олегъ. Онъ молилъ объ одномъ: не идти по его княжеству, и предавалъ въ волю Хана другихъ; даже объяснялъ, какъ легче и удобнѣе можетъ Ханъ захватить Москву. Все смирялось или бѣжало. Проводившій и встрѣтившій нѣкогда побѣдные полки Димитрія, Коломенскій Епископъ Герасимъ полагалъ себя безопаснымъ только въ Новгородѣ (155). Ступивъ на землю Московскую, Тохтамышъ извлекъ мечъ, и зажегъ пожары. Серпуховъ разграбили мимоходомъ, и спѣшили къ Москвѣ.

Тамъ царствовало смятеніе, «какъ на морѣ въ бурю великую (156).» Испуганные Князья и Бояре буйствовали, не слушались Димитрія—даже винили его за Куликовскую побѣду, говоря, что его замысломъ прервана была тишина отъ Орды; что въ битвѣ съ Мамаемъ погублена была

(154) Стр. и Тип. Лѣт.

(155) Новг. Лѣт. годъ 1382-й.

(156) Граду мятущуся, аки морю въ бурю велицу (Тип., стр. 172).

защита Руси, и теперь не остается средствъ къ спасенію! Видя измѣну извнѣ, непокорство внутри, Димитрій не могъ управить Москвою, не посмѣлъ и погибнуть, защищая ее самъ. Онъ постыдно бѣжалъ, увезъ семейство свое въ Переяславль, и здѣсь не ожидая безопасности, укрылся наконецъ въ Костромѣ. За нимъ разбѣжались всѣ. Князь Владиміръ также уѣхалъ и увезъ семейство свое въ Торжекъ. По крайней мѣрѣ онъ осмѣлился воротиться, собрать небольшую дружину и стать у Волоколамска; Димитрій и этого не сдѣлалъ! Оставленная Князьями и дружинами, Москва предана была буйству и своеволію жителей. Одни хотѣли бѣжать, другіе сражаться, третьи грабили между тѣмъ погреба, пили, дрались, и звонили въ колокола, сзывая народъ на вѣче. Митрополита не выпускали; онъ думалъ только о себѣ; ради Бога просилъ онъ дать ему свободный путь, и убѣжалъ въ Тверь.

Появленіе Монголовъ образумило тѣхъ, кто оставался въ Москвѣ. Въ Кремль сбѣжались толпы народа и заперли ворота Кремлевскія. Какой-то Литовскій Князь, внукъ Олгерда, Остей, явился тогда въ Москву, и принялъ начальство. Посады преданы были беззащитно въ руки враговъ. Монголы прискакали сначала въ небольшихъ отрядахъ, ѣздили вокругъ Кремля, бранились съ осажденными, которые вылѣзали

на стѣны Кремлевскія, и пьяные, видя малочисленность Монголовъ, ругали ихъ и позорили (157). Монголы грозили мечами, спрашивали о Димитріи, и удалялись. На другой день прошелъ хмѣль защитниковъ Кремля: Тохтамышъ явился во всей силѣ своей. Монголы окружили Кремль, осыпали его стрѣлами, лѣзли на стѣны; осажденные отстрѣливались, лили на осаждающихъ кипятокъ, бросали каменья. По три дня продолжался приступъ. Адамъ суконникъ ударилъ изъ самострѣла съ Флоровскихъ воротъ, и убилъ какого-то знатнаго Ордынца, о которомъ сокрушался самъ Тохтамышъ. Боясь быть задержаннымъ осадою, Ханъ рѣшился обольстить осажденныхъ ласкою, и, къ несчастію, успѣлъ. Монголы подъѣхали къ стѣнамъ для переговоровъ; сказывали, что Ханъ не хочетъ зла Москвѣ, воюетъ съ Димитріемъ, а не съ Москвою, требуетъ только покорности и даровъ, хочетъ посмотрѣть Кремль Московскій, и обѣщаетъ всѣмъ безопасность. Сыновья Суздальскаго Князя явились передъ Кремлемъ, вмѣстѣ съ Монголами, и клялись въ истинѣ словъ Ханскихъ. Легковѣрный Остей согласился отворить Кремль. Самъ онъ, неся богатые дары, вышелъ изъ Кремля; за нимъ шло духовенство, съ кре-

(157) Нелѣпыя и безобразныя прибавки *Ник. Лѣт.* см. т. IV, стр. 134.

стами и иконами. Тогда открылось вѣроломство Монголовъ: Остей былъ убитъ первый; Монголы начали терзать и рубить духовенство; топтали, бросали, ломали Святые образа и кресты, и вторглись въ Кремль. Все въ ужасѣ бѣжало отъ нихъ, скрывалось, падало подъ мечами убійцъ; церкви, домы были ограблены; Кремль *исполнился труповъ*; множество народа захвачено было въ полонъ, и истерзано безъ различія сана, пола и возраста. Наконецъ, взвились облака дыму: Монголы зажгли городъ. «Великъ былъ дотолѣ градъ Москва, и чуденъ, и много было въ немъ людей и узорочья. И въ единый часъ все измѣнилось отъ меча и пожара! Люди погибли, домы замѣнились грудами пепла, церкви стояли поруганныя и опаленныя; не было и ходящихъ по пепелищамъ. Монголы разграбили Княжескія сокровищницы; истребили и множество древнихъ рукописей» (158). Пируя на пеплѣ Димитріевой столицы, Тохтамышъ разослалъ отряды во всѣ стороны. Владиміръ, Можайскъ, Волоколамскъ, Звенигородъ были опустошены. Жители Переяславля спаслись въ ладьяхъ на озерѣ своемъ; городъ ихъ сожгли. Вопль и стенаніе были слышны всюду и — не было защитниковъ! Только Владиміръ Андреевичъ

(158) Стр. Лѣт. 1,374; Троицк. Лѣт. (Кар. V, пр. 96).

осмѣлился наконецъ напасть на отрядъ Монголовъ, близъ Волоколамска. Слыша о появленіи Русскихъ дружинъ, Тохтамышъ спѣшилъ уйдти. Никто его не преслѣдовалъ. Бѣдствіе Москвы совершилось въ 26 й день Августа 1382 года. На обратномъ пути, Монголы выжгли Коломну, шли по Рязанской области, и свирѣпствовали въ областяхъ Олега, такъ, что сей несчастный союзникъ поганыхъ, обезславивъ себя двукратною дружбою съ ними, едва спасся бѣгствомъ отъ гибели. Съ дороги, Тохтамышъ отослалъ къ Суздальскому Князю одного сына его, Симеона, съ Посломъ и привѣтомъ. Другаго, Василія Кирдяпу, онъ оставилъ въ Ордѣ заложникомъ.

Горестно плакали на пожарищѣ Москвы Димитрій и Владиміръ. Тысячи труповъ безобразно валялись на развалинахъ. «Къ чему была побѣда наша!» говорили Князья «Отцы наши рабствовали, но не видали такого зла!» Они велѣли хоронить трупы, платили по рублю за восемьдесятъ тѣлъ, и заплатили — 300 рублей. Слѣдственно — 24,000 человѣкъ заплатили жизнію за малодушіе властителей, кромѣ полоненныхъ, сгорѣвшихъ, утонувшихъ (159). Въ безплодной ярости, Димитрій послалъ дружины свои казнить Олега. Едва спасшись отъ поганыхъ союзниковъ, Олегъ бѣжалъ отъ род-

(159) Стр. и Тип. Лѣт.

ныхъ, преданныхъ имъ. Москвичи хвалились, что «землю Рязанскую до остатка пусту учинили, и были Рязанцамъ пуще Татарскія рати (160)!»

Гнѣвъ Димитрія обратился и на робкаго Кипріана: велѣли ему оставить Москву, покинувшую имъ во время общаго бѣдствія; но всего болѣе не за то-ли, что онъ укрылся у врага Москвы, Тверскаго Князя? Пимена возвратили изъ ссылки; отдали ему санъ Митрополита; Кипріанъ уѣхалъ въ Кіевъ, и отдался въ покровительство Литвы (161).

За бѣдствіемъ настало время униженія. Карачъ, Посолъ Хана, явился въ Москвѣ, возстававшей изъ пепла, указалъ на пожарище ея, и звалъ Димитрія въ Орду, съ данью и покорностью. Димитрій не поѣхалъ самъ, но отправилъ старшаго сына своего, Василія. Уже Тверской Князь находился въ Ордѣ, и билъ челомъ о Великомъ Княжествѣ. Но Ханъ простилъ Князя Московскаго, видя его покорность, приказывалъ ему помнить урокъ, и оставилъ Василія въ Ордѣ, въ залогъ вѣрности. Князь Тверской, обманутый въ надеждѣ, долженъ былъ

(160) Стр. Лѣт. I, 377.

(161) Тип. Лѣт., стр. 182. Димитрій посылалъ уже за нимъ въ Тверь; но Кипріанъ едва пріѣхалъ въ началѣ Октября.

также оставить сына, Александра, заложникомъ. Тохтамышъ взялъ все, что привезли ему изъ Москвы; насчиталъ еще 8000 рублей долгу, и обложилъ тяжкою данью Великое Княжество. Почти забытые *численники* и *послы* Монголовъ снова явились пить кровь и слезы Руссовъ (162)...

Начались прежняя томительная жизнь, прежнія междоусобія. Въ Мартѣ 1385 года, Олегъ оправился отъ пораженія, *изгономъ* пришелъ на Коломну, «наимался злата, сребра и всякаго товара.» Владимiръ Андреевичъ пошелъ мстить ему грабежемъ и войною. Но Димитрій хотѣлъ мира. Онъ просилъ Игумена Сергія быть посредникомъ. Святой мужъ еще разъ оставилъ обитель свою, поѣхалъ въ Рязань, «кроткими словесами и благоувѣтливыми глаголами много бесѣдовалъ съ Олегомъ о мирѣ и о любви, и Олегъ преложилъ свирѣпство на кротость, умилился душею, устыдился святаго мужа, и взялъ съ Москвою *миръ вѣчный*.» Онъ сдержалъ обѣщаніе. Дочь Димитрія выдана была потомъ (въ 1387 г.) за сына его, Ѳеодора (163).

---

(162) Съ *деревни* сбирали тогда по *полтинѣ*. Но деревни были весьма малолюдны. Карамзинъ замѣчаетъ, что деревню часто составлялъ *одинъ дворъ*, и двѣ, или три *обжи*, т. е. два или три *тягла*. Въ обжѣ считалось три *сохи* (И. Г. Р. т. V, пр. 103).

(163) Тип. Лѣт. стр. 184, 185. Карамз. V, пр. 105.

Дошолъ благоприятливый къ Новгороду, Димитрій вознегодовалъ въ сіе время на вольный городъ, и воздвигъ на него ту грозу, которою могъ-бы спасти отчизну отъ раззоренія и позора. Мы видѣли уже удальца Новгородскаго Онисифора, который, съ ватагою товарищей, безстрашно ходилъ по Заволочью и Волгѣ, добывая не купленныя узорочья и казну, вольною рукою. Такіе походы вольницы и молодежи не считались въ Новгородѣ постыдными. Правительство Новгородское терпѣло ихъ; народъ любовался удалью. Атаманы вольницы были потомъ вѣрными слугами отчизны: такъ за Онисифора вступался черный народъ на Вѣчѣ, а онъ послѣ того далъ память Магнусовымъ дружинамъ подъ Орѣшкомъ и Выборгомъ, и былъ наконецъ Посадникомъ. Русскіе Князья смотрѣли на разбои Новгородцевъ равнодушно, ибо отъ нихъ терпѣли поганые. Князья извинялись передъ Монголами тѣмъ, что своевольничаютъ *разбойники* и *недобрые люди*. Примѣру Новгородцевъ слѣдовали другіе, и по настоянію Ханскому, Князь Димитрій Константиновичъ, какъ мы видѣли, принужденъ былъ, въ 1362 году, судить и выдать Костромскихъ разбойниковъ, ограбившихъ Жукотинъ. Удальство не прекращалось грозою Ордынцевъ, а у Новогородцевъ вошло даже въ обычай. Спускаясь на Волгу, въ легкихъ ладьяхъ, Новгород-

скіе *ушкуйники* (164) доходили иногда до Каспійскаго моря, плавали на сѣверъ до Студенаго моря, и разъѣзжали по рѣкамъ Сибирскимъ за чужимъ добромъ. Къ несчастію, буйство или нужда заставляли ихъ иногда бросаться безъ разбора на города и селенія православныхъ. Это производило битвы, ссоры, страшныя притязанія на Новгородъ. Никто изъ Новгородскихъ удальцовъ не славился послѣ Онисифора такою отвагою, какъ Новгородецъ Александръ Абакумовъ, тотъ самый, котораго убили подъ Торжкомъ, въ 1372 году. Въ 1364 году онъ плавалъ далеко по Оби; въ 1366 году, вошедъ въ Волгу, онъ захватилъ суда Хивинцевъ и Армянъ, сжегъ и потопилъ ихъ *кербаты*, *ладьи*, *учаны*, и *пабусы* подъ Нижнимъ, вошелъ въ Каму, и грабилъ Булгаровъ. Ватагу его составляли 150 ушкуевъ, *или* лодокъ. Послы Московскіе жаловались Новгородцамъ на Абакумова. Вѣче отвѣчало, что онъ *ходилъ безъ Новгородскаго слова*. Великій Князь разсердился; велѣно было захватить Новгородскаго Воеводу, возвращавшагося съ Двины, и выѣхать Великокняжескому намѣстнику изъ Новгорода. Новгородцы прислали пословъ извиняться, и помирились. Но ушкуйничество продолжалось; жалобы были безпрерывныя. Въ 1369 и 1370 г., удальцы Новаго-

---

(164) *Ушкуй*, легкая, особенной постройки лодка.

родскіе ходили по Камѣ и Волгѣ, «и много зла сотворили. «Новгородецъ Прокопъ затмилъ самого Абакумова славою молодечества: 2000 отчаянныхъ товарищей шли съ нимъ повсюду, и безъ разбора. Въ 1371 году они ограбили Кострому и Ярославль; въ 1374 г. разбили Вятку, взяли съ Булгаровъ 300 рублей окупа, были у Сарая, за Сурою, по Ветлугѣ; въ 1375 году снова напали они на Кострому, разбили Великокняжескаго воеводу, и плавали до самаго устья Волги. Тамъ погибъ Прокопъ, обманутый Монгольскимъ Княземъ Салчеемъ. Напрасно Москва приказывала унять удальцовъ, требуя вознагражденій за раззореніе Костромы. Новгородцы отговаривались. Прибавился еще какой-то споръ о доходахъ Великаго Князя, и своевольное распоряженіе, по которому Новгородцы (165) отреклись отъ Митрополитова суда въ дѣлахъ церковныхъ (1385 г).

Какъ будто ожилъ тогда прежній Димитрій. Онъ вдругъ сдвинулъ большую рать, взялъ дружины Суздальскія, Нижегородскія, Городецкія, и зимою 1386 года вступилъ въ Новгородскую

(165) « Держа Димитрій гнѣвъ про *Княщины*, «т. е. сборы на Князя. Прокопъ былъ такъ славенъ въ народѣ, что повѣсть о немъ внесена во многія Лѣтописи. О Абакумовѣ, см. въ *Новгор. Лѣт.* Объ отреченіи Новгородцевъ отъ суда Митрополичья, *Ист.* Г. Р. V, пр. 106.

область. Новгородцы думали убѣдить на миръ, соглашая заплатить 8000 рублей, и послали для сего къ Димитрію Владыку Алексія. Его не слушали, шли впередъ, жгли селенія. Въ началѣ Января, Димитрій отаборился въ 30-ти верстахъ отъ Новгорода. Вольный городъ принялся за оружіе. Новгородцы обнесли Новгородъ тыномъ, сожгли домы въ посадахъ за рвомъ, не пожалѣли и монастырей, коихъ сгорѣло тогда 24 (166). Димитрій поколебался: ему предлагали миръ и платежъ; въ случаѣ отказа, передъ нимъ стала «рать Новгородская, великая и свѣтлая, конная и пѣшая, и находилось много охотниковъ биться.» Предпочитая худой миръ доброй брани, Димитрій согласился на заплату убытковъ, и взялъ миръ по старинѣ Новгородской (167).»

Съ сего времени, прежняя дѣятельность возродилась въ душѣ Димитрія. Угадываемъ причину: ослѣпленный честолюбіемъ, Тохтамышъ безразсудно отваживался тогда на борьбу съ благодѣтелемъ своимъ, Тимуромъ Чагатайскимъ. Въ 1387 году Василій Димитріевичъ, дотолѣ томившійся въ Ордынской неволѣ, бѣжалъ и че-

(166) Рост. Лѣт. (Кар. V, пр. 107).

(167) «Бѣша сила велика, и свѣтла рать Новгородская, конная и пѣшая, и вельми много охотниковъ биться.»

резъ южныя степи пробрался въ Молдавію. Димитрій съ радостью послалъ встрѣтить сей драгоцѣнный залогъ, тяжело стоившій его сердцу. Не видимъ, чтобы Монголы мстили за бѣгство, или требовали возвращенія сына Димитріева (168).

Еще болѣе смѣлости показалъ Димитрій въ слѣдующемъ году. Тесть его Димитрій Константиновичъ скончался въ 1383 г. (169). Борисъ Городецкій ждалъ смерти брата своего въ Ордѣ, и выпросилъ себѣ Нижній Новгородъ. Василій Кирдяпа, за годъ до побѣга Василія Димитріевича (1386 г.), покушался также бѣжать, но былъ схваченъ и возвращенъ въ Орду, какъ плѣнникъ. Черезъ два года, Ханъ умилостивился, пожаловалъ Кирдяпѣ прежній удѣлъ дяди его, Городецъ. Но Василій и братъ его Симеонъ не довольствовались жалованьемъ Хана. Они просили Великаго Князя помочь имъ возвратить отцовское наслѣдіе, хотя они и не имѣли на то никакого права. Дружины Московскія соединились съ ними, и пришли къ Нижнему Новгороду. Напрасно Борисъ показывалъ Ханскую грамату, доказывалъ права свои; ему

(168) Рост. Лѣт. (Кар. V, пр. 113).

(169) Принявъ передъ кончиною схиму, и имя инока Ѳеодора. Онъ погребенъ въ Нижегородск. Спасск. соборѣ.

не внимали. Онъ уступилъ и переѣхалъ въ прежній удѣлъ свой (170).

Занятой приготовленіями къ битвамъ съ Тимуромъ, Тохтамышъ какъ будто хотѣлъ еще разъ напомнить Рускимъ о карѣ за своеволіе. Внезапнымъ набѣгомъ, Монголы опустошили предѣлы Рязанскіе, но вскорѣ ушли обратно (171).

Можетъ быть, Димитрій успѣлъ наконецъ опомниться отъ страха, и готовился къ новой борьбѣ съ Монголами. Но въ это время совершилъ онъ важную государственную перемѣну: Владиміру Андреевичу объявили, что по волѣ старшаго брата, ему должно отказаться отъ правъ своихъ на Великое Княжество, въ случаѣ смерти Димитрія. Кажется, что не обошлось безъ неудовольствій; но столько-же достойный называться *добрымъ*, сколько и *храбрымъ*, Владиміръ поступился вѣковымъ предлогомъ междоусобій. *Первый* изъ Русскихъ Князей, онъ добровольно отрекся отъ права, по которому *старшій въ родѣ, братъ, наслѣдовалъ послѣ брата, а не сынъ послѣ отца*. Это важное событіе не было означено кровью и войною, совершилось въ тишинѣ Княжескаго терема, и

---

(170) Троицк. Лѣт. (Кар. V, пр. 114), и другіе.

(171) Они раззорили тогда Переяславль (или нынѣшнюю Рязань).

даже не было замѣчено *Лѣтописцами.* Может быть никто изъ современниковъ и не зналъ о немъ, кромѣ Митрополита, свидѣтельствовавшаго договоръ Князей, и немногихъ бывшихъ притомъ Бояръ (172). Калита началъ, Алексій Митрополитъ продолжилъ право наслѣдованія отъ отца къ сыну: *Димитрію* принадлежитъ честь мирнаго и прочнаго утвержденія новаго порядка въ наслѣдствѣ; *Владиміру* подвигъ великодушнаго пожертвованія честолюбіемъ для блага общаго. Договоръ, по которому Владиміръ призналъ Димитрія отцомъ, а сына его, юнаго Василія *старшимъ братомъ*, обѣщаясь, равно для обоихъ и для потомковъ ихъ, держать Великое Княжество честно и грозно, хотѣть добра и *служить безъ ослушанья*, сей договоръ замѣчателенъ и тѣмъ, что въ немъ изъявлена надежда объ освобожденіи отъ власти Монголовъ. Договариваясь объ *Ордынской тягости*, Бесерменскомъ долгѣ и

(172) Карамзинъ подробно описываетъ вражду, бывшую по сему случаю между Димитріемъ и Владиміромъ (т. V, 102); но это описаніе взято изъ *Никоновск. Лѣт.* (т. IV 157). О неудовольствіяхъ между Князьями можно только *подозрѣвать*, изъ словъ Договора, тогда между ними заключеннаго (*Собр. Гос. грамат*, 1, №. 33): «Се Азъ К. В. Дим. Иванов. *прія́лъ есмь въ любовь* брата своего молодшаго,» и проч.

проторахъ, Князья упоминаютъ, что можетъ быть *Богъ избавитъ и освободитъ ихъ отъ Орды* (173).

Димитрію не совершилось еще и сорока лѣтъ. Москва могла надѣяться на его долголѣтіе и на крѣпкую руку его, когда небосклонъ Отечества отвсюду обносило мрачными тучами, и, можетъ быть, только новое Куликовское побоище могло спасти Москву отъ втораго набѣга Тохтамышева. Ни труды ратные, ни бѣдствія долголѣтняго княженія не ослабили Димитріева здоровья. Еще въ Январѣ 1389 года, когда пріѣзжалъ на поставленіе въ Москву новый Владыка Новгородскій Іоаннъ, Димитрій присутствовалъ, послѣ священнаго обряда, на *свѣтломъ праздникѣ* (174). Весною, Димитрій заболѣлъ тяжко, но получилъ облегченіе, и всѣ порадовались. Напротивъ, онъ предвидѣлъ смерть свою, утвердилъ свою духовную грамату, и готовился къ тихой кончинѣ, не принимая ни монашества, ни схимы. Вокругъ одра его плакали; Димитрій бодрствовалъ, утѣшаемый бесѣдою Святаго Сергія. Сему святому старцу суждено было благословить Димитрія и на смертномъ одрѣ, какъ благословлялъ онъ

(173) « Оже ны Богъ избавитъ, *ослободитъ* отъ Орды,» и проч.

(174) Новг. Лѣт. 1388 г.

его на битвы за отчизну. Сергій свидѣтельствовалъ и Духовную Димитрія, въ которой Димитрій отдалъ *старѣйшій путь* сыну Василію, и назначилъ его *Великимъ Княземъ* по кончинѣ своей. Спокойно опредѣлилъ Димитрій, кому изъ дѣтей владѣть которымъ удѣломъ; раздѣлилъ имъ платежи въ Орду, участки пошлинъ, иконы, золотыя пояса; заботился и объ участи младшаго сына своего, *Константина*, который родился за четыре дня до смерти отцовской. Послѣ долгой, поучительной бесѣды съ дѣтьми и Боярами, Димитрій заключилъ словами: «Да будетъ съ вами Богъ мира!» сложилъ руки на груди, и почилъ на вѣки, Мая 19-го 1389 года. На другой день похоронили его въ Архангельскомъ соборѣ, подлѣ гробницъ отца и дѣда. Трапезунтскій Митрополитъ Ѳеогностъ, пріѣхавшій въ Москву за церковнымъ подаяніемъ, Даніилъ Епископъ Смоленскій, Савва Епископъ Сарскій, и Сергій Игуменъ, *преподобный старецъ*, совершили обрядъ погребенія, при стеченіи народа, горестно плакавшаго, и забывшаго въ побѣдителѣ Мамая робкаго бѣглеца отъ полчищъ Тохтамыша (175).

---

(175) Описаніе кончины Димитрія внесено во многія Лѣтописи особою статьею, подъ названіемъ: *О житіи и преставленіи В. К. Димитрія Ивановича*. Въ *Никоновской Лѣт.* оно обезображено всего болѣе; спи-

Важныя событія означили собою въ Исторіи Русскаго народа *двадцати шести лѣтнее*, бурное

сокъ лучше другихъ въ *Строевск. Лѣт.* (т. 1, стр. 383 — 394). Карамзинъ внесъ многія подробности въ Исторію (т. V, пр. 116, 118). Но все это описаніе явно похвальная ораторская рѣчь, а не лѣтописная статья. Сочинитель заставляетъ умирающаго Димитрія говорить длинныя благочестивыя увѣщанія, наполненныя общими мѣстами, и проч. Прежде и послѣ того, онъ преувеличенно хвалитъ Димитрія, сравниваетъ его съ Енохомъ, Ноемъ, Авраамомъ, Исаакомъ и проч., высказывая притомъ цѣлый рядъ уподобленій — «высокопарный орелъ, огнь, попаляющій нечестіе, баня, мыющая отъ скверны, гумно чистоты, вѣтръ, плевелы развѣвающій, одръ трудившимся по Богѣ, труба спящимъ, воевода мирнымъ, вѣнецъ побѣды, пристанище плавающимъ, корабль богатства, оружіе на враги, мечъ ярости, стѣна нерушимая, сѣть зломыслящимъ, степень нерушимости, высокость ума, смиреніе смысла, тишина вѣтрамъ, пучина разума» и проч. — Духовная Димитрія, въ *Собр. Гос. граматъ*, т. 1, № 34. — Вотъ его главныя распредѣленія: дѣтямъ — Василію *Великое Княжество*, треть Москвы (другая треть братьямъ Василія; третья принадлежала Владиміру Андреевичу). Изъ *Московскихъ* областей, Василію Коломна, Юрію Звенигородъ, Андрею Можайскъ и Верея, Петру Дмитровъ. Изъ другихъ областей: Юрію Галичъ, Андрею Бѣлоозеро, Петру Угличъ. «А по грѣхомъ отыметъ Богъ сына моего Князя Василія, и *кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой, ино тому сыну моему Княжъ Васильевъ удѣлъ.*» Важная статья! — Княгиня Димитріева получила уча-

княженіе Димитрія. Овладѣніе нѣсколькими удѣлами; униженіе Суздаля и Твери; война съ Олгердомъ; битва Куликовская и нашествіе Тохтамыша; новый порядокъ наслѣдства Великокняжескаго; самое движеніе Димитрія на Новгородъ, въ 1386 году, — все это заключало въ себѣ начала вѣковыхъ дѣлъ и великихъ послѣдствій. Современникамъ не льзя было ни понять, ни видѣть того и другаго. Радуясь побѣдѣ надъ поганымъ, рыдая на пеплѣ Москвы, волнуясь личными страстями въ битвахъ съ Михаиломъ Тверскимъ, думая отнять какую нибудь *княщину* у Москвы, или присоединить какой нибудь городокъ къ Ря-

---

стки въ удѣлахъ всѣхъ сыновей, которые, по кончинѣ ея, долженствовали возвратиться каждому изъ нихъ. Она дѣлила Удѣлы дѣтямъ, въ случаѣ смерти котораго либо изъ нихъ. Ей предоставилъ Димитрій выдѣлить у братьевъ удѣлъ сыну, которымъ была она беременна: этотъ сынъ былъ *Константинъ Димитріевичъ*. Не выписываемъ множества подробностей о судѣ, селахъ, поборахъ, дани въ Орду, и проч.—Кромѣ Василія, Юрія, Андрея и Петра, у Димитрія былъ еще сынъ, Іоаннъ. Ему далъ отецъ только немного селъ, прибавляя, « и въ томъ воленъ сынъ мой, Князь Иванъ, который братъ будетъ до него добръ, тому дастъ, » т. е. послѣ смерти своей. Вѣроятно, Іоаннъ былъ или больной, или отмѣнно набожный юноша; онъ вскорѣ скончался монахомъ, нареченный *Іоасафомъ* (Стр. Лѣт. 1, 404). Къ Духовной Димитрія привѣшена серебряная, позолоченная печать.

зани, они были орудіями непостижимаго Провидѣнія, обуревавшаго ихъ мѣлкими страстями и отношеніями. Только одинъ провидѣцъ будущаго былъ между ними: *Алексій Митрополитъ*. Но событія въ княженіе Димитрія пояснили *для* современниковъ *образъ дѣйствій*, приличный каждому изъ нихъ: *Москвѣ* — политику съ Монголами, Литвою, Князьями и Новгородомъ; *Князьямъ Твери, Рязани, Суздаля, Ярославля, Ростова, Нижняго Новгорода*—возможность бытія только при уступкахъ Москвѣ. Установился порядокъ общественнаго и политическаго быта надолго, на два продолжительныя княженія сына и внука Димитріевыхъ, почти на цѣлое столѣтіе. Изъ сего современнаго, постояннаго теченія дѣлъ, не могли исторгнуть Русскихъ земель ни послѣднія усилія Монголовъ, ни страшныя бури, колебавшія Орду въ послѣдній вѣкъ ея бытія, ни важныя событія въ Литвѣ, ни смѣлые характеры противниковъ, тщетно боровшихся съ превозмогавшимъ дѣйствіемъ времени, тяготѣвшимъ къ одной цѣли; ни даже удалая вольность Новгородская, вскорѣ сдѣлавшаяся вовсе неумѣстною въ Руси. Отдѣлимъ простое, сердечное участіе, какое невольно принимаемъ мы, видя борьбу Человѣка противъ Судьбы и паденіе его въ сей борьбѣ, отъ Историческаго созерцанія дѣлъ и событій, когда мы должны глядѣть безсмертными очами Судьбы, не знающими слезъ

состраданія и соучастія. Кто изъ насъ не желалъ Аннибалу побѣды подъ стѣнами Кареагена, на поляхъ Замскихъ? Такъ невольно соболѣзнуемъ мы сердцемъ судьбѣ Тверскихъ Князей; будемъ еще сострадать бѣдствію рода Князей Суздальскихъ, характеру и гибели Шемяки, и паденію Новгорода и Пскова. Но — *страсть удѣлъ поэта, а не историка*: повторимъ еще разъ, что говорили при началѣ Монгольскаго періода Русской Исторіи (176).

Важнѣйшее дѣло въ Исторіи Литвы, совершившееся во времена Димитрія Іоанновича, отдѣльно отъ событій Рускихъ, было соединеніе Литвы съ Польшею, и введеніе Католической вѣры въ Литовскихъ областяхъ. Послѣ Казиміра Великаго (1370 г.), наслѣдовалъ Польшу племянникъ его Людовикъ Великій. Онъ соединилъ Венгрію (которою владѣлъ съ 1342 г.) и Польшу; но почти не управлялъ Польшею, въ теченіе 12-ти лѣтъ своего властвованія, оставляя ее Вице-Королямъ и матери своей, дочери Владислава Локетка. Но Людовикъ успѣлъ утвердить наслѣдство Польши дочери своей Гедвигѣ, такъ какъ успѣлъ онъ передать Венгрію другой дочери своей Маріи. Онъ умеръ въ 1382-мъ году (177). Не смотря на уступки Ду-

---

(176) Ист. Р. Н. IV, стр. 15.

(177) Король Бела скончю въ 1270 году; ему наслѣ-

ховенству, на крамолы матери Гедвигиной, Польскій Престолъ возбудилъ множество соискателей; два года продолжалась нерѣшительность. Гедвига была уже обручена Австрійскому Герцогу Вильгельму, любила его, и сдѣла-

---

довалъ сынъ его Стефанъ, дочь котораго Марія, выдана была за Карла, Короля Сицилійскаго. Сынъ Стефана, Владиславъ *Команскій* наслѣдовалъ отцу своему въ 1272 г., былъ убитъ въ 1290 г., и не оставилъ наслѣдниковъ. Сынъ Карла и Маріи, Карлъ Мартель, объявленъ былъ Королемъ Венгерскимъ въ Неаполѣ; но тронъ Венгерскій занялъ Андрей, племянникъ Белы, сынъ брата его Стефана, умершаго въ Венеціи, гдѣ жилъ онъ послѣ множества приключеній, и женился на Венеціянкѣ, происходившей изъ знаменитаго дома Морозини. Посему Андрея называли *Венеціянскимъ*. Умерши бездѣтнымъ, Андрей передалъ Венгрію Карлу Роберту, сыну Карла Мартеля (въ 1302 г.). Сей Государь, царствовавшій до 1342 г., былъ женатъ на Елисаветѣ, дочери Владислава Локетка; отъ сего супружества родился Людовикъ Великій. Казиміръ Великій, послѣдній Польскій Король изъ древняго рода Піястовъ, не имѣлъ сыновей. Людовикъ, бывшій племянникомъ Казиміра по матери своей Елисаветѣ, наслѣдовалъ Польшу. Онъ женился на Елисаветѣ, дочери Бана Боснійскаго, и оставилъ послѣ себя двухъ дочерей. *Марія,* назначенная имъ Королевою Венгерскою, находилась подъ опекою хитрой и свирѣпой матери своей. Послѣ смерти ея (въ 1386 г.), она отдала руку и Королевство юному Сигизмунду, Принцу Бранденбургскому, бывшему потомъ Императоромъ.

лась бѣдною жертвою Политики. Поляки согласились принять Гедвигу съ однимъ условіемъ, что имъ предоставляется полная воля избрать ей супруга. Прекрасная собою, набожная, кроткая, Гедвига привезена была въ Польшу, торжественно коронована въ 1384 году, и съ ужасомъ узнала о выборѣ супруга: это былъ *Ягелло*, полудикій язычникъ Литовскій, сорокалѣтній мужчина, убійца дяди, хищникъ наслѣдія братьевъ, другъ Монголовъ! Только пятнадцать лѣтъ было Гедвигѣ; съ дѣтскимъ ужасомъ слушала она разсказы о безобразіи страшнаго Литовца: говорили, что онъ поганый людоѣдъ, весь обросшій волосами. Въ Краковъ пріѣхалъ тогда-же Вильгельмъ, женихъ и другъ дѣтства Гедвиги. Но Духовенство и чины Польскіе не думали о слезахъ молодой Королевы, заперли ее въ зáмкѣ, не допустили къ ней Вильгельма. Напрасно, въ отчаяніи, Гедвига бросилась сама рубить топоромъ запертыя ворота зáмка; ее увлекли во дворецъ, не слушали ни моленій, ни просьбъ ея (178). Хладнокровно разсуждая о выгодахъ супружества съ Ягелломъ, Поляки находили важнымъ, что къ Польшѣ присоединится сильное государство Литовское, прекратятся кровопролитныя ссоры двухъ сосѣдей,

(178) Бѣльскій, Kronika Polska (Краковъ, 1597 г.) стр. 269.

усилится крѣпость Польши. Папа и Духовенство работали неутомимо: они пріобрѣтали обширныя области и новые доходы, могли наконецъ вырвать изъ рукъ Греческаго и Русскаго духовенства Галичъ, Волынь, надѣяться дальнѣйшаго распространенія Католицизма. Судьбу Гедвиги опредѣлили; умѣли увѣрить ее, что Ягелло, хотя и не молодъ, хотя убилъ брата, но добръ, смиренъ, не людоѣдъ, и не обросъ волосами; что она будетъ имѣть славу Апостоловъ, ибо Ягелло обѣщаетъ креститься самъ, и крестить всѣхъ своихъ подданныхъ, если получитъ руку Гедвиги. Съ великодушнымъ самоотверженіемъ Христіанки, Гедвига наконецъ согласилась. Ягелло прибылъ въ Краковъ, съ братьями и знатнѣйшими людьми Литовскими, 12-го Февраля 1386 года; Гедвига приняла его окруженная великолѣпіемъ Польскаго Двора, во всемъ блескѣ красоты и величія. Ягелло былъ плѣненъ ею, согласился на всѣ условія вельможъ и Духовенства, клялся имъ перекрестить всю Литву. Февраля 14-го крестили его самого и назвали *Владиславомъ*; 15-го совершилось бракосочетаніе Ягеллы съ Гедвигою, и вскорѣ Ягелла короновали, и наименовали Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ.

Онъ не имѣлъ ни одного изъ блестящихъ качествъ дѣда и отца, кромѣ наслѣднаго властолюбія ихъ и свирѣпаго звѣрства. Недѣя-

тельный, сонливый, нерѣшительный, не храбрый на войнѣ, онъ безъ славы процарствовалъ *сорокъ восемь лѣтъ* въ Польшѣ, умѣлъ удержаться на тронѣ, передать наслѣдство въ родъ свой, но не исполнилъ надеждъ Польши. Можетъ быть, о нихъ и не думали вельможи его, пользуясь слабостію Короля, и еще радуясь этому. Сдѣлавшись супругомъ Гедвиги, Ягелло измѣнился въ характерѣ, сталъ слабъ, довѣрчивъ, подвластенъ волѣ другихъ. Онъ вскорѣ потерялъ Литву (какъ увидимъ мы это далѣе); но исполнилъ обѣщаніе, данное Папѣ и Духовенству: *окрестилъ Литовцевъ*. На другой-же годъ послѣ свадьбы своей (1387 г.), Ягелло, Гедвига, и съ ними братья Короля, Витовтъ, вельможи Польскіе и Литовскіе пріѣхали въ Вильну, велѣли разрушать капища языческія, рубили священные лѣса, били святыхъ змѣй, залили огонь, вѣчно горѣвшій въ Виленскомъ храмѣ Перкуна. Смерть грозила жрецамъ Литовскимъ. Все безмолвствовало передъ волею Короля, державшаго въ одной рукѣ мечъ губительный, въ другой крестъ спасенія. Христіанская вѣра не была уже новостью для Литовцевъ. Католики и Греки издавна отправляли богослуженіе въ самой Вильнѣ, главномъ мѣстѣ Литовскаго идолослуженія. Видя покорность жрецовъ своихъ, послушно покорялся народъ. Ягелло самъ ѣздилъ между пол-

пами его, собранными подлѣ Вильны, заставляя читать: *Вѣрую* и *Отче нашъ*. Даримые при томъ бѣлыми суконными свитками, Литовцы съ радостью становились въ ряды, получали Христіанскія имена, были окропляемы святою водою, и объявляемы вѣрными чадами Церкви и Святаго Отца Папы. Въ Вильнѣ учредили Епископію, раздѣлили приходы, и Папа торжествовалъ крещеніе Литвы, а Гедвига и Ягелло (сдѣлавшійся ревностнымъ Католикомъ) славу Апостольства. Литовцы думали, что по крайней мѣрѣ, съ сихъ поръ не будутъ терзать ихъ Нѣмецкіе Крестоносцы; но надежда не сбылась. Въ самый годъ крещенія Ягелла, Гермейстеръ Конрадъ Чолнеръ вторгся въ Литву, и опустошалъ ее, какъ будто языческую землю. Гораздо труднѣе обращенія язычниковъ, оказалось управленіе Христіанами Греческаго исповѣданія, бывшими подъ властію Литвы. Кіевъ, Галичъ, Волынь, Полоцкъ, Смоленскія области, явно оказывали ненависть свою къ Католицизму. Самые братья Ягеллы, *Владиміръ* и *Скиригелло* были ревностными поборниками православія. Отселѣ начало борьбы религіозной, которая довела наконецъ Польшу до важнѣйшихъ политическихъ ошибокъ, споспѣшествовавшихъ ея разрушенію (179).

---

(179) Важное это обстоятельство было одною изъ всегдашнихъ причинъ междоусобія между Литовцами, и

Столь неожиданно совершилось важное дѣло, о которомъ въ Лѣтописяхъ Русскихъ было записано: «Женился Великій Князь Литовскій, Ягайло Олгердовичъ: поялъ *нѣкоторую Королевицу*, неимущую ни отца, ни матери; ея-же ради досталось ему Королевство въ Лядской землѣ. И крестился Ягайло въ Нѣмецкую вѣру, и пришедъ въ свою отчину, въ Литовскую землю, крестилъ Литву въ Нѣмецкую вѣру» (180).

Сказавъ о крещеніи Литвы, докончимъ прерванное нами повѣствованіе о смятеніи въ православной Церкви, начавшемся честолюбіемъ Михаила, ухищреніемъ Пимена и ссорою Діонисія Суздальскаго. Мы видѣли, что Кипріанъ, принятой въ Москвѣ, послѣ гнѣва Димитріева на Пимена, принужденъ былъ удалиться изъ Москвы, послѣ оставленія паствы своей въ нашествіе Тохтамыша. Пименъ не смѣлъ требовать у него

ненависти Литовцевъ, державшихся православія, противъ единородцевъ своихъ Католиковъ. Оно облегчило потомъ завоеванія въ Литвѣ Іоанна III-го. Къ несчастію Польши, безразсудная ревность къ Католицизму была какъ будто наслѣдственною въ родѣ Ягелла. Сія ревность погубила впослѣдствіи Сигизмунда III-го, отторгла отъ Польши Малороссію, и производила смятенія даже при самомъ окончаніи Польской Исторіи.—Такъ глубоко и таинственно совершается судьба народовъ, и все идетъ къ единой цѣли!

(180) Строевск. Лѣт. 1, 368, 381, и другія Лѣт.

Кіева, который былъ подчиненъ Московской Митрополіи до самой кончины Митрополита Алексія. Кипріанъ поселился въ Кіевѣ, и успѣлъ понравиться тамошнему Князю Владиміру Олгердовичу. Между тѣмъ Діонисій жилъ въ Царьградѣ, старался снискать милость Князей Русскихъ, присылалъ имъ образа, мощи, и благосклонно принятъ былъ, возвратясь въ отчизну Архіепископомъ, съ фелонью о четырехъ крестахъ, и въ стихарѣ *съ источниками* (181). Ревностно управлялъ онъ послѣ того своею паствою, истреблялъ ересь въ Новгородѣ (182), и такъ понравился наконецъ Димитрію, что его отправили (1383 г.) въ Царьградъ, и просили

(181) Рост. и Троицк. Лѣт. (Карамз. V, пр. 123).

(182) Ересь сія названа была *Стригольницкою*, отъ имени *разстриги*, или *стригольника*, Діакона Никиты. Она началась во Псковѣ; ересіархи отвергали сначала только церковные сборы, называя ихъ *святокупствомъ*; потомъ они стали утверждать, что чрезъ сіе святокупство Церковь лишается благодати, и запретили своимъ послѣдователямъ ходить въ храмы Божіе и признавать священство. Стригольники долго обуревали раздоромъ Церковь Православную. Въ Новгородѣ преслѣдовали, судили, и утопили въ Волховѣ нѣсколько Стригольниковъ (въ 1375 г.); другихъ подвергли тогда разнымъ наказаніямъ, но ничто не могло истребить ереси. Подробнѣе мы изложимъ сіи обстоятельства въ IX-мъ томѣ Ист. Р. Н.

Греческаго Патріарха возвести его въ Митрополиты. Өеодоръ, племянникъ Св. Сергія, Игуменъ Симоновской обители и духовникъ Великаго Князя, ѣздилъ съ Діонисіемъ. Не затрудняясь тѣмъ, что въ Руси будетъ *три* Митрополита, Греки возвели Діонисія въ сей высокій санъ. Но судьба не допустила соперника Михаилова торжествовать. Онъ пріѣхалъ въ Кіевъ, вѣроятно, думая отнять права у Кипріана. Владиміръ Олгердовичъ заступился за хитраго Серба, и утверждалъ, что Кипріанъ есть истинный Первосвятитель Руси. Онъ задержалъ Діонисія, и не хотѣлъ отпустить его въ Москву. Цѣлый годъ находился въ заключеніи Діонисій, и умеръ въ Кіевѣ, въ Октябрѣ 1385 года, плѣнникомъ Владиміра (183). Өеодора отпустили съ честію. Димитрій принужденъ былъ терпѣть на Митрополіи нелюбимаго имъ Пимена. Еще въ 1384 году звали Пимена въ Царьградъ два Митрополита, нарочно пріѣзжавшіе за тѣмъ въ Москву. Надобно было разобрать споры его съ Кипріаномъ. Въ Маѣ 1385 г. Пименъ отправился, и прожилъ въ Царьградѣ до 1388 года, оспоривая Кипріана. Димитрій, кажется, держалъ уже тогда опять сторону Кипріанову. Любимецъ

---

(183) Тип. Лѣт. стр. 184.—Діонисій причтенъ былъ потомъ къ лику Святыхъ. Мощи его находятся въ Кіевскихъ пещерахъ.

его, Игуменъ Ѳеодоръ, поѣхалъ по слѣдамъ Пимена. Онъ воротился въ Москву съ граматою Патріарха, по которой Симоновская обитель освобождена была отъ суда Митрополитскаго (184). Пименъ воротился *безъ исправы*. Онъ не смѣлъ заѣхать въ Кіевъ, боясь участи Діонисія. Неудовольствія Пимена съ Великимъ Княземъ дошли до того въ 1389 г., что онъ тайно укрылся отъ Димитрія, и уѣхалъ безъ его спроса въ Царьградъ. Намъ осталось любопытное описаніе сего путешествія Пименова, составленное спутниками его (185). Но въ Царьградѣ ждалъ уже

---

(184) Тип., Стр. Лѣт.

(185) *Хожденіе Пимена Митрополита въ третіе въ Царьградъ*, въ Костр. (т. 1, стр. 241—260) и другихъ лѣтописяхъ. Оно писано было Игнатіемъ, монахомъ, находившимся при Епископѣ Михаилѣ, сопутствовавшемъ Митрополиту. Подробности его важны и драгоцѣнны. Изъ Коломны Пименъ плылъ по Окѣ, мимо Перевитска и Переяславля (нынѣшней Рязани). Отсюда провожали его до рѣки Дона Рязанскіе Бояре, и дружина, послѣ великолѣпной встрѣчи отъ Князя Олега. За ними везли на колесахъ струги и лодку. Въ четвертый день пріѣхали къ берегамъ Дона, спустили суда на воду, и поплыли Дономъ. Въ устьѣ рѣки Воронежа ждалъ Пимена Князь Елецкій. За рѣкою Медвѣдицею увидѣли странствователи первыя кочевья Татаръ. Въ Азовѣ, Генуэзцы захватили было Пимена, за неплатежъ долга, какой сдѣлалъ онъ,

Пимена непримиримый Кипріанъ, а изъ Москвы преслѣдовалъ его неутомимый Θеодоръ. Димитрій между тѣмъ скончался. Пименъ недолго пережилъ его. Онъ умеръ въ Царьградѣ, въ 1389 году. Кипріану была тогда полная свобода. Но боясь противорѣчій, онъ поѣхалъ къ наслѣднику Димитрія, съ названіемъ *Митрополита всея Руси*; Θеодору дали санъ Архіепископа Ростовскаго. Кипріана сопровождали два Митрополита Греческіе, нѣкогда пріѣзжавшіе за Пименомъ. Принятой въ Кіевѣ, онъ почтительно встрѣченъ былъ въ Москвѣ, и наконецъ имѣлъ наслажденіе первосвятительствовать въ Руси послѣ 15-ти лѣтняго терпѣнія, соединивъ Кіевъ съ Москвою, и правя потомъ Русскою Церковью около 17-ти лѣтъ (186).

Мы сказали о нападеніи на Литву Нѣмецкихъ Рыцарей, въ самый годъ крещенія Литов-

---

бывши въ Царьградѣ въ 1380 году, и подкупая тамъ Грековъ, для пріобрѣтенія сана Митрополитскаго. Въ семъ случаѣ Пименъ употребилъ бланкеты, данные Митяю Димитріемъ. Успокоивъ Генуэзскихъ своихъ заимодавцевъ, Пименъ поплылъ по *Сурожскому* (Азовскому) морю. Бурею пригнало потомъ странниковъ къ Синопу. Долго страшились они идти далѣе, ибо всюду тогда разсыпались войска Баязета. Игнатій описываетъ въ заключеніе достопамятности Царяградскія.

(186) Типогр. Лѣт. стр. 190.

цевъ. Предлогомъ набѣга ихъ было защищеніе Скиригелла Олгердовича. Онъ завладѣлъ Полоцкомъ, въ отсутствіе Андрея, брата его. Возвратясь послѣ побѣды Куликовской, Андрей увидѣлъ себя изгнанникомъ. Вскорѣ Скиригелло съ безчестіемъ былъ выгнанъ Полочанами, и нашелъ мстителей и защитниковъ въ Рыцаряхъ. Стѣсненный упорною осадою, Андрей просилъ Новгородцевъ *по Христіанству пособить Полоцку* (187). Новгородцы только отправили ходатаемъ къ Ягеллу посла своего. Андрей умѣлъ отбиться на сей разъ; но въ 1386 году онъ испыталъ тяжкое бѣдствіе. Переселясь въ Польшу, Ягелло отдалъ всю Литву въ управленіе врага Андреева Скиригелла (188). Зная мстительный нравъ брата своего, Андрей соединился съ Святославомъ, Смоленскимъ Княземъ, который послѣ смерти Олгерда почиталъ себя независимымъ отъ Литвы. Святославъ обѣщалъ ему крѣпкую дружбу. Андрей просилъ помощи

---

(187) Кельхъ, 1382 годъ. Ошибкою, онъ думалъ, что дѣло идетъ о *Псковѣ*, и именуетъ Полоцкъ *Plescau*. См. Новг. Лѣт. 1381 г.

(188) П. П. Свиньинъ приложилъ къ *Отечественнымъ Запискамъ* (Журналу, нѣкогда имъ издаваемому) драгоцѣнный договоръ Ягеллы и Скиригеллы, въ вѣрномъ *снимкѣ*. Подлинникъ его хранится у Г-на Свиньина.

у Рыцарей Нѣмецкихъ, соглашаясь подчинить Полоцкъ ихъ зависимости. Заключивъ договоръ съ Андреемъ, прежніе союзники Скиригелла хотѣли теперь пособить Андрею, но не успѣли. Войско Польское и Литовское, подъ начальствомъ Скиригелла, брата его Лугвенія-Симеона, и Витовта, напало на Полоцкъ, взяло его *на щитъ*, мстило Полочанамъ казнію за мнимую измѣну. Андрей былъ брошенъ въ тюрьму. Напрасно Святославъ Смоленскій вступилъ въ Литовскіе предѣлы, безчеловѣчно грабилъ, жегъ, опустошалъ селенія. Осадивъ наконецъ Мстиславль, онъ былъ на голову разбитъ Скиригелломъ и Витовтомъ: самъ Святославъ, и племянникъ его Князь Іоаннъ Васильевичъ, сподвижникъ Донскаго на Куликовскомъ полѣ — пали въ битвѣ. Дѣти его: Князья Юрій и Глѣбъ попались въ полонъ. Скиригелло отдалъ Смоленскъ Юрію Святославичу, съ условіемъ, что онъ будетъ зависѣть отъ власти Ягелла. Братъ Юрія, Глѣбъ, остался за него заложникомъ (189).

---

(189) Договоръ Андрея находится въ Кенигсбергскомъ Архивѣ (Ист. Г. Р. т. V, пр. 111). О Святославѣ, см. *Тип. Лѣт.* стр. 187, и другіе. «Идуще воевати Литовскую землю, а кого гдѣ изымаху, нещадно мучаху различными муками, мужей, женъ и дѣтей, а иныхъ въ избахъ запирающе, зажигаху.»

Наримантъ былъ покоренъ брату своему Ягеллу, но готовилъ убѣжище себѣ въ Руси, какъ будто предчувствуя гибель. Онъ прислалъ сына своего Патрикія въ Новгородъ (1383 г.), и Новгородцы приняли его, забывъ робкое ничтожество отца (190). Они дали ему въ удѣлъ все, чѣмъ управлялъ нѣкогда отецъ его: Орѣховъ, Карелу, Лугу и половину Копорья. Не успѣвъ еще оказать услуги защитою ввѣренныхъ ему мѣстъ, Патрикій раздражилъ жителей Орѣхова и Карелы. Они жаловались на него Вѣчу, и произвели большой раздоръ: одни Концы Новгородскіе стояли за Князя, другіе за его подчиненныхъ; доходило до драки, но все кончилось миромъ. Патрикію перемѣнили только удѣлъ, отдавъ ему Ладогу, Русу и Нарову. Онъ начальствовалъ дружинами Новгородскими, когда Димитрій подступалъ къ Новгороду. Довольные послѣ сего Патрикіемъ, Новгородцы приняли къ себѣ (1388 г.) и другаго бѣглеца изъ Литвы: Лугвенія-Симеона Олгердовича; Патрикій долженъ былъ уступить ему Русу и Ладогу (191).

Въ княженіе Димитрія, ревностью простаго инока была распространена Христіанская вѣра

---

(190) Новгородск. лѣт. 1383 и 1384-й годы.
(191) Ист. Г. Р. т. V, пр. 108.

между Зырянами и Пермяками (192). Нѣсколько пожаровъ и частныхъ событій въ Новгородѣ и

---

(192) Ревностію Стефана Храпа, урожденца Устюжскаго. Принявъ монашество въ юности, онъ рѣшился посвятить всю жизнь свою на распространеніе Христіанства между Пермяками и Зырянами, жившими по рѣкамъ Лузѣ, Сысолѣ, Вымѣ, Вычегдѣ и Печорѣ; безстрашно жилъ между сими дикарями, училъ, проповѣдывалъ, истреблялъ идоловъ и капища ихъ; на устьѣ рѣки Выми построилъ церковь, завелъ училище для обученія Зырянъ Закону Божію, и въ 1383 году, послѣ 20-ти лѣтъ труда, пріѣхалъ въ Москву, просить Епископа новопріобрѣтенной паствѣ и многочисленному стаду новыхъ Христіанъ, его усердіемъ пріобрѣтенныхъ Православной Церкви. Митрополитъ Пименъ посвятилъ въ Епископы Пермскіе самого Стефана, который еще 13 лѣтъ потомъ жилъ между Пермяками, и, пріобрѣтя славу ревностію и благочестіемъ, скончался въ Москвѣ, въ 1396 году, пріѣхавъ туда для совѣта съ Духовенствомъ. Гробъ его находится въ соборѣ Спаса на Бору, въ Кремлѣ; Церковь причла сего *перваго Епископа Пермскаго* къ лику святыхъ. Любопытно, что Стефанъ переводилъ на Зырянскій языкъ церковную службу и церковныя книги; даже изобрѣлъ особыя буквы для Зырянскаго языка, и писалъ сими буквами. Донынѣ сохраняется въ Вологодскомъ соборѣ образъ Св. Троицы, съ надписью Зырянскими буквами; другая икона, Сошествія Святаго Духа, съ Зырянскою подписью, находится въ церкви Вожемскаго селенія, на рѣкѣ Вычегдѣ, верстахъ въ 40 отъ Яренска. Симъ, и еще отрывкомъ литургіи на Зырянскомъ языкѣ, писанномъ однакожь Славянскими бук-

Псковѣ; кончина Еремія и Василія, Князей Тверскихъ, виновниковъ столькихъ бѣдствій отчизны и Москвы; укрѣпленіе многихъ городовъ каменными стѣнами; основаніе многихъ обителей, впослѣдствіи знаменитыхъ; начало раскола *Стригольниковъ*, или Безпоповской ереси; естественныя бѣдствія—таковы суть происшествія, коими дополняется обозрѣніе событій въ княженіе Димитрія (193). Прибавимъ еще несколь-

---

вами, ограничиваются всѣ памятники Пермской письменности и переводовъ Св. Стефана, которые не вошли въ общее употребленіе, и для самихъ Зырянъ нынѣ сдѣлались вовсе непонятны. Языкъ Зырянскій измѣнился, и притомъ, переводя съ Славянскаго языка на бѣдное нарѣчіе Пермянъ, Святитель долженъ былъ изобрѣтать новыя слова, и давать имъ условное значеніе, чего не понимали туземцы. Образцы буквъ Зырянскихъ находятся при XXXVII книжкѣ *Повр. Изданія объ успѣхахъ народнаго просвѣщенія* (1814 г.), и у Карамзина (т. V, пр. 125). См. подробности въ *Слов. Пис. Дух. Чина*, Митрополита Евгенія (изд. 2-е т. II, стр. 230, и слѣд.).

(193) Въ 1368 г. выгорѣлъ Кремль Новгородскій, и едва не весь Новгородъ; въ 1369 г. сгорѣлъ Славянскій Конецъ; въ 1371 г. весь Плотницкій Конецъ. (*Лѣт.* « Сіи-же пожары бываютъ грѣхъ ради нашихъ; да ся быхомъ покаяли отъ злобъ нашихъ; но мы на большая возвращаемся; а что есть сего зла злѣе, еже ходити лжею предъ Богомъ, въ обѣтѣ крестъ цѣловати, и паки преступати?» и проч.) Тогда-же вы-

ко *знаменій* и *чудесъ:* ихъ не долженъ оставлять безъ вниманія наблюдатель, ибо они при-

---

горѣлъ весь Торжекъ. Въ 1377 г. сгорѣла въ Новгородѣ Людогощая улица, съ 10-ю церквами; въ 1379 г. выгорѣла Лукина улица; въ 1384 г. сгорѣли 2 церкви; въ 1385 г. вся Торговая Сторона и множество церквей; въ 1386 г. сгорѣлъ Орѣховъ. Псковъ выгорѣлъ въ 1385 г., и послѣ того были въ Псковѣ междоусобія, ссоры и убійства; въ 1389 г. снова появился въ Псковѣ сильный моръ, похожій на Черную смерть. — Въ 1363 г. Новгородъ заключилъ мирный договоръ съ Нѣмцами, въ Дерптѣ; въ 1367 г. Сава Купровъ ѣздилъ отъ Новгородцевъ посломъ къ Ганзѣ; зимою 1368 г. и лѣтомъ 1373 г. жилъ въ Новгородѣ Владиміръ Андреевичъ; въ 1377 г. молодежь Новгородская ходила грабить около Нейшлота *Новагородка, на Овлѣ рѣкѣ*. Не на *Охтѣ*-ли, гдѣ тогда, можетъ быть, поставили Шведы *новый городокъ*?). Въ 1387 г. оградили въ Новгородѣ валомъ Торговую Сторону, а Порховъ окружили каменною стѣною. Въ 1388 г. на Посадника Осипа Захарьевича возстала Софійская сторона; Торговая, напротивъ, стала за него; двѣ недѣли граждане ссорились, дрались, грабили другъ у друга домы; кончилось смѣною Посадника. — Рыцари напали на Псковъ, въ 1367 г.—Новгородцы были тогда въ размирьѣ со Псковомъ (не бѣша пословицы Псковичемъ съ Новгородцы). Псковитяне упрекали Новгородъ, говоря: « Господа братіе! тако-ли печалуетеся нами, своею братьею молодшею?» — Но въ 1370 г. они за-одно напали на Рыцарей, и въ 1371 г. вмѣстѣ помирились съ Рыцарями. Въ 1369 г. обвели

бавляютъ разительныя черты къ изображенію вѣка. Когда въ 1382 году замѣтили на небѣ комету (въ лѣто 6890-е, бысть нѣкое проявленіе, по многи нощи являшеся тако во знаменіе на небеси, на востоцѣ, предъ раннею зарею, *звѣзда нѣкая*, аки хвостата, и аки копейнымъ образомъ; овогда-же въ вечерней зарѣ являшеся, а то многажды бываше), суевѣріе хотѣло изъяснить себѣ это небесное явленіе. Пришелъ Тохтамышъ, раззорилъ Моску; Руссы вспомнили о хвостатой звѣздѣ, и говорили: «Она проявляла злое пришествіе Тохтамышево на Русскую землю, и горькое поганыхъ Татаръ нахожденіе на Христіанъ, еже бысть Бо-

---

Тверской Кремль деревянною стѣною, обмазавъ оную глиною, для безопасности отъ огня, а въ 1373 г. всю Тверь обнесли валомъ и рвомъ. Въ 1372 г. Димитрій Константиновичъ построилъ въ Нижнемъ каменный Кремль. Въ 1374 г. Владиміръ срубилъ дубовый дѣтинецъ въ Серпуховѣ. Въ 1377 г. списанъ былъ монахомъ Лаврентіемъ *древнѣйшій* изъ дошедшихъ до насъ списковъ Несторовой Лѣтописи. — Князь Еремій сконч. въ 1373 г., а Василій въ 1382 году.—Въ 1370 г. въ Нижнемъ, отъ большихъ снѣговъ, бывшихъ зимою, при быстрой веснѣ, обрушилась часть берега надъ Волгою, разрушила и засыпала много домовъ и людей.—Изъ монастырей построены были при Димитріи: Чудовъ, Андроньевъ, Симоновъ, Петровскій и проч.—О *Стригольникахъ*, см. пр. 182.

жіимъ гнѣвомъ, за умноженіе грѣховъ нашихъ (194).»

---

(194) Въ Новгородской церкви Св. Петра, въ 1365 г., образъ Богоматери *слезилъ росою;* въ 1366 г. Авг. 7, «погибе солнце; осталося его, аки трехъ дней молодъ мѣсяцъ; щербина-же ему бѣ съ полуденныя страны, но мраку, аки синю, отъ запада приходящу, и пребысть тма съ часъ единъ, дондеже обратися солнце щербиною къ землѣ, и тако нача паки свѣтъ свой припущати.» Это предвѣщало великое бѣдствіе — говорятъ Лѣтописцы, и—сбылось: тогда Султанъ Египетскій взялъ и ограбилъ Іерусалимъ. — Въ 1368 г. «явилась звѣзда хвостатая.» — Тогда-же Князь Кашинскій перенесъ церковь съ одного мѣста на другое, оставивъ «мѣсто святое раскопанное, и во гробѣхъ кости мертвецовъ разрушенныя.» Его, и Княгиню его, поразила болѣзнь. Князь едва умолилъ Владыку Василія простить ему грѣхъ, и поставилъ на старомъ мѣстѣ новую небольшую церковь. Въ 1370 г. «было знаменіе: аки столпъ по небу, и небо червлено, аки кроваво, и по снѣгу яко кровь.» — Съ 1373 года вода въ Волховѣ шла вверхъ по три весны, и каждый разъ нѣсколько дней (это происходило отъ напора льду въ Ладожскомъ озерѣ); также было въ 1378 г.—Въ 1377 г. «огородися луна, и бысть отъ нея луча, аки крестъ.» Въ 1371 г. «бысть знаменіе въ солнцѣ: мѣста черны, аки гвозди, а мгла велика стояла по ряду съ два мѣсяца, и толь велика, что двѣ сажени передъ собою не видѣти было человѣка въ лицо, а птицы по воздуху не видяху летати, но падаху съ воздуха на землю, и такъ по земли пѣши хожаху. Бяше-же тогда жито посохло, а лѣсове, и бо-

рове, и дубравы, и болота погораху, индѣ-же и земля горяше.» — Въ 1384 г. «бысть помраченіе на многи дни (въ Новгородѣ), и птицы падаху на землю, и по водѣ не видяху, камо летѣти, а люди не смѣяху ѣздить по озерамъ, и по рѣкамъ, *и бысть скорбь и туга.*» — Въ 1385 г. осенью на небѣ явилися *пустые бѣги* (падающія звѣзды, метеоры?). Въ 1386 г. «погибе солнце, въ часъ дня, егда люди отобѣдываютъ.» — Въ 1372 г. въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Спасской церкви, колоколъ, самъ собою, прозвонилъ трижды.— Такихъ подробностей находимъ множество въ Лѣтописяхъ нашихъ, но всѣ ихъ выписывать, значило-бы обременять вниманіе. Довольно для примѣра.

ГЛАВА IV.

Шестнадцати лѣтъ не исполнилось Василію Димитріевичу, когда онъ, немедленно по смерти Димитрія Іоанновича, былъ объявленъ *Великимъ Княземъ всея Руси*. Владиміръ Андреевичъ не спорилъ. Написали и вновь подтвердили договоръ, по которому Владиміръ признавалъ Василія Великимъ Княземъ и *старѣйшимъ* братомъ, Юрія *равнымъ* братомъ; Андрей, Петръ, Іоаннъ и Константинъ Димитріевичи должны были считаться *младшими* братьями. Видимъ, что у Владиміра не отнимали трети Москвы, которую оставилъ за нимъ Димитрій по договору, и къ Серпухову, Лопаснѣ, Боровску, придали ему еще Ржевъ и Волоколамскъ. По новому условію Владиміръ обязывался оставлять Княгиню свою, и дѣтей своихъ въ Москвѣ, если надобно будетъ ему отправляться съ войскомъ, когда Василій останется въ Москвѣ выдерживать осаду (городная осада, оже ми, брате, самому сѣсти въ городѣ); Василій взаимно обязывался тѣмъ-же: мѣра благоразумная, которою можно было отвратить безначаліе, погубившее Москву въ Тохтамышево нашествіе. Утверждая свободу Бояръ, мѣру дани Ордынской,

взаимный судъ, Владиміръ клялся не вступаться, если Великій Князь пріобрѣтетъ себѣ Муромъ, Тарусу, и другія мѣста; Владиміру предоставили полную волю пріобрѣтать новыя волости, только не Тарусу и не Муромъ. Надежда избавленія отъ Татаръ, изъявляемая словами: «если перемѣнитъ Богъ Орду,» видна и въ семъ договорѣ. Но изъ него-же видимъ, что Юрій Димитріевичъ былъ тогда съ поклономъ въ Ордѣ. Владиміръ договорился, когда Юрій возвратится съ Ханскимъ Посломъ, принять по разсчету участіе въ выходѣ, какой надобно будетъ заплатить Хану (195).

Думаемъ, что это возобновленіе договора не прошло однакожъ безъ новыхъ неудовольствій: слѣды ихъ остались въ договорѣ. Столь тяжело разставаться съ вѣковымъ обычаемъ, и тѣмъ болѣе честь и благословеніе памяти великодушнаго Владиміра (196)!

---

(195) *Собр. Гос. грамат*, т. I, № 35. «А выйдетъ Юрья съ Посломъ, и намъ то подняти по расочту, по выходу,» и проч.

(196) Опять и въ этомъ договорѣ находимъ слова: «А что въ наше нелюбье, кого есмы поймали твоихъ,» и проч.—Карамзинъ (т. V, стр. 125) снова излагаетъ при семъ случаѣ описаніе ссоръ и несогласій съ Владиміромъ, основанное только на *Никон. Лѣтописи*, подобно тому, о которомъ говорено выше (пр. 172).

Если не можемъ говоришь ушвердительно о шомъ, мирно-ли совершилось докончательное *отреченіе* Владиміра ошъ Великаго Княжесшва, шо несомнишельно для насъ, что Василій дѣйсшвовалъ не самъ собою.

Его окружали шоварищи и добрые слуги ошцовскіе: знаменишый Волынецъ *Дмитрій Михайловичъ*, *Тимоѳей Васильевичъ*—герой Вожи и Непрядвы, и другой сподвижникъ Куликовской бишвы *Іоаннъ Родіоновичъ*. Десяшь сановниковъ знаменишыхъ свидѣшельсшвовали Духовную Димишрія. Они управляли пошомъ дѣлами; положили не продолжашь сопрошивленія Ордѣ; ждашь пока *Богъ перемѣнитъ ее*, и ошправили Юрія ударишь челомъ Тохшамышу, уцѣлѣвшему въ борьбѣ съ сшрашнымъ Тимуромъ. Черезъ шри мѣсяца послѣ смерши ошцовской, Василій поѣхалъ во Владиміръ, и Посолъ Ханскій посадилъ его на Великокняжесшво. Новгородцы прислали въ Москву подшвердишь договоры по сшаринѣ. Намѣсшникъ Московскій, Евсшафій Сыша, ошправился въ Новгородъ (197).

---

(197) Карамзинъ, ш. V, пр. 140. - Имена сановниковъ, свидѣшельсшвовавшихъ Духовную Димишрія: Димишрій Михайловичъ (знаменишый *Волынскій*); Тимоѳей Васильевичъ; Иванъ Родіоновичъ (*Квашня*, начальникъ Великокняжескаго полка въ Куликовской бишвѣ); Семенъ Васильевичъ; Иванъ Ѳеодоровичъ;

На другой годъ послали Московскихъ Бояръ за сговоренною невѣстою Великаго Князя. Выборомъ руководствовала политика: Василью сосватали дочь Витовта, уже замышлявшаго въ это время о самовластіи въ Литвѣ. Софья Витовтовна пріѣхала въ Москву черезъ Новгородъ, сопровождаемая Боярами Московскими, Александромъ Поле, Белевутомъ и Селиваномъ — женщина честолюбивая, нелюбимая супругомъ, виновница вражды и ссоры послѣ его смерти (198)!

Лѣтомъ 1392 года, Василій самъ поѣхалъ въ Орду, и пробылъ тамъ до осени. Тохтамышъ принялъ его почетно и привѣтливо: надъ головою Хана висѣлъ губительный мечъ-истреби-

---

Александръ Андреевичъ (не *Поле*-ли, ѣздившій за Софьею Витовтовною?); Өедоръ Андреевичъ, и другой Өедоръ Андреевичъ (одинъ изъ нихъ долженъ быть *Кошка* (см. пр. 25), о которомъ упоминаетъ Эдигей въ письмѣ своемъ (см. прим. 256), какъ о человѣкѣ искусномъ въ дѣлахъ съ Монголами. Димитрій говоритъ еще въ Духовной, что Өеодоръ Андреевичъ «*вытягалъ на общемъ съѣздѣ у Смоленскаго Князя Мядынь*»); Иванъ Өеодоровичъ; Иванъ Андреевичъ.

(198) Карамзинъ, т. V, прим. 141, извѣстіе Линденблата. Въ *Арх. Лѣт.* сохранено преданіе, что Витовтъ просваталъ дочь за Василія, когда Василій бѣжалъ изъ Орды, и ѣхалъ потомъ черезъ Кіевъ (стр. 94). О характерѣ Софіи заключаемъ потому, что вспыльчивость ея была причиною несчастной ссоры съ Шемякою въ 1433 г.—Слич. прим. 258.

тель—Тимуръ. Совершилось новое, важное для Руси дѣло, чего не смѣлъ предпринять Димитрій послѣ побѣды знаменитой, о чемъ и послѣ не думалъ онъ, видя вѣроломство тестя своего и его сыновей: совершилось *паденіе сильнаго княжества Суздальскаго*. Совѣтники Василія рѣшились изгнать и уничтожить совершенно старшій родъ Ярославовыхъ потомковъ, и взять обширныя земли, коими властвовали дядя и родные братья матери Великаго Князя. Княжество Суздальское, еще недавно спорившее съ Москвою о первенствѣ — пало тихо, внезапно, отъ скрытной крамолы, отъ нѣсколькихъ поклоновъ юнаго Московскаго Князя Ордынскому Хану. Въ Нижнемъ Новгородѣ княжилъ тогда Борисъ: онъ снова выпросилъ себѣ первенство, находясь въ Ордѣ, когда Димитрій скончался. Племянники его, дѣти Димитрія Константиновича, Василій Кирдяпа и Симеонъ, были беззащитны, и бѣжали, слыша о приближеніи дяди съ Посломъ Ханскимъ. Какъ-же изумился торжествующій Борисъ, узнавъ, что изъ Коломны ѣдутъ къ нему Бояре Московскіе, и при нихъ новый Ордынскій Посолъ! Въ недоумѣніи, онъ собралъ совѣтъ. Измѣна окружала его, и безжалостно довершила то, что было начато скрытнымъ коварствомъ. Бояре говорили Борису, что Москва теперь въ мирѣ съ нимъ; что съ Посломъ и Москвичами, ѣдущими изъ Коломны,

нѣтъ дружинъ ратныхъ. Борисъ допустилъ въ Нижній Посла Ханскаго и Бояръ Московскихъ. Они пріѣхали прямо на площадь Нижегородскую, созвали народъ, и объявили, что *Нижній Новгородъ, волею Царя, отданъ Великому Князю Василію Димитріевичу.* Нижегородскіе Бояре и дружины мгновенно оставили Бориса. Онъ, сыновья его и племянники, были схвачены, или спасались бѣгствомъ. Василій Димитріевичъ пріѣхалъ самъ въ Нижній, когда не могъ уже встрѣтить укоряющаго взора родныхъ братьевъ своей матери. . . . Народъ повиновался ему, можетъ быть, надѣясь большей безопасности подъ его рукою, и видя безполезность возмущеній, когда дѣло рѣшено было издавна. Москва пріобрѣла безъ войны Нижній Новгородъ, Суздаль, Городецъ, все Паволожье. Этого мало: милостивый Тохтамышъ отдалъ еще Василію Муромъ и Тарусу, о которыхъ договаривались съ Владиміромъ, и Мещеру, которую выговаривалъ себѣ Димитрій у Рязани (199).

Окончаніе отдѣльной Исторіи Суздальскихъ Князей, послѣ отнятія у нихъ княжества, печаль-

---

(199) Ист. Г. Р. т. V, прим. 144, и слѣд., и разныя Лѣтописи. Съ Владиміромъ заключили тогда новый договоръ, по которому онъ обязался не вступаться въ новыя пріобрѣтенія своего племянника (*Собр. Гос. грамотъ*, т. I, № 38).

но. Тщетно старались они потомъ исторгнуть у Москвы отцовское наслѣдіе: только гробамъ ихъ позволили занять мѣсто въ Нижегородской землѣ. Горесть скоро убила Бориса: онъ не пережилъ двухъ лѣтъ, и умеръ въ заточеніи, въ Суздалѣ (Мая 6, 1394 г.). Василій Кирдяпа и Симеонъ бѣжали тогда изъ темницъ своихъ, думая воспользоваться перемѣнами въ Ордѣ. За ними гнались дружины Московскія. Но Князья успѣли укрыться. Симеонъ явился наконецъ, черезъ четыре года, съ толпою Монголовъ. Воеводы Московскіе дались въ обманъ: послѣ трехъ—дневнаго приступа, они помирились съ Симеономъ и отложили оружіе. Монголы вѣроломно ворвались въ городъ и ограбили жителей. Симеонъ былъ невольнымъ участникомъ бѣдствія отчизны, не смѣлъ дожидаться прихода Василія, и черезъ двѣ недѣли бѣжалъ изъ Нижняго, вмѣстѣ съ своими защитниками. Узнавъ, что супруга Симеона, и дѣти его, укрываются въ Мордовской землѣ, Великій Князь отправилъ за ними войско. Несчастную Княгиню взяли, со всѣмъ ея семействомъ, и заключили въ Москвѣ. Въ 1402 году Симеонъ прислалъ униженно просить убѣжища и куска хлѣба, смиряясь послѣ восьми-лѣтняго изгнанія и тяжкаго униженія передъ Ханами. Василій *простилъ* его, принялъ, и отправилъ *на житье* въ Вятку, съ супругою и съ дѣтьми. Тамъ скончался Симеонъ черезъ полгода (въ Дек. 1402

г). Не знаемъ *гдѣ*, но въ 1403-мъ году умеръ и Василій Кирдяпа. Старшій сынъ его Іоаннъ пріѣхалъ въ Москву въ 1416 году, вмѣстѣ съ дѣтьми Бориса Константиновича, Даніиломъ и Іоанномъ *Туголукимъ*. Онъ скончался въ Москвѣ, въ 1417 г., и удостоился чести лежать на ряду съ Великими Князьями, въ Архангельскомъ соборѣ. Сынъ его, Александръ Брюхатый, женился на дочери Василія Димитріевича. По смерти сего Князя (1418 г.), она вышла за внука Борисова Александра Взметня, умершаго бездѣтнымъ. Симъ прекратился родъ Бориса.—Другіе сыновья Кирдяпы ушли въ Новгородъ. Потомки ихъ пережили тамъ паденіе новой своей отчизны, и составили собою знатные роды Московскихъ аристократовъ—*Шуйскихъ* и *Скопиныхъ*: Царь *Василій Шуйскій* былъ потомокъ Кирдяпы въ *седьмомъ* колѣнѣ. Одинъ изъ сыновей Симеона былъ родоначальникомъ Боярскихъ семействъ: *Глазатыхъ*, *Горбатыхъ*, *Барбашиныхъ*. Младшій внукъ его, Василій Гребенка, предводилъ Новгородцами въ послѣднее время политическаго бытія ихъ. Другіе потомки сего рода знаменитаго служили разнымъ Князьямъ, Москвѣ, Новгороду, Литвѣ. — Участь Муромскихъ Князей осталась для насъ вовсе безвѣстною (200).

---

(200) Ист. Г. Р. т. V, прим. 145, 146, разныя Лѣтописи и Родословныя книги.

Судьба, постигшая *Нижній Новгородъ*, еще далека была отъ *Новгорода Великаго*. Но рѣшительность Василія показала всѣмъ Русскимъ областямъ твердый характеръ сего новаго Калиты. Новгородцы положили: не уступать Москвѣ. Случая для спора ждали не долго. Началось несогласіемъ за *Черный боръ*, и вскорѣ присоединилась другая не новая распря — о церковныхъ судахъ и сборахъ. Новгородцы слышали, что Кипріанъ ѣдетъ къ нимъ въ Новгородъ, знали причину поѣздки его, и возобновили присягу свою о независимости Новгорода отъ Москвы въ церковныхъ дѣлахъ. Кипріана встрѣтили въ Новгородѣ, какъ великаго Владыку Русскаго (Февраля 11, 1392 г). У церкви Спаса, на Ильинской улицѣ, привѣтствовало его Духовенство, съ крестами, въ ризахъ. Митрополитъ, и сопровождавшіе его, вошли въ Спасскую церковь, *окрутились* тамъ въ полное облаченіе, и пѣшкомъ шли до Софійскаго собора, черезъ Торгъ и Великій мостъ; поддьяки несли зажженныя свѣчи; Духовенство возглашало духовныя пѣсни. Кипріанъ отслужилъ литургію; потомъ взошелъ на амвонъ съ *воздвизательнымъ* крестомъ, и велегласно поучалъ народъ. Слушатели *пріяли слова его въ сердце*. Новгородцы подарили потомъ Кипріану особенное подворье и нѣсколько дворовъ. На другой день Кипріанъ служилъ обѣдню на Княжескомъ дворѣ, въ Ни-

колаевской церкви; на третій опять въ Софійскомъ соборѣ. Наконецъ принялись за дѣла. Изъявивъ уваженіе къ сану Митрополита, Новгородцы рѣшительно отказались исполнить стѣснительныя требованія Кипріановы. Они ссылались на свою присягу. «Я сниму ее съ васъ» —отвѣчалъ имъ Митрополитъ. Послѣ сильныхъ споровъ, Кипріанъ уѣхалъ въ Москву безъ успѣха, съ досадою (201). Новгородцы увидѣли Пословъ, пріѣхавшихъ отъ Великаго Князя. Они потребовали чернаго бора и подчиненія Новгородскаго Духовенства Митрополиту. Вѣче ничего не слушало. *Учинилось размирье.* Владиміръ Андреевичъ и Юрій, братъ Великаго Князя, заняли Торжокъ и раззоряли Новгородскія волости. Предводимые Бѣлозерскимъ Княземъ, *охочіе удальцы* Новгородскіе отправились по Двинѣ, разграбили Устюгъ, Устюжну, Бѣлозерскъ, Кличенъ; не пощадили даже церквей, и полонили множество народа, выгоняя жителей изъ лѣсовъ, гдѣ они укрывались. Съ обѣихъ сторонъ желали заключенія мира. Но Василій былъ твердъ въ своихъ намѣреніяхъ, и жестокимъ поступкомъ доказалъ суровость души. Доброхотъ его, житель Торжка, Максимъ, былъ зарѣзанъ Торжковцами за преданность Москвѣ. Велѣли сыскать убійцъ, и нашли ихъ до *семидесяти* человѣкъ! Несчастныхъ привели

(201) Новг. Лѣт. (Карамзинъ, т. V, прим. 147).

на площадь, и казнили жестоко: вырѣзывали куски тѣла, отрубали руки, ноги. «Въ то время съ обѣихъ сторонъ много кровопролитія повсюду учинилось,» говорятъ Новгородцы, «и мы послали къ Великому Князю съ челобитьемъ о старинѣ, а къ Митрополиту отослали нашу крестоцѣловальную грамату, не хотя видѣть большаго кровопролитія въ Христіанахъ.» Довольный покорностью, Василій взялъ черный боръ, и послалъ знаменитыхъ Бояръ своихъ, Уду, Кошку и Селивана, подтвердить *старину Новгородскую*. Кипріанъ имѣлъ удовольствіе уничтожить Новгородскую грамату. «Емлю ее,» говорилъ онъ, черезъ Посла своего, «грѣхъ клятвопреступленія вашего снимаю, и благословляю Новгородъ!» Новгородцы подарили Митрополитову послу *полчетверта ста* рублей (202).

Лугвеній-Симеонъ оставилъ Новгородъ, прежде сихъ несогласій съ Москвою. Онъ поспѣшилъ въ Литву, гдѣ въ лицѣ Витовта явился тогда властитель страшнѣе Гедимина и Олгерда. Нѣсколько лѣтъ Витовтъ терпѣлъ зависимость свою отъ Польши, и управленіе Скиригеллово въ Литвѣ. Надѣясь наконецъ на силы свои, Витовтъ объявилъ себя независимымъ *Великимъ*

---

(202) Новг. Лѣт. 1395 годъ. Слич. для противоположности враждебный Новгороду *Троицк.* Лѣт. (И. Г. Р. т. V, прим. 149).

Князем Литовским. Ягелло не смѣлъ отважиться на войну. Витовтъ, какъ тигръ, свирѣпствовалъ противъ непокорныхъ, не щадилъ крови ближнихъ, и умертвилъ Нариманта, Вигунта, Коригелла, братьевъ Ягеллы. Скиригелло покорился ему, и былъ отправленъ въ Кіевъ, куда Витовтъ послалъ его, вмѣсто изгнаннаго имъ Владиміра. Корибута бросили въ тюрьму. Свидригелло Витебскій былъ отосланъ въ Польшу, какъ плѣнникъ. Въ 1393 году всѣ признали Витовта Великимъ Княземъ Литовскимъ. Онъ владѣлъ землями отъ Новгорода и Пскова до Молдавіи, отъ границъ Польши до Смоленска и предѣловъ Москвы и Рязани. Смоленскъ повиновался ему, и безпрестанно подвигались владѣнія Витовта на востокъ, обхватывая разныя княжества потомковъ Олега Черниговскаго. Небольшой ростомъ, Витовтъ былъ желѣзнаго сложенія, не зналъ усталости, не зналъ и совѣсти, дѣйствуя измѣною и тайнымъ убійствомъ такъ-же охотно, какъ храбро дѣйствовалъ мечемъ. Лучше другихъ понимая искуство мира и вражды, онъ губилъ въ одно время Польшу, Нѣмецкихъ Крестоносцевъ и Русь своими хитростями, всюду выигрывалъ, и почти сорокъ лѣтъ былъ страшилищемъ, грозившимъ гибелью Москвѣ и Руси (203).

---

(203) Бѣльскій, стр. 275, и слѣд.—Витовтъ называлъ себя: Supremus Dux Lituaniæ et Russiæ; *Ягелло*

Москва предугадала Витовта, когда онъ еще покорствовалъ Ягеллу, и брачный союзъ Василія съ дочерью сего Князя казался средствомъ, безопасившимъ Русь отъ замысловъ Литовскаго завоевателя. Но Витовтъ не зналъ связей родства, умерщвляя своихъ двоюродныхъ братьевъ. Надобно было удивительно счастливое стеченіе обстоятельствъ, для избавленія Русскихъ земель отъ силы потомка Гедиминова. Василій умѣлъ оказывать твердость характера и хитрить; но открытая борьба съ Литвою была несоразмѣрна силамъ Москвы. Здѣсь спасло Василія только одно счастіе.

Ни чему другому не льзя приписать спасенія Руси отъ другой, еще болѣе страшной грозы, загремѣвшей съ Востока.

Монгольскія царства разрушались повсюду: Монгольская Персія и Индія падали, растерзанныя междоусобіями и сосѣдями; Китай свергъ иго Чингисова рода; Монголія низошла въ прежнюю безвѣстность, и Приволжскія Орды Мон-

---

принялъ названіе: Lituaniae princeps supremus et haeres Russiae. — Скиригелла Кіевскаго зазвали въ гости къ Печерскому Архимандриту, и отравили; также отравою погубленъ былъ Вигунтъ; Коригеллу отрубили голову; несчастнаго Нариманта повѣсили на деревѣ и разстрѣляли. Витовту было тогда съ небольшимъ сорокъ лѣтъ.

головъ терзали одна другую, обливаясь кровью. Чагатайская Имперія подверглась общей участи государствъ, правимыхъ потомками Чингиса. Преемники Чагатая были жалкими послушниками подвластныхъ имъ Эмировъ; сосѣди отторгали у нихъ области. Въ это время, недалеко отъ Самарканды, столицы Чагатайской, въ 1336 году, родился *Тимуръ* — явленіе изумительное въ Исторіи Человѣчества! По женскому колѣну, онъ былъ потомокъ Чингиса, и сынъ неважнаго Хана, подвластнаго Чагатайскимъ государямъ. Говорятъ, что астрологи изумились счастливому стеченію примѣтъ при его рожденіи. Двѣнадцати лѣтъ Тимуръ началъ ходить въ битвы, и на 25-мъ году отъ рожденія, мысль—*возставить слаsу Чагатайской державы*, была уже приводима имъ въ исполненіе. Въ 1370 году, когда не было еще Тимуру сорока лѣтъ, онъ уже освободилъ, умирилъ свою отчизну, обладалъ Чагатаемъ, царствовалъ въ великолѣпной Самаркандѣ, и видя передъ собою колѣнопреклоненныхъ вождей своихъ, клялся, что возстановитъ славу Чингисову, и покоритъ цѣлый міръ Богу и Великому Пророку его Мугаммеду. Черезъ тридцать пять лѣтъ послѣ того—милльоны воиновъ стояли подъ бунчуками Тимура, двадцать шесть царствъ принадлежали ему, отъ береговъ Средиземнаго моря до Монголіи, отъ Иртыша до Ганга, не считая Приволжья и Руси,

Грецiи и Египта—данниковъ, покорныхъ его имени. Тимуръ размышлялъ тогда: куда идти ему? Черезъ Сѣверную-ли Африку и Геркулесовы столбы, покорить земли *невѣрныхъ Франковъ*, и возвратиться черезъ Русь въ Самарканду? Или двинуться на востокъ и покорить Китай, изгнавшiй Чингисовыхъ потомковъ? Рѣшась на послѣднее, Тимуръ оставилъ Западъ, съ 200-ми тысячь воиновъ перешелъ Гiонъ, и умеръ въ шатрѣ своемъ, отъ жестокой горячки, въ 1405 году, на 70-мъ своей жизни.

Таковъ былъ *желѣзный властитель* (*Тимуръ-бегъ*, насмѣшливо названный врагами *Тимуръ-хромецъ*, *Тимуръ-ленгъ*, изъ чего Европейцы составили испорченное имя *Тамерлана*), завоеватель, извѣстный нашимъ предкамъ подъ именемъ *Темиръ-Аксака*, презиравшiй имена *Хана* и *Султана*, и называвшiй себя *Властителемъ мiра* (Саибъ-Керимъ). Послѣднее изъ великихъ явленiй Азiи—Дизавуловъ и Аттилъ—второй Темудзинъ, Тимуръ представляетъ однакожь собою совсѣмъ другой характеръ противъ Монгольскаго варвара, и совсѣмъ другiя слѣдствiя явились послѣ него въ Исторiи мiра, взятой вообще, и Исторiи Русскаго народа, наблюдаемой отдѣльно (204).

---

(204) Подробности Исторiи Тимура мы заимствовали изъ жизнеописанiя его, составленнаго Шеферед-

Подобно Темудзину возникшій изъ ничтожества, подобно ему великій полководецъ и завоеватель, подобно ему залившій кровью, усыпавшій пепломъ городовъ и забросавшій развалинами царствъ обширныя пространства земель, Тимуръ былъ отличенъ отъ Чингиса своимъ страннымъ, исполненнымъ какой-то варварской поэзіи характеромъ. Онъ зналъ славу и любилъ ее до безумія; записывалъ всѣ подробности дѣлъ своихъ; столько-же думалъ о томъ,

---

диномъ на Персидскомъ языкѣ, и перевед. Пети-де-Ла-Круа (Histoire de Timur-Bec, Парижъ, 1722 г. 4 т., in-12), а также и изъ собранія Тимуровыхъ *Институцій* (Institutiones, Франц. пер. Лангле, П. 1787 г.). *Жаль*, что тотъ и другой источникъ довольно устарѣли для нынѣшняго совершенства, до коего достигло знаніе Восточныхъ языковъ. Но новѣйшихъ переводовъ сихъ важныхъ книгъ нѣтъ, и мы принуждены довольствоваться старыми. Къ сожалѣнію, мы не имѣли любопытной для Исторіи Тимура книги: The Mulfuzat Timury, or autobiographical memoirs of the Moghul Emperor Timur, пер. съ Чагатайскаго языка на Персидскій Абу-Талебъ-Гуссеиномъ, а съ Персидскаго на Англійскій К. Стюартомъ (Лондонъ, 1830 г.). — О событіяхъ въ разныхъ Монгольскихъ царствахъ, слич. И. Р. Н. т. IV, начало 2-й главы.—*Тимуръ*, или *Темиръ*, значитъ: *желѣзный*; *Бегъ*—значитъ *властитель, Князь*. Враги Тимура перемѣнили слово: *Бегъ*, на ругательное: *ленгъ*, что означаетъ: *хромой*. Отсюда Европейское названіе: *Тамерланъ*.

чтобы Поэты и Историки славили дѣла его, сколько старался о побѣдахъ. Онъ искалъ власти, не щадилъ ни себя, ни людей, и торжествуя — съ грустію говорилъ потомъ: *все сует*а! Горестно улыбался онъ, смотря на ничтожество земнаго, философствовалъ, когда тысячи гибли подъ мечами его воиновъ, и отъ воплей потрясались развалины какого нибудь великаго города, отданнаго имъ на грабежъ, пожаръ и истребленіе. Означая пирамидами человѣческихъ головъ путь свой, ругаясь величію человѣческому, Тимуръ насмѣшливо указывалъ побѣжденнымъ на себя, и говорилъ: «Посмотрите, что̀ значитъ человѣкъ? Я, бѣдный хромецъ, совершаю дѣла столь великія! Но на что мнѣ все это? Не все-ли суета и тлѣніе?» Онъ оставлялъ на Чагатайскомъ тронѣ потомка Чингисова, называлъ себя его Эмиромъ, не пилъ вина, голодалъ на великолѣпныхъ пирахъ, и иногда останавливалъ на походѣ войско свое, чтобы окончить игру въ шахматы, надъ которыми размышлялъ онъ по цѣлымъ часамъ.

Только что началъ свое поприще Тимуръ, когда Тохтамышъ бѣжалъ въ Самарканду. Можетъ быть, сей изгнанникъ раздѣлялъ тамъ труды, опасности, подвиги Тимура, въ теченіе десяти лѣтъ, пока Тимуръ соединилъ подъ свою руку Самаркандское государство, въ каждой битвѣ,

ежедневно подвергая себя гибели (до 1370-го года), бѣгая иногда по степямъ съ женою и немногими товарищами, попадаясь въ плѣнъ, сидя въ тюрьмѣ, и снова выходя изъ нея, и торжествуя надъ непріятелемъ (205). Уже Тимуръ поклялся завоевать цѣлый міръ, притѣснители Чагатая, Кашгары, были имъ покорены, Кандагаръ и Ховарезмъ повиновались ему, и Князь Персіи называлъ себя *девятымъ* его рабомъ, представляя восемь рабовъ въ подарокъ, когда Тимуръ далъ пособіе Тохтамышу (206). Мы видѣли, что Тохтамышъ выбралъ для нападе-

---

(205) При самомъ началѣ освобожденія своей отчизны, Тимуръ принужденъ былъ бѣжать въ степи, только съ 60-ю товарищами. Непріятели догнали его, будучи въ числѣ тысячи человѣкъ, и были имъ разбиты; но товарищи Тимура пали въ битвѣ, или разбѣжались потомъ. Онъ остался только съ 7-ю человѣками, былъ захваченъ врагами, послѣ долговременныхъ поисковъ, и брошенъ въ темницу. Устыдивъ словами и увѣщаніями своими одного изъ стражей, послѣ двухъ-мѣсячнаго заключенія, Тимуръ бѣжалъ, переплылъ рѣку Гіонъ, и ушелъ въ пустыни, гдѣ долго скитался совершенно одинъ, даже не имѣя лошади.

(206) Тохтамышъ бѣжалъ въ Бухарію послѣ убіенія Аскулпы Урусомъ, въ 1359 г. — Тогда, только что начиналъ свои дѣйствія Тимуръ (съ 1360 г.). Тохтамышъ воротился съ пособіемъ Тимура въ 1381 году.

нія на Приволжскую Орду самое выгодное время: Мамай палъ предъ нимъ. Вспомоществуемый Заволжскимъ властителемъ Эдигеемъ, Тохтамышъ не узналъ тогда мѣры своей гордости, и въ 1385 году дерзнулъ презрѣть совѣты Эдигея, и напасть на Тимура. Пока Тимуръ воевалъ Персію, Ханъ Золотой Орды разграбилъ Самарканду. Онъ бѣжалъ во свояси, слыша о приближеніи Тимура, и раздраживъ его безполезно и безразсудно. Могъ-ли оставить обиду его безъ отмщенія гордый Тимуръ! По степямъ Киргизскимъ прошелъ онъ на Волгу, одною битвою уничтожилъ Тохтамыша, и спѣшилъ обратно. Все еще волновалось въ его обширныхъ владѣніяхъ; ему нѣкогда было заниматься долго Золотою Ордою. Тимуръ отпраздновалъ только побѣду свою на берегахъ Волги, и велѣлъ записать, и воспѣть своимъ Поэтамъ на память потомству, *побѣду Капчацкую*. По Киргизскимъ степямъ ушелъ обратно Тимуръ, воздвигнувъ памятникъ среди песковъ Аральскихъ, въ воспоминаніе, что и здѣсь проходили непобѣдимыя войска Чагатайскія (207).

---

(207) Впрочемъ, лѣтосчисленіе двухъ походовъ Тимуровыхъ противъ Золотой Орды довольно сбивчиво. Второй походъ былъ въ 1395 году, но начался гораздо ранѣе. Первый совершенъ былъ послѣ 1385 года. Нѣсколько лѣтъ протекло между сими гибельными для Золотой Орды нашествіями.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Тохтамышъ снова обладалъ Приволжскими Ордами, сильный болѣе прежняго. Войско его напало на Персію. «Безумецъ!» писалъ къ нему Тимуръ—«какой злой духъ ведетъ тебя къ погибели? Ты уже и позабылъ мои побѣды! Кайся, или я иду, и—морскія глубины не скроютъ тебя отъ мстительной десницы моей!» Тимуръ не медлилъ, шелъ за своимъ посломъ, пробрался черезъ Дербентъ, покорный ему, и на берегахъ Каспія, въ битвѣ, гдѣ сами Тимуръ и Тохтамышъ сражались на ряду съ простыми воинами, и гдѣ отчаяніе Капчацкаго Хана едва было не вырвало у Тимура плода многолѣтнихъ подвиговъ, рѣшилась участь Тохтамыша. Тимуръ стоялъ крѣпко, неуклонно; колчанъ его былъ уже пустъ, копье переломлено; отборные воины его сбиты; но мужество Чагатайскаго героя преодолѣло все, и Тохтамышъ бѣжалъ въ свою родину, Крымъ. Тимуръ не хотѣлъ уже теперь оставлять никакихъ слѣдовъ Тохтамыша. Онъ сжегъ и истребилъ Сарай, Астрахань, избралъ новаго Хана, внука своего, сына Эдигеевой сестры, Темиръ-Кутлука; думалъ еще нѣсколько времени, и вдругъ велѣлъ войску своему идти на Сѣверъ (208)....

---

(208) Битва Тимура съ Тохтамышемъ происходила на степи, между Терекомъ и Курою. Астрахань была

Рускіе знали о Темиръ-Аксакѣ, и предпріятіяхъ противъ него Тохтамыша. Борисъ Константиновичь былъ свидѣтелемъ перваго похода Ордынцевъ противъ Тимура; смѣлость Димитрія въ последнее время, и снисходительность Тохтамыша къ Василію Дмитріевичу, надобно приписать одной и той-же причинѣ: безпокойству и опасенію, какія внушали Тохтамышу предстоявшія войны съ Тимуромъ (209). Слухъ, что «пришелъ наконецъ на Царя Тохтамыша ожидаемый, сильный нѣкоторый Царь Темиръ-Аксакъ, отъ далекія Восточныя страны, изъ за-Синей Орды, отъ Самаркандскія земли, великую замятню и великую брань сотворилъ, и много мятежа воздвигъ въ Ордѣ,» — слухъ сей даже порадовалъ Русь. Узнали, что страшная битва происходила между Темиръ-Аксакомъ и Тохтамышемъ, «на мѣстѣ называемомъ *Орнанское*, на кочевищѣ Хана Тохтамыша,» и гордый властитель Орды былъ разбитъ и бѣжалъ (210). Но радость, ка-

---

взята по возвращеніи Тимура отъ Ельца. Зима была тогда жестокая, и Астраханцы облили стѣны своего города водою, или, какъ говорятъ Историки Тимура, огородили себя, кромѣ каменной, еще *ледяною стѣною*. Ни что не спасло ихъ! Ледъ растопили огнемъ.

(209) Въ 1389 и 1392 гг.

(210) Исполненная баснями повѣсть о нашествіи Тимура на Русь, находится въ *Стр. Врем.* (т. I, 405) и

кую возбудило сіе извѣстіе, перемѣнилась въ ужасъ, при новомъ, приводящемъ въ трепетъ слухѣ: «Темиръ-Аксакъ идетъ на Русь; уже онъ въ предѣлахъ Рязанскихъ, губитъ и жжетъ, какъ второй Батый; возгордѣлся, окаянный, началъ мыслить, какъ поплѣнить ему Русскую землю, истребить вѣру православную.«—Что слышимъ! — говорили Руссы.—Беззаконный, свирѣпый, гордый мучитель, о которомъ иногда доходили до насъ повѣсти, далеко сущемъ близъ востока солнечнаго, уже въ землѣ нашей — приблизился, готовится, поощряется, вооружается на насъ!» Слухи сіи были правдивы. Тимуръ двигался по теченію Дона, и въ Августѣ 1395 года взялъ, сжегъ, опустошилъ Елецъ, и остановился тамъ, гдѣ рѣка Сосна вливается въ Донъ съ правой стороны, составляя крутой поворотъ своимъ впаденіемъ (211).

Русь ожидала гибели, совершившейся надъ нею во дни Батыя. Василій, въ сіе время ужаса, явилъ «доблесть благородную, и великодушіе, паче смертнаго страха.» Собравъ отвсюду дру-

---

въ *Типогр. Лѣт.* стр. 195. Изъ нея беремъ мы главныя подробности, стараясь отличить сказки отъ истины.

(211) *Сосна,* называемая *Быстрою,* въ отличіе отъ *Тихой,* впадающей въ Донъ, гораздо ниже. На *Быстрой Соснѣ* находятся Ливны и Елецъ. Елецкіе Князья происходили отъ Михаила Черниговскаго.

жины, онъ вышелъ изъ Москвы, съ рѣшительною мыслію — *умереть*, или *побѣдить*, надѣясь на благость Божію. Онъ сталъ близъ Коломны на берегахъ Оки, и ожидалъ непріятеля. Владиміръ Андреевичъ сѣлъ въ осадѣ на Москвѣ. Не смѣя надѣяться на крѣпость воинскую, главную защиту полагали Руские на Бога: церкви Московскія день и ночь были наполнены молящимися; установили посты, крестные ходы; Митрополитъ Кипріанъ почти не выходилъ изъ собора; Князья, Бояре, простолюдины приходили къ нему поучаться, каяться, плакать о грѣхахъ, и слушать назидательныя его бесѣды. Но всего казалось недостаточно. Готовясь самъ на битву, Василій прислалъ сказать Митрополиту, что онъ полагаетъ душу свою за Русскую землю, надѣясь только на заступленіе Богоматери, и для того приказываетъ отправить во Владиміръ пословъ, поклониться тамъ знаменитой иконѣ Владимірской, перенесенной нѣкогда изъ Кіева предкомъ его Боголюбскимъ, и принести сію святую икону въ Москву. Мысль Василія почли вдохновеніемъ, свыше посланнымъ. Немедленно отправились во Владиміръ, и 26-го Августа, вся Москва встрѣтила святой образъ на Кучковѣ полѣ. Повергнувшись на колѣна, со слезами вопіяли Москвичи: «Пресвятая Владычица Богородица! спаси градъ Москву отъ нашествія иноплеменныхъ варваровъ!»

Въ усердной молитвѣ сливались. Князья, Бояре, иноки, Духовенство, простолюдины, старые и малые.

Немного дней прошло, и радость восхитила сердца всѣхъ. Тимуръ стоялъ на берегахъ Сосны двѣ недѣли; вдругъ сдвинулъ онъ свои войска, съ пепелищъ Ельца поворотилъ обратно, и пошелъ на югъ по теченію Дона. Раззоривъ Азовъ, учредивъ новое Ханство на Волгѣ, препоручивъ Кутлука попеченію дяди его Эдигея, отпраздновавъ побѣды свои близъ Кавказа, онъ навсегда перешелъ Кавказскія горы, и скрылся отъ Руси. — Что̀ могло остановить походъ и перемѣнить мысли ужаснаго завоевателя? Обстоятельства поясняютъ дѣло: ему надобно было обезопасить Персію; онъ думалъ уже тогда и о гордомъ, опасномъ врагѣ, Баязетѣ, Султанѣ Турецкомъ. Мщеніе надъ Тохтамышемъ было исполнено; великія сокровища умножили казну Тимурову. Впереди передъ собою, на Сѣверѣ, онъ видѣлъ дикіе лѣса, пустыни, населенныя однакожь храбрымъ народомъ: погибнуть могъ, славы и добычи не получалъ, ибо Сѣверный народъ платилъ, уже дань Волжскимъ Татарамъ, рабамъ его. Вотъ описаніе современника Тимурова о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходилъ онъ (212):

(212) Путешествіе Пимена Митрополита (см. пр. 185).

«Путь по сей странѣ печаленъ и унылъ. Пустыни страшныя; нѣтъ ни села, ни града. Видно, что здѣсь были нѣкогда города великіе и услаждавшіе зрѣніе, но теперь все лежитъ пусто и ненаселенно. Не увидишь человѣка: дикая волость, со множествомъ звѣрей — козъ, лосей, лисицъ, выдръ, медвѣдей, бобровъ; птицы пустынныя — орлы, гуси, лебеди, журавли, печально летаютъ надъ головами. Только проплывъ по Дону до того мѣста, гдѣ, послѣ Краснаго Яра, Битюга и Хопра, вливается въ него Медвѣдица, встрѣчаешь Татаръ, кочующихъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, безчисленныхъ, какъ листъ осенью, или песокъ рѣчной. Тутъ, за великою лукою, находится улусъ Сарыхожи; далѣе улусъ Бекбулата. Стада ихъ ходятъ въ необъятномъ множествѣ, умъ превосходящемъ: овцы, козы, верблюды, кони. Далѣе, за Красными горами, улусъ Акбугинъ — многое множество Татаръ, и всякаго скота стада неизмѣримыя. Миновавъ рѣку Бузулукъ, пріѣзжаешь наконецъ въ Азовъ, гдѣ живутъ и владѣютъ Фряги, Нѣмцы.» — Фряги Азовскіе испытали весь ужасъ того, что узнала-бы Русь при движеніи Тимура далѣе къ сѣверу. Хвалясь пріобрѣтенною добычею и покоренными странами, Тимуръ велѣлъ записать, что онъ ходилъ до глубины Сѣвера, до тѣхъ странъ, гдѣ царствуетъ вѣчный день, такъ, что Мусульманскіе Иманы не знали:

должно-ли имъ отправлять вечернія молитвы (213)?

Здѣсь кончится вводная повѣсть о Тимурѣ въ Исторіи Русскаго народа. Онъ жилъ еще десять лѣтъ, и въ сіи годы совершилъ самыя главныя дѣла свои. Можетъ быть, на берегахъ Сосны Тимуръ думалъ уже о предпріятіи, которое пронесло имя его далѣе Чингисова и Искандерова. Едва возвратясь въ Персію, Тимуръ объявилъ, что идетъ покорить Индійскія царства. Самые безтрепетные воины его содрогнулись. «А рѣки, горы, пустыни, губительные слоны, воинства?» вопіяли воины Тимуровы. Одно слово его рѣшило всѣ сомнѣнія. Тимуръ любовался Ордами своими, стройно идущими, легкою конницею, раздѣленною на 92 отряда, и вспомнилъ, что числомъ своимъ соотвѣтствуютъ они числу

(213) H. de Timour. (кн. III, гл. 13). Вѣроятно Тимуръ только слышалъ о томъ, что на Сѣверѣ есть земли, гдѣ день продолжается полгода, и позволилъ внести это извѣстіе въ свои записки. Забавно, что многіе думали объяснять сіе извѣстіе тѣмъ, что Тимуръ былъ въ самомъ дальнемъ сѣверѣ. Левекъ опровергалъ такое мнѣніе нашими Лѣтописями. Другіе пускались въ догадки еще страннѣе, объясняя дѣло сѣверными сіяніями, какъ будто непремѣнно надобно все изъяснять, что находимъ у Восточныхъ писателей, забывая, сколь часто они все до нелѣпости преувеличиваютъ.

92-хъ именъ Пророка. Черезъ снѣжныя горы, гдѣ самъ Тимуръ спускался съ крушизны по веревкамъ, и гдѣ за каждымъ утесомъ таились убійцы, онъ прошелъ далѣе Искандера, разогналъ слоновъ и Индійскія войска, подивился величію мечети въ Дели, и истребилъ сей великолѣпный городъ. Чувствуя упрекъ совѣсти за побіеніе Мугаммеданъ, Тимуръ очищалъ себя потомъ отъ грѣха избіеніемъ еще большаго числа идолопоклонниковъ, прошелъ для сего до знаменитой *Купѣли Ганга* (214), и оборотился въ Самарканду, услышавъ о неслыханномъ кичении Баязета и бунтѣ Грузіи. Въ 1400 г. онъ объявилъ *семилѣтній* походъ на Западъ, перерѣзалъ Грузинцевъ, и началъ ругательную переписку съ Баязетомъ.»Не знаешь-ли ты« — писалъ Тимуръ —» что большая часть Азіи, покоренная непобѣдимымъ войскомъ моимъ, мнѣ повинуется? Отъ моря до моря власть моя. Сильныя земли составляютъ плетень, заслоняющій врата дома моего, и само счастіе при-

---

(214) Прежде думали, что Гангъ вытекаетъ изъ утеса, имѣющаго видъ коровы; этотъ утесъ называется: *Купѣль*, и находится въ 1100 миляхъ отъ Калькутты. Тутъ воздвигнутъ храмъ Гангу; тутъ стоялъ Тимуръ, задумчиво смотря на мнимый истокъ рѣки, и не зная, что для сего надобно ему было идти въ отдаленныя Гиммалайскія горы.

нудилъ я наблюдать за благоденствіемъ царства моего. На чемъ основалъ ты свое безуміе и безстыдство? Выигралъ нѣсколько битвъ въ лѣсахъ Анатоліи, и гордишься жалкими своими побѣдами! Ты побѣдилъ невѣрныхъ, и мечъ твой былъ благословенъ на сіе дѣло Пророкомъ, предъ Кораномъ коего ты благоговѣешь. Только это и удерживаетъ еще насъ погубить тебя, западную границу и защиту земель правовѣрныхъ. Но будь-же мудръ, пока есть время; подумай, покайся, отврати громъ моего мщенія, висящій надъ твоею головою. Муравей презрѣнный! ты смѣешь раздражать слона—онъ раздавитъ тебя!» Страшнымъ ругательствомъ исполненъ былъ отвѣтъ Баязета (215). Тимуръ дрожалъ отъ гнѣва; но еще онъ удержался, разорилъ только часть городовъ Анатоліи; зарылъ въ землю четыре тысячи плѣнныхъ Армянъ, сдав-

(215) «Пусть тремя разводами удалятся съ ложа моего жены мои, если я побѣгу передъ тобою»—писалъ Баязетъ—«и скорѣе твои жены, каждая по три раза, предадутся объятіямъ поганаго чужеземца, нежели ты устоишь противъ меня!»—Надобно знать, что послѣ трехъ разводовъ, если-бы Мусульманинъ опять захотѣлъ взять жену свою, слѣдуетъ самый унизительный обрядъ....Тимуръ, не смотря на свою привычку всегда показывать совершенную холодность и невниманіе, стеналъ отъ ярости, получивъ письма Баязета.

шихся ему послѣ отчаянной защиты Севастополя, и пошелъ воевать Египетъ и Сирію. Мамелюки проиграли большое сраженіе передъ Алепомъ; побѣдители зажгли, и расхитили городъ; Тимуръ сидѣлъ въ это время въ главной мечети, спорилъ съ Иманами о таинствахъ религіи Мугаммеда, задавалъ имъ хитрые вопросы (216) и грустилъ о суетѣ міра. «Что я?» восклицалъ онъ. «Бѣдный смертный, дряхлый хромецъ, а Господу угодно было избрать меня для покоренія царства Иранскаго, Капчацкаго, Туранскаго и Индійскаго. Клянусь Богомъ, что я не жестокій человѣкъ; не я, но враги мои сами причиною своихъ бѣдствій!» Потерявъ сраженіе подъ Дамаскомъ, Тимуръ успѣлъ перехитрить побѣдителей, взялъ Дамаскъ, Багдадъ,

(216) Онъ былъ послѣдователь Алія, и почиталъ другія исповѣданія Мусульманъ ересью. «Пророкъ называетъ мучениками, падшихъ на полѣ битвы» — спросилъ Тимуръ — «но кто-же теперь *мученики*: мои-ли правовѣрные, убитые воины, или ваши? И тѣ и другіе были Мугаммедане; и тѣ и другіе пали въ битвѣ!» — Ему отвѣчали умно, что самъ Пророкъ называетъ мученикомъ каждаго умершаго во славу Бога, и, слѣдовательно, не исповѣданіе, но вѣра, и мысль, съ какою умираетъ человѣкъ, рѣшаютъ его блаженство въ небесахъ. Потомъ Тимуръ заспорилъ о правѣ Халифовъ, началъ плакать о суетѣ міра, и проч.

сложилъ сотни тысячь головъ пирамидами, въ знакъ побѣдъ своихъ, и лѣтомъ 1401 г., отъ береговъ Аракса выступилъ на Баязета. Болѣе милльона воиновъ, съ обѣихъ сторонъ, рѣзались 28-го Іюля 1402 года на долинѣ Ангорской. Баязетъ стоялъ долго за побѣду; потомъ искалъ смерти, и нашелъ позоръ и безчестный плѣнъ! Онъ умеръ въ клѣткѣ. Бурса, Никея, Смирна— исчезли. Только проливъ, защищаемый соединенными Греческими и Турецкими кораблями, спасъ Царьградъ и остатки Турецкой власти въ Европѣ, и самую Европу. Положивъ воевать земли Франковъ черезъ Африку, Тимуръ хотѣлъ прежде покорить остатокъ Востока. Въ Самаркандѣ пировалъ онъ окончаніе похода, ранѣе семи лѣтъ совершеннаго, женилъ тамъ шестерыхъ внуковъ, писалъ законы, сѣтовалъ на тщету міра, слушалъ поэтовъ, принималъ Царей и Князей, пришедшихъ отъ всѣхъ предѣловъ Азіи пасть предъ нимъ, и давалъ изумительные пиры въ садахъ Канигульскихъ, гдѣ тысячи шатровъ были разбиты; золото, серебро, жемчугъ бросали народу горстями; цѣлые лѣса вырубили, приготовляя кушанья для гостей. Черезъ три мѣсяца (въ Апрѣлѣ 1405 г.) Тимуръ былъ уже на дорогѣ въ Китай, и Ангелъ смерти смежилъ очи его.

Опять только темнымъ, далекимъ слухомъ доходили въ Русь всѣ извѣстія о Темиръ-Аксакѣ,

отъ странъ Востока Солнечнаго, съ тѣхъ поръ когда удалился онъ отъ Ельца. Василія встрѣтили въ Москвѣ, какъ знаменитаго побѣдителя. Но, повергнувшись передъ Образомъ Богоматери, принесеннымъ изъ Владиміра, онъ отрекся отъ почести, и приписалъ избавленіе Русскихъ земель заступленію Матери Божіей. Говорили, что въ тотъ самый день, когда икона принесена была въ Москву, Темиръ-Аксакъ видѣлъ страшный сонъ: тмы Ангеловъ и Святыхъ, предводимыхъ нѣкою женою,«въ сіяніи лучезарномъ, благолѣпія и величія неописаннаго», шли на него, и грозили ему погибелью, если онъ дерзнетъ на богоспасаемую Русскую землю.» Темиръ-Аксакъ вскочилъ въ испугѣ съ своего одра, и велѣлъ бѣжать своему воинству обратно. То была Богоматерь»—говорили Руссы—«чудо преславное, удивленіе великое! Заступленія Богоматери убоялся и устрашился злой Царь — ужаснулся, смутился, пораженъ былъ страхомъ и трепетомъ; вошла боязнь въ сердце его, скорбь въ душу, проникло содроганіе въ кости. Онъ поколебался, обратилъ плеща, гонимый невидимою силою. Не мы гнали его, не наши воинства постращили его, но гнѣвъ Божій гналъ, страхъ Божій страшилъ, и безумный Темиръ - Аксакъ, пришедъ съ безчисліемъ силы, отошелъ со срамомъ!» — Уставивъ на вѣчныя времена: праздновать спасеніе Москвы въ 26-е Августа, день принесенія иконы,

14*

оставили святый образъ Богоматери навсегда въ Москвѣ. На Кучковомъ полѣ, гдѣ *срѣтили* Москвичи икону, Василій воздвигъ *Срѣтенскій монастырь*, обогатилъ его вкладами, и въ 26-й день Августа доселѣ совершается крестный ходъ, изъ Успенскаго собора въ монастырь Срѣтенія иконы Владимірскія Богоматери (217).

Освятивъ религіозною памятью страшную бѣду, грозившую отчизнѣ, Рускіе хотѣли знать: кто былъ сей грозный Темиръ-Аксакъ, стращившій Русь погибелью, и со стыдомъ бѣжавшій? Извѣстіе, переданное потомству въ Лѣтописяхъ нашихъ, любопытно. Вотъ оно въ сокращеніи:

«Кто изъ православныхъ Христіанъ захочетъ вѣдать о богопротивномъ Темиръ-Аксакѣ, да вѣдаетъ, что мы о немъ слышали. Онъ сперва не былъ Царь, и не отъ рода былъ онъ Царскаго, ни Княжескаго, ни Боярскаго, но такъ, простаго рода, отъ худыхъ людей, отъ Заяиц-

---

(217) Строевск. и Типогр. Лѣт. — Объ иконѣ Владимірской, или Пирогощей, см. Ист. Р. Н. т. III, стр 26.—Она богато украшена, и находится донынѣ въ Успенскомъ соборѣ, въ серебряномъ кивотѣ. Жемчужная пелена подъ нею сооружена была при Василіи Іоанновичѣ, и передѣлана потомъ при Ѳеодорѣ Алексіевичѣ.

кихъ Татаръ, Самаркандскія земли, Синія Орды, что за Желѣзными воротами. Ремесломъ былъ онъ ковачъ желѣза; обычаемъ и дѣломъ немилостивъ, хищникъ, ябедникъ и грабежникъ. Холопъ былъ онъ у нѣкоего Государя, и за злонравіе отвергся отъ него Государь, билъ его, прогналъ отъ себя; не имѣя чѣмъ жить, Темиръ-Аксакъ кормился воровствомъ. Онъ былъ тогда еще молодъ; укралъ у кого-то овцу, и, замѣченный въ томъ, бѣжалъ; его догнали, били, хотѣли убить, дать язву смертную, перешибли ему ногу и бедро, и оставили его бездыханнаго на съѣденіе псамъ. Но онъ выздоровѣлъ, возсталъ, перековалъ себѣ ногу желѣзомъ, хотя и остался хромымъ. Отъ сего и имя ему, ибо *Темиръ* значитъ: *желѣзо*, а *Аксакъ* значитъ — *хромецъ*. Такъ *толмачили* намъ на Половецкомъ языкѣ о Темиръ-Аксакѣ, называя его *желѣзный хромецъ*, и должно быть правдѣ, ибо отъ вещи и отъ дѣлъ званіе пріемлется, и по дѣйствію имя стяжается (218). По исцѣленіи отъ ранъ и великихъ побоевъ, не лишился Темиръ лихаго своего перваго обычая, не смирился, не укротился, но паче на большее совратился, горше давняго и пуще прежня-

---

(218) Стр. Врем. I, 406; Типогр. Лѣт. 196. — И такъ басня о названіи Тимура *хромцемъ* была извѣстна и въ Руси.

го сталъ лютый разбойникъ. Приложились къ нему юноши немилостивые, мужи суровые, подобные ему злые человѣки, разбойники и хищники, и сильно умножились. Когда было ихъ до сотни, назвали они Темиръ-Аксака начальникомъ; когда-же собралось ихъ до тысячи, Княземъ; когда наконецъ еще болѣе они умножились, поплѣнили земли, поимали грады и царства, то назвался Темиръ Царемъ. Онъ началъ многія рати творить, многія брани воздвигъ, много побѣдъ учинилъ, много полковъ сопротивныхъ одолѣлъ, много градовъ раскопалъ, много людей погубилъ, много странъ и земель повоевалъ, много областей и языковъ поплѣнилъ, много Княжествъ и Царствъ покорилъ подъ себя. Вотъ имена главнымъ землямъ и царствамъ, поплѣненнымъ отъ Темиръ-Аксака: Чагатай, Хорасанъ, *Голустанъ*, Китай, Синяя Орда, Ширазъ, Испагань, Орнанъ, Гененъ, Сизъ, Шибрень, Шамахія, Савозъ, Арзерумъ, Тифлисъ, Тавризъ, Горзустанъ, Обезъ, Багдадъ, Темиръ-Кабы (т. е. желѣзныя врата), Ассирія, Вавилонъ (гдѣ былъ нѣкогда Царь Навуходоносоръ, плѣнившій Іерусалимъ, и жили три отрока и Даніилъ Пророкъ), Севастія (гдѣ мучимы были Сорокъ Мучениковъ), Арменія (гдѣ жилъ нѣкогда Григорій, Епископъ Великія Арменіи), и Дамаскъ великій. Со всѣхъ сихъ царствъ и градовъ оброки и дани давали Темиру, и пови-

новались ему всѣ, творя волю его, и ходя съ нимъ на брань. Разбилъ-же онъ и Царя Турскаго, царство его взялъ, а самаго въ клѣткѣ желѣзной возилъ за собою, да видятъ всѣ славу и силу Темира, безбожнаго врага и гонителя.» Описавъ пораженіе Тохтамыша, и *чудесное спасеніе* Руси, Лѣтописатель возноситъ молитвы къ Богу, Богоматери, и *молебнику* Московскому Петру Митрополиту. «Такъ спасенъ былъ при Іезекіи Іерусалимъ отъ гордаго Сеннахерима» — восклицаетъ набожный Лѣтописатель (219)...

Но пока въ уединенной какой нибудь келліи записывали нашествіе Тимурово, уже новыя событія волновали Русскую землю. Тимуръ находился еще въ странахъ Приволжскихъ, когда Витовтъ измѣною присвоилъ себѣ Смоленскъ. Князь Смоленскій, Юрій, былъ тогда у тестя своего въ Рязани. Глѣбъ и другіе Князья Смоленскіе спорили за удѣлы. Узнавъ, что они всѣ почти собрались для сего въ Смоленскъ, Витовтъ придвинулъ сильную рать, но увѣрялъ, что собралъ ее для защиты отъ Монголовъ, и

(219) По странному сочетанію идей, описывая святыя чудеса, и вознося молитвы благодарственныя, Лѣтописцы въ тоже время осыпаютъ Тимура ругательствами, и показывая ученость свою, сравниваютъ его съ Діоклитіаномъ, Максиміяномъ, Деціемъ, Лициніемъ, и проч.

дружески звалъ Смоленскихъ Князей въ станъ свой, обѣщаясь быть безпристрастнымъ посредникомъ и рѣшить ихъ споры. Легковѣрные Князья дались въ обманъ. Витовтъ велѣлъ взять ихъ подъ стражу и разослалъ по Литвѣ. Смольяне сдали ему городъ. Витовтъ объявилъ Смоленскъ волостью свою (220).

Уже издавна Смоленскъ былъ для Руси чуждымъ городомъ, почти такимъ-же, какъ Кіевъ и Черниговъ: онъ считался зависимымъ отъ Литвы, и ходилъ на Русь подъ рукою Литовскихъ Князей. Но мысль, что Княжество, издревле принадлежавшее роду Мономахову, уже совершенно отторгнуто Литвою, сія мысль ужасала Руссовъ, а поступокъ Витовта показывалъ, чего надобно было ждать отъ него другимъ. Витовтъ пригошовился на битвы, думая, что за Смоленскъ заступятся; но Василій Димитріевичъ хотѣлъ перехитрить тестя, и дружески пріѣхалъ къ нему въ Смолескъ, гостить у него, какъ у роднаго. Съ нимъ былъ и Митрополитъ Кипріанъ. Витовтъ клялся въ дружбѣ Василію, и подтвердилъ неприкосновенность правъ Митрополита на православныхъ Христіанъ въ Кіевѣ и Волыни. Кипріанъ отправился въ

(220) *Костр. Лѣт.* I, 290, и *Типогр.* стр. 207, прибавляютъ, что Смоленскъ тогда былъ сожженъ и разграбленъ.

Кіевъ, а Василій поѣхалъ дружить тестю своему въ Москвѣ. Смоленскій Князь нашелъ себѣ защитника только въ Олегѣ Рязанскомъ. Василій не совѣтовалъ имъ воевать съ Витовтомъ. Князья не послушались, и Олегъ скоро раскаялся: за нападеніе на Любутскъ, Витовтъ заплатилъ опустошеніемъ Рязанскихъ областей. Мимоходомъ видѣлся онъ съ Василіемъ, нарочно пріѣзжавшимъ въ Коломну. Здѣсь Витовтъ и Василій условились соединенными силами стѣснить Новгородъ (221).

Новгородцы не ожидали войны, заключивъ въ 1393 г. миръ съ Витовтомъ, и тогда-же удовлетворивъ требованія Великаго Князя. Оставался только неотступный Кипріанъ: вездѣ — въ Новгородѣ, въ Литвѣ, Твери, онъ упорно стоялъ за свой Церковный судъ. Въ 1395 г. опять пріѣзжалъ Кипріанъ въ Новгородъ, съ Посломъ Царяградскаго Патріарха, и требовалъ возвращенія Церковнаго суда, который Новгородцы успѣли снова отнять у него послѣ 1390 года. Но одаренный богато, довольный честію, Кипріанъ уѣхалъ, благословляя Великій Новградъ, и сына своего, Владыку Новгородскаго Іоанна. На другой годъ, Владыка Іоаннъ ѣздилъ въ Москву, и Митрополитъ отпустилъ его съ

---

(221) Типогр., стр. 209; *Любутскій станъ* донынѣ существуетъ, Тульск. Губ. въ Алексинскомъ уѣздѣ.

честію и благословеніемъ. Но причина къ войнѣ отыскалась: Послы Витовта и Василія потребовали отъ Новгородцевъ разрыва съ Нѣмцами. Въ 1391 году заключенъ былъ у Новгородцевъ съ Ганзою миръ: нарочно съѣзжались для сего въ Изборскѣ послы Новгорода, Пскова, Любека, Готланда, Дерпта, Ревеля, Риги. Изъ чего должно было теперь нарушить сей договоръ, безъ всякой вины Нѣмцевъ, и лишиться выгодной торговли? — Новгородцы видѣли въ требованіи Князей одну привязку, и Вѣче отвѣчало: «Господинъ Князь Великій! у насъ съ тобою свой миръ, съ Витовтомъ иной, а съ Нѣмцами иной!» — Витовтъ и Василій не возражали; не говорили ничего и о томъ, что бѣглецы и изгнанники Русскіе, Литовскіе, Князья Смоленскіе, Бѣлозерскіе, Суздальскіе, жили въ Новгородскихъ областяхъ друзьями вольнаго города.

Но Василій не хотѣлъ говорить, а воевать началъ немедленно. Заволочье и Двинскія области, столь давній предметъ зависти Московскихъ Князей, были внезапно захвачены его войскомъ. Жители тамошніе согласились отказаться отъ Новгорода, и признали власть Василія. Тогда-же занялъ онъ Торжекъ, Бѣжецкъ, Вологду. Посолъ его пріѣхалъ въ Новгородъ сказать, что Великій Князь снимаетъ съ себя крестное цѣлованіе къ Новгороду. «Мы сами снимаемъ его къ нему!» от-

вѣчало Вѣче. Другой Посолъ былъ присланъ отъ Кипріана, Стольникъ Митрополита Клементій. Онъ звалъ Владыку Іоанна въ Москву, снова говорить о Церковномъ судѣ. Владыко рѣшился ѣхать. Вѣче отправило съ нимъ Посадника и Пословъ, и било ему челомъ отъ всего Новгорода, чтобы онъ заступился за отчизну свою, « подалъ Князю Великому слово доброе, и благословеніе за дѣтей своихъ, за Великій Новгородъ. » Владыко исполнилъ просьбу. Онъ былъ принятъ Митрополитомъ благосклонно, предсталъ къ Василію съ Послами, и когда они проговорили Князю челобитье отъ Вѣча Новгородскаго, Владыко говорилъ ему: « Сынъ мой, Господинъ Князь Великій! прими благословеніе мое и доброе слово, а отъ Новгорода челобитье. Отложи нелюбіе отъ своихъ вольныхъ мужей Новгородскихъ; возьми ихъ по старинѣ, и не учини еще разъ кровопролитія между Христіанами въ свое княженіе. Ты отнялъ у Новгорода, противъ крестнаго цѣлованія, Заволочье, Торжекъ, Волокъ, Вологду, Бѣжецкій Верхъ: отступись сихъ областей, и отдай ихъ по старинѣ Новгороду. Не требуй и общаго суда на порубежьи — все это не старина. » — Убѣжденія Владыки остались безуспѣшны; Іоаннъ возвратился въ Новгородъ безъ мира. Весною 1398 г. Новгородцы собрались къ нему толпою. « Не можемъ терпѣть болѣе насилія отъ своего Ве-

ликаго Князя,» говорили они, «хотимъ поискать пригородовъ и волостей, отчины и дѣдины, которыя отняты у Святой Софіи и Великаго Новгорода. Мы клялись стать въ этомъ дѣлѣ за одно, стать всѣ, Посадники, Бояре, дѣти Боярскіе, житые люди, купецкіе дѣти и простые воины: или *изнайдемъ* свою отчизну къ Святой Софіи и Великому Новгороду, или положимъ головы за Святую Софію и за своего Господина Великій Новгородъ. Благослови насъ!» Получивъ благословеніе Владыки, дружины Новгородскія выступили, жгли, раззоряли Бѣлозерскія и Кубенскія области, Устюгъ, Вологду, доходили до Галича, цѣлый мѣсяцъ осаждали городокъ Орлецъ, взяли его, захватили передавшихся Василію правителей, представили ихъ на судъ Вѣча, и такъ обогатились добычею, что не имѣя мѣста въ ладьяхъ своихъ для плѣнныхъ, отпускали ихъ, взимая окупъ. Вѣче строго судило перемѣтчиковъ: одинъ изъ нихъ, Бояринъ Новгородскій Іоаннъ, былъ сброшенъ съ моста въ рѣку Волховъ; братья его, Герасимъ и Родіонъ, со слезами выпросили позволеніе отказаться отъ свѣта, и постриглись. Четвертый братъ, удалѣйшій всѣхъ, Анфалъ, успѣлъ убѣжать изъ Заволочья.

Вѣроятно, не сія месть Новгородцевъ, но Витовтово участіе вдругъ заставили Василія помириться. Дружась съ Василіемъ, Витовтъ хо-

тѣлъ только довести Новгородъ до крайности, и взять его потомъ подъ свою руку, подобно Смоленску. Василій предупредилъ тестя. Витовтъ не скрылъ досады, объявилъ гнѣвъ свой Новгороду, и Послы его открыто говорили на Вѣчѣ: «Новгородъ обезчествовалъ Великаго Князя Литовскаго. Зачѣмъ не явились вы къ нему и не передались ему? Сдѣлавшись Великимъ Княземъ вашимъ, онъ защитилъ-бы васъ отъ Москвы.» Новгородцы отвѣчали гордо. Витовтъ грозилъ местію; но его отвлекли на время предпріятія обширнѣйшія (222).

Золотая Орда, разбитая рукою Тимура, казалась совсѣмъ издыхающею. Темиръ-Кутлукъ сидѣлъ на зыбкомъ тронѣ Ордынскомъ; Тохтамышъ укрывался въ отчизнѣ своей, Тавридѣ. Русь не платила уже дани Ордѣ, довольствуясь подарками. Приходы Монголовъ напоминали еще отъ времени до времени Рускимъ прежнія страшныя времена, но это были только мгновенные набѣги хищниковъ. Въ 1391 г. была раззорена Монголами Вятская область; но Вятчане и Новгородцы отмстили за то раззореніемъ Приволжья. Сіи событія происходили въ то время, когда рука Тимура не потрясала

---

(222) Стр. I, 417.; Типогр. стр. 210; Новгор. лѣт. годы 1397—1399.

еще Орды въ основаніи (223). Безпечность Рускихъ увеличилась послѣ Тимура. Витовтъ провидѣлъ далѣе. Онъ хорошо разсчелъ: какимъ важнымъ орудіемъ можетъ быть для него Орда, и какое зло, напротивъ, можетъ она еще причинить, какъ змія, раздавленная, но не умершая, могущая ожить. Потому Витовтъ не оставлялъ въ покоѣ гнѣзда Монголовъ въ Крыму. Раззоряя окрестности Азова, Витовтъ оставался до времени хладнокровнымъ зрителемъ новыхъ междоусобій Монгольскихъ (224). Тохтамышъ отдохнулъ послѣ Тимура, и хотѣлъ снова обладать Сараемъ. Полчища Крымскія устремились на Волгу. Слабый Темиръ-Кутлукъ могъ погибнуть, но Тохтамышъ забылъ о силѣ Эдигея, опекуна и дяди Темиръ-Кутлукова, заклятаго врага Крымскому властителю. Сила Ногайская подкрѣпила Золотую Орду.

---

(223) Вятку раззорилъ тогда, посланный отъ Тохтамыша, Царевичъ Беткутъ.

(224) Много Татаръ выведено было Витовтомъ въ Литву, и поселено близъ Вильны, по рѣкѣ Вакѣ, гдѣ потомки ихъ живутъ и донынѣ. См. изслѣдованіе Чацкаго (Сѣв. Архивъ, XII, 138), любопытное, но притомъ исполненное ошибокъ и нелѣпостей. Достовѣрно одно только, что со временъ Витовта Татары были поселены въ Литвѣ. Такъ говорили они сами о себѣ, въ просьбѣ, поданной въ 1519 году Сигизмунду I-му.

Тохтамышъ бѣжалъ, разбитый Эдигеемъ, и укрылся въ Литвѣ, не смѣя уже явиться въ Крымъ, ибо Эдигей перевелъ свои сильныя Заяицкія Орды черезъ Волгу, и закочевалъ на югѣ, отъ Волги до Крыма и Днѣпра. Витовтъ не вѣдалъ героическаго честолюбія, но понялъ всю важность побѣды надъ новою силою Ордынцевъ. Онъ вдругъ объявилъ себя защитникомъ Тохтамыша, и не хотѣлъ выдавать его злобѣ Эдигеевой. Разрушивъ мощь Эдигея, Витовтъ сдѣлался-бы обладателемъ Крыма, а Тохтамышъ былъ-бы на Волгѣ его данникомъ. «Посажу тебя въ Ордѣ, съ тѣмъ, что ты посадишь меня на Москвѣ Великимъ Княземъ (225).» Таковъ былъ договоръ Витовта. И въ самомъ дѣлѣ, что̀ могло послѣ сего устоять противъ Литвы?

Руси грозила такимъ образомъ новая, страшная опасность. Василій не былъ въ состояніи отвратить ея, хотя понималъ наступающую бѣду. Онъ рѣшился ждать окончанія борьбы между двумя врагами, равно опасными Руси. Витовтъ не пренебрегалъ непріятелемъ своимъ, хотя и надѣялся на побѣду. Собирая силы от-

(225) Слова Лѣтописей. Во многіе списки Лѣтописей Русскихъ предпріятіе Витовта внесено отдѣльною статьею: *Побоище Темуръ-Кутлуя Царя съ Витовтомъ.*

всюду, онъ просилъ ихъ у Василія, у Ягеллы. Польша не смѣла прекословить и прислала полки свои. Василій обѣщалъ тестю воевать Монголовъ съ другой стороны, и послалъ къ нему, вмѣсто войскъ, дружескія увѣренія. Софія, по волѣ супруга своего, поѣхала въ Смоленскъ съ дѣтьми, съ Боярами. Витовтъ не показалъ досады, подарилъ ей нѣсколько богатыхъ Образовъ, притворился, что вѣритъ дружбѣ зятя, и безъ Московскихъ дружинъ выступилъ въ походъ. «Выдай намъ бѣглаго Царя Тохтамыша, и возьми себѣ все, что есть при немъ,» говорили Витовту Послы Эдигеевы.—Я самъ увижусь и поговорю объ этомъ съ Ханомъ, а Тохтамыша вамъ не отдамъ — отвѣчалъ Витовтъ. На берегахъ Ворсклы (226), Витовтъ встрѣтилъ Ордынцевъ, готовыхъ къ бою. Войско Витовтово было сильно: пятьдесятъ Князей, Русскихъ и Литовскихъ, находилось при немъ. Дружины Тохтамышевы стояли въ рядахъ Витовтовыхъ, вмѣстѣ съ Поляками, Тевтонскими Рыцарями, Смольянами, другими Русскими дружинами, и

---

(226) *Ворскла*, начинаясь въ Курской, течетъ по Слободско-Украинской Губерніи, потомъ мимо Полтавы, и впадаетъ въ Днѣпръ ниже Кременчуга, близъ Переволочны. Здѣсь-же, гдѣ разбитъ былъ Витовтъ, погибли—*ровно черезъ* 310 *лѣтъ*—остатки силы Карла XII-го, и гроза Сѣвера едва могъ самъ убѣжать!

Литовцами. Эдигей также былъ въ *силѣ великой*. Онъ и Витовтъ, оба медлили, видя взаимную опасность, и, предчувствуя, что едва-ли все не зависѣло отъ удачи. Уже ставъ другъ противъ друга, долго еще они переговаривали. Ханъ соглашался мириться, даже хотѣлъ платить дань. Витовтъ требовалъ совершенной покорности. Переговоры перешли наконецъ въ брань. «Темиръ-Кутлукъ можетъ покорствовать» — сказалъ Эдигей — «но мнѣ стыдно: я тебя старше, Князь Литовскій — лучше ты покорись мнѣ, будь мнѣ сыномъ, и поставь мою Тамгу на своихъ деньгахъ.» Вмѣсто отвѣта на сію насмѣшку, дружины Литовскія двинулись въ битву; юные Князья, находившіеся въ войскѣ Витовта, смѣялись, когда старый Панъ Спитко упорно совѣтовалъ мириться. Кричали, что онъ не хочетъ умереть, боясь оставить вдовою молодую свою жену (227). Битва была ужасная (12 Августа 1399 г.); но пушки Витовта и храбрость его уступили искуству Эдигея, ученика Тимурова. Витовтъ и Тохтамышъ были разбиты и бѣжали. Вѣрные товарищи Димитрія — Андрей Полоцкій, Димитрій Брянскій — Князь Глѣбъ Смоленскій, Князь Іоаннъ Кіевскій, двое Волынскихъ, и множество дру-

---

(227) Бѣльскій, стр. 282.

гихъ Князей пали въ битвѣ. Монголы гнались за бѣгущими до самаго Кіева, взяли съ него окупъ, и опустошили за-Днѣпрье. . . .

Удивимся-ли, что побѣда Монголовъ произвела на Руси всеобщую радость? Такъ ненавистенъ и страшенъ былъ Князь Литовскій. «Богъ навелъ поганыхъ на Литовскую землю за высокоуміе Князя Витовта» — говорили Новгородцы. «И по дѣломъ!» прибавляли другіе. «Бывъ прежде Христіаниномъ, онъ отвергся православія, принялъ *Лядскую* вѣру, превратилъ святыя церкви въ богомерзское служеніе, помыслилъ плѣнить Русскую землю, и Новгородъ, и Псковъ. Безумецъ! забылъ, что если Богъ по насъ, то кто на ны (228)!»

Думали, что отнынѣ Витовтъ навсегда утихнетъ. Видя Литву, опустошаемую Монголами, полагали, что на нее обратилось теперь наказаніе Божіе, тяготившее Русь. Вѣчные враги Витовта, Кресгоносцы Нѣмецкіе немедленно начали съ нимъ войну. Ожилъ и изгнанный Смоленскій Князь. Съ Рязанскими дружинами, онъ явился подъ Смоленскомъ (1401 г.), былъ принятъ жителями, и свирѣпо казнилъ Намѣстника Витовтова и друзей его, Бояръ Смоленскихъ. Витовтъ пришелъ было прогнать Юрія, но не

(228) Новг. Лѣт. 1399-й годъ.

могъ, и отступилъ. Думая, что Литва уже вовсе обезсилѣла, Олегъ Рязанскій отправилъ сына воевать Брянскъ. Но Лугвеній встрѣтилъ, разбилъ сына Олегова, взялъ его въ плѣнъ, обременилъ оковами, и только за 2,000 рублей знаменитый плѣнникъ получилъ свободу (229).

Василій радовался не менѣе другихъ несчастію тестя, но былъ осторожнѣе. Вмѣсто пособія въ 1399 г., онъ отправилъ только Русскіе отряды грабить и жечь Монгольское Паволожье: Жукотинъ, Болгары, и потомъ хвалился усердіемъ. Витовтъ, казалось, вѣрилъ ему, и постоянно изъявлялъ дружбу; Василій также, какъ будто вовсе не думалъ объ ослабленіи могущества Литвы послѣ битвы на Ворсклѣ; онъ не вмѣшивался въ притѣсненіе Князя Смоленскаго Литвою, допуская Витовта угнетать его; но между тѣмъ, въ 1400 г. братъ Василія, Юрій, женился на дочери Смоленскаго Князя, а сынъ Владиміра Андреевича, Іоаннъ, на внукѣ единственнаго союзника его, Олега Рязанскаго. Олегъ вскорѣ кончилъ свою безпокой-

(229) Стр. I, 424; Типогр. стр. 215.— Карамзинъ слѣдовалъ въ описаніи отнятія Смоленска (т. V, 177) *Никоновскому лѣт.*, и отъ того явились небывалыя радостныя слезы, восхищеніе Смольянъ, и проч.— Сынъ Олега назывался *Родславъ*.

ную, тревожную отъ самой юности жизнь (въ 1402 г.). Изгнанникъ въ дѣтствѣ, противникъ Москвы и Литвы, то союзникъ, то жертва Монголовъ, Олегъ постригся передъ кончиною, и преставился съ именемъ инока Іоакима (230). Сынъ его, Ѳеодоръ, былъ уже не соперникомъ, но подручнымъ Княземъ Василія, и Рязань потеряла съ Олегомъ свою политическую самобытность. Но, не это-ли и было причиною, что Рязань пережила всѣ другіе Удѣлы, и еще болѣе ста лѣтъ составляла собою тѣнь отдѣльнаго владѣнія? Василій защитилъ сына Олегова отъ нападеній Пронскаго Князя, и поми-

(230) Прежде того, напротивъ, Лугвеній женился на сестрѣ Василія, Маріи, по *Типогр. Лѣт.*, въ 1394 г.—Русскими отрядами, грабившими Приволжье, предводилъ Юрій Димитріевичъ. Карамзинъ вывелъ изъ этого отдѣльную большую войну, означивъ ее надписью: «*Наши завоеванія въ Булгаріи* (т. V. 166).— Олегъ покоится въ Солотчинской обители, находящейся въ 18-ти верстахъ отъ Рязани, на берегу рѣки Солотчи, впадающей въ Оку. Кости Олега донынѣ видны въ открытой могилѣ, перенесенныя въ нее изъ разрушенной церкви, гдѣ былъ погребенъ сей Князь. Рязанцы почитали Олега святымъ, и донынѣ богомольцы, приходя въ монастырь Солотчинскій, прикладываются къ кольчугѣ Олега, кланяются костямъ его, и отбиваютъ на память кусочки отъ его каменной, прежней гробницы.

рилъ ихъ въ 1409 году (231). Но онъ рѣшительно не вмѣшивался въ дѣла между Смоленскомъ и Литвою, когда Витовтъ, овладѣвъ Вязьмою въ 1403 г., опять осадилъ Смоленскъ, семь недѣль громилъ его изъ пушекъ, и отступилъ, не успѣвъ преодолѣть отчаяннаго сопротивленія жителей. Юрій увидѣлъ, что рано или поздно ему придется уступить Витовту, пріѣхалъ въ Москву, молилъ, уговаривалъ Василія, соглашался даже отдать ему Смоленскъ, только-бы Витовтъ не добылъ его. Василій оставался непреклоннымъ. Между тѣмъ, въ отсутствіе Юрія измѣна совершила то, чего не могла сдѣлать сила Литовская. Витовтъ быстро окружилъ Смоленскъ; пушки его и голодъ устрашили жителей; заговоръ волновалъ Бояръ Юрія. Городъ сдали Витовту, и *тако было послѣднее плѣненіе Смоленску отъ Витовта.* Онъ не выпускалъ уже его изъ рукъ. Супруга Юрія, родня и доброхоты его, были увезены въ Литовскія дальнія области. Не хотѣлъ-ли наконецъ Василій согласиться на предложеніе

---

(231) Троицк. Лѣт. (Карамзинъ V, прим. 190). Въ 1401 г. Θеодоръ отдалъ дочь свою за Іоанна, сына Владиміра Андреевича. Договоръ его съ Василіемъ, братьями его, и Владиміромъ Андреевичемъ, см. *Собр. Гос. граматъ*, т. I, № 36. Онъ былъ заключенъ 1402 г. Ноября 25 дня.

Юрія, и взять себѣ Смоленскъ? По крайней мѣрѣ, Василій разсердился на несчастнаго Князя, упрекалъ его въ коварствѣ, говорилъ, что онъ хотѣлъ только обольстить его, Василія, ласковыми словами, а между тѣмъ нарочно передалъ Смоленскъ Литвѣ. Обвиненіе было нелѣпо; но Юрій принужденъ былъ бѣжать изъ Москвы, и ушелъ въ Новгородъ. Тамъ его приняли, хотѣли оставить на удѣлѣ, и давали ему земли *кормиться до вѣка*. Но Василій снова помирился съ Юріемъ, вызвалъ его къ себѣ, и отдалъ ему въ управленіе половину Торжка; другая половина была отдана вѣрному сопутнику и другу Юрія, Князю Симеону Вяземскому. Юрій скоро обезславилъ себя безумнымъ слѣдствіемъ страсти неистовой. Онъ влюбился въ жену Князя Вяземскаго, тщетно склонялъ ее нарушить вѣрность къ супругу, наконецъ въ бѣшенствѣ злобы убилъ Князя Вяземскаго, и хотѣлъ употребить насиліе противъ его супруги. Евдокія рѣшилась лучше умереть, нежели быть обезчещенною, едва не зарѣзала Юрія; въ ярости, онъ изрубилъ ее мечемъ. Терзаемый совѣстію, презираемый, гонимый людьми, Юрій скрылся въ Орду, потомъ скитался изъ земли въ землю, и кончилъ бѣдственную жизнь свою въ пустынной обители близъ Венева (232).

---

(232) Арханг., Строевск., Новгородскій, Тип. Лѣт. — Юрій умеръ и похороненъ въ упраздненной

Съ нимъ прекратилась отдѣльная Исторія Смоленска, и родъ Ростислава Смоленскаго пересталъ быть въ числѣ владѣтельныхъ Князей Русскихъ.

Въ годъ битвы Витовта съ Монголами, умеръ вѣрный другъ отца и дяди его, врагъ Москвы — *Михаилъ Тверской* (1399 г.). Истощивъ всѣ усилія въ борьбѣ съ Москвою, и узнавъ безполезность ея въ послѣднюю войну свою съ Димитріемъ (1375 г.), Михаилъ около 25-ти лѣтъ княжилъ мирно, не былъ ни другомъ, ни врагомъ Москвы, поддерживалъ связи свои съ Литвою, и заботился только о сохраненіи независимости Твери. За нѣсколько лѣтъ до кончины, онъ подтвердилъ съ Василіемъ договоръ: не брать Великаго Княжества, если-бы Татары и вздумали отдавать ему; быть за-одинъ

нынѣ, Николаевской обители, находящейся въ 17-ти верстахъ отъ Венева, и 25-ти верстахъ отъ Тулы. «Преставися не въ своей отчинѣ, но на чужой сторонѣ въ изгнаніи, своего княженія лишенъ, и своей Княгини, и своихъ дѣтей, въ Рязанской землѣ, въ пустынѣ, въ монастырѣ у нѣкоего Игумена христолюбца, именемъ Петра, нѣколико дней поболѣвъ, преставися, и проводиша его честно (*Троицк. Лѣт.* Ист. Г. Р. V., прим. 196). — Въ *Родословныхъ*: «И по Юрьи Смоленскіе Князья *извелися*.» — Частные роды ихъ были Князья Ѳоминскіе, Березуйскіе, Жижемскіе, Порховскіе, и проч.

въ войнѣ Москвы съ Нѣмцами, Литвою и Монголами (233). Любимый народомъ, Михаилъ былъ горестно оплаканъ Тверитянами. Кончина его была трогательна, исполнена патріархальной простоты. Чувствуя смертельную болѣзнь, дотолѣ всегда бодрый, не смотря на старость, Михаилъ велѣлъ написать духовную, раздѣлилъ удѣлы сыновьямъ Іоанну, Василію, Θеодору, и внуку, сыну умершаго Князя Бориса. Въ это время пріѣхалъ изъ Царяграда Протопопъ Даніилъ, посыланный съ церковною милостынею, и привезъ Михаилу благословеніе Патріарха: образъ Страшнаго Суда (234). Михаилъ, казалось, ожилъ, велѣлъ встрѣтить икону съ торжествомъ, и самъ всталъ съ одра смерт-

---

(233) Списокъ сего договора хранится въ Императорской С. Петербургской Библіотекѣ (Карамзинъ, V, прим. 183). Замѣчательно, что это первая изъ древнихъ грамагъ, начинающаяся словами: «Божіею милостію,» и проч. — Дотолѣ всѣ начинались словами: «По благословенію Отца нашего Митрополита,» и т. п.

(234) См. прим. 265. Описаніе кончины Михаила составляетъ особую статью въ Лѣтописяхъ (см. *Строевск.* и другія). Она описана еще подробнѣе въ особомъ сочиненіи современника (См. въ Ник. Лѣт. т. IV, стр. 285 и слѣд): *Повѣсть древняя о житіи Великаго Князя Мих. Алекс.*). Это сочиненіе украшено всѣми цвѣтами тогдашняго краснорѣчія.

наго. Собравъ Духовенство и нищихъ, онъ далъ имъ великолѣпный обѣдъ; съ трудомъ сидѣлъ за столомъ съ ними, но выпилъ прощальную чашу, и подалъ каждому гостю изъ своихъ рукъ по чарѣ, говоря: «Простите и благословите!» Всѣ плакали, лобызая изнемогающаго Князя. Онъ простился потомъ съ дѣтьми, Боярами, домочадцами, уговаривалъ всѣхъ на миръ и доброе житіе, и пошелъ въ соборную Спасскую церковь. Тамъ со слезами молился онъ, кланялся гробамъ родителей, и велѣлъ копать себѣ подлѣ нихъ могилу. Народъ толпами собрался вокругъ церкви. Блѣдный, изнуренный, Михаилъ вышелъ, сталъ на крыльцѣ церковномъ, и громогласно произносилъ, кланяясь на всѣ стороны: «Братія! простите и благословите!» Слезы и рыданія народа смѣшивались съ словами: «Богъ проститъ, Богъ проститъ тебя, добрый Князь и Господинъ нашъ!» Ожидали, что Михаилъ возвратится во дворецъ; но, не имѣя уже силъ говорить, онъ указывалъ рукою на обитель Св. Аѳанасія. Туда повели его. Михаилъ велѣлъ постричь себя, болѣлъ еще семь дней, и скончался подъ именемъ инока Матѳія, Августа 26 д. 1399 г. — Дѣти не соблюли завѣта Михаилова: Іоаннъ выпросилъ въ Ордѣ грамату на все отцовское наслѣдіе, обижалъ братьевъ своихъ, гналъ ихъ. Василій Димитріевичъ старал-

ся миришь Тверскихъ Князей, но безуспѣшно (235).

Вынужденный миръ Василія съ Новгородомъ не былъ поддерживаемъ, ни съ шой, ни съ другой стороны. Не дерзая на предпріятіе большое, Василій безпрерывно пришѣснялъ Новгородъ во всемъ. Въ 1401 г. въ Москвѣ задержали и заключили въ Чудовъ монастырь Владыку Новгородскаго. Три года и чешыре мѣсяца онъ шерпѣлъ *нужду темничную*. Между шѣмъ Василій захватилъ двухъ знашныхъ Торжковцевъ. Войско его опять вошло въ Заволочье. Къ нему присталъ удалецъ Анфалъ, бѣжавшій въ 1398 г., и разбойничавшій по Волгѣ и на Сѣверѣ, съ братомъ Герасимомъ, который сбросилъ съ себя клобукъ монаха, насильно на него надѣтый, и мстилъ своей отчизнѣ грабежемъ. Новгородцы отбились. Анфалъ грабилъ послѣ того по Волгѣ и Камѣ, имѣя до 250 лодокъ; онъ едва не погибъ отъ Монголовъ, и былъ убитъ на Вяткѣ другимъ Новгородскимъ удальцомъ, Разсохинымъ, вольно разъѣзжавшимъ повсюду. Разсохинъ въ 1417 г. ходилъ отъ Великаго Князя, съ его дружиною и своею ватагою, грабить Заволочье. Новгородцы разбили удальца, и преслѣдуя его въ бѣгствѣ,

(235) Ист. Г. Р. т. V, прим. 186, 213.

снова выжгли Устюгъ. Такъ мирился и ссорился Василій съ Новгородомъ (236). Витовтъ стоялъ, то за Москву, то за Новгородъ. Бѣглецы изъ Литвы и Москвы жили безопасно у Новгородцевъ. Недовольные Вѣчемъ Новгородцы искали взаимно покровительства у Великаго Князя. Ненависть между Новгородомъ и Москвою увеличивалась безпрерывно. «Чему дивиться, если Новгородцы то и дѣло клятвопреступствуютъ?» говорили Москвичи. «Издавна, они народъ суровый, непокорный, упрямчивый, непоставный; сегодня праваютъ, а завтра *рагозятся*. Кого изъ Князей они не прогнѣвали? Который изъ Князей угодилъ имъ? Даже и великій Александръ Ярославичъ не могъ имъ унаровить! Если хочешь испытать дѣянія, разогни книгу: *Великій Лѣтописецъ Русскій*, и прочти отъ Великаго Ярослава до нынѣшняго Князя (237).» . . . Описывая казнь убійцъ Максима Торжковца (1393 г.), Московскій Лѣтописецъ хладнокровно сказываетъ: «Повелѣніемъ Князя Великаго казнили ихъ (*семьдесятъ* человѣкъ!) казнью различною: инымъ отсѣкали руки, инымъ ноги.» Но убіеніе Максима разгорячаетъ описателя: «Въ самый Великъ день» — говоритъ

(236) Новг. Лѣт. — Ист. Г. Р. т. V, прим. 194.

(237) *Троицк. Лѣт.* (Карамзинъ, V, прим. 148).

онъ — «сошлись нѣкіе отъ Новгородцевъ, *вѣчники*, крамольники, человѣки суровые, люди свирѣпые, и убили Максима, мужа благовѣрнаго» — *доброхота Великокняжескаго* — сказываетъ Новгородецъ, и тѣмъ объясняетъ *благовѣріе* Максима (238). Описывая набѣгъ Новгородцевъ на Устюгъ, Лѣтописецъ увѣряетъ, что Новгородцы будто-бы почитали икону Одигитріи, взятую изъ Устюжскаго собора *плѣнницею*. Лодка, на которой повезли ее, не могла отчалить отъ берега. Старикъ Новгородецъ, Ляпунъ, вскочилъ въ лодку, и сказавъ: «Никакой плѣнникъ несвязанный не пойдетъ въ чужую землю!» связалъ образъ платкомъ. Но едва пошли Новгородцы, какъ начало имъ корчить руки и ноги, ломать спины, наконецъ всѣ они ослѣпли, и выздоровѣли только обратившии икону въ Устюгъ (239). Подобныя черты любопытны: они показываютъ отношенія другихъ Руссовъ къ Новгороду.

Василій безпрерывно болѣе ободрялся и становился смѣлѣе. Наконецъ, онъ дерзнулъ противиться — даже Витовту! Началось за Псковъ. Въ 1406 г. Витовтъ нечаянно напалъ на Псковитянъ, пославъ въ Новгородъ договорныя гра-

---

(238) Троицк. Лѣт. (Кар. V, прим. 148) — Стр. Лѣт. I, 403.

(239) Арханг. Лѣт. стр. 99.

машы. Онъ взялъ городъ Коложе, стоялъ два дня подъ Вороночемъ, грабилъ, жегъ, и ушелъ во свояси. Не смотря на размирье съ Нѣмцами, Псковичи раззорили въ отмщеніе Литовскую область, но молили Василія пособить имъ *въ тошное время*. Василій вступился, послалъ брата Константина во Псковъ, требовалъ отъ Витовта удовлетворенія, не получилъ его, и отправилъ войско. Ожидали важныхъ слѣдствій; но тесть и зять хотѣли только перелукавить другъ друга, а не воевать. Въ Маѣ, Москвичи безуспѣшно ходили къ Серпейску, Козельску и Вязьмѣ; Константинъ впадалъ въ Полоцкую область; самъ Василій повелъ войско, встрѣтилъ Витовта, и остановился. Заговорили о мирѣ, заключили перемиріе, и продолжали набѣги (240). Въ 1408 г. выѣхалъ въ Москву Князь Литовскій Свидригелло Олгердовичъ, со множествомъ другихъ Князей, Бояръ, Епископомъ Черниговскимъ Ісаакіемъ и дружиною. Василій такъ обрадовался Свидригеллу, что отдалъ ему въ удѣлъ Переяславль, Юрьевъ, Коломну, Ржевъ и другіе города. Можетъ быть, онъ надѣялся, что Литовскій бѣглецъ будетъ важ-

---

(240) Пск. Лѣт. (Кар. V, прим. 197). Въ *Ист. Гос. Росс.* сказано, что въ пособіе Василію приходили и Монголы (V, прим. 198); это невѣроятное извѣстіе взято изъ *Ник. Лѣт.*

нымъ пособіемъ въ дѣлахъ прошивъ Вишовша (241). Руские выступили тогда еще разъ въ походъ прошивъ Литвы. Вишовтъ ждалъ ихъ, хотѣлъ мира, и поступилъ умѣренно: не требовалъ ничего отъ Василія, и утвердилъ границею рѣку Угру, такъ притомъ, что города Любутскъ, Перемышль и Козельскъ поступили во власть Руси, и были присовокуплены къ удѣлу Владиміра Андреевича. Свидригелло остался въ Руси, и скоро показалъ, что недостоинъ былъ ласки, оказанной ему Василіемъ (242).

Не отъ того-ли Вишовтъ былъ такъ снисходителенъ, Василій такъ смѣлъ, что Литовскій Князь опасался Эдигея, однажды испытавъ умъ и силу сего стараго Хана? Слыша о силь-

(241) Съ Свидригелломъ выѣхали: Князь Патрикій Наримантовичъ и Александръ Звенигородскіе, Өеодоръ Путивльскій, Симеонъ Перемышльскій, Михаилъ Хотетовскій, Урустай Минскій, Бояре сихъ Князей, и Бояре Любутскіе, Стародубскіе, и другіе (*Тип. Лѣт.* стр. 229).

(242) Рѣка *Угра*, важная съ сего времени въ дѣлахъ съ Литвою, начинается въ Смоленской Губ., близь Ельни, течетъ на С. В., потомъ на Ю. В., составляетъ часть границы между Калужскою и Смоленскою губерніями, и впадаетъ въ Оку, 11 верстъ выше Калуги. О Перемышлѣ, Любутскѣ и Козельскѣ, Владиміръ говоритъ, въ своей духовной.

номъ вооруженіи Ордынцевъ, Василій не безпокоился: Эдигей увѣдомлялъ его, что идешъ на Литву. Витовту грозила между тѣмъ война съ Крестоносцами. Если въ самомъ дѣлѣ Василій вѣрилъ Эдигею, то онъ вскорѣ испыталъ пагубное вѣроломство Монголовъ. Неожиданно, зимою 1408 года, сильныя полчища Эдигея вдругъ устремились прямо на Москву, такъ, что Василій не успѣлъ ни встрѣтить ихъ, ни приготовиться къ отпору. Спѣшили только ввести дружины въ Кремль. Владиміръ Андреевичъ затворился на *осадное сидѣнье*, съ братьями Василія, Андреемъ и Петромъ. Посадъ Московскій зажгли; нѣсколько тысячь деревянныхъ домовъ выгорѣло; жители сбѣжались въ Кремль. Василій отправился въ сѣверныя области собирать войско. Эдигей примчался съ войсками въ концѣ Ноября. Монголы его разсыпались повсюду, и безпрепятственно выжгли и разграбили Переяславль, Дмитровъ, Юрьевъ, Ростовъ, Серпуховъ, Верею, Нижній Новгородъ, Городецъ; не брали кремлей въ сихъ городахъ, но успѣли захватить множество плѣнныхъ и добычи. Между тѣмъ Эдигей нетерпѣливо ждалъ Тверскаго Князя, недавно получившаго отъ него грамату на Тверское княжество. Іоаннъ обѣщалъ явиться подъ Москву съ осадными орудіями, пушками, тюфяками, самострѣлами, но только выгадывалъ время, зная, что Мон-

голы медлить не будуть, и что въ противномъ случаѣ на нихъ могуть собраться и ударить отвсюду. «Такимъ коварствомъ,» говорить современникъ, «перемудровалъ онъ всѣхъ, не раздражилъ Эдигея, не сгрубилъ и Великому Князю, гнѣва обоихъ избѣжалъ, поступилъ *уменски*, а еще болѣе *истински* (243).» Эдигей стоялъ около трехъ недѣль подъ Москвою, не шелъ на приступъ, и, къ изумленію Владиміра, вдругъ началъ просить окупа, располагаясь отступить. Съ радостью согласились на предложеніе, дали 3,000 рублей; Эдигей послалъ впередъ добычу, и 21 Декабря отступилъ отъ Москвы, и пошелъ обратно. Тогда еще не вѣдали причины: Эдигей хотѣлъ показать Василію силу Орды, но онъ собралъ для сего всѣ средства, до того, что въ его отсутствіе въ Ордѣ едва было не захватили Хана непріятели, пришедшіе съ вооруженными толпами (244). Василій возвратился въ Москву, увѣренный горестнымъ опытомъ, что Орды не должно еще пренебрегать, и что не льзя полагаться на хвастливыхъ чужеземцевъ. Сколь умно и благородно поступилъ Тверской Князь, столь

---

(243) Троицк. Лѣт. (Ист. Г. Р. V, прим. 207). Нашествіемъ Эдигея оканчивалась сія погибшая Лѣтопись.

(244) См. прим. 250.

робко и низко Свидригелло: онъ трусливо укрылся отъ Монголовъ, и поспѣшилъ воротиться въ Литву. Радуясь спасенію Москвы, Рускіе жалѣли о раззореніи областей. «Избавили насъ Господь, Пречистая его Матерь и Чудотворецъ Петръ, коего праздникъ наступилъ вскорѣ, избавили отъ великія печали,» говоритъ современникъ, «но зла учинилось всему Христіанству много, грѣхъ ради нашихъ, ибо вся земля была плѣнена, и не осталось мѣста, гдѣ не были-бы Татары; а гдѣ они были, тамъ былъ убытокъ великій: все взято, пожжено, посѣчено, и въ плѣнъ уведено.» Описывая жаркія молитвы и обѣты о спасеніи, другой прибавляетъ, что тогда богатые обѣщали наградить бѣдныхъ, сильные не притѣснять слабыхъ, судьи быть правосудными, но «солгали предъ Богомъ: прошла бѣда, и всѣ забыли свои обѣщанія» (245).

Испытавъ неожиданный ужасъ нашествія, не легче Тохтамышева, Василій получилъ хвастливую грамату Эдигея.

« Отъ Эдигея поклонъ Василью, да и много поклоновъ » — писалъ Ханъ. « Вотъ тебѣ нашъ

(245) Стр. Лѣт. I, 440. — Троицк. Лѣт. (Ист. Г. Р. V, прим. 208).

Царскій ярлыкъ и слово: посылалъ меня къ тебѣ Царь, по общей нашей думѣ. Слышали мы, что у тебя укрываются Тохтамышевы дѣти, и для того приходили мы на тебя ратью. Да еще слышали мы, что у тебя не право дѣлается: Послы и гости изъ Орды къ вамъ пріѣзжаютъ, а вы Пословъ и гостей на смѣхъ поднимаете, да еще великія обиды и истомы имъ чините. Все это не добро. Прежде улусъ вашъ страхъ къ Царю держалъ, пошлину платилъ, Пословъ чтилъ, гостей принималъ безъ истомы и безъ обиды. Спроси у стариковъ, какъ прежде бывало. А ты нынѣ такъ не дѣешь, стариковъ не спрашиваешь, и, скажи, хорошо-ли поступаешь? Былъ Царь Темиръ-Кутлукъ—ты въ Ордѣ не бывалъ, Царскихъ его очей не видалъ, Князей и Бояръ, ни старыхъ, ни молодыхъ, ни сына, ни брата не присылалъ. Насталъ Царь Шадибегъ, и у того ты не бывалъ, и никого, ни съ какимъ словомъ не присылалъ. Минуло царство Шадибега; Булатъ-Султанъ сѣлъ на царство, и уже третій годъ царствуетъ—ты самъ не бывалъ, сына, брата, Боярина не присылалъ. Но надъ твоимъ улусомъ вѣдь ты Великій Князь: отъ тебя все зло, вся гордость, и всѣ твои дѣла недобры и неправы. Добрые нравы, добрая дума, добрыя дѣла были у тебя при Ѳедорѣ Кошкѣ. Вотъ добрый былъ человѣкъ, и объ Ордѣ

тебѣ напоминалъ. (246). Теперь у тебя сынъ его Иванъ, казначей твой, любовникъ и старѣйшина; изъ его думы, изъ его слова ты не выступаешъ. И вотъ тебѣ его думою учинилась улусу твоему пакость и люди погибли. Не дѣлай такъ, не слушай молодыхъ, и если хочешь сидѣть на улусѣ своемъ, думай съ старыми Боярами и Земскими старцами думу добрую, ведущую на добро. Пришли къ намъ *старые оброки*, какъ при Царѣ Чанибегѣ, дабы твоему улусу *шкоты* не было, и людямъ было добро, и не гибли-бы они и держава твоя до конца, за твою гордость. Захочешь *освоиваться*, будешь работать, да бѣгать. Не худо-бы тебѣ безъ этого прожить, и безбѣдно въ своемъ улусѣ, но видишь самъ — нельзя. Когда кто тебя изъ Русскихъ Князей, или Литва, обижаетъ, сколько отъ тебя жалобъ! Пишешь, просишь обороны — покоя нѣтъ отъ твоихъ жалобъ, и все говоришь, что улусъ твой истомился, выхода взять не на комъ. Мы вѣрили слуху, не видавъ сами твоего улуса; открылось, что все ты лгалъ, что ни говорилъ въ граматахъ своихъ, посыланныхъ въ Орду. Вотъ сбиралъ ты у себя съ двухъ сохъ по рублю подати, а куда дѣвалъ ты это серебро? Будь-бы оно отдано Царю по старинѣ, улусу тво-

---

(246) Слич. прим. 197 и 25.

ему зла не было-бы, люди твои не погибли-бы, и ярости и брани нашей ты не испыталъ-бы (247).»

Едва-ли могъ Эдигей подтвердить на дѣлѣ самохвальное величіе, какое изъявлялъ онъ въ письмѣ своемъ. Успѣхъ нашествія его можно приписать всего болѣе скрытности приготовленій Монгольскихъ, и неосторожности, безпечности Рускихъ. Это могъ понимать Василій; но трудно было соблюсти хладнокровіе, видя дымящіяся пепелища столькихъ городовъ, слыша плачъ и рыданіе людей, осиротѣвшихъ отъ меча Ордынскаго. Витовтъ, врагъ Орды, могъ сдѣлаться и другомъ ея. При томъ битва Задонская, и еще давно-ли битва на Ворсклѣ, доказали ненадежность успѣха въ противоборствѣ Монголамъ. Письмо Эдигея поясняетъ политику, какую до того времени Василій наблюдалъ съ Ордою. Изъявленіемъ покорности Тохтамышу безпрепятственно получивъ Великое Княжество, и умноживъ его Суздалемъ, онъ неустрашимо ждалъ нашествія Тимурова, радовался борьбѣ сего гибельнаго завоевателя съ Ордою, и послѣ него думалъ отдѣлаться отъ Эдигея и Темиръ-Кутлука мнимою покорностью и ласкатель-

---

(247) Письмо Эдигея въ *Собр. Гос. граматъ*, т. II, N 15.

ствомъ. Темиръ-Кутлукъ скончался, вскорѣ послѣ битвы на Ворсклѣ. Сынъ его, зять Эдигея, Шадибегъ сѣлъ на ханство Золотой Орды. Тогда еще разъ являлся на Волгу Тохтамышъ, вывелъ помощниковъ изъ Сибирскаго отродія Монголовъ, и погибъ наконецъ, сражаясь за свое право (248). Оставались дѣти его, скрывавшіеся въ Крыму, Литвѣ, и даже въ Руси. Непримиримая вражда къ Эдигею и роду его пережила въ нихъ Тохтамыша. Шадибегъ умеръ, или убитъ, почти въ одно время съ Тохтамышемъ. Сынъ его Булатъ-Султанъ воцарился въ Ордѣ. Но когда Эдигей раззорялъ Москву, дѣти Тохтамыша едва было не погубили Булата. Въ 1410 году Эдигей жестоко раззорялъ Крымскіе ихъ улусы. Булату соцарствовалъ еще одинъ Ханъ, Тимуръ-Агленъ, владѣтель Астрахани. Витовтъ снова подкрѣпилъ въ это время дѣтей Тохтамыша, и въ 1412 году, старшій изъ нихъ, Зелени-Султанъ утвердился на тронѣ Золотой Орды, ибо Литовцы съ одной, дѣти Тохтамыша съ другой стороны успѣли стѣснить Эдигея при Черноморскихъ берегахъ. Но сѣдой воинъ, отказавшись отъ властвованія Золотою Ордою, упорно защищалъ самого себя. Въ 1416 году онъ силь-

---

(248). Лерберга, *Изслѣдованія*, стр. 57 и слѣд. Тохтамышъ былъ убитъ въ 1407 году.

но впалъ въ *Литву*, взялъ Кіевъ, ограбилъ, сжегъ его, и предлагалъ миръ Витовту своимъ особеннымъ, восточнымъ образомъ выраженія (249). Исторія Орды до кончины Василія Димитріевича представляетъ смѣшеніе безпрерывныхъ воцареній и паденій Ханскихъ. Эдигей вызвалъ въ Золотую Орду Бухарскаго Князя Зебра; Витовтъ держался дѣтей Тохтамыша. Дѣти Зелени-Султана, и новый искатель Баракъ, внукъ Уруса, кочевавшій близъ Азова, также вступились въ дѣло. Все это сражалось между собою мечемъ и измѣною. Въ 1426 г. утвердился наконецъ сынъ Барака, *Улу-Махметъ* (большой Махметъ), изгнавъ малолѣтнаго внука Шадибегова *Кичи-Махмета* (малаго Махмета). Ни Эдигей, ни другіе соперники не могли вырвать у него власти надъ Ордою (250).

---

(249) Онъ прислалъ къ Витовту трехъ верблюдовъ, покрытыхъ краснымъ сукномъ, и 27-мь коней, приказавъ сказать ему: « Князь славный! въ трудахъ и славѣ настала наша старость. Помиримся на остатокъ нашего вѣка. Кровь, пролитая нами въ битвахъ, уже высохла; бранныя слова наши развѣяны уже вѣтрами; злоба наша сгорѣла въ пламени войны. » *Длугошъ*, книга XI.

(250) Шадибегъ погибъ почти въ одно время съ Тохтамышемъ. Дѣти его были: *Булатъ Султанъ* (по Френу, *Пуладъ-Ханъ*), *Тимуръ* и *Гайядъ Эддинъ*.

Не смотря на всѣ сіи волненія и бѣдствія Орды, Василій, послѣ нашествія Эдигея, уже

Тимуръ-Агленъ былъ братъ Шадибега, по раздѣлу получившій Астрахань; онъ сдѣлался *родоначальникомъ Астраханскихъ Хановъ.* Дѣтей у Тохтамыша было восемь: *Зелени Султанъ* (по Френу *Джелалъ-Эддинъ Ханъ),* воцарившійся въ Ордѣ съ 1412 г. — Другой братъ его, *Керимъ-Бердей,* убилъ Зелени-Султана въ слѣд. году, и тогда же погибъ, сражаясь съ третьимъ братомъ, *Джиббаръ-Бердеемъ,* также убитымъ въ сіе время. Четвертый братъ, *Кебакъ,* заступилъ ихъ мѣсто и вскорѣ погибъ. Пятый, *Бердибекъ,* убитъ въ Тавридѣ, гдѣ рѣзались потомъ дѣти Зелени-Султана: *Бетсабулъ, Керимбердей, Яремфердей.* Сей послѣдній, при помощи Витовта, побѣдилъ всѣхъ братьевъ, и былъ *родоначальникомъ Крымскихъ Гиреевъ,* или *Хановъ* (см. далѣе). Шестой сынъ Тохтамыша, *Кадыръ-Бердей*, убитъ, сражаясь противъ вызваннаго Эдигеемъ изъ Бухаріи *Зебра* (или *Черкега*). Но седьмой сынъ, *Махмутъ* (по Ланглесу *Сеидъ-Ахматъ,* или *Улу-Магмедъ*), побѣдилъ Зегра, Эдигея и дѣтей его, изъ коихъ *Гайядъ-Эддинъ* (Куйдадатъ), *Хази-Нурузъ* и *Мансуръ* бѣжали въ Русь. Бывъ прогнанъ въ 1422 году *Баракомъ,* сыномъ Корійчака, Улу-Махмутъ побѣдилъ его потомъ и умертвилъ. Зебръ разбилъ и зарѣзалъ наконецъ Махмута, но самъ былъ умерщвленъ подвластными за свое тиранство. Тогда сынъ Барака; Улу-Махметъ утвердился въ Ордѣ. Его прогнали было Куйдадатъ, Нурузъ и Мансуръ. Но Куйдадатъ вскорѣ умеръ. Астраханскій Ханъ Седи-Ахметъ, сынъ Тимуръ-Аглена,

снова былъ данникомъ Ордынскимъ, предпочитая унизительную безопасность невѣрной борьбѣ. Въ 1412 году онъ даже самъ поѣхалъ въ Орду, кланяться Зелени-Султану, нашелъ сего сына Тохтамышева убитымъ, билъ челомъ брату его и убійцѣ Керимъ-Бердею, и уговорилъ сего Хана не помогать потомкамъ Суздальскихъ Князей, которые въ 1410 г. получили было помощь Монголовъ, и нападали на Нижній Новгородъ и Владиміръ (251). Другіе Русскіе Князья слѣдовали примѣру Василія. Впрочемъ, сынъ Олега Рязанскаго былъ въ Ордѣ еще въ 1409 г., а Іоаннъ Тверской хотѣлъ даже изгнать братьевъ посредствомъ Ханской грамaты въ 1401 году, и Эдигей считалъ его другомъ и союзникомъ (какъ мы видѣли). Вѣроятно: покорность Ордѣ не была въ это время столь тягостна, а поѣздки въ Орды столь унизительны,

---

пришелъ тогда въ Орду, и имъ возведенъ былъ на царство малолѣтный сынъ втораго Шадибегова сына Тимура, *Кичи-Махметъ*. Въ 1426 году, Улу-Махметъ снова овладѣлъ Ордою, и враги его укрылись въ Астрахани (см. Изслѣдованія Г-на Буткова).

(251) *Типогр. Лѣт.* стр. 233.—*Ник. Лѣт.* украсилъ это по своему; изъ него взялъ подробности Карамзинъ (т. V, прим. 211). Татаръ и Рускихъ всего было 300 человѣкъ; но они внезапно захватили Владиміръ, ограбили церкви и зажгли городъ.

какъ прежде. То и другое можно было почесть скорѣе осторожною уклончивостью. Орда уже оцѣняла силу Руси, и не имѣла ни времени, ни средствъ на большія предпріятія. Разные Ханы набѣгали однакожъ на Русскія области отвсюду: въ 1415 г. Монголы жгли и грабили Елецкія и Рязанскія земли. Ханъ Баракъ приходилъ въ 1422 г. на Одоевъ; Ханъ Куйдадатъ былъ тамъ въ 1423 г., и оба ушли поспѣшно, разбитые соединенными Литовскими и Русскими дружинами (252).

Слѣдственно, Литва и Русь были друзьями? Почти такими-же, какъ Орда и Москва. Обезопасивъ себя отъ Орды и стараго Эдигея мнимою покорностью, Василій безопасилъ Москву и Русь отъ Литвы и стараго Витовта мнимою дружбою. Впрочемъ, старѣя, Витовтъ утомлялся дикою буйностью набѣговъ и походовъ, образовывалъ Литву по обычаямъ Польши, хотѣлъ не завоеваній, не побѣдъ, но—довольный обширною Литвою—прочности владычества и политической независимости; еще болѣе хотѣлъ онъ теперь чести и славы. Витовтъ помышлялъ о совершенномъ отторженіи Литвы отъ Польши, и введеніи ея въ кругъ Европейскихъ Государствъ, подъ именемъ *Королевства*. Все это

(252) Типографскій и Строевск. лѣт.

увлекало его въ дѣла Запада: Польши, гдѣ слабый Ягелло слушался его воли; Нѣмецкихъ Рыцарей, гдѣ мужественный Генрихъ фонъ-Плауэнъ противился ему мечемъ и хитростью; Богеміи и Германіи, гдѣ споры за вѣру и война Гусситовъ обращали на Витовта сильное вниманіе Императора и Папы (253).

Политика Витовта простиралась однакожъ по прежнему на Русь и на Орду. Онъ не упускалъ случая вредить имъ, съ пользою себѣ, и уклоняться отъ вражды, когда находилъ выгоды. Въ 1412 г. Витовтъ едва не началъ воевать Новгородъ, опять за то, что Новгородцы не захотѣли по волѣ его нарушить мира съ Нѣмцами. Въ 1422 году, воюя Нѣмецкихъ Крестоносцевъ, Витовтъ имѣлъ у себя дружины Московскія и Тверскія (254).

Замѣчательнѣйшее дѣло Витовта по управленію Духовному, было совершено имъ въ 1415

---

(253) Констанскій Соборъ, осудившій Гусса, собрался въ 1415 г.—Въ 1419 г. свирѣпый Зиска овладѣлъ уже Прагою, и ничтожный тиранъ Венцеславъ умеръ отъ страха.

(254) См. примѣч. 273.—Ист. Г. Р. т. V, прим. 216. Въ Кенигсбергскомъ Архивѣ находятся письма Великаго Магистра Нѣмецкаго о союзѣ Витовта съ Рускими.

году. Совсѣмъ не раздѣляя ревности Ягелла, Витовтъ былъ Католикомъ довольно равнодушнымъ, и даже въ 1414-мъ году позволялъ еще въ Литвѣ идолослуженіе. Ягелло самъ пріѣзжалъ тогда истреблять язычниковъ въ Самогиціи. Еще менѣе раздѣлялъ Витовтъ ревность Папы и Ягелла, въ отношеніи христіанъ Греческаго исповѣданія. Въ областяхъ Ягелла запрещены были даже браки между Католиками и Православными; сихъ послѣднихъ не велѣно было опредѣлять ни въ какія должности. Витовтъ позволялъ всякому жениться на комъ угодно, и равно употреблялъ людей на дѣло, не спрашивая ихъ о вѣрѣ. Еще страннѣе было видѣть Митрополита Русскаго, живущаго въ Москвѣ, но управляющаго Духовенствомъ въ областяхъ Литовскихъ. Кромѣ сильной власти надъ умами, опасной правительству, Митрополитъ обладалъ обширными помѣстьями; доходы съ нихъ, и сборы церковные со всей Литвы, шли въ *Московскую* Митрополичью казну. Но пока живъ былъ Кипріанъ, дѣла не перемѣнялись. Онъ умѣлъ угождать Витовту, и уговоривъ Василія на подтвержденіе древняго Владимірова и Ярославова суда (255), Кипріанъ оставался на-

---

(255) Василій подтвердилъ древній Уставъ Владиміра о *Церковныхъ судѣхъ* (Ист. Г. Р. т. V, прим.

чальникомъ Литовскаго православнаго Духовенства до самой смерти (1406 г.) После трехъ-летняго медленія, прислали изъ Царяграда въ Москву новаго Митрополита, Грека Фотія. Онъ не имелъ ума изворотливаго, подобно Кипріану, былъ прямымъ, горячимъ поборникомъ Церкви, ссорился въ Москве за церковныя именія (256), не ехалъ въ Кіевъ, и вдругъ услышалъ о доносе на него всехъ Литовскихъ Епископовъ Витовту. Въ 1414 г. Епископы Чернигова, Полоцка, Луцка, Владиміра, Галича, Смоленска, Холма, Червени и Турова, представили Витовту о небреженіи Фотія къ паствe, о сборе доходовъ въ чужую землю, о томъ, что Фотій только грабитъ ихъ и своевольствуетъ, даже увозитъ изъ Литвы въ Москву церковныя утвари. Ви-

---

233). Карамзинъ напрасно отвергалъ сіе подтвержденіе, которому верили современники и потомки. Мы будемъ говорить объ этомъ впоследствіи подробнее. При гробе Кипріана читали его духовную, «*Грамату не знаему и страннолепну, яко прощальную.*» Она привела въ слезы всехъ присутствовавшихъ, и съ того времени установили: читать ее при гробе каждаго умершаго Митрополита (смотр. ее въ *Типогр. Лет.* стр. 222). — Кипріанъ ввелъ въ Руси летосчисленіе съ Сентября месяца (Ист. Г. Р. т. V, прим. 246).

(256) См. въ его Духовной (*Собр. Гос. граматъ*, т. II, N 17).

товтъ согласился съ обвиненіемъ, отнялъ всѣ помѣстья Фотія, и велѣлъ избрать въ Литвѣ новаго Митрополита Кіеву, Литвѣ и Волыни. Епископы отреклись, говоря, что не имѣютъ на то власти. Витовтъ отправилъ въ Царьградъ избраннаго имъ монаха Григорія; просилъ Греческаго Патріарха удостоить сего избранника саномъ Митрополита; препроводилъ и доносъ Епископовъ на Фотія. Испуганный Фотій ѣхалъ уже въ Литву; но его не пустили ни туда, ни въ Царьградъ, когда онъ рѣшился въ Греціи предупредить умыслы; даже ограбили его дорогою. Фотій надѣялся однакожъ, что въ Царьградѣ Императоръ и Патріархъ не выдадутъ его. Въ самомъ дѣлѣ Григорію отказали, говоря, что Фотій есть *Митрополитъ Литвы и Руси*. Но Фотій и Греки скоро раскаялись въ своемъ поступкѣ. Витовтъ собралъ Соборъ Епископовъ и Духовенства въ Вильнѣ. Утверждаясь на правилахъ Св. Апостоловъ, на избраніи Митрополита Климента при Изяславѣ, утверждая, что мздоимство Царяградскихъ Грековъ производитъ раздоры и соблазны, клянясь, что избраніемъ Митрополита не отвергаются отъ Православія и отъ покорности Вселенскимъ Патріархамъ, собранные на Виленскомъ Соборѣ духовные люди избрали инока Григорія въ Митрополита Кіевскаго и Волынскаго. Сей святитель отличался умомъ, ученостію, кро-

тостью и православіемъ. Но Фотій и Русское Духовенство страшно проклинали его; обвиняли Витовта въ разъединеніи Церкви «самочинно, мучительски, самозаконно, по своему хотѣнію;» называли Епископовъ, избравшихъ Григорія, «плотоугодниками, мірскими прислужниками, гнусными рабами, поставившими мерзкаго еретика, и въ священную одежду одѣвшими непотребнаго.» Громы Фотія всего болѣе устремлялись на самого Григорія. «По Божественнымъ и Священнымъ Законамъ»—писалъ Фотій — «онъ изверженъ, проклятъ и отлученъ. Осуждаемъ Епископовъ его соборища непотребнаго, священниковъ, всѣхъ, кто пріобщается Григорію, или благословеніе его пріемлетъ; мірской человѣкъ, священникамъ отъ Григорія поставленнымъ, или ему самому покорный, да будетъ изверженъ и проклятъ. Молимъ Православныхъ не сходиться съ ними ни въ какомъ дѣйствіи, ни въ пищѣ, ни въ питіи, ни въ дружбѣ, ни въ обѣтахъ, ни въ мирѣ, ни въ любви» (257). Но все было тщетно.

---

(257) Избирательная грамата Григорія Цамблака, въ *Ник. Лѣт.* V, 59. — Слич. въ *Слов. Дух. писателей,* т. I, стр. 97 и слѣд. О граматахъ Фотія, см. Ист. Г. Р. V, прим. 241, Типогр. Лѣт. стр. 242, Стр. Лѣт. I, 450.

Между тѣмъ, среди всѣхъ столь различныхъ событій, однимъ изъ важнѣйшихъ попеченій Василія была забота объ устройствѣ наслѣдства. Онъ имѣлъ сына, Іоанна, и хотѣлъ ему утвердить Великое Княжество. Іоаннъ умеръ въ 1417 году. Тѣмъ сильнѣе хотѣлъ Василій передать тронъ Великокняжескій другому сыну, Василью, родившемуся въ 1415 году. Рожденіе сего замѣчательнаго Князя было ознаменовано чудомъ, по сказаніямъ современниковъ; по другимъ извѣстіямъ, Василій долго подозрѣвалъ Софію въ невѣрности; но онъ забылъ всѣ подозрѣнія, стараясь о будущей участи сего единственнаго своего сына. Мы имѣемъ Духовную Василія, писанную въ 1406 году, неизвѣстно по какому случаю. Онъ отдаетъ въ ней Іоанну Великое Княжество, но не смѣетъ говорить утвердительно. Исчисляя частный удѣлъ свой, Василій упоминаетъ о трети Москвы и Коломнѣ. Далѣе: « *А дастъ Богъ сыну моему Князю Ивану Княженіе Великое держать* (слѣдуетъ исчисленіе того, что тогда получаетъ мать его) — « *А дастъ Богъ сыну моему Князю Ивану держати Новгородъ Нижній, да Муромъ* (опять исчисленіе, что выдѣлитъ тогда матери). Юному Константину Димитріевичу (ему было тогда 17 лѣтъ) Василій придавалъ къ удѣлу Устюжну и Тошню. Онъ поручалъ сына дядѣ Владиміру, и братьямъ Андрею и Петру, говоря: «О своемъ

сынѣ, и о своей Княгинѣ покладаю на Бога, и на своего дядю Князя Владиміра Андреевича, и на свою братью, Князя Андрея Димитріевича и Князя Петра Димитріевича, по докончанію, какъ имутъ печаловатися.» Договоры этого *докончанія* уцѣлѣли. Они заключены были за годъ до того. Андрей и Петръ поклялись, по уговору матери и Митрополита Кипріана: «Чѣмъ благословилъ тебя отецъ нашъ, Князь Великій въ Москвѣ, и Коломною съ волостьми, *и всѣмъ Великимъ Княжествомъ*, *или что еси примыслилъ*, и того намъ подъ тобою блюсти, и не обидѣти, *и подъ твоими дѣтьми также нашимъ дѣтямъ*. А по грѣхамъ, Господине, Богъ отведетъ, по нашимъ, тебя, а намъ Господине, того всего также подъ твоею Княгинею, и подъ твоими дѣтьми блюсти и не обидити, и быть съ ними за одинъ.» — Владиміръ, получивъ тогда Угличъ и Козельскъ въ обмѣнъ Волока и Ржева, и однажды навсегда уступивъ право наслѣдства, клялся, что «если отыметъ Богъ Великаго Князя, онъ будетъ имѣть сына его *въ его мѣсто*, обязуясь ему и дѣтямъ его, Великое Княжество, какъ было за Димитріемъ, блюсти, и не обидѣть, не вступаться, печаловаться и боронить» (258). Видимъ

(258) О чудесахъ при рожденіи Василія Васильевича, см. *Тип. Лѣт.* стр. 237. О подозрѣніи отца

обстоятельство замѣчательное: имя *втораго* по Василіи брата, *Юрія Дмитріевича*, владѣтеля Звенигорода, Рузы и Галича, *не упоминалось въ договорахъ*. Онъ *не обѣщалъ*: не обидѣть, блюсти, печаловать дѣтей Василія, и *не сступался* имъ Великаго Княжества. Не знаемъ: спорилъ-ли о наслѣдствѣ Юрій; но согласія его не находимъ. Важный вопросъ: Владиміръ, уступая права, и Димитрій, отдавая Великокняженіе своему сыну, передавали-ль его именно *въ родъ Василія*, или Димитрій передавалъ его сыновьямъ своимъ, а Владиміръ вообще уступалъ *роду Димитрія*? Духовная Димитрія говоритъ ясно: « А по грѣхамъ отыметъ Богъ сына моего Князя Василія, а *кто будетъ подъ тѣмъ сынъ мой*, ино тому сыну моему Княжь Васильевъ удѣлъ (259).» —

его въ невѣрности Софьи Витовтовны, см. Герберштеина, Rer. Moscov. стр. 6. Духовная Василія 1406 г. нах. въ *Собр. Гос. граматъ*, т. I, N° 39. Причина написанія оной неизвѣстна. Впрочемъ, тогда умерла мать Великаго Князя. Не она-ли, передъ смертію, уговорила Василія не спорить о наслѣдствѣ съ братьями? Тогда-же началась война съ Витовтомъ. Василій могъ опасаться послѣдствій сей войны. Договоръ съ Князьями Андреемъ и Петромъ, см. въ *Собр. Гос. граматъ*, т. I, N° 37, а съ Владиміромъ N° 38.

(259) См. выше, прим. 175.

Замѣшимъ, что въ договорѣ Владиміра съ Василіемъ, Юрій былъ названъ *равнымъ* Владиміру брашомъ, всѣ другіе брашья *младшими*, Василій спаршимъ. И шакъ Юрій *имѣлъ право на Великое Княжество.* Слабые брашья его могли усшупашь шо, что имъ вовсе не принадлежало: онъ не хошѣлъ. Бывъ всегда вѣрными союзниками Василія, брашья, кажешся, шогда разрознились душами, въ спорахъ о наслѣдсшвѣ (260). Тѣмъ болѣе могъ негодовашь Юрій, ошецъ шрехъ сыновей — Василія (прозваннаго *Косымъ*), Дмитрія (прозваннаго *Шемякою*), другаго Дмитрія (прозваннаго *Красньмъ*). И кому-же должны были усшупашь онъ и дѣши его? Дишяши, едва вышедшему изъ пеленокъ, кошораго самое рожденіе было по-

---

(260) «Имѣши ши меня, Князя Великаго, *братомъ старѣйшимъ*, а браша моего Князя Юрья *братомъ*, а брашью мою молодшую *братьею молодшею.*» Такъ и въ договорѣ съ Ѳеодоромъ Рязанскимъ, Юрій посшавленъ *отдѣльно отъ другихъ братьевъ*, наряду съ Владиміромъ *дядею* (Собр. Гос. грамашъ, сшр. 62, 65).—Юрій ѣздилъ въ Орду при всшупленіи на шронъ Василія; ходилъ пошомъ на Новгородъ въ 1393 году, на Волгу въ 1399 г. — Въ 1400 г. Юрій женился на дочери Князя Смоленскаго. Послѣ пораженія Вишовша на Ворсклѣ, Москва хошѣла укрѣпишь союзъ съ врагами его, и, конечно, не женишьбою браша, враждебнаго Великому Князю, могла укрѣпишь оный.

дозрительно! Константинъ присталъ къ Юрію, и не хотѣлъ поступиться правами наслѣдства племяннику. Василій разсердился: онъ захватилъ удѣлъ Константина, принудилъ его бѣжать въ Новгородъ, и помирился только черезъ годъ (261). Юрій умѣлъ уклониться отъ явной вражды. Можетъ быть, Василій и не считалъ нужнымъ его собственнаго согласія, даже нарочно умалчивалъ о немъ, думая, что владѣтель Звенигорода не выдержитъ борьбы, даже не осмѣлится на нее, когда противъ него будетъ все Великое Княжество, братья, Митрополитъ, и рѣшеніе Орды, купленное золотомъ. Онъ думалъ еще болѣе укрѣпить сына своего, назначивъ попечителемъ ему дѣда его Витовта (262).

Но все еще колебался Василій. Намъ остались *двѣ* духовныя его грамоты. Въ *одной* онъ отдаетъ прямо и безспорно Великое Княжество сыну, говоря: «благословляю своею вотчиною, Великимъ Княженьемъ, чѣмъ благословилъ меня отецъ мой.» Въ *другой*, отдавая собственный *удѣлъ*

---

(261) Карамзинъ порицаетъ за эту ссору Константина (т. V, стр. 214). Но справедливо-ли требовать высшихъ понятій о государственомъ благѣ отъ сего Князя? Слич. Новг. Лѣт. 1420 года.

(262) См. далѣе. Софья Витовтовна ѣздила къ отцу своему въ 1422 году (*Тип. Лѣт.* стр. 249).

свой сыну, онъ говоритъ: «А *дастъ Богъ* сыну моему Великое Княженье, ино и я благословляю сына своего, Князя Василья.» Замѣтимъ, что въ первой духовной онъ говоритъ условно о Нижнемъ Новгородѣ; напротивъ, въ другой утвердительно отдаетъ его сыну. Не хотѣлъ-ли Василій удовольствовать Юрія *Суздальскимъ Княжествомъ*, за отрѣченіе отъ Великаго (263)? При обѣихъ духовныхъ были свидѣтелями Князья Андрей и Петръ, и дѣти Владиміра; при первой свидѣтельствовалъ и Констанітинъ. Въ обѣихъ Василій «приказываетъ сына и супругу брату своему и тестю Великому Князю Витовту, обѣщавшему печаловаться о нихъ.» Обѣ духовныя утвердилъ Греческою своею подписью Митрополитъ Фотій. Но которая *писана прежде?* Не хотѣлъ-ли Василій второю духовною очистить совѣсть свою, отвратить междоусобіе, въ то время когда близился

---

(263) Духовныя Вас. Дим. въ *Собраніи Гос. грамотъ*, т. I, N° 41, 42. Въ первой изъ нихъ: «Аже ми дастъ Богъ Новгородъ Нижній, и азъ Новгородомъ Нижнимъ благословляю сына своего Князя Василья, со всѣмъ.» Замѣтимъ, что малолѣтный Іоаннъ (умершій въ 1417 году) именовался *Княземъ Нижегородскимъ* (Тип. Лѣт. стр. 241). Не хотѣлъ-ли Василій и при Іоаннѣ сдѣлать сію замѣну Москвы, если-бы Юрій заспорилъ?

къ нему часъ отчета за всю жизнь — полезную для Государства, но въ глазахъ умирающаго Христіанина, въ *судѣ* совѣсти, помраченную гибелью родныхъ братьевъ матери, дружбою съ невѣрными, преданіемъ власти надъ Кіевскою Церковью чужеземцу, безбожнику, уступкою родныхъ за корысть мірскую, и тѣмъ, что готовилось въ будущемъ? Бѣдствія естественныя особенно печалили Русь въ послѣдніе годы княженія Василіева: язва, неурожай, жестокая зима, смѣнялись ежегодно. Все это могло расположить душу Великаго Князя къ раскаянію (264).

Можетъ быть и раскаявался Василій; но вопросъ о наслѣдствѣ не былъ имъ разрѣшенъ, и приготовилъ для Русскихъ земель гибель и бѣдствія, междоусобія и злодѣйства, какими давно уже не безславили себя Князья Русскіе!

Дѣйствуя въ государственныхъ дѣлахъ, какъ политикъ съ уклончивою совѣстью, Василій былъ однакожъ отмѣнно набоженъ, сооружалъ церкви и монастыри, посылалъ богатыя милостыни въ Грецію и Палестину, и конечно не для тщеславія, и не изъ разсчетовъ. Отправилъ, съ монахомъ Ослябею, въ 1398 году, большое количество серебра къ Императору и Патріарху, слыша, что отъ осады Царяграда

(264) См. далѣе.

Турками, «Царь, Патріархъ и прочіе люди находятся въ печали великой и оскудѣніи.» Ослябя возвратился въ Москву съ *поминкомъ* отъ Царя и Патріарха, «чудною иконою, на которой написаны были Спасъ, Ангелы, Апостолы и Праведники, всѣ въ бѣлыхъ ризахъ.» Василій уговорилъ и другихъ Князей помочь Греціи. Мы упоминали о Михаилѣ Тверскомъ, которому также принесли образъ изъ Царяграда, передъ самою кончиною (265). — Замѣтимъ, что дочь Василія выдана была (1414 г.) за Греческаго Царевича, который царствовалъ впослѣдствіи подъ именемъ Іоанна Палеолога (266).

Великая Княгиня Евдокія, мать Василія, скончалась въ глубокой старости, 1407 г., принявъ санъ иноческій, съ именемъ Святой за благочестивую жизнь. Она первая изъ Русскихъ Княгинь погребена была въ Вознесенскомъ монастырѣ, который заложила въ годъ своей смерти (267). Съ тѣхъ поръ,

---

(265) *Тип. Лѣт.* стр. 210. О Михаилѣ, см. прим. 234

(266) Mem. populor. II, 1033. Анна Васильевна скончалась въ Греціи въ 1417 году. Несчастный супругъ ея царствовалъ съ 1425 до 1448 года, владѣя только однимъ Царяградомъ, платя тяжкую дань Туркамъ, и тщетно покорствуя Папѣ на Флорентійскомъ Соборѣ.

(267) Тип. Лѣт. стр. 227. Монастырь Вознесенскій оставался неконченнымъ до 1468 года (*Стр.*

сія обитель сдѣлалась мѣстомъ погребенія Великихъ Княгинь и Царицъ, какъ Архангельскій соборъ былъ кладбищемъ Князей и Царей Русскихъ: тамъ видите рядомъ гробы Елены Глинской и Маріи Шуйской, Анастасіи Романовой и Наталіи Нарышкиной, Евдокіи Лопухиной и Евдокіи Стрѣшневой. . .

Лѣт. II, 93). Мы упоминали о построеніи Евдокіею Рождественскаго монастыря (прим. 139), вѣроятно, въ память Куликовской битвы. Въ *Ист. Росс. Іерархіи* (т. V, 689) сказано, что *кѣмъ и когда* построенъ сей монастырь, неизвѣстно. Но въ Лѣтописяхъ (Кар. т. V, прим. 254), подъ 1393 г., именно сказано: « Княгиня Великая Овдотья Дмитріева поставила на Москвѣ церковь камену, зѣло чудну и украси ю сосуды златы и серебряны... Сотворила паче всѣхъ Княгинь Великихъ, развѣ точію Маріи, Княгини Всеволода, внука Мономахова, иже въ Володимірѣ.» Митрополитъ Кипріанъ освящалъ новую церковь, при чемъ были Вел. Князь, и братья его, Юрій, Андрей, Петръ, Константинъ. Замѣтимъ здѣсь (въ дополненіе къ прим. 139), что на Куликовомъ полѣ также была построена церковь Рожд. Богоматери, отъ чего, вѣроятно, и получило названіе *село Рождественское*, находящееся на семъ полѣ, близъ устья Непрядвы. Но церковь въ этомъ селѣ нынѣ деревянная, позднѣйшая; древней церкви нѣтъ даже и слѣдовъ (см. *Село Рождествено-Монастырщина*, соч. М. Н. Макарова, М. 1826 года). Евдокія постриглась передъ кончиною, и причтена потомъ къ лику святыхъ, подъ именемъ *инокини Евфросиніи* (см. Ист. Р. І. т. II, стр. 299).

Святой старецъ Сергій прешелъ въ вѣчность 25 Сентября 1392 года. Современники славили его при жизни, и чудеса его гремѣли по всѣмъ областямъ Русскимъ. Эдигей опустошилъ обитель Сергія въ 1408 году; но зданія оной вскорѣ возобновились. Усердіе Христіанъ умножилось еще болѣе, когда въ 1422 году обрѣтены были нетлѣнныя мощи Св. Сергія. Юрій Димитріевичъ (лишившійся въ тотъ годъ супруги своей, находился въ сіе время въ обители Сергія, и жертвовалъ богатствами на украшеніе монастыря, на построеніе церкви надъ гробомъ Святаго мужа, донынѣ существующей; ее склали всю изъ бѣлаго камня (268).

Въ 1410 году почилъ навѣки, храбрый, добрый Князь Владиміръ Андреевичъ. Онъ оставилъ подробную духовную, раздѣлилъ свое Княжество на удѣлы дѣтямъ, далъ *Іоанну* Серпуховъ, Алексинъ, Козельскъ, *Симеону* Боровскъ и половину Городца; *Ярославу* другую половину и Малоярославецъ; *Андрею* Радонежъ, *Василію* Перемышль и Угличъ. Съ предусмотрительною заботливостью обозначилъ Владиміръ всѣ мѣлочи въ сношеніяхъ, взаимно между дѣтьми и съ Великимъ Княземъ. Свидѣтелями духовной его были Никонъ, Игуменъ Троицкій, преемникъ Св. Сергія, и Савва, Игуменъ Спасскій. Владиміръ умолялъ

---

(268) Ист. Росс. Іерархіи, ч. II, стр. 63.

Василія былъ заступникомъ и отцомъ дѣтей его... Худо исполнилась просьба умирающаго. Впрочемъ, Великій Князь до кончины своей печаловалъ дѣтей Владиміра, какъ отецъ; но не такъ поступалъ съ ними наслѣдникъ его, которому столько жертвъ приносили дѣти Владиміра (269)!....

Въ сихъ событіяхъ протекли послѣднія *семнадцать* лѣтъ жизни Василія Дмитріевича, о которыхъ вообще извѣстія недостаточны и неполны. Онъ скончался 1425 года, Февраля 27-го, на 53 году отъ рожденія, княживъ 36 лѣтъ, и положенъ былъ въ Архангельскомъ соборѣ, подлѣ гроба отцовскаго.

Не заслуживъ имени славнаго, не пріобрѣтя и любви подданныхъ, Василій былъ однакожъ весьма замѣчательный потомокъ Калиты и Симеона Гордаго. Безжалостный въ дѣлахъ государственныхъ, уклончивый въ бѣдѣ, твердый въ несчастіи, онъ поддержалъ, упрочилъ величіе, самобытность Велика-

---

(269) Духовная Владиміра въ *Собр. Гос. граматъ*, т. I, № 40. Она занимаетъ одиннадцать столбцевъ, in fol. Владиміръ распорядилъ даже участки рыбныхъ ловлей въ удѣлахъ своихъ сыновей. Такъ подробно распредѣлялъ онъ будущимъ ихъ жребіемъ. Суета суетствій! Черезъ пятьдесятъ лѣтъ — *послѣдній внукъ* его умеръ въ темницѣ, а правнукъ скитался на чужбинѣ, положилъ тамъ голову, и рода Владимірова не было даже въ поминѣ!

го Княжества, и умѣлъ пользоваться удивительно счастливыми случаями жизни своей: мы разумѣемъ нашествіе Тимура на Орду и битву Витовта съ Эдигеемъ. Безъ того, Орда могла-бы раздавить Москву; по крайней мѣрѣ, могла-бы продолжить еще на много лѣтъ владычество надъ нею. Литва также уничтожила-бы Москву безъ несчастной битвы на Ворсклѣ. Важную оплошность Василія — допущеніе Эдигея къ Москвѣ, извиняемъ коварствомъ сего хитраго Ордынца, и тѣмъ, что Эдигей въ самомъ дѣлѣ поступилъ слишкомъ дерзко, отваживаясь на сей *послѣдній* сильный ударъ, нанесенный Золотою Ордою Москвѣ, и нанесенный удачно. Не знаемъ причинъ, почему Василій не выступилъ на встрѣчу Эдигею; но не винимъ его въ робости душевной, ибо знаемъ, что онъ смѣло сталъ противъ Тимура, и потомъ также смѣло шелъ противъ Витовта, когда хитрости не помогали. Но слѣды ошибки или неосторожности скоро изгладились, а походъ Эдигея къ Москвѣ едва-ли не былъ причиною послѣдовавшей за тѣмъ слабости и безсилія сего Хана, дотолѣ гордаго и отважнаго. Безчеловѣчіе, съ какимъ погублены были Василіемъ Суздальскіе Князья, и своекорыстное упорство, съ какимъ хотѣлъ Василій оставить Великое Княжество сыну, заслуживаютъ упрекъ сердца;

но — отказемъ-ли въ похвалѣ симъ дѣламъ, какъ дѣйствіямъ государственной Политики?

Княженія Василія и сына его составляли последній періодъ самобытной жизни Новгорода. Любопытно дополнить обозрѣніемъ тогдашняго состоянія сего вольнаго города Исторію Руси, въ концѣ XIV-го и началѣ XV-го вѣка.

Указавъ на значеніе Новгорода въ Исторіи Руси послѣ нашествія Монголовъ (270), скажемъ, что въ началѣ XV-го вѣка Новгородъ, при усилившемся новомъ образованіи Русскихъ земель, былъ уже вовсе неумѣстнымъ, ибо не смогалъ уже бороться съ Москвою. Онъ долженъ былъ пасть. Вокругъ самыхъ отдаленныхъ его областей облегли земли Великокняжескія. Москва безпрерывно стремилась — не воевать; но — покорить Новгородъ и ниспровергнуть образъ правленія, рѣзко отличавшійся отъ политическаго образованія остальной Руси. Упорно стоя за свою *старину*, Новгородъ не поддавался, и враждѣ съ Москвою не было конца! Еще крѣпко бились, умно дѣйствовали Новгородцы; но спасеніе ихъ во времена Василія заключалось уже не въ томъ: ихъ спасало одно только соперничество Литвы съ Москвою. Витовтъ жадно искалъ случая завладѣть Новгородомъ, но не хотѣлъ открыто биться за

---

(270) См. выше, стр. 16, 23.

него съ Василіемъ. Василій безпрестанно думалъ объ овладѣніи Новгородомъ, но боялся заступленія Витовта. Этимъ пользовались Новгородцы; они ловили и всѣ другія средства и случаи: у нихъ было открыто прибѣжище бѣглецамъ Литвы и Москвы: Князья Смоленскіе, Ростовскіе, Бѣлозерскіе, Литовскіе, Суздальскіе, жили въ Новгородѣ, ѣли хлѣбъ Новгородскій, спасались отъ тюрьмы, грозившей имъ на родинѣ, и ходили съ Новгородскими дружинами на войну. Кромѣ того, Новгородъ принималъ не однихъ бѣглецовъ, но и Князей, съ честью выѣзжавшихъ къ нимъ; давалъ имъ удѣлы и вручалъ воеводство; онъ принималъ ихъ равно отъ Литвы и Москвы — различія не было: такъ въ Новгородѣ жили Семенъ-Лугвеній Олгердовичъ, дѣти и внуки Наримунта и другіе Князья Литовскіе, иногда въ одно время съ Юріемъ, Андреемъ, Константиномъ и Петромъ Московскими (271). Но все дѣлалось временно и по волѣ: Новгородъ успѣлъ наконецъ удалить отъ себя постоянныхъ Князей Новгородскихъ, и допускалъ единственно Намѣстниковъ Великокняжескихъ, не имѣвшихъ ни силы, ни вліянія Княжескаго,

(271) Напримѣръ, Константинъ Дмитріевичъ пріѣхалъ въ Новгородъ Намѣстникомъ въ 1408 г., когда былъ тамъ принятъ Симеонъ Олгердовичъ.

и наблюдавшихъ только за денежными сборами (272). Поддерживая свою вольность, Новгородъ особенно не допускалъ Литвы и Москвы вмѣшиваться въ дѣла его съ Нѣмцами и Шведами. Онъ готовъ былъ лучше идти на битву съ Витовтомъ и Василіемъ, нежели уступить имъ права войны или мира. Отдѣльно отъ Москвы Новгородъ заключалъ договоры съ Смоленскомъ, пока сіе Княжество существовало, съ Тверью, и съ самою Литвою, не спрашиваясь Литвы въ договорахъ съ Москвой. Мы видѣли все это изъ событій 1393, 1396, 1404 гг. Тщательнымъ стараніемъ удалить всѣ поводы къ самовластію, объясняется и то упорство, съ какимъ стояли Новгородцы за независимость суда своего Архіепископа.

Послѣ мира съ Нѣмцами (1391 года), который такъ сильно защищали Новгородцы отъ Витовта и Василія, они по два года сражались съ Шведами. Въ 1392 г. Князь Лугвеній прогналъ толпы разбойниковъ Шведскихъ изъ Невы; въ 1395 г. Князь Бѣлозерскій отбилъ набѣгъ ихъ отъ Яма, гдѣ опять являлись они въ 1397 году. Важнѣе былъ походъ Новгородскій въ 1411 году,

---

(272) Такъ началось съ самаго Калиты. Мы видѣли усилія Новгородцевъ избавиться отъ суда Митрополичьяго.

когда за набѣгъ на Корелу, Лугвеній мстилъ Шведамъ раззореніемъ около Выборга, и у самаго сего города сжегъ *охабень*. — Въ 1412 г., послѣ жестокой войны съ Нѣмцами, Витовтъ разсердился на Новгородъ, вызвалъ къ себѣ Лугвенія, и прислалъ обратно къ Новгородцамъ всѣ мирные ихъ договоры. «За чѣмъ не объявили вы Нѣмцамъ нелюбія, когда я воевалъ съ ними?» говорилъ Витовтъ. «Я не позвалъ-бы васъ на войну, но оставилъ въ запасѣ. Какъ смѣли вы отвѣчать мнѣ, что вы равно въ мирѣ съ Литвою и съ Нѣмцами? Да ваши-же люди намъ лаяли, насъ безчествовали, срамотили, *погаными* называли. Вы-же держите у себя и врага нашего!» Тогда жилъ въ Новгородѣ изгнанникъ Ѳеодоръ Юрьевичъ Смоленскій. «Братья Новгородцы! обо мнѣ съ Витовтомъ нелюбія не держите!» сказалъ Ѳеодоръ, и уѣхалъ въ Нѣмецкую землю. Витовтъ умилостивился, и въ 1414 году заключилъ миръ по *старинѣ*. — Въ 1419 году, Норвежцы раззоряли берега Бѣлаго моря, мстя за обиды Новгородскія (273). Годы 1417 и 1418-й

---

(273) *Новг. Лѣт.* — Слова Витовта: «*Клялися намъ служить, и вамъ было Нѣмцамъ такожъ сложити* (клятву), а съ нами заедино стати, и закрѣпиться на обѣ стороны въ запасъ, а чтобы то ся пригодило; а только-бы ся не пригодило, ино-бы изъ того ничего не было.... А еще ваши люди намъ *лаяли*,

были несчастливы для Новгорода: умеръ добрый Владыка Іоаннъ; Заволочье раззоряли Московскія дружины, соединясь съ Новгородскими бѣглецами; зимою страшный моръ опустошалъ Новгородъ, Ладогу, Русу. Многіе, ожидая кончины, постригались въ монахи; въ томъ числѣ были два Посадника; они умерли иноками. Владыка Симеонъ взялъ иконы изъ всѣхъ седми соборовъ Новгородскихъ, и обошелъ городъ. Новгородцы отправились въ лѣсъ, кто пѣшій, кто на конѣ, нарубили тамъ бревенъ, и въ *одинъ день* поставили небольшую церковь Св. Анастасіи; на другое утро уже служили въ ней литургію; моръ прекратился; изъ остальныхъ бревенъ построили еще другую церковь, Св. Иліи, на Прусской улицѣ. На другой годъ Новгородцы были испуганы знаменіемъ въ церкви Св. Анастасіи: отъ иконы Покрова Богоматери потекла кровь. Въ тотъ-же мѣсяцъ сильный бунтъ возмутилъ весь городъ. Простой

насъ безчествовали и срамотили, и насъ погаными звали,» и проч. — «Пришедше Мурмане войною, въ бусахъ и шнекахъ, повоеваша въ Арзугѣ погостъ Корельскій, и въ *Ненонсѣ* Корельскомъ мон. Св. Николая,» и пр.—Корельскій монастырь Св. Николая находится въ 34-хъ верстахъ отъ Архангельска; *Ненокоцное* селеніе между Унскимъ заливомъ и устьемъ Двины.

людинъ, Степанко, схватилъ на торгу Боярина Даніила, крича: «Пособите, добрые люди! пособите на злодѣя сего!» Народъ бросился, схватилъ, повлекъ Даніила на вѣче, хотѣлъ его судить. Какая-то женщина начала первая бить его; народъ взволновался, слѣдовалъ ея примѣру, билъ, сбросилъ Даніила съ моста въ рѣку; бѣдный рыбакъ спасъ и скрылъ его. Народъ разграбилъ домъ рыбака. Даніилъ хотѣлъ мести, поймалъ и мучилъ Степанка. Народъ снова зашумѣлъ; ударили въ вѣчевой колоколъ, и въ доспѣхахъ, со знаменами, пошли грабить домы Бояръ. Напрасно Степанко былъ выданъ обратно. Народъ возсталъ на всѣхъ Новгородскихъ Бояръ, крича: «Они наши супостаты!» опустошалъ ихъ домы, даже раззорилъ одну церковь, думая, что тамъ находятся житницы боярскія. Софійская Сторона наконецъ заступилась за Бояръ; людины сбѣжали на Торговую Сторону; по всему городу раздавался набатъ. Волховскій мостъ сдѣлался мѣстомъ кровопролитной битвы. Уже много было убитыхъ; благоразумные люди молили Владыку идти и примирить сражавшихся. Онъ облачился, взялъ кресты, иконы, и съ Духовенствомъ пришелъ на мостъ, благословлялъ, умолялъ — мятежники заплакали, упали на колѣни, и тишина возстановилась. Моръ посѣтилъ Новгородъ еще четыре раза (1390, 1421, 1422, 1424 гг.)—Миръ съ Нѣмцами подтвердили Нов-

городцы въ 1420 г., торжественно на съѣздѣ съ Магистромъ Ливонскимъ, и положили заключить его на вѣчныя времена. Тогда условились и о границахъ: рѣка Нарова положена взаимнымъ предѣломъ Ливонскихъ и Новогородскихъ владѣній.—Пять сильныхъ пожаровъ опустошали Новгородъ въ теченіе 20-ти лѣтъ (274).

---

(274) Св. Анастасія *Узорѣшительница* призываема была предками нашими во время губительныхъ болѣзней. Неоднократно находимъ въ лѣтописяхъ примѣры построенія церквей *обыденныхъ*, т. е. въ *одинъ день построенныхъ*. Такъ въ 1417 г. Торжковцы, во время мора, построили въ одинъ день церковь Св. Аѳанасія; въ 1420 г. построили во Псковѣ обыденную церковь Св. Власія. Въ Москвѣ донынѣ сохранилось имя *обыденной*, у церкви Св. Иліи, что на Остоженкѣ. Полагали, что моленіемъ въ такой церкви избавляются отъ бѣдствій грады и области. О женщинѣ, начавшей бить Боярина Даніила, сказано въ Лѣтописи: «Жена нѣкая, *отвергши женскую немощь, и вземши мужескую крѣпость*, вскочивше среди сонмища, дастъ ему раны, укоряюще его,» и проч. *Нов. Лѣт.* 1418 г.; Ист. Г. Р. т. V, прим. 219. — Нѣмецкій переводъ трактата, заключеннаго между Новгородомъ и Ливоніею, хранится въ Кенигсбергскомъ Архивѣ (Карамз., V. прим. 218). Констaнтинъ Димитріевичъ, бывши тогда въ ссорѣ съ старшимъ братомъ, жилъ и управлялъ въ Новгородѣ. Трактатъ заключили отъ его имени, и Нѣмцы именовали его *Великимъ Королемъ* (Groszin Koninge), Посадника *Бургграфомъ*, а Тысяц-

Участь Пскова была достойна сожалѣнія. Вольный, но малосильный городъ сей, поставленный между Ливоніею, Литвою и Москвою, былъ притѣсняемъ всѣми; всякая помощь стоила ему дорого, и существованіе его сохранялось, такъ-же какъ Новгородское — только соперничествомъ его притѣснителей: Витовтъ не давалъ его Москвѣ, Москва Витовту. Съ тѣхъ поръ, когда Псковъ объявленъ былъ *равнымъ братомъ* Новгорода (въ 1348 году), Новгородское Вѣче пользовалось отъ него выгодами торговли, и защищенія со стороны Ливонцевъ, но безжалостно выдавало его обидчикамъ. Съ 1391 г. восемъ лѣтъ продолжалась даже явная ссора Новгородцевъ со Псковомъ. Псковитяне уговорили ихъ сначала мириться, и остановили тѣмъ полки Новгородскіе, уже шедшіе ко Пскову (1391 г.). Новгородцы *вымирили* потомъ Псковъ изъ договора своего съ Нѣмцами въ 1392 г., а на другой годъ пришли опять воевать Псковъ, и за неудачу похода смѣнили своего Посадника.

каго *Герцогомъ*. За то Новгородцы по своему писали званія и имена Нѣмцевъ: *Местеръ Селиверстъ, Кумендеръ Гостило, Воевода Ругодивскій Еремейко*; это значитъ: *Магистръ Сифертъ, Коммандоръ Госвинъ* и *Нарвскій Фогтъ Германъ*. — Пожары въ Новгородѣ были въ 1391, 97, 99, 1403 и 1407 гг.

Занятые послѣ того ссорою съ Василіемъ, Новгородцы не мирились со Псковомъ, и вотще просили ихъ Псковичи о мирѣ. Псковъ соглашался даже на *старину*: хотѣлъ отказаться отъ права быть равнымъ Новгороду. Знатные послы Псковскіе были присланы въ Новгородъ, и били челомъ Владыкѣ Іоанну (въ 1397 г.), «благословить дѣтей своихъ, вольныхъ людей Великаго Новгорода, чтобы Великій Новгородъ нелюбіе отъялъ и принялъ Псковъ по старинѣ.» Іоаннъ просилъ, убѣждалъ, напоминалъ о приближающейся кончинѣ міра («видите, дѣти! наступающее послѣднее время!» говорилъ онъ). Миръ заключили, но дружбы не было. Отвсюду окружала Псковъ вражда. Помирясь со Псковомъ въ 1401 г., съ 1406 г. Витовтъ опять нападалъ на Псковъ. Василій вступился, отвлекъ силы его. Псковичи смѣло раззоряли Литву, но напрасно звали къ себѣ Новгородцевъ. «На Нѣмцевъ идти согласны, на Литву нейдемъ,» сказали въ Псковѣ послы Новгородскіе, въ 1406 г. — Нѣмцы начали войну въ Августѣ 1407, когда Псковичи были въ Литвѣ, и «Новгородцы *слукавили*» — говоритъ Псковскій Лѣтописецъ — «не пошли и на Нѣмцевъ, когда мы послали звать ихъ. Они призвали къ себѣ Лугвенія, и все то было Псковичамъ не на добро: этотъ Князь хотѣлъ искоренить до основанія градъ Псковъ.» Василій прислалъ наконецъ къ нимъ Констан-

тина. Съ перемѣннымъ счастіемъ, драки съ Нѣмцами продолжались въ 1408 г., и послѣ того Псковъ мирился и ссорился съ Ливоніею до 1410 года. Тогда заключили миръ — исключивъ Новгородъ изъ договора. Сей миръ подтвержденъ въ 1417 году. Псковичи со слезами присылали въ Новгородъ, нѣсколько разъ, прося дружбы прочной; но Новгородцы, «ничего не брегоша, и все на *перегину* Пскову дѣлаша.» Псковъ, не смотря на все это, выдержалъ всѣ бѣды, поступалъ гордо, дрался храбро, и заставилъ Магистра Ливонскаго писать къ Нѣмецкому, о мирѣ 1417 г., что оный былъ необходимъ, ибо Псковитяне «упрямцы, которые чего захотятъ, на томъ поставятъ.» Когда въ 1415 г. убили въ Дерптѣ посла Псковскаго, Псковичи сами убили Дерптскаго (посѣкоша противъ своего человѣка). Едва помирились они съ Нѣмцами, Витовтъ опять велѣлъ имъ ссориться. Псковъ умолялъ его о пощадѣ отъ войны. Но Витовтъ объявилъ неудовольствіе: ему выгодно было отвлеченіе силъ Ливонскихъ, и онъ «нача гнѣвъ великъ держати» (1421 г.). Притѣсняемые Литвою, въ 1423 г. Псковичи просили Василія «послать за нихъ къ Витовту доброе слово;» въ 1424 г. снова просили — «печаловаться о Псковѣ.» Василій ни во что не вмѣшивался. Витовтъ съ сердцемъ прогналъ Псковскихъ Пословъ. Они еще разъ явились въ Москвѣ, опять

съ просьбою заступиться — Василій былъ уже въ могилѣ (275).

Держа подъ рукою Псковъ, Москва была тяжела Псковскимъ горожанамъ, ибо власть Великаго Князя стѣсняла всѣ права ихъ. Князья пріѣзжали изъ Москвы управлять, и своевольствовали, предводя дружинами, вмѣшиваясь въ суды и доходы. Псковъ безпрерывно жаловался на нихъ; нѣкоторыхъ даже выгонялъ. Безпрестанно смѣняли Московскихъ Воеводъ, и каждый изъ нихъ, не проча себѣ власти, былъ хуже преж-

(275) *Новг. Лѣт. и Псков. Лѣт.* (*или* Ист. Г. Р. Т. V., прим. 197 и 202). Любопытно, что Свидригелло, предназначаемый Ягелломъ въ наслѣдники Витовту, въ 1402 г. заключилъ съ Рыцарями Ливонскими договоръ (вѣроятно, тайный), по которому отдавалъ имъ Псковъ, *если только они успѣютъ его завоевать* (Ист. Г. Р. т. V, прим. 202). Въ 1407 г. Псковичи жестоко разбили самого Ливонскаго Магистра, на рѣкѣ Сирицѣ, и гнали Немцевъ на разстояніи 20-ти верстъ. Миръ 1417 года заключенъ былъ при Послахъ Василія Димитріевича, котораго Нѣмцы наименовали въ договорѣ: grotmechtighe Here, de grote Konyng von Moscowe, de Rusche Keyser. Въ это время Магистръ Ливонскій писалъ о Псковитянахъ: Js sint wunderliche unbetutliche Luthe: was sie vor sich nemen, dovon kan man in nicht gebrengen. — Вообще все повѣствованіе Псковскаго Лѣтописца о сихъ событіяхъ, и послѣ, исполнено скорби и жалобъ на Нѣмцевъ, Литву, Москву и Новгородъ.

няго. Отказавшись отъ другихъ правъ, Новгородъ сохранилъ надъ Псковомъ важное право Церковнаго суда; Псковъ зависѣлъ въ семъ отношеніи отъ Новгородскаго Владыки. Притязанія Московскаго Митрополита къ Новгороду вымѣщались на Псковѣ, и притѣсненія и ссоры были безконечны. Ко всему этому присовокуплялись разныя бѣдствія. Моръ четыре раза опустошалъ Псковъ: въ 1390 г., когда «вырывъ могилу для одного человѣка, клали въ нее пятерыхъ и десятерыхъ;» въ 1404, когда занесли во Псковъ язву изъ Дерпта, и прежде начали умирать дѣти, потомъ старики и взрослые; въ 1406 г., во время дождливой осени, и въ 1420-мъ году. На сей разъ замѣтили, что смерть щадила старыхъ — умирало болѣе дѣтей и молодыхъ. Многіе, отчаяваясь въ жизни, шли въ монастыри. Кто-то вразумилъ наконецъ Псковитянъ, что надобно отыскать мѣсто, гдѣ стояла *первая* Псковская церковь, Св. Власія. Мѣсто было давно застроено домами; откупили ихъ, стали рыть землю и нашли древній престолъ церкви. Въ *одинъ день* построили надъ нимъ новую, деревянную, и 14 Сентября служили въ ней обѣдню; но моръ прекратился только зимою. Пожаръ опустошилъ Псковъ въ 1406 году: почти весь городъ выгорѣлъ (276).

---

(276) Пск. Лѣт. (или Ист. Г. Р. т. V, прим. 222).

Пожары, не менѣе губительные, опустошили: въ 1395 г. Старицу, въ 1408 г. Ростовъ, въ 1413 г. Тверь. — Москва была опустошена три раза: въ 1389 г. сгорѣлъ весь Кремль; въ 1390 г. выгорѣло нѣсколько тысячь домовъ на Посадѣ (отъ дома окаяннаго Армянина Авраама); въ 1395 г. также сгорѣло нѣсколько тысячь домовъ. — Замѣчателенъ пожаръ 1422 года: загорѣлись *пороховые* запасы, находившіеся въ Москвѣ, и опустошили городъ, ночью на 19-е Августа (277).

Моровыя повѣтрія не прекращались въ Руси съ самаго появленія Черной Смерти. Упомянувъ о Новгородѣ и Псковѣ, скажемъ, что въ 1401 г. моръ опустошалъ Смоленскія и Московскія области, и въ 1420 г. сѣверныя области, до такой степени, что въ иныхъ мѣстахъ нѣкому было сжать хлѣба; упалъ ранній снѣгъ, погубилъ обиліе — сдѣлался голодъ, и продолжался по три года.

Современники передали намъ память о другихъ, ужасавшихъ ихъ событіяхъ. Зима 1393 г. была столь сильна, что люди замерзали; лошадей, скотъ находили околѣвшихъ надъ кормомъ; зимою 1402 г. по Волхову ѣздили льдомъ

(277) Ист. Г. Р. т. V, прим. 254, и разныя Лѣтописи.

съ Юрьева дня до Марта; въ 1405 году, напрошивъ, совсѣмъ «зимы было незнаемо; *голая* была зима безъ снѣга, *разводье* началось до Великаго поста, а *раскалье* на Масляницѣ.» Лѣтомъ въ этотъ годъ были страшныя грозы: молнія ударяла въ церкви, и убивала много людей; зимой 1408 г. выпалъ снѣгъ глубокій, до *шести пядей*, «за 20 лѣтъ старые *памятухи* не запомнили такого.» Новгородъ ужаснуло наводненіе 1421-го года, когда отъ напора воды изъ Ильменя снесло мостъ, затопило домы и церкви; жители укрывались на вышкахъ домовъ; по улицамъ ѣздили въ лодкахъ, и съ ужасомъ спрашивали другъ друга: «Не опять-ли Богъ хочетъ погубить насъ Нбевымъ потопомъ?» ибо дождь продолжалъ идти безпрерывно. Но Мая 18-го нашла черная туча, застлала небо, громы катились отъ востока до запада, молнія ослѣпляла зрѣніе, небо казалось пылающимъ; съ дождемъ *прапрудным*ъ, падалъ градъ, и — наконецъ посыпались *каменья*. Народъ отчаявался въ жизни, бѣжалъ въ церкви, молился; самъ Владыка Симеонъ стоялъ въ это время на колѣняхъ во храмѣ Софійскомъ, и со слезами просилъ пощады Новгороду, пока не пролетѣла гроза неслыханная.

Знатоки толковали, что все сіе предвѣщаетъ кончину міра, ибо сближается *седьмая тысяча* лѣтъ отъ сотворенія міра. Мысль о томъ разсѣя-

вала повсюду уныніе. Бурю, голодъ, моръ, брань, междоусобіе — все приписывали одному: во всемъ искали *знаменія кончины міра*. Описывая событія 1402 года, Лѣтописецъ съ горестію прибавляетъ: «Сбывается слово Евангельское, какъ самъ Богъ сказалъ во Евангеліи: въ послѣдніе дни будутъ знаменія велики на небесахъ, глады, пагубы и трусы; возстанетъ языкъ на языкъ. И не видимъ-ли: встаютъ рати Татаръ, Турковъ, Фряговъ—правовѣрные Князья куютъ другъ на друга копье—братъ возстаетъ на брата, родной на роднаго — ближній стрѣляетъ стрѣлою ближняго — послѣднее время приходитъ (278)!» — Другіе думали въ бѣд-

(278) О признакахъ Новгородской язвы 1417 г. пишутъ: «Прежъ яко рогатиною ударитъ, и явится желѣза, или начнетъ кровію харкати, и дрожь иметъ, и огнь розжжетъ по всѣмъ составамъ человѣческимъ.» Слѣдственно: это были и *чума* и *черная смерть* вмѣстѣ. Ихъ различали Руские названіями: *Моръ желѣзою* и *Моръ хархотою*.—Въ Смоленскѣ было совсѣмъ особенное повѣтріе (въ 1408 г.): «Первое разболится человѣкъ, и руцѣ и нозѣ прикорчитъ, и шею скривитъ, и зубы скрегчетъ, и кости хрястятъ, и составы въ немъ троскотаху, кричитъ, вопитъ; у иныхъ-же и умъ отымется; иные одинъ день поболѣвше умираху, а иные полтора дни; а иныхъ Богъ миловаше: поболѣвше три дни, или четыре, и паки здорови бываху.» И такъ это были *судороги*: не

ствіяхъ современныхъ видѣть волшебство злыхъ людей: Псковитяне, въ 1411 году, сожгли 12

былъ-ли это родъ *холеры*, ибо извѣстно, что холера не всегда сопровождается рвотою и поносомъ? О голодѣ и дороговизнѣ 1420 года (*Пск. Лѣт.*): «На всю Русскую землю бысть гладъ великъ по три года ... И толми бысть дорогъ хлѣбъ, яко на единомъ ковризѣ дати полтына, *али како во портище*. А ржи наша четверетка *чего кто запросилъ* и иніи съ усердіемъ даваху, а еже-бы гдѣ зобница купити ржи, или овса, таковыхъ мало обрѣтаху.» Далѣе говоритъ Лѣтописецъ, что въ Псковѣ «бяше старыхъ лѣтъ клѣти всякаго обилія изнасыпаны.» Туда поѣхали изъ Новгорода, Твери, Москвы, и покупали зобницу ржи по 70 ногатъ, жита по 50, овса по 30, ржи $2\frac{1}{2}$ зобницы *полтыну*. Изъ числа сошедшихся во Псковъ нищихъ много умерло отъ изнеможенія, и тѣлами ихъ наполнили четыре большія могилы (скудельницы). — Мысль, что съ совершеніемъ 7-й тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра, настанетъ *преставленіе свѣта*, была ужасомъ и страшилищемъ всей Европы. Мы видѣли, что миря Новгородцевъ со Псковомъ, Владыка Іоаннъ говорилъ объ этомъ: «Дѣти! видите: уже *послѣднее* время» (*Новг. Лѣт.* годъ 1397-й). Описаніе *мнимыхъ* тогдашнихъ знаменій кончины міра, въ 1402 г., см. *Новг. Лѣт.* (Ист. Г. Р. V, прим. 223). Тогда явилась огромная комета; жестокая зима стояла съ Юрьева дня до Марта; Витовтъ взялъ Смоленскъ, разбилъ Олега, и посадилъ въ тюрьму сына его Родслава; Олегъ скончался; Симеонъ Кирдяпа ударилъ челомъ Василію, былъ посланъ въ зато-

вѣдьмъ (279). Съ трепетомъ смотря на затмѣнія солнца и мѣсяца, иногда съ ужасомъ записывая ихъ (напримѣръ, въ 1406 году — «По Троицынѣ днѣ, ночью, передъ зарей, гиблъ мѣсяцъ, сдѣлался кровавъ, и такъ, не исполнясь свѣта, зашелъ,» и проч.), Руссы боялись явленія кометъ, и многихъ воздушныхъ явленій. Чудеса и знаменія были безпрерывны: образа плакали, точили слезы, сами собою загарались въ церквахъ свѣчи. Въ 1409 г. въ Новгородѣ замѣтили *чудо страшно:* въ монастырѣ Св. Михаила, въ главѣ церковной былъ слышенъ звукъ, по два дня и по двѣ ночи. Священники и монахи собирались, слушали, и не понимали причины (280).

ченіе, и тамъ умеръ; Тимуръ разбилъ Баязета въ Ангорской битвѣ; въ Ордѣ были страшныя смятенія. Все это знали и соображали Рускіе.

(279) *Пск. Лѣт.* «Сожгоша двѣнадцать *женокъ вѣщихъ.*»

(280) «Сотворися знаменіе отъ образа Владычня, у Св. Ипатія, на Щерковой улицѣ: аки вино идяше изъ иконы (*Новг. Лѣт.* 1396 г.). — «Бысть знаменіе въ церкви Бориса и Глѣба: двѣ иконы, Св. Троица и Богородица, снидоша съ верхняго тябла, и легоша на востокъ образомъ (*Пск. Лѣт.* 1397 г.). — «За два дни до Ильина, въ Кашинѣ, при вечерѣ, видѣли серпъ изъ облака.» — «Бысть знаменіе веліе въ Чирскахъ: отъ иконы Св. Богородицы, изъ обою оку идяху слезы.

и священники послаша, и діаконы, а отъ Пскова послаша Өедора Шибалкина и иныхъ Бояръ, и принесоша икону, и срѣтоша ю со кресты весь Псковъ, и поставиша церковь въ женскомъ монастырѣ, и оттолѣ начаша праздновати знаменіе Богородицы Іюля въ 16-й день» (*Пск. Лѣт.* 1420 года). — О знаменитой кометѣ 1402 года, *Новг. Лѣт.* «Явися звѣзда хвостата на западѣ, лучъ имуще свѣтелъ, и пребысть Мартъ мѣсяцъ весь.» — Въ *Пск. Лѣт.* «Явися звѣзда хвостатая на западной сторонѣ, и восхождаше съ прочими звѣздами, отъ *свадебъ* (?) до вербной субботы.» — Въ *Стр. Лѣт.* «Въ великое говѣнье, мѣс. Марта, являшеся нѣкако знаменіе на небеси: въ вечернюю зарю, на западѣ, звѣзда немала, аки копейнымъ образомъ; верху-же лучъ сіяше; и на востокѣ всходяще, а на западѣ лѣтнемъ являшеся, юже видѣхомъ цѣлый мѣсяцъ.» — Въ 1406 г. въ Нижнемъ Новгородѣ, «по Петровѣ дни бысть буря велика; а въ тотъ часъ изыде человѣкъ на поле, и всѣде на конь, вспряженъ съ колесницею (тѣлегою); и взятъ вѣтръ съ конемъ и колесницею, аки бурею носимъ, яко въ трусѣ и вихрѣ страшномъ, дондеже невидимъ бысть; и на другой день обрѣтоша колесницу его на древѣ, висящу на версѣ высока древа, и то на друзѣй странѣ великія рѣки Волги; коня-же кромѣ (отдѣльно) колесницы, мертва лежаща познаша; человѣкъ-же безъ вѣсти, не вѣдѣ камо ся дѣлъ» (*Стр. Лѣт.* I. 429). — «Сей-же зимы (1409 г.) мѣс. Ноября въ 30-й день, на память Св. Ап. Андрея, чудо бысть страшно въ церкви Св. Михаила на Сковоротке: звукъ бысть въ маковицѣ. Сей-же звукъ слыша попы и чернцы Св. Михаила по два дни и по двѣ ночи (*Новг. Лѣт.*).

ГЛАВА V.

То, чего страшился Василій Димитріевичъ, что старался онъ отвратить своими духовными завѣщаніями, и что таилось при немъ во глубинѣ душъ и въ Дворской крамолѣ—все это обнаружилось немедленно послѣ его кончины, произвело раздоръ семейный и земское междоусобіе, повело за собою ужасныя слѣдствія: взаимное злодѣйство, пагубу родовъ Княжескихъ, гибель мужей доблестныхъ и людей подвластныхъ Русскимъ Князьямъ. . . .

Юрій Димитріевичъ находился въ своемъ Звенигородскомъ удѣлѣ, когда въ Кремлевскомъ дворцѣ *Василій Димитріевичъ* закрылъ глаза на вѣки. Братья ихъ: *Андрей*, *Петръ*, *Константинъ*, крѣпко взялись за дѣло малолѣтнаго наслѣдника; Митрополитъ Фотій былъ съ ними заодно; нѣсколько старыхъ Бояръ, опытныхъ въ хитрой политикѣ, совѣтниковъ Василія, окружили его сына. Старшимъ изъ нихъ считался *Юрій Патрикіевичъ*, внукъ Наріманта, выѣхавшій изъ Новгорода, и женатый на Маріи, дочери Василія. Но главою совѣта былъ не онъ, а *Іоаннъ Димитріевичъ*, второй Бояринъ Ве-

ликокняжескій. Іоаннъ хотѣлъ отдать свою дочь за юнаго Великаго Князя; ему льстили исполненіемъ сего желанія (281). Приготовили сильныя дружины, и, пока присягала Москва новому Великому Князю, послали въ Звенигородъ къ Юрію: требовать присяги и покорности. Юрій сознавалъ свою слабость; родные дѣти его не одобряли спора за Великое Княжество; но онъ

(281) Въ свидѣтельствѣ Духовной грамоты Василія Димитріевича, Бояринъ Іоаннъ Димитріевичъ упоминается *второй*, послѣ *Юрья Патрикѣевича* (С. Г. гр. т. I, стр. 82). Онъ былъ знаменитаго рода Литовскаго, *Глѣбовичей*. Дѣдъ его былъ *Александръ Всеволодъ Глѣбовичъ*, выѣхавшій изъ Литвы; отецъ *Димитрій Всеволодовичъ*, по которому всѣ потомки назвались *Всеволожскими*, былъ намѣстникомъ Нижняго Новгорода, послѣ взятія Суздальскаго Княжества Москвою, въ 1392 г. (Карамзинъ, V, стр. 132). Симъ объясняется связь сего рода съ другимъ знаменитымъ родомъ, Тысяцкаго Московскаго, *Вельяминова* (см. прим. 96), изъ коего одинъ Вельяминовъ, *Микула*, былъ свойкъ Димитрію Донскому, женатый на дочери Князя Димитрія Суздальскаго. На дочери Микулы женился Іоаннъ Димитріевичъ Всеволожъ. Одна изъ дочерей Іоанна выдана была за Андрея Князя Радонежскаго, сына Владиміра Храбраго (см. прим. 297); другая за Князя Тверскаго Юрія Ивановича (Карамз. т. V, прим. 254). Третью хотѣлъ онъ отдать за юнаго Великаго Князя.

не хотѣлъ уступить правъ своихъ, боялся остаться вблизи Москвы, и уѣхалъ въ Галичъ. Туда послали уговаривать его. Юрій спорилъ, и рѣшительно объявилъ, что не уступитъ безъ рѣшенія Ордынскаго Царя: признакъ безсилія. Въ Москвѣ хорошо это понимали, и заключивъ перемиріе до Петрова дня, неожиданно отправили на упорнаго старика Московскія дружины. Захваченный врасплохъ, Юрій бѣжалъ въ Нижній Новгородъ; его преслѣдовали; онъ опять укрылся въ Галичѣ. Здѣсь явился къ нему Митрополитъ Фотій, и посмѣявшись надъ худовооруженными толпами, коими окружилъ себя Юрій, предлагалъ ему уступить Великокняжество и помириться. Юрій не слушалъ ничего, и упорно хотѣлъ дожидаться Ханскаго суда. Разнесли слухъ, что Митрополитъ уѣхалъ изъ Галича не благословивъ Князя; что Богъ поразилъ моромъ Галичъ, и Юрій, испуганный бѣдствіемъ, догналъ Святителя уже на дорогѣ въ Москву, и умолялъ помириться. Дѣйствовали силою и хитростью (282).

---

(282) Стр. Лѣт. I, 456. О морѣ, и проч. см. Карамзина (т. V, 244), который взялъ все свое описаніе изъ *Никон. Лѣт.* (т. V, 82), однакожъ *не сослался* на нее. Въ *Арх. Лѣт.*, стр. 113, говорится, что за Юріемъ ходилъ къ Нижнему Новгороду

Но если Галичъ былъ наказанъ моромъ за упорство Юрія, въ Твери и Москвѣ и безъ этого моръ свирѣпствовалъ еще сильнѣе, не смотря на миролюбивую покорность Великому Князю. Іоаннъ Тверской умеръ; мѣсто его заступилъ сынъ Александръ, и умеръ вскорѣ; на престолъ Тверской сѣлъ внукъ, Князь Юрій, и умеръ черезъ мѣсяцъ. Тверь перешла къ Борису Александровичу. Въ Москвѣ скончались: дядя Великаго Князя Петръ, и три сына Владиміра Андреевича: Андрей Радонежскій, Ярославъ Боровскій, Василій Перемышльскій. Князь Ѳедоръ Патрикіевичъ, спасаясь отъ смерти, уѣхалъ изъ Пскова въ Новгородъ, потомъ убѣжалъ въ Москву изъ Новгорода (гдѣ скончался тогда назначенный въ Архіепископы Ѳеодосій); но въ Москвѣ ждала Ѳеодора смерть неумолимая. Люди гибли тысячами. Многіе замѣчали, что послѣ сей бѣды, какъ послѣ Ноева потопа, народъ сталъ маловѣчнѣе, хуже и щедушнѣе (283).

Андрей, Князь Можайскій, и норовилъ своему брату. Не отъ сего-ли потомъ происходила вообще нелюбовь дѣтей Можайскаго къ Темному? Можетъ быть, тайно они желали успѣха Юрію, признавая его права.

(283) Іоаннъ Михайловичъ сконч. въ 1426 г., и въ одинъ годъ умерли сынъ и внукъ его (Карамз. V,

Живые плакали надъ мертвыми, но мыслили о живомъ. Москва ласкала Новгородцевъ, и не жаловалась на самоуправство ихъ съ Устюжанами, ограбившими Заволочье (284).

Соглашаясь на предложеніе Юрія судиться въ Ордѣ, у него отнимали всѣ, даже ненадежныя средства къ борьбѣ; старались уладить судей

прим. 258). Въ 1426 г. скончались еще *Андрей Владиміровичъ* Радонежскій (онъ постригся передъ кончиной, названъ *Саввою*, и похороненъ въ Троицк. Серг. обители, которой особенно покровительствовалъ), *Ярославъ Владиміровичъ* (погреб. въ Арханг. соборѣ) и Князь Ярославскій *Іоаннъ Васильевичъ*; а въ 1427 году, *Василій Владиміровичъ* и *Петръ Димитріевичъ* (погребены въ Арханг. соборѣ). О морѣ въ Псковѣ, и о Өедорѣ Патрикіевичѣ, см. Карамз. V, прим. 386. О Новгородскомъ морѣ сихъ годовъ, см. *Новг. Лѣт.* годъ 1424-й. Въ сіи-же годы скончались: Ростовскій Епископъ *Діонисій*, и *Св. Кириллъ*, основатель знаменитаго Бѣлозерскаго монастыря его имени; преп. *Өерапонтъ* Бѣлозерскій; пр. *Никонъ* Игуменъ Троицкій; пр. *Павелъ Комельскій*, учредитель обители на рѣкѣ Обнорѣ, бывшій въ иночествѣ *девяносто* лѣтъ (всѣ четверо причтены Церковью къ лику святыхъ). — «И послѣ того мора, какъ послѣ Потопа, толико лѣтъ люди не почали жить, но маловѣчніи, и худи, и щедушніи начаша быти.»

(284) Они взяли съ Устюжанъ окупу 8000 бѣлокъ и 240 соболей (Новг. Лѣт. г. 1425).

Ордынскихъ; унижались передъ опекуномъ Великаго Князя, Витовтомъ, надѣясь на его защиту. Вынудили наконецъ отъ Юрія договорную грамату (1428 г.). Онъ призналъ Василія *Старѣйшимъ и Великимъ Княземъ*. Фотій скрѣпилъ; Андрей и Константинъ засвидѣтельствовали сей договоръ. Но Юрій надѣялся сыскать правду въ Ордѣ, и ждалъ только удобнаго времени (285).

Витовту выдали въ это время на жертву Псковъ и Новгородъ. Не мирясь съ 1424 года, Витовтъ отправился наконецъ съ войскомъ противъ бѣдныхъ Псковитянъ (1426 г.) и осадилъ Опочку. Жители сего города защищались отчаянно. Витовтъ оставилъ ихъ, и перешелъ къ Вороночу, гдѣ встрѣтилъ сопротивленіе столь-же упорное. Между тѣмъ Псковитяне униженно били ему челомъ, готовясь къ оборонѣ. Они сожгли городской посадъ, собрали дружины. Жестокая буря, потомъ продолжительные дожди, препятствуя военнымъ дѣйствіямъ, заставили Витовта согласиться на миръ. Онъ условился взять 1000 рублей окупу, и когда при-

(285) Договоръ въ *Собр. Г. грам.* т. I, N 43, 44. Юрію отдали Вятку, и сложили на четыре года дань Ордынскую и ямскую гоньбу по Звенигороду; онъ уступилъ за то нѣсколько селъ братьямъ.

везли ее, шребовалъ особаго окупа за плѣнныхъ. На другой годъ, онъ объявилъ походъ къ Новгороду, и съ огромными пушками своими осадилъ Порховъ. Началась осада, и была неудачна. Главную пушку, наведенную на церковь Св. Николая, разорвало, убило масшера, лившаго ее, и размешало шѣло его, шакъ, чшо шолько клокъ одежды нашли въ сшоронѣ. Пушку звали *Галкою*, масшеръ былъ *Нѣмецъ*; сорокъ лошадей везли бѣдоносную Галку, и Рускіе видѣли чудо въ разрывѣ пушки. Говорили, чшо ядро пролешѣло невредимо сквозь церковь, перелешѣло черезъ городъ, и било Вишовшовыхъ воиновъ, сшоявшихъ на другой сшоронѣ города, а Нѣмца наказалъ Богъ за похвальбу. Посадникъ, и знаменишый Новгородецъ *Ісаакій Борецкій*, явились въ сшанѣ Лишовскомъ, и просили мира. Изъ Новгорода пріѣхалъ для шого-же Владыка Евѳимій. Вишовшъ согласился, взявъ дань, сшоль важную, чшо надобно было собрашь непомѣрную подашь со всѣхъ Новгородцевъ для уплашы ея: Вишовшъ шребовалъ и получилъ 15000 рублей (286).

---

(286) Преувеличенныя описанія сихъ событій, взяшыя изъ Никон. Лѣш., Длугоша и Сшриковскаго, см. въ *Ист. Г. Р.* ш. *V*, сшр. 247. Тамъ-же, см. выписки изъ *Псковск. Лѣт.*, ш. V, прим. 260; кромѣ шого, *Арханеел. Лѣт.* сшр. 114, и *Новеор. Лѣт.*

Новгородцы не только не помогали Псковитянамъ, но даже крамольничали противъ нихъ, когда Витовтъ ходилъ на Псковъ. Псковитяне отвѣчали насмѣшкою, когда бѣда разразилась надъ Новгородомъ, и не дали въ свою очередь помощи Новгородцамъ. Москва даже особенно обѣщала Витовту не вмѣшиваться въ дѣла его, и не помогать ни Пскову, ни Новгороду. Въ награду за то, Витовтъ заключилъ договоръ съ Рязанью, о безпрекословномъ повиновенiи ему, если дѣло дойдетъ до войны съ Москвою (287).

Таковъ былъ *опекунъ* Великаго Князя. Между тѣмъ въ Ордѣ, куда Русскiе Князья хотѣли ѣхать на судъ, и куда призывали Юрiя и Василiя, *Кичи-Махметъ*, подкрѣпляемый Эдигеемъ, воевалъ съ *Улу-Махметомъ*, и грозный судiя Князей Русскихъ едва держался на своемъ тронѣ. Толпы Монголовъ своевольно приходили на Русь: они воевали Галичъ и Кострому въ 1429 году, а въ 1430 году ходили на Литву и подступали ко Мценску. Ихъ успѣли прогнать, и

(287) «В. К. дѣду своему Витовту крестъ цѣлова, *не помогати ни по Новогородѣ, ни по Псковѣ* (*Нов. Лѣт.*). Списокъ *присяжной* грамaты Рязанскаго Князя, данной имъ Витовту, хранится въ Императ. СПбургской Библiотекѣ (*Карамзинъ*, т. V, прим. 261).

отмстили имъ раззореніемъ приволжья Булгарскаго (288).

Не жалѣя никакихъ пожертвованій, Москва старалась купить благоволеніе Витовта. Честолюбивый старецъ сей готовился въ это время увѣнчать торжествомъ свои дѣла, труды и жизнь, проведенную въ безсонницѣ ратной и крамолѣ Дворской. Старый Ягелло слушался его, даже хотѣлъ было передать ему корону Польскую послѣ себя. Но къ досадѣ Витовта, Ягеллу вздумалось жениться, въ *четвертый* разъ, и онъ выбралъ дочь Андрея Олгердовича. Молодая Королева родила старику

---

(288) Стр. Лѣт., II, стр. 1 и 2-я. Юрій отбилъ Монголовъ отъ Галича; они изгономъ взяли Кострому. Бояринъ Іоаннъ самъ гналъ ихъ до Нижняго Новгорода; Князь Пестрый билъ ихъ потомъ за Нижнимъ, и въ 1431 г. ходилъ грабить Татарскіе города на Волгу. Въ *Арханг. Лѣт.* стр. 115, Татары сіи названы *Казанскими*. Мценскъ осаждалъ, въ 1430 году, Царевичъ Ордынскій Айдаръ; онъ обманомъ захватилъ тамошняго храбраго Воеводу Григорья Протасьева, разбившаго Барака въ 1422 году, и только за 15 миль не дошелъ до Кіева. Улу-Махметъ объявилъ потомъ Айдара своевольникомъ, и съ честію отпустилъ Протасьева. Карамзинъ говоритъ о новомъ набѣгѣ на Рязань; но сіе взято изъ *Никоновск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. V, 253, прим. 265).

двухъ сыновей. Витовтъ увѣрялъ, что они дѣти не Короля. Ягелло готовъ былъ уступить корону, но не честь быть на старости лѣтъ отцомъ. Началась ссора. Витовтъ рѣшился совершенно отдѣлить Литву отъ Польши. Сигизмундъ, старый непріятель Ягелла, сдѣлавшійся тогда Императоромъ, и Нѣмецкіе Крестоносцы, вмѣшались въ дѣло. Въ 1429 году Сигизмундъ и Ягелло были въ гостяхъ у Витовта. Онъ угощалъ ихъ съ Восточною пышностію: ежедневно употребляли на пиры для множества гостей, отвсюду съѣхавшихся, по нѣскольку сотъ бочекъ вина, пива, меду, романеи, по 700 быковъ и коровъ, по 1400 барановъ, по 100 лосей, по 100 зубровъ, по 100 кабановъ. Сигизмундъ убѣдилъ Витовта называться *Королемъ Литовскимъ*. Папа былъ согласенъ. Но Польша умѣла разрушить всѣ замыслы. Льстя Витовту согласіемъ, заставили его утвердить наслѣдство Польши въ родѣ Ягеллы. Потомъ проводили старика надеждами, вовсе не думая дать ему Королевскаго титула, и тѣмъ разъединить Польшу отъ Литвы. Збигневъ Олесницкій, Епископъ Кракова, и Янъ Тарновскій руководствовали всею крамолою. Въ полной надеждѣ на успѣхъ, Витовтъ звалъ уже гостей на свое Королевское коронованіе. Осенью 1430 г. съѣхались къ нему въ Троки Князья Русскіе (Тверской, Рязанскій, Одоевскій) и Посль-

скіе, Гермейстеръ Крестоносцевъ (котораго съ восторгомъ увѣдомлялъ Витовтъ о предстоявшемъ торжествѣ), Ханы Монгольскіе, Господарь Волошскій, Послы Греческаго Императора. Ждали только Сигизмунда. Ягелло явился въ полномъ блескѣ Двора своего. Юный Василій пріѣхалъ изъ первыхъ къ своему дѣду. Съ нимъ былъ и Митрополитъ Фотій. Хозяинъ и на сей разъ не жалѣлъ кушанья, питья, увеселеній. Всякій думалъ однакожъ о своемъ, пируя въ ожиданіи Витовтова коронованія. Василій просилъ покровительства; Фотій искалъ Митрополитства Кіевскаго, ибо Григорій скончался въ 1419 году, и Митрополита не было въ Литвѣ, безпрерывно болѣе и болѣе утѣсняемой Папскою властью. Время проходило; наконецъ открылась горькая истина: Сигизмундъ не поѣхалъ самъ, но послалъ къ Витовту корону; Пословъ его принудили воротиться изъ Польши. Все разрушилось. Оскорбленіе Витовта было неописанно. Пропировавъ шесть недѣль, гости разъѣхались—Витовтъ лежалъ на смертномъ одрѣ, и Василій, возвратясь въ Москву, услышалъ о смерти дѣда (289).

---

(289) Четвертая супруга Ягелла была Софія, Княжна Кіевская, и вышла за него въ 1422 г., когда Ягеллу было около 74-хъ лѣтъ. Черезъ годъ родился у

Надобно было рѣшить неконченный споръ съ Юріемъ; на успѣхъ такъ надѣялись, что Василій, съ своими Боярами, отправился прежде дяди (въ Августѣ 1431 г.). Въ Сентябрѣ, отслушавъ обѣдню въ Сторожевской обители, Юрій поѣхалъ изъ Звенигорода. Онъ встрѣтилъ въ Сараѣ страшную непріязнь: все было противъ него. *Драгоманъ* Московскій даже оскорблялъ его. Бояринъ Іоаннъ Димитріевичъ не жалѣлъ ни даровъ, ни уговоровъ. Юрій надѣялся еще на любимца Ханскаго Мурзу Тегиню, друга своего. Тегиня совѣтовалъ ему ждать, не спѣшить требованіемъ суда, и повезъ его на зиму въ Крымъ. Василій оставался въ Ордѣ; Іоаннъ успѣлъ уговорить всѣхъ Ордынскихъ вельможъ, внушая имъ, какъ опасно будетъ для нихъ, если Тегиня сдѣлаетъ по своему, ибо тогда власть его надъ Ханомъ, подкрѣпляемая Юріемъ, будетъ непомѣрна. Наушники дѣйствовали сильно, и Махметъ поклялся, что казнь

него сынъ, *Владиславъ*, а черезъ пять лѣтъ другой, *Казиміръ*. — Сигизмундъ избранъ въ Императоры въ 1410 году. Объ угощеніи гостей Витовтовыхъ и обстоятельствахъ дѣлъ въ Литвѣ, см. *Длугоша*, *Бѣльскаго* и *Арханг. Лѣт.* — Письма Витовта къ Нѣмецкому Гермейстеру хранятся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ (Карамзинъ, т. V, прим. 262).

ожидаетъ Тегиню, если онъ дерзнетъ заступиться за Юрія. Тогда возвратились изъ Крыма Юрій и Тегиня, и другъ Юрія принужденъ былъ молчать. Судъ передъ Ханомъ начался. Съ одной стороны выступилъ *Юрій*, съ другой *Василій*: одинъ старикъ, почти шестидесятилѣтній; другой юноша семнадцати лѣтъ. Но Юрій робѣлъ, уже предвидя свое осужденіе; Василій смѣло надѣялся выигрыша. За него началъ говорить Іоаннъ Димитріевичъ. Онъ доказывалъ, что Василію слѣдуетъ Великое Княжество, ибо дѣдъ и отецъ его владѣли Великимъ Княжествомъ, вопреки правамъ старшихъ въ родѣ. Юрій утверждалъ, что сей обычай новый; ссылался на старые договоры, лѣтописи, на право старшинства, искони служившее основаніемъ въ наслѣдствѣ Великокняжествомъ; утверждался и на самыхъ Духовныхъ: Димитрія, гдѣ послѣ его старшаго сына опредѣлено быть наслѣдникомъ *второму сыну*, а *не внуку*; Василія, не рѣшившаго дѣло, ибо хотя онъ завѣщалъ наслѣдство сыну, но притомъ не было его Юрьева согласія. Сильный споръ сей оконченъ былъ льстивою, рабскою рѣчью Боярина Іоанна. «Государь, Царь вольный! освободи мнѣ, холопу Великаго Князя, молвить тебѣ,» сказалъ Іоаннъ. «Князь Юрій ищетъ власти по мертвымъ, старымъ грамотамъ, а не по твоему жалованью. Но Василій ищетъ Великаго Княжества, под-

властнаго тебѣ улуса, по твоему Царскому жалованью, по дефтерямъ и ярлыкамъ новымъ, даннымъ отъ Царей Золотой Орды. Если не отдашь ему Русскаго улуса, не споримъ: ты воленъ; кого захочешь жаловать, того жалуешь. Пусть и былъ прежній обычай старѣйшинства; но Василій Димитріевичъ передалъ сыну престолъ не по старымъ правамъ, а по твоему Царскому соизволенію. Василій княжитъ уже шестой годъ по твоему жалованью, покорствуя тебѣ, правясь одною твоею волею. Царь вольный! какія противопоставимъ права, если будетъ твоя воля!» Рѣчь хитрая льстила честолюбію Хана; онъ осудилъ дядю, отдалъ Великое Княжество Василію; даже велѣлъ Юрію вести коня, на которомъ поѣдетъ отъ Хана племянникъ его, пожалованный Ханомъ въ Великіе Князья. Но Василій самъ отрекся отъ такой излишней чести. Тегиня также хотѣлъ избавить друга своего отъ позора, заговорилъ смѣло, не спорилъ противъ суда Ханскаго, но напомнилъ Хану, что онъ забываетъ собственную свою опасность; сказалъ ему, что если обида Юрія не будетъ вознаграждена, то онъ, Тегиня, перейдетъ къ Кичи-Махмету. Ханъ укротилъ своего разгнѣваннаго любимца, отдавъ Юрію городъ Дмитровъ, удѣлъ умершаго Князя Петра Димитріевича. Василій отправился обратно въ торжествѣ. Ханскій посолъ пріѣхалъ

съ нимъ въ Москву, и объявилъ, что *по волѣ и суду Ханскому* Василій есть *Великій Князь всея Руссіи* (290).

Юрій со стыдомъ укрылся въ свой Звенигородъ; потомъ поѣхалъ въ Дмитровъ. Но Іоаннъ Димитріевичъ зналъ, что неослабное притѣсненіе было единственное средство обезопасить Москву отъ замысловъ Юрія. Такъ Василій Димитріевичъ обезопасилъ нѣкогда Москву отъ Суздальскихъ Князей. Скоро Юрій принужденъ былъ оставить Дмитровъ, и его заняли Московскія дружины (291). Въ это время скончался другой дядя Великаго Князя, Андрей Димитріевичъ (1432 г.). Сыновья его, *Іоаннъ* и *Михаилъ*, подѣлили удѣлъ отцовскій: первый взялъ Можайскъ, другой Верею. Они подѣлили также

---

(290) Лѣт. Стр. т. II, 11, Лѣт. Арханг. стр. 117, Лѣт. Типогр. стр. 250; Лѣт. Новг. годъ 1431-й; Карамз., т. V, прим. 268.

(291) Карамзинъ, т. V, стр. 257: «Судъ Ханскій не погасилъ вражды между дядею и племянникомъ. *Опасаясь Василія*, Юрій выѣхалъ изъ Дмитрова.» Нѣтъ! въ *Типогр. Лѣт.* (стр. 250) именно говорится: «Князь Великій Василій *посла ко Князю Юрію о Дмитровѣ*, глаголя: «То выморокъ мой, дяди моего Петра,» и *бысть между ними брань*.») Слѣдственно: Юрія притѣснили, и не онъ былъ зачинщикъ новой вражды.

между собою Калугу и Бѣлозерскъ. Князья сіи явились въ Москву и утвердили дружескій договоръ съ Василіемъ (292). Сюда-же явились и дѣти Юрія, Василій *Косой* и Димитрій *Шемяка*. Они казались, и искренно хотѣли быть друзьями Москвы. Косой сговорилъ тогда за себя внуку Боярина Іоанна, дочь умершаго Князя Андрея Владиміровича. Пируя на сговорѣ, Бояринъ Іоаннъ подарилъ Косому драгоцѣнный поясъ—причину будущей несчастной ссоры (293)!

Митрополитъ Фотій скончался еще въ 1431 году. Князь Константинъ Димитріевичъ, нѣкогда смѣло спорившій противъ старшаго брата, и храбро предводившій дружины Псковскія и Новгородскія, уничтожался предъ умомъ Боярина Іоанна. Надѣясь вскорѣ быть тестемъ Великаго Князя, Іоаннъ не зналъ уже никакой мѣры гордости, и повелѣвалъ всѣми. Другіе царедворцы оскорблялись, молчали, и — дѣйствовали! Къ изумленію Іоанна, вопреки слову, ко-

---

(292) Договоръ въ С. Г. гр. т. I, № 46. Андрей положенъ въ Архангельск. соборѣ (Стр. Лѣт. т. II, стр. 11).

(293) И такъ Косой и Шемяка не злобствовали противъ Василія, не смотря на то, что отца ихъ оскорбляли въ это время (см. прим. 291)? О сговорѣ Косаго на внукѣ Боярина Іоанна, см. прим. 297.

торое подтвердилъ ему Василій въ Ордѣ, вдругъ объявили, что Великій Князь сосватался на Маріи Ярославовнѣ, внукѣ Владиміра Андреевича, сестрѣ Князя Боровскаго Василія Ярославича. Іоаннъ требовалъ объясненія. Ему отвѣчали, что Великій Князь и мать его Софія Витовтовна не хотятъ его дочери. Старикъ затрепеталъ отъ злобы, увидѣвъ разрушенными всѣ свои предпріятія; ненависть заступила въ немъ мѣсто прежняго усердія къ Великому Князю. Укоряя его неблагодарностью, Іоаннъ уѣхалъ изъ Москвы (294).

Никто не заботился объ Іоаннѣ, полагая, что Москва укрѣплена уже отвсюду, и ей нечего

---

(294) Здѣсь раскрывается намъ тайная Дворская интрига: знатнѣйшій родъ при Дворѣ Московскомъ, послѣ Боярина Іоанна, былъ *Кошкиныхъ* или *Захарьиныхъ*, изъ коихъ одно поколѣніе называлось *Голтяевыми* (см. прим. 25). Дочь Голтяева была за Ярославомъ Боровскимъ; слѣдственно: *внуку Голтяева* сговорили Великому Князю. *Андрей Голтяевъ*, одинъ изъ Кошкиныхъ, былъ послѣ того въ большой милости у Василія, а бабка Вел. Князя, по женѣ, Марья Голтяева, отказала Василію богатыя села, долго упоминавшіяся особо въ духовныхъ Великихъ Князей. На свадьбѣ Великаго Князя, именно одинъ изъ Захарьиныхъ началъ несчастную ссору съ Косымъ, зятемъ по внукѣ Боярину Іоанну. Изъ всего явно, что *не Юрій* и *не дѣти его*, Косой и Шемяка, были началомъ зла, но враги ихъ и Бояринъ Іоаннъ.

страшиться. Юрій оставался беззащитенъ въ своемъ Галичѣ. Константинъ Димитріевичъ, Іоаннъ Можайскій и Михаилъ Верейскій изъявляли дружбу совершенную; брачный союзъ Василія укрѣплялъ дружество съ единственнымъ, оставшимся въ живыхъ потомкомъ Владиміра Андреевича, владѣтелемъ сильнаго удѣла (295). Василій Ярославичъ заключилъ договоръ съ Великимъ Княземъ, со стороны котораго были включены въ условіе Константинъ Димитріевичъ и Князья Можайскій и Верейскій. Князь Боровскій называлъ Великаго Князя: *Господиномъ братомъ старѣйшимъ, отцомъ Княземъ Ве-*

---

(295) Сыновья Владиміра Андреевича всѣ уже скончались въ это время; объ *Ярославѣ, Андреѣ, Василіи* мы упоминали: они умерли въ Московскій моръ 1426 и 1427 г. — По *Строевск. Лѣт.* (т. I, стр. 1), тогда-же умеръ и Симеонъ Владиміровичъ. Годъ кончины Іоанна Владиміровича неизвѣстенъ; но на гробницѣ его, въ Арханг. соборѣ, означенъ 1422-й. У всѣхъ сихъ Князей, кромѣ Ярослава, не было дѣтей мужескаго пола (см. *Родословныя*). И такъ, Василій Ярославичъ соединилъ подъ свою власть треть Москвы и всѣ удѣлы дядей; онъ исчисляетъ ихъ въ договорѣ съ Вел. Княземъ (см. прим. слѣд.). Такимъ образомъ интрига Захарьиныхъ (прим. 294), находила сильное подкрѣпленіе въ женитьбѣ Василія на сестрѣ Боровскаго Князя.

ликимъ; себя *младшимъ братомъ и сыномъ*. Константинъ названъ былъ *братаничемъ* Василія Ярославича, а Можайскій и Верейскій *младшими братьями*. За все это утвердили Василію Ярославичу удѣлы всѣхъ умершихъ дядей его: треть Москвы, Серпуховъ, Боровскъ, Радонежъ, Перемышль. Бабка его отдала еще ему Лужу, оставивъ себѣ нѣсколько селъ; Козельскъ возвратили Великому Князю. Сыновья Юрія, Косой и Шемяка, не участвовали въ переговорахъ, но не хотѣли приставать къ отцу, или вмѣшиваться въ замыслы бѣглеца, Боярина Іоанна Димитріевича. Объ удѣлѣ отца ихъ не было говорено ни слова (296).

Дѣти Юрія не были однакожъ Князьями, могущими рабски унижаться и безнаказанно терпѣть личныя оскорбленія. Къ несчастію, гордая Софія Витовтовна не подумала о томъ. Свадьбу Великаго Князя праздновали 8-го Февраля (1433 г.). Тутъ, среди веселаго свадебнаго пира, ей указали на богатый поясъ, подаренный Іоанномъ Димитріевичемъ Василію Косому; въ этотъ день Косой надѣлъ на себя бѣдственный поясъ. Двое старыхъ Бояръ, Петръ Константиновичъ и Захарія Кошкинъ, узнали

(296) Договоръ съ Княземъ Боровскимъ, въ *Собр. Г. грам*, т. I, № 45.

поясъ сей, хорошо знакомый имъ: онъ былъ тотъ самый, который подарилъ нѣкогда Князь Димитрій Константиновичъ Суздальскій Димитрію Донскому, отдавая за него дочь свою. «Узнаю этотъ поясъ!» кричалъ Кошкинъ. «Онъ пропалъ у меня, когда раскрали казну Великокняжескую!» Говорили, что въ самомъ дѣлѣ поясъ былъ подмѣненъ Тысяцкимъ Василіемъ Васильевичемъ, сынъ котораго, Микула, былъ женатъ на другой дочери Димитрія Константиновича; что Тысяцкій отдалъ его Микулѣ, а Микула за своею дочерью Іоанну Димитріевичу, который подарилъ сей поясъ, сперва за дочерью, Андрею Владиміровичу, потомъ, за внукою, Василію Косому. Началась постыдная ссора. Софія Витовтовна сама, своими руками, сорвала поясъ съ Василія Косаго. Въ бѣшенствѣ, Косой и Шемяка поклялись отмстить обиду, и немедленно скрылись изъ Москвы (297).

---

(297) Карамзинъ (т. V, прим. 270): «На свадьбѣ у В. К. позналъ Петръ Константиновичъ на Князѣ Василіи Юрьевичѣ поясъ златъ, на цѣпяхъ, съ каменіемъ, что былъ приданый Князя Великаго Димитрія Ивановича, отъ Князя Дм. Конст. Суздальскаго. *Се-же пишемъ того ради, понеже много зла съ того ся почало.* Тотъ поясъ златъ, о свадьбѣ В. К. Дим. Ив. подмѣнилъ Василій Тысяцкій: Князю Вел. далъ меньшой, а тотъ далъ сыну своему Микулѣ. А за Мику-

Тогда узнали всю силу ума Боярина Іоанна Димитріевича. Выѣхавъ изъ Москвы, Іоаннъ успѣлъ уже быть въ Угличѣ у Константина, потомъ въ Твери, и наконецъ отправился въ Галичъ къ Юрію. Такъ скрытно сдѣланы были тамъ приготовленія, что не прошло двухъ мѣсяцевъ послѣ ссоры на свадьбѣ Великокняжеской, и уже бѣдные изгнанники: Юрій, дѣти его, Бояринъ Іоаннъ, шли къ Москвѣ, предводительствуя сильными дружинами. Петръ Константиновичъ, намѣстникъ Ростовскій, едва успѣлъ прискакать въ Москву съ вѣстью, что Юрій находится въ Переяславлѣ, и безостановочно

лою была того-же Князя Дим. Конст. Суздальскаго дочь его большая, Марія. А Микула поясъ далъ въ приданые-же *Ивану Димитріевичу* (Боярину Іоанну), а Иванъ Димитр. далъ его *за своею дочерью* Князю Андрею Владиміровичу. Потомъ-же, по смерти Княже Андреевѣ (1426 г.), по Ордынскомъ приходѣ (т. е. по возвращеніи отъ Улу-Махмета, въ 1432 г.), Иванъ Дмитріевичъ Княжу Андрееву дщерь, а свою внуку, *обручилъ за Князя Василія Юрьевича* (слѣдственно, Косой былъ женатъ или, по крайней мѣрѣ, помолвленъ на внукѣ Боярина Іоанна), и тотъ поясъ далъ ему, » и проч.—Въ *Арханг. Лѣт.* стр. 117-я:. «На той свадьбѣ Захарья Ивановъ Кошкинъ (такъ и въ *Строевск. Лѣт.* т. II стр. 11) имался за поясъ у Князя Василія Юрьевича Косаго, рекучи: « Тотъ поясъ пропалъ у меня, » и проч.

идетъ далѣе. Безпечное сонмище совѣтниковъ Великаго Князя не знало, что̀ дѣлать въ неожиданной опасности. Послали двухъ Бояръ, Лужу и Товаркова, переговаривать съ Княземъ Юріемъ. Они застали его уже близъ Троицко-Сергіева монастыря. Іоаннъ, первенствуя въ совѣтѣ Юрія, не далъ присланнымъ вымолвить слова. Съ обѣихъ сторонъ бранились, говорили *слова неподобныя*. Послы возвратились въ Москву *бездѣльны*. Юрій поспѣшно шелъ за ними. Тогда рѣшились сражаться. Наскоро собрали пьяную, буйную толпу народа, и 25 Апрѣля Великій Князь встрѣтилъ Юрія верстахъ въ 20-ти отъ Москвы, на берегу Клязьмы. Едва сразились, Василій бѣжалъ, въ трепетѣ и *торопленіи великомъ*. Онъ возвратился въ Москву, взялъ мать свою, жену, уѣхалъ въ Тверь, потомъ въ Кострому. Юрій безпрепятственно вступилъ въ Москву, и объявилъ себя *Великимъ Княземъ*. Дѣти Юрія преслѣдовали Василія; самъ Юрій пошелъ за ними, и въ Костромѣ Василій отдался имъ, съ женою и съ матерью, слезно прося пощады (298).

---

(298) О посланныхъ для переговоровъ съ Юріемъ: «Иванъ Дмитревичъ не далъ о мирѣ слова молвити; и бысть брань велика и слова неподобныя, и возвратишася послы бездѣльны.» — О походѣ Василія противъ Юрія: «Мнози отъ нихъ (Москвичей) пьяни

Одинъ только другъ остался тогда у Василія Васильевича, шуринъ его *Василій Ярославичъ*: онъ не передавался Юрію; но что̀ могъ онъ предпринять? Всѣ другіе раболѣпно покорились старому Князю. Онъ могъ теперь самовластно рѣшить судьбу племянника. Константина Димитріевича, можетъ быть, не хотѣли допустить къ дѣламъ, или онъ не хотѣлъ самъ ни во что вмѣшиваться; знаемъ только, что онъ постригся тогда въ Симоновской обители, пребывалъ въ ней, и вскорѣ потомъ скончался, подъ именемъ *инока Кассіана* (299). Князья Можайскій,

---

бяху, и съ собою медъ везяху, чтобы пити еще.» О прощеніи Василія Юріемъ: «Со слезами и съ плачемъ добилъ дядѣ своему», и проч. (Карамзинъ, т. V, прим. 271).

(299) По *Кормовой книгѣ* Симоновской обители (См. Карамзина, т. V, прим. 122) значатся вклады Константина, *инока Кассіана*: ежегодно 20 кадий ржи, 10 кадей овса, 5 кадей пшеницы, 10 сыровъ, пудъ масла, «по своей душѣ на поминокъ.» Въ сей книгѣ означенъ и день кончины Константина: 9-е Мая; но *годъ* кончины неизвѣстенъ. Въ *Родословныхъ*: «Князь К. Д., во иноцѣхъ Кассіанъ, бездѣтенъ, лежитъ на *Симоновѣ*». Гробница его существовала еще въ Симоновѣ во времена Царя Іоанна: въ 1558 г. Іоаннъ прислалъ на нее покровъ чернаго бархата, съ крестомъ изъ червчатаго бархата; велѣлъ служить

Верейскій, Рязанскій спѣшили заключить дружескіе договоры съ Юріемъ. Первые, утверждая за нимъ Великое Княжество, прежній его удѣлъ (Звенигородъ и Галичъ), и *Царское жалованье* Дмитровъ, клялись *неслагаемымъ* цѣлованіемъ креста блюсти все то за нимъ, и за дѣтьми его, послѣ его смерти. Князь Рязанскій обѣщался «не приставать къ Татарамъ, не оканчивать, не ссылаться съ Василіемъ, не принимать къ себѣ въ вотчину ни его, ни Бояръ его, сложить къ нему присягу, и быть противъ него съ Юріемъ за одинъ; также сноситься съ Княземъ Литовскимъ черезъ Юрія, а не мимо его, и, въ случаѣ спора, рати съ Москвою не начинать, но судиться третьими» (300).

по Константинѣ обѣдни и панихиды, и изъ Большаго Дворца отпускать на братію калачи, рыбу и квасъ; въ 1561 г. онъ прислалъ на поминъ Константина *Англійскій* колоколъ, въ 33 пуда, съ *Нѣмецкою* надписью. Но теперь въ Симоновской обители нѣтъ никакихъ слѣдовъ гробницы Константина. — Въ договорѣ, которымъ Юрій уступилъ Великокняжество племяннику въ 1433 г., Константинъ еще упоминается Княземъ; но въ договорѣ Шемяки и Краснаго съ Василіемъ (Собр. Гос. грам. т. I, № 52, 53), въ 1434 г. уже говорится о *дѣлежѣ Константинова удѣла*. И такъ онъ, или скончался въ это время, или отрекся отъ міра.

(300) Собр. Г. гр. т. I, № 47 и 48.

Успѣхъ былъ вовсе неожиданный. Но Юрій, старый, нерѣшительный, слѣдовавшій совѣтамъ другихъ, вскорѣ утратилъ усердіе всѣхъ, оскорбилъ Іоанна Димитріевича, даже разссорился съ своими родными дѣтьми. Привыкнувъ слушаться Галицкихъ и Звенигородскихъ Бояръ, онъ особенно былъ подчиненъ волѣ любимца своего, Боярина Морозова. Этотъ любимецъ уговорилъ Юрія простить племянника, помириться съ нимъ, принять его въ любовь, дать ему въ удѣлъ Коломну. Напрасно спорили дѣти Юрія, Іоаннъ и другіе Бояре. Призвавъ Василія, дядя помирился съ нимъ, угостилъ его, и взявъ клятвы въ повиновеніи, отпустилъ на Коломну, съ матерью, женою и Дворомъ его. Сдѣлавъ столь важную ошибку, Юрій совершенно предался волѣ Морозова. Все возставало противъ сего гордаго любимца Великокняжескаго. «Мы не привыкли служить Галичанамъ,» говорили Бояре и Воеводы, и ѣхали въ Коломну. Однимъ изъ первыхъ перемѣтчиковъ туда былъ Іоаннъ Димитріевичъ (301). Косой и Шемяка не могли

(301) Карамзинъ (т. V, стр. 261): «Пріѣхавъ въ Коломну, Василій началъ отвсюду сзывать къ себѣ *народъ*, Бояръ, Князей; *всѣ шли къ нему охотно*, ибо *признавали его законнымъ Государемъ*, а Юрія *хищникомъ*.... Въ нѣсколько дней *Москва опустѣла*: граждане *не пожалѣли ни жилищъ, ни садовъ своихъ*,

терпѣть болѣе. Въ набережныхъ сѣняхъ Крем-

и съ драгоцѣннѣйшимъ имуществомъ выѣхали въ Коломну, *гдѣ недоставало мѣста въ домахъ для людей, а на улицахъ для обозовъ.* Однимъ словомъ: сей городъ сдѣлался истинною столицею Великаго Княженія, *многолюдною и шумною.* Въ Москвѣ-же царствовали уныніе и безмолвіе: *человѣкъ рѣдко встрѣчался съ человѣкомъ,* и самые *послѣдніе жители готовились къ переселенію.* Случай единственный,» и проч. — *Ничего этого нѣтъ въ лѣтописяхъ,* и *могло-ли* это быть? Подобной прибавки не дозволилъ себѣ даже Щербатовъ: сличите его описаніе, забавное по слогу, но не столь обезображенное своевольнымъ вымысломъ о небывалой любви народной къ Василію (Ист. Росс. т. IV, ч. I, стр. 468). И прежде и потомъ, народъ равно повиновался Юрію и Василію, не разбирая правъ ихъ, а полюбить того или другаго особенно, ему и некогда еще было. Все дѣло заключалось въ крамолѣ придворной. Сличите для сего Лѣтописи. Морозовъ, измѣнникъ, или подкупленный Василіемъ, уговорилъ Юрія пощадить племянника, и отпустить съ нимъ приверженцевъ его. Это оскорбило другихъ царедворцевъ, предвидѣвшихъ бѣду: «И отъѣхаша на Коломну *всѣ дворяне* отъ мала и до велика, *не повыкли служить* Галицкимъ Княземъ, *и Иванъ Дмитріевичъ съ дѣтьми»* (Архангел. Лѣт. стр. 118). Въ *Никон. Лѣт.*, откуда Карамзинъ взялъ основаніе разсказа, говорится: «Иванъ Дмитріевичъ вознегодова, и не любо бысть ему сіе зѣло, что *простыню* даетъ ему (Василію), еще-же и удѣлъ хощетъ дати; и не точію единъ И. Д., но иніи мнози *бояре и слуги* разъяришеся о семъ, и нелюбо бысть сіе всѣмъ.... Князь Василій пришедъ на Коломну, нача звати къ себѣ людей от-

левскаго дворца, они поссорились съ Морозо-

всюду, *и мнози собирахуся къ нему* (только: *мнози*, а *не вся Москва переселилась въ Коломну*), *тоже Князи, и бояры, и воеводы, и вси дворяне* (т. е. *Московскіе*, завидовавшіе Галицкимъ временщикамъ), и *слуги* начаша откладыватись отъ Князя Юрія, и пойдоша съ Москвы на Коломну безпрестанно отъ мала и до велика, *понеже не любо имъ бысть всѣмъ на любовника Княже Юрьева, на Семена Морозова*.... и не остася *Москвичъ* (т. е. придворныхъ и чиновниковъ) *никтоже*» (Ник. Лѣт. т. V, стр. 114,115). Гдѣ-же тутъ подробности, выведенныя Карамзинымъ? — Имя Боярина Іоанна не упоминается въ лѣтописяхъ послѣ сего событія. Вѣроятно, онъ умеръ въ это время. Дѣти его, два сына: Иванъ и Семенъ, оставались у Василія, и были въ почетѣ. У *Семена* было два сына: Иванъ *Бздиха* и Андрей *Кутиха*; послѣдній умеръ бездѣтенъ; первый имѣлъ сына Семена, умершаго бездѣтнымъ. У *Ивана Ивановича* были *четыре* дочери, вышедшія за знатнѣйшихъ вельможъ при Іоаннѣ III-мъ: Князя Даніила Холмскаго, Князя Ивана Булгакова, Князя Семена Брюхатаго и Василья Ряполовскаго Косаго, который былъ постриженъ неволею въ 1499 году, и потомъ игралъ важную ролю въ старости своей, при Василіи Іоанновичѣ (См. *Родословныя*). Симъ прекратился *родъ Боярина Іоанна*. Родъ брата его, Ѳеодора Турика, кончился двумя бездѣтными сыновьями, изъ коихъ одинъ умеръ возвращаясь изъ Орды съ дядею, въ 1432 г., другой убитъ подъ Бѣлевымъ въ 1437 году. Родъ *Всеволожскихъ* продолжился отъ младшаго сына Александра Всеволодовича, *Ивана*, который былъ дядя Боярину Іоанну; другой дядя его, Владиміръ, умеръ бездѣтенъ.

вымъ, винили его въ измѣнѣ, называли старымъ крамольникомъ, лиходѣемъ своимъ, наводящимъ на бѣду слабаго ихъ отца. Отъ словъ дошло до мечей; въ бѣшенствѣ, Князья убили Морозова, и, боясь гнѣва отцовскаго, уѣхали изъ Москвы (302).

Что-же сдѣлалъ Юрій, оставленный дѣтьми и совѣтниками? Онъ уступилъ Василію добровольно то, чего добивался восемь лѣтъ съ такимъ насиліемъ, и что получилъ столь легко и неожиданно. Гнѣваясь на старшихъ дѣтей, онъ исключилъ ихъ изъ мира, и написалъ договоръ, по которому онъ, и младшій сынъ его, Димитрій Красный, уступали Василію Великое Княжество, оставляя себѣ прежній удѣлъ, Звенигородъ и Галичъ, промѣнивали Дмитровъ на Бѣжецкій Верхъ и нѣсколько Костромскихъ волостей, и отрекались отъ Косаго и Шемя-

302) «Поставиша брань на Морозова: «Ты учинилъ бѣду отцу нашему и намъ» (въ *Никон. Лѣт.* прибавлено еще: «Издавна еси намъ коромольникъ, и нашъ лиходѣй)! И убиша его въ набережныхъ сѣняхъ» (*Арх. Лѣт.* стр. 118). Просто: сдѣлалась ссора, и гордый измѣчникъ Морозовъ былъ убитъ въ запальчивости за оскорбленіе Косаго и Шемяки. Карамзинъ порицаетъ ихъ за то *жестокостью нрава* (т. V, стр. 212).

ки. Желая только спокойствія, Юрій отрекся ходить на войну съ Литвою; Василій обѣщался не пересуживать опредѣленій, сдѣланныхъ на Москвѣ Юріемъ, и принялъ на себя 600 рублей, занятыхъ имъ у Московскихъ гостей и суконниковъ, для уплаты Ордынскаго долга. Юрій удалился въ свой удѣлъ. Василій возвратился въ Москву (303).

Немедленно отправилъ онъ Юрія Патрикіевича на Косаго и Шемяку, съ сильною дружиною. Оставленные отцомъ и друзьми, сіи Князья не робѣли, собрали Галичанъ, Вятчанъ, разбили

---

(303) Новыя *прибавки* Карамзина (т. V, стр. 262): «Василій явился провождаемый Боярами, *толпами народа и радостнымъ ихъ кликомъ.* Зрѣлище было необыкновенное: *вся дорога отъ Коломны до Москвы* (т. е. почти 100 верстъ) *представлялась улицею многолюднаго города,* гдѣ пѣшіе и конные обгоняли другъ друга, стремясь вслѣдъ за Вел. Княземъ, какъ *пчелы за маткою,* по старому, любимому выраженію нашихъ лѣтописцевъ.»—Этого нѣтъ ни въ *Ник. Лѣт.*, ни въ *Степенной книгѣ*, ни у *Щербатова!* — Договоръ Василія съ Юріемъ, въ *Собр. Гос. грам.* т. I, № 49. Юрій, оскорбленный смертію Морозова, говоритъ: «Дѣтей ми своихъ, большихъ, Князя Василія, да Князя Дмитрія не пріимати, и до своего живота, ни моему сыну меньшому Князю Дмитрію не пріимати ихъ, а тебѣ (Василію) ихъ также не пріимати.»

неискуснаго Воеводу Московскаго на рѣкѣ Куси, взяли его самого въ полонъ, отступили къ Костромѣ, и укрылись потомъ въ тамошнія дикія лѣсныя мѣста.

Старикъ Юрій не вступался въ дѣла старшихъ дѣтей, но мщеніе Василія безразсудно упало на него. Досадуя на разбитіе рати своей, Василій обвинялъ дядю, что въ бою на Куси, въ войскѣ Косаго и Шемяки были его воины и воеводы. Не смѣя нападать на Косаго и Шемяку, онъ пошелъ къ Галичу, гдѣ спокойно жилъ старый его дядя. Юрій бѣжалъ въ Бѣлозерскъ. Василій выжегъ беззащитный Галичъ, и отступилъ къ Переяславлю. Тогда, оскорбленный Юрій рѣшился снова возстать на неблагодарнаго племянника. Онъ простилъ сыновей своихъ; скоро собрались къ нимъ отвсюду дружины, и раннею весною Князья двинулись на Василія. Жестокій бой происходилъ въ Ростовской области, близъ монастыря *Св. Николая на горѣ*. Совершенно разбитый, Василій не смѣлъ укрыться въ Москвѣ и бѣжалъ въ Новгородъ. Союзникъ его, Князь Можайскій, съ поля битвы укрылся въ Тверь, куда предварительно отвезъ онъ мать свою. Здѣсь въ одно время, посланный отъ Василія молилъ его не отступать въ несчастіи, а посланный отъ Юрія звалъ его мириться съ дядею. Можайскій не поколебался; онъ велѣлъ ска-

зать Василію: «Гдѣ ни буду, вездѣ я твой человѣкъ; но если потеряю отчину, мать моя наскитается по чужбинѣ,» поѣхалъ къ Юрію, и засталъ его уже у Троицкаго монастыря (304).

Василій бѣжалъ не останавливаясь до самаго

(304) Карамзинъ говоритъ, что Юрій «скоро *нарушилъ свое обѣщаніе*, и *послалъ къ дѣтямъ своимъ дружину*» (т. V, стр. 263). Въ Лѣтописяхъ *этого нѣтъ*. Доказательство, что на Юрія взводили напраслину, заключается въ событіяхъ: Косой и Шемяка, разбивъ Москвичей, ушли къ Костромѣ, потомъ къ Волгѣ, къ Турдеевымъ оврагамъ (?); а Юрій, надѣясь на чистоту своей совѣсти, спокойно жилъ въ Галичѣ, и едва успѣлъ убѣжать оттуда на Бѣлоозеро, когда посланные отъ Василія внезапно напали на него. Въ *Арханг. Лѣт.* стр. 119, сказано, что у Косаго и Шемяки были *Вятчане* и *Галичане*. Но сіи послѣдніе, разумѣется, были *не Князя Юрія дружина,* но удалая сволочь, которая всегда подкрѣпляла любаго Князя, призывавшаго ее. Тутъ-же сказано, что Косой и Шемяка засѣли въ Галичѣ уже *по уходѣ отца ихъ*. Наконецъ въ *Псковской Лѣтописи* просто объясняется: «Князь Великій *пойде ратью на Князя Юрія, черезъ мирную руку и правду;* церкви пожже въ Галичѣ и монастыри,» и проч. (Ист. Г. Р. т. V, прим. 273). О битвѣ въ Ростовской области, *Типогр. Лѣт.* стр. 251, говоритъ, что сія битва происходила на рѣкѣ *Могзѣ*. На большой картѣ Россіи находимъ рѣку *Макзу*, впадающую въ рѣку Устье, текущую въ рѣку Которосль; на Макзѣ есть селеніе

Новгорода, молилъ, просилъ тамъ о помощи и защитѣ. Явленіе было давно невиданное: Великіе Князья со временъ Калиты не пріѣзжали бить челомъ Новогородскому вѣчу (305). Василій думалъ, что за нимъ гонятся по слѣдамъ. Вѣче шумно вооружилось на его защиту. Толпы воиновъ Новгородскихъ выѣхали, вышли на встрѣчу дружинъ Юрія, ждали и не дождались ихъ, ибо Юрій не думалъ преслѣдовать бѣглеца, но спѣшилъ прямо къ Москвѣ. Въ среду на Страстной недѣлѣ сталъ онъ подъ Москвою, окружилъ войсками Кремль, гдѣ затворились мать и супруга Василія; пораженіе Московскихъ дружинъ было столь быстро и неожиданно, что Княгини не успѣли убѣжать изъ Москвы. Въ среду на Святой недѣлѣ Кремль сдался; плѣнныхъ Княгинь отослали въ Звенигородъ, и

Никольское. — Къ Іоанну Можайскому въ Тверь пріѣзжалъ отъ Василія *Андрей Голтяевъ*, дѣятельный участникъ всѣхъ дѣлъ Василія.

(305) Александръ Михайловичъ Тверской былъ *послѣдній* Великій Князь, просившій милости Новгородцевъ, въ 1328 году. И черезъ *сто лѣтъ* послѣ сего, въ Новгородъ прибѣжалъ потомокъ Калиты, Симеона, Димитрія, Василія, постоянныхъ притѣснителей Новгородскихъ! Какъ гордо вступились за него Новгородцы: «*Выѣха* весь Великій Новгородъ ратію въ поле,» и проч. (Новг. Лѣт. Г. 1434-й).

Юрій Димитріевичъ имѣлъ наслажденіе — еще разъ объявить себя Великимъ Княземъ, и умереть на Великокняжескомъ престолѣ (306).

Онъ не прожилъ и трехъ мѣсяцевъ; успѣлъ только послать на Василія дружины свои, подъ начальствомъ Шемяки и Краснаго. Василій находился въ Новгородѣ три недѣли, видѣлъ ненадежность защиты, поѣхалъ на Мологу, въ Кострому, въ Нижній Новгородъ, вездѣ слышалъ отказъ, и уже готовился бѣжать въ Орду. Шемяка велъ на него войско, и стоялъ во Владимірѣ, когда получилъ отъ Косаго извѣстіе о смерти отца: Юрій скончался въ началѣ Іюня (1434 г.). Косой увѣдомлялъ брата о вступленіи своемъ на престолъ Великокняжескій (307).

Шемяка показалъ великодушіе необыкновенное. Съ кончиною Юрія, Василій Васильевичъ получалъ законное *право наслѣдства*, какъ сынъ *старшаго* брата. Этого желалъ, кажется, и Юрій при кончинѣ своей. Можетъ быть, стоя на порогѣ гроба, онъ увидѣлъ всю суетность честолюбивыхъ предпріятій своихъ, и, всегда бывши бла-

(306) Типогр., Стр. и другіе Лѣтописи.

(307) Гробница Юрія находится въ Архангельскомъ соборѣ.

гочестивымъ Христіаниномъ (308), раскаявался, но поздно, что мирное спокойствіе старости промѣнялъ на волненіе честолюбія и суетной власти. По крайней мѣрѣ, онъ оставилъ Духовную, въ которой раздѣляетъ сыновьямъ только свой *наслѣдственный удѣлъ*, *Царское жалованье* — Дмитровъ, *Костромскія селы*, выговоренныя у Василія, и *Вятку*. О Великомъ Княжествѣ нѣтъ ни слова въ Духовной Юрія (309).

---

(308) Карамзинъ не хотѣлъ замѣтить великодушнаго подвига Шемяки, которому немного найдемъ примѣровъ въ Исторіи. Онъ приписываетъ благородный поступокъ сей тому, что Шемяка *«не любилъ и презиралъ своего брата»* (т. V, стр. 265)! Но Лѣтописи сохранили намъ прекрасныя слова Шемяки, сказанныя при полученіи извѣстія о смерти отцовской, и выражающія, не злобу къ родному брату, но совершенную покорность Шемяки Провидѣнію. — Благочестіе Юрія доказывается тѣмъ, что онъ особенно благотворилъ обители Троицко-Сергіевской, и болѣе другихъ его иждивеніемъ построена была церковь надъ мощами Св. Сергія (Ист. Росс. Іерархіи, т. II, стр. 63). Звенигородская обитель Св. Саввы была имъ-же основана, и Св. Савва Звенигородскій былъ его другомъ и духовникомъ. По восшествіи своемъ на Великокняжество, Юрій перевелъ Св. Савву въ Троицко-Сергіевъ монастырь, гдѣ онъ оставался однакожъ недолго, опять перешелъ въ Звенигородъ, и мирно скончался во своей обители.

(309) Духовная Юрія, въ *Собр. Г. грам.* т. I, № 51.

Изумленный неожиданною кончиною отца, узнавъ послѣднюю волю его, Шемяка велѣлъ сказать старшему брату: «Если не было судьбы Божіей княжить отцу нашему, мы съ братомъ не хотимъ видѣть тебя на мѣстѣ его,» и послалъ къ Василію Васильевичу, признавая его Великимъ Княземъ и призывая въ Москву.

Василій едва вѣрилъ неожиданнымъ словамъ— такъ невозможенъ казался ему великодушный поступокъ Шемяки. Готовый бѣжать къ Татарамъ для спасенія живота, Василій вдругъ увидѣлъ себя повелителемъ сильной, посланной противъ него дружины воинской. Онъ пріѣхалъ во Владиміръ, дружески былъ встрѣченъ Шемякою, и вмѣстѣ съ нимъ двинулъ войско на Москву. Въ безсильной ярости, Косой проклиналъ поступокъ братьевъ, не хотѣлъ уступать, бѣжалъ изъ Москвы, но не отказался отъ борьбы за Великое Княжество. Братья объявили себя непричастными будущимъ дѣламъ Косаго, предоставили Василію управляться съ нимъ, не спорили, когда Василій объявилъ его лишеннымъ удѣла и присовокупилъ Звенигородъ къ Великому Кня-

Карамзинъ утверждалъ, что сія Духовная Юрія была написана «задолго до его смерти» (т. V, 264). Когда-же? Карамзину хотѣлось симъ утвержденіемъ уничтожить силу важнаго акта, доказывающаго слабую, но добрую душу престарѣлаго Князя.

жеству, не спорили ни за Дмитровъ, ни за Вятку. Они взяли только свои удѣлы: треть Москвы, Рузу, Галичъ, Вышгородъ. Василій придалъ имъ еще удѣлъ умершаго въ то время дяди Константина, Угличъ и Ржевъ. Шемяка и Красный мирно подѣлились между собой, и дружески разстались съ Москвою (310).

Шемяка хотѣлъ добра, мирился искренно — увидимъ это изъ послѣдствій, и изъ дѣлъ узнаемъ характеръ сего Князя, храбраго, добраго, пылкаго готоваго на зло только въ минуту гнѣва, но всегда способнаго загладить потомъ свое преступленіе раскаяніемъ, охотно прощавшаго обиду и довѣрчиваго до легкомысленности. Не таковъ былъ Василій — скрытный, хитрый, жестокій, подозрительный. До сихъ поръ

---

(310) Договоръ Шемяки и Краснаго съ Василіемъ въ *Собр. Гос. граматъ*, т. I, № 52, 53. Умѣренность, съ какою поступалъ при семъ случаѣ Шемяка, *не хотѣвшій ничего выторговать*, и упорное соблюденіе мира, до послѣдней, крайней обиды, какую нанесъ ему Темный въ 1434 г., наградивъ дружбу его вѣроломнымъ заключеніемъ въ темницу, доказываютъ великодушный, хотя и горячій, безразсудный характеръ Шемяки. Нечего спорить о томъ, что идя противъ Василія, онъ могъ выиграть гораздо больше, и что Василій согласился-бы при семъ случаѣ на всякія пожертвованія.

еще не знали его: онъ вскорѣ показалъ вполнѣ умъ свой, и — душу! Испытанный неудачами съ самаго дѣтства, до двадцати-лѣтняго возраста княживъ уже около десяти лѣтъ, воспитанный опытными совѣтниками хитраго отца, въ юности испытавшій Ордынскія крамолы, два раза терявшій престолъ свой, онъ — не хотѣлъ потерять его въ третій разъ. . . .

Надобно было управиться съ Косымъ. Разъяренный потерею Великокняжества, Косой захватилъ казну отцовскую, бѣжалъ въ Переяславль, подговорилъ тамъ Московскаго Намѣстника, Князя Романа, и ушелъ въ Новгородъ. Новгородцы не хотѣли ему помогать, вѣроятно, видя несообразность борьбы съ Москвою. Узнавъ, что Романъ хочетъ снова передаться Москвѣ, Косой умертвилъ его безчеловѣчно, и оставилъ Новгородъ, дѣйствуя какъ непріятель (311). Онъ надѣялся на храбрость: зналъ, что однажды въ одной битвѣ рѣшилась участь Василія; думалъ, что это можетъ случиться

(311) Роману отрубили руку и ногу. Въ *Новг. Лѣт.* г. 1434-й: « много пограби, идуще по Мстѣ, и по Бѣжецкому Верьху, и по Заволочью, и много зла бысть отъ него » (Косаго). О характерѣ сего Князя спора быть не можетъ. Онъ виденъ изъ дѣлъ: гордый, свирѣпый, упрямый.

въ другой разъ, и собиралъ вольныя дружины въ сѣверныхъ областяхъ, грабя селенія по берегамъ Мсты, въ Бѣжецкѣ и Заволочьѣ. Зимою выступилъ протпивъ него Василій. Косой бросился съ своими толпами отъ Костромы къ Москвѣ. Враги встрѣтились между Ростовомъ и Ярославлемъ, на берегахъ Которосли. Толпы Косаго не устояли въ битвѣ (Января 6, 1435 г.). Но Косой не унывалъ. Схвативъ дружины, остававшіяся въ Кашинѣ, онъ набѣгомъ ограбилъ Вологду, взялъ въ полонъ тамошнихъ Воеводъ, звалъ къ себѣ Вятчанъ, и, усиленный ими, снова стоялъ у Костромы, готовый на битву. Василій неутомимо преслѣдовалъ его и пришелъ также къ Костромѣ. Рѣка разлучала ихъ; переправиться было невозможно. Василій предложилъ миръ; Косой согласился, получилъ Дмитровъ, казался довольнымъ, и пріѣхалъ въ новый удѣлъ свой (312).

Но непримиримые соперники только обманывали другъ друга. Проживъ мѣсяцъ въ Дмитровѣ, Косой прислалъ въ Москву договорныя гра-

---

(312) Карамзинъ говоритъ, что въ Императорской Библіотекѣ хранится списокъ договора, заключеннаго между Косымъ и Василіемъ, подъ Костромою (т. V, прим. 278). Но онъ не излагаетъ содержанія сего договора.

машы, объявилъ войну снова и уѣхалъ въ Кострому. Опять собрались къ нему отвсюду вольныя дружины и Вятчане. Василій рѣшился нанести ударъ окончательный, медлилъ, приготовлялся, звалъ Князя Можайскаго и брата Косаго, Димитрія Краснаго. Къ зимѣ, Косой началъ войну походомъ на Галичъ и Устюгъ. Галичъ сдался. Устюгъ, гдѣ затворился Князь Оболенскій, воевода Московскій, защищался девять недѣль, и, взятый приступомъ, былъ опустошенъ. Оболенскаго, Десятника Митрополичьяго и многихъ Устюжанъ убили, повѣсили; Вятчане вновь усилили войско Косаго. Онъ ждалъ только весны, и хвалился, что теперь уже не устоять Москвѣ (313).

Шемяка рѣшительно не вмѣшивался въ сіи междоусобія. Онъ мирно жилъ въ Угличѣ и сочетался въ это время на Княжнѣ Софіи, дочери Князя Димитрія Заозерскаго, одного изъ удѣльныхъ Князей Ярославскихъ, которому принадлежали небольшія земли за Кубенскимъ озе-

(313) Замѣтимъ, что не смотря на свою свирѣпость, Косой не дѣйствовалъ измѣною: онъ *объявилъ войну* Василію; мечу предоставлено было отъ него рѣшеніе дѣла. Въ *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 14, «розметныя (грамоты) посла.... и пойде съ Устюга на Вел. Князя, похваляся.»

ромъ (314). Желая доказать искреннюю дружбу свою Великому Князю, и осуждая поступки брата, Шемяка пріѣхалъ въ Москву, звать къ себѣ Василія на свадьбу въ Угличъ. Подозрительный Василій видѣлъ злоумышленіе въ добродушной довѣрчивости Шемяки, или хотѣлъ имѣть въ рукахъ важнаго заложника. Шемяку оковали цѣпями по его повелѣнію, свезли на Коломну и заключили въ тюрьму. Бояринъ Старковъ былъ у него приставомъ (315).

---

(314) Князь Дмитрій Заозерскій былъ потомокъ Ѳеодора Чернаго (см. И. Р. Н. т. IV, прим. 248), праправнукъ его, сынъ Князя Василья Ярославскаго, который раздѣлилъ удѣлы сыновьямъ. *Заозерье* составляли земли *за Кубенскимъ озеромъ*. Пребываніе Заозерскихъ Князей было въ городкѣ на устьѣ Кубены, гдѣ нынѣ село *Устье*. Димитрій Заозерскій особенно отличался благочестіемъ: онъ устроилъ Кушшинскій монастырь, въ 3-хъ верстахъ отъ своего мѣстопребыванія, пригласивъ туда Св. Александра съ рѣки Сянжены; сынъ Князя Димитрія, Андрей, будучи 12-ти лѣтъ, удалился въ Каменскій монастырь (*Ист.* Р. Н. т. *IV*, прим. 203), и тамъ постригся. Тѣло его было обрѣтено нетлѣнно впослѣдствіи (Исторія Рос. Іерархіи т. III, стр. 89, и IV, 331). Темный уничтожилъ потомъ Заозерское княжество, за родство Князя Димитрія съ Шемякою. Потомки Димитрія Заозерскаго были при Дворѣ Московскихъ Великихъ Князей, подъ именемъ Князей *Кубенскихъ*.

(315) Здѣсь даже и Карамзинъ, видѣвшій въ Шемякѣ образецъ злобы и низости, осуждаетъ поступокъ

Пока одинъ братъ томился въ желѣзахъ, Василій погубилъ злобнаго врага своего, другаго брата, и погубилъ такъ немилосердо, что напомнилъ современникамъ ужасную судьбу Василька и злодѣйство Давида, совершившееся въ XI-мъ столѣтіи и съ тѣхъ поръ неслыханное! Василій выступилъ весною изъ Москвы, съ силами многочисленными. Войско Косаго усилили въ это время воины Шемяки, желавшіе мстить за своего Князя. На отчаянную битву сошлись въ Ростовской области, близъ Скарятина. Косой хотѣлъ обмануть непріятеля: просилъ перемирія до слѣдующаго утра, и, думая застать Москвитянъ въ расплохъ, ударилъ внезапно. Но Василій былъ остороженъ, показалъ смѣлость

Василія, называя его «дѣйствіемъ противнымъ чести,» которое «не могло быть оправдано подозрѣніемъ въ тайныхъ, враждебныхъ умыслахъ, еще недоказанныхъ и сомнительныхъ» (т. V, стр. 266). *Подозрѣніе* не оправдалось и потомъ, ибо Шемяка умѣлъ простить Василію даже и это тяжкое оскорбленіе. Самъ Щербатовъ *философствуетъ* при семъ случаѣ весьма неблагопріятнымъ образомъ для Василія (Ист. Росс. т. IV, ч. I, стр. 383), хотя видитъ въ немъ примѣръ всѣхъ добродѣтелей. Карамзинъ нашелъ однакожъ средство оправдать Василія, говоря, что «дружество между Князьями, равно малодушными и жестокосердыми, не могло быть истиннымъ» (т. V, стр. 265).

необыкновенную, самъ трубилъ сборъ и учреждалъ воиновъ. Литовскій Князь Иванъ Баба-Друцкій, выѣхавшій въ Москву изъ Риги, устроилъ полкъ копейщиковъ по-Литовски и разстроилъ отчаянное нападеніе Косаго. Косой бѣжалъ; за нимъ гнались. Воевода Борисъ Тоболинъ первый догналъ его, крича: «Держите! Вотъ Василій Юрьевичъ!» Князь Друцкій прискакалъ за тѣмъ. Они оба напали на Косаго, пересилили его и привели къ Великому Князю. Немедленно несчастный плѣнникъ былъ отправленъ въ Москву. Одинъ изъ отрядовъ Косаго успѣлъ было захватить Князя Ярославскаго съ Княгинею, но дѣло оказалось безполезнымъ. Сообщники и дружины Косаго разсѣялись. Великій Князь велѣлъ *вынять очи* Косому, и страшная казнь совершилась Мая 21-го 1435 года, въ Москвѣ. . . .

Симъ кончилось *историческое* существованіе *старшаго сына* Юрія Димитріевича, по старшинству рода *втораго внука* Димитріева. Не знаемъ даже: гдѣ доблачилъ бѣдный остатокъ жизни своей несчастный слѣпецъ? Вѣроятно, какая нибудь обитель Московская служила ему горестнымъ убѣжищемъ. Онъ скончался въ 1448 году, и былъ похороненъ въ Архангельскомъ соборѣ, въ гробѣ отца, недалеко отъ гроба дѣда. . . . Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него,

через 14-ть лѣтъ потомъ, поставили и Васильевъ гробъ (316)....

Идя на Косаго, Василій велѣлъ освободить Шемяку отъ оковъ. Но свободу дали ему тогда только, когда Косой былъ уже лишенъ Божьяго свѣта. Шемяка не мстилъ. Но могъ-ли онъ теперь быть другомъ Василія? — Онъ удалился въ Угличъ. Василій страшился Шемяки; не враждовалъ явно, но безпрестанно требовалъ новыхъ договоровъ, и притѣснялъ его. Мы имѣемъ три договорныя грамоты Василія съ Шемякою: одну сходную съ заключенною въ 1434-мъ году; двѣ другія писаны въ Іюнѣ 1436 года. Кромѣ обыкновенныхъ условій, Шемяка обѣщалъ не вступаться въ Звенигородъ, Дмитровъ, Вятку; отдать плѣнныхъ, захваченныхъ имъ, отцомъ его, или *недругомъ* Великаго Князя Васильемъ Косымъ; обѣщалъ отыскать и отдать казну и имѣніе Великокняжескія, матери, бояръ

(316) Строевск. *Лѣт.* т. II, стр. 14. *Въ Тип. Лѣт.* стр. 253, говорится, что битва между Косымъ и Василіемъ, зимою 1435 г., была подлѣ селъ Козминскаго и Великаго (первое донынѣ находится на рѣкѣ *Которосли*); что Князь Тверской помогъ послѣ того войскомъ Косому, а Князь Заозерскій, напротивъ, не *хотѣлъ* соединиться съ нимъ, и Косой разбилъ его, захватилъ сестру его и мать, и раззорилъ его землю; наконецъ, что битва, гдѣ захватилъ Косаго Ва-

Василія, дяди Константина и Косаго, *если они найдутся гдѣ нибудь, или дойдутъ какимъ нибудь образомъ въ руки Шемяки* (317). Вскорѣ потребовали отъ Шемяки исполненія статьи, включенной во всѣ договоры: «Всядешь ты, Великій Князь, на конь на своего недруга, и мнѣ съ тобою пойдти, а куда меня пошлешь, мнѣ идти безъ ослушанія; пошлешь-*ли* своихъ воеводъ, и мнѣ своихъ послать съ ними.»

Мы сказали, что судя и оканчивая рѣшеніемъ распрю Юрія и Василія въ 1431 году, Улу-Махметъ едва самъ держался на шаткомъ тронѣ Золотой Орды. На другой годъ, Кичи-Махметъ, юный противникъ сего Хана, и Седи-Ахметъ, Ханъ Астраханскій, пришли на Сарай и изгна-

---

силій, происходила на урочищѣ *Лизъ* (?), подлѣ Ростова. О взятіи Ярославскаго Князя Вятчанами, см. *Арханг. Лѣт.* стр. 122. — О выѣздѣ Князя Бабы-Друцкаго «отъ Мейстера изъ Риги, въ безвремяньѣ своемъ,» см. *Пск. Лѣт.* (Карамз. т. V, прим. 280).

(317) «Что, Господине, его казны отколѣ ко мнѣ придетъ и отколѣ чего достану, и мнѣ то, Господине, тебѣ, Великому Князю, отдати все по докончанію и по крестному цѣлованію.» Договоры Шемяки съ Василіемъ, въ *Собр. Гос. граматъ*, т. I, № 52 и 53, 54 и 55, 56 и 57, 58 и 59 (послѣдніе 13 Іюня, 1436 г.). Странное условіе, по которому всегда можно было начать войну!

ли Улу-Махмета (1432 г.). Онъ рѣшился оставить несчастный предметъ спора — тронъ Золотой Орды — и откочевалъ съ своими ордами на берега Дона. Кичи-Махметъ объявилъ себя Ханомъ Золотой Орды; Седи-Ахметъ правилъ его именемъ. Но, они не хотѣли оставить въ покоѣ врага, еще сильнаго, и въ 1438 году пришли гнать Улу-Махмета съ береговъ Дона. Изгнанный Ханъ не посмѣлъ рѣшиться на битву. Онъ набралъ себѣ нѣсколько отборныхъ дружинъ и удалился въ Русскія области (318).

Появленіе Монголовъ не было явленіемъ рѣдкимъ; но положеніе Улу-Махмета — *перваго* изъ Ордынскихъ повелителей, пришедшаго просить милости и покровительства Русскихъ Князей — казалось необыкновеннымъ. Ханъ занялъ своими дружинами Бѣлевъ, обѣщался не причинять никакого вреда и уйдти весною. Онъ напоминалъ Василію о благодѣяніи, о томъ, что нѣкогда онъ посадилъ его на Великокняжескій престолъ. Слыша о небольшомъ числѣ войска, бывшаго съ Ханомъ, Василій думалъ, что те-

---

(318) Изслѣдованія Г-на Буткова. Кичи-Махметъ напалъ на Улу-Махмета отъ Азова, перешедъ Донъ по льду, близъ *Бозагата*; сынъ Эдигея перешелъ Донъ 204 версты выше сего, близъ *Палястра*. Кажется, что J. Барбаро, у котораго взяты сіи подробности, ошибочно сказываетъ названіе обоихъ мѣстъ.

перь предстоитъ случай легко отдавить одну изъ головъ гидры Монгольской, не слушалъ словъ и убѣжденій Улу-Махмета, и послалъ на него многочисленное, нестройное войско. Къ удивленію всѣхъ, онъ ввѣрилъ начальство надъ нимъ Шемякѣ и Красному (319).

Шемяка повиновался, но не могъ управлять необузданными толпами Москвичей. Онѣ шли походомъ по своей землѣ, какъ по сторонѣ непріятельской, грабили, жгли, отнимали имѣнія. Шумно окруживъ Бѣлевъ, воеводы Московскіе не хотѣли слушать предложеній Хана, и безъ порядка напали на Бѣлевъ. Монголы сражались храбро; зять Ханскій палъ въ битвѣ; Руские смяли и прогнали Монголовъ, но не воспользовались побѣдою, ибо когда одни вогнались за бѣгущими въ самый городъ, другіе начали от-

(319) Такъ въ *Никон. Лѣт.* т. V, стр. 125, и въ *Костромской Лѣт.* т. I, стр. 295. Но точно-ли Шемяка и Красный *предводительствовали* Московскимъ войскомъ? Не были-ль они просто *союзниками?* Карамзинъ ссылается въ этомъ на *Никоновскую Лѣтопись* (т. V, прим. 288). Но и въ Строевской Лѣт. т. II, стр. 14, Шемяка и Красный названы предводителями. За то въ *Арханг. Лѣт.*, стр. 125, даже не упоминается о нихъ, и сказано просто: «Князь Великій *послалъ своихъ воеводъ многихъ,*» и проч.

ступать. Хотѣли возобновить битву на другой день. Сыскался измѣнникъ — Мценскій Воевода Григорій Протасьевъ. Коварно увѣряя, что Ханъ безъ битвы уступитъ и согласится на всѣ условія, онъ уговаривалъ Рускихъ не трогаться. Въ самомъ дѣлѣ Ханъ прислалъ просить переговоровъ. Двое Московскихъ воеводъ, Собакинъ и Голтяевъ, отправились въ Бѣлевъ. Пользуясь утреннимъ туманомъ, Монголы вышли скрытно изъ города и напали на обширный таборъ Московскій. Никто не былъ готовъ къ битвѣ. Сообщники Григорія бѣгали по стану, крича: *спасайтесь!* и все побѣжало. Между тѣмъ Ханъ уговаривалъ Голтяева и Собакина, просилъ у нихъ пощады, обѣщался прозимовать мирно, отдавалъ въ залогъ договора дѣтей, обѣщался, когда Богъ пособитъ ему сѣсть опять на Ордынское царство, беречь Русь, не требовать съ нея ни дани, ни выхода. Воеводы Московскіе ни на что не соглашались, требовали покорности безусловной. «Если вы ни на что несогласны, то оглянитесь-же назадъ!» отвѣчали имъ Монголы насмѣшливо, и указали на Рускихъ, бѣгущихъ въ безпорядкѣ. Несчастное пораженіе подъ Бѣлевымъ происходило 5-го Декабря. Монголы гнались за Рускими и совершенно разсѣяли ихъ, испуганныхъ до того, что десятерыхъ гналъ одинъ Татаринъ. Князья Ѳедоръ Торусскій, Андрей Стародубскій, пле-

мянникъ боярина Іоанна Димитріевича (Өедоръ Туриковъ), и многіе воеводы погибли въ бѣгствѣ (320).

Василій не испугался удачи Хана, зная его

(320) Карамзинъ приписываетъ безпорядки и разбитіе Рускихъ Шемякѣ и Красному, называя сихъ Князей: «вожди, столь недостойные, что они *казались народу* атаманами разбойниковъ, отъ Москвы до Бѣлева не оставивъ *ни одного селенія* (?) въ цѣлости, вездѣ грабили, отнимали скотъ, имѣніе, и нагружали возы добычею» (т. V, стр. 272). Если и положить, что Шемяка и Красный начальствовали войскомъ, то имѣли-ль они власть остановить безпорядки, будучи окружены врагами, сильными Московскими воеводами? Замѣтьте, что *не Шемяка*, а *Голтяевъ*, родня и одинъ изъ главныхъ воеводъ и любимцевъ Василія, велъ переговоры съ Ханомъ. Впрочемъ, въ *Стр.* и *Арх. Лѣт.* вовсе не говорится о грабежѣ селеній; это извѣстіе взято изъ *Ник.* и *Костромской Лѣт.*, которыя многое разсказываютъ не такъ, ничего не говорятъ объ измѣнѣ Протасьева, и всю бѣду приписываютъ Шемякѣ, а вмѣстѣ съ нимъ умысламъ человѣконенавидца дьявола. Карамзинъ беретъ въ основаніе *Ник. Лѣтопись*, и не упоминаетъ о Протасьевѣ. Сей измѣнникъ былъ храбрый Литовскій воевода, отразившій Татаръ отъ Мценска, въ 1422 г., и пріобрѣтшій послѣ того милость Улу-Махмета, (см. прим. 288). — Замѣтимъ, что Василій не мстилъ Шемякѣ за Бѣлевское несчастіе, и нигдѣ не приводилъ его потомъ въ обвиненіе своего врага. Не ясное-ли доказательство невинности Шемяки въ семъ дѣлѣ?

безсиліе. Улу-Махметъ не смѣлъ причинять вреда, сидѣлъ въ Бѣлевѣ смирно, но клялся отмстить неблагодарному Московскому Князю, и съ весною ушелъ — не воевать Золотую Орду, но основать орду новую, ближе къ сердцу Руси. Берега Волги, столь часто опустошаемые набѣгами вольницы Новгородской и походами Рускихъ, неподалеку отъ древняго города Булгаровъ были обитаемы многочисленными, безпорядочными ордами. Улу-Махметъ явился среди сихъ ордъ, и возобновилъ тамъ древній юртъ Батыя— *Казань*, оставивъ Сарайскую Орду въ жертву междоусобій и погибели. Вскорѣ, Казань сравнялась обширностію съ упадающимъ Сараемъ, и превзошла его. Обитатели ея приняли нравы и обычаи горожанъ Востока; оставивъ кочевую и полу-кочевую жизнь свою, они воздвигли крѣпкія стѣны, великолѣпныя мечети, и слухъ о новомъ *Казанскомъ* царствѣ привлекалъ въ него отвсюду обитателей — изъ Сарая, Азовскихъ, Крымскихъ улусовъ, Сибири и Бухары. На торжищахъ Казанскихъ явились богатства торговли; сильныя полчища вскорѣ начали выходить изъ стѣнъ города Улу-Махметова, и басни прославили въ памяти народной начало Казани — весьма обыкновенное (321).

---

(321) *Казань*, мѣсто, столь славное въ Исторіи Русской съ сего времени, извѣстно было еще въ на-

Кичи-Махметъ и Седи-Ахметъ недолго оставались мирными обладателями Сарая, какъ будто это обиталище Батыя было заклято на

чалѣ XIII-го вѣка. Оно упоминается въ числѣ Булгарскихъ городовъ, взятыхъ Батыемъ (Оссона, H. des M., ч. II, стр. 710). Здѣсь былъ потомъ лѣтній юртъ Батыевъ. Въ Русскихъ Лѣтописяхъ, о Казани нѣсколько разъ упоминается потомъ въ описаніяхъ набѣговъ Рускихъ на берега Волги. Древній знаменитый Булгарскій городъ, или *Булгары*, находился верстахъ въ 90-та отъ Казани, которая, по возобновленіи ея Махметомъ, устроилась подъ 55° 47′ с. ш. и 66° 47′ д. в., разстояніемъ отъ Москвы въ 821 верстахъ, отъ Нижняго въ 345 верстахъ. Мѣстоположеніе Казани было чрезвычайно выгодно: *Волга*, путь на югъ и сѣверо-западъ, течетъ въ 4-хъ верстахъ отъ сего города; *Кама*, впадающая въ Волгу, *Вятка*, впадающая въ Каму, открываютъ пути въ сѣверъ и въ Пермію; по послѣднему пробрались потомъ Руские въ Сибирь. — Сказки о началѣ Казани: будто Улу-Махметъ, бывши въ Бѣлевѣ, молился Богу, и видѣлъ небесное видѣніе, повелѣвшее ему идти на Волгу; что на мѣстѣ Казани жилъ нѣкогда страшный драконъ, *Зилантъ*, и былъ убитъ основателями Казани (*Зилантовъ монастырь*, донынѣ есть въ Казани, по преданію, построенный на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была пещера дракона); что имя Казани происходитъ отъ слова: *Казанъ* (котелъ), ибо Улу-Махметъ нашелъ въ землѣ безмѣрный котелъ съ золотомъ, и проч.

гибель Монголовъ. Кичи-Махметъ умертвилъ одного изъ дѣтей Эдигея (1439 г.), и былъ низвергнутъ симъ престарѣлымъ Ханомъ. Эдигей вскорѣ окончилъ жизнь долголѣтнюю, болѣе полу-столѣтія бывъ однимъ изъ главнѣйшихъ лицъ въ Исторіи Монгольскихъ ордъ, Литвы и Руси, сопутствовавъ нѣкогда Тимуру, остановивъ успѣхи Витовта, и враждою съ Тохтамышемъ сдѣлавшись столько-же благодѣтелемъ, сколько по собственнымъ дѣламъ былъ онъ врагомъ Русскихъ земель. Седи-Ахметъ воцарился въ Сараѣ. Онъ властвовалъ до 1460 года, и оставлялъ въ покоѣ Русь. Послы его приходили въ Москву (около 1445 г.), требовать дани; ихъ угостили и наградили подарками, но не дали имъ ничего. Седи-Ахметъ думалъ послѣ того воевать. Мы упомянемъ впослѣдствіи о набѣгахъ Ордынскихъ Монголовъ. Скажемъ здѣсь, что они были неважны, и Москва мало о нихъ помышляла. Седи-Ахмета также гораздо болѣе Москвы занимало усиленіе Крымскихъ Монголовъ. Тамъ, въ концѣ первой половины XV-го вѣка, всѣ улусы соединились подъ властію одного изъ потомковъ Тохтамышевыхъ, Хаджи-Гирея. Онъ властвовалъ надъ Крымомъ и Придонскими ордами, воевалъ съ Золотою Ордою, и сдѣлался столь славенъ, что забывъ древнее происхожденіе Крымскаго царства, Хаджи-Гирея считали родоначальникомъ Крым-

скихъ Хановъ, и всѣ потомки его принимали имя *Гиреевъ* (322).

Увидимъ сношенія Руси съ симъ новымъ гнѣздилищемъ Батыевыхъ потомковъ; при Василіи, не уважая древнимъ Сараемъ, Руские *только слышали* о Крымѣ. Но тѣмъ страшнѣе было для нихъ новое Улу-Махметово царство.

Улу-Махметъ сдержалъ слово, и черезъ годъ послѣ ухода своего изъ Бѣлева, такъ быстро набѣжалъ на Русь, что въ Іюлѣ 1439 года явился почти близъ Москвы. Василій не смѣлъ остаться въ Москвѣ и удалился въ сѣверныя области. Но Ханъ не дерзнулъ напасть на Москву, раззорилъ только на пути множество селеній, сжегъ Коломну и спѣшилъ обратно переправиться черезу Оку. Робость Василія ободрила Хана Казанскаго на дальнѣйшія предпріятія (323).

Василій началъ дѣятельнѣе притѣснять Шемяку въ это время. Кажется, у нихъ доходило

---

(322) Эдигей умеръ около 1440 года (см. Изслѣдованія Г-на Буткова). О Крымѣ см. далѣе.

(323) Но въ *Стр. Лѣт.* т. I, стр. 43, и *Арханг. Лѣт.* стр. 126, сказано, что онъ сжегъ даже монастыри подъ Москвою, и запалилъ самый посадъ Московскій. Въ *Костр. Лѣт.* (т. I. стр. 297) говорится подробнѣе, и, кажется, достовѣрнѣе.

до оружія, и что благоразумный Бояринъ Василія, Ряполовскій, уговорилъ на миръ Шемяку и своего Князя. Они заключили новый, или, лучше сказать, подтвердили старый договоръ (въ Іюнѣ 1440 г.). Снова Шемяка обязывался держать Великое Княжество честно и грозно, безъ обиды; Василій держать Шемяку и Краснаго въ любви и чести. Взаимно обѣщались отдать полонъ, добычу, окончить разсчеты въ долгахъ (324). Но Шемяка уже понималъ Василія; прежнее доброхотство Шемяки исчезло; вражда неукротимая кипѣла въ сердцахъ. Неблагодарность за пожертвованіе великодушное, злодѣйство съ братомъ, вѣроломное заточеніе въ Коломнѣ — запали въ сердцѣ Шемяки и возрастили мысль о мщеніи. Василій могъ винить Шемяку за Бѣлевское несчастное дѣло, и при-

(324) Договоръ въ *Собр. Гос. Граматъ*, т. I, № 60. Слова договора: «и нынѣча, что будете взяли на Москвѣ, *нынѣшнимъ приходомъ*, у меня, и у моей матери, и у бояръ у моихъ, и у дѣтей у боярскихъ, и что будетъ у васъ, и то вамъ отдати.» Но по лѣтописямъ, Шемяка и Красный не воевали съ Василіемъ съ 1434 года? О томъ, что Ряполовскій поручился за Юрьевичей, вмѣсто какого-то *Князя Засѣки*, давъ въ залогъ Василью 50 рублей, явствуетъ изъ сего договора.

писывать его измѣнѣ и ухищренію Шемяки. Злые помыслы были скрываемы, но созрѣвали въ тишинѣ, передъ опустошительною бурею.

Въ Сентябрѣ 1440 г. скончался Димитрій Красный, въ Галичѣ. Кончина его изумляла современниковъ. Они видѣли въ добродѣтельномъ юномъ Князѣ святаго, а въ кончинѣ его удивительное чудо. Отличаясь красотою, сей Князь отличался особенно Христіанскимъ благочестіемъ. Онъ сдѣлался боленъ, потерялъ слухъ, не могъ ничего ѣсть. Въ Воскресенье, Сентября 18-го, священникъ пришелъ къ нему съ дарами отъ литургіи. У Краснаго сдѣлалось кровотеченіе изъ носу. Священникъ принужденъ былъ дожидаться. Кровь унялась, когда больному заткнули ноздри хлопчатою бумагою; Князь всталъ, встрѣтилъ Св. Дары въ дверяхъ комнаты, пріобщился съ благоговѣніемъ; потомъ поѣлъ немного похлебки, выпилъ вина, сказалъ, что его клонитъ ко сну, и легъ. Бывшіе при немъ люди обрадовались его успокоенію, ушли обѣдать къ одному изъ своихъ товарищей, и пировали тамъ, когда внезапно прибѣжали къ нимъ сказать, что Князь отходитъ. Въ испугѣ, всѣ сошлись къ нему, застали его при послѣднемъ издыханіи, прочитали канонъ на исходъ души, и Князь скончался. Начался плачъ, вопль, ибо Красный былъ любимъ приближенными. Опрята-

ли тѣло усопшаго, выпили меду, и легли спать — многіе въ той самой комнатѣ, гдѣ лежалъ покойникъ. Діяконъ легъ противъ него, на лавкѣ. Въ полночь, мертвецъ скинулъ съ себя покрывало и громко возгласилъ: «Петръ-же позна его, яко Господь есть!» Оцѣпенѣвъ отъ ужаса, діяконъ едва могъ разбудить другихъ. Мертвецъ повторялъ одно и тоже, не глядѣлъ глазами, но тѣло его было, «какъ у живаго.» Онъ запѣлъ демественнымъ образомъ: «Господа пойте,» Аллилуія, Богородичныя пѣсни; пѣлъ до самой заутрени. Тогда принесли къ нему запасные дары. Онъ проглянулъ; изъ глубины сердца произнесъ: «Радуйся, утроба божественнаго воплощенія!» пріобщился, и до самой Среды былъ живъ, пѣлъ священныя пѣсни, читалъ наизусть Божественное Писаніе, не понималъ, что ему говорили, но узнавалъ людей, хотя и отвѣчалъ безъ порядка. Въ Среду онъ умолкъ, но людей еще узнавалъ. Въ Четвергъ скончался странный мертвецъ (22 Сент. 1441 г.). Шемяка пріѣхалъ тогда въ Угличъ; тѣло Краснаго положили въ колоду и повезли въ Москву, куда прибыли Октября 14 го. Здѣсь открыли колоду, для погребенія Князя въ Архангельскомъ соборѣ; увидѣли, что тѣло его нетлѣнно; вспомнили, что Красный скончался во время чтенія Евангелія за литургіею, и — *возблагодарили Бога, дивнаго во святыхъ.* Красный положенъ

былъ во гробѣ отца (325). Шемяка наслѣдовалъ удѣлъ его. Вскорѣ Василій объявилъ Шемякѣ явную вражду, безъ всякой видимой вины. Шемяка совсѣмъ не былъ готовъ къ защитѣ. Василій шелъ на него и приближался къ Угличу. Шемяка бѣжалъ, вмѣстѣ съ другомъ своимъ, выходцемъ изъ Литвы, Княземъ Чарторійскимъ (326), и укрылся въ Бѣжецкѣ. Неожиданно ринулся онъ оттуда съ дружинами, прямо на Москву. Василій испуганъ былъ отчаяннымъ набѣгомъ, слыша, что Шемякѣ уже недалеко отъ Москвы. Троицкій Игуменъ Зиновій успѣлъ помирить Князей. Но Шемяка видѣлъ ненависть Василія, не почиталъ себя безопаснымъ въ Угличѣ, и послалъ въ Новгородъ: ударить челомъ Вѣчу, соглашаясь быть на всей Новгородской волѣ. «Мы

---

(325) Карамзинъ, т. V, прим. 291.

(326) Кто былъ въ семъ случаѣ зачинщикъ новой вражды? Карамзинъ говоритъ безъ разбора: «Уже осенью въ 1441 г. *открылась* новая вражда между В. К. и Шемякою» (т. V, стр. 298). Лѣтописи объясняются безпристрастнѣе; они именуютъ зачинщикомъ *Василія*: «раскинулъ Князь Великій съ Шемякою (*Стр. Лѣт.* т. II, стр. 44, *Арх. Лѣт.* стр. 127)— «Князь Вел. *возверже нелюбіе* на Князя Дм. Георг. Шемяку (*Костр. Лѣт.* 1442 г.), и пойде на него ратью къ Угличу.» О Чарторійскомъ, см. далѣе.

тебѣ рады, Князь, и ты можешь пріѣхать, если хочешь» — отвѣчало Вѣче, привыкшее видѣть у себя изгнанныхъ Князей и покровительствовать имъ. Но Шемяка рѣшился ждать еще, оставляя въ запасѣ дружбу Новгородцевъ (327). Два важныя событія заняли въ это время вниманіе всѣхъ..

Одно изъ нихъ не имѣло послѣдствій значительныхъ, но произвело волненіе въ умахъ, можетъ быть, болѣе нашествія Тимурова: мы говоримъ о Флорентійскомъ *Соборѣ*—послѣднемъ покушеніи Папы овладѣть Восточною церковью. По кончинѣ Фотія (1431 г.), въ Москвѣ единодушно хотѣли избрать въ Митрополиты Іону, урожденца Галицкаго, инока благочестиваго, кроткаго, но горячаго поборника правды и православія. Бывъ нѣсколько лѣтъ монахомъ въ Симоновомъ монастырѣ, онъ не попускалъ соблазнамъ и безчинію, даже спорилъ съ самимъ Архимандритомъ, но былъ въ то-же время столь смиренъ, что пекъ хлѣбы для братіи и служилъ всѣмъ до послѣдняго. Говорили, что Митропо-

---

(327) *Новг. Лѣт.*, въ примѣч. Карамзина, т. V, прим. 312. *Новгородская Лѣтопись*, помѣщенная въ *Прод. Росс. Вивліоѳики*, т. II, къ сожалѣнію, кончится 1441-мъ годомъ.

лишъ Фотій, посѣтивъ однажды Симоново, осматривалъ обитель, вошелъ въ пекарню, увидѣлъ Іону, спящаго отъ утомленія и сложившаго во снѣ благословляющую десницу: онъ тогда-же предрекъ быть ему Митрополитомъ. Іона возведенъ былъ потомъ на Епископію Рязанскую (328).

Шесть лѣтъ послѣ кончины Фотія прошло въ смятеніи; Церковь сиротѣла безъ верховнаго Святителя. Наконецъ Іона отправился въ Грецію. Но онъ не успѣлъ доѣхать до Царьграда, когда въ Москвѣ получили уже извѣстіе, что въ Царьградѣ поставленъ въ Митрополиты Русскіе *Исидоръ*, Грекъ, или Далматскій Славянинъ, человѣкъ искусный въ языкахъ, Богословіи, пламенно привязанный къ бѣдствующей своей отчизнѣ, Греціи, одаренный умомъ обширнымъ и предпріимчивымъ (329).

---

(328) Житія Фотія и Іоны Митрополитовъ помѣщены въ *Степенной Книгѣ*. Духовная грамата Фотія въ *Собр. Гос. граматъ*, т. II, № 17. Фотій излагаетъ въ ней жизнь свою, и много замѣчательныхъ подробностей.

(329) Флёри Hist. Eccles. т. XV, г. 1463. «Исидоръ Митрополитъ, Гречинъ, многими языками сказатель и книжникъ. (*Ник Лѣт.* V, стр. 123.)» *Флорентійскій Соборъ* описанъ подробно, особенною, кажется *со-*

Вѣроятно, самое поставленіе Исидора было слѣдствіемъ политическаго плана, какой занималъ тогда умы Византійскихъ Грековъ. Освободивъ Царьградъ отъ власти Латиновъ (1261 г.), Греческіе Императоры вскорѣ увидѣли бѣдственное состояніе своего упадающаго государства. Все разрушалось внутри, все стѣсняло ихъ извнѣ. Трепеща передъ Азійскими ордами Турковъ и Монголовъ, они покупали политическое существованіе свое только униженіемъ, находили защиту только у Западныхъ народовъ, просили милостыни повсюду, торговали правдою, вѣрою — даже дочерьми. Но, однимъ изъ главнѣйшихъ средствъ, какія употребляли Греки, испрашивая помощь отъ Запада, было — *согласіе соединить церковь Греческую съ Латинскою.* Дѣло было вовсе невозможное;

временною статьею въ Русскихъ Лѣтописяхъ, какъ дѣло весьма важное (См. *Стр. Лѣт*, т. II, стр. 18 — 43, и *Никон. Лѣт.* т. V, стр. 127 — 191). До насъ дошло еще отдѣльное описаніе путешествія Исидорова въ Италію; оно находится въ Синод. Библіотекѣ (напечатано въ *Вивліоѳикѣ* Новикова, т. VI, стр. 27 — 70, и въ концѣ онаго приложено описаніе событій послѣ возвращенія Исидора въ Москву). Отдѣльная повѣсть сопутника Исидорова Симеона Суздальскаго, находится въ Архивѣ (Карамзинъ упоминаетъ объ ней т. V, прим. 294).

искренно никто объ этомъ не думалъ; но предложеніе соединиться вѣрою возобновлялось нѣсколько разъ, почти при каждой бѣдѣ, грозившей Царьграду. Еще въ 1339 году, Императоръ Андроникъ посылалъ къ Папѣ съ хитрыми предложеніями, обѣщая покорность Латинской церкви (330). Императоръ Кантакузинъ возобновилъ тѣ-же предложенія въ сношеніяхъ съ Папою въ 1348 году. Вліяніе Папы было особенно усилено усердіемъ матери Іоанна Палеолога. Явясь при Дворѣ Римскаго Первосвященника (1369 г.), Іоаннъ смиренно цѣловалъ туфлю Урбана V-го соглашался признать всѣ Латинскіе догматы; Императоръ Эммануилъ, путешествуя по Франціи, Англіи, и вездѣ моля о помощи (1400 г.), говорилъ о томъ-же. Умирая, онъ сказалъ сыну: «Одно спасеніе наше Западъ; главное средство для полученія помощи Запада— соединеніе Церкви. Когда утѣснятъ тебя невѣрные, предлагай объ этомъ, требуй Собора, хитри. Латинцы горды, Греки упрямы. Достигать соединенія Церквей трудно и безполезно, но это одна помощь, намъ оставшаяся» (331). Каждое изъ покушеній Грековъ на соеди-

(330) Райнальда, Annal. Eccl., и Флёри, т. XX, стр. 1—8.

(331) Гиббонъ (съ дополненіями Гизо) т. XII, стр. 428.

ненie Церквей показывало наступленie бѣдствiй для Грековъ; когда проходила бѣда, Греки забывали о Латинской церкви. Папы постоянно помышляли о покоренiи церкви Греческой, видѣли препятствiя, хотѣли чего нибудь прочнаго. Въ царствованie Iоанна Палеолога (1425—1448 г.), съ обѣихъ сторонъ настала необходимость сдѣлать все, что можно, хотя-бы по наружности. Уже Греческiй Императоръ владѣлъ однимъ только Царьградомъ. Съ 1341-года, Оттоманы были сильными властителями въ Европѣ, и дочь Греческаго Императора находилась въ гаремѣ гордаго Орхана. Амуратъ (1360 — 1389 г.), съ полками Янычаръ своихъ, владѣлъ землями отъ Гемуса до Геллеспонта и основалъ столицу свою въ Адрiанополѣ. Гибель совершенная грозила Царьграду при Баязетѣ (1389 — 1403 г.), предъ которымъ пали соединенные полки Крестоносцевъ Западныхъ въ 1396 г. (332). Мечъ Тимура спасъ Грецiю на поляхъ Ангорскихъ (1402 г.). Но какъ Имперiя Тимура быстро разрушалась, послѣ него, такъ, напротивъ, быстро усиливалось царство Османовъ. Едва устоялъ Царьградъ, осажденный Амуратомъ (1422 г.).

---

(332) Въ битвѣ Никопольской. См. превосходное описанie сего событiя въ *Исторiи Герцоговъ Бургундскихъ*, соч. Баранта.

Возмущеніе въ Азіи, война съ Венеціею, мужество Скандербега Албанскаго, Гуніада Семиградскаго и Владислава Польскаго, отсрочили гибель Греціи еще на тридцать лѣтъ. Въ сіи-то несчастные годы Императоръ Іоаннъ униженно молилъ всюду о помощи, и — наконецъ рѣшился приступить къ соединенію Церквей: хотѣлъ всѣмъ пожертвовать, только-бы спасти послѣдніе, бѣдные остатки Имперіи Константина.

Для Папы препятствія были уравнены другими обстоятельствами. Униженные въ борьбѣ съ Императорами, Папы потеряли въ то время политическую свою неприкосновенность. Громы Ватикана уже не оцѣпеняли, не убивали умовъ, и церковные раздоры терзали Западную Іерархію. Явились два Папы: одинъ въ Авиньонѣ, другой въ Римѣ; начались Соборы, подчинявшіе верховному суду своему самого Папу; явились ересіархи, и Виклифъ и Гуссъ очищали дорогу Лютеру. Напрасно Римскіе первосвященники писали, увѣщавали, проклинали; напрасно Гуссъ погибъ на кострѣ — власть Рима была подрыта въ основаніи, и Папа Евгеній IV-й (1431 — 1447 г.), видѣлъ Гусситовъ, возникшихъ изъ пепла Гуссова, видѣлъ Базельскій Соборъ, разрушающій власть его. Ему надобно было новое, сильное подкрѣпленіе, блестящее, громкое усиленіе власти: онъ обратилъ взоры

на Грецію. Преклоняясь предъ Базельскимъ Соборомъ, обѣщая Греціи всѣ пособія и предлагая самыя легкія условія для покорности, Евгеній успѣлъ наконецъ склонить Греческаго Императора на Соборное совѣщаніе. Императоръ старался удержаться за это послѣднее средство спасенія; Папа думалъ, что покореніе Греческой церкви доставитъ ему новыя значительныя силы, придастъ неслыханную дотолѣ важность. Положили: быть Собору въ Италіи. Императоръ отправился изъ Царьграда въ Ноябрѣ 1437 г., съ Цареградскимъ Патріархомъ, знатнѣйшимъ Греческимъ Духовенствомъ, чиновниками — на Папскихъ галерахъ; всѣхъ Грековъ Папа обязался содержать на свое иждивеніе. Въ Италію поѣхали посланники отъ другихъ Вселенскихъ Патріарховъ, отъ Армянской, Маронитской, Іаковитской и Несторіянской Церквей.

Какъ важно было въ семъ случаѣ присутствіе посла отъ Сѣверныхъ варваровъ, Руссовъ, столь отдаленныхъ и мало знаемыхъ, все еще смѣшиваемыхъ съ древними Скиѳами и Сарматами! Но Исидоръ, льстивый, умный, ученый, могъ явиться на Соборъ, какъ *Первосвятитель* Руси, не только какъ простой посолъ. Отъ его ума Папа могъ надѣяться, что, можетъ быть, онъ, скорѣе всякаго другаго, успѣетъ и въ самомъ дѣлѣ склонить Руссовъ подъ власть

Римскую. Избраніе Исидора въ Митрополиты Русскіе удовлетворяло такимъ образомъ надеждамъ Царяграда и Рима. Не смотря на неисполненіе общаго желанія Рускихъ, хотѣвшихъ видѣть благочестиваго Іону Митрополитомъ, Исидора приняли въ Москвѣ почтительно и благоговѣйно. Нѣкоторые сомнѣвались въ его православіи (333), но умъ и ученость Исидора заграждали уста. Вскорѣ по прибытіи въ Москву, Исидоръ началъ говорить о новомъ Вселенскомъ Соборѣ въ Италіи, о желаніи Христіанъ соединить враждущія Церкви. Слова его изумляли. Самъ Великій Князь, не смотря на юность свою, глубоко изучавшій духовныя писанія (334), не соглашался съ Митрополитомъ, утверждалъ, что послѣ *Седьми Соборовъ*, не можетъ быть новаго Собора. Краснорѣчіе Исидора, примѣръ Царяграда, убѣдили наконецъ согласиться. Исидоръ клялся, что принесетъ свою вѣру чисту, и

---

(333) Великій Князь говорилъ Исидору, когда онъ изъявилъ желаніе ѣхать на Соборъ: «Дерзновенно дѣеши: въ Латинскую землю идеши; составленіе восьмаго Собора повѣдаеши,» и проч.

(334) Онъ первый возсталъ на Исидора, когда тотъ пріѣхалъ изъ Италіи съ новымъ ученіемъ; Василій изумилъ при семъ случаѣ всѣхъ глубокимъ знаніемъ Богословія (*Ник. Лѣт.* т. *V*, стр. 156).

не поступится Латинам. Он выѣхал из Москвы съ сановниками духовными и многочисленною свитою (Сентября 1437 г.); былъ встрѣченъ торжественно въ Твери, Новгородѣ, Псковѣ; изъ Риги (въ Маѣ 1438 г.) поплылъ моремъ до Любека, и въ Августѣ прибылъ въ Феррару, гдѣ назначили мѣсто Собора (335).

---

(335) *Вивл.* т. VI, стр. 27 и слѣд. Много подробностей любопытныхъ. *Любекъ* описывается такъ: «градъ вельми чуденъ, и поля бяху, и горы невелики, и садове красны, и палаты вельми чудны позлащеными верьхи, и монастыри въ немъ вельми чудны и сильны, и товара въ немъ много всякаго, и воды приведены въ него, и текутъ по всѣмъ улицамъ, а иныя изъ столбовъ, студены и сладки.» О *Ниренбергѣ*: «вельми великъ и крѣпокъ, и людей въ немъ много и товара, и палаты въ немъ дѣланы бѣлымъ каменьемъ велики, чудны и хитры; такъ-же и рѣки проведены по граду тому великими силами хитро; а иныя воды въ столпы проведены, хитрѣе всѣхъ предьписанныхъ городовъ, и сказати убо о семъ не можно и недомысленно.» — О *Тирольскихъ Альпахъ*: Горы отъ Чермнаго моря пошли даже до Бѣлаго моря, яко поясъ зовется земной каменный; толико-же высоци суть, облацы вполъ ихъ ходятъ, и облацыото нихъ ся взимаютъ; снѣзи-же лежатъ на нихъ отъ сотворенія горъ тѣхъ; въ лѣтѣ же жаръ и зной великъ въ нихъ, но снѣгъ-же не таяше.» О *Венеціи*: «градъ стоитъ на морѣ, и суха пути къ нему нѣтъ, отъ берега

Не исполнились замыслы Папы, не оправдались и надежды Греческаго Императора. Базельскій Соборъ спорилъ съ Евгеніемъ, объявилъ его лишеннымъ власти, поставилъ Папою Феликса, и не признавалъ новаго Феррарскаго Собора. Западные Властители не ѣхали въ Италію; ни одинъ изъ нихъ, кромѣ Герцога Бургундскаго, не явился въ Феррару. Однакожъ, засѣданія Собора были открыты въ присутствіи пяти Латинскихъ Архіепископовъ, восмнадцати Епископовъ и десяти Аббатовъ. Долго спорили объ обрядахъ, о мѣстахъ, и рѣшились отложить дѣло, ибо въ Феррарѣ оказалась язва. Флорентійцы приглашали Соборъ въ свой городъ. Хитрость, политика, уступчивость сдѣлали многое въ полгода. Въ Іюлѣ 1439 г. во Флоренціи открыли засѣданія вновь. Базельскій Соборъ призналъ Евгенія; собраніе во Флоренціи было многочисленное и блестящее. Исидоръ составлялъ душу всѣхъ совѣщаній; Императоръ Греческій, или ѣздилъ на охоту, или умолялъ только сжа-

---

13 миль стоитъ въ морѣ; среди его проходятъ корабли и каторги; и по всѣмъ улицамъ воды, и ѣздятъ въ баркахъ; но вельми той градъ великъ, и палаты въ немъ чудныя, а иныя позлащены, и товара въ немъ всякаго много, занеже корабли приходятъ изъ иныхъ земель,» и проч. и проч.

литься надъ Грецїею; другїе горячо спорили о догматахъ вѣры, и особенно отличался ревностїю Марко, Епископъ Ефесскій. Двадцать пять засѣданій, и девять мѣсяцевъ безпрерывнаго спора, заключились наконецъ *соединенїемъ Церквей*, которое льстило самолюбїю Папы, надеждами на будущее манило Императора, оскорбляло поборниковъ православїя, заставляло другихъ смѣяться, и было куплено посулами и подарками у большей части присутствовавшихъ на Соборѣ. Объявили *соединенїе*, когда обѣ стороны насмѣхались даже надъ языкомъ и одѣянїемъ другъ друга. «Мы видѣли,» говорили Руские, «какъ Папа служилъ послѣ того *мшу* въ красной аксамитной ризѣ, въ рукавицахъ, съ перстнями на пальцахъ, въ высокой шапкѣ на головѣ; передъ нимъ несли истукановъ серебряныхъ; онъ вступилъ въ церковь, прокликнулъ что-то съ Епископами своими, сѣлъ, и затрубили въ трубы, заиграли на органахъ, на сопѣляхъ, на гусляхъ. Исидоръ, мнясь мудрѣе мудрѣйшихъ быть, учинился въ согласїи съ безумными, соединилъ мерзость съ православїемъ и мракомъ замѣнилъ свѣтъ! Царь Греческій уловился злато сѣтїю, а что хорошаго увидѣлъ онъ въ безбожїи Латинскомъ? Не то-ли почесть Божїей церкви, что Латины какъ безумные ревутъ и вопятъ? Не та-ли красота церковная, что они ударятъ въ бубны, тру-

бы, пляшутъ руками по органамъ, топочутъ ногами, игрою службу Божію дѣлаютъ, и бѣсовъ радуютъ богомерзкимъ своимъ служеніемъ (336).»

Впрочемъ, Папа не думалъ много спорить о служеніи и обрядахъ. Главное, чего требовалъ онъ, было *первенство* его въ Церкви. На это согласились Греки и признали власть его. Далѣе согласились, что каждый можетъ причащаться по волѣ, подъ обоими видами, что Духъ Святый происходитъ отъ Отца и *Сына*, и что *Чистилище* существуетъ. Симъ заключился Соборъ. Папа писалъ граматы, жаловалъ духовными чинами, щедро одарилъ всѣхъ, пѣлъ торжественныя обѣдни и возвѣщалъ всему міру, что великое дѣло соединенія церкви Греческой и Латинской, при помощи Господа, совершено (337).

---

(336) *Никон. Лѣт.* т. V, стр. 146.

(337) Актъ Собора, извѣстный намъ въ Русскомъ переводѣ, исполненъ громкими словами: «Веселитесь небеса, радуйся земля: возсіялъ тихій лучъ любезнаго соединенія; кто не изумится богатству щедротъ Божіихъ! Чьи желѣзныя перси не умягчитъ божественное милосердіе,» и проч. (См. *Ник. Лѣт.* т. V, стр. 142 и слѣд.). Исидоръ получилъ отъ Папы званіе Кардинала и Легата Папскаго. Онъ говорилъ Папѣ о Русской землѣ: «вси Князи и люди въ моей рукѣ суть, и Епископи; а Князь Великій младъ есть, и той въ моей волѣ, и вси Князи боятся мене» (Карамз. т. V, прим. 302).

крыто; но самый актъ Собора не подписали Марко Эфесскій и нѣсколько другихъ духовныхъ сановниковъ Греціи. Флорентійскій Соборъ только усилилъ ненависть православныхъ къ Папѣ, показавъ притомъ и безсиліе его въ политическихъ отношеніяхъ, ибо Папа ничего не могъ сдѣлать въ пользу Греческаго Императора; никто не слушалъ его просьбъ и увѣщаній: время Крестовыхъ походовъ прошло уже невозвратно. Но Греческій Императоръ все еще надѣялся пособія отъ Папы, а потому и по возвращеніи въ Грецію не отрекался отъ согласія, даннаго во Флоренціи. За то другіе не думали скрываться, нагло укоряли Императора въ ереси, не хотѣли слышать о Флорентійскомъ Соборѣ. Марка Эфесскаго, и другихъ, не покорившихся Папѣ, называли спасителями православія. Сдѣлался страшный расколъ. Немногіе повиновались Императору; другіе поносили и проклинали его и Папу. Народъ Греческій вообще присталъ къ сей послѣдней партіи, и не хотѣлъ идти въ церкви, гдѣ служили Священники, признавшіе Флорентійское соединеніе.

Еще хуже приняты были постановленія Флорентійскаго Собора въ Москвѣ. Исидоръ выѣхалъ изъ Флоренціи въ Сентябрѣ 1440 года; черезъ Венецію, Далмацію, Венгрію и Литву, онъ прибылъ въ Москву зимою. Слыша обо всемъ, что происходило на Соборѣ, Рускіе тре-

печали отъ стыда, негодованія, униженія, претерпѣннаго Православною Церковью, въ лицѣ ея главныхъ представителей. Но когда увидѣли, что Исидоръ равно держитъ въ рукахъ крестъ животворящій и *крыжъ Латинскій*; когда онъ, при служеніи обѣдни въ Успенскомъ соборѣ, провозгласилъ: *Въ первыхъ помяни Господи, святѣйшаго Намѣстника Христова, Папу Римскаго;* когда онъ началъ говорить, что по соглашенію на Соборѣ все равно: служить на квасныхъ просфорахъ и на опрѣснокахъ; что каждый можетъ по волѣ полагать происхожденіе Святаго Духа отъ *Отца* и *Сына* и *отъ одного Отца*; что Чистилище существуетъ — негодованіе перешло всѣ предѣлы! Никто не хотѣлъ ни читать грамать Папскихъ, ни идти подъ благословеніе еретика Митрополита. Василій прямо назвалъ Исидора Латинскимъ воромъ, волкомъ, напитавшимся злаго яду, зміемъ прельстителемъ православныхъ. Немедленно сняли съ Исидора всѣ знаки власти, заключили его въ Чудовомъ монастырѣ, велѣли собраться Духовенству. Всѣ единодушно согласились, что постановленія Флорентійскаго Собора суть богомерзскія, еретическія дѣянія, а Исидоръ еретикъ, достойный быть сожженнымъ, или за-живо закопаннымъ въ землю. Спутники Исидора каялись въ грѣхѣ, отрекались отъ него (338). Страшась гибели,

(338) О Грекахъ, см. далѣе. «Исидоръ обѣдню слу-

Исидоръ тайно бѣжалъ изъ Москвы. Въ Твери его задержали; но, вѣроятно, несчастнаго Митрополита нарочно не хотѣли преслѣдовать, и отпустили, довольные тѣмъ только, что Православіе останется непосрамленно и чисто. Іона былъ немедленно опять назначенъ въ Митрополиты. Не знали только: должно-ли ему ѣхать въ Царьградъ для поставленія, или надобно почесть Грековъ еретиками, отвергшимися Православія, и не признавать власти Греческихъ Патріарховъ? Хотѣли удостовѣриться въ этомъ предварительно; но между тѣмъ произошли въ Руси дѣла столь важныя, что поставленіе Митрополита осталось на нѣсколько лѣтъ нерѣшенымъ, и Церковь Русская по прежнему сиротѣла безъ первосвятителя.

Осенью 1444 года, внезапно явилась толпа Монголовъ изъ Золотой Орды — вѣроятно, самовольные удальцы. Небольшою дружиною ихъ предводилъ Царевичъ Мустафа. Они грабили и раззоряли Рязанскую область, обогатились добычею, пошли во свояси, и воротились обратно, предлагая выкупить у нихъ плѣнниковъ. Причиною возвращенія Мустафы была рано наставшая зима, жестокая, съ вихрями и мятелями. Кони

жилъ и рече: *Въ первыхъ помяни Господи Папу Римскаго*, и всѣмъ сіе богомерзко вмѣнися, и не пріятъ благословенія отъ руки его,» и проч.

Монгольскіе передохли, и Монголы рѣшились зимовать въ Переяславлѣ Рязанскомъ. Василій не хотѣлъ слышать о новомъ обычаѣ Татаръ. Онъ немедленно отрядилъ Голтяева и Оболенскаго; къ нимъ пристали Рязанскіе удальцы или *казаки*, пришла Мордва, на лыжахъ, съ рогатинами. Монголы выступили на берега Листани; едва не замерзали отъ холода, но дрались долго и упорно. Мустафа палъ въ битвѣ (339). Рускіе порадовались побѣдѣ, но спѣшили отразить другой набѣгъ Монголовъ, болѣе значительный. Улу-Махметъ собралъ сильное ополченіе; отряды его шли въ одно время на сѣверъ и къ Мурому. Василій самъ выступилъ съ войскомъ, не смотря на жестокіе холода; звалъ Князей. Шемяка, Князья Можайскій, Верейскій, Боровскій соединились съ нимъ. Не дожидаясь Рускихъ, Улу-Махметъ отступилъ, пошелъ обратно, и Князья воротились (340). Василій пріѣхалъ въ Мо-

(339) *Костр. Лѣт.* т. II, стр. 3. Рускими предводили Андрей Голтяевъ и Князь Оболенскій. «Поле все въ осень пожаромъ погорѣло, а зима вельми люта, студена и снѣжна, снѣги велицы и вихри сильны; а Татарове коньми обмерли, охудѣша и померзоша, и безконны быша; и отъ великаго мраза, и студени, и вѣтра, луки ихъ и стрѣлы ни во что-же быша.»...

(340) «Татаръ много побили» (*Арх. Лѣт.* стр. 127)—«Побѣгоша Татарове отъ Мурома, и угониша

скву Великимъ постомъ, посѣтивъ на пути Владиміръ и Суздаль. Съ весною услышали, что Монголы явились снова, и осаждаютъ Нижній Новгородъ. Воеводы Василія принуждены были сдаться имъ. Немедленно послалъ Василій ко всѣмъ Князьямъ, снова призывая ихъ въ походъ. Въ Іюнѣ (1445 г.) онъ выступилъ изъ Москвы. Страшная буря, отъ которой упалъ крестъ съ Рождественской обители, казалась Москвичамъ зловѣщимъ знаменіемъ (341). Василій подошелъ къ Суздалю; сюда пришли къ нему Князья Верейскій, Можайскій, Боровскій. Войско Русское было немногочисленно, но не робѣло, и стало таборомъ на рѣчкѣ Каменкѣ (342). Іюля 6-го, Князья были встревожены слухомъ о приближеніи Улу-Махмета. Извѣстіе оказалось ложнымъ. Пропировавъ всю ночь, Василій всталъ рано утромъ Іюля 7-го, слушалъ заутреню, хотѣлъ лечь опять, и внезапно услышалъ, что Монголы уже подошли близко. Спѣшили вооружаться, и вскорѣ сразились съ небольшимъ отрядомъ Монголовъ. Оставшись самъ въ Ниж-

---

ихъ, и побиша подъ Муромомъ, и подъ Гороховцемъ, и били по селамъ.... Тогда на бояхъ руки знобили (*Стр. Лѣт.* т. II, стр. 45).

(341) Стр. Лѣт. т. II, стр. 45.

(342) На рѣкѣ Каменкѣ находится Суздаль. Она впадаетъ въ рѣку Нерль, неподалеку оттуда.

немъ Новгородѣ, Улу-Махметъ отправилъ на поиски сыновей, Мамутека и Ягупа. Видя небольшое число Рускихъ, Монголы ударили стремительно. Кто могъ предвидѣть важныя слѣдствія сей небольшой ошибки! Князья, и самъ Василій, сражались мужественно. Монголы обратились въ бѣгство; Рускіе, одни гнались за ними, другіе грабили убитыхъ непріятелей. Вдругъ Монголы повернули обратно, ударили, сломили и разсѣяли дружины Русскія. Василій и Князь Верейскій были захвачены въ плѣнъ, израненые, избитые. Князь Можайскій успѣлъ сѣсть на свѣжаго коня и спасся бѣгствомъ, хотя и тяжело раненый; бѣжалъ еще Князь Боровскій, и спаслись немногіе изъ Бояръ и воиновъ. Монголы заняли Суздаль, сняли съ Василія *тѣльный* крестъ, и послали его въ Москву, какъ доказательство своей побѣды. Не смѣя однакожъ оставаться въ Суздалѣ, они спѣшили къ Улу-Махмету, нигдѣ не грабили, не останавливались, и отступили къ Курмышу (343).

---

(343) «Князь Великій ужиналъ у себе, со всею братіею, и съ бояры, и пиша долго нощи.... Татары побѣгоша; наши-же, овіи погнаша по нихъ, а иніи сами побѣгоша; друзіи-же начаша избитыхъ Татаръ грабити.... Князя Ивана Андреевича ранивше, и съ коня сбиша, и подданъ бысть ему другой конь; онъ-

Ужасъ объялъ обитателей Владиміра и Москвы. Великій Князь, властитель Руси, былъ въ плѣну, и Улу-Махметъ казался страшнѣе Тимура и Тохтамыша! Говорили, что Татары идутъ прямо на Москву, въ силахъ безчисленныхъ. Страхъ Москвитянъ еще болѣе умножился, когда 14-го Іюля загорѣлась Москва, выгорѣло множество домовъ, и отъ жару растрескались даже стѣны многихъ церквей каменныхъ. Боясь внезапнаго набѣга Монголовъ, многіе не смѣли бѣжать съ Московскаго пожарища и погибали въ пламени, думая, что за Москвою всюду ждутъ бѣгущихъ Татары. Мать и супруга Василія, съ дѣтьми его (у него было уже два сына — *Іоаннъ*, великій наслѣдникъ отца, и *Юрій*), удалились въ Ростовъ. Чернь буйствовала въ Москвѣ; не выпускала людей богатыхъ и знатныхъ, требуя, чтобы они раздѣляли общее несчастіе (344).

же утече, а на Великомъ Князи многи раны быша на главѣ и по рукамъ, а тѣло все бито вельми, понежебо самъ добрѣ мужественно бился» (*Стр. Лѣт.* т. II, стр. 46). *Степенн. Книга* увѣряетъ, что Василій убилъ *сто* Татаръ! — Битва была подъ самымъ Евфимьевымъ монастыремъ, куда послѣ того увезли Василія. — *Тѣльный* крестъ, т. е. носимый подъ рубашкою на тѣлѣ — непремѣнная обязанность каждаго Рускаго.

(344) «Загорѣся градъ Москва, въ нощи, и выгорѣ весь, яко ни единому древеси остатися; и церкви ка-

Улу-Махметъ хотѣлъ извлечь изъ нечаянной удачи своей всю возможную пользу. Онъ требовалъ только *золота и серебра.* Предлагали Василію окупъ, и въ тоже время послали къ врагу его, Шемякѣ. Мурза Улу-Махмета, Бигичъ, пріѣхалъ въ Угличъ, и извѣстилъ Шемяку, что Ханъ готовъ оставить Василія въ вѣчной неволѣ, и отдаетъ Шемякѣ Великое Княжество. Шемяка долго думалъ, колебался. Прошли *Іюль* и *Августъ* мѣсяцы 1445 года. Іоаннъ Можайскій былъ рѣшительнѣе, смѣлѣе Шемяки въ дѣлахъ совѣсти. Онъ уговаривалъ его согласиться, не смотря на то, что передъ походомъ на Улу-Махмета заключилъ новый договоръ съ Василіемъ, и онъ и братъ его получили подарки и уступки отъ Москвы (345). Привыкнувъ мѣ-

---

менныя распадошася, и стѣны градныя во многихъ мѣстахъ, а людей многое множество исгорѣ (по *Арх. Лѣт.* 1500 головъ), понеже-бо отселѣ изъ града огнь, а изъ за града Татаръ бояхуся ».... Далѣе: « Гражане въ велицей тузѣ и волненіи быша; могущій-бо бѣжати, оставивши градъ, бѣжати хотяху; чернь-же, худые люди, совокупишася, начаша прежде врата градская дѣлати, а хотящихъ изъ града бѣжати, начаша имати, и бити, и ковати.... » (*Стр. Лѣт.* т. II, стр. 47). — Іоаннъ родился въ 1440 г. Января 22-го: ему былъ тогда 6-й годъ.

(345) Договоръ въ *С. Г. Гр.* т. I, N 61. Вѣроятно ошибкою, поставлено на немъ 17-го Іюля, вмѣсто

нять клятвы, Іоаннъ клялся теперь въ неизмѣнной вѣрности Шемякѣ. По сношеніямъ съ Москвою, тамъ оказалось также множество недовольныхъ Василіемъ: Бояринъ Старковъ, Бояре Константина Димитріевича, даже многіе изъ Духовенства (346). Но только въ концѣ Сентября, Шемяка рѣшился отправить къ Хану посла своего, и то съ отвѣтомъ нерѣшительнымъ. Важный шагъ былъ однакожь сдѣланъ—

17-*го Іюня*. Суздальская битва была 6 Іюля. Іоаннъ получилъ по договору Козельскъ, Серенскъ, Алексинъ, и проч.; Михаилу подарили годовой выходъ въ Орду: «И того у меня не взяти отъ *Петрова дни до Петрова дни*.» Доказательство, что *Іюль* выставленъ на договорѣ ошибочно.

(346) «*По дьяволю наученію*, обсылающися и сдумавши своими злыми совѣтники, иже быша тогда Константиновичи, и прочіи бояре, не хотяще добра своимъ Государямъ.... *мнози*-же съ ними отъ Москвичъ въ думѣ, Иванъ Старковъ, и бояре, и гости; бѣша-же и отъ чернцовъ въ той думѣ» (*Стр. Лѣт.* т. II, стр. 49, *Костр. Лѣт.* т. II, стр. 9). Гдѣ-же *общая любовь народная* къ Василію, о которой говоритъ Карамзинъ, прибавляя (т. V, стр. 310 и 312): «Дворъ и народъ вопили.... Россіяне видѣли въ немъ (Василіи) единственнаго законнаго властителя, и хотѣли быть ему вѣрными?» Замѣтимъ, что *Бояринъ Старковъ* былъ приставникомъ у Шемяки, во время заключенія сего Князя въ Коломнѣ, въ 1434 году.

воротиться было невозможно (347)... Еще посланный Шемяки находился въ пути, когда узнали объ *освобожденіи* Василія! Улу-Махметъ наскучилъ медленностью Шемяки. Узнавъ, что Казанью завладѣлъ какой-то бунтовщикъ Али-бей, пользуясь его отсутствіемъ, Улу-Махметъ согласился на договоръ съ Василіемъ, который обѣщалъ ему все, что только можно было обѣщать. Октября 1-го Василій выѣхалъ изъ Курмыша, съ Княземъ Верейскимъ, Боярами, Послами Ханскими и дружиною. Въ сей самый день

(347) Карамзинъ говоритъ о томъ, что Шемяка не пришелъ къ Суздалю на помощь Василію:—« Шемяка обманулъ Василія: самъ не поѣхалъ, и не далъ ему ни одного воина» (т. V, стр. 308). Но когда-же было? Шемяка усердно ходилъ на помощь противъ Татаръ зимою того года. Далѣе, Карамзинъ: « Шемяка радовался бѣдствію Василія, которое *удовлетворяло его властолюбію и ненависти къ сему злосчастному плѣннику.* » Не вѣримъ! Злой честолюбецъ не сталъ-бы медлить *съ начала Іюля до Октября*, имѣя всѣ средства немедленно захватить Москву и сослаться съ Казанскимъ Ханомъ. Осмѣливаемся думать напротивъ, что Шемяка, прежде и потомъ великодушный, не рѣшился-ли единственно потому только, что видѣлъ ужасное бѣдствіе отчизны въ выкупѣ, какимъ обременило Русь корыстолюбіе Монголовъ. См. прим. слѣд.

въ Москвѣ было землетрясеніе: его почли знаменіемъ новыхъ бѣдствій, и—не ошиблись (348).

---

(348) Г-нъ Бутковъ почитаетъ Али-бея Алтунъ-бегомъ, или Алтунай Султаномъ, бывшимъ владѣтелемъ Казани, изгнаннымъ отъ Улу-Махмета. Карамзинъ говоритъ, что Улу-Махметъ отпустилъ Василія, «требуя отъ него единственно *умѣреннаго окупа и благодарности*» (т. V, стр. 313). Вотъ слова Лѣтописей: «Царь Махметъ взя окупъ 200 т. рублевъ, а *иное Богъ вѣсть*, и они въ себѣ» (*Новгородская*). «Князь Вел. окупъ посулилъ на собе отъ злата и сребра, и отъ портища всякаго, и отъ коней, и отъ доспѣховъ, 29,500» (*Псковская Лѣт.*, Ист. Г. Р. т. V, прим. 329). Въ *Стр. Лѣт.* (т. II, стр. 48). *Костр. Лѣт.* (II, 6), *Тип. Лѣт.* (стр. 255): «дати окупъ съ себя *сколько можетъ.*» Все это не значитъ *легкаго окупа* и *благодарности* въ прибавокъ. О землетрясеніи: «Тоя-же осени, Октября въ первый день, въ кой день отпущенъ К. В. съ Курмыша, въ 1-й часъ нощи, потрясеся градъ Москва, Кремль и посадъ весь, и храмы поколебашася; людемъ-же въ то время спящимъ, мнозіе-же неспящіи слышавше; и тѣ во мнозѣ страсѣ быша, и живота отчаяшася; на утріе-же повѣдаху сія со многими слезами.» Выписываемъ вымышленныя прибавки Карамзина о возвращеніи Василія; этихъ прибавокъ *нѣтъ въ лѣтописяхъ:* «Не только въ Столицѣ, *но и во всѣхъ городахъ, въ самыхъ хижинахъ сельскихъ*, добрые подданные веселились, какъ въ день свѣтлаго праздника, и спѣшили издалека видѣть Государя. Въ Переяславлѣ нашелъ

Ноября 17-го Василій въѣхалъ въ Москву, еще не возникшую изъ пепла. Онъ казался милостивымъ, кроткимъ. Зима проходила тихо и спокойно. Но — посолъ Шемяки былъ въ рукахъ Василія! Шемяка и Можайскій знали, чего должно было ожидать имъ отъ непримиримаго непріятеля, и хотѣли предупредить свою погибель. За неосторожное покушеніе на зло, *единственное* пятно, омрачившее память Шемяки, за нерѣшительность послѣ сего покушенія, Шемяка принужденъ былъ заплатить *согласіемъ на злодѣйство*, какое предложилъ ему, принявъ исполненіе на себя, Князь Можайскій (349)....

Василій столько ратныхъ людей, что могъ-бы *смѣло идти съ ними на сильнѣйшаго изъ враговъ Россіи. Сія усердная, великолѣпная* встрѣча *напомнила величіе героя Димитрія*, привѣтствуемаго народомъ послѣ Донской битвы,» и проч.—Все это вымыслы, безъ всякаго основанія, подобные замѣченнымъ нами въ прим. 301-мъ.

(349) Посланнаго Шемякою Дьяка Дубенскаго встрѣтилъ, между Муромомъ и Нижнимъ, на Окѣ, ѣхавшій отъ Василія въ Москву Плещеевъ. Услышавъ неожиданную вѣсть, Дубенскій вернулся отъ Пудина монастыря къ Мурому. Тутъ схватилъ его и Бигича Князь Оболенскій (*Стр. Лѣт.* т. II, стр. 48). Узнавъ о томъ, Шемяка укрылся въ Угличъ. Лѣтописцы жестоко бранятъ здѣсь Шемяку: «Вложилъ ему дьяволъ

Условились съ заговорщиками Московскими, и узнавъ, что Февраля 12-го Василій ѣдетъ молиться въ Троицкую обитель, положили захватить тамъ Василія и овладѣть Москвою. Ночью дружины Шемяки и Можайскаго вступили въ Москву; имъ тайно отворили Кремль, и завладѣніе Москвою было столь неожиданно, что мать и супруга Василія, со многими его Боярами, попались въ руки посланныхъ, и взяты были безпечно спящія. Шемяка пріѣхалъ въ Москву. Можайскій приготовилъ между тѣмъ дружины около Троицкаго монастыря. Василій прибылъ туда съ немногими воинами, взявъ съ собою обоихъ сыновей. Къ нему прискакалъ нѣкто Бунко, недавно перешедшій къ Шемякѣ, и извѣщалъ о заговорѣ; Василій не вѣрилъ, но ве-

въ мысль хотѣти Великаго Княженія,» и говорятъ, что будто Шемяка склонилъ къ единомыслію Можайскаго и Князя Бориса Тверскаго, говоря имъ о безмѣрномъ выкупѣ, обѣщанномъ отъ Василія Татарамъ. Карамзинъ еще болѣе увеличиваетъ вину Шемяки; увѣряетъ даже, что Василій, *зная сношенія Шемяки съ Улу-Махметомъ, простилъ однакожь Шемяку и Можайскаго*, и заключилъ съ ними договоры. Гдѣ-же эти договоры? Карамзинъ указываетъ на находящіеся въ *С. Г. Гр.* т. I, № 52 и 61, и относящіеся совсѣмъ къ другому времени (см. выше прим. 317 и 345)!

лѣлъ однакожъ стать на стражѣ отряду воиновъ. Посланные Можайскаго обманули стражу, легли въ сани, закрылись рогожами и проѣхали мимо. Думая, что ѣдетъ какой нибудь обозъ, стража Московская не остановила возовъ. Тогда воины выскочили внезапно изъ саней, отрѣзали стражу отъ монастыря, схватили, перевязали ее и поскакали къ обители. Завидя ихъ издали, Василій не сомнѣвался болѣе въ доносѣ Бунка, побѣжалъ въ конюшню, не нашелъ тамъ ни одной лошади, и бросился въ монастырь; инокъ отперъ ему Троицкій соборъ и заперъ за нимъ двери. Явился свирѣпый Можайскій; воины его наполнили ограду монастыря, искали Василія, велѣли отпереть церковь. «Братъ! пощади!» возопилъ Василій. «Не погуби меня! Постригусь здѣсь, если вы захотите!» Взявъ икону съ гробницы Св. Сергія, Василій отперъ двери и продолжалъ: «Братъ Иванъ! сію самую икону, у сего Святаго гроба цѣловали мы, чтобъ намъ не мыслить и не хотѣть другъ другу лиха. Что-же ты дѣлаешь теперь?» — Мы и не хотимъ тебѣ лиха, Государь—отвѣчалъ Можайскій—но беремъ тебя для облегченія Христіанства. Ты обременилъ всѣхъ тяжкимъ твоимъ выкупомъ. Видя тебя лишеннаго свободы, Татары, по неволѣ, должны будутъ облегчить Христіанъ.» Съ жалкимъ малодушіемъ, Василій упалъ передъ гроб-

ницею Св. Сергія, плакалъ, рыдалъ въ отчаяніи. Можайскій вышелъ. «Гдѣ-же, братъ Иванъ?» воскликнулъ Василій. «Пойманъ ты Богомъ и *Великимъ Княземъ Дмитріемъ Юрьевичемъ!»* сказалъ одинъ изъ Бояръ, схвативъ Василія за плечо. Его вывели изъ церкви, и въ простыхъ саняхъ повезли въ Москву. Въ смятеніи и безпорядкѣ, Бояръ Василія только ограбили, но не взяли; не спрашивали о дѣтяхъ, съ нимъ бывшихъ. Вѣрный Василію, Бояринъ Иванъ Ряполовскій укрылъ младенцевъ, увезъ ихъ въ Юрьевское село свое, Боярково, и, соединясь съ братьями Семеномъ и Димитріемъ, поспѣшно укрылся въ Муромъ, гдѣ сбѣжалось къ нему много единомышленниковъ Василія (350).

Великаго Князя привлекли въ Москву. Два дня участь его была неизвѣстна. Ночью на третій день, къ нему явились Бояре, и высказывали ему вины его—какъ будто злодѣйство оправдывается причиною! «Ты привелъ на Русскую землю Татаръ и отдаешь имъ города въ кормленіе; любишь Татаръ и языкъ ихъ паче мѣры; Христіанъ безъ милости томишь, и золото и серебро ихъ отдаешь Татарамъ; ты

---

(350) Стр. Лѣт. II, 49; Костр. Лѣт. т. II, стр. 9.

ослѣпилъ Князя Василія Юрьевича.» — Василію вырѣзали глаза. Несчастнаго слѣпца, и супругу его, отвезли потомъ въ Угличъ; мать его увезли въ Чухлому, и оставили ихъ подъ стражею въ сихъ мѣстахъ (351).

Поступокъ Шемяки (если онъ участвовалъ въ злодѣйствѣ Можайскаго) не ужаснулъ ни Кня-

---

(351) Шемяка совершилъ преступленіе, мстя Василію тѣмъ-же злодѣйствомъ, какое совершилъ надъ несчастнымъ братомъ его Василій (Косой былъ еще тогда живъ). Не оправдываемъ сего отвратительнаго преступленія, но будемъ-ли слѣдовать примѣру лѣтописцевъ, или Карамзина, которые ни сколько не ужасались при ослѣпленіи Косаго, и осыпаютъ Шемяку страшными укоризнами? Надобно знать, что лѣтописцы были приверженцы Василія. — Мы думаемъ положительно, соображая всѣ обстоятельства, что Шемяка *только согласился* на злодѣйство; но начинщикомъ и *исполнителемъ его* былъ Іоаннъ Можайскій — Князь жестокій и низкій душею. Вспомнимъ только отвѣтъ его Василію въ 1434-мъ году; онъ предалъ потомъ Шемяку, какъ Василія предалъ Шемякѣ. Почему также Князь Тверской не несетъ того позора, какимъ обременяютъ память *одного Шемяки?* Въ подтвержденіе мнѣнія нашего о Князѣ Можайскомъ, въ Лѣтописяхъ находимъ еще ужасный примѣръ свирѣпости Можайскаго: «Тоя-же весны (1444 г.) Иванъ Андреевичъ поймалъ Андрея Дмитріевича, и жену его Марью, и на Мироносицы *сжегъ ихъ въ Можайскѣ* (*Костр. Лѣт.* т. II, стр. 4)!»

зей, ни Москвы. Всѣ покорились ему; народъ присягнулъ; войско повиновалось. Только *двое* не хотѣли слышать о Шемякѣ и Можайскомъ: *одинъ* былъ шуринъ Василія, добродѣтельный Князь *Василій Ярославичъ Боровскій*, свидѣтель плѣна Великаго Князя. Онъ возсталъ противъ Шемяки, бѣжалъ въ Литву, былъ тамъ принятъ ласково, и открылъ у себя убѣжище всѣмъ друзьямъ Василія. Но все еще Князь Боровскій могъ опасаться мщенія, преслѣдованій Шемяки, и дѣйствовать корыстно, по крайней мѣрѣ, для собственныхъ выгодъ и безопасности. Другой вѣрный Василію человѣкъ дѣйствовалъ по чистому, благородному усердію: это былъ воевода *Θеодоръ Басенокъ*. Ему предлагали почести— онъ отказался; посадили его въ тюрьму — онъ ушелъ, скрылся въ Коломнѣ, и искалъ только случая мстить за своего Князя. Ряполовскіе не отдавали дѣтей Василія, и крѣпко блюли ихъ. Бывъ виновникомъ, или участникомъ злодѣйства отвратительнаго, Шемяка не былъ ни злодѣемъ, ни жестокимъ человѣкомъ. Онъ могъ послать на Муромъ войско, но послалъ только Святителя Іону, взять тамъ дѣтей на его Митрополичье слово, обѣщая выпустить отца ихъ и дать ему съ дѣтьми удѣлъ. Ряполовскіе долго колебались; наконецъ позвали Іону въ соборную Муромскую церковь, и заставили его принять дѣтей *на свою эпитра-*

хиль. Святитель исполнилъ желаемое, и съ дѣтьми Василія и Ряполовскими пріѣхалъ въ Переяславль, гдѣ былъ тогда Шемяка. Онъ принялъ Ряполовскихъ въ милость, угостилъ всѣхъ великолѣпнымъ обѣдомъ (Мая 6 д.), и отослалъ дѣтей къ Василію, повелѣвъ Іонѣ, для безопасности, проводить ихъ и отдать съ рукъ на руки (352).

Нерѣшительность и безпечность Шемяки оказались послѣ того во всѣхъ его дѣйствіяхъ. Онъ подтвердилъ Новгородцамъ старыя права ихъ, не думая извлекать пользы изъ притѣсненій; отдалъ Князю Можайскому Суздаль и Нижній Новгородъ, но вскорѣ взялъ отъ него обратно подарокъ—и кому-же передалъ его? Къ изумленію всѣхъ, Шемяка призвалъ изъ Новгорода *внуковъ Кирдяпы*, Василія и Ѳеодора Юрьевичей, и торжественно вручилъ симъ забытымъ

---

(352) «Дворяне и дѣти Боярскіе, и прочіе люди били челомъ служити Князю Димитрію; онъ-же приведе ихъ ко крестному цѣлованію; *единъ*-же Ѳедоръ Басенокъ не восхотѣ ему служити; Князь Димитрій повелѣ его оковати, и за сторожи держати; онъ-же подговоривъ сторожа, бѣжаша на Коломну» (Костр. Лѣт. т. II, стр. 12). Князю Боровскому дали въ Литвѣ обширный удѣлъ: Брянскъ, Гомель, Стародубъ и Мстиславль. Но ничто не утѣшало скорби добродѣтельнаго Князя.

изгнанникамъ все, чѣмъ владѣлъ нѣкогда прадѣдъ ихъ Димитрій Константиновичъ. Уже прошло около 60-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Василій Димитріевичъ присоединилъ Суздаль къ Москвѣ. Шемяка, конечно, могъ надѣяться, что храбрые Кирдяпичи, облагодѣтельствованные имъ, будутъ вѣрными его союзниками, тѣмъ болѣе, что Шемяка сдѣлалъ ихъ самовластными Князьями; но онъ оскорблялъ всѣхъ, пользовавшихся въ теченіе полувѣка новымъ порядкомъ дѣлъ въ Суздальской области. «Кто въ безвремянье наше, Князья и Бояре, купили въ Суздалѣ, Нижнемъ Новгородѣ и Городцѣ, у насъ, у нашей братьи, у Бояръ нашихъ, и у монастырей волости и села, или Князь Великій продалъ — всѣ тѣ купли не въ куплю, и всѣ волости и села намъ и Боярамъ нашимъ по старинѣ.» Таково было одно изъ условій договора съ Кирдяпичами, и одно это условіе вело за собою нескончаемые споры и вражду. Шемяка обязывался оборонять Кирдяпичей, если Можайскій станетъ спорить и не соглашаться на отдачу имъ отчины. Слѣдовательно: Можайскій уже *оскорблялся* перемѣнчивостью Шемяки? Можетъ быть, и Шемяка не охотно былъ въ дружбѣ съ измѣнникомъ и злодѣемъ. Но кроткое добродушіе не должно быть главнымъ основаніемъ политики. Какъ государственный человѣкъ, Шемяка поступалъ

неблагоразумно, неосторожно (353), и еще неосторожнѣе поступилъ онъ съ Василіемъ: довѣрился на его слово, и далъ ему свободу.

Шемяка видѣлъ, что еще оставались многіе доброхоты Василія. Ряполовскіе не скрывали своего негодованія. Іона безпрерывно упрекалъ его, говоря: «Ты ввелъ меня въ грѣхъ — обѣщалъ свободу и удѣлъ Василію и дѣтямъ его; съ тѣмъ взялъ я ихъ, и связалъ свою душу; чего боишься слѣпца и дѣтей? Можешь укрѣпить его клятвами, и нашею братьею, Епископами.» Вскорѣ открыли важный заговоръ.

---

(353) Договоръ Шемяки съ Кирдяпичами, въ *Собр. Гос. граматъ*, т, I, № 62. — Соглашаемся, что Шемяка не обладалъ достоинствами государственнаго человѣка; но на чемъ основано утверждаемое Карамзинымъ, что при немъ «ужасъ господствовалъ въ Великомъ Княженіи — *оплакивали судьбу Василія, гнушались Шемякою*—Дворяне Московскіе» *присягнули съ печальнымъ сердцемъ*»; что Шемяка «не имѣлъ *ни совѣсти, ни правилъ чести* — въ гражданскихъ дѣлахъ *попиралъ ногами справедливость, древніе уставы, здравый смыслъ*, оставилъ на вѣки *память своихъ беззаконій въ народной пословицѣ* о *Судѣ Шемякинѣ*, донынѣ употребительной,» и пр. и пр. (см. Ист. Г. Р. т. V, стр. 319—322). Лѣтописцы, враги Шемякины, *ничего этого не говорятъ*, хотя и жестоко бранятъ Шемяку за ослѣпле-

Ряполовскіе подговорили многихъ, условились тайно съѣхаться къ Угличу и вывесть Василія. Узнавъ о побѣгѣ Ряполовскихъ изъ Москвы, послѣ открытія заговора, Шемяка послалъ за ними погоню; но Ряполовскіе отбились отъ посланныхъ, и успѣли убѣжать въ Литву, къ Князю Боровскому; другіе заговорщики остались ненаказанными. Шемяка долго думалъ и хотѣлъ

ніе Василія. Князья охотно шли въ союзъ съ Шемякою; Духовенство и *самый Святитель Іона* признали его; народъ ему повиновался. Но *Судъ Шемякинъ?* Вотъ страшное обвиненіе, если согласимся, что эта остроумная сатира была сочинена точно на Князя Димитрія Юрьевича! Но развѣ сатира доказательство? Впрочемъ извѣстно, что сказка о *Судѣ Шемякинѣ* переведена съ Польскаго (см. *Описаніе библіотеки Графа Ѳ. А. Толстова*, стр. 383, гдѣ говорится о рукописи: «*Судъ Шемяки Судьи, выписанъ изъ Польскихъ книгъ*).» Имя *Шемяки* означало не одного Димитрія Юрьевича. Такъ прозывались, напримѣръ, Князь Пронскій, праправнукъ Іоанна Владиміровича, и Князь Димитрій Голибѣсовскій, одинъ изъ потомковъ Іоанна Стародубскаго (см. *Родословныя*); такъ еще именовался какой-то *Князь Рыльскій* (по рукописному сказанію о Знаменской Курской Иконѣ, см. Ист. Р. Н. т. IV, стр. 80). Любопытно-бы узнать, что такое значитъ названіе: *Шемяка*, и откуда оно взято? Кажется, это Татарское. Въ числѣ Ногайскихъ Хановъ находимъ одного, именовавшагося Шемякою.

удивить великодушіемъ. Съ Духовенствомъ, Князьями, Боярами, онъ поѣхалъ въ Угличъ, далъ свободу Василію, просилъ у него прощенія и подарилъ ему въ удѣлъ Вологду. Василій казался смиреннымъ, раскаявающимся грѣшникомъ, плакалъ, говоря: «Я во всемъ виноватъ; пострадалъ за грѣхи и беззаконія мои, за преступленія крестной клятвы передъ вами, старшими моими братьями, и передъ всѣмъ Христіанствомъ; которое изгубилъ, и хотѣлъ изгубить до конца. Достоинъ былъ я *главной* казни; но, ты, Государь Димитрій Юрьевичъ, показалъ надо мною милосердіе, и не погубилъ меня съ беззаконіями моими, но далъ мнѣ время покаяться.» Князья казались Исавомъ и Іаковомъ. Шемяка угощалъ Василія (15 Сентября, 1446 г.), одарилъ его, Княгиню, дѣтей, и поступалъ отъ чистаго сердца. Василій коварствовалъ, пилъ чашу дружескую, но готовилъ страшную месть безпечному врагу (354)....

---

(354) Слова Іоны: «Неправду еси учинилъ, а меня еси ввелъ въ грѣхъ и въ срамъ: Князя ти было Великаго выпустить, а ты и дѣтей его съ нимъ посадилъ; а мнѣ еси далъ свое правое слово, и они меня послушали; а нынѣ азъ во всей лжи; и что онъ можетъ учинити безъ вѣка (т. е. безъ векъ), а дѣти его малы; а еще его *укрѣпи крестомъ честнымъ, да нашею братіею владыками.*» Выписываемъ *при-*

Едва получилъ онъ свободу, какъ привелъ въ дѣйствіе все, чѣмъ могъ погубить Шемяку. Сношенія съ Тверью, съ Литвою, съ Монголами были произведены скрытно, но дѣятельно. Князь Боровскій готовъ былъ выступить по условію. Дѣти Улу-Махмета, Касимъ и Ягупъ, готовы были помогать Василію. Имъ нѣкуда было приклонить свою голову: старшій братъ ихъ, Мамутекъ, убилъ въ это время отца, стараго Хана Улу-Махмета, и одного изъ братьевъ своихъ; другіе братья бѣжали и скитались по южнымъ степямъ, набравъ себѣ толпу удальцовъ. Князь Тверской соглашался помогать Василію, если онъ утвердитъ ему самобытное владѣніе Тверью, и женитъ старшаго

бавку Карамзина: «Изъ столицы и другихъ городовъ люди бѣжали въ Малороссію (т. е. въ Литву), *проклиная Шемяку, который трепеталъ во Московскомъ дворцѣ*, ежедневно получая вѣсти *о всеобщемъ негодованіи народа.*» Но доказательства противъ всего этого находимъ въ безпечности, съ какою поступалъ Шемяка, замѣтившій опасность тогда только, когда не было уже средствъ къ защитѣ. И тутъ *не народъ* дѣйствовалъ, а *сообщники Василія*, немногіе. Слова Василія: «И не сіе мнѣ было пострадати, грѣхъ моихъ ради и беззаконій многихъ, и преступленій моихъ въ крестномъ цѣлованіи предъ вами, и предъ своею братіею старѣйшею, и предъ

сына на его дочери. Василій ни о чемъ не спорилъ. Шемяка такъ довѣрился ему, что оставилъ его безъ всякаго надзора. Можетъ быть, онъ повторялъ слова Іоны: «Чего ты боишься слѣпца и слабыхъ дѣтей его?» Оставалось только освободить совѣсть отъ страшныхъ клятвъ, какими связалъ душу свою Василій. Дѣло оказалось нетруднымъ. Онъ прожилъ въ Вологдѣ нѣсколько дней, и поѣхалъ на богомолье въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь. Тамъ, Игумену Трифону предложилъ онъ на разсмотрѣніе: можно-ли ему нарушить клятву, неволею данную? — «*Должно*,» отвѣчалъ Трифонъ. «Ты не простой человѣкъ, но Государь: иди съ Богомъ и съ своею правдою на Великое Московское княжество, свою отчину. Мы, я и братія, беремъ твой грѣхъ на наши головы, разрѣшаемъ тебя отъ клят-

---

всѣмъ Христіанствомъ, его-же изгубихъ, и еще изгубити есми хотѣлъ до конца. Достоинъ есмь *главныя казни*, но ты, Государь мой! показалъ еси на мнѣ милосердіе, не погубилъ еси мене съ беззаконіи моими, но да покаюся золъ моихъ.»... «По семъ Князь Димитрій пиръ великъ сотвори—бяху-же ту *вси Епископи земли Русскія*, *и Бояре мнози*, *и дѣти Боярскіе*, и *честь велику* воздалъ В. К., и дары многи подавалъ В. К. и Вел. Княгинѣ, и дѣтемъ ихъ, и вотчину далъ» (*Стр. Лѣт.* т. II, стр. 56). Такъ-ли поступаютъ злодѣи?

вы, благословляемъ, и будемъ за тебя молить Бога!» — Тогда, совершенно успокоенный, Василій поспѣшно пріѣхалъ въ Тверь. Князь Тверской принялъ его почтительно; Іоаннъ, старшій сынъ Василія, былъ обрученъ съ дочерью Тверскаго Князя. Бракъ отложили до совершеннолѣтія обрученныхъ, ибо жениху не было и семи лѣтъ отъ рожденія, а невѣста была еще моложе его (355).

Немедленно дали знать Ряполовскимъ и Князю Боровскому, въ Брянскъ и Мстиславль, что Василій уже свободенъ и находится въ Твери. Они, Князь Стрига-Оболенскій, Ѳеодоръ Басенокъ, спѣшили соединиться съ Василіемъ. На пути присовокупились къ нимъ Касимъ и Ягупъ съ своими ордами. Но дѣло было кончено гораздо ранѣе, безъ всякой ихъ помощи.

Шемяка увидѣлъ, узналъ всѣ свои ошибки — поправлять ихъ было поздно! Онъ вышелъ од-

(355) Оправданіе Василія, выдуманное Карамзинымъ: «Должны-ли вѣроломные надѣяться на вѣрность обманутыхъ ими? Злодѣи, освобождая себя отъ узъ нравственности, мыслятъ, что не всѣмъ дана сила попирать ногами святыню, и сами бываютъ жертвою легковѣрія» (Ист. Гос. Рос. т. V, стр. 325). Онъ называетъ Игумена Трифона, разрѣшившаго Василія отъ клятвы, *умнымъ*.

накожь изъ Москвы, спалъ близъ Волоколамска, ожидалъ болѣе войска, медлилъ; съ нимъ былъ только одинъ союзникъ — ненавистный Князь Можайскій! Слышали, что Василій идетъ отъ Твери, Боровскій спѣшитъ изъ Литвы, дѣти Улу-Махмета стремятся съ юга. Воины Шемяки бѣжали отъ него, передавались непріятелю. Наконецъ, получена была неожиданная вѣсть: Москву нечаянно захватилъ воевода Василія, Плещеевъ. На самое Рождество, онъ подкрался къ Москвѣ съ небольшимъ отрядомъ, ввелъ его въ Москву, и когда Кремлевскія ворота отворили для одной изъ Княгинь, ѣхавшихъ въ Соборъ къ заутрени, дружина Плещеева ворвалась въ Кремль. Сдѣлалось смятеніе; началась драка; намѣстникъ Шемяки бѣжалъ прямо отъ заутрени; намѣстника Можайскаго поймалъ истопникъ Княгини Софіи, Растопча; Бояръ, воиновъ ихъ били, грабили, заковали въ кандалы. На другой день вооружили Московскій народъ, затворились въ Кремлѣ и готовы были на защиту. Но Шемяка и Можайскій не пошли въ Москву; болѣе надѣясь на вѣрность сѣверныхъ областей, они поспѣшили въ Галичъ. Василій умѣлъ дѣйствовать рѣшительнѣе и лучше: онъ преслѣдовалъ бѣглецовъ съ Тверскими дружинами, взялъ Угличъ, храбро защищавшійся, и безостановочно шелъ далѣе. Шемяка и Можайскій бѣжали въ отдаленный Каргополь;

туда перевезли и машь Василія. Близъ Углича пришелъ къ Василію Князь Боровскій; Василій повороппилъ въ Москву, довольный шѣмъ, что могъ отбишь у враговъ своихъ Угличъ и Кострому; вездѣ оставлены были имъ для защипы сильные опряды воиновъ. Кончипь съ Шемякою предоставили будущему. Василій удовольствовался оппправленіемъ къ Шемякѣ Боярина Кутузова, приказавъ сказашь ему: «Князь! что за чесшь и за хвала шебѣ держашь въ полону машь мою, а шаою шешку? Неуже-ли эшимъ думаешь шы оппмсшишь мнѣ, когда я обладаю уже Великимъ княжесшвомъ?» — Въ самомъ дѣлѣ — сказалъ Шемяка, совѣщуясь съ своими Боярами — пріобрѣшу-ли чесшь и хвалу плѣномъ шешки? Бѣгая изъ мѣсша въ мѣсшо, нуждаюсь въ людяхъ, испомилъ ихъ, а плѣнницу нашу надобно еще сшеречь? — Онъ оппусшилъ Софію Вишовшовну съ чесшію, послалъ съ нею Боярина своего Сабурова, и занялъ Галичъ. Василій всшрѣшилъ машь свою въ Троицкой обишели. Сабуровъ ударилъ ему челомъ, и вступилъ въ его службу (356).

Прошивишься Василію не было возможносши. Онъ дѣйсшвовалъ пришомъ неусыпно, и буду-

---

(356) Спр. Лѣт. т. II, спр. 58; Костр. Лѣт. II, 15; Арханг. Лѣт. стр. 130.

чи слѣпцомъ видѣлъ далѣе всякаго зрящаго. Утративъ силу, Шемяка и Можайскій думали купить миръ покорностію. Василій былъ неумолимъ. Онъ занялъ владѣнія тестя Шемякина, Князя Заозерскаго. Видя возможность не отваживаться на битву, Василій позволилъ Князю Боровскому и Князю Верейскому переговаривать съ Шемякою и Можайскимъ, которые, съ своей стороны, просили сихъ Князей быть посредниками между ними и мстительнымъ Василіемъ. Въ записи, составленной въ сіе время, сказано было, что Шемяка удовольствуется *Галичемъ*, а Іоаннъ *Можайскомъ*, что они отдадутъ все пріобрѣтенное ими къ симъ *наслѣдственнымъ* удѣламъ—Шемяка *Угличъ*, *Ржевъ* и *Бѣжецкъ*; Іоаннъ *Козельскъ* и *Алексинъ*; что они обязываются возвратить все захваченное ими имѣніе, образа, казну, грамоты, дефтери, ярлыки Ханскіе. За все это Князья Верейскій и Боровскій обѣщали *передать ихъ челобитье Великому Князю, и молить его*, чтобы онъ принялъ ихъ въ любовь и въ докончаніе. Всего болѣе хотѣлось Василію разрушить союзъ Шемяки и Можайскаго: онъ готовъ былъ на время простить и обласкать виновнѣйшаго, ибо онъ боялся—*только Шемяки!* Положено было, что Князья заключатъ договоры *разные*. Условились, что Василій не будетъ звать къ себѣ ни Шемяки, ни Можайскаго, пока не из-

берутъ Митрополита, общаго всѣмъ отца, который поручился-бы за ихъ безопасность. Черта времени любопытная: Епископскому ручательству не смѣли довѣриться, а на Митрополитское соглашались, уважая высокій санъ сей. Въ осторожность противъ нечаяннаго нападенія, Князья клялись взаимно, что Василій не будетъ нападать до рѣшительнаго докончанія; тоже обѣщали Шемяка и Можайскій (357). — Хитрость Василія удалась превосходно: *послѣдній* союзникъ Шемяки — Князь Можайскій от-

---

(357) Карамзинъ говоритъ, что Василій тогда-же *простилъ Шемяку*, и *помирился* съ Шемякою, «который *обязался страшными клятвами* быть ему искреннимъ другомъ, *славить милости его до послѣдняго издыханія*,» и проч. (т. V, стр. 330). Нѣтъ! это несправедливо. Съ Шемякою *мира не было до самой его смерти*. Мирный договоръ заключили только съ Княземъ Можайскимъ (см. прим. слѣд.). *Стр. Лѣт.* (т. II, стр. 60) говоритъ о *граматахъ* Шемяки, и вслѣдствіе того о нарушеніи потомъ сихъ граматъ Шемякою; но онъ явно ошибается, ибо до насъ дошелъ только *проэктъ мира* съ Шемякою, или договоръ его и Князя Можайскаго, предварительно заключенный ими съ Княземъ Боровскимъ (С. Г. Гр. т. I, № 67). Тутъ сказано, что сей договоръ заключенъ «уговѣвъ Петрова говѣнья въ недѣлю.» Съ Княземъ Можайскимъ помирились по особому договору, написанному, вѣроятно, Іюня 19-го

сталъ отъ него. При посредничествѣ Князей Тверскаго, Верейскаго, Боровскаго, онъ заключилъ съ Василіемъ договоръ, въ которомъ сказано было: «все, что по грѣхамъ нашимъ сталось отъ насъ надъ тобою, господиномъ Княземъ Великимъ—ты меня жалуешь—все это ты забываешь, не будешь помнить, не будешь мстить, ни на сердцѣ держать, ни мать твоя, ни супруга, ни дѣти.» Страшныя клятвы были

1447 г. (см. сей договоръ въ *Собр. Гос. грамат* т. I, № 63), ибо въ сей день заключенъ былъ договоръ съ братомъ его, Княземъ Верейскимъ, по которому Верейскій получилъ половину Заозерья (С. Г. Гр. т. I, № 64); а 20-го Іюля Князь Можайскій введенъ уже былъ въ договоръ съ Рязанскимъ Княземъ, какъ старшій изъ Князей послѣ Василія и добрый его союзникъ. Сентября 20-го ему отдали другую половину Заозерья и Бѣжецкій *Верхъ*. Весною-же 1448 года, Василій пошелъ на Шемяку къ Костромѣ (см. далѣе), и въ договорѣ съ Княземъ Боровскимъ писалъ: «*Добьетъ челомъ* мнѣ Князь Димитрій Юрьевичъ, *пожалую* его его отчиною (С. Г. Гр. т. I, стр. 157). «Повѣрка Лѣтописей заключается въ граматахъ; вотъ примѣръ: въ *Арх. Лѣт.*, стр. 131, сказано, что Василій въ 1449 г. сталъ въ Ярославлѣ, и Князь Можайскій умолилъ его о мирѣ, отказавшись отъ Шемяки. Но еще въ 1447 г. Князь Можайскій помирился съ Василіемъ, и отступился отъ Шемяки. Лѣтописецъ смѣшиваетъ здѣсь походъ Василія изъ Твери въ 1447 г.

произнесены съ обѣихъ сторонъ: «Призываемъ во свидѣтели Вседержителя Господа Бога, Пречистую Его Матерь, Святаго Чудотворца Николая, Петра Митрополита, Леонтія Епископа Ростовскаго, святыхъ старцевъ, преподобныхъ Сергія и Кирилла; молитвы родителей дѣдовъ и прадѣдовъ нашихъ Великихъ Князей— да не будетъ на клятвопреступникѣ сего договора ни милости Бога и Богоматери, ни молитвъ Святителей, старцевъ и родителей нашихъ, въ сей вѣкъ и въ будущій, и посредники наши да будутъ съ правымъ на виноватаго.» (358). Казалось, что Василій въ самомъ дѣлѣ совершенно забылъ вину Можайскаго. Онъ призвалъ его и принялъ въ великую дружбу. Заключая договоръ съ Рязанью (въ Іюлѣ 1447 г.), писали сей договоръ отъ имени Василія, Князей *Можайскаго* (упоминая имя его выше всѣхъ другихъ), Верейскаго и Боровскаго (359). Еще до примиренія съ Можайскимъ Княземъ (въ Іюнѣ 1447 г.), Василій, взявъ себѣ половину областей тестя Шемякина, Князя Заозерскаго, отдалъ Верейскому другую половину (уступивъ ему притомъ за два года Ордынскій вы-

(358) Собр. Г. грам. т. I, № 63, стр. 139.

(359) Тамъ-же, № 65.

ходъ съ его области). Въ Сентябрѣ другую половину Заозерья Василій отдалъ Можайскому, а въ замѣну Козельска и Алексина передалъ ему Бѣжецкъ. Двумя новыми примирительными грамотами подтвердили забвеніе всего прошедшаго: одна изъ нихъ писана въ 1448 году; въ другой замѣчательны слова Василія: «Все, что *было еще у меня на сердцѣ, на тебя, моего младшаго брата,* оставляемъ при семъ нашемъ докончаніи, и клянемся задняго не поминать» (360). Только Шемякѣ не давали ни мира, ни прощенія. Шемяка оставался при одной записи, составленной отъ имени его и Можайскаго, съ Князьями Верейскимъ и Боровскимъ (о чемъ мы упоминали выше). Его окружили лазутчиками, знали всѣ его сношенія, и во всемъ находили новыя причины къ обвиненію. Можетъ быть, стараясь себя обезопасить, Шемяка отправлялъ посла къ Хану Мамутеку, и принялъ посла его у себя — потребовали выдачи Ханскаго

---

(360) Тамъ-же № 64, 66, 68, 69. См. другія грамоты: № 70, подтвержденіе договора съ Княземъ Верейскимъ; № 71, 72, договоръ объ отдачѣ Князю Боровскому Дмитрова, и подтвержденіе сего № 73, 74; подтвержденіе договоровъ съ Княземъ Верейскимъ благословеніемъ Митрополита Іоны, 1450 г. Іюля 1 д., № 75.

посла Великому Князю, и упрекали Шемяку за невыдачу, когда онъ отказалъ; Мамутекъ задержалъ Московскаго Посла — причли это къ проискамъ Шемяки (361). Онъ просилъ помощи у Новгородцевъ; въ грамотахъ къ нимъ называлъ себя *Великимъ Княземъ*; говорилъ, что Татары отяготили Русь — все это почли клеветою на Великаго Князя и крамолою (362). Седи-Ахметъ вздумалъ прислать къ Василію Пословъ, и требовать дани. Послу Ханскому ничего не дали; но отъ Шемяки требовали участка въ Ордынскій выходъ. Шемяка не далъ, отвѣчая, что Седи-Ахметъ не Царь, но самозванецъ безсильный. «Какъ не Царь?» возопили въ Москвѣ. «Но не онъ-ли владѣетъ тѣмъ самымъ юртомъ, гдѣ судился отецъ Ше-

(361) Слова, находящіяся въ *Посланіи Русскихъ Святителей* къ Шемякѣ (см. далѣе, прим. 365): «Посылалъ еси въ Казань ко Царевичу Мамотяку на Вел. Князя лихо — и Посолъ его къ тебѣ пришелъ, у себя его и нынѣ держишь; а за твоею посылкою къ Мамотяку Великаго Князя киличея Мамотякъ поималъ, да сковалъ,» и проч.

(362) Тамъ-же: «Ты въ цѣлованьи съ Новымъ Городомъ, да еще посылалъ еси и Посла, а зовучи себя Великимъ Княземъ; да просилъ еси у нихъ себѣ помочи; а вводя то слово, что *Татарове изневолили нашу отчину Москву....*»

мяки съ Великимъ Княземъ?» (363) — Шемяка прибѣгнулъ къ Князю Можайскому, напомнилъ ему прежнюю дружбу, просилъ ходатайствовать у Великаго Князя, и сказать: «Если ты пожалуешь чѣмъ нибудь Димитрія Юрьевича, то меня, бѣднаго, пожалуешь.» Сіи слова изъяснили такъ, что Шемяка переманиваетъ Можайскаго на свою сторону. Наконецъ, поймали на дорогѣ посланнаго отъ Шемяки къ его Московскому Тіуну, насильно отняли у него грамоты, и вытолковали изъ нихъ, что Шемяка отзываетъ къ себѣ Московскихъ людей отъ Василія. Обвиняли Шемяку и за то, что онъ отнялъ нѣкоторыя помѣстья у измѣнниковъ, перешедшихъ къ Василію; что онъ посылалъ за помощью въ Вятку; что онъ не отдавалъ вполнѣ взятаго имъ въ Москвѣ (364)....

---

(363) *Тамъ-же.* «Отъ Царя Седи-Ахмета пришли къ Вел. Князю Послы, и онъ къ тебѣ посылалъ просити, что ся тебѣ имать дати съ твоей отчины въ тѣ Татарскіе протторы; и ты не далъ ничего, а не зовучи Седи-Ахмета Царемъ; а того не какъ позабылъ еси: не на томъ-ли юрту отецъ твой былъ у Царя съ Вел. Княземъ вмѣстѣ, и на пошлинѣ стояли?»

(364) Тамъ-же: «Таже еси посылалъ ко Князю И. А. Михаила Сатина, а все *одинагася* съ нимъ на Вел. Князя, чтобы Князь Иванъ къ Вел. Князю то слово

Сбираясь кончить дѣло съ Шемякою оружіемъ, Василій хотѣлъ оправдать себя громкимъ изложеніемъ всего, въ чемъ виновенъ былъ передъ нимъ Шемяка. По его повелѣнію, въ концѣ 1447 года, пять Владыкъ, нѣсколько Архимандритовъ и Игуменовъ составили огромное Посланіе къ Шемякѣ, истощили въ немъ все возможное краснорѣчіе, всѣ свои знанія Богословскія и Историческія, и на 28-ми листахъ доказывали Шемякѣ, что онъ злодѣй, преступникъ—даже корили его памятью отца; начали благословеніемъ — кончили проклятіемъ (365).

съ своимъ Посломъ приказалъ: только пожалуешь Кн. Дим. Юрьевича, ино то еси меня пожаловалъ.... Къ Вятчаномъ посылаешь, а въ Вятку ти ся по доканчанью не вступати... Которые Бояре и Дѣти Боярскіе отъ тебя били челомъ Вел. Князю служити, и ты еси чрезъ крестное цѣлованье тѣхъ пограбилъ, села ихъ и домы у нихъ поотымалъ, и животы всѣ, и животину.... Шлешь къ своему Тіуну, къ Ватазину, свои граматы, а велишь ему отзывати отъ Вел. Князя людей къ себѣ, а все подъ Вел. Княземъ доставая Вел. Княженья; и тѣ твои граматы выиманы у Ватазина на пути,» и проч.

(365) Это любопытное Посланіе находится въ книгѣ: *Посланія Русскихъ Митрополитовъ*, находящейся въ Синод. Библіотекѣ. Къ сожалѣнію, сей драгоцѣнный актъ донынѣ неизвѣстенъ вполнѣ. Выписки изъ него, чрезвычайно короткія, см. въ *Ист. Г. Р.*

«Знаешь» — писали къ Шемякѣ — «знаешь ты самъ, сколько тщился отецъ твой овладѣть Великимъ Княжествомъ, подобно тому, какъ древній праотецъ нашъ Адамъ желалъ быть богомъ: въ Орду ходилъ онъ, труды подымалъ, но Княженія Великаго не досягль, не дарованнаго ему ни Богомъ, ни Царскою пошлиною. Но онъ еще не унялся: собралъ злыхъ людей, согналъ Великаго Князя съ отеческаго престола, и долго-ли торжествовалъ? Не самъ-ли тотчасъ, съ великимъ челобитьемъ, Государя своего призвалъ, и только въ пяти человѣкахъ изъ Москвы уѣхалъ? Еще разъ пришелъ онъ; сѣлъ на престолѣ, безъ Царской пошлины — лучше сказать, разбойнически, и долго-ли пожилъ? Дабы успѣлъ онъ подумать о душѣ своей передъ близкою кончиною, Богъ попустилъ его хотѣнію исполниться, человѣкамъ на видѣніе, а ему отъ всѣхъ на осужденіе.... А самъ ты? Дьяволъ вооружилъ тебя на Великаго Князя желаніемъ самоначальства. Разбойнически, какъ ночной воръ, напалъ ты на него, противъ крестнаго цѣлованія, и сотво-

---

т. V, прим. 350. Карамзинъ приводитъ ихъ, какъ *обвиненіе Шемяки*; мы видимъ лучшее *оправданіе* его въ сихъ выпискахъ, и для примѣра привели нѣкоторыя изъ нихъ, въ прим. 361, 362, 363 и 364-мъ.

рилъ надъ нимъ зло не меньше Каина и окаяннаго Святополка. Чѣмъ-же пользовался? Долго-ли государствовалъ, и спокойно-ли пожилъ? Не все-ли въ суетѣ и прескаканіи отъ мѣста до мѣста, днемъ томимъ помышленіями, ночью мечтаніями сна? Ища и желая большаго, и свое меньшее ты изгубилъ. А Великій Князь снова на своемъ престолѣ, ибо кому что отъ Бога дано, того никто не отниметъ. Впалъ-бы ты и самъ въ руки Великаго Князя, какъ древле гордый Фараонъ во глубину моря, и, если-бы милосердія своего не полагалъ на тебѣ Князь Великій, давно погибъ-бы ты, и со всѣми своими, и душа твоя въ адъ вселилась-бы.... И отколѣ твое заблужденіе? Напала-ли на тебя душевная слѣпота, отъ возлюбленія временныя и преходящія чести Княжескія и начальства, и желаешь ты быть называемъ Великимъ Княземъ, когда то не отъ Бога даровано? Или златолюбіемъ объятъ, или женовнимателенъ и женопокоренъ, уподобляясь Ироду, ни во что вмѣняешь крестное цѣлованіе? Святыя эпитрахили сквернишь ты неподобными, богомерзкими рѣчами; но, надѣемся, самъ ты знаешь, что онѣ суть вообраafженіе муки Господа нашего І. Х., и ты рѣчами своими только душу свою губишь (366).».. Изложивъ

(366) Здѣсь, вѣроятно, говорится о томъ, что Іона бралъ на *эпитрахиль* дѣтей Василія отъ Ряполовскихъ.

вины Шемяки, и примѣры высокоумія и гордости изъ Св. Писанія, упомянувъ о Царѣ Армянскомъ Тиридатѣ, въ кабана превращенномъ, за то, что онъ гналъ Св. Григорія Великаго, Владыки прибавляютъ: «Могли-бы мы еще многое сказать тебѣ отъ Божественнаго Писанія; но самъ ты отъ Бога одаренъ разумомъ, и тонко Божественное Писаніе разумѣешь.... Если не обратишься къ Богу и къ Великому Князю съ чистымъ покаяніемъ, то будь ты чуждъ отъ Бога, отъ Церкви Божіей, и отъ православныя вѣры; не имѣй части съ вѣрными; не будь на тебѣ милости Божіей и силы животворящаго Креста, который ты къ брату своему старѣйшему, Великому Князю, цѣловалъ; будь ты проклятъ отъ Св. Апостоловъ и Св. Отецъ, и гряди въ конечную погибель.»..

Посланіе отправлено было 29-го Декабря 1447 года. Шемякѣ назначили срокъ на покаяніе: двѣ недѣли по Крещеніи. Шемяка не каялся, и, весною 1448 года, Василій пошелъ на него съ сильнымъ войскомъ. Но еще остановился онъ, можетъ быть опасаясь отчаянія Шемяки, который видѣлъ злодѣя Можайскаго въ милости, сообщника своего Князя Тверскаго роднею Василія, добраго тестя своего въ раззореніи и погибели, имя свое въ позорѣ и поношеніи. Впереди ожидала его гибель, и отчаяніе могло доставить побѣду. Василій ворошил-

ся отъ Костромы, укрѣпилъ еще болѣе союзы, какъ мы это видѣли, и собралъ сильнѣйшія дружины. Безнадежный, отчаянный Шемяка самъ началъ военныя дѣйствія (весною, 1449 года) нападеніемъ на Кострому, гдѣ находились лучшіе воеводы Василія, Князь Стрига-Оболенскій и Ѳедоръ Басенокъ. Василій выступилъ съ большою силою, Князьями и Монгольскими Царевичами. Съ нимъ былъ Святитель Іона (уже возведенный тогда въ санъ Митрополита), были и Епископы. Шествіе Василія казалось величественнымъ: Государь и Церковь шли на проклятаго клятвопреступника. Но Шемяка уклонился отъ битвы. Его оставили въ покоѣ до зимы. Тогда удобнѣе можно дѣйствовать въ болотистыхъ сѣверныхъ мѣстахъ. На святкахъ 1450 года, Василій выступилъ—рѣшитъ дѣло послѣднее. Пришли къ Галичу; Шемяка ушелъ въ Вологду; его преслѣдовали—онъ опять повернулъ къ Галичу, и сталъ твердою ногою, укрѣпивъ Галичъ, устроивъ пушки, собравъ всѣ дружины свои. Многочисленная рать Великаго Князя отвсюду окружила Галичъ, подъ предводительствомъ Князя Оболенскаго. Шемяка не нападалъ; стоялъ подъ городомъ на горѣ, крутой, окруженной оврагами. Москвичи зашли съ озера, перешли овраги. Изъ города загремѣлъ огонь пушекъ, тюфяковъ, пищалей. Презирая его, воины Московскіе взошли на гору и начали бой рукопашный, продол-

жительный, гибельный. Шемяка рѣзался, какъ человѣкъ, обреченный на смерть, былъ совершенно уничтоженъ, и едва успѣлъ убѣжать. Изъ воиновъ его всего болѣе было убитыхъ, немного убѣжавшихъ и взятыхъ въ плѣнъ; нѣкоторые немногіе затворились въ городѣ. Василій дожидался извѣстія о битвѣ въ Желѣзномъ городкѣ, получилъ его, велѣлъ служить молебенъ въ тамошней обители Св. Іоанна Предтечи, и отправился въ Галичъ. Жители отдались ему; Василій объявилъ, что Галичъ навсегда присоединяется къ Великому Княжеству, и возвратился въ Москву праздновать масляницу (367).

---

(367) Строев. Лѣт. т. II, стр. 61; Костр. Лѣт. т. II. стр. 19, 20; Арханг. Лѣт. стр. 132; Тип. Лѣт. стр. 256. Въ *Костр. Лѣт.* говорится, что послѣ неудачи подъ Костромою, Шемяка хотѣлъ идти на Владиміръ и Муромъ.—*Желѣзный городокъ*, или Желѣзный *борокъ*, находится въ 40 верстахъ отъ Галича, на рѣкѣ Тебзѣ, въ горахъ, изобильныхъ желѣзною рудою. По преданіямъ, здѣсь жилъ нѣкогда пустынникъ, святой мужъ, Іаковъ. Онъ былъ въ Москвѣ, когда Софія Витовтовна, передъ рожденіемъ Темнаго, сдѣлалась отчаянно больна. Просили Св. Іакова помолиться о ней, и когда Темный родился благополучно Василій Димитріевичъ выстроилъ монастырь на мѣстѣ пустыни благочестиваго старца; въ этой обители донынѣ почиваютъ его нетлѣнныя мощи. Василій молился при

Галицкая битва происходила 27 Января 1450 года, и была последнимъ значительнымъ усиліемъ *борьбы Единовластія съ Удѣлами*.... Послѣ нея, Удѣлы начали умирать сами собою, отъ одного слова Великокняжескаго. Нѣсколько времени участь Шемяки была неизвѣстна. Наконецъ узнали, что онъ еще живъ, спасся, достигъ Новгорода, гдѣ находились жена его и сынъ. Шемяка не былъ уже опасенъ; но онъ не хотѣлъ ни мириться, ни бѣжать въ Литву. Новгородцы помогали ему, и Шемяка снова собралъ дружину, выступилъ къ Устюгу, занялъ сей городъ, привелъ жителей къ присягѣ, и казнилъ непокорныхъ ему, преданныхъ Василію (368). Въ Галичъ ему невозможно было показаться: тамъ стояли сильныя дружины Василія. Оставивъ на время оружіе, изъ Москвы писали къ Новгородцамъ, что они не должны

гробѣ его, пока воины Московскіе бились съ Шемякою, (см. *Ист. Росс. Іерархіи*, т. IV, стр. 116).

(368) *Архангельск. Лѣт.* стр. 132. Одинъ изъ брошенныхъ въ рѣку Сухону приверженцевъ Василія, Ефимъ Ежевина, успѣлъ отвязать отъ шеи тяжелый камень, сидя на днѣ рѣки, выплылъ и ушелъ въ Вятку. Не повторяемъ здѣсь упрековъ Карамзина, и названій, какія придаетъ онъ Шемякѣ отъ самаго бѣгства сего Князя изъ Москвы въ 1447 г. — Карамзинъ называетъ его *ненавистнымъ*, *гнуснымъ* *но*

принимать Шемяки. Особенно Митрополитъ изъявлялъ сильное негодованіе Новгородской своей паствѣ. Владыка Евфимій отвѣтствовалъ ему, что Новгородъ не можетъ отказать въ убѣжищѣ несчастному Князю, ибо домъ Св. Софіи всегда принималъ къ себѣ Русскихъ Князей и воздавалъ имъ честь по силѣ; что Святитель напрасно пишетъ столь *тягостныя* грамоты противъ Димитрія Юрьевича, Князя природнаго, внука Димитрія Донскаго и духовнаго сына своего; что такихъ грамотъ не писывалъ ни одинъ прежній Митрополитъ. «Ты называешь Димитрія Юрьевича сыномъ моимъ?» возразилъ Митрополитъ — «Нѣтъ! онъ злодѣй, котораго не должно именовать сыномъ ни Церкви Божіей, ни нашего смиренія. Запрещаю тебѣ, и дѣтямъ твоимъ Новгородцамъ, пить и ѣсть съ нимъ. Онъ проклятъ, неблагословенъ, отлученъ отъ Церкви. Сколько причинилъ онъ лиха, и сколько пролилъ Христіанской крови? Кто прежде его съ такою злобою возставалъ противъ Великаго Князя? Выгоните его немедленно, пришлите съ челобитъ-

---

злодѣяніямъ и вѣроломству, коварнымъ, безчеловѣчнымъ; удивляется, напротивъ, *кротости Василія, духу смиренія и благочестію, съ какимъ писано было Посланіе къ Шемякѣ,* и проч.

емъ къ сыну моему Великому Князю, и я буду о васъ печаловаться» (369).

Кажется, Кирдяпичи не оказали никакой помощи Шемякѣ. Можемъ полагать, что они едва успѣли пріѣхать въ Нижній Новгородъ, какъ и были выгнаны перемѣною обстоятельствъ. По крайней мѣрѣ, Василій распоряжался самовластно Суздальскими областями, и имени внуковъ Кирдяпы тамъ не было слышно. Напротивъ, онъ обласкалъ одного Князя изъ поколѣнія брата Кирдяпина, Симеона. Сей Князь, внукъ Симеона, Іоаннъ Васильевичъ Горбатый, получилъ отъ него въ удѣлъ Городецъ Волжскій, клялся быть подвластнымъ Василію и недругомъ Шемяки, выдалъ всѣ старыя Суздальскія грамоты и ярлыки Ханскіе, и просилъ милости для другихъ братьевъ своихъ. Ихъ было у него пятеро: Андрей служилъ Можайскому Князю, и былъ убитъ сражаясь съ Литовцами; другой, *Василій Гребенка*, жилъ въ Новгородѣ; трое — Александръ Глазатый, Романъ и Борисъ били

(369) Посланіе Іоны (Ист. Г. Р. т. V, прим. 353). Имѣемъ его (Шемяку) неблагословенна и отлученна Церкви — азъ тебѣ и твоимъ дѣтямъ, Великому Новугороду, не велю съ нимъ ни пити, ни ѣсти — и какъ того Кн. Димитрія мощно именовати Церкви Божіей, да нашего смиренія сыномъ?...

челомъ Василію (370). — Василій оказалъ также новую милость Князю Верейскому: придалъ къ удѣлу его Вышгородъ и нѣсколько селъ. Вѣрные слуги Василія, дѣти Улу-Махмета, Касимъ и Ягупъ, ходившіе съ нимъ во всѣхъ послѣднихъ походахъ на Шемяку, получили въ удѣлъ городокъ Мещерскій, названный по имени старшаго брата: *Касимовъ*. Построенный на высокомъ берегу Оки, Касимовъ служилъ подзорнымъ, вѣстовымъ мѣстомъ отъ набѣга Ордынцевъ съ Рязанской стороны, и въ то-же время пристанищемъ всѣхъ недовольныхъ изъ Орды, Казани, Крыма. Скоро наполнили его Монголы. Ханы Касимовскіе составили важный предметъ опасенія для Казанцевъ, имѣя своихъ приверженцевъ, свои партіи въ Казани, производя тамъ заговоры и бунты, угрожая сверженіемъ съ трона при первомъ случаѣ (371).

---

(370) Договоръ въ *С. Г. Гр.* т. I, № 80 и 81. Съ чего взялъ Карамзинъ, будто Василій оставилъ *потомковъ Кирдяпы* владѣть Суздалемъ и Нижнимъ-Новгородомъ (Ист. Г. Р. т. V, 333)? Бѣдный Князь, которому Василій отдалъ только одинъ *Городецъ Волжскій*, былъ совсѣмъ другаго рода (см. выше, стр. 188).

(371) *Касимовъ* находится на Окѣ, въ 260-ти верстахъ отъ Москвы. Тамъ донынѣ цѣлая слобода

За все это, Мамутекъ не могъ быть другомъ Москвы, но онъ не помогалъ и Шемякѣ, не двигался на Русь съ сильными ополченіями. Въ 1446 г., семь сотъ Монголовъ напали на Устюгъ и зажгли его; жители потушили пожаръ и условились на окупъ, *копейщину*, которую Устюжане выплатили имъ мѣхами. Монголы договорились, чтобы Устюжане ихъ не преслѣдовали; они плыли по Югу и Ветлугѣ, на плотахъ, и почти всѣ перетонули.—Въ 1448 г. Орда Мамутекова ходила на Муромъ и Владиміръ, но поворотила во-свояси, услышавъ, что ее готовы встрѣтить. — Касимъ разбилъ и разогналъ по Битюгскимъ степямъ, въ 1449 и 1450 гг., отряды, посланные изъ Золотой Орды, такъ называемыхъ *Скорыхъ Татаръ*, то есть набѣгавшихъ на-легкѣ, изгономъ (372). Много тревоги и зла причинилъ набѣгъ Царевича Мазовши, въ 1451 году. Причиною этого была трусость воеводы Московскаго, Князя

населена Татарами, сохраняются остатки Татарскихъ дворцовъ и великолѣпнаго кладбища Хановъ, владѣвшихъ Касимовымъ съ половины XV-го вѣка.

(372) О нападеніи на Устюгъ, *Арх. Лѣт.* стр. 129; о походѣ на Муромъ, *Ист. Г. Р.* т. *V*, прим. 354. Юный Іоаннъ былъ при войскѣ, противъ Татаръ посланномъ. Тутъ-же см. о приходѣ *скорыхъ Татаръ*, и разбитіи ихъ на Битюгѣ.

Звенигородскаго. Его послали стоять на Окѣ, пока соберется болѣе войска. Воевода далъ свободный путь, боясь Монголовъ. Не видя сопротивленія, Монголы шли однакожь осторожно, но дошли до самой Москвы, откуда Василій поспѣшно уѣхалъ сбирать дружины на берегахъ Волги, взявъ съ собою жену и дѣтей, оставмвъ въ Москвѣ сильную защиту, мать свою, сына Юрія и Митрополита. Монголы зажгли посадъ Московскій; деревянные домы вспыхнули; пожаръ шелъ прямо на Кремль; жители тушили огонь и защищались отъ Монголовъ; Митрополитъ молился въ это время въ Успенскомъ соборѣ, со всѣмъ Духовенствомъ, о избавленіи отъ нашествія иноплеменныхъ варваровъ. Къ вечеру Монголы отступили, и ночью бѣжали отъ Москвы, боясь погони, оставивъ свой обозъ, и спѣша переправиться за Оку. Василій возвратился благодарить Бога за побѣду, а не сражаться. Набѣгъ Мазовши доставилъ большую славу Митрополиту Іонѣ. Говорили, что когда онъ началъ молиться, вѣтеръ поворотилъ отъ Кремля и пожаръ сталъ потухать, а Монголы ушли, испуганные какимъ-то ужаснымъ шумомъ. Золотая Орда и послѣ того еще тревожила Москву. Въ 1455 г. толпу Ордынцевъ разбили близъ Коломны. Они опять появились черезъ четыре года (въ 1459 г.) и были прогнаны. Василій устроилъ тогда въ

Успенскомъ соборѣ придѣлъ *Похвалы Богоматери*, за избавленіе отъ гибели. Сынъ Седи-Ахмета пыталъ счастія на другой годъ (1460 г.), осаждая Рязанскій Переяславль, и ушелъ боясь пораженія (373).

Избавясь отъ Монголовъ въ 1451 г., Василій вспомнилъ о ненавистномъ врагѣ своемъ, которому около двухъ лѣтъ дозволялъ жить спокойно въ Устюгѣ. Какъ будто на сильнаго непріятеля, собралось многочисленное войско, зимою 1452 года, и 1-го Января выступило въ походъ. Князь Боровскій и воевода Оболенскій шли впереди, жгли и опустошали селенія по Сухонѣ; за ними шелъ старшій сынъ Василія, юный Іоаннъ; наконецъ Царевичъ Касимъ съ Монголами. Шемяка хотѣлъ еще защищаться, но видѣлъ неизбѣжность пораженія, бѣжалъ внизъ по Двинѣ, повернулъ на Вагу, и укрыл-

---

(373) О Мазовшѣ, *Арх. Лѣт.* стр. 133, *Костр. Лѣт.* т. II, стр. 23. «Лѣто бяше тогда горяче» (*Тип. Лѣт.* стр. 257). Страхъ наводило на Руских извѣстіе, что Царьградъ былъ осажденъ въ этотъ годъ Турками. О набѣгѣ 1459 года: «Татарове *похвалився* на Русь пошли — и тоя ради *похвалы* Іона Митрополитъ поставилъ церковь каменну *Похвалы Богородицы*, придѣлалъ къ алтарю Соборныя Пречистыя, возлѣ южныхъ дверей» (Костр. Лѣт. т. II, стр. 32).

ся въ Новгородъ, гдѣ снова приняли его, не страшась угрозъ Москвы и проклятій Митрополита. Слѣды Московскихъ дружинъ означились раззореніемъ въ самыхъ отдаленныхъ сѣверныхъ областяхъ, которыя обвиняли за пособіе Шемякѣ (374). Василій не хотѣлъ щадить Шемяку: онъ былъ уже безпомощенъ, но — еще живъ! Войско Московское воротилось восвояси, а за Шемякою отправили въ Новгородъ не воинскія дружины, но — *убійцу*. . . . Василія опечалилъ въ это время сильный пожаръ,

---

(374) Стр. Лѣт. т. II, стр. 62; Арх. Лѣт. стр. 134; Костр. Лѣт, т. II. стр. 25. « Слышавъ, что Князь Дмитрій побѣглъ, посла за нимъ воеводъ Югомъ, мимо Устюга — а Князь Великій Иванъ, съ Андреевыхъ селищъ и съ Галищины, пошелъ на Городищную, да на Сухону рѣку, да въ Саленгу, на Кокшенгу воюючи, а городъ Кокшенгскій взялъ, а Кокшаровъ сѣклъ множество, и съ Кокшенги на Вологду. А Князь Дмитрій побѣже къ Новугороду Великому — а воеводы то слышавъ на усть рѣки Ваги, и воротилися по Вагѣ вверхъ на Кокшенгу-же. » — « А Князь Великій Иванъ, да Царевичъ, шедъ на Кокшенгу, градки поимаша, землю ту всю пусту поплѣниша, и въ полонъ поведоша. » — *Вага* впадаетъ въ Двину сѣвернѣе Шенкурска, отстоящаго отъ Москвы въ 836 верстахъ, отъ Архангельска въ 400-хъ верстахъ. Такъ далеко въ сѣверъ преслѣдовали Шемяку.

опустошившій посады и Кремль Апрѣля 9-го, ночью; можетъ быть, опечалила и кончина матери, Софіи Витовтовны, умершей въ долголѣтней старости, послѣ 34-хъ-лѣтняго супружества и 28-ми-лѣтняго вдовства. Свидѣтельница столькихъ событій, испытавшая столько перемѣнъ въ жизни, она скончалась монахинею, подъ именемъ старицы Сигклитикіи, Іюня 13-го дня, отказавъ сыну и внучатамъ святые образа, мощи и оставшееся у нея имѣніе (375). Но Василій все забылъ, когда, слушая вечерню на праздникъ Бориса и Глѣба, 23 Іюля, въ церкви во имя сихъ святыхъ мучениковъ, онъ получилъ радостную вѣсть: *Подьячій Василій Бѣда* — вѣроятно, самый убійца — опрометью прискакалъ изъ Новгорода въ Москву, и извѣ-

(375) Духовная Софіи, въ *С. Г. Гр.* т. I, № 83. «И что си останетъ которыя святости, оприсно того, кого есмь чимъ благословила, честные кресты и святыя иконы, или мощи святыхъ, въ большомъ дубовомъ и въ меньшомъ ларчику, и въ ящику большомъ, и въ коробьи, и азъ всѣмъ тѣмъ благословила внука своего,» и проч. У Софіи было много серебра, розданнаго изъ процентовъ (*издѣльнаго*). Она велѣла взыскать съ должниковъ недостаточныхъ только половину, а раззорившимся простить вовсе (страдниковъ пустить на слободу). Гробница Софіи находится въ Вознесенскомъ Кремлевскомъ монастырѣ.

стилъ, что *Шемяка умеръ въ Новгородѣ* Іюля 18-го... Несчастному Князю дали *лютаго зелья*, и *послѣдній сынъ Юрія* погибъ *бѣдною и нужною смертію*.... Василій наградилъ Бѣду чиномъ Дьяка, и принялъ въ милость и довѣріе: Бѣда писалъ даже его Духовную, черезъ девять лѣтъ послѣ отравленія Шемяки.

Новгородцы, послѣдніе друзья несчастнаго Димитрія Юрьевича, похоронили его въ Юрьевскомъ монастырѣ, обогащенномъ вкладами Шемяки во времена его благоденствія (376).

---

(376) *Строевск. Лѣт.* т. II, стр. 63. «Мѣсяца Іюля въ 23-й день, приде вѣсть къ Вел. Князю изъ Новагорода, на вечерни у великомучениковъ Бориса и Глѣба на Москвѣ, *на рвѣ*, что Князь Димитрій Шемяка умре напрасно въ Новѣгородѣ, и положенъ въ Юрьевѣ монастырѣ, а пригонилъ съ тою вѣстью подъячій, и бысть оттолѣ Дьякъ, Василій Бѣда.» въ *Архан. Лѣт.* стр. 135, «даша ему (Шемякѣ) лютаго зелія, и испусти нужно душу.» — Церковь Св. Бориса и Глѣба на рвѣ, называется нынѣ: *у Арбатскихъ воротъ*. Тогда былъ тутъ ровъ, начинавшійся отъ Срѣтенскаго монастыря и доходившій до Москвы рѣки, выкопанный при Василіи Димитріевичѣ, въ 1394 г. («Замыслиша на Москвѣ ровъ копати, починокъ его съ Кучкова поля, а конецъ устья его въ Москву рѣку; широта его сажень человѣка, а глубина въ человѣка стояща; и много убытка исчинилося въ томъ людямъ, понеже сквозь дворы копа-

ша, и многи хоромы разметаша,» Ист. Г. Р. т. V, прим. 254). По протяженію сего рва строили потомъ стѣну Бѣлаго города. —Гробница Шемяки находится въ Новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ (*Ист. Росс. Іерархіи*, т. VI, стр. 753). Изъ вещей, приложенныхъ Шемякою въ сей монастырь, донынѣ цѣла еще плащаница, богато вышитая золотомъ, серебромъ и шелками; по краямъ оной вышита надпись: «Лѣта 6957, Индикта 7, какъ былъ Князь Великій Димитрій Юрьевичъ въ Великомъ Новѣгородѣ, и повелѣніемъ его Великаго Князя наряженъ бысть сей воздухъ въ храмъ Св. Великомуч. Христова Георгія, тогоже мѣсяца Августа въ 23-й день (слѣдовательно, за *четыре мѣсяца* до Галицкой битвы, когда Шемяка шелъ на отчаянную, послѣднюю борьбу съ Василіемъ), благовѣрною его Княгинею Софьею, и при сынѣ его, благовѣрномъ Князѣ Иванѣ; и положенъ бысть въ церкви Св. Великомученика Христова Георгія, въ Великомъ Новѣгородѣ, въ Юрьевѣ монастырѣ, при Архіеп. вел. Новгорода Владыкѣ Евфиміи, при Архим. Мисаилѣ, за *оставленіе грѣховъ и спасенія ради душъ нашихъ и дѣтей нашихъ, и всѣмъ внучатамъ, и правнучатамъ въ семъ вѣцѣ и въ будущемъ*. Аминь.» — Заключимъ исторію сего несчастнаго Князя словами Карамзина, что пока былъ Шемяка еще живъ, то «въ непримиримой злобѣ своей искалъ новыхъ способовъ мести: *смерть его казалась нужною для государственной безопасности*» (Ист. Г. Р. т. V, стр. 344). Не менѣе любопытно философическо-Историческое размышленіе Щербатова, по случаю смерти Шемяки: «Еще пребывалъ въ слезахъ Вел. Князь, оплакивая кончину любезныя себѣ матери, когда пріѣхавшій къ нему гонецъ изъ Новгорода возвѣстилъ о кончинѣ Князя Д. Г. Шемяки. Хотя Вели-

кій Князь, яко человѣкъ весьма добродѣтельный, по человѣчеству и не могъ радоваться смерти своего врага, но какъ сія кончина свобождала его отъ всѣхъ безпокойствъ, каковыя ему приключилъ сей честолюбивый Князь, то яко о пріобрѣтеніи спокойствія своему народу, не могъ не возчувствовать удовольствія (*Ист. Росс.* т. IV, I, стр. 581).

ГЛАВА VI.

Мы старались изобразить въ полномъ объемѣ важнѣйшія событія Исторіи Русской съ 1425-го до 1453 года: главныя дѣйствія Василія, отъ самой кончины его родителя до того времени, когда онъ, лишенный очей, но зрящій умомъ, сдѣлался безспорнымъ властителемъ Великаго Княжества, послѣ *двадцатипятилѣтняго*, тяжкаго опыта. Не будемъ судить совѣсти его. Предположимъ лучше, что Василій Темный не былъ рожденъ свирѣпымъ: несчастныя обстоятельства, остервенѣніе вражды, необходимость политическая довели его до жестокости. Но — здѣсь новый урокъ для изученія тайныхъ судебъ Провидѣнія. Дѣйствуя своекорыстно и безчеловѣчно, Василій былъ орудіемъ для будущаго блага Русскихъ земель: онъ *кончилъ* Исторію Удѣловъ. Сія политическая система исчезла съ его временъ, какъ страшное привидѣніе, тяготивъ Русь болѣе четырехъ столѣтій. Жизнь Василія послѣ погубленія Шемяки представляетъ намъ совсѣмъ другой порядокъ дѣлъ. Не приступая еще къ описанію послѣднихъ событій Василіева княженія, раз-

скажемъ здѣсь разныя подробности, въ дополненіе событій *до 1453 года*.

Мы видѣли отношенія Руси къ Монголамъ. Представъ предъ Улу-Махмета, въ началѣ княженія своего, покорнымъ рабомъ, Василій видѣлъ его потомъ изгнанникомъ, и основателемъ новаго Монгольскаго царства, грознаго, но уже не непобѣдимаго, подобно прежней Золотой Ордѣ. Родные дѣти Улу-Махмета составили одну изъ опоръ власти Великаго Князя Русскаго. Сыну Василія назначено было смирить Казань; правнуку истребить это недолговѣчное гнѣздо Азійскихъ варваровъ. *Золотая Орда*, послѣ сего послѣдняго разъединенія сдѣлалась не важною. Седи-Ахметъ вредилъ еще набѣгами, но ихъ уже не боялись, и успѣхъ Мазовши былъ только мгновенною удачею. Еще безопаснѣе сдѣлалась Русь отъ Монголовъ враждою *Золотой Орды* съ *Крымскою Ордою*. Полагаемъ, что Василій уже не платилъ постоянной подати Монголамъ. Время униженія миновалось. Отражали набѣги, иногда ударивали хищниковъ, но уже не рабствовали передъ ними, не несли ихъ дани; посылали къ нимъ Пословъ — не ходили сами бить Княжескимъ челомъ. Въ договорахъ Князей постоянно упоминается о *выходахъ* и *дани* въ Орду; но, вѣроятно, сіи сборы составляли только запасъ, и всего чаще были политическою

мѣрою, умножавшею собственную казну Великаго Князя взносами отъ другихъ Князей, будто-бы для Монголовъ (377).

Съ кончиною Витовта, также перестала быть гибельною для Руси, сосѣдняя съ западной стороны, земля Литовская. Основанная Миндовгомъ и Тройденомъ, укрѣпленная Гедиминомъ, возвеличенная Олгердомъ, рукою Витовта поставленная въ кругъ сильныхъ политическихъ

---

(377) Замѣчательное явленіе, эта непримиримая ненависть, раздиравшая *Золотую Орду* (какъ мы это видѣли), и потомъ перешедшая къ ея отродіямъ, Ордѣ *Крымской, Ногайской, Казанской, Касимовской.* Она главнѣйше послужила къ взаимному ихъ уничтоженію, какъ мы увидимъ впослѣдствіи. Въ договорахъ Темнаго постоянно упоминается о *дани* и *выходахъ* Монголамъ. Въ договорѣ 1456 г. съ Княземъ Боровскимъ, сказано: «А давати ти, брате, мнѣ В. К. съ своея вотчины потому разводу, какъ *напередъ сего* давали въ *выходъ*, и въ ямъ; а *ци перемѣнитъ Богъ Орду, а не иму давати къ Ордѣ*, и мнѣ, брате, имати съ своея отчины дань собѣ, а тобѣ съ своего удѣла дань имати собѣ.» — Въ Духовной Темнаго: «Пошлютъ писцовъ, да удѣлы свои писцы ихъ опишутъ по крестному цѣлованію; да по тому письму и обложатъ по сохамъ и по людемъ; да потому окладу моя Княгиня и мои дѣти и въ *выходъ* учнутъ давати сыну моему Ивану, съ своихъ удѣловъ; а перемѣнитъ Богъ Орду,» и проч.

обществъ Европы, съ Витовтомъ Литва утратила самобытное существованіе. Судьба ея соединена была съ судьбою Польши. Ягелло пережилъ своего опаснаго друга и врага. Витовтъ не оставилъ дѣтей (378), и Ягелло, распоряжая Литвою, какъ властитель ея, отдалъ государство Витовтово въ управленіе брату своему Свидригеллу — нѣкогда сопернику Витовта и бѣглецу въ Русь, оставившему ее столь постыдно при нашествіи Тохтамыша. Свидригелло вскорѣ показалъ Польскому Королю свою неблагодарность и малодушіе: онъ захватилъ стараго Короля въ Литвѣ, объявилъ своимъ плѣнникомъ, и отпустилъ, когда Польша стала грозить ему войною (379). Волынь и Подолію Ягелло объявилъ своею собственностію. Свидригелло союзился съ Монголами, съ Нѣмецкими Крестоносцами, и воевалъ противъ Польши, тѣмъ удачнѣе, что Ягелла не терпѣли на Волыни за ревность къ Католицизму, а Свидригелло покровительствовалъ Греческому исповѣданію. Ягелло объявилъ наконецъ Свидригелла низверженнымъ, и отдалъ Литву брату Витовтову Сигизмунду (1433 г.). Свидригелло не

(378) Двое сыновей Витовта, Іоаннъ и Юрій, погибли въ Кенигсбергѣ въ 1384 г.

(379) Бѣльскій, стр. 335.

уступалъ, защищался упорно, наконецъ былъ побѣжденъ, и кончилъ жизнь въ Валахіи — простымъ пастухомъ, если вѣришь стариннымъ сказаніямъ, довольно сомнительнымъ (380). Сигизмундъ отвратилъ отъ себя сердца Литовцевъ своимъ свирѣпымъ нравомъ. Уподобляясь Гедимину и Витовту жестокостью, онъ ни сколько не обладалъ умомъ дѣда и брата. Ягелло умеръ въ 1434 году. Преемникомъ его въ Польшѣ былъ юный сынъ его Владиславъ. Кончина Венгерскаго Короля доставила Владиславу послѣ того тронъ Венгріи. Тиранъ Сигизмундъ погибъ отъ руки Князей Іоанна и Александра Чарторійскихъ (1440 г.). Въ избраніи ему преемника начались споры и несогласія (181): хотѣли

(380) Въ *Ист. Г. Р.* т. V, прим. 264, любопытная грамата Свидригелла къ Прусскому Гермейстеру, находящаяся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ. Битвы кровопролитныя происходили между Свидригелломъ и Сигизмундомъ въ 1433 и 1435 годахъ.

(381) Современники пишутъ, что не довѣряя людямъ, Сигизмундъ держалъ, вмѣсто стражи, ручныхъ медвѣдей. *Новгор. Лѣт.* годъ 1440-й: «Бѣ лютъ и немилостивъ, и сребролюбивъ, паче человѣкъ, и много Князей Литовскихъ погуби, иные истопи, иные погуби мечемъ, а Пановъ и земскихъ людей не мало безъ милосердія изгуби.» Александръ Чарторійскій укрылся послѣ того въ Русь, и былъ спутникомъ Шемяки

соединить Польшу съ Литвою, выбравъ Владислава; другіе стояли за Михаила, сына Сигизмундова; нѣкоторые расположены были даже призвать изгнанника Свидригелла. Наконецъ всѣ мнѣнія согласились въ пользу Казиміра, втораго сына Ягеллова, особенно любившаго Литву. Владиславъ, увлеченный честолюбивыми замыслами, погибъ въ войнѣ съ Турками, подъ стѣнами Варны (1444 г.). Венгрія отдѣлилась отъ Польши, и Казиміръ, бывъ избранъ Королемъ Польскимъ въ 1447 году, соединилъ на время Литву съ Польшею.

Свидригелло и Сигизмундъ жили мирно съ Новгородомъ и Псковомъ. Москвѣ не было досуга подумать о Литвѣ, такъ-же какъ и Литовцамъ о Москвѣ. Литовскіе Князья переѣзжали по прежнему въ Русь. Мы видѣли, что Ярославъ и сообщники Василія укрывались въ Литвѣ. Сынъ Лугвенія, Юрій вздумалъ спорить съ Казиміромъ (въ 1440 г.), но принужденъ былъ

въ 1441 г. Въ 1443 г. Василій послалъ его во Псковъ; но въ 1448 г. Псковичи взяли вмѣсто его Суздальскаго Князя, Василія Гребенку. Чарторійскій снова сопутствовалъ Шемякѣ, и послѣ смерти его оставался въ Новгородѣ. Въ 1456 году онъ уѣхалъ во Псковъ, и снова управлялъ Псковитянами (*Пск. Лѣт.*, Ист. Гос. Росс. т. V, прим. 369).

бѣжать, и спасаться въ Москвѣ. Михаилъ, сынъ Сигизмунда, также ушелъ въ Русь, и умеръ или былъ отравленъ въ 1452 г. Въ 1444 г. Василій ссорился о чемъ-то съ Казиміромъ; доходило до оружія, но кончилось сшибками и миромъ (382).

Русское Духовенство тщетно старалось подчинить себѣ по прежнему Литовскихъ Христіанъ Греческаго исповѣданія. Раздѣленіе Митрополій учинено было невозвратно. Церковь Литовская, послѣ Цамблака, оставалась безъ Митрополита до 1433 года. Тогда избранъ былъ преемникъ Цамблаку, Герасимъ, Епископъ Смоленскій; Гре-

(382) Договоръ Свидригелла съ Новгородцами, въ *С. Г. Гр.* т. I. № 19; о договорѣ съ Сигизмундомъ, *Новг. Лѣт.* 1436 годъ. О побѣгѣ Юрія, *Новг. Лѣт.* 1440 годъ. Говорили, что Михаилъ, сынъ Сигизмунда, умеръ съѣвши просфору, напитанную ядомъ (Ист. Г. Р. т. V, прим. 264). Въ 1444 г., когда у Казиміра дошло съ Василіемъ до битвъ, Новгородцы выслали отъ себя Іоанна Владиміровича, внука Олгердова, котораго приняли отъ Казиміра прежде. Казиміръ досадовалъ на нихъ, и предлагалъ имъ свое покровительство. Новгородцы не уважили словъ его, и вызвали къ себѣ изъ Москвы врага его Юрія, сына Лугвеніева, который прежде того жилъ у нихъ съ 1438-го до 1441 года. О войнѣ 1444 года см. Ист. Г. Р. т. V, прим. 320, и *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 44.

ческій Патріархъ не спорилъ, и благословилъ его охотно. Въ Москвѣ не было тогда Митрополита, и Герасимъ вмѣшивался даже въ дѣла Русскаго Духовенства: онъ поставилъ въ санъ Епископскій Евфимія, избраннаго Новгородцами (1434 г.). Свидригелло сжегъ сего Архипастыря въ 1435 г., уличивъ его въ сношеніяхъ съ Сигизмундомъ (383). Митрополитъ Исидоръ былъ признанъ равно въ Кіевѣ и Москвѣ, но послѣ бѣгства его изъ Москвы, по возвращеніи изъ Флоренціи, единство Церквей опять уничтожилось.

Мы видѣли Іону, вновь назначеннаго въ Митрополиты послѣ Исидора. Узнавъ, что Патріархъ Царяградскій причастенъ *ереси Папежской*, Василій рѣшительно отвергъ власть Царяградской Церкви. Созванные въ Москвѣ Епископы Русскіе посвятили Іону въ Митрополиты (1448 года). Въ Царяградѣ, гдѣ три Вселенскіе Патріарха прокляли тогда сообщника Папы, Патріарха Митрофана, и откуда преемникъ Митрофана, Григорій, принужденъ былъ бѣжать въ Римъ, почли сей поступокъ своевольствомъ. Василій

(383) Новг. Лѣт. г. 1434-й. О Герасимѣ: «Поима въ городѣ Смоленскѣ, и окова твердо желѣзы, и спровади въ Витебскъ, и державъ на крѣпости четыре мѣсяца, и сожже огнемъ Іюля 26-го» (*Пск. Лѣт*).

писалъ, оправдывался, но не уважалъ мнѣнія Грековъ (384).

---

(384) О посылкѣ изъ Москвы въ Царьградъ, послѣ вторичнаго выбора Іоны, см. *Ист. Г. Р.* т. V, прим. 308. На поставленіе Патріарха Митрофана не явился ни одинъ духовный человѣкъ; Владыка Виссаріонъ, бывшій одною изъ главныхъ причинъ Флорентійскаго соединенія, бѣжалъ въ Римъ, спасая жизнь свою. Марко Ефесскій, умирая въ сіе время, заклиналъ, чтобы на его похороны не допускали еретиковъ *опрѣсночниковъ* (azymites) — какъ называли въ Греціи признавшихъ Флорентійскій Соборъ. Митрофанъ клялъ непослушныхъ; но Патріархи Александрійскій, Антіохійскій и Іерусалимскій собрали Соборъ, и объявили его самого лишеннымъ престола Патріаршаго. Императоръ ужаснулся, ибо и ему угрожали отлученіемъ отъ Церкви и сверженіемъ съ престола. Братъ его, Дмитрій, хотѣлъ уже воспользоваться симъ расположеніемъ умовъ, и искалъ короны Императорской. Между тѣмъ Турки совсѣмъ стѣснили Царьградъ; юный Владиславъ, Король Польскій, погибъ подъ Варною, вмѣстѣ съ ревностнымъ поборникомъ Крестовыхъ походовъ Кардиналомъ Юліаномъ. Въ такихъ обстоятельствахъ, Москва могла-ли уважить Царьградъ? Не смотря на все это, Духовенство Греческое упрекало Рускихъ своеволіемъ. Василій принялъ всѣ возможныя предосторожности при избраніи Іоны: собрались, долго молились, прося благословенія Божія, утвердились на согласіи, которое получилъ Іона въ Царьградѣ въ 1437 году, и на правилахъ Св. Апостоловъ, торжественно провозглашали и сѣтовали о

Флорентійскій Соборъ произвелъ въ Литвѣ большія смятенія. Православіе и безъ того было тамъ угнетаемо Ягеллою и Католиками. Въ Кіевѣ возвышался Католическій костелъ и была учреждена Католическая епархія. Православныя церкви обращали въ костелы повсюду, гдѣ только могли (385). Но признавъ Флорентійскій Соборъ, православные могли получить одинакіе права съ Католиками. Папа подтвердилъ сіе распоряженіе буллою, Король Владиславъ гра-

---

расколѣ Царяградскомъ, и клялись, что Церковь Русская никогда не отступила-бы безъ того отъ Церкви Греческой. Обо всемъ этомъ писалъ Василій и къ Греческому Императору (Ист. Г. Р. т. V, прим. 346): « Поставили есмы Іону Митрополитомъ, но за великую нужду сіе сотворихомъ, а не киченіемъ, ни дерзостію... Церковь наша Св. Софіи Цареградскія благословенія требуетъ и ищетъ во всемъ по древнему благочестію, развѣе нынѣшнихъ, новоявльшихся разгласій; и молимъ святое ти царство, да будетъ къ тому нашему Митрополиту добрыя воли... Хотѣхомъ-же убо писати и къ Святѣйшему Патріарху, требующе о всѣмъ благословенія, но не вѣмы: аще уже есть въ царствующемъ градѣ Святѣйшій Патріархъ по древнему благочестію,» и проч.

(385) *Описаніе Кіево-Соф. собора*, стр. 106, 109, и въ *Прибавленіяхъ* къ оному, стр. 34. Польскіе писатели возводили учрежденіе Кіевской Католической Епископіи къ 1234 году: нелѣпость явная!

матою (1443 г.). Выгоды мірскія обольстили многихъ, и заставили признавать Исидора Митрополитомъ, ибо, живя въ Римѣ, онъ продолжалъ называть себя первосвятителемъ Руси и Литвы. Но ревностные поборники православія не обольщались ничѣмъ, признавали Митрополита Іону, не смотря на то, что въ 1458 году прибылъ изъ Рима, посвященный тамъ Греческимъ Патріархомъ, Митрополитъ Григорій, Булгаръ родомъ. Папа гремѣлъ проклятіями на Іону; Казиміръ призналъ Григорія, и даже писалъ къ Василію, что Іона уже старъ, и Григорій долженъ заступить его мѣсто. Василій не слушалъ словъ Казиміра, а Іона, съ своей стороны, духовными грамматами заклиналъ Духовенство Литовское быть вѣрнымъ православію, и предавалъ анаѳемѣ самозванца Григорія (386). Впрочемъ

(386) Булла Папы, въ Райнал. Annal. Eccles. 1443-й годъ. Несчастный Исидоръ имѣлъ несчастіе быть самовидцемъ паденія Царяграда: его послалъ туда Папа въ 1452 году, уговаривать Грековъ къ соединенію. Едва могъ онъ потомъ спастись среди общей гибели, и умеръ въ Римѣ въ 1463 г., съ титуломъ *Царяградскаго Патріарха*, который далъ ему Папа послѣ смерти Патріарха Григорія, преемника Митрофанова, убѣжавшаго въ Римъ, ибо въ Царяградѣ народъ хотѣлъ растерзать его. Сей Григорій, бывши въ Римѣ, посвятилъ своего соименника въ Митрополиты Кіеву. Грамата Папы къ Казиміру, см.

Іона не думалъ уже спорить о Кіевской Митрополіи, и подкрѣпляя православіе, въ тоже время писалъ къ Казиміру дружелюбно, съ архипастырскимъ благословеніемъ (387). Онъ скончался, со славою святаго человѣка, въ 1461 году. Преемникъ его, Ѳеодосій, именовалъ себя *Митрополитомъ Московскимъ и всея Руси.* Православное Духовенство въ Литвѣ, по смерти Григорія, избрало изъ среды своей *Мисаила* (въ 1474 г.), который назывался *Кіевскимъ и всея Руси.* Отселѣ началось совершенное раздѣленіе духовной власти въ Москвѣ и Кіевѣ (388).

Ист. Гос. Росс. т. V, прим. 311. Папа называлъ Іону отщепенцемъ, врагомъ, злочестивымъ, позволяя его связать и заключить, если онъ попадется въ руки. Отвѣты Іоны см. въ *Ист. Г. Р.* т. V, прим. 347, гдѣ онъ называетъ Митрополита Григорія проклятымъ волкомъ, посланнымъ отъ такихъ-же отступниковъ, какъ онъ самъ. О посылкѣ Казиміра къ Василію, *Ист. Г. Р.* т. V, прим. 311.

(387) Посланіе Іоны къ Казиміру, Ист. Г. Р. т. V, прим. 349. — Митрополитъ Іона причтенъ къ лику святыхъ, по обрѣтеніи мощей его, вмѣстѣ съ Купріановыми и Фотіевыми. Любопытныя подробности объ этомъ см. далѣе, или въ *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 136.

(388) Митрополита Григорія, о коемъ говорено выше сего, совсѣмъ не пустили въ Кіевъ. Вмѣсто его явился туда нѣкто Спиридонъ, посвященный въ Кіев-

Избраніе Іоны Русскими Епископами произвело особенно тотъ важный переворотъ въ церковныхъ дѣлахъ, что оно отдѣлило наконецъ Русскую Церковь отъ власти Царяградскаго Патріаршества. Съ горестію слышали Рускіе о соблазнительномъ раздорѣ и нечестіи, какіе произвелъ Флорентійскій Соборъ въ Царяградѣ, и не могли уже почитать современную имъ Греческую Церковь своею матерію. Пожертвовавъ совѣстью, несчастный Императоръ Іоаннъ Палеологъ видѣлъ только пагубу и позоръ отъ своего безразсуднаго дѣла. Оно не принесло ему никакой государственной пользы, разъединивъ еще болѣе жалкіе остатки Восточной Имперіи. Умирая въ 1450 году, Іоаннъ предвидѣлъ конечную гибель Царяграда. Сынъ его, *Константинъ Палеологъ*, восшелъ послѣ него на тронъ только для того, чтобы погибнуть черезъ три года на бѣдныхъ развалинахъ своего царства и знаменитаго Царяграда. Въ 1453 году совершилось дѣло, издавна предвидѣнное всѣми и ничѣмъ неотвратимое: Царьградомъ овладѣли невѣрные; сынъ Амурата, Мугаммедъ IV-й, въ 1453 году, взялъ по-

---

скіе Митрополиты въ Царяградѣ, съ позволенія Султана. Но его назвали *Сатаною* и прогнали со стыдомъ. Явясь въ Москву, онъ былъ схваченъ, и умеръ въ заточеніи, въ Бѣлозерскомъ Ѳерапонтовѣ монастырѣ (*Опис. Кіево-Соф. собора*, стр. 111).

слѣднее, что оставалось еще у Грековъ въ Европѣ — *столицу*. Западъ не подвигся на спасеніе Греціи; многочисленное народонаселеніе Царяграда плакало, молилось въ церквахъ и—крамольствовало, когда страшныя пушки Мугаммеда разбивали уже стѣны и башни Греческой столицы. Императоръ искалъ смерти и нашелъ ее подъ саблями Янычаровъ. Извѣстіе о паденіи Царяграда, внесенное въ Русскія современныя лѣтописи, весьма кратко: «Царь Турскій,» говорили наши предки, взялъ Царьградъ прелестью. Онъ снесся съ Намѣстникомъ, и велѣлъ сказать ему: «Если поможешь мнѣ взять Царьградъ, то я возьму дочь твою за себя; будешь мнѣ отцомъ, и вторымъ по мнѣ!» Измѣнникъ указалъ ему на слабую часть городской стѣны. Царь Турскій подступилъ, началъ бить стѣну пушками, взялъ Царьградъ, раззорилъ святыя церкви, превратилъ Св. Софію въ великій *мизгитъ*, посѣкъ множество людей, потопилъ множество ихъ въ морѣ, и самъ сѣлъ на царство. Измѣнника, Греческаго Намѣстника, онъ велѣлъ сварить въ котлѣ, и предалъ его злой смерти, говоря ему: «Могу-ли надѣяться на твою вѣрность, послѣ того, что сдѣлалъ ты съ прежнимъ своимъ Государемъ (389)?» — Уже

(389) «Како ты мнѣ вѣренъ хочешь быти, а тако сотвори надъ преднимъ твоимъ Государемъ?» Крат-

впослѣдствіи предки наши узнали и записали всѣ подробности Царяградскаго плѣненія, со множествомъ сказочныхъ вымысловъ. Повѣсть о семъ событіи была однимъ изъ любимыхъ чтеній на Руси, украшенная множествомъ нравоученій на память родамъ грядущимъ. Въ ней съ радостію видѣли Руские, что послѣ паденія Греціи осталась *одна земля православная* — Русь, и слышали пророчество, что Руси предоставлено нѣкогда взять Седмихолмный градъ, воцариться въ немъ, и возстановить православіе въ землѣ Константина Равноапостольнаго (390).

кое извѣстіе, вѣроятно современное, о взятіи Царяграда, внесено во многія наши лѣтописи (см. *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 63).

(390) Подробная повѣсть о взятіи Царяграда находится во многихъ сборникахъ, хронографахъ и лѣтописяхъ (см. *Никон. Лѣт.* т. V. стр. 222 — 277). Она, вѣроятно, передѣлана съ Греческаго, любопытна, исполнена оригинальнаго остроумія, философствованія и подробностей. Предвѣщаніе о рожденіи на Сѣверѣ Царя, который отниметъ Царьградъ у Турковъ, это предвѣщаніе, будто-бы найденное на гробѣ Царя Константина, можно видѣть въ *Исторіи о раззореніи Іерусалима и взятіи Царяграда*, напеч. въ 1723 г. въ Спб., и множество разъ перепечатанной послѣ того. Замѣчательно, что и у Турковъ есть тоже повѣрье: въ Царьградѣ показываютъ даже мѣсто, гдѣ

Новгородъ отдохнулъ отъ страха, какой наносили ему смѣлость и властолюбіе Витовта, и пользовался раздорами въ Великомъ Княжествѣ. Юрій, потомъ Шемяка и Василій, равно льстили гордости и уважали пользы Новгородцевъ, по необходимости прощая имъ, что они передавались то одному, то другому. Василій не забывалъ однакожъ напоминать Новгороду о себѣ, каждый разъ, когда дѣла его шли удачнѣе. Условясь съ ними оканчивать споры о границахъ въ Заволочьѣ общимъ судомъ, ежегодно (1435 г.), Василій не исполнилъ своего слова, и въ 1437 г. требовалъ *чернаго бора*, а передъ самымъ плѣномъ и несчастіемъ своимъ объявилъ Новгороду нелюбіе, раззорилъ Новгородскія волости, и взялъ за миръ 8,000 рублей (391). Такъ Москва становилась страшнѣе, а Новгородъ уступалъ безпрерывно болѣе и болѣе. Знаменія то и дѣло

были нѣкогда ворота, черезъ которыя, по предвѣщанію какихъ-то мудрецовъ Турецкихъ, Руcкіе войдутъ въ Царьградъ.

(391) *Нов. Лѣт.* — Приговоръ Новгородцевъ *о черномъ борѣ*, въ Ист. Г. Р. т. V. прим. 283. Положено было: платить съ *сохи* по гривнѣ новой, считая въ соху двухъ коней и третьяго въ припряжь; кожевенный чанъ, неводъ, лавка, кузница и четыре пѣшихъ работника считались равными сохѣ, а плугъ, ладья и цыренъ соловаренный двумъ сохамъ. Писецъ чернаго бора получалъ съ сохи по мордкѣ; сверхъ то-

возвѣщали, что Москва скоро возобладаетъ вольнымъ городомъ совершенно. Въ 1435 г. въ Новгородѣ упала, едва только отстроенная, церковь Іоанна Златоустаго. Со страхомъ говорили Новгородцы, что она предвѣщаетъ паденіе Новгорода отъ *Іоанна*: первенецъ Василія былъ Великій *Іоаннъ*. Когда родился онъ (Янв. 22, 1440 г.), то юродивый старецъ Михаилъ (замѣтимъ: родственникъ Великаго Князя) началъ звонить въ колокола, въ Клопскомъ монастырѣ, и кричалъ сбѣжавшемуся народу, что «въ Москвѣ родился Іоаннъ, побѣдитель Новгорода; что онъ упразднитъ гордыню Новгорода, разрушитъ самовластіе, измѣнитъ самовольные обычаи, и за непокорство многую бѣду, посѣченіе, плѣнъ сотворитъ, и богатства и села Новогородскія пріиметъ!» Все это привлекало Новгородцевъ къ бѣдствующему Шемякѣ, который, напротивъ, обѣщалъ миръ, и *старину*, столь драгоцѣнную для вольнаго города (392).

го, раскладчикамъ давали запасы: съ 10-ти сохъ 30-ть хлѣбцовъ, барана, или полоть мяса, 3 курицы, сито *заспы*, 2 сыра, 1 бекаръ соли; для коней ихъ: 5 коробовъ овса, въ старую коробью, 3 воза сѣна, и подводы отъ стана до стана.

(392) Карамзинъ, т. V, прим. 284, 286 О родствѣ Михаила Клопскаго съ Вел. Княземъ, см. *Ист. Росс. Іерархіи*, т. IV, стр. 534.

Тверь ссорилась съ Новгородомъ въ 1445 г., и Князь Борисъ грабилъ Новгородскихъ купцовъ въ Торжкѣ; но войны не было. Большая опасность угрожала Новгороду послѣ сего. Въ 1438 году, Герцогъ Клевскій вздумалъ ѣхать черезъ Новгородъ и Русь на поклоненіе Гробу Господню, вдругъ ворошился и жаловался на обиды Новгородцевъ. Рыцари Ливонскіе вздумали заступиться за Герцога, напали на Яму, и говорили, что ихъ рукою воюетъ Новгородъ оскорбленный Григорій, Князь Клевскій, изъ своего заморья. Новгородцы задержали у себя купцовъ Нѣмецкихъ (1442 г.). Магистръ Ливонскій пришелъ съ войскомъ, опять осадилъ Яму въ 1444 году, но отступилъ. Конскій падежъ помѣшалъ Новгородцамъ отмстить Ливоніи походомъ, и въ 1445 г. они послали отъ себя пословъ на съѣздъ. Требованія Рыцарей оказались такъ велики, что Новгородцы уѣхали безъ мира. Ссора продолжалась. Вѣроятно, Новгородцы знали, что Рыцари замышляютъ предпріятіе обширное: Ливонія вздумала совершенно завоевать Псковъ и Новгородъ, зная, что Великое Княжество не въ силахъ помогать имъ, занятое внутреннимъ раздоромъ. Напередъ условились Рыцари о дѣлежѣ земель съ Королемъ Шведскимъ Христофоромъ, сносились съ Королемъ Казиміромъ, писали къ Папѣ, звали къ себѣ отвсюду воиновъ и Рыцарей, говоря, что идутъ въ Крестовый по-

ходъ противъ невѣрныхъ язычниковъ (хотя объяснили тайно Казиміру совсѣмъ другія причины войны). Папа благословлялъ, велѣлъ молиться въ церквахъ объ успѣхѣ оружія Христіанъ. Казиміръ хитрилъ, отговаривался; говорилъ Новгородцамъ, что онъ защититъ ихъ, если они согласятся на подданство Польшѣ; говорилъ Рыцарямъ, что онъ не вмѣшивается въ дѣла ихъ съ Новгородомъ. Въ этихъ отговоркахъ со всѣхъ сторонъ, за несогласіемъ въ дѣлежѣ и выгодахъ, пролетѣла грозная туча; Крестовый походъ отложили; обширное предпріятіе Рыцарей кончилось нѣсколькими мѣлкими драками, и 25-ти-лѣтнимъ миромъ, заключеннымъ въ 1448-мъ году (393). Тогда имѣли время Новгородцы усмирить возмущеніе жителей Югорской земли. Бѣдные дикари сіи были грабимы и притѣсняемы, и Правительствомъ Новгородскимъ, и удалою вольницею Новгородскою, и Москвою. Ихъ безжалостно обирали, и били, когда они не слушались. Въ 1455 г. Вогуличи наконецъ

---

(393) О войнѣ Бориса, *Новг. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. V, прим. 319). Въ сей-же лѣтописи другія подробности (Ист. Г. Р. т. V, прим. 316). Карамзинъ имѣлъ изъ Кенигсбергскаго Архива болѣе 20-ти актовъ, касательно предпріятія Рыцарей противъ Новгорода. Онъ излагаетъ содержаніе ихъ въ прим. 316-мъ V-го тома Ист. Г. Р.

взбунтовались, напали на новокрещеныхъ Пермяковъ, и на Вычегдѣ убили Епископа Пермскаго (394).

Новгородъ, какъ прежде, не былъ друженъ со Псковомъ. Соперничая въ торговлѣ, боясь силы Новгородской, принужденные покоряться волѣ Москвы и Литвы, Псковитяне выдавали Новгородцевъ въ бѣдѣ, и просили извиненія и мира, когда бѣдствіе Новгорода проходило. Псковъ находился въ союзѣ съ Нѣмцами, когда они воевали Новгородъ въ 1442 году. Такъ Псковитяне подтвердили миръ съ Нѣмцами въ 1428 г. *безъ Новгорода*; въ 1430 г. между Новгородомъ и Псковомъ *не было ни мира, ни рати*, и когда потомъ (въ 1431, 1432, 1434 г. г.) Псковичи посылали пословъ, Новгородцы *мира не дали, рати не учинили*, и какъ ни *много били челомъ* Псковитяне, но *мира не взяли*. Впрочемъ, въ 1447 г. Псковъ и Новгородъ вмѣстѣ заключили миръ по старинѣ, и при договорѣ съ Нѣмцами 1448 г. Псковитяне также утвердили его *возлѣ Новгородцевъ* (395).

---

(394) *Новг. Лѣт.* (Карамз. т. V, прим. 319). О Вогуличахъ, *Арх. Лѣт.* стр. 136. Ими предводительствовали Князьки Асыка и Юмшанъ.

(395) *Псковск.* и *Новгородск. Лѣт.*

Едва погибъ Шемяка, все измѣнилось въ поступкахъ Василія. Казалось, что въ послѣднее время, пораженный своимъ несчастіемъ, онъ сдѣлался тихъ, кротокъ, прощалъ врагамъ, хотѣлъ только мира. Въ 1450 году, посламъ Новгородскимъ, присланнымъ въ Москву, подтвердили миръ по всей старинѣ, и не мстили Новгороду за призрѣніе Шемяки, довольствуясь увѣщаніями Митрополита. Любопытно, что договоръ съ Новгородцами былъ писанъ отъ имени Василія, и сына его, десятилѣтняго Іоанна, наименованнаго, на ряду съ отцомъ, *Великимъ Княземъ*. Іоаннъ былъ уже тогда объявленъ соправителемъ отца, и двѣнадцати лѣтъ, едва наступило его совершеннолѣтіе, праздновали его свадьбу. Еще не совершилось Іоанну 18-ти лѣтъ, когда у него родился первый сынъ его Іоаннъ, въ Февралѣ, 1458 г. (396).

---

(396) Договоръ Новгородскій, *Ист. Г. Р.* т. V, прим. 348: « Се пріѣхали послове къ Великому Князю Вас. Васил. всея Руси, *и къ Вел. Князю Ивану Васильевичу всея Руси,* » и проч. — Такъ и въ другихъ договорахъ называется Іоаннъ *Великимъ Княземъ*. Бракъ Іоанна совершился въ 1452 г. Іюня 4-го, послѣ похода на Вагу, противъ Шемяки, гдѣ Іоаннъ былъ въ числѣ главныхъ вождей. Первенецъ Іоанна родился 8-го Февраля 1458 года (*Костр. Лѣт.* стр. 25 и 31).

Шемяки уже не было на свѣтѣ. И на другой-же годъ гнѣвъ Василія палъ на главу самаго коварнаго изъ злодѣевъ его: *Князя Іоанна Можайскаго*. Злоба, семь лѣтъ таимая, прикрытая дружбою и страшными клятвами, обнаружилась мгновенно. На Можайскаго Князя взвели множество обвиненій. Главное было: *Угалъ Великому Князю непослушенъ быти*. Винили еще его, что онъ не помогаетъ Москвѣ противъ Монголовъ, и представляли въ доказательство того набѣгъ Седи-Ахматовыхъ удальцовъ. «Нельзя-же мнѣ дать ему себя въ обиду, «говорилъ Василій. Дружины Московскія выступили. Князь Можайскій не смѣлъ противостать, бѣжалъ, и скрылся въ Литвѣ. Удѣлъ его былъ объявленъ присоединеннымъ къ Москвѣ; жители Можайска приведены къ присягѣ. Преслѣдуя ненавистнаго врага и за предѣлами Руси, Василій велѣлъ Митрополиту писать къ Казиміру и предостерегать его отъ коварнаго злодѣя.

Поступокъ съ Княземъ Можайскимъ казался наказаніемъ праведнымъ. Василій спѣшилъ увѣрить другихъ Князей въ дружбѣ, и подтвердилъ договоры съ шуриномъ своимъ Княземъ Боровскимъ, и съ Княземъ Тверскимъ. Послѣдній, отъ имени своего сына Михаила и племянниковъ, клялся быть за-одинъ съ Москвою на Татаръ, Ляховъ, Литву, Нѣмцевъ и всякаго недруга; обязывался не принимать Можайскаго, ни

сына Шемяки, ни кого, кто *сгрубитъ* Василію. Москва обязывалась хранить предѣлы и волость Тверскую; дозволяла Твери непосредственное сношеніе съ Ордою. Князь Боровскій обязался не вступаться ни во что, чѣмъ прежде владѣли Юрій и Князь Можайскій, также въ части Москвы, принадлежавшія нѣкогда Юрію и Можайскому; онъ отдалъ обратно Дмитровъ, и за Угличъ, Козельскъ, Городецъ, Алексинъ, вымѣнялъ Бѣжецкъ, отнятой у Можайскаго. Василій подтвердилъ ему владѣніе третью Москвы, Серпуховомъ, Боровскомъ, Радонежемъ. «Все, что Богъ дастъ тебѣ достать вотчинъ недруговъ твоихъ, мнѣ не вступаться» — говорилъ Боровскій. Онъ не предвидѣлъ, что пишетъ бѣдственный приговоръ на самого себя! Въ 1452 г. скончалась долголѣтняя дочь Олгердова, супруга Владиміра Храбраго, бабка Василія Ярославича и Великой Княгини, Елена. Она издавна уже приняла иноческій санъ, и умирая заказывала Василію, какъ доброму родному, печаловаться о снохахъ, внучатахъ и правнучатахъ ея, отдать на поминъ души нѣкоторыя села въ монастыри, и заплатить за нее долги — «свести ихъ съ души ея, и не заставить заимодавцевъ плакаться (397).»

---

(397) Овладѣніе Можайскомъ означено въ лѣтописяхъ двумя строками: «*Послалъ* рать и *взяли* Мо-

Тогда настала череда Новгороду расплатиться за все, что тайно держалъ на сердцѣ своемъ Василій Темный. Онъ потребовалъ изгнанія враговъ Московскихъ изъ Новгорода. Не знаемъ: по желанію Вѣча, или добровольно, для своей безопасности, сынъ Шемяки (въ Апрѣлѣ 1454 г.) на вѣки простился съ отчизною, и поѣхалъ въ Литву, умереть въ изгнаніи. Въ Псковѣ приняли его почтительно: Духовенство встрѣтило его со крестами и иконами; граждане поднесли ему въ подарокъ 20 рублей; онъ прожилъ во Псковѣ мѣсяцъ, и отправился въ Литву, гдѣ

жайскъ») (*Стр. Лѣт.* т. II, стр. 64; *Арх. Лѣт.* стр. 135). Іона писалъ Мисаилу Еписк. Смоленскому (Ист. Г. Р. т. V, прим. 358): «Учалъ Князь Иванъ Вел. Князю непослушенъ быти (слѣдуетъ упоминаніе о двухъ небольшихъ набѣгахъ Татаръ, какъ будто о гибельныхъ нашествіяхъ, при чемъ у Можайскаго Князя просили помощи, и онъ не далъ), а въ обиду ему себѣ не мощно давати,» и проч. — Договоры съ Княземъ Тверскимъ и Княземъ Боровскимъ, въ *Собр. Гос. граматъ*, т. I. № 76, 77, 78, 79. Они несправедливо отнесены къ 1451 году, ибо въ нихъ говорится объ Іоаннѣ Можайскомъ, какъ о врагѣ Вел. Князя. Духовная Елены Олгердовны, инокини Евпраксіи, тамъ-же, № 82. Елена жила во вдовствѣ *сорокъ два года*, и пережила всѣхъ дѣтей своихъ. Гробница ея въ Вознесенскомъ монастырѣ.

получилъ отъ Казиміра знатныя помѣстья (398). Но это не удовлетворяло Василія; онъ искалъ причинъ ко враждѣ съ Новгородомъ, и въ Январѣ 1456 г. множество войска Московскаго пошло на Новгородъ. Не занимаясь раззореніемъ городовъ, Москвичи заняли, разграбили области Новгородскія, и ждали Василія. Онъ самъ двигался къ Новгороду съ главною силою, и не слушалъ предложеній Новгородцевъ, не хотѣлъ ни дани, ни покорности, ни объясненій. Новгородцы еще болѣе испугались, когда сильный отрядъ ихъ, напавъ на грабителей Руси, былъ разбитъ отрядомъ гораздо малочисленнѣйшимъ, находившимся подъ предводительствомъ мужественнаго Басенка. Едва могли умолить на милость Василія: онъ взялъ 8,500 рублей, уничтожилъ многія преимущества Новгородскаго Вѣча, условился о дани, стѣснилъ вольность Новгородскую, заставилъ Новгородъ навсегда отречься отъ принятія непріятелей его, и про-

---

(398) *Псков. Лѣт.* — Въ Литвѣ дали сыну Шемякину въ удѣлъ Рыльскъ и Новгородъ Сѣверскій; Іоаннъ Можайскій получилъ тамъ Черниговъ, Стародубъ, Гомель и Любечъ. Но ничто не могло утѣшить бѣдныхъ изгнанниковъ. Увидимъ, что черезъ 50-тъ лѣтъ дѣти ихъ будутъ сильнымъ средствомъ для завоеваній Іоанна въ Литвѣ.

ложилъ такимъ образомъ дорогу сыну своему къ совершенному порабощенію вольнаго города. Заключивъ тяжкій для Новгородцевъ договоръ, Василій поворотилъ отъ Яжелбицъ во свояси (399).

Какъ будто спѣшилъ онъ въ это время дѣйствовать. Въ Іюлѣ того-же года, Василій неожиданно обвинилъ въ измѣнѣ добраго, вѣрнаго союзника, который никогда не оставлялъ его въ несчастіи, и лучше желалъ умереть на чужбинѣ, нежели дружиться съ Шемякою. Въ награду 25-ти лѣтней дружбы и близкаго родства, Князь Василій Ярославичъ Боровскій былъ взятъ подъ стражу, съ тремя дѣтьми, и заключенъ въ Угличѣ. Старшій сынъ его, Іоаннъ, съ мачихою своею, успѣлъ бѣжать и укрыться въ Литвѣ. Весь обширный удѣлъ Василія Яро-

---

(399) Стр. Лѣт. т. II, стр. 64; Арх. Лѣт. стр. 136; Костр. Лѣт. т. II, стр. 29; Псковская Лѣт. г. 1456-й. — При договорѣ Новгородцевъ (Ист. Г. Р. т. V, стр. 361): на городищѣ дали судъ намѣстникамъ Вел. Князя; отступились отъ земель, купленныхъ Новгородцами въ Ростовѣ и на Бѣлѣозерѣ; условились о произвольномъ сборѣ чернаго бора; уничтожили *вѣчныя* грамоты (слѣдовательно, лишили Вѣче всей его важности), и проч.

славича присоединили къ Великому Княжеству (400). Въ томъ-же году скончался Рязанскій Князь Іоаннъ Ѳеодоровичъ, постригшись передъ кончиною, и объявивъ Василія *отцомъ* и *опекуномъ* дѣтей своихъ, сына Василія и дочери Ѳеодосіи. Опекунъ думалъ, по видимому, что всего лучше можетъ наблюдать за воспитаніемъ сиротъ въ Москвѣ, и дѣтей Рязанскаго Князя перевезли къ нему. Рязанью стали управлять намѣстники Московскіе (401).

Василій не забылъ, что послѣднихъ защитниковъ Шемяка находилъ въ Вяткѣ. Сіи отдаленныя области сѣверныя повиновались отчасти Москвѣ и Новгороду; но отличаясь духомъ свободы и особеннаго удальства, Вятчане безпрерывно ходили по Волгѣ, нападали на полу-

---

(400) «Того-жь лѣта (6965) Іюня въ 10 день поймалъ Князь Вел. Князя В. Я. на Москвѣ и послалъ его въ заточеніе на Угличъ; а сынъ его первыя жены Князь Иванъ, и Княгиня его другая, бѣжали изъ Боровска въ Литву; а три сына Князя В. Я., Князь Иванъ, да Князь Андрей, да Князь Василій, умерли въ опалѣ на Костромѣ, и погребены въ Богоявленскомъ монастырѣ на Костромѣ» (*Костр. Лѣт.* т. II, стр. 31).

(401) Тамъ-же, т. II, стр. 30; Стр. Лѣт. т. II, стр. 65.

дикихъ сѣверныхъ сосѣдей своихъ, на Монголовъ, и часто на подвластные Москвѣ города. Воеводы Василія по два года (1458 и 1459-й) ходили покорять Вятчанъ, завладѣли тамъ городами, и наложили на жителей дань (402).

Такъ самовластно поступалъ теперь Василій, и послѣ каждаго дѣйствія онъ останавливался, какъ будто самъ опасаясь слѣдствій своей смѣлости. Уничтоживъ Князя Боровскаго, онъ еще оставлялъ въ покоѣ Верейскаго Князя, не посягалъ на независимость Твери (гдѣ Борисъ Михайловичъ скончался въ Февралѣ 1461 г., мирно оставивъ престолъ сыну Михаилу), и довольствовался только управленіемъ Рязани. Онъ не мстилъ и Псковитянамъ за то, что они помогали Новгороду въ 1454 году, и вновь приняли къ себѣ Княземъ Александра Чарторійскаго, сопутника Шемяки (въ 1456 г.). Сей смѣлый воинъ не хотѣлъ оставить за Нѣмцами мѣстъ, коими они завладѣли, поѣхалъ на сіи мѣста (въ 1459 г.), велѣлъ тамъ косить сѣно и ловить рыбу по старинѣ, соорудилъ церковь, повѣсивъ при основаніи оной нѣсколькихъ Чу-

---

(402) *Арх. Лѣт.* стр. 137: «Вятчане добиша челомъ Вел. Князю, какъ надобѣ Государю, на всей его волѣ.»

хонцевъ. Нѣмцы, соблюдая въ то время миръ, оскорбились дѣлами Чарторійскаго, сожгли новопостроенную церковь, и нѣсколько человѣкъ, при ней жившихъ. Чарторійскій мстилъ Рыцарямъ набѣгомъ; Нѣмцы тѣмъ-же Пскову; хотѣли потомъ съѣхаться, и разобрать ссору на *обидномъ мѣстѣ, но поганые Нѣмцы не стали на срокъ*, и Чарторійскій на пространствѣ 70-ти верстъ опустошилъ Эстонію, воевалъ трое сутокъ, привелъ много плѣнниковъ и скота, сжегъ Нѣмецкую *божницу великую*, и снявъ съ нея крестъ и колокола, привезъ во Псковъ (403).

Тогда услышали, что Василій ѣдетъ въ Новгородъ, съ сыновьями Юріемъ и Андреемъ; Новгородцы и Псковитяне равно испугались. Въ Новгородѣ собрались на Вѣче, думали, не знали на что рѣшиться, и въ отчаяніи положили убить Василія и съ дѣтьми. Владыка Іона остановилъ ихъ. «Безумные!» говорилъ онъ. «Этимъ-ли злодѣйствомъ хотите спасти отчизну? Или вы забыли, что на васъ останется мститель, старшій сынъ Василія, и погубитъ васъ до конца!» Василій безбоязненно пріѣхалъ послѣ того въ Новгородъ, былъ доволенъ покорностью жителей, и объявилъ имъ милость свою. Явились

(403) Псковская Лѣт.

Псковитяне, смиренно кланялись Василію, поднесли 50 рублей, объясняли причины войны съ Нѣмцами и «били челомъ о жалованіи и печалованіи своей отчины, мужей Псковичь, добровольныхъ людей, пріобиженныхъ отъ поганыхъ бусурмановъ водою, землею и головами, и сожженіемъ Божіей церкви;» наконецъ, и о томъ, чтобы Чарторійскаго утвердить у нихъ Княземъ. «Хочу жаловать и боронить отъ поганыхъ васъ, мою отчину — отвѣчалъ Василій — жалуя васъ и тѣмъ, чтобы Чарторійскій у васъ остался; но пусть присягнетъ онъ ко мнѣ и дѣтямъ моимъ, не мыслить зла.» — Не хочу; я не рабъ Князя Московскаго! — сказалъ Чарторійскій, и уѣхалъ въ Литву, не смотря на просьбы Псковичей. Василій прислалъ во Псковъ сына своего Юрія. Псковъ встрѣтилъ его покорно, торжественно, но просилъ придать къ юному Юрію опытнаго вождя Стригу-Оболенскаго. Новгородскій *тяжелый гость* согласился на то, и поѣхалъ въ Москву, куда вскорѣ отправился и Юрій. Псковитяне поднесли ему на проводахъ 100 рублей. Нѣмцы хотѣли мира, и *дали руку*, обѣщаясь съѣхаться на переговоры. Миръ заключили, возвратили плѣнныхъ и все захваченное съ обѣихъ сторонъ. Посолъ Василія руководилъ всѣмъ дѣломъ, за что Псковитяне послали въ Москву благодарить. Послы ихъ возвратились, съ словомъ Василія, что онъ

«Псковъ, свою отчину, жалуетъ, урекается всегда стоять и боронить домъ Св. Троицы.» Тогда-же пріѣхалъ во Псковъ новый намѣстникъ — «не по Псковскому прошенію;» но Псковитяне молчали, и приняли его съ честью (404).

Уже шесть лѣтъ несчастный Василій Ярославичъ томился въ заключеніи. Вѣрные Бояре его не хотѣли терпѣть болѣе, условились освободить своего Князя и увезти въ Литву. Къ несчастію, заговоръ ихъ узнали (1462 г.), и Василій доказалъ, что онъ не любилъ противниковъ волѣ его. Главныхъ заговорщиковъ: Владиміра Давыдова, Парѳена Брена, Луку Подеваева, и иныхъ, волокли на лубкахъ по льду Москвы рѣки, привязавъ къ хвосту коня, до самаго мѣста казни, гдѣ били ихъ кнутомъ, рубили имъ руки, ноги, рѣзали носы. Князь Боровскій остался въ тюрьмѣ. Никто не смѣлъ за него вступаться. Тщетно Русскіе изгнаники въ Литвѣ, не довольствуясь милостью Казиміра, тоскуя по родинѣ, заключали между собою со-

---

(404) *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 66. Слова Іоны: «О безумніи люди! Аще вы Вел. Князя убіете, что̀ пріобрящете? Большую язву Новугороду доспѣете,» и проч. — Злоумышленники хотѣли послѣ сего убить опору Василія, храбраго Басенка. — О событіяхъ во Псковѣ, см. *Пск. Лѣт.*

юзы, обѣщали стать вмѣстѣ противъ похитителя ихъ наслѣдій. Никто не хотѣлъ, или не дерзалъ присоединиться къ нимъ въ Руси, и всѣ предпріятія оканчивались безплодными замыслами. Василій Ярославичъ умеръ въ темницѣ въ 1462 году (405).

Но въ тотъ-же самый годъ насталъ и для Василія часъ отчета за добро и зло, имъ со-

---

(405) О казни доброхотовъ Князя Боровскаго, Костр. Лѣт. т. II, стр. 36, Стр. Лѣт. т. II, стр. 89: «И повелѣ всѣхъ имати, на лубію волочити по леду, привязавъ конемъ къ хвосту, и казнити, бити кнутьемъ, сѣчи руки и носы рѣзати, а инымъ главы отсѣкати,» и проч. — Іоаннъ Можайскій и сынъ Боровскаго заключили между собою договоръ въ Литвѣ (см. Ист. Г. Р. т. V, прим. 364), около тогоже времени. «Князь Вел. В. В. ялъ моего отца на крестномъ цѣлованіи невинно, а меня выгонилъ изъ моей отчины и дѣдины» — говоритъ бѣдный сынъ Василія Ярославича. Многія подробности сего договора трогательны. Крайность заставляла соединяться сыновнюю любовь съ злодѣйствомъ, ибо по сему договору Іоанну Можайскому опредѣляли взять Великое Княжество (аще дѣло свое доброе сдѣлаемъ), за то онъ уступалъ Боровскому Князю Суздальское Княжество и Дмитровъ, въ придачу къ его наслѣдному удѣлу. Василій Ярославичъ похороненъ въ Архангельскомъ соборѣ — рядомъ съ Василіемъ Темнымъ, одинъ подлѣ Сѣверныхъ, другой подлѣ Южныхъ дверей собора.

дѣянное. Еще старость была отъ него далека; но скорби, заботы, страсти изнурили его и привели ко гробу. Думая, что боленъ сухоткою, онъ вздумалъ лечить себя прижиганьемъ, но на обожженныхъ мѣстахъ открылись раны, и вскорѣ не было надежды къ спасенію. Василій хотѣлъ принять монашескій клобукъ, и умереть инокомъ; ему не дали въ этомъ воли. Онъ имѣлъ только время распорядиться, и оставилъ духовную, назначивъ въ ней удѣлы супругѣ и всѣмъ сыновьямъ, и подробно опредѣливъ всѣ ихъ отношенія. Любопытно видѣть, съ какимъ хладнокровіемъ обдумывалъ всѣ подробности Василій, хотя и зналъ, что часъ смерти тяготѣетъ уже надъ его головою. Мы говорили выше, что Духовная его была писана Дьякомъ Василіемъ Бѣдою, вѣстникомъ Шемякиной смерти; свидѣтелями ея были два Архимандрита и четыре Боярина. Преемникъ Митрополита Іоны, Ѳеодосій подписалъ ее. Называя себя *многогрѣшнымъ*, Василій послѣ обыкновенныхъ наставленій сыновьямъ — слушаться матери, жить за одинъ — отдавалъ старшему сыну *Іоанну* Великое Княжество, треть Москвы, Коломну, Владиміръ, Переяславль, Кострому, Галичъ, Устюгъ, Вятку, Суздаль, Нижній Новгородъ, Муромъ, Юрьевъ, Боровскъ, Суходолъ, Калугу, Алексинъ, Московскія села (*между прочимъ Красное, надъ Великимъ прудомъ у города*),

треть тамги Московской, и особо Московскій домъ Князя Можайскаго; другую треть Москвы и треть Московской тамги, сыновьямъ *Юрію* и *Андрею* пополамъ (держать погодно), и особо *Юрію* Дмитровъ, Можайскъ, Мядынь, Серпуховъ, домъ Шемяки въ Москвѣ, а *Андрею* Угличъ, Устюжну, Бѣжецкъ, Звенигородъ, село *Сущово* близъ Москвы, и домъ Князя Боровскаго въ Москвѣ; третью треть Московскую и треть тамги сыновьямъ *Борису* и *Андрею* меньшому (держать погодно), и особо *Борису* Ржевъ, Волокъ, Рузу; *Андрею* Вологду съ Кубеною, Заозерьемъ, и дальними сѣверными областями; супругѣ своей Ростовъ (съ тѣмъ, чтобы передать по смерти своей Юрію), Нерехту, *Напрудское* село близъ Москвы. — И такъ горестный опытъ не вразумилъ Василія: онъ снова раздавалъ удѣлы, которые соединилъ съ такимъ трудомъ и тяготою совѣсти! Князь Боровскій можетъ быть томился еще въ тюрьмѣ, или только что сошелъ въ могилу, сынъ Шемяки, Князь Можайскій, сынъ Боровскаго были изгнанниками въ Литвѣ, а онъ уже снова возстановлялъ ихъ удѣлы, передавая только сіи удѣлы дѣтямъ своимъ, но означая именно: это былъ удѣлъ Можайскаго, это Боровскаго, это Шемяки, это Князей Петра и Константина! Замѣтимъ, что Василій сверхъ того связывалъ дѣтей своихъ мѣлкими разсчетами, раздачею

имъ селъ въ удѣлахъ одного другому, и дѣлежемъ доходовъ съ трепіей Москвы. О Новгородѣ и Псковѣ онъ не говорилъ ни слова — ихъ еще почитали не собственностью, но только принадлежностью Великаго Князя. Ни слова не было и о Перми. Василій приказывалъ дѣтямъ собирать и отдавать старшему брату Ордынскій выходъ; старое присловье: «если перемѣнитъ Богъ Орду,» находимъ въ его духовной. Замѣчательно, что Василій поручаетъ въ заключеніе супругу и дѣтей печалованію Казиміра Короля Польскаго, по *доконгательной съ нимъ граматѣ*. Неужели Казиміръ долженствовалъ быть ихъ попечителемъ? Не значитъ-ли это того, что Казиміръ обязывался не допускать въ Русь бѣглецовъ, жившихъ у него въ Литвѣ? — Нетвердость, неясность, запутанность государственной системы видны во всѣхъ распоряженіяхъ Василія, такъ-же какъ видны онѣ были во всѣхъ дѣлахъ его. Не такъ поступалъ, не такъ и завѣщалъ потомъ великій его сынъ (406).

---

(406) Леченіе *прижиганьемъ* донынѣ въ обычаѣ между простолюдинами нашими, наиболѣе въ простудѣ: на мѣсто, гдѣ чувствуютъ боль, кладутъ трутъ, и даютъ ему горѣть; иногда растравляютъ послѣ того рану. Духовную Василія, см. въ *С. Г. гр.* т. I, № 87.

Марта 17-го 1462 года, Василій скончался отъ тяжкой своей болѣзни, и похороненъ былъ на другой день. Имя *Темнаго* соединилось съ его памятью, послѣ его ослѣпленія; оно выражаетъ и нравственный характеръ его.

Прибавимъ къ описанію дѣлъ Василія, что въ его время въ Исторіи Русской въ первый разъ появилось имя *Казаковъ*: такъ названы въ лѣтописяхъ вольные удальцы, жившіе въ Рязанской области, и сбѣжавшіеся на помощь противъ Мустафы въ 1444 году. Они пришли на лыжахъ, съ сулицами, съ дубьемъ, и вмѣстѣ съ Мордвою присоединились къ дружинамъ Василія. Имя Казаковъ вскорѣ сдѣлалось извѣстно и громко. Мы будемъ говорить объ этомъ подробно впослѣдствіи, означивъ только здѣсь, когда появилось имя сіе въ первый разъ (407).

Въ 1429 году основана была знаменитая обитель, среди Бѣлаго моря на островѣ Соловецкомъ, удаленномъ отъ матераго берега на нѣсколько десятковъ верстъ, и дотолѣ необитаемомъ. Новгородецъ Германъ, издавна про-

---

(407) «Пріидоша на нихъ (Татаръ) Мордва, на *ртахъ*, съ сулицами и съ рогатинами, и съ саблями, а *Казаки Рязанскіе* такожь на ртахъ, съ другія стороны,» и проч.

мышлявшій въ тамошнемъ краю, и хорошо знавшій прибрежные острова, уговорилъ инока Савватія поселиться на Соловецкомъ островѣ, и основать пустыню для монашествующихъ. По смерти Савватія (1435 г.), инокъ Зосима присталъ къ Герману. Они устроили значительную обитель, поѣхали просить у Новгородцевъ, чтобы имъ отдали во владѣніе на *Морѣ Окіянѣ*, острова Соловецкій, Анзерскій, Муксалицкій, Заяцкій, и другіе. Вѣче согласилось, и обитель Германа, 55-ть лѣтъ управлявшаго оною, начала богатѣть числомъ братіи, вкладами, и доходами отъ сельдяной и рыбной ловли, добыванія нерпичьихъ кожъ, рыбьяго жиру, и выварки соли. Вдова Посадника Борецкаго Мароа, обладавшая обширными землями и промыслами на Сѣверѣ, отдала Герману въ вѣчное владѣніе Сумскую и Кемскую волости, ей принадлежавшія (408).

Въ 1456 г. Владыка Смоленскій Мисаилъ, котораго особенно уважали Василій и Митрополитъ Московскій, пріѣхалъ въ Москву, и просилъ Василія возвратить образа, и особенно чудотворную икону Смоленскія Богоматери,

---

(408) Ист. Росс. Іерархіи, т. II, стр. 381, и *Лѣт. Соловецкій* (изд. въ Москвѣ 1833 г.). Одна изъ грамотъ Мароы Посадницы донынѣ цѣла въ Архивѣ монастырскомъ.

увезенную Юріемъ Святославичемъ. Она стояла въ иконостасѣ Благовѣщенскаго собора, и была чтима особенно. Разсудивъ, что не льзя держать Богоматери въ плѣну, отпустили Святую икону торжественно. Василій, всѣ его дѣти (младенца Андрея принесли на рукахъ), Митрополитъ, Бояре, народъ, войско собрались въ Кремлѣ, и когда надобно было поднимать икону Богоматери, плакали горько. Іона взялъ одинъ изъ Смоленскихъ образовъ, и сказалъ: «Епископъ, братъ и сынъ мой! оставь сіе на воспоминаніе!» Онъ и Мисаилъ благословили образомъ Василія; потомъ Мисаила проводили до церкви Благовѣщенія въ Дорогомиловѣ, и тамъ простились. Передъ оставленною Мисаиломъ иконою велѣно было служить ежедневные молебны, а вмѣсто образа Смоленскія Богоматери поставили списокъ (409). — Кромѣ пожара въ 1445 г., названнаго *Суздальскимъ*, и сожженія Москвы Мазовшею, въ 1451 г., цѣлая треть Москвы выгорѣла отъ пожара въ 1457 г. — Весь Псковъ былъ опустошенъ пожаромъ въ 1449 г., а Муромъ въ 1457 г. — Лѣтописцы упоминаютъ еще о неурожаяхъ, холодныхъ зимахъ, дороговизнѣ, болѣзняхъ въ разные годы, и чудесахъ и знаменіяхъ. Замѣтимъ любопытнѣйшее:

---

(409) Костр Лѣт. т. II, стр. 27.

въ 1425 г., во Псковской области, шла кровь отъ иконы — «проявляя нашествіе Витовта.» — Въ 1426 г. въ Сентябрѣ явилось около солнца шесть круговъ, «кругъ за кругъ связался, и всѣ были разноцвѣтны, иной красный, иной зеленый, иной желтый.» — Въ 1430 г. явился въ Смоленскѣ безшерстный волкъ, и много искусалъ и съѣлъ людей. — Въ томъ-же году, отъ сильныхъ жаровъ, вода изсякала, лѣса горѣли, дымъ разстилался повсюду, такъ, что птицы падали мертвыя, а рыба по два года пахла дымомъ. Въ 1431 г., послѣ знаменія на небеси, трехъ столповъ огненныхъ, «была засуха, земля и болота горѣли, мгла продолжалась 6-ть недѣль, солнца люди не видали, рыбы отъ дыма мерли, и скотъ и птицы пропахли дымомъ.» — Въ 1432 г. во Псковѣ, въ монастырѣ на Снѣзной горѣ, во время грозы Мая 3-го, молнія наполнила церковь; монахи попадали отъ страха, и всѣ позлащенныя иконы потемнѣли. Такое-же явленіе было 3 Іюля въ монастырѣ Св. Іоанна; молнія зажгла притомъ городскую стѣну. Испуганные сими явленіями Псковичи учредили крестный ходъ. — Въ 1436 г. ранніе морозы побили жатву въ Новгородскихъ областяхъ, и многіе, страшась голода, уходили въ Литву и къ Нѣмцамъ. Лѣтъ десять продолжались потомъ неурожаи, и Новгородцы, опечаленные притомъ пожарами, обвиняли

другъ друга на Вѣчѣ; нѣкоторыхъ обвиненныхъ осудили и сожгли, утопили въ Волховѣ, и побили каменьями. — Въ 1440 году изъ образа Николая Чудотворца, въ Вороночи, потекла кровь; Псковитяне принесли сей образъ въ свой городъ, и молили Бога отвратить грозящее бѣдствіе. Въ 1442 г. всюду была лютая зима, а лѣтомъ громы, вихри, «бысть жито дорого, и страхъ бысть на человѣцѣхъ.» — Въ 1445 г. въ Суздальской соборной церкви, безъ всякой видимой причины, начали тлѣть и разваливаться гробы Архіереевъ, а въ праздникъ Преполовенія вся церковь развалилась. — Въ 1446 г. зимою, нашла въ Новгородѣ туча, пошелъ дождь, и начали падать изъ облаковъ *хлѣбныя зерна*; они покрыли собою пространство на нѣсколько верстъ. Поселяне собирали ихъ, и приносили въ Новгородъ; «люди-же стекашеся видѣти сіе преславное чудо; откуду и како бысть.» — Въ 1460 г. Іюня 13-го, страшная гроза разразилась надъ Москвою; народъ молился; гроза миновалась. На другой день, при ясномъ солнцѣ, вдругъ налетѣла снова туча, обложила все небо, пролился дождь, засверкала молнія, вихрь ломалъ домы, вырывалъ деревья. Жители отчаявались въ жизни, и Митрополичій Дьякъ Родіонъ Кожухъ передалъ описаніе сей бури потомству, въ витіеватомъ разсказѣ, убѣждая всѣхъ современниковъ покаяться

и не грѣшить (410). — Въ 1459 г. Новгородскій лѣтописецъ замѣтилъ, что Пасха, по Пасхаліи приходится въ самое Благовѣщеніе. «Братія!» говоритъ онъ потомъ: — «здѣсь бѣда великая, здѣсь скорбь не малая! Такъ, какъ въ годъ распятія Христова, кругъ солнца нынѣ будетъ 23-й, луны 13-й, и сіе лѣто *конечнымъ* является, въ которое чаемъ пришествія Христова. А беззаконія умножились на землѣ! Владыко! пощади насъ, исполняя небо и землю славы твоея, пощади насъ, благословенъ грядый во имя Господне! Блюдитесь, братія! Господь не хощетъ смерти грѣшникамъ, но ждетъ покаянія, и глаголетъ: не вѣсте дни и часа, въ онъ-же сынъ человѣческій пріидетъ! Но разумѣй, кто хочетъ разумѣть: бѣги невѣрія! Се уже и Измаильтяне появились въ наше время.» Вѣроятно, набожный лѣтописатель разумѣлъ взятіе Царяграда; вѣроятно, что и замѣтку сдѣлалъ онъ въ началѣ года, ибо тотчасъ послѣ оной слѣдуетъ другая: «*Но того лѣта не бысть нигто-же.*» Міръ еще уцѣлѣлъ (411).

---

(410) Сіе описаніе помѣщено въ *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 76.

(411) Стр. Лѣт. т. II. стр. 65.

ГЛАВА VII.

Нѣкому было спорить съ Іоанномъ о *Великомъ Княжествѣ*, не куда было посылать ему за позволеніемъ владѣть Великокняжескимъ престоломъ. Уже около десяти лѣтъ бывъ соправителемъ отца, съ познаніемъ дѣлъ государственныхъ, съ пріобрѣтенным въ юности опытомъ, на 22-мъ году жизни Іоаннъ сдѣлался самовластителемъ Руси, въ Мартѣ 1462 года.

Онъ ничего не измѣнялъ въ порядкѣ дѣлъ, и нѣсколько лѣтъ его правленія прошло тихо, мирно, какъ будто Великимъ Княземъ сдѣлался второй Симеонъ, поддержатель системы правленія отцовскаго— не болѣе. По прежнему изгнанники Русскіе жили въ Литвѣ; принимаемы были предосторожности противъ Орды и Казани, грозившихъ набѣгами; съ Литвою продолжался сомнительный миръ; братья Іоанновы и Князь Верейскій свободно владѣлц своими удѣлами; Тверь сохраняла независимость; Іоаннъ возвратилъ ее и Рязани; Новгородъ думалъ, что сопротивленіемъ и уступками еще долго можетъ

противиться Москвѣ; Псковъ покорствовалъ, но соблюдалъ свою *старину*.

Какъ прежде, при родителѣ Іоанна, снова заключенъ былъ договоръ съ Тверью, съ одной стороны отъ имени Іоанна и братьевъ его, Юрія, двухъ Андреевъ и Бориса, съ другой отъ имени Великаго Князя Тверскаго Михаила Борисовича, Іоанна Юрьевича Зубцовскаго, и дяди ихъ Михаила Холмскаго. Москва ручалась за безопасность Твери, и «если-бы Татары почали сваживать и давать Москвѣ домъ Святаго Спаса,» обязывалась не брать его, давая Твери полную свободу сноситься съ Ханами. Тверь обѣщала не принимать враговъ Москвы: Іоанна Можайскаго, сына Шемяки и сына Василія Боровскаго, а также и всѣхъ *будущихъ враговъ Іоанна*; обѣщала воевать за одно противъ Царя и Татаръ, Литвы, Ляховъ и Нѣмцевъ, и жить съ Новгородомъ по старинѣ, какъ было при пращурахъ.

Таковъ-же былъ новый договоръ съ Княземъ Верейскимъ, которому подтвердили владѣніе Вышгородомъ, и который обязался не знать Орды, платить выходъ черезъ Іоанна, и не вступаться въ то, что «примыслитъ себѣ Москва.» Еще великодушнѣе казался поступокъ Іоанна съ Рязанью. Освободивъ ее отъ управленія Московскихъ Намѣстниковъ, онъ выдалъ

сестру свою, Княжну Анну, за юнаго Рязанскаго Князя Василія, и мирно отпустилъ его владѣть отцовскимъ наслѣдіемъ (412).

Великія, скрытыя отъ всѣхъ думы роились въ душѣ Іоанна, твердой, суровой, превышавшей понятія современниковъ. Но тихо началъ онъ. Никто не предвидѣлъ, что Іоаннъ лучше всѣхъ понимаетъ политику, какою основали и укрѣпили Москву Калита, Симеонъ, Алексій Митрополитъ, Димитрій, дѣдъ и отецъ его. Соединяя въ себѣ мужественную пылкость прадѣда съ твердою рѣшительностью дѣда, Іоаннъ не имѣлъ ни одного изъ пороковъ и недостатковъ отцовскихъ. Никто не управлялъ имъ. Онъ первый понялъ необходимость соединенія скрытной политики съ высокимъ мужествомъ воинскимъ, внутренняго устройства съ внѣшними связями, готовности на миръ среди войны, и приготовленій къ войнѣ среди мира. До него думали только о защитѣ самобытности противъ Орды — онъ провидѣлъ далѣе, и возрастилъ въ душѣ своей смѣлую мысль: не бороться только съ Ордою, но рѣшительно истребить

(412) Договоры съ Тверью и съ Вереею, *Собр. Гос. грам.* т. I. № 88, 89, 90, 91; — о Рязани, *Костр. Лѣт.* II, 38.

ее. Онъ понялъ, что не пользоваться только временными выгодами надобно ему отъ Новгорода, но покорить Новгородъ и слить съ Москвою; что Литвѣ и Польшѣ надобно не противопоставлять только временнаго отпора, но должно стать противъ нихъ политическою и государственною самобытностію. Іоаннъ простиралъ взоры далѣе, въ Европу; хотѣлъ узнать ее, и ввести Русь въ сношенія съ нею и съ отдаленною Азіею.

Такъ обдумывалъ все Іоаннъ, и сорокалѣтнее княженіе его было постояннымъ, вѣрнымъ слѣдствіемъ одной глубокой мысли. Онъ имѣлъ счастливую участь: исполнить все, что задумалъ. Если постоянное счастіе не есть слѣдствіе глубокаго разсчета ума, то надобно сказать, что непостижимая удача сопровождала всѣ дѣла Іоанна: онъ обладалъ тайною успѣха во всѣхъ своихъ предположеніяхъ и дѣлахъ. Только старость его была омрачена скорбями и ошибками, какъ будто въ поучительное напоминаніе человѣку, что каждый смертный долженъ въ свой чередъ заплатить судьбѣ за возвышеніе надъ другими. Іоаннъ не опередилъ ни своего вѣка, ни своего народа; но за то, онъ соединилъ въ великой душѣ своей все, что составляло жизнь его народа и его вѣка: онъ былъ великимъ, могущимъ ихъ представителемъ.

После Петра, Іоаннъ III-й занимаетъ первую степень между владыками Русскими; передъ нимъ уничтожились всѣ его предшественники; съ нимъ не сравнился ни одинъ изъ его преемниковъ. Не говоримъ о Петрѣ, для котораго нѣтъ сравненій.

Глубоко соображая всѣ дѣла свои, прежде всего Іоаннъ нанесъ тяжелый ударъ Казани, умѣвъ воспользоваться обстоятельствами. Ханъ Мамутекъ умеръ въ 1463 году. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Ибрагимъ. Халиль, братъ Ибрагима, скончался въ юности; Нурсалтанъ, вдова Халиля, вышла за Царевича Касима, вѣрнаго слугу Москвы. Тайныя сношенія съ Казанью заставили Касима подумать, что Казань готова отдаться ему. Онъ донесъ объ этомъ Іоанну, и войско Великокняжеское, съ мужественнымъ воеводою Стригою-Оболенскимъ, выступило осенью, 1467 года, когда Казанцы не могли ждать похода. Но Касимъ, или ошибся, или былъ обманутъ. Ибрагимъ ждалъ его. Среди осенняго распутья достигнувъ Казани, Рускіе и Касимъ встрѣтили полки Ибрагима готовые къ битвѣ, сражались, но думали только объ отступленіи. Они совершили обратный походъ среди проливныхъ дождей, осенняго холода и при такомъ недостаткѣ въ припасахъ, что Рускіе въ постъ ѣли мясо. По причинѣ труд-

наго пути, воины бросали свои доспѣхи, и шли пѣшкомъ, уморивъ всѣхъ лошадей. Казанцы не преслѣдовали ихъ, но мѣлкими толпами бросились опустошать области Русскія (413).

Іоаннъ все предвидѣлъ. Прошла пора безотчетныхъ походовъ на Волгу, за которые мстили потомъ Монголы раззореніемъ беззащитныхъ Русскихъ областей. Муромъ, Нижній, Галичъ, Кострома были прикрыты сильными дружинами. Князь Даніилъ Холмскій встрѣтилъ и разбилъ Казанцевъ близъ Мурома. Отряды Русскіе опустошили области Ибрагимовы, а въ Декабрѣ отдѣльныя дружины, съ Княземъ Симеономъ Романовичемъ, вошли въ землю Черемисовъ, и мстили за набѣги ихъ огнемъ и мечемъ. Весною 1488 г. самъ Іоаннъ выступилъ въ походъ; но воротился съ дороги, пославъ на Казань отряды съ Княземъ Руно и Княземъ Звенцо. По рѣкѣ Вяткѣ Руские ходили до Камы, когда въ то-же время по Волгѣ, Князь Ряполовскій-Хрипунъ пошелъ далеко въ Казанскіе предѣлы. Іоаннъ не довольствовался тѣмъ, что обезопасилъ себя отъ набѣговъ: весною 1469 года, по Волгѣ и Окѣ поплыли войска его къ

(413) Стр. Лѣт. II, 94; Костр. Лѣт. II, 42; Арх. Лѣт. стр. 143.

Нижнему, гдѣ Князь Беззубцевъ принялъ надъ ними начальство. Отъ Устюга, черезъ Вятку, пошелъ Князь Даніилъ Ярославскій; отъ Вологды воевода Сабуръ. Вдругъ въ Нижнемъ получили неожиданное приказаніе Іоанна: оставить походъ, и отправить къ Казани *только охотниковъ*. Опасаясь неудачи, Іоаннъ слишкомъ остерегался, а Беззубцевъ не имѣлъ соображеній главнаго воеводы: могли усмирить Казань, и не успѣли отъ взаимнаго недоразумѣнія. Къ изумленію Беззубцева, всѣ воины его вызвались въ охотники, и спѣшили плыть къ Казани, говоря: «Всѣ хотимъ идти на окаянныхъ Татаръ!» Беззубцевъ съ немногими остался въ Нижнемъ. Войско избрало себѣ предводителемъ воеводу Руно, боялось быть остановленнымъ въ пути, спѣшило и 21 Мая явилось подъ Казанью, такъ скрытно и неожиданно, что застало жителей безпечно спящихъ. При звукѣ трубъ, Русскіе воины устремились изъ судовъ на берегъ, зажгли городъ, рубили Татаръ, грабили домы, но удовольствовались испугомъ Казанцевъ и вдругъ отступили. Руно подозрѣвали въ измѣнѣ, ибо онъ стоялъ послѣ того подъ Казанью семь дней, далъ время Ибрагиму оправиться, и съ сильною ратью, по водѣ и по суху, пойдти на Рускихъ. Руно велѣлъ отступать. Казанцы преслѣдовали его, и удалились только послѣ жестокаго отпора. Рускіе отплыли далѣе отъ

Казани, и стали у Ирихова острова. Здѣсь явился къ нимъ нерѣшительный Беззубцевъ, послалъ въ Вятку, извѣщая о походѣ своемъ на Казань и приказывая Вятчанамъ соединиться съ нимъ на Волгѣ. Вятка не оставила еще тогда своего независимаго духа, и не была вполнѣ Московскою областью. Страшась навлечь на себя мщеніе Казанцевъ, Вятчане отвѣчали Князю Ярославскому, что они дали слово Ибрагиму: не помогать ни ему, ни Москвѣ. Посолъ Ибрагима былъ тогда у нихъ. Беззубцеву сказали, что Вятчане пойдутъ на Казань, если пойдетъ большая рать Московская съ братьями Іоанна. Стоявъ безъ дѣйствія на Волгѣ цѣлый мѣсяцъ, Беззубцевъ поворотилъ полки во свояси (414).

Іоаннъ думалъ, что урока, даннаго имъ Казани, довольно; призвалъ мать Ибрагимову въ Москву, почтилъ ее дарами, и отправилъ въ Казань, повелѣвая сказать, что онъ готовъ теперь мириться съ Ибрагимомъ. Касима, виновника трехъ-лѣтней войны, уже не было тогда на свѣтѣ. Беззубцевъ встрѣтилъ Нурсалтанъ,

---

(414) Стр. Лѣт. II, 96; Костр. Лѣт. II, 47. Въ *Арх. Лѣт.* (стр. 144) говорится, что воеводы ссорились въ Нижнемъ Новгородѣ, самовольно избрали Руно и пошли на Казань.

плывущую по Волгѣ. Она надѣялась на заключеніе мира, и увѣрила Руских въ безопасности. Но едва проплыли суда ея, Ибрагимъ примчался съ Татарами, и на Волгѣ явились суда Татарскія. Начался бой; Татары были отбиты; Рускіе достигли Нижняго благополучно. Сюда пришли къ нимъ остатки Устюжскихъ дружинъ. Не смотря на отказъ Вятчанъ, Князь Ярославскій прошелъ на Каму, узналъ тамъ объ отступленіи главнаго войска, и поспѣшно проплылъ мимо Казани, стараясь догнать отступавшихъ. Вся сила Ибрагима налегла на него; но Устюжане дрались отчаянно; Князь Ярославскій былъ убитъ въ бою; Князь Ухтомскій принялъ начальство, не щадилъ себя, самъ сражался, перебѣгалъ съ одного судна на другое, билъ враговъ тяжелымъ ослопомъ, и успѣлъ уйдти съ остатками дружинъ, причинивъ большой уронъ Казанцамъ. Іоаннъ изъявилъ неудовольствіе главнымъ своимъ воеводамъ, и щедро наградилъ Устюжанъ, пославъ къ нимъ деньги, оружіе, одежду и запасы муки и масла. Братья его, Юрій и Андрей, пріѣхали въ Нижній; войско подкрѣплено было новыми силами. Іоаннъ не хотѣлъ уступить Ибрагиму, не хотѣлъ полу-успѣха; прежде соглашавшись на миръ, онъ рѣшался теперь вести войну рѣшительную, двинулъ снова по Волгѣ ополченія свои къ обгорѣвшей Казани, повелѣвая войску зимовать тамъ, но безъ побѣды

не возвращаться. Никогда еще Казанцы не испытывали войны столь упорной, и затрепетали при новом появленіи Руских. Сентября 1-го, воины Іоанна стали подъ Казанью; Ибрагимъ оказалъ слабое сопротивленіе, и заперся въ городѣ. Видя приготовленія къ осадѣ, Казанцы униженно просили мира, и приняли его по волѣ Іоанна. Войско Русское пошло обратно, и вывело съ собою всѣхъ плѣнниковъ, какіе были взяты Татарами въ теченіе сорока лѣтъ и уже отчаявались увидѣть когда либо родную Русскую страну (415).

Пока не унывая при столькихъ неудачахъ, Іоаннъ унижалъ силу Казани, уже другой обширный замыслъ былъ готовъ въ умѣ его. Дружины Великокняжескія, едва возвратясь изъ Казанскаго похода, должны были готовиться къ новому походу, на сѣверъ — *рѣшить судьбу Новгорода.*

---

(415) О наградѣ Устюжанъ: «Князь Вел. дважды послалъ по *деньгѣ золотой*, а въ третье послалъ ужину запасъ: 700 четвертей муки, да 300 пудовъ масла; да 300 луковъ, 600 стрѣлъ; да 300 шубъ бараньихъ, да 300 однорядокъ Чипскихъ, и Лундскихъ (*Лондонскихъ*) и Новогольскихъ, и Трекумскихъ, да 300 сермягъ (Арх. Лѣт. стр. 146).

Повѣсть о семъ достопамятномъ событіи передали намъ непріятели Новгородцевъ, изображая грозное рѣшеніе Іоанна праведною местью за неправды, кривизну души и крамолы Новгородскія (416). Не будемъ вѣрить пристрастнымъ ихъ сказаніямъ. . . . Послѣ похода Димитріева, въ 1386 году, проложенъ былъ вѣрный путь къ паденію вольнаго города; каждая распря съ Москвою доказывала потомъ невозможность бытія Вѣча Новгородскаго, при самовластныхъ распоряженіяхъ Князей Московскихъ. Только соперничество Витовта спасало Новгородъ при Василіи Димитріевичѣ, только междоусобія, и потомъ нерѣшительность дѣйствій сберегли Новгородъ при Василіи Темномъ. Іоаннъ видѣлъ опасность не

---

(416) Описаніе перваго похода Іоаннова на Новгородъ составляетъ отдѣльное повѣствованіе во многихъ спискахъ (*Стр. Лѣт.* II, стр. 107—133). Писанное со всѣмъ великолѣпіемъ тогдашней схоластики, оно, можетъ быть, сочинено было какимъ нибудь Дьякомъ Бородатымъ, нарочно по приказанію Іоанна. Новгородскихъ извѣстій мы не имѣемъ. Во всѣхъ Лѣтописяхъ, до насъ дошедшихъ, говорится о Новгородцахъ какъ о людяхъ буйныхъ и преступныхъ. Горе побѣжденнымъ! Впрочемъ, истина видна и изъ описанія врага.

отъ Новгорода, но отъ соседства его съ Польшею, гдѣ Новгородцы рѣшительно стали искать своего спасенія отъ Москвы. Различіе вѣры, нравовъ, рода, обычаевъ, еще отвлекали Новгородъ отъ совершенной покорности Польшѣ; но чего не могли сдѣлать крайность и опасеніе силы Великихъ Князей? Тогда Польша увеличилась-бы обширными Новгородскими областями, внѣдрилась въ Русь, и обременила собою Москву. Къ несчастію Новгородцевъ, въ Литвѣ не было тогда ни Олгерда, ни Витовта. Властвуя уже около 25-ти лѣтъ надъ Польшею и Литвою, безпечный, добродушный, желавшій добра, но не умѣвшій дѣлать его, Король Казиміръ не могъ поладить съ Польскими аристократами, не могъ примирить Польши съ Литвою, равно признававшими власть его, но непріязненными одна къ другой. Занятой охотою среди важнѣйшихъ дѣлъ, нуждавшійся въ деньгахъ, расточавшій ихъ, и между тѣмъ вмѣшанный въ продолжительную войну съ Нѣмецкими Рыцарями, въ распри за Богемію и Венгрію, Казиміръ не смѣлъ и не могъ поддерживать Новгорода, угрожаемый въ семъ случаѣ войною, вдругъ отъ Крыма, Россіи и Молдавіи. Увидимъ, что всюду уже распространялъ тогда сношенія свои Іоаннъ, смиряя Казань и грозя Новгородскому Вѣчу. Но ничего этого не предусматривали въ Новгородѣ, и соединеніе съ

Польшею скоро сдѣлалось главною мыслью Новгородцевъ.

Іоаннъ началъ свое государствованіе изъявленіемъ миролюбія къ Новгородцамъ; далъ имъ волю удержать земли въ Заволочьѣ, не распредѣленныя съ Василіемъ, и даже вступился за права Архіепископа Новгородскаго, когда Псковъ отвергъ церковный судъ его. Покорные Псковитяне, напротивъ, возбудили гнѣвъ его изгнаніемъ Московскаго намѣстника. Склонясь на просьбу Псковитянъ, онъ простилъ ихъ потомъ, и дружина Московская пособила Пскову управиться съ Рыцарями, которые раздружились тогда со Псковомъ; война (1463 г.) съ ними кончилась набѣгами обоюдными. Рыцари *святымъ словомъ* увѣряли, что хотятъ мира, и заключили его въ 1464 году (417). Новгородцы, какъ прежде, не помогали Пскову. Прошло нѣсколько лѣтъ; Іоаннъ казался занятымъ единственно войною съ Казанцами. Мнимая кротость его умножала

---

(417) Псковск. Лѣт., и Ист. Г. Р. т. VI, прим. 4.— Любопытно, что въ Дерптѣ была особая слобода Русская (*Русскій Конецъ*), и Епископъ Дерптскій обязывался, по договору 1464 г., вносить Великому Князю часть сбора, получаемаго имъ съ православныхъ жителей Дерпта.

смѣлость Новгородцевъ. Раздоры терзали Вѣче, и тѣмъ болѣе, что въ Новгородѣ усилилась тогда крамола противниковъ Москвы и друзей Литвы. Ее составляли: Марко Памфильевъ, купеческій староста, вообще житые люди, купцы, всѣ тѣ, промыслы которыхъ стѣсняло распространеніе Москвы въ Заволочьѣ и Сѣверныхъ областяхъ. Но душу крамолы составляла вдова Посадника Исаакія Борецкаго, *Мароа*. Знаменитая по званію, богатству, старости, мать нѣсколькихъ сыновъ, бодрыхъ и дѣятельныхъ, Мароа особенно страшилась власти Московской, столь тяжкой торгамъ и промыслу (418). На-

(418) Только поэту, и то не понимающему величія Исторической истины, можно воображать себѣ Мароу какою-то юною республиканкою. Она просто была богатая, умная купчиха, и защищала именно свое богатство отъ хищеній Москвы. Имя мужа Мароы, Исаакія Борецкаго, мы знаемъ изъ похода Витовтова на Порховъ, въ 1428 году, за *сорокъ* лѣтъ до похода Іоаннова на Новгородъ. У Мароы были уже внучата. Имена двухъ сыновей Мароы, Антона и Феликса, утонувшихъ въ Бѣломъ морѣ, находимъ въ грамать, данной Николаевскому Корельскому монастырю, гдѣ они погребены (*Ист. Росс. Іерарх.* т. IV, стр. 629). Другихъ дѣтей Мароы мы узнаемъ далѣе. *Чудный дворъ* Мароы находился въ Новгородѣ, на Великой улицѣ (*Ист. Г. Р.* т. VI прим. 36).

противъ, аристократы Новгородскіе желали усиленія власти Московской, возвышавшей права ихъ, и стѣснявшей волю простаго народа. Чернь Новгородская перемѣняла мысли, смотря потому, какъ и кто управлялъ ею. Духовенство боялось Москвы, стѣснявшей права, судъ и доходы его; оно присоединилось къ крамолѣ Борецкихъ, и Мароа торжествовала. Вражда и неудовольствія противъ Москвы усилились. Соединеніе Новгорода съ Польшею было рѣшено. Тщетно Іоаннъ приказывалъ сказать, проникая тайную мысль Новгородцевъ, что поступки ихъ возбудятъ наконецъ гнѣвъ его, и гнѣвъ сей тяжко падетъ на Новгородъ. Новгородскій Бояринъ Ананьинъ прибылъ въ Москву, требуя рѣшенія разныхъ споровъ. «А мои жалобы?» спросилъ его Іоаннъ. — Мнѣ Великій Новгородъ ничего о томъ не приказывалъ — отвѣчалъ Ананьинъ. «Не приказывалъ даже ни одного слова покорнаго, когда вы не перестаете обременять меня своими жалобами! Не *въ истерпѣ* мнѣ болѣе; исправьтесь немедленно; ударьте мнѣ челомъ, и я буду держать васъ по старинѣ, или, страшитесь наказанія!» Таково было послѣднее слово Іоанна. Скоро друзьямъ Польши представился новый случай дѣйствовать: Владыка Новгородскій Іона скончался; на его мѣсто избрали инока Ѳеофила. Къ досадѣ Борецкихъ, Ѳеофилъ изъявилъ покорность Москвѣ, и Послы

Новгородскіе поѣхали просить позволенія о прибытіи Θеофилу въ Москву и поставленіи его на прежнихъ правахъ, съ бѣлымъ клобукомъ. Іоаннъ соглашался, если Новгородъ изъявитъ ему покорность. Тогда Борецкіе начали поступать рѣшительнѣе. Монахъ Пименъ, ключникъ владычній, былъ предназначенъ ими въ Архіепископы вмѣсто Θеофила; не жалѣли денегъ, и уговорили наконецъ народъ на избраніе Пимена, и на то, что Владыку долженъ поставить Кіевскій Митрополитъ, освободивъ Новгородъ отъ тяготы Московской. Θеофилъ немедленно согласился на сіи условія, и Пимена выдали Борецкіе мщенію врага его. Услышавъ о согласіи Θеофила отступиться отъ Москвы, Митрополитъ Московскій писалъ ласково въ Новгородъ, напоминалъ Новгородцамъ о грѣхѣ, который примутъ они на душу, приложась проклятой ереси Латинской, какою былъ зараженъ Кіевскій Митрополичій престолъ, и уговаривалъ ихъ покориться Великому Князю. Іоаннъ рѣшился обольстить Борецкихъ милостями, и возвелъ старшаго сына Марθы, Дмитрія, въ достоинство Боярина Московскаго — санъ знаменитый, ибо всѣхъ Бояръ было тогда только *пять!* (419). Посолъ Москов-

(419) Отъ временъ Іоанна званіе Боярина составило *чинъ государственный*, хотя названіе Бояръ придава-

скій, Товарковъ, явился въ Новгородъ, извѣщая о милостяхъ Іоанна, о томъ, что Іоаннъ отдастъ Новгороду всю старину. Было поздно: Новгородъ принадлежалъ уже Королю Польскому, и братъ Кіевскаго Князя, Михаилъ Олельковичъ, пріѣхалъ уже въ Новгородъ, какъ Намѣстникъ Казиміра.

Предложеніе: отдаться Казиміру, сколь ни искусно было оно приготовлено, долго однакожъ волновало умы народа, и производило раздоры на Вѣчѣ. Всѣхъ ужасало неслыханное дѣло — подданство Литвѣ, Королю Латинщику, окаянному Ляху. Оно казалось богопротив-

---

лось и при немъ вообще всѣмъ сановникамъ Государевымъ. Собственно — Бояре при Іоаннѣ были въ началѣ его царствованія: Михаилъ Борисовичъ Плещеевъ; Князь Іоаннъ Юрьевичъ Патрикіевъ; Князь Іоаннъ Стрига-Оболенскій; Михаилъ Сабуровъ; Григорій Заболоцкій. Потомъ пожалованы: Василій Сабуровъ; Михаилъ Морозовъ-Русалка; Князь Семенъ Ярославскій и Θеодоръ Хромой. Съ тѣхъ поръ начались *разряды* и *послужные списки*, породившіе впослѣдствіи *мѣстничество*, т. е. споры о преимуществахъ предковъ по службѣ и чину. Списковъ послужныхъ находится множество въ рукописяхъ. Общій, главный, напечатанъ былъ въ *Опытѣ трудовъ Вольнаго Росс. Собранія*, и потомъ перепечатанъ въ *Вивліоѳикѣ* Новикова, т. XX.

нымъ, ужаснымъ. «Лучше гнѣвъ Князя Христіанина, нежели милость Короля-еретика!» кричалъ народъ. Но Борецкій и сообщники ихъ превозмогли все, и знаменитое посольство отправилось изъ Новгорода въ Польшу. Его составляли: Аѳанасій Евстифѣевичъ, Посадникъ Дмитрій Борецкій (сынъ Мароы), Старостa Памфилій, и другіе. Король принялъ Новгородцевъ, какъ лучшихъ своихъ друзей, и охотно согласился подтвердить всѣ права и льготы Новгородскія. Признавая Казиміра своимъ *господиномъ*, Новгородцы договорились съ нимъ о защитѣ ихъ отъ Москвы. «Пойдетъ Князь Великій Московскій на Великій Новгородъ, или его сынъ, или его братъ, или которую землю подыметъ на Великій Новгородъ, ино тебѣ нашему Господину, честному Королю, всѣсть на конь за Великій Новгородъ, и со всею своею Радою Литовскою противъ Великаго Князя, и боронить Новгородъ. Если-же не умиривъ Новгорода, рѣшишься ты ѣхать обратно, Рада твоя да защищаетъ Новгородъ. Вѣры Греческой православной у насъ тебѣ, честный Король, не отнимать; гдѣ будетъ намъ, Великому Новгороду, любо, въ своемъ православномъ Христіанствѣ, тутъ мы себѣ Владыку и поставимъ, по своей волѣ. А Римскихъ церквей тебѣ, честный Король, въ Великомъ Новгородѣ не ставить, ни въ пригородахъ Новгородскихъ, ни во всей землѣ Новгородской. Умиришь ты Нов-

городъ съ Москвою, за що берешь себѣ черный боръ, однажды въ годъ. Нѣмецкаго двора тебѣ не затворять, и пристава своего не опредѣлять (420).» Утвердивъ сими условіями защиту свою, оградивъ вѣру, торги, права, Новгородъ не думалъ болѣе о нелюбіи Іоанна.

Разсчетъ Борецкихъ могъ быть вѣренъ, если-бы въ Польшѣ царствовалъ Витовтъ, и если-бы въ Москвѣ былъ не Іоаннъ. Дѣло кончилось-бы тѣмъ, что Москва снова уступила-бы Новгороду, какъ прежде; исполнивъ свои честолюбивыя намѣренія, Борецкіе могли отвергнуть Казиміра; или началась-бы война, въ которой успѣхъ былъ еще сомнителенъ съ пособіемъ Польши. Но все пошло иначе, при слабости Польскаго Короля, при твердомъ характерѣ и умѣ Князя Московскаго. Новгородъ палъ!

Заключивъ договоръ, Казиміръ не имѣлъ ни воли, ни средствъ помогать Новгородцамъ. Его не слушалась Польская Рада; при томъ, едва кончивъ 13-ти лѣтнюю войну съ Нѣмецкими Рыцарями (въ 1466 г.), Казиміръ уже вовлеченъ былъ въ войну за наслѣдство Богеміи, и въ

---

(420) Договоръ Новгородцевъ съ Казиміромъ, см. Ист. Г. Р. т. VI, прим. 42.

другую войну съ Венгріею и Силезіею; войска у него едва доставало на защиту Польши отъ впаденія Венгерцевъ, Пруссовъ и Силезцевъ. Кромѣ того, Ливонскіе Рыцари грозили войною, если Король вступится за Новгородъ. Даже намѣстникъ его, Михаилъ Олельковичъ, услышавъ о смерти брата своего, оставилъ Новгородъ, ѣхалъ черезъ Русу, какъ непріятель, отнимая запасы и везя для безопасности своей заложниковъ Новгородскихъ (421).

И такъ: оставалось выдерживать борьбу съ Іоанномъ одному Новгороду, раздражившему его непокорностью и передачею Литвѣ! Можетъ быть, Новгородцы думали, что еще перемѣнятся обстоятельства, еще можно будетъ поторговаться, отдѣлаться раззореніемъ Торжка, Заволочья; можетъ быть, они надѣялись и на удачу въ битвѣ, припоминая времена Боголюбскаго и Михаила Тверскаго. По крайней мѣрѣ, Новгородъ равнодушно выслушалъ *складную*

(421) Во время пребыванія Олельковича «Новгороду было истомно сильно, кормы, и вологою, и великими дарами; и пріѣхавъ онъ въ Русу, оброки взя силою, и пограби; а къ рубежу ѣдя взя *поспу* (припасы), и животъ, и головы (заложниковъ) войною великою, и головы повезе до самаго рубежа» (*Иск. Лѣт.* Карамзинъ, т. VI, прим. 39).

грамату Іоаннову, гдѣ исчислены были всѣ оскорбленія, всѣ вины вольнаго города, и гдѣ, не требуя уже покорности, Іоаннъ грозилъ войною. Предоставляли рѣшеніе всего будущему, хотя Казиміръ не шелъ, слышно было о сильныхъ приготовленіяхъ Іоанна, и Псковитяне отвѣчали Посламъ Новгородскимъ, на предложеніе союза противъ Москвы: «Когда услышимъ, что Великій Князь идетъ на васъ, тогда *погадаемъ*, и пришлемъ отвѣтъ.» Посолъ Новгородскій претерпѣлъ жестокое оскорбленіе во Псковѣ; нѣкоторые изъ Псковитянъ, обиженные въ Новгородѣ, захватили его людей, и требовали удовлетворенія. Псковъ оказывался врагомъ Новгорода при борьбѣ съ Москвою, и безъ того тяжелой. Но вольные Новгородцы еще не понимали всей опасности (422).

Истощивъ средства мирныя, взвѣсивъ отношенія Литвы и Польши, Іоаннъ захотѣлъ *уничтожить вольность Новгорода*, рѣшительно, навсегда, отвергнувъ всѣ временныя выгоды, если могъ овладѣть Новгородомъ безусловно.

---

(422) Отвѣтъ Пскова: «Какъ вамъ Великій Князь отошлетъ *взметную* грамату, тогда намъ явите, а мы, погадавъ о томъ, вамъ отвѣчаемъ,» и проч. (*Пск. Лѣт.* Карамзинъ, т. *VI*, прим. 32).

Такъ рѣшилъ онъ, и быстры, обширны были его приготовленія. Онъ привелъ въ движеніе всѣ силы свои; Тверь, Верея, Рязань повиновались его волѣ; Пскову велѣно было идти. Всѣ ненавидѣли Новгородъ, и съ радостью принялись повсюду за оружіе; дружины Касимовскія явились немедленно, съ сыномъ Касима Даніяромъ; Вятчане, не шедшіе на Казань, поспѣшно устремились на Новгородъ, хотя дружины ихъ только что воротились изъ удалаго похода по Волгѣ, въ которомъ они, въ расплохъ, нападали на самый Сарай (423). Еще сильнѣе старался Іоаннъ воспламенить всѣ умы: Новгородцевъ представляли отступниками отъ православія, врагами Руси, которые поддались проклятому Ляху, предались Латинской богомерзкой ереси, преступили клятвы, отвергли власть отца Митрополита православнаго. Марѳу изображали второю Іезавелью, Далидою, Иродіадою, развратною женщиною, которая хочетъ выйдти за Ляха, и царствовать въ Новгородѣ (424). Прежде всегда ходи-

---

(423) *Архангел. Лѣт.* стр. 149; *Тип. Лѣт.* стр. 275. Псковитяне отговаривались было пожаромъ, опустошившимъ ихъ городъ (Собр. Г. Г. т. II, N° 19). Іоаннъ не слушалъ ничего.

(424) Посланіе Митрополита къ Новгородцамъ, въ Собр. Г. Г. т. II, N° 18; *Архивск. Лѣт.* (Карамзинъ,

ли Москвичи на Новгородъ зимою, и Новгородцы надѣялись, что и теперь, среди болотъ и лѣсовъ, не посмѣютъ воевать ихъ лѣтомъ. Какъ нарочно, съ Мая до Сентября не упало капли дождя; дороги просохли, болота осушились. За три недѣли до Петрова поста, 1471 года, Князь Даніилъ Холмскій выступилъ съ передовыми полками къ Русѣ; братья Іоанновы шли изъ своихъ удѣловъ отдѣльно; Стрига-Оболенскій отправился по теченію Мсты; въ Заволочье, по Двинѣ, отряженъ былъ воевода Образецъ, съ Вятчанами; Устюжане особо пошли къ бою; Псковитянъ повелъ на Новгородъ Воевода Θеодоръ Юрьевичъ въ началѣ Іюля; самъ Іоаннъ, съ Даніяромъ, съ Княземъ Верейскимъ и Князьями Тверскими, двинулся къ Торжку.

т. VI, прим. 29). «Вѣчницы, крамольницы, суровіи человѣцы — подвизашася, яко пьяни, и вся мудрость ихъ поглощена бысть — гордостію величающеся, глаголаху словеса хульная, забыша окаянніи, яко Господь гордымъ противится... Прелестникъ дьяволъ вниде въ злохитриву жену Марθу, и та, окаянная, сплется лукавыми рѣчьми.... О таковыхъ безумныхъ женахъ Златоустъ пишетъ: «Ничто-же есть на землѣ подобно злой женѣ и *язычней*».... и Соломонъ глаголетъ: «Лучше жити со львомъ и со зміемъ въ пустынѣ, нежели со злою женою,» и проч. См. подробное описаніе Іоаннова похода, *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 100, и далѣе.

Онъ готовился на Новгородъ, какъ въ походъ важный, молился у гробницъ предковъ, просилъ благословенія Святителей, собиралъ совѣщанія, выслушивалъ совѣты, излагая всѣ обиды, невѣріе, безбожіе Новгородцевъ, и выступилъ изъ Москвы, на третьей недѣлѣ Петрова поста, взявъ съ собою ученаго Дьяка Бородатаго, который зналъ хорошо древнія Лѣтописи, и могъ исчислить и доказать Новгородцамъ всѣ издревле учиненныя вѣроломства и крамолы ихъ.

Уже огнь и мечъ означили походъ Князя Холмскаго; Русу выжгли; Холмскій истребилъ судовую Новгородскую рать на Ильменѣ, и шелъ къ рѣкѣ Шелони; Псковитяне осадили и взяли Вышгородъ; берега Мсты, Торжокъ — все гибло въ опустошеніяхъ. Новгородцы еще не робѣли. Они отправили Князя Шуйскаго-Гребенку отбивать Заволочье отъ Образца и Устюжанъ, послали сильное войско на Псковитянъ и Холмскаго, и требовали отъ Іоанна свободнаго пропуска послу своему, отправленному для переговоровъ. Іоаннъ не отвѣчалъ имъ, шелъ безъ остановки. Сынъ Мареы Борецкой, Димитрій, хотѣлъ показать примѣръ мужества, и съ знатнѣйшими Новгородцами спѣшилъ выступить противъ Москвитянъ. Оставивъ Псковичей, онъ двинулся на Князя Холмскаго. Между тѣмъ въ Новгородѣ готовились къ

защищѣ отчаянной; выжгли посады, подѣлали укрѣпленія, засѣки, завалы, вооружили всѣхъ жителей; каждый бралъ оружіе, слыша, что безчеловѣчное опустошеніе означаетъ всюду слѣды рати Іоанновой. Но страхъ отнималъ силы; вспомнили предвѣщанія объ Іоаннѣ; видѣли, что еще никогда и никто не неволилъ вольнаго города до такой степени, съ такимъ упорствомъ. Уже въ Новгородѣ оказывался и недостатокъ припасовъ, сдѣлалась дороговизна, угрожалъ голодъ. Крамола еще не утихала: сообщники Маѳы и друзья Москвы спорили между собою, и волновали народъ.

Страшныя вѣсти вдругъ унизили гордость Борецкихъ. Услышали, что Іоаннъ стоитъ уже въ Яжелбицахъ, и что въ одно время Новгородскія дружины разбиты въ Заволочьѣ и на Шелони. Князь Шуйскій напалъ на Образца, сражался съ нимъ цѣлый день (24 Іюля), былъ разбитъ, и бѣжалъ, самъ жестоко раненый въ битвѣ; Москвитяне заняли послѣ сего всѣ Двинскія области. Шелонское сраженіе имѣло слѣдствія еще болѣе пагубныя. Думая сразить Холмскаго сильнымъ натискомъ, Дмитрій Борецкій надѣялся на превосходное число войскъ, и ждалъ случая напасть на Москвитянъ, стоя на высокомъ берегу Шелони. Отважный Холмскій видѣлъ опасность, и предупредилъ ее. «Лучше положить головы за правду Госу-

цареву, нежели отступать; будь Новгородцевъ сотни тысячь — съ нами Богъ и правда!» Такъ воскликнулъ онъ, и первый ринулся на конѣ въ Шелонь, возглашая: *Москва!* — «Москва, Москва!» закричали всѣ воины, слѣдуя за Холмскимъ, переплыли рѣку и ударили на Новгородцевъ. Раздоръ оказался между Новгородцами: Владычній полкъ не хотѣлъ биться, говоря, что Владыка велѣлъ ему сражаться только со Псковитянами. Засада Татарская ударила въ тылъ Новгородцамъ, когда нападеніе Холмскаго изумило ихъ, и — поле битвы превратилось въ страшное побоище; Новгородцы бѣжали, почти не сражаясь, и гибли подъ мечами Москвитянъ; Дмитрій Борецкій, съ знатнѣйшими людьми, попался въ плѣнъ. Іоаннъ услышалъ о побѣдѣ, поворотилъ на Русу, велѣлъ привести туда плѣнныхъ Новгородцевъ, и — изрекъ смертный приговоръ Дмитрію Борецкому, Боярамъ: Василію Селезневу, Кипріану Арбузьеву, и чашнику Владыки Іеремію Сухощеку; имъ прочитали обвиненія, объявили приговоръ Іоанна, и отрубили головы. Василія Казиміра, и другихъ Новгородцевъ, повезли въ кандалахъ въ Москву. Іоаннъ сталъ на Шелони. Отряды его достигали Новгорода, куда плѣнники, нарочно отпущенные Іоанномъ, принесли ужасное извѣстіе о казни сына Мароы и бѣдствіи другихъ сановниковъ!

Голодъ и недостатки усиливались; крамола Борецкихъ уныла, не смѣла болѣе спорить. Оказалось новое бѣдствіе — страшная измѣна: нѣкто Упадышъ заколотилъ 55-ть пушекъ, и лишилъ Новгородъ послѣдняго средства защиты; Упадыша казнили; но всѣ ясно увидѣли гибель, висящую надъ бытіемъ Новгорода. Іоаннъ прислалъ Посла своего, снова исчисляя всѣ вины Новгородскія, и грозя скоро стать у Св. Софіи грознымъ судіею. Тогда-же услышали о взятіи города Демона Княземъ Верейскимъ, и голоса народные слились въ одинъ кликъ: «Покорность Іоанну! Казиміръ выдалъ насъ — Іоаннъ подъ Новгородомъ — мы гибнемъ!» Забыли гордость, забыли волю Новгородскую, и въ станъ Іоанна поѣхали нареченный во Владыки Ѳеофилъ, Посадники и лучшіе люди. Іоаннъ не хотѣлъ видѣть ихъ, заставилъ ходить по табору, и умиленно просить заступленія у братьевъ его, воеводъ и Бояръ. Наконецъ, казалось, онъ смягчился. Говоря, что снисходитъ на моленіе, какое прислалъ къ нему изъ Москвы Митрополитъ, на случай покорности Новгородцевъ, Іоаннъ допустилъ къ себѣ Ѳеофила и его спутниковъ. Они стали на колѣна, заплакали. «Господинъ Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всея Руси, милостивый! Господа ради, пожалуй винныхъ передъ тобою людей Великаго Новгорода,

твоея отчизны! Уложи гнѣва твоего, уйми меча твоего, угаси огнь, утишь грозу, не изрушь доброй старины, дай видѣть свѣтъ, пощади безотвѣтныхъ людей, смилуйся, какъ Богъ тебѣ на сердце положитъ!» Такъ говорилъ Ѳеофилъ, и безмолвно слушалъ потомъ упреки Іоанновы, отвѣчая только слезами. Къ изумленію самихъ Новгородцевъ, Іоаннъ изъявилъ неожиданное милосердіе: онъ простилъ Новгородъ; требовалъ только, чтобы они отступились отъ Казиміра, отдали захваченныя въ Заволочьѣ Московскія земли, уничтожили вѣчевыя грамоты, были покорны ему, а Духовенство Новгородское Митрополиту Московскому; чтобы Новгородъ не сносился съ Русскими бѣглецами въ Литвѣ, платилъ Москвѣ черный боръ, и взнесъ единовременно *копейнаго* сбора 15,500 рублей серебра. На сихъ условіяхъ заключенъ былъ договоръ, Августа 11-го 1471 года. Но въ него включили еще разныя стѣснительныя мѣры, касательно пошлинъ и суда; Новгородцы не смѣли упомянуть о возвратѣ добычи, всюду захваченной Москвичами, и о судьбѣ сановниковъ Новгородскихъ, отосланныхъ въ Москву. Іоаннъ угостилъ Ѳеофила и пословъ, и Сентября 1-го 1471 г. возвратился въ Москву, величая себя побѣдителемъ «злыхъ крамольниковъ и вѣчниковъ Новгородскихъ.» Его встрѣтили за нѣ-

сколько верстъ отъ города. Въ память Шелонской побѣды, Іоаннъ заложилъ въ Архангельскомъ соборѣ придѣлъ Св. Апостола Акилы, коего память празднуется Іюля 14-го. Въ Ноябрѣ пріѣхалъ въ Москву съ покорностію Θеофилъ, былъ поставленъ въ Архіепископы, и видя ласку Іоанна, осмѣлился просить за Василія Казиміра, Матвѣя Селезнева, и другихъ, томившихся въ Московскихъ темницахъ. Іоаннъ велѣлъ отпустить всѣхъ; плѣнныхъ оказалось тридцать человѣкъ (425).

И такъ, имѣвъ возможность рѣшить судьбу Новгорода, Іоаннъ удовольствовался только наказаніемъ? Нѣтъ: онъ *уничтожилъ* Новгородъ—оставилъ ему вѣче, названіе *вольнаго*, *великаго*, не трогалъ Марθы и ея сообщниковъ; но все это была только тѣнь старины, столь милой Новгородскому сердцу! Іоаннъ вырвалъ у Новгородцевъ послѣднюю опору ихъ—помощь

(425) Описаніе всѣхъ событій похода на Новгородъ, *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 100 — 133; *Тип. Лѣт.* стр. 268 — 277; *Арханг. Лѣт.* стр. 147 — 150; *Костр. Лѣт.* т. II, стр. 52 — 65. Выписки изъ *Псковской*, *Архивской*, *Новг.* въ прим. Карамзина, т. VI, отъ 43-го до 69-го. — Договоры Новгородцевъ, Карамзинъ, т. V, прим. 404, т. VI, пр. 66; *Собр. Гос. Грам.* т. I, № 20. — Придѣлъ Ап. Акилы переименованъ былъ впослѣдствіи во имя Покрова Богородицы.

Литвы, оставилъ вѣче, но самовластвовалъ на немъ, повелѣвалъ въ судѣ, отнялъ войско, силу, смѣлость духа, оставивъ еще на нѣсколько лѣтъ внѣшній образъ Новгородскаго правленія. Онъ зналъ, что въ сіи годы тайно усилитъ онъ власть свою, вліяніе свое, и уже одного слова его будетъ довольно кончить то, что еще оставалось отъ старины Новгородской. Все такъ и совершилось впослѣдствіи. Напротивъ, сокрушая Новгородъ до конца, онъ могъ встрѣтить отчаянное сопротивленіе, и безполезно погубить тысячи народа. И безъ того довольно было убійствъ, пожаровъ и грабежа; пепелища и опустѣніе видны были повсюду, отъ отдаленной Двины до Пскова, отъ Торжка до Новгорода. Богатую добычу везли изъ Новгородскихъ областей Москвичи и ихъ союзники. Уныніе, бѣдствіе были участью Новгорода. Казалось, все возстало противъ Новгородцевъ. Множество бѣглецовъ и плѣнныхъ, возвращавшихся во свояси, захватила буря на Ильменѣ, и болѣе 7000 человѣкъ Новгородцевъ погибло въ волнахъ озера. Недостатокъ запасовъ производилъ повсюду голодъ и болѣзни.

Соображая всѣ дѣла государственныя, Іоаннъ не хотѣлъ долго заниматься войною съ Новгородомъ, можетъ быть, и потому, что давнишній врагъ Русскій, Седи-Ахматъ, грозилъ на-

конецъ сильнымъ дѣйствіемъ, столь много лѣтъ безпокоя Русь непріязнію мѣлкою. Утративъ Новгородъ, Казиміръ вошелъ съ Ахматомъ въ дружескія сношенія, и возбуждалъ его на Русь, обѣщая сильную помощь. Еще въ 1465-мъ году, Седи-Ахматъ собралъ было свои полчища и пошелъ на Москву; но на берегахъ Дона встрѣтилъ его непримиримый врагъ, Крымскій Ханъ. Крымцы и Ордынцы сразились, дрались— Москва осталась спокойною. Въ 1468 г. Ордынцы набѣгали на Рязань, и были отбиты. Еще не выступая тогда на битву открытую, Іоаннъ послалъ предложить Седи-Ахмату миръ. Но Ханъ уже ничего не слушалъ, и лѣтомъ 1472 года быстро пошелъ на Москву. Іоаннъ былъ готовъ къ отпору. Даніилъ Холмскій и Стрига-Оболенскій выступили 10 Іюля къ берегамъ Оки. Мать и сынъ Іоанна удалились въ Ростовъ. Братья его двинулись за Холмскимъ. Узнавъ, что Седи-Ахматъ стоитъ уже близъ Оки, съ полчищами многочисленными, 30 Іюля выѣхалъ изъ Москвы самъ Іоаннъ, и остановился въ Коломнѣ. Седи-Ахматъ окружилъ Алексинъ; жители соглашались дать ему окупа *пять* рублей. «Дайте еще *шестой* рубль женѣ моей!» говорилъ Ханъ. Трусливый воевода Алексинскій бѣжалъ, но жители не сдавались. Монголы зажгли городъ, и грабили его. Юрій, братъ Іоанна, и другіе воеводы плакали съ досады, видя не-

возможность перейдти черезъ рѣку и пособить храбрымъ Алексинцамъ. Ободренные неподвижностью Рускихъ, Монголы бросились черезъ Оку вплавь, напали на Русскій отрядъ и погнали его. Тутъ прискакалъ въ битву сынъ Князя Верейскаго, Василій Удалый, сбилъ Монголовъ, вогналъ ихъ въ Оку; рать Русская вся заколебалась вслѣдъ за нимъ. Разспрашивая плѣнныхъ, узнавъ, что самъ Іоаннъ идетъ съ помощнымъ войскомъ, не видя Казиміровой помощи, Ахматъ съ досадою поворотилъ плеча, началъ отступать, и наконецъ побѣжалъ, такъ, что Іоаннъ велѣлъ преслѣдовать его, и Монголы въ шесть дней достигли улусовъ своихъ, употребивъ шесть недѣль на походъ до береговъ Оки. Симъ до времени заключились дѣла съ Ордою (426). Изложимъ здѣсь событія совсѣмъ другаго рода.

Послѣ взятія Турками Царяграда, Русь не имѣла уже никакихъ сношеній съ Греціею, кромѣ торговли черезъ Крымъ, гдѣ держались еще Генуэзцы. Изрѣдка приходили въ Русь бѣдные странники, монахи и сановники Греческіе, возвѣщая наставшую *мерзость запустѣнія* на

(426) *Арх. Лѣт.* стр. 151; *Тип. Лѣт.* стр. 279; *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 135.

святыхъ мѣстахъ, позоръ православнаго духовенства Греческаго и стыдъ Греческихъ Императоровъ. Двое братьевъ послѣдняго Палеолога укрылись въ Мореѣ, назывались тамъ Деспотами Греціи, и тѣнь Имперіи Греческой уцѣлѣла еще на нѣсколько лѣтъ въ лицѣ ихъ. Но вскорѣ братья перессорились; Турки завладѣли Мореею; одинъ изъ послѣднихъ Палеологовъ, *Димитрій*, покорился Султану, отдалъ въ гаремъ его дочь свою; другой, *Ѳома*, бѣжалъ въ Италію, куда еще прежде переселились бѣглецы Византіи, съ послѣдними остатками умственныхъ богатствъ и познаній Греціи. Люди знатнѣйшихъ родовъ, съ своими семействами, ученые, всѣ, кто могъ спастись и имѣлъ средства бѣжать, бѣжали въ Италію, искали тамъ пристанища, и готовы были жертвовать новой отчизнѣ своей дарованіями, знаніями и жизнью. Когда Каломеросы, Врiенны, Кантакузины, и другіе, передавали Италіи и Италіянцамъ свои имена, и начинали новые, знаменитые роды, ученые Греки перенесли въ Италію творенія предковъ своихъ, учили тамъ языку Омира и Димосѳена, возраждали охоту къ Классической учености, и то, что гибло прежде въ пыли Византійскихъ архивовъ и библіотекъ, цѣнилось теперь дороже золота и способствовало къ произведенію вѣка Льва X-го и Медицисовъ. Теряя свою рес-

публиканскую твердость Среднихъ вѣковъ, теряя независимость, грозимая игомъ иноплеменниковъ и домашнихъ тирановъ, Италія забывала сама себя въ наслажденіи Изящнымъ; паденіе политической самобытности приводило ее къ вѣку Макіавеля, Аріоста, Тасса, Альда Манучія, Рафаэля и Микель-Анджело (427).

Но, пока отдаленныя политическія бѣдствія грозили Италіи съ Запада, она ужаснулась опасности ближайшей. Взятіе Царяграда открыло ей глаза на гибельное могущество Турковъ. Политика Венеціянъ не спасала уже ихъ отъ меча Мугаммеданскаго. Венеція увидѣла изъ лагуновъ своихъ губительные огни, зажженные Турками на берегахъ Адріатическаго моря, и мысль о крестовомъ походѣ еще разъ вспыхнула въ умахъ. Папа Николай V-й имѣлъ усладженіе видѣть собраніе Италіянскихъ Властителей въ Лоди (въ 1454 г.). Всѣ клялись ему идти воевать подъ знаменіемъ креста. Не пошелъ никто. Венеція, подписавъ договоръ Лодійскій, заключила договоръ съ Турками; Герцогъ Бургундскій, первый изъ зачинщиковъ крестоваго похода, отказался; Король Французскій даже запретилъ подданнымъ своимъ ду-

(427) Гиббонъ, т. XIII-й.

мать о крестовомъ походѣ. Тщетно искалъ Папа средствъ къ войнѣ; кромѣ Скандербега и *Турецкаго дьявола* — Гуніада, всѣ уклонились. Генуя и Венеція только хитрили, и скорѣе соглашался Персидскій Шахъ воевать съ Оттоманами, нежели Европейскіе Государи, занятые своими новыми политическими идеями, расколами еретиковъ, и взаимною борьбою. Пій II-й успѣлъ было собрать нѣсколько галеръ, и самъ рѣшался ѣхать воевать съ Турціею. Павелъ II-й, преемникъ его, болѣе помышлялъ о Гусситахъ, нежели о Туркахъ, и просилъ Матѳія Корвина, сына Гуніадова, сдѣлавшагося Королемъ Венгерскимъ, лучше истреблять еретиковъ, нежели воевать противъ невѣрныхъ. Венеція, Папа, Неаполь стращали другъ друга Турками, и тщетно несчастный Саванаролъ предрекалъ имъ гибель въ грядущемъ, восклицая: «О Италія! о Римъ! услыши гласъ Господа: предамъ тебя въ руки народа истребителя, и онъ изгладитъ тебя отъ лица живущихъ; пріидетъ къ тебѣ сей народъ, какъ левъ голодный. . . о Римъ, Венеція, Миланъ! покайтеся — еще время!»

Въ сихъ затруднительныхъ обстоятельствхъ, Папа вспомнилъ о Русской землѣ. Со временъ Исидора, Русь отказалась отъ сношеній съ *проклятою Латинью*; но Папа высоко цѣнилъ силу Сѣверныхъ варваровъ, и безпрерывно при-

думывалъ, чѣмъ-бы завлечь ихъ въ союзъ, который могъ-бы составиться изъ Польши, Литвы, Венгріи, Молдавіи и Руси. Наконецъ казалось ему, что средство найдено.

Укрывшись въ Италіи, Ѳома Палеологъ принесъ съ собою нѣсколько Св. мощей и славное имя *послѣдняго Палеолога и законнаго наслѣдника Византіи*. Папа принялъ Ѳому, далъ ему содержаніе, и послѣ смерти его (1465 г.) надѣялся имѣть важное орудіе политики въ двухъ сыновьяхъ Ѳомы, *Андреѣ* и *Эммануилѣ*, и дочери *Софіи*. Покровительствуя бѣднымъ, но знаменитымъ изгнанникамъ, Папа разсчитывалъ, что за *права ихъ на Византію* дорого можетъ ему заплатить тщеславіе людское. Въ самомъ дѣлѣ, руки Софіи требовали у него многіе женихи знаменитые: Папа рѣшился предложить ее властителю Русскихъ земель. Вѣроятно, онъ слышалъ уже о новомъ Князѣ Русскомъ, понималъ изъ дѣлъ умъ и характеръ Іоанна, и надѣялся, не только имѣть его союзникомъ противъ невѣрныхъ, но, можетъ быть, и опять возобновить начатое Исидоромъ.

Іоаннъ былъ уже вдовъ съ 1467 года. Марія Тверская внезапно скончалась, бывъ матерью одного, старшаго, сына Іоаннова, названнаго по имени отца. Іоаннъ находился тогда въ отсутствіи, и возвращясь въ Москву нашелъ

Марію уже въ могилѣ. Говорили, что она была отравлена; обвиняли въ злоумышленіи прислужницу ея Полуектову, которая будто-бы посылала поясъ Княгини къ какой-то ворожеѣ. Іоаннъ не хотѣлъ разыскивать, и только велѣлъ Полуектовой и мужу ея удалиться отъ Двора (428). Въ 1469 году, неожиданно пріѣхалъ изъ Италіи нѣкто Грекъ Юрій; съ нимъ прибыли два Италіянца, Карлъ и Антоній, братья одного Итальянскаго художника, издавна поселившагося въ Москвѣ, и извѣстнаго подъ именемъ Ивана *Фрязина.* Сей художникъ, пользовавшійся милостью Іоанна, извѣстилъ его о письмѣ отъ Папы, которое привезъ Юрій: Папа предлагалъ Русскому Великому Князю невѣсту, дочь послѣдняго Палеолога, увѣряя, что Софія отвергла уже многихъ жениховъ, не желая измѣнить своей православной вѣрѣ. Извѣстіе казалось важнымъ; но Іоаннъ хотѣлъ еще удостовѣриться въ красотѣ и достоинствахъ невѣсты. Ивана Фрязина назвали Посломъ и отправили въ Италію. Папа Павелъ II-й принялъ его съ почестью, и Фрязинъ, возвратясь въ Москву, представилъ «икону, на которой написана была Царевна.» Тогда Іоаннъ

---

(428) Стр. лѣт. т. II, стр. 91.

созвалъ Совѣтъ Святителей и Бояръ. Всѣ были рады; говорили, что Богъ посылаетъ Іоанну знаменитую невѣсту, отрасль корени отъ Кесаря Августа. Въ Январѣ 1472 года, Фрязинъ снова отправился въ Италію, уже съ требованіемъ руки Софіиной, съ подарками Папѣ, и съ большою свитою. Павелъ II-й между тѣмъ скончался; преемникъ его, Сикстъ IV-й, созвалъ Соборъ, гдѣ прежде всего изъявлено было сомнѣніе о томъ: Христіанинъ-ли Русскій Князь? Согласились, что онъ, хотя и не прямой, однакожъ Христіанинъ, ибо Послы Русскіе были на Флорентійскомъ Соборѣ. Въ тайныхъ переговорахъ, Фрязина спрашивали: согласенъ-ли будетъ Іоаннъ принять Флорентійское соединеніе; можетъ-ли онъ побудить Орду идти на Турковъ; станетъ-ли самъ помогать въ крестовомъ походѣ на нихъ? Фрязинъ отвѣчалъ, что Іоаннъ готовъ признать соединеніе Церквей и власть Папы; что побужденіе Орды на войну опасно и невозможно; но несомнительно, что Іоаннъ готовъ сражаться съ невѣрными, и одной безчисленной силы Рускихъ достаточно будетъ смирить Турковъ. Удовлетворивъ льстивыми словами честолюбивымъ надеждамъ Латинскаго первосвященника, хитрый Посолъ получилъ согласіе Папы, самой невѣсты, братьевъ ея, и 1-го Іюня 1472 г. совершено было обрученіе въ старой церкви Св.

Петра. Іюня 24-го Софія выѣхала изъ Рима. Ее сопровождали Легатъ Папскій, Послы ея братьевъ и многіе Греки; 24 Сентября, изъ Любека, моремъ, Софія прибыла въ Ревель, и встрѣчена была великолѣпно Рыцарями. На границѣ Псковской ее ожидали Посадники, Бояре Псковскіе, привѣтствовали съ кубками въ рукахъ, и ударили ей челомъ; по дорогѣ до Москвы, всюду встрѣчи и челобитья означали поѣздку будущей повелительницы Руси. Только въ Москвѣ встрѣтилось затрудненіе важное. Долго думали о томъ: должно-ли Легату Римскому отдавать почести, какъ знаменитой духовной особѣ, и позволить-ли ему везти передъ собою *Латинскій крыжъ,* который до Москвы везли передъ нимъ въ открытыхъ саняхъ? «Нѣтъ!» говорилъ Митрополитъ—«не должно, и если вы окажете почесть крыжу и Латинской ереси, то пусть Легатъ Римскій въѣдетъ въ одни ворота Москвы—я, духовный отецъ вашъ, выѣду въ другія!» Бояринъ посланъ былъ къ Легату, взялъ крыжъ, спряталъ его въ сани, и объявилъ Легату, что онъ долженъ явиться въ Москву не какъ важная духовная особа, но просто, какъ посланникъ Папы. Легатъ спорилъ; дѣлать было нечего — онъ согласился, хотя и видѣлъ, что все, въ чемъ увѣряли ихъ въ Римѣ, была одна только хитрость. Онъ не смѣлъ говорить о соединеніи Церквей и о кре-

стовомъ походѣ, ибо ему сказали рѣшительно, что Русскіе Богословы легко могутъ доказать ему заблужденіе Латиновъ, а второе зависитъ отъ обстоятельствъ, и будетъ обдумано впослѣдствіи. Легатъ вручилъ громкую грамату Папы Іоанну, и удовольствовался ласкою и подарками. Ноября 12-го, Софія прибыла въ Москву; въ тотъ-же день великолѣпно совершена была свадьба, по всѣмъ обрядамъ Православной Церкви, ибо Софія, съ самаго пріѣзда въ Русь, объявила себя ревностною поборницею православія, и гордо обходилась съ своими спутниками, какъ будущая супруга сильнаго Монарха. Легатъ возвратился въ Римъ, и извѣстилъ Папу, что Софія обманула всѣ ихъ ожиданія, и новая попытка обратить къ покорности Сѣверныхъ варваровъ оказалась неудачною. Съ обѣихъ сторонъ, вскорѣ забыли о соединеніи Флорентійскомъ и о крестовыхъ походахъ на Оттомановъ (429).

---

(429) Западныя извѣстія о супружествѣ Іоанна и Софіи, у Райнальда, Ann. Eccl. 1470, 1471 гг.—Русскія извѣстія говорятъ, что Легата оспорили въ Москвѣ Русскіе духовные сановники, и что онъ отозвался наконецъ отъ спора неимѣніемъ книгъ. Настоящее имя Софіи было *Зенаида*. См. *Лѣтоп. Стр., Костр., Львова* (т. III, стр. 29). Отдѣльное, подробное описаніе пріѣзда Софіи въ Русь, и переговоровъ по сему случаю, въ *Прод. Вивліоѳики*, т. III, стр. 48—66.

Укротивъ Казань, покоривъ Новгородъ, помѣрявшись силами съ Ордою, Іоаннъ не переставалъ обращать вниманіе на Казиміра и Монголовъ. Ни слова не было говорено съ Королемъ Польскимъ о томъ, что Новгородъ покорялся ему, и что Іоаннъ успѣлъ отнять у Польши сію богатую добычу; также и о томъ, что нашествіе Ордынцевъ было слѣдствіемъ происковъ Казиміра. Съ обѣихъ сторонъ соблюдали миръ, старались прекратить прямые поводы къ войнѣ, пересылали посланниковъ; но что у Казиміра было слѣдствіемъ безпечности, и того, что онъ былъ занятъ совсѣмъ другими дѣлами въ Польшѣ, то у Іоанна оказалось дѣломъ политики дальновидной (430). Онъ вскорѣ успѣлъ пріобрѣсть себѣ неутомимаго, вѣрнаго союзника, поставилъ его гибельнымъ врагомъ Польши, сдѣлавъ въ тоже время губителемъ Золотой Орды, и съ надеждою побѣды могъ уже осмѣлиться на униженіе государства Витовтова и Ягеллова. Сей новый союзникъ Іоанна былъ *Крымскій Ханъ Менгли-Гирей*.

---

(430) Карамзинъ, т. VI, прим. 118, 119. Въ 1473 г. доходило до битвъ между Рускими и Литовцами, при чемъ Руские ограбили Любутскъ, а Литовцы убили въ сраженіи Князя Симеона Одоевскаго.

Хаджи-Гирей, почищаемый родоначальникомъ Крымскихъ Хановъ, умеръ вскорѣ послѣ битвы своей съ Ахматомъ въ 1465 году. Послѣ него осталось шесть, или восемь сыновей. Старшій, *Нордулатъ*, занялъ мѣсто отца, и былъ низвергнутъ среднимъ братомъ своимъ *Менгли-Гиреемъ*. Нордулатъ бѣжалъ въ Литву, и искалъ покровительства Казиміра, который поступилъ чрезвычайно неосторожно: обласкалъ Нордулата и обѣщалъ ему помощь. Отсюда начало вражды Менгли-Гирея противъ Польши. Іоаннъ свѣдалъ о событіяхъ въ Крыму, и началъ искать дружбы новаго Хана. Жидъ Хозя-Кокосъ былъ первымъ посредникомъ между имъ и Крымомъ. Менгли-Гирей радъ былъ дружбѣ Іоанна, и прислалъ къ нему грамату съ шуриномъ Кокоса; Іоаннъ немедленно отвѣтствовалъ, съ толмачемъ Иванчею, и Ази-Баба, Посолъ Менгли-Гирея, въ 1473 г. въ Москвѣ утвердилъ первый дружескій, оборонительный договоръ съ Крымомъ. Бояринъ Беклемишевъ поѣхалъ въ Крымъ съ соболями для подарковъ Хану и его вельможамъ, условился о ежегодныхъ *поминкахъ* или подаркахъ, но не могъ уговорить Менгли-Гирея на войну противъ Польши; Ханъ согласился на войну только противъ общаго врага Руси и Крыма — *Золотой Орды*. Беклемишевъ возвратился съ новымъ Посломъ Ханскимъ, и съ слѣдующею клятвенною записью:

«Вышняго Бога волею, я Царь Менгли-Гирей взялъ любовь, браттство и вѣчный миръ съ братомъ своимъ Великимъ Княземъ Иваномъ. Отъ дѣтей и на внучатъ быть намъ вездѣ за одинъ, другу другомъ, недругу недругомъ. Мнѣ Менгли-Гирею твоей земли, и тѣхъ Князей, которые на тебя смотрятъ, не воевать, ни моимъ Уланамъ, ни Князьямъ, ни *Казакамъ*; а безъ нашего вѣданія повоюютъ, намъ ихъ казнить, а взятое и головы людскія безъ окупа отдать. Пошлинъ между нами никакихъ нѣтъ, и послы наши ходятъ безъ пошлинъ. Во всемъ томъ, я Менгли-Гирей, съ моими Уланами и съ Князьями тебѣ брату Ивану, молвя крѣпкое слово, клятву (шерть) далъ, жить по сему ярлыку.»

Іоаннъ отправилъ въ Крымъ Боярина Старкова, съ новыми подарками и подробными наставленіями. Льстя самолюбію Менгли-Гирея, онъ правилъ ему *челобитья*, называлъ его *Царемъ*, хотя Ханъ писалъ къ нему только *поклонъ*, и иногда: *много, много поклонъ*, называя его *Великимъ Княземъ* (431).

---

(431) *Дѣла Крымскія*, въ Архивѣ Колл. Иностр. дѣлъ (Карамзинъ, т. VI, прим. 122, 124). О началѣ Крымской Орды, см. выше, стр. 336. Г-нъ Шар-

Но дружески сносясь съ Менгли-Гиреемъ, Іоаннъ думалъ и о другомъ. Онъ принялъ къ себѣ Казанскаго Царевича Муртозу, и далъ ему во владѣніе Новгородъ Рязанскій; принялъ также и врага Менгли-Гиреева Зенебека, увѣривъ Менгли-Гирея, что дѣлаетъ это для его безопасности. Іоаннъ не прекращалъ сношеній и съ Золотою Ордою, даже изъявлялъ покорность Хану сей Орды. Ему хотѣлось уничтожить Татарское подворье въ Кремлѣ, гдѣ живали пріѣзжавшіе въ Москву Послы Ордынскіе: Софія писала *отъ себя* къ женѣ Ханской, послала ей подарки, увѣряла, что какой-то чудесный сонъ видѣлся ей, вслѣдствіе котораго надобно выстроить на семъ мѣстѣ церковь. Ханъ согласился. На мѣстѣ подворья выстроили церковь Николая *Гостунскаго* (432). Послы въ Крымъ должны были дарить и ласкать Хозю-Кокоса, и переговаривать съ Мангупскимъ Княземъ, который вызвался отдать дочь свою за сына Іоаннова. «Бояринъ Никита дѣвку видѣлъ,» писалъ Іоаннъ, въ наставленіи Посламъ,

---

муа (въ своей брошюркѣ: Sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'Hist. de Russie) называетъ Менгли-Гирея *Менгели* (Mènguély), брата его Айдара, *Гайдеръ* (Haïdèr).

(432) Герберштейнъ, R. M. стр. 8.

«только надобно узнать: велика-ли взятка за дѣвкою, на сколько тысячь золотыхъ.» Въ 1474 г. въ Золотой Ордѣ находился Посломъ Басенковъ; отъ Хана былъ въ Москвѣ Посолъ Карачукъ, съ большимъ табуномъ продажныхъ лошадей (433).

Предосторожности Іоанновы вскорѣ оправдались. Братъ Менгли-Гирея, Айдаръ, напалъ на него нечаянно, и заставилъ его бѣжать; Менгли-Гирей укрылся у Генуэзцевъ въ Кафѣ; и вскорѣ попалъ въ плѣнъ къ Султану. Призванный врагами Генуи, Турецкій флотъ осадилъ Кафу (въ 1475 г.), взялъ ее, и жители Кафинскіе, а вмѣстѣ съ ними и Менгли-Гирей, увезены были въ Царьградъ (434). Это послужило однакожь къ счастью бѣднаго Хана: Султанъ полюбилъ его, велѣлъ ему признать власть Оттоманскую, и отправилъ его снова владѣть Крымомъ. Но бѣдствія Менгли-Гирея еще

---

(433) *Мангупъ*, далѣе за Бахчисараемъ на югъ, въ Крыму (см. *Пут. по Тавридѣ*, И. М. Мур. Апост., стр. 182). Князя Мангупскаго Руские звали *Исайкою*. О переговорахъ Іоанна, *Крымскія дѣла* (Кар. т. VI, прим. 125).

(434) *Архивск. Лѣт.* (Кар. т. VI, прим. 127); Пут. по Тавридѣ, стр. 238.

не кончились. Ахматъ уже ждалъ его съ своими Ордами, вступилъ въ Крымъ, и принудилъ Крымцевъ избрать въ Ханы Зенебека — можетъ быть, нарочно отпущеннаго изъ Москвы въ это время Іоанномъ. По крайней мѣрѣ Зенебекъ, будучи Ханомъ Крымскимъ, смиренно относился къ Іоанну, какъ къ благодѣтелю своему, и чувствуя непрочность своего владычества, просилъ дать ему пристанище въ Руси, если онъ лишится Ханства. Іоаннъ послалъ возобновить съ нимъ союзъ, заключенный при Менгли-Гиреѣ, (только *безъ пошлинъ*) и велѣлъ сказать Зенебеку: «Я былъ тебѣ другомъ, когда ты скитался бездомнымъ *Казакомъ*, и спрашивалъ меня: дамъ-ли я мѣсто отдохнуть коню твоему, если онъ утрудится ѣздя по полямъ; буду другомъ твоимъ всегда.» — «Ты видишь власть мою» — говорилъ Іоанну Ахматъ, черезъ Посла своего, послѣ завоеванія Крыма, «видишь, что я все дѣлаю, что захочу. Не надѣйся на Крымъ; иди и преклонись предо мною въ Ордѣ моей!» Іоаннъ не оказалъ гнѣва за гордыя слова, отвѣчалъ ласково, отправилъ Посла хитрить съ Ахматомъ, и вскорѣ перемѣна обстоятельствъ дала Іоанну средства совершить предпріятіе важное. Менгли-Гирей изгналъ Зенебека, снова овладѣлъ Крымомъ, и извѣстилъ объ этомъ Іоанна. Зенебекъ бѣжалъ въ Русь; Іоаннъ умѣлъ

переманить къ себѣ изъ Литвы Нордулата и Айдара, держалъ ихъ въ почетномъ плѣну, и спѣшилъ хвалиться этимъ передъ Менгли-Гиреемъ. «Держу, берегу враговъ твоихъ, и ты безопасенъ; заключимъ-же договоръ, какъ старые друзья: ты воюй Литву и отвлеки Казиміра, а я управлюсь съ Ахматомъ, злодѣемъ твоимъ.» Менгли-Гирей соглашался на все, клялся въ этомъ Послу Іоаннову, Боярину Звенцу, и тайно принялъ отъ него особенную грамату, съ золотою печатью: сею граматою Іоаннъ обѣщалъ, если Менгли-Гирей опять утратитъ Крымъ, принять его къ себѣ, какъ друга, и способствовать ему снова завоевать Крымъ (435).

---

(435) Крымскія дѣла (Карамз. т. VI, прим. 130, 135, 207). Примѣры договоровъ Менгли-Гирея съ Іоанномъ, въ *Ист. Росс.* Щербатова, т. VI, ч. III, стр. 148. Ссылаясь на Исторію Риза-Эффенди, изд. въ Казани, въ 1832 г., Г-нъ Шармуа говоритъ, что не Айдаръ, а *Нури-Девлетъ* низвергъ Менгли-Гирея. Но не смѣшано-ли здѣсь низверженіе *Нордулата* братомъ его, съ изгнаніемъ Менгли-Гирея Ханомъ Ахматомъ, ибо Риза называетъ Нури-Девлета *братомъ Ахмата?* Такъ Риза явно ошибается, приписывая погибель Ахмата (въ 1480 г.) Менгли-Гирею. Этому противорѣчатъ дипломатическія сношенія Іоанна съ Крымомъ и Ногаями, и имъ должно вѣрить болѣе, нежели напыщенной Лѣтописи Риза-Эффенди.

Настало рѣшительное время. Судьба Золотой Орды положена была на вѣсы судебъ. Послы Ахматовы горделиво явились въ Москвѣ; Іоаннъ изорвалъ *Басму* Ханскую, прогналъ ихъ съ безчестіемъ, и велѣлъ сказать Ахмату, чтобы онъ не смѣлъ посылать къ нему никого (436). Ахматъ изумился, не помнилъ себя отъ ярости, велѣлъ сбирать войско, клялся не оставить слѣдовъ Іоанна, переслался съ Литвою, и въ 1480-мъ году собралъ все, что могъ собрать, оставивъ беззащитными свои Волжскіе улусы. Казиміръ обѣщалъ помогать Ахмату; лѣтомъ Ахматъ выступилъ съ береговъ Волги — наказать дерзкаго Князя Московскаго.

Тогда открылась вся дѣятельность ума Іо-

(436) Что такое: *басма?* « Изображеніе Хана, » по словамъ Карамзина, отъ слова: *басмакъ*, значащаго *тисненіе*, *изображеніе*, *снимокъ*; но не *грамата*, и не *печать*, ибо первая называлась *ярлыкъ*, а вторая *нишанъ*. Не повторяемъ сказки Хилкова, будто Великіе Князья должны были встрѣчать Пословъ Хана тамъ, гдѣ нынѣ въ Москвѣ церковь *Спаса на Болвановкѣ*, получившая будто-бы имя отъ того, что на этомъ мѣстѣ, при встрѣчѣ Пословъ, кланялись *болвану* Ханскому, привозимому изъ Орды (Кар. т. II, прим. 131 и 208).—Слово: *басма*, сохранилось въ наименованіи *Басманной* улицы въ Москвѣ. Извѣстна также фамилія *Басмановыхъ*.

аннова и обширная его политика. Крымъ закипѣлъ ратниками; сильныя толпы Менгли-Гиреевы ворвались въ Подолію. Казиміру нѣкогда уже было послѣ сего помогать Ахмату. Нордулатъ, съ Русскими и Татарскими дружинами, и съ воеводою Ноздроватымъ, поплылъ по Волгѣ опустошать Ахматовы улусы. Объемля всѣ возможные способы дѣйствій, еще прежде, въ 1474 году, Іоаннъ отправилъ Посла своего даже къ Шаху Персидскому, убѣждая его помогать въ войнѣ противъ Волжской Орды. Тѣмъ ревностнѣе сносился Іоаннъ съ Ордами Ногайскими, потомками Эдигеева Заяицкаго царства, ненавидѣвшими Ахмата. Ногаи выступили немедленно, когда узнали о походѣ Хана Золотой Орды.

Такъ глубоко сообразилъ Іоаннъ свои предпріятія, хотя и былъ увѣренъ, что однѣхъ собственныхъ его силъ достанетъ управиться съ Ордою. Ахматъ велъ однакожъ на Москву сильныя полчища. Надобно было противопоставить имъ силу. Іоаннъ не хотѣлъ ничего дѣлать на удачу, даже давать открытой битвы безъ предварительной увѣренности въ успѣхѣ. Онъ умѣлъ возбудить въ своихъ подданныхъ горячую ревность воинскую. Юный сынъ его, воеводы, войско, жители Москвы думали, что настало время Донскаго, и, какъ тогда, только храбрость и счастіе должны рѣшить борьбу; они

видѣли въ походѣ Ахматовомъ нашествіе, подобное Мамаеву. Всѣ горѣли нетерпѣніемъ лечь костьми за православную вѣру, и всѣхъ ревностнѣе дѣйствовало Духовенство, не щадя пособій, словъ, молитвъ; оно благословляло, убѣждало идти сражаться съ погаными. Іоаннъ не выводилъ никого изъ заблужденія, думалъ иначе, но соглашался со всѣми. Іюня 8-го сынъ его выступилъ къ Серпухову; другіе воеводы заняли все теченіе Оки до впаденія въ нее рѣки Угры. Іоаннъ выѣхалъ изъ Москвы 23-го Іюля, и остановился въ Коломнѣ. Нетерпѣливо ждали въ Москвѣ извѣстія о побѣдѣ, о битвѣ великой; но время проходило; Руские стояли по Окѣ и Угрѣ неподвижно, и—къ ужасу, къ изумленію Москвичей, Іоаннъ вдругъ возвратился въ Москву, велѣлъ сжечь посады Московскіе, послалъ охранительныя дружины въ Переяславль, въ Дмитровъ, даже звалъ къ себѣ въ Москву сына своего и Князя Даніила Холмскаго, знаменитѣйшаго изъ воеводъ. Уже и то не нравилось никому, что супруга и другіе дѣти Іоанна были отправлены въ дальній сѣверъ, и Софія, боясь неудачи въ битвахъ, поспѣшно ѣхала далѣе и далѣе, говоря, что поѣдетъ до самаго моря Окіяна. Новыя распоряженія Іоанновы показывали, что онъ ждетъ набѣга Монголовъ на Москву и готовится къ осадѣ, слѣдственно: не надѣет-

ся устоять! «Государь оставляетъ войско, робѣетъ, не щадитъ насъ, спасаетъ только себя и дѣтей, не смѣетъ стать противъ врага!» Такъ кричали Москвитяне. Іоаннъ далъ имъ волю говорить; не поѣхалъ въ Кремль, остановился въ Красномъ селѣ, сказалъ, что пріѣхалъ въ Москву видѣться съ матерью, и посовѣтоваться съ Святителями и Боярами. «Нечего намъ совѣтовать — надобно сражаться!» отвѣчали ему всѣ. Горячѣе другихъ спорилъ Вассіанъ, Архіепископъ Ростовскій. Онъ называлъ Іоанна *бѣгуномъ*, и грозилъ, что на него падетъ кровь, какую прольютъ Татары. «Неужели смерти боишься?» восклицалъ Вассіанъ; — «но человѣкъ не безсмертенъ, и рока своего не прейдетъ ни человѣкъ, ни звѣрь, ни птица! Я старъ и дряхлъ, но дай мнѣ войска твои—я пойду, устыжу тебя, не отвращу лица моего отъ враговъ!» Негодуя на Іоанна, народъ кричалъ, что въ казну сбирали съ нихъ на дань Татарскую, какъ прежде; но Великій Князь корыстовался этимъ, не платилъ дани, разгнѣвалъ Царя, и теперь робѣетъ и бѣгаетъ отъ него. Всѣ хвалили поступокъ Холмскаго, который смѣло отвѣчалъ Іоанну на призывъ его въ Москву: «Волей нейду отъ войска!» Пылкій юноша, сынъ Іоанна, также велѣлъ сказать отцу: «Лучше умру здѣсь, но въ Москву не поѣду!» Между тѣмъ Іоаннъ

спокойно распорядился въ Москвѣ, кончилъ опасную ссору съ братьями Андреемъ старшимъ и Борисомъ, и 3-го Октября снова отправился изъ Москвы, прямо на берега Угры.

Туда, еще съ лѣта, придвинулись всѣ силы Ахмата; но узнавъ, что берега Оки заняты Русскимъ войскомъ, Ахматъ двигался далѣе къ западу отъ Оки къ Угрѣ, вошелъ наконецъ во владѣнія Литовскія, звалъ Казиміра, не смѣлъ переправляться ни черезъ Оку, ни черезъ Угру, и бездѣйствовалъ. Лѣто прошло, наступила осень; Монголы обносились, были голодны, терпѣли отъ холода; Октября 8-го они начинали битву, пуская черезъ Угру стрѣлы; имъ отвѣтствовали изъ пищалей, и Ахматъ прекратилъ дѣйствія, опять остановился, велѣлъ собирать припасы. Іоаннъ пріѣхалъ въ это время къ войску, и, не уважая негодованія общаго, началъ переговоры съ Ханомъ, сталъ просить у него мира, длить время. «Пусть придетъ онъ самъ,» говорилъ Ахматъ, ободрясь, возгордясь снова, и думая, что Іоаннъ въ самомъ дѣлѣ испугался — «пусть станетъ у моего стремени и молитъ о милости!» Іоаннъ не соглашался; Ахматъ становился сговорчивѣе; упрекалъ, что уже *девять лѣтъ* не платятъ ему дани, соглашался на миръ,

если отдадутъ ее за всѣ сіи годы, и хотя не самъ Іоаннъ, но сынъ его придетъ поклониться, или братъ, даже какой нибудь знатный вельможа — соглашался наконецъ, чтобы прислали къ нему Басенкова, который улещалъ его посулами въ 1475 году. Іоаннъ прекратилъ переговоры и замолчалъ. Ахматъ еще разъ хотѣлъ пробраться черезъ Оку подъ Опаковымъ Городищемъ; опять Монголовъ отбили. Октябрь миновался; морозы усилились; Ахматъ былъ въ отчаяніи, слышалъ, что Крымъ раззоряетъ Литву, и Казиміру не до помощи. Онъ самъ началъ трепетать каждаго движенія Русскихъ дружинъ, помышлялъ о походѣ обратномъ, но еще медлилъ въ нерѣшительности.

Извѣстія о предложеніи мира и покорности Монголамъ привели Москву въ ужасное негодованіе. Духовенство отправило къ Іоанну Пословъ. Вассіанъ написалъ длинное посланіе, заклиналъ не слушаться совѣта лукавыхъ льстецовъ, не страшиться силы Ахматовой, надѣяться на Бога и заступленіе Богоматери и Святыхъ, молилъ Іоанна вспомнить о клятвѣ своей, приводилъ примѣры изъ Русской Исторіи, тексты Священнаго Писанія, даже слова Философа Демокрита, который весьма мудро говаривалъ, что Князю надобно имѣть въ дѣлахъ умъ, противъ непріятелей

храбрость, а къ своей дружинѣ привѣтъ и любовь.

Іоаннъ прочиталъ посланіе, и — приказалъ отступить отъ береговъ Угры, которую многіе называли *поясомъ Богородицы, охраняющимъ землю Русскую*. Угра уже покрылась льдомъ. Іоаннъ велѣлъ сбираться всѣмъ войскамъ къ Боровску, надѣясь, что Ахматъ бросится за отступающими; тамъ, на Боровскихъ равнинахъ, Іоаннъ хотѣлъ сражаться. Но Ахматъ былъ побѣжденъ безъ битвы. Видя поспѣшное отступленіе Рускихъ, онъ боялся, что его заманиваютъ, обходятъ, и — Ноября 7-го поспѣшно бросился отъ береговъ Угры къ западу, не смѣя идти прямо во свояси, ибо онъ получилъ уже вѣсть о раззореніи приволжскихъ улусовъ Нордулатомъ, и движеніи Ногаевъ на Волгу. Нордулатъ достигъ Сарайскихъ обиталищъ Хана, жегъ, грабилъ, полонилъ, не смотря на увѣщанія Монголовъ, говорившихъ ему: «Что ты дѣлаешь! Ты губишь родную мать свою, въ угожденіе Князю Московскому!» Дружины Нордулата благополучно возвратились по Волгѣ, не встрѣтивъ даже никакого сопротивленія. Полчищъ Ахмата не осталось слѣдовъ ни на Окѣ, ни на Угрѣ. Сынъ его Муртоза осмѣлился было на утекѣ напасть на одинъ Русскій отрядъ, и бѣжалъ за отцомъ, слыша, что

противъ него отвсюду двинулись полки Русскіе (437).

Съ торжествомъ воротились дружины Іоанновы; въ благодареніе Богу за походъ 1480 года установили на вѣки совершать крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, въ 23-е Іюня — день выступленія противъ Ахмата. Благодаря Менгли-Гирея за помощь, Іоаннъ извѣщалъ его, съ Посломъ Скрябою, о торжествѣ своемъ и погибели Хана Золотой Орды, общаго ихъ врага. Въ самомъ дѣлѣ, истомленный Іоанномъ, съ голодными, разсѣявшимися на обратномъ походѣ толпами, Ахматъ въ бѣшенствѣ грабилъ Литовскія земли, по которымъ шелъ, и достигнувъ Дона, хотѣлъ зимовать на берегахъ его. Ногаи ждали его тамъ; напали на него ночью, убили самого Ахмата, взяли его женъ, обозъ, дѣтей, и совершенно истребили остальныхъ воиновъ его. «Мнѣ счастье Богъ далъ,» велѣлъ сказать Іоанну, черезъ Посла своего, Ивакъ, Ханъ Шейбанскихъ улусовъ, соединенныхъ съ Ногаями — «я убилъ Темиръ-Кутлуева потомка, и Саинскій столъ его взялъ.» Іоаннъ благода-

(437) Казанскій Лѣт., глава X; Львова Лѣт. т. III, стр. 139 — 173; Стр. Лѣт. т. II, стр. 206 — 221; Арх. Лѣт., стр. 156—157; Тип. стр. 298 — 301, и Костр. Лѣт. т. II, 129—136.

рилъ Ивака, послалъ къ нему, и другимъ Ногаямъ, подарки, и началъ съ ними дружескія сношенія (438).

Современники не поняли мудрой, изумительной политики Іоанна; не видали битвъ, и думали, что Іоаннъ явно робѣлъ, простоявъ безъ дѣйствія все лѣто и осень, и не думая сражаться. Они называли даже отступленіе Іоанна къ Боровску бѣгствомъ отъ лица враговъ, и жаловались, что супруга Іоаннова не только бѣжала отъ страха Татарскаго, но и не унимала Боярскихъ холопей, сопровождавшихъ ее и обижавшихъ жителей. «Воздай Богъ по дѣламъ всякому, кто какъ дѣлалъ, а видно лучше любимъ мы женъ своихъ, нежели защиту Церкви православной,» говорятъ лѣтописцы. «Кто спасъ насъ отъ погибели? Богъ и Пречистая Богоматерь его, да Угодники Божіи; пишемъ мы сіе *не въ укоръ, но только ради того, что не долженъ никто хвалиться, несмысленный,* и въ безуміи своемъ говоритъ: мы оружіемъ своимъ спасли землю Русскую! Умолкните, безумные; устыдитесь, и воздайте лучше хвалу Богу Спасителю!» Болѣе всѣхъ заслужилъ похвалу со-

---

(438) *Дѣла Ногайскія*, въ Архивѣ Колл. Иностр. дѣлъ (Карамз. т. VI, прим. 243).

временниковъ велеречивый Вассіанъ. Его посланіе списывали, почитая образцомъ краснорѣчія и ревности православной. Потомство судитъ безпристрастнѣе (439).

Дѣйствіями Іоанна на вѣки исчезла Золотая Сарайская Орда. Не взятіемъ Казани при Іоаннѣ Грозномъ, но усмиреніемъ ея въ 1469 году, и походомъ на Угру въ 1480 г. положенъ былъ предѣлъ власти Ордынцевъ—исчезли дани, исчезъ и запустѣлъ Сарай! Остатки Ахматовой Орды удалились, съ сыновьями его, далѣе къ

(439) Посланіе Вассіана помѣщено въ многихъ спискахъ Лѣтописей (см. *Стр.*, *Львов.*); мнѣніе современниковъ о дѣлахъ Іоанна видно изъ Лѣтописей, которыя сказываютъ даже имена *наушниковъ* Іоанновыхъ, совѣтами своими поселявшихъ будто-бы робость въ душѣ его, это были: «Иванъ Васильевичъ Ощера и Григорій Андреевичъ Мамонъ, его-же матерь Князь Иванъ Андреевичъ Можайскій за волшебство сжегъ» (см. выше, стр. 368). — За тѣмъ слѣдуетъ брань и проклятіе на нихъ. Лѣтописи говорятъ о *братьяхъ*, и *сынѣ* Іоанновомъ съ бóльшею похвалою, нежели о немъ самомъ; Софія, за свое бѣгство въ сѣверную Русь, также подвергалась строгому осужденію современниковъ. Удивительно, что Карамзинъ увлекся всѣмъ этимъ, не разгадалъ вполнѣ великаго подвига Іоаннова, расхвалилъ фигурное посланіе Вассіана, и многое представилъ совсѣмъ превратно (слич. *Ист. Г. Р.* т. *VI*, стр. 146—164).

Каспійскому морю, и основались въ Астрахани. Еще нѣсколько лѣтъ дѣти Ахмата назывались *Ордынскими* Ханами, замышляли вредить Крыму, заѣзжали даже за Днѣпръ, скитались по южнымъ областямъ Украйны. Но они были вездѣ преслѣдуемы, истребляемы; утратили потомъ самое названіе Ордынскихъ, принявъ имя *Астраханскихъ Хановъ*. Ногаи разселились по обѣимъ сторонамъ Астрахани, называя кочевья свои отъ Бузулука къ Аральскому озеру *Большими*, отъ Кавказскихъ горъ къ Кубѣ, Манычу, Азовскому и Черному морямъ, *Малыми* Ногаями (440).

(440) Книга большому чертежу, стр. 93 и 229. — Вотъ общее исчисленіе событій, послѣ 1480 г., касательно *остатковъ Золотой Орды*: въ 1485 г., бѣдствуя отъ жестокаго холода и недостатковъ, Муртоза, сынъ Ахмата, нападалъ на Крымъ, былъ разбитъ и полоненъ; въ 1486 г. братъ его, Темиръ, дѣйствовалъ удачнѣе и освободилъ Муртозу; Іоаннъ посылалъ въ это время войско на помощь Крымцамъ. Въ 1487 г. Муртоза отдохнулъ, и вздумалъ горделиво требовать отъ Іоанна выдачи Нордулата, намѣреваясь объявить его Ханомъ Крымскимъ. « Велика-бы и счастна была держава наша до втораго Мугаммедова пришествія, » писалъ тогда Муртоза къ Нордулату, « если-бы предки наши о кости, да о лодыжномъ мозгѣ не поссорились, и за юртъ свой не разбранились;

Но, когда великое дѣло истребленія Ордынцевъ занимало Іоанна, онъ не оставлялъ другихъ великихъ предпріятій. Таковы были: завоеваніе Перми; совершенное уничтоженіе вольности Новгородской; истребленіе удѣловъ. Вездѣ видимъ одинаково осторожное мужество и свѣтлый умъ Іоанна, превышавшій современниковъ, ставившій его выше робкаго мнѣнія и малодушнаго ропота людей, не понимавшихъ дѣлъ и мудрости Іоанновой.

много было между ними лиха и нелюбви, но теперь, да потекутъ молокомъ потоки крови, и да затухнетъ огонь брани нашей отъ воды любви.» За тѣмъ онъ посылалъ Нордулату *тяжелый* поклонъ съ *легкимъ* поминкомъ. Менгли-Гирей такъ испугался сихъ предпріятій Муртозы, что добровольно хотѣлъ отдать Нордулату половину Крыма; Іоаннъ образумилъ Хана своими совѣтами. — Послѣ сего, ежегодно нападали Ордынцы на Крымъ, и въ 1490 г. въ жестокомъ сраженіи, бывшемъ между ними и Крымцами, убитъ другой братъ Муртозы, Эдигей; нападеніе ихъ въ 1491 году отвращено было помощнымъ войскомъ, посланнымъ отъ Іоанна къ Донцу. Во время Литовской войны, 1501 г., Менгли-Гирей упорно преслѣдовалъ Ордынцевъ, двинувшихся на помощь Александру, не велѣлъ даже Крымцамъ своимъ цѣлый годъ заниматься пашнею, гнался за толпами враговъ до устья Тихой Сосны. Онъ просилъ у Іоанна *запасовъ* (оружія) и пушекъ (впрочемъ, только «славы дѣля, имя-бы

На другой годъ послѣ похода на Новгородъ, Іоаннъ отправилъ войско покорить страны Закамскія. Еще въ 1465 г. Устюжане воевали въ Югорской землѣ, брали въ плѣнъ тамошнихъ Князей,

---

твое было»). Ордынцы не смѣли воротиться домой, ибо Ногаи и Казанцы ждали ихъ тамъ, безжалостно раззоряя ихъ улусы. Они бросились къ Рыльску, были прогнаны, и зазимовали близъ устья рѣки Сейма. Здѣсь, осенью, Крымцы выжгли кругомъ ихъ степи; Ордынцы гибли, бѣжали, передавались Рускимъ и Крымцамъ, а весною 1502 г: Менгли-Гирей перерѣзалъ остальныхъ. Имя Золотой Орды съ тѣхъ поръ не поминалось болѣе. «Радуйся добрымъ вѣстямъ,» писалъ Менгли-Гирей къ Іоанну, въ Іюнѣ 1502 года. Любимая жена тогдашняго Хана Ордынскаго, Шихъ-Ахмата, еще зимою бѣжала въ Крымъ. Самъ онъ, съ братьями Хозякомъ и Халекомъ, бросился въ Царьградъ, но Султанъ не пустилъ ихъ въ Турцію, и бѣглецы укрылись въ Литвѣ. Здѣсь они были, то чествимы, какъ Цари, когда надобно было стращать Крымскаго Хана, то заключаемы въ темницы при новомъ дружескомъ договорѣ съ Крымомъ. «Ты вызвалъ меня на битвы,» говорилъ Шихъ-Ахматъ Королю Польскому на Піотрковскомъ Сеймѣ 1504 года, «предалъ врагамъ, и теперь темница удѣлъ мой, когда я пришелъ искать у тебя убѣжища. Есть Богъ, и онъ разсудитъ насъ!» — Шихъ-Ахматъ умеръ въ Ковно, послѣ 1505 года (Карамзинъ, т. VI, стр. 172, 187, 206, 308 и прим. 271, 272, 306, 374, 375, 520—530).

и приводили ихъ подъ власть Іоанна. Походъ 1472 г. произведенъ былъ подъ начальствомъ Князя Пестраго; онъ взялъ Пермскіе города Искоръ, Чердынь, Уросъ, заложилъ крѣпость на рѣкѣ Колвѣ, собралъ дань; Пермскіе Князья челобитствовали Іоанну. Впослѣдствіи, походы Князя Θеодора Курбскаго (въ 1483 г.) и Князя Симеона Курбскаго (въ 1499 г.) подчинили Іоанну самые отдаленные народы Сибирскаго сѣвера, дотолѣ извѣстные по баснословнымъ разсказамъ. Высокій *Каменный поясъ* не защитилъ дикарей, богатыхъ мѣхами и драгоцѣнными металлами. Современники едва вѣрили повѣствованіямъ бывшихъ въ походѣ, когда они говорили о чудныхъ людяхъ, которые заселяютъ далекую Югрію, ѣздятъ на оленяхъ и собакахъ, живутъ за такими высокими горами, что вершины сихъ горъ скрываются въ облакахъ, а вокругъ ихъ пустыни простираются на многія тысячи верстъ (441).

---

(441) О походѣ 1465 г. *Арханг. Лѣт.*, стр. 141, говоритъ: ходили охотники (хотячіе люди) съ Устюжаниномъ Скрябою. Походъ 1472 г. былъ «за неисправленіе» Пермяковъ, и Князь Пестрый захватилъ и прислалъ тогда въ Москву «грубниковъ.» Изъ нихъ, крещеный Князекъ Михаилъ былъ отпущенъ обратно

Послѣ событій 1471 года, только безразсудное ослѣпленіе могло еще заставить думать, что Іоаннъ не былъ истиннымъ властителемъ вѣча вольнаго Новгорода, и только отчаяніе могло внушить мысль: еще защищаться силою противъ Москвы. Съ горделивою увѣренностью во всемъ этомъ, Іоаннъ объявилъ въ 1475 году, что ѣдетъ въ Новгородъ *исправить*

(Стр. Лѣт. II, 133; Карамз. т. VI, прим. 73). Добычу при семъ походѣ Рускихъ составляли соболи, *Нѣмецкія сукна*, разное оружіе. Сравн. еще Изслѣдованія Лерберга объ Югріи (стр. 10 и слѣд.) и походѣ 1483 года. Въ знакъ подданства, Пермскіе Князьки пили тогда воду съ золота, но, не смотря на то, худо служили Іоанну и не брегли о Христіанской вѣрѣ, такъ, что Митрополитъ Симонъ жестоко укорялъ ихъ въ этомъ (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 73). Знаменитый походъ Князя С. Курбскаго былъ записанъ въ Разрядѣ. «Камени (горъ) въ облакахъ не видишь, а коли вѣтрено, ино облака раздираетъ; а длина его отъ моря до моря» (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 462). Герберштеинъ лично зналъ С. Курбскаго въ Москвѣ, и слышалъ отъ него подробности (R. M. стр. 61). Черезъ великое пространство Рускіе шли на лыжахъ, и доходили въ сѣверо-востокъ далѣе *Ляпина городка*, въ нынѣшнемъ Березовскомъ уѣздѣ. Съ 1505 года Пермскими землями управляли Намѣстники Московскіе; первымъ изъ нихъ былъ Князь Коверъ (*Арханг. Лѣт.* стр. 177).

судъ и правду. Судъ его былъ понятенъ: желая привязать сердца Новгородцевъ, онъ не щадилъ сильныхъ, привыкшихъ не внимать голосу народному и обижать простолюдиновъ безнаказанно. Сильныхъ людей хотѣлъ онъ уничтожить, и могъ-ли не найдти вины, если только хотѣлъ находить ее! Съ самаго Торжка, куда Іоаннъ прибылъ Ноября 1 дня, начался судъ его, начались и торжественныя встрѣчи. Знатнѣйшіе сановники выѣзжали бить челомъ Іоанну; путешествіе его отъ Торжка продолжалось три недѣли; за 90 верстъ отъ Новгорода, въ Рыдинѣ, на рѣкѣ Холовѣ, встрѣтили Іоанна Владыка Ѳеофилъ, Князь Шуйскій-Гребенка, Посадники, Тысяцкіе, Архимандриты; поднесли ему дары — вино, мѣха. Іоаннъ казался милостивымъ, но былъ мраченъ, ласкалъ и грозилъ. Онъ прожилъ нѣсколько дней на Городищѣ, гдѣ шумною толпою стекались къ нему всѣ Новгородцы, и пировали у него Новгородскіе сановники. Ноября 23-го въѣхалъ Іоаннъ въ Новгородъ, встрѣченный съ крестами и иконами, *благочинно* и *умильно* слушалъ литургію въ соборномъ храмѣ Св. Софіи, угощалъ Владыку, и Ноября 26-го стали передъ нимъ на судъ обиженные—бѣдные Новгородцы, и обидчики—знатнѣйшіе Новгородскіе чиновники и Бояре. Іоаннъ гнѣвно обвинилъ перваго Новгородскаго Посадника Василія Ананьина;

потомъ сына Мареы Борецкой Феодора; наконецъ Богдана Есипова и Ивана Лошинскаго. Ихъ взяли и заковали въ цѣпи. Взяли и другихъ, но Іоаннъ отпустилъ ихъ на поруки и окупъ. Онъ прогналъ отъ лица своего Новгородца Ивана Аѳанасьева и сына его, сказавъ: «Знаю, что вы хотѣли опять отдаться Королю!» Иванъ затрепеталъ и вышелъ; его немедленно посадили подъ стражу. На другой день Владыка и Посадники осмѣлились просить, чтобы Іоаннъ смиловался, позволилъ взять Ананьина, Борецкаго и другихъ на поруки. «Можете-ли просить, ты, богомолецъ нашъ, и вы, отчина моя, Новгородцы! за сихъ злодѣевъ?» воскликнулъ Іоаннъ. «Не отъ нихъ-ли было и есть все лихо, и не за то-ли велите вы мнѣ жаловать ихъ!» Въ тотъ-же день несчастныхъ плѣнниковъ отправили въ Москву; за то Іоаннъ простилъ всѣхъ остальныхъ, прекратилъ судъ, объявилъ милость, и съ 6-го Декабря цѣлый мѣсяцъ продолжались обѣды, пиры, иногда до глубокой ночи, у Владыки, Князя Шуйскаго, богатѣйшихъ Новгородцевъ, и у самого Іоанна; ему подносили дары на каждомъ пирѣ—сукно, камни, рыбьи зубы, кречетовъ, коней, золотую посуду, деньги. Новгородъ особо ударилъ ему челомъ тысячью рублями. Посолъ Шведскій нарочно пріѣзжалъ въ это время возобновить миръ, коему истекъ срокъ. Словомъ:

Іоаннъ дѣйствовалъ, какъ самовластный повелитель; установилъ сроки, когда должны пріѣзжать къ нему въ Москву для рѣшенія суднаго, безъ различія званій. Владыка Ѳеофилъ явился первый въ Москву въ Мартѣ 1476 г., просить объ освобожденіи Ананьина, Лошинскаго, Ѳеодора Борецкаго и другихъ. Іоаннъ угостилъ Владыку и пріѣхавшихъ съ нимъ Новгородцевъ, но въ просьбѣ отказалъ безъ возврата. Печально возвратились Новгородцы во свояси. Ѳеодоръ Борецкій не перенесъ горя: онъ постригся въ Муромѣ, и умеръ тамъ въ Маѣ 1476 года (442).

Самовластіе Іоанна производило на Новгородцевъ различныя впечатлѣнія: одни, находя въ немъ выгоды, превозносили Великаго Князя; другіе негодовали, порицали его, думали, что онъ нарушаетъ законы и права Новгородскіе, клятвы и обѣщанія свои. «Этого не бывало отъ вѣка; что дѣлаетъ Іоаннъ, того не дѣлывалъ ни одинъ Великій Князь, какъ они учали быть отъ Рурика и Владиміра!» говорили Новгородцы, все еще называя себя *вольнымъ*

---

(442) Карамз. т. VI, прим. 138 — 146; Стр. Лѣт. т. II, стр. 164 — 173.

городомъ, слыша звонъ вѣчеваго колокола, и собираясь на шумное народное судилище. Въ понятіи о волѣ Новгородской сливались еще мысли всѣхъ, какъ ни разнили Новгородцевъ во всемъ другомъ выгоды, разсчеты и частныя отношенія. Надобно было сдѣлать послѣдній шагъ—разрушить самую мечту о волѣ Новгородской. Іоаннъ рѣшилъ думу свою, и исполнилъ ее въ 1477 году, исполнилъ сурово, не изъявивъ никакого милосердія и состраданія къ покорности Новгородцевъ — трогательной жертвы политики, тяжкой, можетъ быть, сердцу самого Іоанна, но необходимой.

Зимою 1477 года пріѣхало въ Москву множество Новгородцевъ, требовать суда и расправы. Посадники и монахини, бояре и поселяне, иные жаловаться, иные отвѣчать на жалобы предстали предъ Іоанна. Въ Мартѣ явились наконецъ Назарій, Подвойскій, и Захарія, Дьякъ вѣча, и при множествѣ свидѣтелей ударивъ Іоанну челомъ, объявили, что *Новгородъ Великій молитъ его* быть не *Господиномъ*, но *Государемъ* своимъ. Требованіе было неопредѣленно; но Іоаннъ, какъ будто незная чего точно хотятъ Новгородцы, согласился на моленіе отчины своей, и послалъ двухъ Бояръ и Дьяка *покрѣпить* свою милость, и узнать подробно: какого *государства* хочетъ отъ него Новгородъ? Послы яви-

лись на вѣчѣ, и казались изумленными, когда согласный голосъ Новгородцевъ объявилъ Назарія и Захарію лжецами, и всѣ закричали, что никогда Новгородъ ихъ не посылалъ, о государствѣ Іоанна не просилъ, и хочетъ остаться при своихъ прежнихъ правахъ. Послы совѣтовали Новгородцамъ одуматься, не раздражать Государя, размыслить. Весь Май мѣсяцъ прошелъ въ шумныхъ волненіяхъ, крамолѣ и спорахъ. Мая 31 дошло до того, что на вѣче приволокли Новгородца Василія Никифорова, по оговору Посадника Овина, и убили его. Напрасно Никифоровъ клялся, что никогда не измѣнялъ вольному городу и не наводилъ Іоанна на Государя своего Великій Новгородъ, и на братію свою Новгородцевъ. Черезъ нѣсколько дней, въ шумномъ спорѣ на дворѣ Архіепископа, былъ убитъ Посадникъ Овинъ съ братомъ своимъ. Смятеніе сдѣлалось неописанное. Сообщники Борецкихъ возстали снова; слышны были голоса о новомъ подданствѣ Казиміру; многіе лучшіе люди бѣжали изъ Новгорода въ Москву; Новгородъ начали укрѣплять; послали за помощью во Псковъ. Но это былъ послѣдній, мгновенный порывъ Новгородской вольности! Вѣче смиренно отвѣчало Іоанну черезъ Пословъ его: « Ты Господинъ нашъ, но не *Государь*. Хотимъ жить съ тобою по договору; суда твоего и Тіуновъ не хотимъ; двора Яро-

славова тебѣ не отдаемъ, и остаемся при старинѣ.» Іоаннъ прослезился о безуміи Новгородцевъ, созвалъ Бояръ, Духовенство, Воеводъ, пригласилъ къ совѣту мать свою, Митрополита, и объявилъ, что Новгородъ обезчестилъ его: присылалъ просить его *Государства*, потомъ отрекся, и оставилъ его во лжецахъ; а теперь на вѣчѣ терзаютъ добрыхъ людей и мыслятъ опять передаться Литвѣ. По власти, отъ Бога мнѣ данной — заключилъ Іоаннъ—я долженъ идти и укротить безуміе, да не взыщетъ съ меня Господь за гибель душъ Христіанскихъ, за попущеніе ихъ скверному Латинству.—Всѣ одобрили думу Іоанна; Митрополитъ благословилъ его; Іоаннъ объявилъ гнѣвъ свой Новгороду, велѣлъ собираться войску, ѣздилъ по монастырямъ, молился, давалъ вклады, и Сентября 30-го послалъ складную грамату въ Новгородъ, гдѣ изъяснялъ свою обиду; Октября 9-го вышелъ изъ Москвы съ войскомъ — казнить войною Новгородъ за его преступленіе.

Новгородъ былъ беззащитенъ. Уже давно прошелъ первый порывъ гнѣва и мужества; начатыя укрѣпленія были оставлены; войско не сбиралось, войны не хотѣли, не смѣли начинать, и только посылали къ Іоанну, умоляя его: позволить пріѣхать къ нему для переговоровъ Владыкѣ и Посламъ. Іоаннъ задержи-

валъ посылаемыхъ, шелъ съ войскомъ многочисленнымъ, съ лучшими воеводами, и Октября 19 остановился въ Торжкѣ, требуя дружинъ отъ Твери и Пскова. Безпрестанно пріѣзжали къ нему между тѣмъ знатные Новгородцы, били челомъ, и вступали въ его службу. Всѣ пути къ Новгороду покрыты были войсками Іоанна. Только ставъ близъ Новгорода, Іоаннъ отпустилъ всѣхъ присланныхъ къ нему отъ вѣча, позволяя пріѣхать Посламъ. Въ тоже время, онъ распорядилъ полки, и послалъ занять окрестности Новгорода, чтобы Новгородцы не выжгли ихъ. Ноября 23-го, въ Сытинѣ, предстали предъ Іоанна Владыка Ѳеофилъ, Посадники, житые люди, купцы, и ударили челомъ. «Господинъ Государь Князь Великій Иванъ Васильевичъ, вся Руси!» говорилъ Ѳеофилъ — «я, богомолецъ твой, Архимандриты, Игумены, Священники всѣхъ седьми соборовъ Новгородскихъ, тебѣ челомъ бьемъ. За что, господинъ, положилъ гнѣвъ на отчину свою Новгородъ? Мечъ и огнь ходятъ по Новгородской землѣ, льется кровь Христіанская — смилуйся пожалуй; уйми мечъ и огнь; отложи гнѣвъ; отпусти людей Новгородскихъ, и взятыхъ тобою Посадниковъ и Бояръ!» Іоаннъ оставилъ Владыку иословъ обѣдать съ собою, не отвѣчалъ имъ ничего, и на другой день велѣлъ спросить:

чего хотятъ отъ него Новгородцы? — Они соглашались платить особо по 1000 рублей через каждые четыре года, и дать судъ Намѣстнику его, наравнѣ съ Посадникомъ; просили не пересуживать судовъ, не вступаться въ судъ владычній; жаловались на притѣсненія, и заключили словами: «чтобы Государь пожаловалъ, указалъ своей отчинѣ, что ему Богъ на сердце положитъ, какъ онъ свою отчину пожалуетъ; а въ чемъ будетъ можно, отчина его челомъ ему бьетъ.» Между тѣмъ войско Московское заняло всѣ окрестные монастыри Новгородскіе; Новгородъ стихъ; на вѣчѣ не шумѣли, но безмолвно ждали отвѣта. Ноября 25-го данъ отвѣтъ. Бояре проговорили Владыкѣ и Новгородцамъ приготовленную рѣчь; упрекали ихъ въ неискренности; въ томъ, что они во многомъ неисправны, не отдаютъ чести Государю, не говорятъ ничего о посылкѣ Назара и Захаріи, и о томъ, что впослѣдствіи они *отперлись* отъ сей посылки, и *сдѣлали Государя лжецомъ*, а теперь *молятъ его объ измѣнникахъ и лихихъ людяхъ*. Прибавивъ множежество текстовъ Св. Писанія, Бояре заключили, что если Новгородъ точно хочетъ бить челомъ Великому Князю, то *онъ знаетъ, какъ ему бить челомъ должно*. Владыка просилъ времени для совѣта, просилъ и приставовъ проводить ихъ безопасно въ Новгородъ. Іо-

аннъ согласился на то и другое; но самъ подошелъ ближе къ Новгороду; полки приходили къ нему отвсюду и безпрестанно; конечный срокъ сбора назначенъ былъ Декабря 11-го. Декабря 4-го опять явились Владыка и Послы, умоляя сказать: что̀ угодно отъ нихъ Государю? Прежній отвѣтъ повторенъ былъ отъ Іоанна — упомянули о Назарѣ и Захаріи; о томъ, что Новгородъ безчестно отперся отъ своего слова, и если хочетъ теперь просить, то знаетъ, какъ просить должно. Еще разъ уѣхали Владыка и Новгородцы, совѣтовались, думали, и съ горестью явились на другой день къ Іоанну, ударили челомъ, повинились, что точно Новгородъ посылалъ Назара и Захарію, потомъ безсовѣстно отперся, обезчестилъ Государя, и теперь молитъ только сказать, чѣмъ Государь самъ, по Богѣ, пожалуетъ отчину свою, которая безусловно бьетъ ему челомъ. «И такъ, Владыка, и ты, моя отчина, Великій Новгородъ» — велѣлъ отвѣчать Іоаннъ — «если вы признаете себя виноватыми, и въ тѣхъ рѣчахъ, въ коихъ вы заперлись, сознаетесь, спрашивая только: *какому* Государству нашему быть на Новгородѣ? знайте: хотимъ мы, Великіе Князья, *каково Государство у насъ на Москвѣ, таково да будетъ и въ Ногородѣ!*» Іоаннъ далъ три дня срока на рѣшеніе, и не хотѣлъ прибавить ни слова болѣе.

Пришли и послѣднія, Псковскія дружины, болѣе другихъ медлившія. Черезъ Волховъ навели отъ Городища мостъ. Казалось, что Іоаннъ готовъ ринуть огнь и мечъ на Новгородъ, и—Декабря 7-го Новгородцы прислали предложить нѣсколько условій, при совершенной покорности: судъ Посаднику съ Намѣстникомъ; опредѣленную подать; въ пригородахъ Намѣстники Іоанна, но судъ по прежнему; увольненіе Новгородцевъ отъ воинской службы въ другихъ областяхъ, кромѣ Новгородскихъ; наконецъ — оставленіе отчинъ по старинѣ, кто чѣмъ владѣетъ, и увольненіе отъ призыва на судъ въ Москву. Бояре понесли требованіе Новгородцевъ къ Іоанну, и возвратились съ слѣдующимъ отвѣтомъ: «Били намъ челомъ, Великому Государю, ты, Владыка, богомолецъ нашъ, и вы, отчина наша, Великій Новгородъ, звали насъ *Государемъ*, ждали воли нашей, чѣмъ я васъ пожалую. Я сказалъ вамъ, что хочу быть въ Новгородѣ такимъ-же Государствомъ, какъ на Москвѣ. А теперь вы мнѣ указываете, и хотите уроки чинить о томъ, какъ нашему Государству быть. Какое-же это будетъ Государство?» — Нѣтъ! отвѣчали Владыка и Послы — мы не смѣемъ давать уроки; но молимъ только, чтобы Государь насъ пожаловалъ, ибо прежде этого у насъ не бывало. Пусть-же скажетъ намъ, а мы бьемъ

челомъ Великому Князю и Государю нашему.— «Если такъ—отвѣчалъ Іоаннъ — слушайте мою волю: Вѣчу, и колоколу вѣчевому, и Посаднику не быть; въ Новгородѣ я тоже, что въ Москвѣ; волости и всѣ земли Новгородскія мои. За то жалую васъ — не будетъ вывода вамъ изъ земли Новгородской; оставляю Боярамъ и владѣльцамъ ихъ вотчины, и судъ по старинѣ.» Болѣе ничего не говорилъ Іоаннъ, и далъ волю Новгородцамъ рѣшаться, какъ имъ угодно. Цѣлую недѣлю молили, просили Новгородцы; наконецъ — согласились на все; стояли только въ одномъ, чтобы не отнимать вотчинъ у владѣльцевъ, и не отправлять Новгородцевъ на службу за предѣлы Новгородскіе. Одно изъ сихъ условій касалось аристократовъ, другое народа Новгородскаго. «Я сказалъ, что на то согласенъ» — отвѣчалъ Іоаннъ — «жалую Новгородъ.» Просили, чтобы онъ далъ присягу. «Не смѣйте и говорить!» воскликнулъ Іоаннъ. Просили, чтобы по крайней мѣрѣ, хотя Бояре, хотя Намѣстникъ, присягнули за него. «Никто не присягнетъ» — отвѣчалъ Іоаннъ, не далъ даже и опасной грамоты въ подтвержденіе словъ своихъ. Переговоры кончились, и — Новгородская воля погибла совершенно!

Декабря 28-го, Князь Василій Шуйскій сложилъ цѣлованіе Новгороду. На другой день,

Владыка и Новгородцы просили, чтобы Іоаннъ, по крайней мѣрѣ, изустно подтвердилъ имъ все, чѣмъ жалуетъ свою отчину, ибо переговоры были ведены черезъ Бояръ. Ввели Владыку и Пословъ къ Іоанну; онъ сказалъ имъ: « Били вы мнѣ челомъ, Владыка, Посадники, житые и черные люди нашей отчины, чтобы я пожаловалъ васъ, гнѣвъ свой отложилъ; вывода изъ Новгородской земли не учинялъ; въ вотчины и животы людскіе не вступался; позыва Московскаго не дѣлалъ; судъ оставилъ по старинѣ; на службу въ Низовую землю васъ не наряжалъ — всѣмъ тѣмъ я васъ жалую. » Владыка и Послы преклонились до земли и вышли. Бояре послѣдовали за ними, и сказали, что Государю должно дать волости и села въ собственный его удѣлъ. « Скажемъ Новгороду » — было отвѣтомъ. Декабря 30-го Князь Шуйскій предсталъ предъ Іоанна, ударилъ ему челомъ, былъ принятъ въ службу его, и одаренъ; Января 5-го Владыка и Послы извѣстили, что Новгородъ бьетъ челомъ Государю Великими Луками и Ржевою Пустою. Іоаннъ не принялъ; предложили десять разныхъ волостей — было отказано. « Пусть-же скажетъ Государь, что̀ ему угодно » — смиренно говорили Новгородцы. « Отдайте половину Владычнихъ, половину монастырскихъ волостей и всѣ Торжковскія » — сказалъ Іоаннъ. Согласились на его

волю, просили только пощадить бѣдные монастыри. Іоаннъ сдѣлалъ разныя уступки; отмѣнилъ присылку взимателей податей. Января 8-го Новгородцы просили Іоанна снять осаду, ибо Новгородъ былъ стѣсненъ, оголоженъ, и отъ того появлялись болѣзни; 10 ч. велѣно было очистить для Іоанна Ярославовъ дворъ; 13 ч. цѣловали крестъ въ покорности Великому Князю Владыка и Послы; просили еще разъ изустно подтвердить дарованныя милости. «Подтверждаю, и еще буду васъ жаловать,» сказалъ Іоаннъ. Января 15-го на вѣки разошлось Вѣче, сняли вѣчевой колоколъ; у Новгородцевъ отобрали всѣ прежнія граматы, привели народъ во всѣхъ Концахъ города къ присягѣ; потомъ дѣти Боярскіе и житые люди присягнули на службу Государю. Января 20-го Іоаннъ послалъ въ Москву вѣсть, что «отчину свою, Великій Новгородъ, онъ привелъ въ свою волю, и учинился надъ нимъ такой-же Государь, какъ и на Москвѣ.» Января 29-го Іоаннъ въѣхалъ въ Новгородъ, сталъ передъ входомъ въ соборную церковь Св. Софіи, и поклонился до земли. Потомъ слушалъ обѣдню, позвалъ къ себѣ обѣдать Владыку и лучшихъ людей, принималъ подарки, и пировалъ съ гостями своими. Вскорѣ наложили опалу на лиходѣевъ Великаго Князя: Марко Памфильевъ, Мареа Борецкая, внукъ ея Василій Ѳеодоровъ,

и другіе, были взяты и повезены въ Москву; имѣнія ихъ всѣ описали на Государя. Новгородъ безмолвствовалъ; продолжались пиры, подарки; опредѣливъ Намѣстника, Іоаннъ выѣхалъ изъ Новгорода Февраля 17-го; въ Ямнахъ пріѣхали провожать его Владыка и лучшіе Новгородцы; еще пировали, били въ послѣдній разъ челомъ и поднесли дары. Іоаннъ милостиво простился со всѣми, и Марта 5-го былъ уже въ Москвѣ. За нимъ везли добычу его, и умолкнувшаго вѣстника вольности—вѣчевой колоколъ Новгородскій (443).

«Какъ началась Русская земля и сталъ Великій Новгородъ, такого изневоленья на него не бывало, ни отъ котораго Великаго Князя, да и ни отъ кого инаго» — говоритъ Лѣтописецъ (444). «Что сталось съ тобою, городъ

---

(443) Карамз. т. VI, прим. 147—183; въ *Стр. Лѣт.*, т. II, стр. 173—201, разсказъ подробный и любопытный, съ большими укоризнами Новгородцамъ. Полагаютъ, что Мароа Посадница была увезена въ Нижній Новгородъ, тамъ пострижена въ монахини, и умерла, и что вѣчевой колоколъ находится теперь въ одномъ изъ сѣверныхъ Новгородскихъ монастырей (см. догадки объ этомъ, *Моск. Тел.* 1833 г. № XV, стр. 448-я).

(444) Стр. Лѣт. ш. II, стр. 201.

вольный!» восклицаетъ Лѣтописецъ Пскова, нѣкогда вольнаго младшаго браша Новгородскаго. — «Тобою управляюшъ теперь четыре намѣстника, два на Ярославовомъ дворѣ, и два на сторонѣ Софійской; они правятъ судебныя и земскія дѣла; Владыка знаетъ только Свяшительскій Судъ; Посадники, Тысяцкіе, Новгородъ ни во что не вступаются; нѣтъ Вѣча; не шлютъ изъ иныхъ земель посольства къ Новгороду и къ Владыкѣ его — шлютъ ихъ къ намѣстнику... Все сіе совершилось по судьбамъ Божіимъ. Что много разсуждашь мнѣ о семъ, или предавашь писанію? *Здѣсь скончаемъ все, что можно сказать о Великомъ Новгородѣ* (445).

---

(445) Карамзинъ, т. VI, прим. 203. Исчисляемъ здѣсь вообще всѣ дальнѣйшія распоряженія Іоанна, рѣшительно уничтожившія самую мысль о самобытности Новгорода: въ 1479 г. Іоаннъ самъ пріѣхалъ въ Новгородъ, обвинилъ Ѳеофила въ тайной связи съ Литвою («не хотяше бо той Владыка, чтобы Новгородъ былъ за Вел. Княземъ, но за Королемъ, или за инымъ Государемъ,» *Тип. Лѣт.* стр. 294), и отослалъ его въ Москву. «Познаваю убожество своего ума и великое смятеніе своего неразумія (писалъ Владыка въ грамашѣ, которою принудили его отказаться отъ сана Архіепископа), пріимаю благословеніе и прощеніе о своемъ дерзновеніи и о своей грубости, и о недостоинствѣ своего ума, что Христова стада пасти

Псковъ уцѣлѣлъ, пережилъ старшаго брата и врага своего; но пережилъ его бѣдною, стѣсненною жизнью, сохранилъ себя покорностью, и тѣмъ, что воины его шли на покореніе Новгорода въ рядахъ дружинъ Іоанновыхъ. Но по крайней мѣрѣ, еще на тридцать слишкомъ лѣтъ

не возмогохъ» (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 198). Въ 1485 г. умеръ въ Чудовѣ мон. сей *послѣдній* избранный вольными Новгородцами Владыка. На его мѣсто поставленъ былъ Сергій, оскорблявшій Новгородцевъ своею гордостію, и наконецъ сошедшій съ ума («не хотяху Новгородцы ему покоритися, что не по ихъ онъ мысли ходитъ, и отъяша у него умъ волшебствомъ,» *Ист. Г. Р.*, прим. 199). Умный и хитрый Геннадій заступилъ его мѣсто. Между тѣмъ въ 1485 г. обвинили болѣе 30-ти знатнѣйшихъ Новгородцевъ, опять въ сношеніяхъ съ Литвою. Въ числѣ ихъ были: Казимеръ, Коробъ, Берденевъ, Лука Ѳедоровъ, *Настасья славная, богатая* — вторая Марѳа. Несчастныхъ жестоко пытали, заставили признаться; но передъ смертью они отреклись отъ своего признанія, и ихъ разослали по городамъ, отнявъ у нихъ все имѣніе (Спр. Лѣт. II, 228). Въ 1488 г. множество Новгородцевъ было казнено Намѣстникомъ Захарьинымъ, *за умыселъ на его жизнь;* многихъ священниковъ тамошнихъ забрали тогда и пересѣкли кнутомъ въ Москвѣ; около 8000 *выборныхъ* Новгородцевъ переселено было въ разные города, съ семействами ихъ. Еще прежде, въ 1487 г., 50 семействъ *купеческихъ* переведено было во Владиміръ. Въ 1495

остались во Псковѣ древнее управленіе его, Вѣче и Посадники; Іоаннъ миловалъ Псковитянъ до самой своей кончины; даже снисходилъ своевольствамъ Псковитянъ, охраняя безопасность ихъ и спокойствіе силою руки своей. Послѣ мира въ 1463 г., война съ Рыцарями возобновлялась два раза. Въ 1469 г. ее начали за убіеніе Псковскихъ купцевъ въ какой-то ссорѣ; Даніилъ Холмскій былъ тогда посланъ изъ Москвы, и Іоаннъ разгнѣвался на него и Псковитянъ за то, что о возобновленіи мира съ Нѣмцами его извѣстили черезъ простаго гонца, а не прислали пословъ почетныхъ. Едва умилостивили Іоанна подарками.—Онъ не уважилъ жалобъ Пскова на Намѣстника, во время пребыванія своего въ Новгородѣ, въ 1475 г.,

---

г. захватили Ганзейскихъ купцовъ въ Новгородѣ, и уничтожили всю заморскую Новгородскую торговлю (см. далѣе прим. 460). Въ 1500 г. церковныя Новгородскія имѣнія были розданы Дѣтямъ Боярскимъ, съ обязанностію службы. Переселенія туземцевъ вообще были одною изъ главныхъ мѣръ Іоанновыхъ, которыми уничтожалъ онъ самобытность пріобрѣтенныхъ имъ областей. Такъ, въ 1489 г. переселены были *торговые* и *выборные* Вятчане въ Боровецъ, Кременецъ, Дмитровъ (Стр. Лѣт. II, 234), и такъ-же поступилъ Іоаннъ съ областями, взятыми отъ Литвы (см. далѣе, прим. 521).

но смѣнилъ его, когда этотъ Намѣстникъ, пьяный, подрался съ Псковитянами за капусту. Іоаннъ замѣтилъ однакожъ притомъ, что если Псковитяне впередъ будутъ драться съ Намѣстниками, то сами наведутъ на нарушеніе старины. Напрасно отговаривались Псковитяне отъ похода на Новгородъ въ 1477 году, придавая Іоанну титулъ Царя, и ссылаясь на пожаръ, опустошившій Псковъ; имъ велѣно было идти. Въ 1478 г. война съ Нѣмцами возобновилась; мстя за опустошенія, какія дѣлали дружины, посланныя Іоанномъ, Рыцари осадили Псковъ, стѣснили жителей, но принуждены были отступить (1480 г.), и вся земля до Валка, Дерпта и Маріенбурга была опустошена сильнымъ войскомъ, которое послалъ Іоаннъ въ 1481 г. Не вѣримъ безчеловѣчію, какое—по словамъ Рыцарей—воины Русскіе оказывали въ семъ походѣ! Рыцари спѣшили говорить о мирѣ, и заключили его съ Іоанновымъ Намѣстникомъ въ Новгородѣ, 1483 года. Въ первый разъ послы ихъ явились послѣ того въ Москвѣ, и вели переговоры съ самимъ Іоанномъ (446).

---

(446) Пск. Лѣт. (Карамзинъ, т. VI, прим. 112, 113, 114, 117, 143, 156, 252, 254, 255, 256, 258, 262). Холмскій далъ за себя клятвенную запись, съ поручи-

Губя вольность Пскова и Новгорода, Іоаннъ все еще оставлялъ Уделы: Верею, Тверь, Рязань. Онъ ждалъ только удобнаго времени, и поступалъ съ Уделами решительно, когда случай ему представлялся. Второй братъ его, *Юрій*, скончался въ 1472 г. Онъ не былъ женатъ, и въ духовной своей, заказывая раздать некоторыя изъ волостей въ монастыри, заплатить долги его и выкупить заклады, ничего не сказалъ о своемъ обширномъ уделе.

тельствомъ Митрополита (Собр. Г. Г. т. I, № 103). О ссоре Наместника Іоаннова съ Псковичами: «Повезе Псковитинъ капусту черезъ торгъ, мимо Княжаго двора, и *шестникъ* похитивъ силою *нарубье* капусты, даде Княжему барану, и про то начаша Псковичи *которатися*... расперечишася съ пьяными Княжедворцы, и почаша битися, а шестники ножи колотися, а *наши* каменіемъ; и пойдоша шестники на весь міръ съ ножи, на торгъ, а иные съ луки.... и самъ Князь Ярославъ пьянъ-же, и въ панцыре, вышедъ, почалъ стрелять.... и пойдоша на торгъ Посадники, и Бояре, и люди житейскіе, съ запасы (оружіемъ); и къ вечеру Князь и шестники пойдоша на сени, людьми доброхотящими укрощены.... А Псковичъ тогда бяше полно побито до крови, иного въ ногу, иного въ хребетъ.» Посадники объявили Князя лишеннымъ власти, и Псковичи целую ночь стояли въ оружіи, ибо Князь хотелъ зажечь Псковъ. Жестокость Руских въ походе 1480 г. описана въ письме Магистра Ливонска-

Другіе братья получили отъ него по нѣсколь-ку селъ, деревень, домовъ; города его (Дмитровъ, Можайскъ, Мядынь, Серпуховъ) Іоаннъ присоединилъ къ Великому Княжеству. Въ договорѣ съ Борисомъ (13 Февраля 1473 г.) утверждено было сіе пріобрѣтеніе Іоанново. Тоже утвердилъ и Андрей старшій, договоромъ 14 Сентября 1473 г. Мать подарила ему въ это время Романовъ городокъ; Іоаннъ отдалъ Борису при договорѣ Вышгородъ. Можетъ быть, братья спорили, но жили мирно, ходили въ походы по волѣ Іоанна, и не думали щадить за него жизни. Такъ Борисъ оставилъ дома духовное завѣщаніе, идя подъ Новгородъ (447). Но въ 1480 году, когда трудная

го къ Гроссмейстеру Прусскому (Карамз. т. VI, прим. 258). О походѣ 1481 года: «Лотыголу и Чуховъ овыхъ изсѣкоша, овыхъ пожгоша, а сущіи въ лѣсахъ отъ мраза измерзше, умроша, а иніи гладомъ, бѣ-бо тогда мразы сильно велицы, и снѣгъ человѣку въ пазуху.... А Нѣмецкая земля бяше тогда не въ опасѣ: пива многи варяху, не чаяху на себя таковыя пагубы... *отмстиша Нѣмцамъ за свое, и въ двадесятеро али и болѣе, яко-же нѣціи рекоша:* Псковъ сталъ, не бывало тако.»

(447) Духовная Юрія, въ *Собр. Г. Г.* т. I, N° 96. На немъ осталось долговъ болѣе 700 рублей, все

война съ Ахматомъ предлежала Іоанну, братья его Андрей большой и Борисъ разссорились съ нимъ за своевольное взятіе Боярина, перешедшаго къ Борису; припомнили, что Іоаннъ не далъ имъ участка изъ Юрьева удѣла; также ничего не далъ взявши Новгородъ. Они уѣхали въ Литву. Казиміръ не хотѣлъ вмѣшиваться въ ссору ихъ съ Іоанномъ, но далъ семействамъ ихъ для прожитія Витебскъ. Мать держала сторону меньшихъ дѣтей. Іоаннъ старался уговаривать братьевъ; два раза посылалъ къ нимъ краснорѣчиваго Вассіана; но не обѣщалъ и не давалъ ничего. Братья возвратились наконецъ въ удѣлы свои, когда Іоаннъ выѣхалъ къ войску въ Коломну. Къ нимъ собрались сильныя охранительныя дружины. Ссора становилась важною — могла быть пагубною. Пріѣхавъ на время въ Москву съ береговъ Оки, Іоаннъ успѣлъ уговорить братьевъ на миръ, посредствомъ матери и Духовенства. Вѣроятно,

---

частнымъ людямъ, многимъ по 5-ти рублей. Договоры 1473 года съ Борисомъ и Андреемъ, *Собр. Г. Г.* т. I, № 97, 98, 99, 100, 101, 102. Завѣщаніе Бориса, въ *Собр. Г. Г.* т. I, № 105 («пишу сію грамату душевную, идучи на дѣло своего Господина и брата старшаго, В. К. Ивана Вас. къ Вел. Новугороду» и проч.).

онъ обѣщалъ имъ исполнить всѣ ихъ требованія. Андрей и Борисъ были потомъ на Угрѣ при войскахъ Іоанна, и на другой годъ заключили договоры: Іоаннъ придалъ Андрею къ удѣлу его Можайскъ; Борису — только подтвердилъ владѣніе Вышгородомъ. Братья удовольствовались, волею или неволею, и утвердили договорами, что отнынѣ не будутъ вступаться ни въ бывшій удѣлъ Юрія, ни въ Новгородъ (448). Четвертый братъ Іоанновъ, Андрей

---

(448) Подробности этой ссоры, весьма важныя въ глазахъ современниковъ, см. въ *Стр.*, *Архане.*, *Тип.* Лѣтописяхъ. Дружины Бориса и Андрея грабили повсюду дорогою, особливо въ Псковской области, стоя въ Вел. Лукахъ. «И бѣху Псковичи въ сѣтованіи, не домышляющеся, что сотворити, боящеся Князя Великаго, понеже *врага Царскаго аще кто хранитъ, сопостатъ ему есть*... Они-же (Князья) разгнѣвавшеся, и распустиша по всѣмъ волостямъ люди своя (бяше-бо людей около ихъ, мню, яко до 10,000), и повоеваша много волостей, аки невѣрніи, и домы Божія пограбиша, и скота много посѣкоша, и жены и дѣвицы оскверниша, и плѣнивше многихъ сведоша, не оставиша ни куряти, а токмо огнемъ не жгоша, да оружіемъ не сѣкоша.» Едва могли откупиться отъ нихъ Псковичи, заплативъ 215 рублей (Пск. Лѣт. 1480 г.). Понятно послѣ сего, почему Іоаннъ спѣшилъ въ Москву отъ своего войска, и презиралъ мнѣніе невѣждъ, стараясь всячески помириться съ братьями; и почему

меньшой, оставался постояннымъ другомъ старшаго брата, не вмѣшивался въ ссоры другихъ братьевъ, усердно и храбро воевалъ за Іоанна, и получивъ въ награду по смерти Юрія Торусу, а при договорѣ 1481 года Серпуховъ, скончался въ тотъ-же годъ, въ юныхъ лѣтахъ, не бывъ женатымъ. Объявляя въ духовной своей, что онъ остается должнымъ Іоанну 30,000 рублей, которыхъ не заплатилъ ему въ Ордынскіе, Казанскіе выходы, и на содержаніе Татарскихъ Царевичей, Андрей завѣщалъ за то Іоанну весь свой удѣлъ—Вологду, Кубену, Заозерье. Онъ отдалъ двумъ другимъ братьямъ по нѣскольку селъ и волостей, приказалъ нѣкоторыя села въ монастыри, просилъ Іоанна заплатить частные долги его, помянуть душу и все *росправить*: тяжбу съ братомъ Борисомъ; утвержденіе вотчинъ за Спасо-Каменскимъ монастыремъ; сложеніе излишнихъ, наложенныхъ имъ пошлинъ (449). Братья ни сколь-

---

онъ не оказалъ никакой жалости, губя братьевъ впослѣдствіи. Договоры Іоанна съ Борисомъ и Андреемъ, *Собр. Г. Г.* т. I, № 106 — 111.

(449) Духовная Андрея, *Собр. Г. Г.* т. I, № 112.— Разумѣется, что безмѣрный долгъ сего Князя Іоанну былъ только хитрою политическою выдумкою, по которой Іоаннъ присвоилъ себѣ удѣлъ меньшаго брата.

ко не спорили въ исполненіи сей духовной. Іоаннъ уже пріучилъ ихъ къ уступкамъ, и вскорѣ они должны были согласиться на новыя уступки и пожертвованія.

Черезъ годъ послѣ покоренія Новгорода, Іоаннъ былъ обрадованъ рожденіемъ сына отъ втораго брака своего: это былъ *Василій*, наслѣдовавшій послѣ него тронъ Великокняжескій. Софія была уже прежде Василія матерью трехъ дочерей (*Елены*, родивш. въ 1474 г. (она вскорѣ умерла); *Ѳеодосіи*, род. въ 1475 г., и *Елены* родивш. въ 1476 г.); но она желала имѣть сына, давала обѣты, ходила по монастырямъ. Увѣряли потомъ, что рожденіе Василія ознаменовалось чудеснымъ сномъ, послѣ пѣшеходства матери въ Троицкую обитель. Онъ родился 25 Марта 1479 г., въ самое Благовѣщеніе, и потому назвали его Василіемъ и *Гавріиломъ* (450). Потомъ Софія родила еще четырехъ сыновей (*Юрія* въ 1480 г., *Димитрія* въ 1481 г., *Симеона* въ 1487 г., *Андрея* въ 1490 г.), и двухъ дочерей (*Ѳеодосію* въ 1485 г. и *Евдокію*).

---

(450) Василій разсказывалъ о чудесномъ видѣніи, бывшемъ при рожденіи его, Митрополиту Іоасафу (Степ. Книга, т. II, 137). Его крестилъ въ Троицкой обители Архіепископъ Вассіанъ, съ тамошнимъ Архимандритомъ (Стр. Лѣт. II, 202).

ГЛАВА VIII.

Совершивъ дѣла столь обширныя, каковы были: покореніе Новгорода и истребленіе вѣковаго Русскаго врага — Золотой Орды, Іоаннъ смѣло и безопасно готовъ былъ стать противъ Литвы и Польши, гдѣ Казиміръ болѣе и болѣе дряхлѣлъ тѣломъ и управленіемъ государственнымъ. Видя его занятаго тягостными раздорами внутри и безполезными войнами внѣ Польши (451), Іоаннъ уже безбоязненно и явно

(451) Казиміръ владѣлъ Литвою и Польшею съ 1447 г. (см. выше, стр. 410). Мы видѣли нерѣшительность сего Короля въ дѣлахъ съ Новгородомъ, съ Золотою Ордою, и въ сношеніяхъ церковныхъ. Безпокойный Сеймъ Піотрковскій и набѣгъ Крымцевъ, (1450 г.); другой набѣгъ 1453 г.; взятіе части Пруссіи и за то 13-ти лѣтняя война съ Рыцарями; споръ съ Богеміею съ 1461 г.; споры за Богемское наслѣдство 1471 г.; потомъ война за это, набѣгъ Крымцевъ въ 1470 г., война съ Силезіею и Венгріею, набѣгъ Крымцевъ въ 1475 г., война за Венгерское наслѣдство, споры и неустройства въ сборѣ денегъ на содержаніе войскъ, расточительность и вмѣстѣ недостатки, страсть къ охотѣ, слабость къ дѣтямъ, пристрастіе къ Католицизму — таковы были главныя черты *сорока-пяти-лѣтняго* царствованія Казиміра.

изъявлялъ неприязнь свою противъ него. Онъ еще не начиналъ войны; но отнявъ у Казиміра союзника въ Золотой Ордѣ, и сильную помощь въ Новгородѣ, безпрерывно и повсюду опутывалъ онъ Польшу сѣтями своей хитрой политики. Менгли-Гирей дѣйствовалъ неутомимо по внушеніямъ Іоанна. Уничтожая послѣдніе, бродящіе остатки Ордынцевъ, Ханъ Крымскій, послѣ набѣга на Польшу въ 1480-мъ году, учинилъ другой сильный набѣгъ въ 1482 году. Кіевъ былъ взятъ и разграбленъ толпами Крымцевъ; къ ужасу православныхъ, хищники опустошили и сожгли храмы и монастыри Кіевскіе; Менгли-Гирей хвасталъ своимъ подвигомъ Іоанну, а Іоаннъ, не думая осуждать его за губительное раззореніе города, нѣкогда бывшаго столицею и славою Русскою, принялъ даже отъ него въ подарокъ нѣсколько драгоцѣнныхъ вещей церковныхъ изъ добычи Кіевской, и благодарилъ Хана, увѣряя, что самъ готовъ оказывать ему дружескія услуги (452).

---

(452) Стр. Лѣт., II, 227: «*взятъ быстъ Кіевъ, грѣхъ ради нашихъ, и бысть сія злоба* Сентямврія мѣсяца.» Менгли-Гирей прислалъ къ Іоанну, между прочимъ, потиръ и дискосъ изъ чистаго золота. Князья Лыковъ и Ноздроватый ѣздили благодарить Хана (Карамзинъ, т. VI, прим. 268, 269).

Въ тоже время, Іоаннъ дѣятельно поддерживалъ сношенія съ Литовцами, недовольными Казиміромъ: обѣщалъ имъ помощь, награды, если они произведутъ возмущенія, и удѣлы, если оставятъ Короля и передадутся отъ него, или переселятся въ Русь; возбуждалъ вражду ихъ, указывая на притѣсненія Православной вѣры, напоминалъ обитателямъ областей, нѣкогда принадлежавшихъ Руси, о древнемъ союзѣ ихъ и родствѣ съ Русью. Казиміръ свѣдалъ наконецъ, что трое знатныхъ людей, Князь Ольшанскій, Князь Ѳеодоръ Бѣльскій, и Михаилъ Олельковичъ, нѣкогда бывшій Намѣстникомъ Польскимъ въ Новгородѣ, хотятъ передаться Іоанну съ своими областями. Онъ думалъ ужаснуть строгостью. Князя Ольшанскаго и Михаила Олельковича схватили по его повелѣнію, уличили въ злыхъ умыслахъ и казнили въ Вильнѣ; Бѣльскій бѣжалъ въ Москву, оставивъ молодую жену свою, на другой день свадьбы (въ 1482 г.). Онъ былъ милостиво принятъ Іоанномъ, получилъ въ удѣлъ себѣ городокъ Демонъ, и находился въ числѣ первыхъ сановниковъ Московскихъ. Казиміръ присылалъ въ Москву жаловаться, выставлялъ охранное войско въ Смоленскѣ; съ обѣихъ сторонъ спорили, требовали отдачи городовъ. Но Казиміръ все еще терпѣлъ и бездѣйствовалъ; послы переѣзжали безпрестан-

но изъ Польши въ Москву, изъ Москвы въ Польшу, а Іоаннъ не дремалъ безпечно. Князья изъ рода Одоевскихъ, Воротынскихъ, Бѣлевскихъ, Перемышльскихъ, иные тайно, другіе явно, переходили къ Іоанну, и даже опустошали земли Литовскія (453).

Кромѣ Хана Крымскаго, Іоаннъ нашелъ себѣ еще двухъ союзниковъ, готовыхъ помогать ему противъ Польши.

Одинъ изъ нихъ былъ *Стефанъ*, Господарь Молдавскій, второй Гуніадъ, или Скандербегъ, сильно стоявшій противъ Турковъ, собравшій и укрѣпившій подъ властью своею Молдаванъ, обитателей береговъ Молдавы, племена, еще со временъ нашествія Монголовъ переселившіяся туда, и отдѣлившія себя отъ Волоховъ, своихъ родичей. Бывъ усердными Христіанами, Молдаване и Волохи болѣе привязаны были къ единовѣрнымъ Рускимъ, нежели къ Латинской Польшѣ, не смотря на то, что долго считали себя подвластными Полякамъ и Венгріи. Стефанъ искалъ независимости, и славясь силою меча и хитростію ума, хотѣлъ имѣть союзника въ Іоаннѣ; въ 1480 году предложилъ онъ

---

(453) Архивская и Кіевск. Лѣт. (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 264, 266).

выдать дочь свою Елену за старшаго сына Іоаннова, и сей бракъ былъ совершенъ въ 1482 году, въ Москвѣ, какъ залогъ крѣпкаго союза и взаимной помощи. Іоаннъ, дружный съ Менгли-Гиреемъ, обезопасилъ Стефана отъ нападеній Крымцевъ; Стефанъ готовъ былъ по слову его воевать Польшу (454). Другимъ союзникомъ Іоанна сдѣлался *Матѳій Корвинъ*, сынъ славнаго Гуніада, съ 1458 года Король Венгріи, непримиримый и сильный врагъ Поль-

(454) Удивительное явленіе представляли эти мѣлкіе Князья, столь сильно облегшіе Турцію съ разныхъ сторонъ, и столь упорно стоявшіе противъ Турковъ: Скандербегъ, Гуніадъ, Стефанъ Молдавскій. Когда сильныя государства уступали Туркамъ, и Крестовые походы Польши и Франціи были безуспѣшны, сіи окрестные владѣльцы небольшихъ земель, съ отважными толпами своими, умѣли удерживаться въ горахъ Албаніи, Сербіи, по берегамъ Дуная. Такое положеніе дѣлъ объясняется бытомъ этихъ народцевъ, хитрою политикою ихъ, отчаянною храбростію, примѣрами Черногорцевъ, горцевъ Кавказскихъ, Майнотовъ и Клефтовъ въ наше время; наконецъ словами Стефана Молдавскаго, который, умирая, скорбѣлъ о потерянныхъ трудахъ цѣлой жизни, и завѣщалъ сыну своему покориться Турціи добровольно, что и исполнилось впослѣдствіи. О переговорахъ съ Крымомъ касательно Молдавіи, *Крымскія дѣла* (Карамзинъ, т. VI, прим. 278).

ши и Короля Казиміра. Въ 1482 году явился въ Москвѣ посолъ Маѳія. Іоаннъ немедленно возобновилъ сношенія съ Венгріею, совершенно забывшею о Руси, съ тѣхъ поръ, какъ исчезли Галичъ и Волынь подъ властью Литвы и Польши. Посолъ Іоанна, Дьякъ Курицынъ, ѣздилъ въ Венгрію, и заключилъ союзный договоръ. Не смотря на миръ, которымъ кончилась продолжительная война съ Польшею въ 1478 г., Маѳій снова готовился къ войнѣ, видя непріязнь Польши и Богеміи, и союзъ ихъ съ Турціею. Въ 1488 г. онъ даже присылалъ къ Іоанну, увѣдомляя, что хочетъ начинать битвы, и совѣтовалъ Іоанну сдѣлать тоже. Но войны не было. Дружескія сношенія между Венгріею и Русью продолжались до самой смерти Маѳія. Іоаннъ чествовалъ его пословъ, пересылался дарами, и переписывался съ нимъ (455).

---

(455) О Венгріи см. выше, стр. 161, 410. По кончинѣ *Сигизмунда*, Императора и Короля Венгерскаго, въ 1437 г., сынъ его *Албертъ* владѣлъ Венгріею, Богеміею и Имперіею только до 1439 г.— Тогда начались раздоры между сыномъ Ягеллы *Владиславомъ*, уже владѣвшимъ Польшею, и вдовою Алберта, матерью другаго малолѣтнаго Владислава. Турки пользовались раздоромъ, осадили Бѣлградъ, и непобѣдимая храбрость Трансильванскаго воеводы *Іоанна Кор-*

Русь вступала такимъ образомъ въ сношенія съ Европою. Не одни набѣги Монголовъ и мѣлкія междоусобія начинали означать ея бытіе со временъ Іоанна. Понимая важность политическихъ связей, Іоаннъ умѣлъ обратить ихъ въ существенную пользу, въ отношеніи Крыма, Молдавіи, Ногаевъ, Польши; но онъ обнималъ въ умѣ своемъ и дальнѣйшія политическія связи. Слыша о новомъ *Царствѣ Московскомъ*, съ любопытствомъ посылали къ Московскому Царю пословъ изъ Европы и Азіи. Послы были принимаемы въ Москвѣ дружески, видѣли важность, великолѣпіе, силу Іоаннову, и имя *Іоанна* и *Царства* его дѣлалось вѣдомо

вина Гуніада изумила Европу въ борьбѣ съ Турками. Владиславъ, сдѣлавшійся Королемъ Польскимъ, овладѣлъ Венгріею, и погибъ подъ Варною въ 1444 году; Гуніадъ принялъ тогда управленіе Венгріею; Императоръ не отпускалъ въ это время сына Албертова въ Венгрію. Гуніадъ оружіемъ принуждалъ его, и въ одно время билъ Турковъ и уничтожалъ злыхъ сосѣдей, воеводу Молдавскаго и Деспота Расційскаго. Онъ умеръ послѣ новаго освобожденія Бѣлграда, въ 1456 г., отъ Турковъ, при чемъ оказалъ столько ума и мужества, что самъ Папа писалъ ему: fuit homo missus à Deo, cui nomen erat Ioannes. Между тѣмъ, уже съ 1453 г. царствовалъ въ Венгріи *Владиславъ*, сынъ Алберта. Не смотря на заслуги и усердіе великаго отца, сынъ Гуніада былъ казненъ самымъ безчело-

въ странахъ, гдѣ прежде темно слыхали о землѣ какихъ-то *Сѣверныхъ варваровъ*, откуда доходили прежде только баснословныя вѣсти о Новгородѣ, или извѣстія миссіонеровъ и проповѣдниковъ о бѣдныхъ, порабощенныхъ Монголами Руссахъ. Московія все еще была отдѣлена отъ политическаго міра Европейскихъ событій; но со временъ Іоанна въ Европѣ знали уже о существованіи сего сильнаго Государства, и послы Московскіе были чествуемы въ Италіи, Германіи, Турціи, и другихъ земляхъ. Предлагаемъ здѣсь общій обзоръ дипломатическихъ сношеній Іоанна съ Европою и Азіею, за все время его царствованія.

вѣчнымъ образомъ въ 1457 году. Венгрія вознегодовала, возмутилась; Король Владиславъ бѣжалъ, и умеръ въ Прагѣ; второй сынъ Гуніада, *Матѳій*, былъ избранъ въ Короли Венгерскіе. Тридцати-двухъ лѣтнее царствованіе его было знамените и грозно побѣдами, какія одерживалъ онъ, сражаясь противъ Турковъ, Императора, Польши, Молдавіи, Богеміи. Матѳій умеръ въ 1490 году, и Венгрія, предметъ спора между Имперіею, Польшею, Неаполемъ и побочнымъ сыномъ Матѳія, досталась наконецъ сыну Казиміра, *Владиславу*, царствовавшему до 1516 года.—О сношеніяхъ Матѳія съ Іоанномъ, см. *Дѣла Цесарскія*, въ Государст. Архивѣ (Карамзинъ, т. VI, прим. 273, 274 275, 287). Сими сношеніями начинаются въ нашемъ

Изъ Итальянскихъ государствъ, кромѣ Папы, ни чья политика не была такъ разнообразна, хитра и обширна, какъ политика Венеціянской республики. Аристократическій деспотизмъ крѣпилъ ее внутри; флоты, богатство, торговля и безчеловѣчная, вѣроломная, но вмѣстѣ съ тѣмъ умная дипломатика, усиливали ее извнѣ. Если вся Италія страшилась Турковъ, какъ грозныхъ завоевателей, то Венеція знала ихъ ближе всѣхъ, и опасность ея была тѣмъ страшнѣе, что Венеція могла прежде всего потерять свои богатыя владѣнія въ Греціи и Архипелагѣ. Не имѣя силъ, достаточныхъ для

Государственномъ Архивѣ, такъ называемыя, *Цесарскія дѣла*; подлинныя-же грамоты Императорскія и Венгерскія въ Архивѣ не восходятъ далѣе 1573 г., а дипломатическіе договоры далѣе 1514 года (см. о семъ далѣе). Іоаннъ послалъ въ подарокъ Матѳію *соболя черного, живого, съ ноготками, окованными золотомъ, съ 20-ю жемчужинами.* Онъ позволялъ Венгерскимъ Посламъ садиться въ своемъ присутствіи, самъ подчивалъ ихъ виномъ, и такъ писалъ титулъ Матѳія въ грамотахъ: «Возможный и честнѣйшій Матеашъ, Божіею милостію Угорскій, и Чешскій, и иныхъ земель Краль, и Князь Авцріе, нашъ братъ почтенный и другъ милый.» Матѳій отвѣчалъ: «Добробытье, миръ и одиначество Кралевства и земель твоихъ ради слышимо, и о всѣхъ рѣченныхъ обрадовася сердце наше,» и проч.—См. еще прим. 469.

борьбы съ Оттоманами, властителями воинственныхъ ордъ Европы и Азіи, Венеція употребляла всѣ извороты Итальянскаго Макіавелизма, воевала, мирилась, обманывала, искала союзниковъ, предавала ихъ, думала о защитѣ противъ Турковъ, и — губила Геную, удерживала Папу, не дозволяла возвышаться даже собственнымъ героямъ своимъ — держала въ рукахъ мечъ, и берегла свою торговлю, боясь, что вражда съ Турками уничтожитъ ее. Мечта о крестовыхъ походахъ противъ Турціи уже совершенно разсѣялась въ то время; Папа и Венеція старались поставить другіе оплоты противъ Турковъ. Миръ Венеціянъ съ Турками (1454 г.) далъ средства Мугаммеду II-му покорить остатки Греціи. Венеція опомнилась въ 1463 г., начала воевать въ Мореѣ, гдѣ принадлежало ей нѣсколько крѣпостей; соединялась съ Папою; подкрѣпляла Скандербега Албанскаго и Матѳія Венгерскаго. Вскорѣ Папа поссорился съ Венеціею, и ей надобно было одной выдерживать нѣсколько лѣтъ войну съ Турціею. Флоты ея опустошали владѣнія Мугаммеда, но, занятая множествомъ крамолъ, слабая вещественными силами, недовѣрчивая въ союзахъ, Венеція видѣла погибель Скандербега, потеряла острова Архипелагскіе и крѣпости въ Греціи, допустила погибнуть Генуэзскимъ владѣніямъ въ Крыму — увидѣла на-

конецъ флоты Турецкіе въ Адріатическомъ морѣ, и помирилась съ Турками, чтобы въ союзѣ съ ними обратить мечъ Мусульманскій на Христіанъ. Въ 1479 г. заключили Венеціяне миръ, и въ 1480 г. привели Мугаммеда въ Италію. Только смерть сего Султана остановила пагубныя слѣдствія его вторженія.

Дѣятельно изыскивая такимъ образомъ средства противъ Турковъ, Венеціяне вошли въ сношенія съ славнымъ Гассаномъ, завоевателемъ Персіи (съ 1468 года), и возбуждали его воевать Турцію. Послы Венеціянскіе ѣздили къ нему черезъ Египетъ и Аравію, и черезъ земли Турковъ въ Азіи. Могла-ль Венеція не вмѣшаться, узнавъ о сношеніяхъ Папы съ Іоанномъ, когда дѣло шло о супружествѣ его съ Софіею? Венеція воспользовалась симъ случаемъ. Иванъ Фрязинъ, Посолъ Іоанна, описывалъ Венеціянамъ силу Монголовъ, увѣряя, что союзъ съ ними будетъ полезенъ, и Монголы охотно согласятся воевать Турцію. Послѣ первой поѣздки Фрязина, Посолъ Венеціянскій, Іоаннъ Баптистъ Тревизанъ, пріѣхалъ въ Москву, съ тѣмъ, чтобы вручить Іоанну грамату, и потомъ ѣхать въ Орду. Боясь гнѣва Іоаннова, за то, что началъ переговоры съ Венеціею безъ его вѣдома, Фрязинъ убѣдилъ Тревизана не объявлять о своемъ назначеніи, и назваться простымъ купцомъ, увѣряя, что и

безъ объявленія себя Посломъ можно будетъ найдти случай ѣхать въ Орду. Обманъ открылся. Іоаннъ велѣлъ воротить Тревизана съ дороги; въ гнѣвѣ хотѣлъ казнить его и Фрязина; не вѣрилъ званію Тревизана, заключилъ его въ темницу, и отправилъ въ Венецію Антона Фрязина, жаловаться на обманъ. Венеціяне спѣшили испросить прощенія бѣдному своему Послу, сложили всю вину на коварство Ивана Фрязина, и просили Іоанна позволить Тревизану исполнить препорученіе. Они объясняли Русскому Царю причину и важность войны противъ Турковъ. Іоаннъ не только выпустилъ Тревизана изъ темницы, но одарилъ его, и хотя предполагалъ уже погибель Орды, но отправилъ съ нимъ къ Хану своего Посла, уговаривая властителя Ордынскаго исполнить желаніе Венеціянъ. Онъ послалъ послѣ сего въ Венецію чиновника своего Толбузина, извѣстить обо всемъ Венеціянъ и подтвердить съ ними дружбу. Посольство Тревизана оказалось безуспѣшно; но Венеція осталась въ сношеніяхъ съ Іоанномъ, и когда Посолъ Іоанновъ, Грекъ Руфъ, возвращался изъ Персіи въ 1475 году, бывшій тамъ у Гассана Венеціянскій Посолъ, Амвросій Контарини, просилъ его взять съ собою, и доставить ему средство черезъ Москву воротиться въ отчизну, ибо ему невозможно было проѣхать на Западъ, или черезъ Крымъ,

гдѣ Турки взяли тогда Кафу. Руфъ привезъ Контарини благополучно въ Москву, ѣхавъ съ нимъ черезъ Тифлисъ, Шамаху, Дербентъ, Астрахань, Донскія степи, Рязань и Коломну. Іоаннъ продержалъ Контарини съ Сентября 1476 г. до Января 1477-го, угощалъ, дарилъ его, далъ денегъ на дорогу, и даже, въ угожденіе ему, простилъ монаха Людовика, пріѣхавшаго изъ Персіи вмѣстѣ съ нимъ и Руфомъ. Людовикъ назвался *Патріархомъ Антіохійскимъ* и Посломъ Герцога Бургундскаго; но въ Москвѣ узнали, что онъ *Латинщикъ* и простой монахъ Французскій. Сношенія съ Венеціею и съ Италіею продолжались послѣ того безпрерывно (456).

---

(456) О Гассанѣ, см. прим. 465. Дѣла съ Венеціею начинаются въ Государственномъ Архивѣ только съ 1647 г., а подлинныя граматы изъ Венеціи съ 1654 года. О Тревизанѣ и Иванѣ Фрязинѣ, *Лѣт. Львова*, т. III, стр. 30, *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 137, и слѣд. — О Руфѣ и пріѣздѣ съ нимъ Контарини знаемъ изъ путешествія сего послѣдняго, которое напечатано въ Бержероновомъ собраніи (см. *Ист. Р. Н.* т. IV, прим. 113). Оно любопытно, какъ *первое*, самое старинное изъ путешествій иностранцевъ *въ Россію*, уже получившую свое политическое образованіе: Плано-Карпини и Рюисбрюкъ ѣздили къ *Моголамъ*. Замѣтимъ

Русь казалаеь Европѣ новооткрытою страною; хотѣли узнать ее подробнѣе, какъ узнавали въ это время Европейцы страны Азіи и Америки. Страсть къ путешествіямъ была тогда всеобщею въ Европѣ, и вела Португальцевъ въ Индію, Испанцевъ въ Америку, странствователей Итальянскихъ въ Среднюю Азію (457), Англичанъ на Сѣверъ. Одинъ изъ

здѣсь, что древнѣйшее изъ извѣстій Западныхъ путешественниковъ о Россіи находится въ повѣствованіи Испанскаго Жида Веніамина, который началъ свои странствованія въ 1173 году (см. у Бержерона, т. I, Voyage de Benjamin). О дальнѣйшихъ сношеніяхъ съ Венеціею, см. прим. 470.

(457) Тогда совершились: открытія Португальцевъ по берегамъ Западной Азіи (1460), переходъ черезъ экваторъ (1471), великое открытіе Колумба (1492), путешествіе В. де Гамы (1498), открытіе Южнаго Океана (1513), завоеваніе Мексики Кортезомъ съ 1518 г., завоеваніе Перу Пизарромъ съ 1525 г., первое путешествіе Французовъ въ Канаду 1534 г., прибытіе Португальцевъ въ Японію въ 1542 г., первыя покушенія Англичанъ на Сѣверную Америку въ 1578 г., первое покушеніе Голландцевъ въ Азію въ 1595 г. Въ эту-же эпоху, по слѣдамъ Миссіонеровъ, Марка Павла, Одерика и Барбаро, стремились тысячи странствователей въ Азію (Ист. Р. Н. т. IV, прим. 113); Англичане шли на сѣверо-востокъ Европы по Сѣвернымъ морямъ; Голландцы открывали Австралію, и все это, столь безмѣрное, совершено было въ теченіе одного столѣтія!

Германскихъ путешественниковъ, рыцарь Николай Поппель, явился въ 1486 г. въ Москвѣ, проѣхавъ изъ Ливоніи черезъ Псковъ и Новгородъ. Онъ былъ снабженъ свидѣтельствами отъ Магистра Ливонскаго и письмами отъ Императора Фридерика III-го. Поппеля опасались въ Москвѣ, ибо при немъ не было свиты, и никакъ не могли повѣрить ему, когда онъ увѣрялъ, что ѣздитъ только изъ любопытства. Возвратясь въ Германію, Поппель изумлялъ своими разсказами о Московіи, и въ 1489 году пріѣхалъ опять въ Москву, уже Посломъ отъ Императора Фридерика, и сына его Максимиліана, Короля Римскаго. Іоанну предлагали получить отъ Императора титулъ *Королевскій*, и выдать дочь свою за Маркграфа Баденскаго; просили еще его оставить въ покоѣ Ливонію, съ которою Псковитяне ссорились безпрестанно. Поппель, вѣтреный и безразсудный, надѣялся, что Іоаннъ обрадуется предложеніямъ Императора, и требовалъ, чтобы ему показали невѣсту. Іоаннъ гордо отвѣчалъ, что на Руси такъ не водится; что о бракѣ дочери пошлетъ онъ говорить своего Посла; а на предложеніе Королевскаго титула сказалъ, что «Божіею милостію, онъ Государь на своей землѣ, изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей; поставленіе имѣетъ отъ Бога, и проситъ Бога, чтобы онъ далъ и дѣтямъ его та-

кое поставленіе, а отъ другихъ Государей онъ никогда принимать его не хотѣлъ и не хочетъ.» Съ Поппелемъ отправился въ Германію Грекъ Траханіотъ; онъ былъ у Императора, и строго исполнялъ повелѣніе Іоанна: поддерживать честь Русскаго Государя въ обрядахъ и рѣчахъ. Императоръ оказывалъ всю возможную вѣжливость Послу Іоанна, *Царя Русскаго*. Сей титулъ переводили по-Нѣмецки словомъ: *Императоръ*. Траханіотъ объявилъ, что Русскому Царю, брату Греческихъ Царей, уступившихъ Римъ Папѣ, низко вступать въ родство съ Княземъ подвластнымъ; но, что онъ готовъ отдать дочь свою за Римскаго Короля (который тогда былъ вдовъ послѣ перваго брака). Траханіотъ возвратился въ Москву въ Іюлѣ 1490 года, съ Посломъ Императорскимъ Делаторомъ. Дѣло о супружествѣ дочери Іоанновой отклонили съ обѣихъ сторонъ. Посолъ присланъ былъ собственно отъ имени Короля Римскаго, и заключилъ дружественный договоръ. Императоръ желалъ тогда получить для Максимиліана Венгрію, гдѣ Матѳій Корвинъ скончался, оставивъ государство свое въ добычу споровъ между Богеміею, Польшею и Императоромъ. Условились взаимно воевать, если начнется война съ Польшей. Съ Делаторомъ (въ Августѣ 1490 г.) отправился опять Траханіотъ, подтвердить договоръ клят-

вою Максимиліана. Іоаннъ велѣлъ ему снова искусно начать переговоры о сватовствѣ. Мысль: отдать дочь свою за Максимиліана, полюбилась Іоанну. Траханіотъ нашелъ Максимиліана въ Ниренбергѣ, уже сосватавшаго за себя Французскую Принцессу, и потому ничего не упоминалъ о сватовствѣ; но миръ подтвердили. Посолъ Іоанновъ возвратился въ Августѣ 1491 года. Немедленно пріѣхалъ потомъ въ Москву Делаторъ, извиняться, что медленность извѣстія о согласіи Іоанна отвлекла Максимиліана отъ брака съ его дочерью. Онъ просилъ подтвердить миръ. Потомъ начали говорить о зависимости Нѣмецкихъ Рыцарей отъ Польши, вслѣдствіе послѣдней войны, и что Орденъ сей, и Ливонскій, готовы воевать Польшу, если только Іоаннъ возметъ ихъ въ милостивое соблюденіе. Наконецъ Делаторъ просилъ Іоанна прекратить набѣги Рускихъ на Швецію. Іоаннъ зналъ, что Императоръ кончилъ въ это время всѣ ссоры съ Польшею миролюбиво; видѣлъ, что его манятъ только посулами, и высказалъ всю правду въ отвѣтѣ своемъ. Онъ не отрекался отъ союза съ Рыцарями, но говорилъ, что прежде всегда били они челомъ Новгороду, и теперь могутъ говорить о дѣлахъ своихъ съ Намѣстниками Пскова и Новгорода. О Швеціи онъ не сказалъ ничего, и опять отправилъ Посла, Дьяка Ярописна

(въ Апрѣлѣ 1492 г.); ему велѣно было развѣдать достовѣрнѣе о политическихъ расположеніяхъ Императора, и какъ слышно было, что сватовство Максимиліана не исполняется, то предложить о возобновленіи прежнихъ по сему дѣлу сношеній. Велѣно было поискать еще невѣсты Василію между Европейскими Княжнами, и если Максимиліановъ бракъ состоится, то развѣдать о брачномъ союзѣ съ Саксонскимъ Курфирстомъ, или другимъ сыномъ Императора, Филиппомъ. Но во всѣхъ случаяхъ, прежде всего другаго, ему повелѣно было неизмѣнно думать о соблюденіи православія невѣсты, и наблюдать осторожность, чтобы *не повредить чести Государской*. Яропкинъ видѣлъ Максимиліана въ Кольмарѣ, обманутаго въ честолюбивыхъ замыслахъ на женитьбу и занятаго войною съ Франціею. Съ обѣихъ сторонъ наговорили только множество увѣреній въ дружбѣ. Іоаннъ перестaлъ думать о посольствахъ къ Императору. Максимиліанъ, наслѣдовавшій отцу своему въ 1493 г., вмѣшанный въ дѣла Реформаціи, открывавшейся въ Германіи, и въ дѣла Испанскія, по женитьбѣ сына его на дочери Фердинанда и Изабеллы, снова думалъ о Венгріи, и вспомнилъ о Русскомъ Царѣ. Посолъ его, Гаршингеръ, пріѣхалъ въ Москву въ 1504 г., просить у Іоанна кречетовъ, и предложить помощь, ибо Императоръ слышалъ, что

Московію обижаютъ сосѣди. Іоаннъ отвѣчалъ, что онъ, слава Богу, самъ управляется съ сосѣдями; готовъ однакожъ помочь Императору завоевать Венгрію. Угостивъ Посла великолѣпно, отправивъ съ нимъ кречетовъ, Іоаннъ извинился, что не посылаетъ Пословъ отъ себя. Въ 1505 году Намѣстники Новгородскіе извѣстили Іоанна, что Гартингеръ находится въ Эстляндіи, прислалъ Императорскія грамоты на Іоанново имя, и требуетъ переговоровъ. Зная, что хотятъ говорить о размѣнѣ Ливонскихъ плѣнниковъ, и предвидя безполезность пересылокъ съ Императоромъ, вѣжливо отклонилъ Іоаннъ всѣ предложенія, только увѣряя въ дружбѣ (458).

---

(458) *Дѣла Цесарскія* въ Госуд. Архивѣ (Карамзинъ, прим. 339 до 342-го, съ 344 до 351, 353, 354, 571, 572). Съ Траханіотомъ въ 1489 г. послано къ Императору въ подарокъ 40 соболей, и двѣ шубы, *бѣлитья и горностаевая*. Поппеля называли въ Руси *рицерь Николай Поплевъ*, а Гартингера *Юдокъ Кантирьеръ*. Съ Делаторомъ (1490 г.) Императоръ отдарилъ бархатомъ, называя титломъ Іоанна: «Свѣтлѣйшій и всемочнѣйшій и начальнѣйшій Іоаннъ, вседержавный Государь Русскій, нашъ дражайшій другъ.» Делатора Іоаннъ «учинилъ *золотоносцемъ*: далъ ему цѣпь золоту, со крестомъ, да шубу атласъ съ золотомъ, на горностаяхъ, да *острози* (шпоры) серебряны, золоче-

Послы Іоанна ѣздили къ Императору черезъ Датскія владѣнія, гдѣ оскорбляли ихъ разны-

ны.» Вѣтреный Поппель писалъ тогда-же, и прислалъ письмо съ слугою своимъ, препровождая «монисто и ожерелье золотые, 15 локтей бархату золотнаго и червленый бархатъ на золотѣ, съ подкладкой синяго *гамлата*,» прося за это прислать живыхъ звѣрей «иже слывутъ по-Русски *лоси*, а по-Нѣмецки *Элеутъ*, да одного *Гогулятина*, которые сырое мясо ѣдятъ.» Такая вольность въ сношеніяхъ не понравилась Іоанну; онъ не принялъ подарковъ Поппеля, и велѣлъ сказать, что «Николай Поплевъ писалъ не по пригожу, какъ есть пишутъ къ Великимъ Государямъ.» Но въ доказательство ласковости, за изъявленіе должной его величію покорности, взялъ отъ слуги Поппеля двѣ простыя объяри, и велѣлъ богато отдарить его, тремя сороками соболей, цѣною въ 30-ть червонцевъ. Въ 1491 г. Делаторъ жилъ въ Москвѣ около 5-ти мѣсяцевъ, и привезъ въ подарокъ *поставъ скарлату и дамашки*. Траханіотъ и Яропкинъ (1492) наняли въ Германіи *книгопечатника Варѳоломея*, для перевода Нѣмецкихъ бумагъ, ибо сами не знали по-Нѣмецки, и боялись измѣненій въ договорахъ; Іоаннъ именно приказалъ писать договоры по-Славянски, а ежели не будетъ умѣющаго писать на семъ языкѣ, то по-Латински и Нѣмецки, но съ оговоркою, что всякая отмѣна противъ Русскаго подлинника не пріемлется въ дѣло. Гартингеръ (въ 1505 г.) просилъ отвѣчать ему по-Латини, «занеже не могутъ разумѣти письма Русскаго, а были разумѣющіе языкъ Русскій, тѣхъ не стало,» и проч.

ми неудовольствіями, дружа Казиміру. Но Данія скоро увидѣла пользу союза съ Іоанномъ. Непрерывно продолжалась вражда ея противъ Швеціи, силившейся свергнуть съ себя иго, наложенное рукою Маргериты. Іоаннъ могъ быть сильнымъ пособіемъ къ униженію Шведовъ, и въ 1493 г. въ первый разъ пріѣхалъ въ Москву Посолъ Датскій. Онъ заключилъ дружественный договоръ съ Іоанномъ. Послы Русскіе, Грекъ Раль и Дьякъ Зайцовъ, ѣздили подтвердить договоръ, и возвратились съ новымъ Посломъ Датскимъ (459). Есть извѣстія, что внушенія Даніи побудили Іоанна разрушить древнія торговыя сношенія Ганзейскихъ городовъ съ Новгородомъ, и воевать Швецію въ 1495 и 1496 годахъ. Іоанна ласкали надеждою, что за сына его Василія отдадутъ Принцессу Датскую, и уступятъ ему значительную часть Финляндіи, гдѣ Рускіе не переставали безпрестанно ссориться съ Шведами. Властвуя Новгородомъ, Іоаннъ хотѣлъ прекратить мѣлкія распри со стороны Ливонской и Шведской. Укрѣпивъ границы построеніемъ Ивангорода, противъ самой крѣпости Рыцарей,

---

(459) *Архивск. Лѣт.* (Карамзинъ, т. VI, прим. 366).

находившейся на рѣкѣ Наровѣ (въ 1492 г.), Іоаннъ держалъ охранительное войско въ Балтійскихъ областяхъ, рѣшалъ самовластно споры, и хотѣлъ пріучить сѣверныхъ своихъ сосѣдей къ уваженію воли его. Отлагая до времени рѣшеніе войною непріязни съ Рыцарями и Польшею, онъ могъ предполагать, что торговля Ганзеатическая поддерживаетъ силы Новгородцевъ и остатки вольнаго духа, который безпрерывно старался онъ истребить. Іоаннъ вѣдалъ, что выгоды торговли привлекутъ купцовъ Нѣмецкихъ въ Ивангородъ. Притомъ Ганза упадала въ сіе время, отвсюду подрываемая новымъ порядкомъ дѣлъ въ Европѣ, усиленіемъ Голландцевъ и притѣсненіями Датчанъ. Швеція, со временъ Калмарскаго союза (1397 г.), до самаго Густава Вазы (1521 г.), представляетъ въ Исторіи своей безпрерывную мѣну порабощеній и освобожденій отъ ига Датскаго. Но Данія всегда успѣвала пересиливать Швецію. Іоаннъ могъ надѣяться болѣе на дружбу Датчанъ, и притомъ онъ отвлекалъ сильнаго союзника отъ Рыцарей и Польши. Наконецъ — отнесемъ и къ гордому характеру Іоанна поступокъ его съ Ганзейскими купцами: его оскорбили своевольнымъ наказаніемъ какого-то Рускаго въ Ревелѣ, и поносительными словами, сказанными при семъ случаѣ. Онъ слышалъ притомъ жалобы на обманы Ганзейскихъ куп-

цовъ, и—потребовалъ удовлетворенія: выдачи Ревельскихъ судей, осудившихъ его подданнаго. Получивъ отказъ, Іоаннъ велѣлъ захватить повсюду товары Ганзейцевъ, и 49-ть человѣкъ Нѣмецкихъ купцовъ брошены были въ темницы. Посольство Ганзейское прибыло въ Москву въ 1495 г., испросило свободу заключеннымъ, но Іоаннъ не отдалъ отнятаго у купцовъ, не говорилъ о возобновленіи торговли, и Новгородская Ганзейская торговля прекратилась надолго. Часть ея перешла въ Нарву. Руские ѣздили за Нѣмецкими товарами въ Ригу, Ревель, Дерптъ (460).

---

(460) Кельхъ, стр. 153; Типогр. Лѣт. стр. 336; ссылка на Кранція, Гадебуша, и Арндта, см. у Сарторія, G. des hanseat. Bundes, т. II, 471 – 474. Въ 1493 г. въ Ревелѣ, при казни одного Рускаго, уличеннаго въ гнусныхъ преступленіяхъ, говорили: «*Мы сожели-бы и самого вашего Вел. Князя, если-бы онъ тоже сдѣлалъ.*» Пишутъ, что Іоаннъ, услышавъ о сихъ словахъ, изломалъ въ гнѣвѣ трость свою, и грозно вскричалъ: «*Суди Богъ дѣло мое и казни дерзость!*» Вопреки Карамзину (т. VI, стр. 266), догадка Сарторія, что Ганзейская торговля подкрѣпляла духъ самобытности Новгородцевъ, можетъ почесться весьма справедливою: Іоаннъ рѣшительно уничтожалъ всякую самобытность Новгорода. О внушеніяхъ Даніи пишетъ Далинъ. Товары, захваченные въ Новгородѣ, цѣнили въ милльонъ гульденовъ. О жалобахъ на обма-

въ 1496 году, Іоаннъ началъ войну съ Шведами: онъ узналъ, что переговоры о покореніи Швеціи союзнику его, Королю Датскому, оказались безуспѣшны. Еще въ 1495 г. воеводы Іоанновы осаждали Выборгъ, но были отбиты храбрымъ Рыцаремъ Поссе. Въ Ноябрѣ самъ Іоаннъ прибылъ въ Новгородъ, и распорядился походомъ сильнаго войска. Оно опустошило Финляндію до самыхъ отдаленныхъ ея предѣловъ. По Сѣверной Двинѣ, удальцы Русскіе проѣхали даже въ Лапландію. Главный правитель Швеціи Стенъ-Стуръ спѣшилъ отражать враговъ, но не смѣлъ напасть на Рускихъ, развлекаемый движеніемъ Датчанъ на Швецію. Война кончилась новымъ нашествіемъ Рускихъ на Финляндію и раззореніемъ Шведами Ивангорода, откуда трусливые воеводы, Князья Бабичъ, Брюхо и Гундоровъ бѣжали, оставивъ Ивангородъ безъ защиты; Шведы выжгли его. Въ 1497 г. Король Датскій былъ принятъ въ Швеціи, отдавъ Стенъ-Стуру Финляндію. Онъ просилъ Іоанна прекратить военныя дѣйствія, и, кажется, ничего

ны Нѣмцевъ, см. *Цесарскія дѣла* (Карамз. т. VI, прим. 421). Подлинные договоры съ Даніею, въ Госуд. Архивѣ, нач. съ 1563 года; грамоты съ 1574 г.; дѣла посольскія съ 1516 г.

не далъ ему за пособіе. Впрочемъ, Рускіе были довольны добычею, и страхомъ, наведеннымъ на Финляндію ихъ нашествіями. Дружба съ Даніею продолжалась. Послы Датскіе пріѣзжали въ Москву въ 1500, 1501, 1503 гг., хотя переговоры о бракѣ Василія съ дочерью Короля были оставлены (461).

Вступая такимъ образомъ въ связи съ Государями Европы, и вникая въ ихъ политику, могъ-ли Іоаннъ не обратить вниманія на могущее царство Оттомановъ, властителей Греціи, страшившихъ Европу, повелѣвавшихъ въ Азіи и въ Европѣ, и обладавшихъ Крымскими ордами? Переговаривая съ другими о войнахъ противъ Султана, Іоаннъ хотѣлъ быть съ нимъ въ мирныхъ сношеніяхъ, и при случаѣ пользоваться его дружбою, ибо не мог-

(461) Поссе взорвалъ порохомъ башню, которою овладѣли Рускіе, и это такъ изумило Финновъ, что они почли его волшебникомъ (см. Далина, *Шв. Ист.*). О походѣ 1496 года, Арханг. Лѣт. стр. 172: «Извоевали Полну рѣку, да Торнову, да Снѣжну; добра поимали много, а полону безчисленно; а ходили съ Двины, моремъ Акіяномъ, да черезъ Мурманскій носъ.» О взятіи Ивангорода, *Далинъ*; Строевск. Лѣт. II, 255; *Архивск. Лѣт.* (Карамз. т. VI, прим. 433). О посольствахъ 1500 и 1501 г. *Ист. Г. Р.* т. VI, прим. 434.

ло быть никакого повода къ войнѣ между Турціею и Русью. Турки только управляли, но не владѣли Крымомъ; Молдавія и степи необозримыя отдѣляли самыя ближнія владѣнія ихъ отъ Руси. Вскорѣ Іоанну представился случай войдти въ сношенія съ Султаномъ Турецкимъ. Русскихъ купцовъ притѣсняли въ Кафѣ Турецкіе чиновники, такъ, что они вовсе перестали туда ѣздить. Дьякъ Курицынъ разговаривалъ объ этомъ съ Пашею Турецкимъ въ Бѣлградѣ, и узналъ, что Султанъ желаетъ дружбы Русскаго Царя. Іоаннъ боялся униженія, и просилъ Менгли-Гирея развѣдать подробнѣе. «Если онъ тебѣ братъ, то и мнѣ братъ,» отвѣчалъ Султанъ Крымскому Хану, который просилъ Іоанна оправдать его передъ Султаномъ, ибо Кафинскіе чиновники увѣряли въ Царьградѣ, что торговля съ Рускими прекратилась по умысламъ Менгли-Гирея. Въ 1492 г. Іоаннъ отправилъ грамату къ Султану, начавъ ее такъ: « Султану Великому Царю, между Бесерменскихъ Государей Великому Государю, вольному надъ Турецкими Государями, надъ землею и моремъ, отъ Іоанна, Божіею милостію единаго праваго Господаря всея Руси, отчича и дѣдича, и многихъ земель отъ Сѣвера и до Востоца Государя. Величеству твоему слово наше то.» Іоаннъ объяснялъ далѣе обиду Русскихъ купцовъ и предлагалъ взаим-

ное привѣшствіе. Баязешъ, наслѣдникъ Мугаммеда II-го, царствовавшій шогда, принялъ предложеніе Іоанна, запрешилъ пришѣснять Руспихъ въ Кафѣ, и оштправилъ къ Іоанну Посла и грамашу. Но Турецкаго Посланника осшановилъ въ Кіевѣ Польскій Король, сказавъ, что никогда прежде Султанъ не сносился съ Русью черезъ Литву. Іоаннъ оштправилъ однакожъ въ Царьградъ Посла своего Плещеева (въ 1496 г.), послалъ дружескую грамашу, но шакъ строго запрешилъ ему унижаться передъ Султаномъ, что Плещеевъ едва не разрушилъ всей пріязни нарушеніемъ придворныхъ обрядовъ Поршы Оттоманской. Плещеевъ привезъ въ Москву ласковую грамашу Баязета. «Единъ Богъ!» — писалъ Султанъ. — «Великоименитый Гамаюнъ, Султанъ Баязешъ, сынъ Мугаммеда, въ своей землѣ, Божіею милостію Анатолійской и Румской земли, Бѣлаго и Чернаго морей, Караманскій и меньшаго Рима, говорю тебѣ, многихъ земель Государь, всея Руси Восточной и Земной, и многихъ странъ Князь Иванъ: въ добрый часъ прислалъ ты къ моего порогу, отъ своего праваго, чистаго сердца, добраго человѣка Михаила. Путь его посольства до меня дошелъ; онъ меня видѣлъ и грамашу твою отдалъ, а я, взявъ ее, приложилъ къ моему сердцу.» Объясняясь потомъ о покровительствѣ Русскимъ купцамъ, Султанъ говорилъ

рилъ: «отпускай ихъ въ мою землю; они увидятъ мою правду къ тебѣ, и тебѣ объ этомъ скажутъ.... Дай Богъ, чтобы Посолъ твой возвратился къ тебѣ благополучно. Онъ повѣдаетъ тебѣ мое здоровье, дружбу и любовь; отъ меня тебѣ великій поклонъ; кто мнѣ другъ, тебѣ другъ, и тому великій поклонъ.» Но Баязетъ былъ недоволенъ Плещеевымъ, и за тѣмъ только не отправилъ въ Москву Посла своего, что боялся униженія въ обрядахъ. Все это высказалъ онъ Менгли-Гирею, говоря ему, что Царь Русскій присылалъ къ нему невѣжду; что онъ, Султанъ, уважаемый отъ Востока до Запада, боится понести стыдъ оскорбленія въ лицѣ Посла своего, и потому передаетъ сношенія съ Русью сыну своему Шихзадѣ, правителю Кафы. Іоаннъ отправилъ въ 1499 г. новаго Посла своего Голохвастова, оправдываясь въ мнимой неучтивости Плещеева. Султанъ отвѣчалъ привѣтливо; но Посолъ присланъ былъ въ Москву только отъ Шихзады. Іоаннъ ласкалъ его, даже посадилъ за свой столъ. Торговля съ Турціею началась снова, и продолжалась безъ препятствій (462).

(462) *Дѣла Крымскія* (Карамз. VI, прим. 372, 373, 441, 442, 458, 459). *Дѣла Польскія* (тамъ-же, 411). Послы изъ Кафы пріѣзжали еще въ 1501 г. Съ

Упомянемъ наконецъ о трехъ посольствахъ къ Іоанну, дополняющихъ весь объемъ дипломатическихъ его сношеній съ Европою и Азіею. Одно изъ нихъ было отъ Чагатайскаго Султана, потомка Тимурова, Гуссеина-Мирзы. Посолъ его, Богатырь Урусъ, пріѣзжалъ въ Москву въ 1490-мъ году; слѣдствія сего посольства неизвѣстны (463). Въ 1492 г. прибыли въ Москву Послы Царя Грузинскаго Александра. Стѣсняемый отвсюду, сей единовѣрецъ Русскаго властителя униженно билъ ему челомъ, моля о покровительствѣ. «Изъ дальнія земли ближнею мыслью, меньшій изъ холоповъ твоихъ, тебѣ, великому Царю и Господарю, челомъ бью» — писалъ Царь Грузинскій. «Ты цвѣтъ зеленаго неба, намъ темнымъ, звѣзда

ними поѣхалъ Голохвастовъ, требовать управы на Азовскихъ Татаръ, убившихъ Русскаго Посла Кутузова, возвращавшагося изъ Кафы. Подлинные договоры съ Турціею въ Госуд. Архивѣ нач. съ 1681 г., граматы съ 1615 г., а посольскія дѣла съ 1513 года.

(463) Архивск. Лѣт. (Карамз. т. VI, прим. 367). Гуссеинъ, обладатель Бухаріи, былъ праправнукъ Тимура, успѣлъ овладѣть Хорасаномъ, и славился на Востокѣ мужествомъ и мудростью. Въ началѣ XVI-го вѣка, Ханы Узбекскіе разрушили царство Тимуровыхъ потомковъ, и послѣдній изъ нихъ, *Бабуръ*, бѣжалъ въ Индію, гдѣ былъ потомъ родоначальникомъ Великихъ Моголовъ (см. Ист. Р. Н. т. VI, прим. 136).

и надежда Христіанъ, вѣры нашей крѣпость, всѣмъ Государямъ прибѣжище и законъ, подпора бѣднымъ, *надѣя* бесерменомъ, законной земли грозный Государь, Князьямъ высшій Князь и справедливая управа, тишина земли, обѣтникъ Чудотворца Николая. Добрыхъ Государей молитвою и счастіемъ, мы еще живы въ Иверской нашей землѣ, и воздали-бы хвалу Богу, если-бы и о твоемъ здравіи услышали. О семъ отвѣдать, и ударить тебѣ челомъ, послали мы Пословъ нашихъ къ твоему порогу. Будь посылка наша въ добрый часъ, и дай тебѣ Богъ счастія. Даже и холопства твоего недостойный, Царь Александръ.» — Можетъ быть, привѣтомъ Іоанна удостоено было это униженное посланіе Царя, привыкшаго рабствовать (464). Не знаемъ также, что отвѣчалъ Іоаннъ Послу Шамахійскаго Султана, пріѣзжавшему въ 1499-мъ году. Вѣроятно впрочемъ, что Чагатайскіе и Шамахійскіе посланные были собственно купцы, пріѣзжавшіе въ Русь торговать, и испрашивавшіе себѣ званіе Пословъ, для большей выгоды. Мы упоминали о сношеніяхъ Іоанна съ Персіею, и предме-

---

(464) О Грузинскомъ Послѣ, *Архивск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 370).

тѣ оныхъ; но обстоятельства сихъ сношеній для насъ неизвѣстны (465).

Не удовлетвореніе ничтожнаго честолюбія руководило Іоанна въ дипломатическихъ сношеніяхъ. Онъ искалъ повсюду существенной пользы, величія государственнаго, и не хотѣлъ тратить ни времени, ни расходовъ на безполезныя пересылки и переписки. Уничтоженіе Золотой Орды и безопасность отъ Монголовъ были цѣлью посольствъ его въ Персію, дружбы съ Крымомъ и Ногаями; униженіе Польши поводомъ сношеній и дружбы съ Молдавіею, Венгріею, Императоромъ и Даніею; выгоды торговыя заставляли пересылаться съ Султаномъ. Объемъ политическихъ дѣйствій Іоанна еще не обхватывалъ многаго; но какъ безмѣренъ былъ онъ послѣ того, что занимало отца его

(465) О Шамахинскомъ Послѣ, Кар. т. VI, прим. 457. — Гассанъ, или *Узунъ-Гассанъ*, былъ изъ рода Туркомановъ *Чернаго барана* (такъ названныхъ по изображенію на ихъ знаменахъ). Онъ уничтожилъ власть Туркомановъ *Бѣлаго барана*, владѣвшихъ Персіею послѣ истребленія потомковъ Тимура, въ 1410 году, и былъ славенъ на Востокѣ и въ Европѣ своею храбростію и просвѣщеніемъ. Онъ умеръ въ 1478 г., а въ 1501 г. родъ Гассана уже былъ низверженъ *Измаиломъ Софи*, внукомъ славнаго Софи, возстановителя Аліевой секты въ Персіи.

и дѣда, и какъ искусно успѣвалъ Іоаннъ извлекать пользу изъ всѣхъ своихъ начинаній! На дѣлахъ, поступкахъ, даже рѣчахъ Іоанна лежалъ притомъ всегда неизгладимый типъ его вѣка и современнаго ему образованія Руси: Іоаннъ ищетъ невѣсты сыну, жениха дочери въ Европѣ; но первое условіе его—сохраненіе православія. Онъ хочетъ дружбы и союза Государей, но не дозволяетъ малѣйшаго униженія въ обрядахъ, доказывающихъ его величіе и силу (466).

Не зная современнаго ему просвѣщенія и образованія Европы, даже чуждый ихъ по религіозному своему направленію, ни отъ Греціи, ни отъ Запада Іоаннъ не требовалъ пособій для просвѣщенія умственнаго. Но онъ вполнѣ понималъ необходимость знаній, вещественно

---

(466) Наказъ Траханіоту и Кулешину, 1490 г. въ *Ист. Г. Р.* т. VI, стр. 216. Строгости, съ какою наблюдалъ Іоаннъ обряды, въ сношеніяхъ съ иностранными Государями, мы видѣли примѣры: сношенія съ Турціею едва было не разрушились отъ того, что Посолъ его Плещеевъ требовалъ переговоровъ лично съ Султаномъ, правилъ поклонъ стоя, не хотѣлъ обѣдать съ Пашами (Карамз. т. VI, стр. 273); Іоаннъ считалъ за униженіе переговаривать тайно съ Посломъ Императора; не позволялъ Ливонскимъ Рыцарямъ и Швеціи вести переговоры съ нимъ самимъ;

полезныхъ, и не щадилъ ничего для привлеченія въ Русь искусныхъ людей, художниковъ, знатоковъ. При каждомъ сношеніи своемъ съ Европою, Іоаннъ имѣлъ это постоянною цѣлью.

Супружество Іоанна съ Греческою Царевною не принесло Руси собственно ничего, кромѣ чести — именоваться Русскому Царю зятемъ Греческихъ Императоровъ, « потомковъ отъ « корени Августа Кесаря, при которомъ во« плотился Іисусъ Христосъ и славился го« родъ Римъ Великій. » Греческую тогдашнюю Церковь, уцѣлѣвшую подъ игомъ Оттомановъ, послѣ Флорентійскаго раскола и несчастныхъ его слѣдствій, Руссы почитали утратившею первобытную чистоту. Наслѣдства за Софіею не было. Дружбу Султана Іоаннъ, конечно, предпочелъ-бы пустому титулу *наслѣдника Византійскаго престола.* Онъ и не искалъ сего титула. Братья Софіи оба оставались недо-

---

Послы его должны были вручать грамоты Магистру Ливонскому *сидя*; получивъ посольство отъ сына Императорскаго, а не отъ самого Императора, онъ велѣлъ только *спросить о здоровьѣ Императора,* но отнюдь *не править поклона*, и вмѣсто себя приказалъ отвѣчать сыну своему. Словомъ: соблюденіе этикета въ сношеніяхъ и перепискахъ со временъ Іоанна составило важную часть Дипломатики Русской.

вольны Іоанномъ. Одинъ изъ нихъ, Эммануилъ, переѣхалъ въ Царьградъ и умеръ тамъ рабомъ Мугаммеда II-го; другой, Андрей, пріѣзжалъ въ Москву два раза, выдалъ дочь свою за сына Князя Верейскаго, но умеръ въ Римѣ, и передалъ право свое на Царьградъ Королю и Королевѣ Испаніи (467). Но Іоаннъ извлекъ важныя выгоды отъ пріѣзда многихъ Грековъ въ Москву. Таковы были: Ралъ, Траханіотъ, Ласкарь, Руфъ, и ихъ товарищи. Они привле-

---

(467) Впрочемъ, вмѣсто прежнихъ разнообразныхъ печатей Княжескихъ, Іоаннъ началъ употреблять постоянно на печати орла Византійскаго. Первая изъ извѣстныхъ намъ грамотъ съ такою печатью относится къ 1497 году (*Собр. Гос. Грам.* т. I, № 129). Съ одной стороны видѣнъ на ней всадникъ, поражающій копьемъ дракона, и надпись: *Іоаннъ, Божіею милостію, Господарь всея Руссіи, Великій Князь*; съ другой двуглавый орелъ, съ опущенными крыльями и распростертыми лапами; на обѣихъ головахъ его находятся короны; кругомъ надпись: *и Великій Князь Владим. и Моск. и Новгор. и Псковск. и Тверск. и Югорск. и Вятск. и Перм. и Болгар.* — Впослѣдствіи начали почитать первое изъ сихъ изображеній гербомъ Московскимъ, второе гербомъ Всероссійскимъ. —Андрей, *послѣдній Палеологъ*, былъ въ Москвѣ въ 1480 и 1490 гг. Онъ повсюду безславилъ себя буйствомъ, распутствомъ, и продалъ право на Византійскій престолъ сперва Королю Французскому, утвердивъ

жали къ нему другихъ иноземцевъ; были Послами, чиновниками Іоанна, изъясняли ему политическія связи Европы, учили Русскихъ Дипломатикѣ, и образовывали Курицыныхъ, Голохвастовыхъ, Мамыревыхъ, Беклемишевыхъ, которые должны были отдавать Іоанну отчетъ обо всемъ, что они видѣли, замѣтили, слышали въ Европѣ (468). И прежде выѣзжали въ Русь художники Европейскіе; Іоаннъ началъ самъ искать, вызывать ихъ въ Русь. Зодчіе, литейщики, врачи, живописцы пріѣзжали по его слову въ Москву во множествѣ. Въ 1490-мъ году, съ братомъ Софіи прибыло ихъ вдругъ нѣсколько семействъ; въ 1493 г. Посолъ Мамыревъ вывезъ изъ Венеціи и Милана *стѣнныхъ* и *палатныхъ* мастеровъ; въ 1504 г. Дмитрій Ралъ, проживъ нѣсколько лѣтъ въ Италіи, привезъ изъ Рима мастеровъ серебряныхъ, пушечныхъ и стѣнныхъ. Безпрерывно

это актомъ 1494 г. (Гиббонъ, т. XIII, стр. 125), вслѣдствіе чего Карлъ VIII-й торжественно назвался *Августомъ* и надѣлъ багряницу; но Андрей разсердился потомъ на него, и перепродалъ свое право Фердинанду и Изабеллѣ.

(468) Такъ въ донесеніяхъ Траханіота и Яропкина находимъ извѣстія о тогдашнихъ событіяхъ Европы, и даже мѣлочахъ, какъ-то: цѣнѣ хлѣба во Фландріи (Кар. т. VI, прим. 356).

подкрѣпляя для сего сношенія съ Италіею, гдѣ славились тогда Искуствами, Іоаннъ (въ 1490 г.) просилъ также у Императора Максиміліана искусныхъ лекарей, рудознатцевъ, инженеровъ, серебряниковъ; велѣлъ искать и нанимать ихъ; просилъ Саксонскаго Курфирста не препятствовать ихъ проѣзду; и еще прежде, у Матѳія Корвина (въ 1482 г.) требовалъ различныхъ художниковъ, извѣщая Венгерскаго Короля, что въ Русскомъ царствѣ есть всего обиліе, золота и серебра, но добывать тѣхъ металловъ Руские не умѣютъ (469).

---

(469) Съ братомъ Софіи (1490 г.) прибыли «Архитектонъ Петръ Антоній, да ученикъ его Замантоній, мастеры стѣнные и палатные, да пушечный мастеръ Яковъ съ женою, да серебряныхъ мастеровъ Христофоръ, съ двумя учениками изъ Рима, да Ольбертъ Нѣмчинъ изъ Любека, да Карлъ съ ученикомъ изъ Медіолана, да Петръ Райно Грекъ изъ Венеціи, да капланъ бѣлыхъ чернцовъ Августинова закона Іоанна спасителя (который потомъ, къ великому торжеству Руских, принялъ Греко-Россійскую вѣру, женился и былъ награжденъ помѣстьями), Арганнагой Грекъ, да лекарь Жидовинъ *Мистро* (Maestro) Леонъ изъ Венеціи» (Тип. Лѣт. стр. 317). О другихъ см. Ист. Г. Р. Т. VI, прим. 104, 342. Траханіоту дано было на расходы для найма людей 2 сорока соболей и 3000 бѣлокъ; велѣно ему было: «добывати мастера рудника, да который умѣетъ отъ земли раздѣлити золото и серебро; да ка-

Художники, прибывшіе въ Россію, не оставались безъ дѣла: они украшали Москву каменными зданіями, стѣнами, храмами; били монету, искали руд, лили пушки, дѣлали оружіе.

Въ 1471 г. Іоаннъ захотѣлъ вновь построить обветшавшій отъ времени Успенскій соборъ; Русскіе мастера разломали его, начали новый, и довели до сводовъ; вдругъ (въ 1474 г.) все зданіе обрушилось, отъ неумѣнья

меньщика хитраго, который-бы умѣлъ палаты ставить; да серебрянаго мастера хитраго, который-бы умѣлъ большіе сосуды дѣлать, да и кубки, да и чеканити, и писати на сосудахъ,» и проч. Распоряженія Іоанна по сему случаю чрезвычайно подробны: «Рядить мастеровъ на наемъ, по кольку имъ найму на мѣсяцъ давати, *за все про все*; а не поѣдутъ на наемъ, похотятъ поѣхати на Великаго *Князя жалованьѣ*, и ихъ съ собою взяти.... А не пойдутъ соболи и бѣлки на мастеры, ино продати на золотые, на Венедитскіе, или на Угорскіе, да золотые привезти къ В. К.» и проч. — Въ вѣрющей грамотѣ Траханіоту (1489 г., подписанной Іоанномъ *собственноручно*, см. *Соб. Г. г.*, т. II, N° 21), сказано было: «приказали еси ему звати на наше имя мудрыхъ людей, мастеровъ всякихъ, которые пригожи къ нашимъ потребамъ,» и проч.—О сношеніяхъ по сему случаю съ Максимиліаномъ, Саксоніею и Венгріею, см. *Ист. Г. Р.* т. VI, стр. 217, 223, 173.

строителей. Іоаннъ заказалъ тогда сыскать въ Италіи опытнаго зодчаго: согласился ѣхать въ Москву знаменитый зодчій Болонскій Фіоравенти, прозванный *Аристотелемъ*. Говорили, что онъ искусенъ во всемъ, двигаетъ съ мѣста башни, строитъ удивительные мосты; всѣ дивились механическимъ снарядамъ его, и даже подозрѣвали его въ волшебствѣ. Фіоравенти изумлялъ Москвичей новостію своихъ приготовленій къ постройкѣ, и соорудилъ храмъ Успенскій, донынѣ прочный и твердый. Храмъ сей конченъ былъ въ 1479 г. (470). Не менѣе славились въ Москвѣ—Марко Фрязинъ, Антонъ Фрязинъ, Петръ Антоній, Павелъ Дебосисъ: послѣдній приготовлялъ пушки Іоанну, и отлилъ на удивленіе всѣмъ огромную *Царь-пушку* въ 1488 году; двое первыхъ воздвигли на площади Кремлевской, противъ церкви Іоанна Лѣствичника, *Гра-*

(470) Имя *Фіоравенти* (Ridolfe Fioraventi), или *Альберта Аристотеля* («хитрости ради его *Аристотелемъ* зваху,» по словамъ Толбузина, ѣздившаго за нимъ въ Италію), извѣстно въ Исторіи Художествъ въ Италіи. Говорили, что онъ сдвинулъ съ мѣста колокольню въ Болоніи, а въ Ченто выпрямилъ покривившуюся колокольню; что его звалъ къ себѣ Султанъ, и посланные Іоанна съ изумленіемъ описывали механическія изобрѣтенія, и великолѣпный домъ Фіоравенти, бывшій въ Венеціи. Онъ договорился получать по 10

новитую Палату, построили новый Соборъ Благовѣщенскій близъ дворца. Послѣ двукратнаго страшнаго пожара, опустошившаго Москву въ 1493 г.; Алевизъ Итальянецъ, въ 1499 г., воздвигъ для Іоанна новый каменный дворецъ, названный *Теремнымъ*. Еще съ 1485 г., вмѣсто ветхихъ стѣнъ, построенныхъ Донскимъ, иноземные художники стали обводить Кремль новыми каменными стѣнами, и кончили дѣло въ 1492 году; Кремль окружили послѣ сего рвомъ и мостами; Іоаннъ велѣлъ очистить мѣсто кругомъ Кремля, не пожалѣлъ ни домовъ, ни церквей, и не слушалъ суевѣрнаго ропота людей, которые называли сію очистку «земскою бѣдою, горевали, что сломаны церкви *извѣчныя*, кости мертвыхъ вынесены

рублей въ мѣсяцъ. О колдовствѣ его: въ *Стоглавѣ* именно запрещается ворожить по какимъ-то *Аристотелевымъ вратамъ*. Есть особыя медали, съ надписью: Aristoteles, вѣроятно, битыя въ честь его при Іоаннѣ. Подробности постройки Успенскаго собора, паденія его, и новой постройки Фіоравенти, находятся въ Русскихъ Лѣтописяхъ (особенно *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 134, и слѣд.); многія изъ сихъ подробностей чрезвычайно любопытны, какъ-то: о производствѣ работъ Фіоравентіемъ, цѣнахъ матеріяловъ, открытіи и перенесеніи мощей, и проч. Выписка ихъ заняла-бы много мѣста, и мы будемъ еще говорить объ этомъ въ XII-мъ т. Ист. Р. Н.

изъ земли, и гдѣ были алтари, тамъ, по не-огороженному мѣсту, собаки бѣгаютъ.» Въ 1505 г. заложенъ былъ наконецъ новый соборъ Архангельскій. Мы упоминали о построеніи каменнаго Ивангорода. При осадѣ Новгорода, въ 1477 г. *дивный мостъ* черезъ Волховъ наведенъ былъ Фіоравентіемъ. Онъ нѣсколько разъ послѣ того начальствовалъ Русскою артиллеріею въ походахъ (471). Узнавъ, что въ Сѣверѣ Русскомъ есть руды драгоцѣнныхъ металловъ, Нѣмецъ Шнупсъ пріѣхалъ въ Москву, съ Послами Максимиліана и Сигизмунда, Князя Инспрукскаго. Онъ изъявилъ желаніе осмотрѣть дальнія Сѣверныя страны. Іоаннъ не позволилъ, и отговорился, что тамъ ѣздить опасно и неудобно; одарилъ Шнупса и отпустилъ его. Но еще за годъ прежде (въ 1491 г.),

---

(471) Карамзинъ, т. VI, прим. 105, и слѣд. О ропотѣ невѣждъ, см. письмо Новг. Архіеп. Геннадія къ Митрополиту Зосимѣ (Ист. Г. Р. т. VI, пр. 107); а Геннадій отличался еще умомъ, свѣдѣніями (см. прим. 529), былъ нарочно возведенъ Іоанномъ въ санъ Архіепископа Новгородскаго, даже уличаемъ въ вольнодумствѣ, разрѣшивъ, во время бытности своей Чудовскимъ Архимандритомъ, пить во всякое время Богоявленскую воду, за что былъ посаженъ въ ледникъ (Стр. Лѣт. II, 225). Что-же говорили и мыслили другіе?

рудознатцы Иванъ и Викторъ поѣхали на сѣверъ, и близъ Печоры, на рѣкѣ Цылмѣ, открыли богатую мѣдную руду; на другой годъ тамъ устроены были заводы. Сіи-же рудознатцы, въ Уральскомъ хребтѣ, отыскали серебро и золото (472).

Усвоивая такимъ образомъ Русской землѣ искуства и художества Запада, Іоаннъ мыслилъ о земскомъ распорядкѣ своего народа. Здѣсь исчислимъ мы кратко главнѣйшіе предметы его вниманія, ибо подробности законовъ и государственнаго устройства будемъ излагать отдѣльно.

Горделивый побѣдитель Орды, Казани и Новгорода, зять Греческихъ Императоровъ, другъ сильныхъ Монарховъ, какъ будто желая

---

(472) О Шнупсѣ, *Дѣла Цесарскія* (Карам. т. VI, прим. 362). О посылкѣ на Цылму, *Синод. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 360). Въ Эрмитажномъ Минцъ-Кабинетѣ хранится снимокъ съ золотой медали, вѣроятно, выбитой тогда на память: онъ серебряный; изображенъ Св. Николай Чудотворецъ, и надпись (сдѣланная, по видимому, чужестранцемъ, не знавшимъ по-Русски): *Икой вел дрсоиго ЗЕ ле створилъ единъ талеръ златъ и сълилъ златъ и подарова Кнегини своа Тодосіа* (т. е. «Лѣта 7005-го, Великій Государь сотворилъ, слилъ единый талеръ золотой, и подарилъ Княжнѣ своей Ѳеодосіи» (дочери).

искоренить въ умахъ память о прежнемъ рабствѣ Русскихъ Князей, Іоаннъ окружилъ себя Царскимъ великолѣпіемъ, обрядами, приличіями дворскими и блестящимъ Дворомъ, живя въ своихъ бѣлокаменныхъ Кремлевскихъ палатахъ и теремахъ. Иностранные Послы видѣли Іоанна среди благоговѣющихъ, безмолвныхъ царедворцевъ, важнаго, суроваго, строгаго, заставляющаго трепетать одного слова, одного взгляда (473). Онъ собиралъ Боярскія Думы,

---

(473) См. выше, прим. 466. Герберштеинъ (R. M. стр. 8) сказываетъ, что женщины падали въ обморокъ отъ гнѣвнаго взгляда Іоаннова, и собесѣдники сидѣли молча за обѣдомъ, когда Іоаннъ начиналъ дремать; никто не смѣлъ тогда ни пошевелиться, ни встать изъ за стола. Горделиво посылалъ Іоаннъ *Царя* (Казанскаго) на войну, придавая ему для вида титулъ предводителя войскъ. Касательно многочисленной свиты, всегда слѣдовавшей за Іоанномъ, см. описанія походовъ и поѣздокъ его въ Новгородъ, въ Лѣтописяхъ. Такъ, напримѣръ, при поѣздкѣ въ 1495 г., съ нимъ было: 12 Бояръ, 3 Окольничіе, Великій Дворецкій, Постельничій, Спальничій, три Дьяка, 50 Князей (*Разрядная книга*, Карамз. т. VI, прим. 430). Сдѣлавъ званіе *Бояръ* чиномъ государственнымъ, вмѣсто *пяти*, бывшихъ въ началѣ царствованія, Іоаннъ имѣлъ ихъ при кончинѣ своей *тринадцать*, кромѣ другихъ чиновниковъ, какъ-то: *Дворецкаго*, *Казначея*, *Постельничаго*, *Ясельничаго*, *Конюшаго*, и проч.

Совѣты, Соборы, но только для показанія своего величія: собранія только подтверждали, что предполагалъ одинъ Іоаннъ. Никто не былъ участникомъ его тайной думы, никто не смѣлъ противиться его слову; всѣ—полководцы, сановники, уравнивались передъ Іоанномъ въ повиновеніи; наказаніе жестокое равно ожидало преслушника его воли, знатнаго и не знатнаго, чиновнаго и простолюдина. На пирахъ и бесѣдахъ никто не смѣлъ сказать единаго слова, пока не начиналъ Іоаннъ. Среди воинскаго стана, онъ не сражался самъ, какъ предки его: онъ повелѣвалъ; сражались и предводили дружинами другіе, послушные его велѣнію (474).

---

(474) Примѣры строгихъ наказаній ослушникамъ воли Іоанновой, мы видѣли въ дѣлахъ Новгорода и Пскова. Увидимъ еще въ дѣлѣ по заговору Софіи и Василія (1498 г.); въ дѣлѣ невѣстки Елены и внука Димитрія (1499 г.); въ дѣлѣ несчастнаго Князя Лукомскаго (1493 г.); въ дѣлѣ Жидовскихъ еретиковъ (1503 г.); въ дѣлѣ ослушныхъ воиновъ подъ Смоленскомъ (1502 г.). Вотъ примѣръ частный: въ 1491 г. высѣкли кнутомъ Князя Ухтомскаго, и Чудовскаго Архимандрита, за поддѣлку грамаиы (*Лѣт. Львова*, т. V, стр. 199). Иностранцы не избѣгали наказаній тяжкихъ, наравнѣ съ Рускими. Іоаннъ, хотѣвшій казнить Венеціянскаго Посла Тревизана (1472 г.), за сокрытіе своего зва-

Понявъ важность предварительной политики въ дѣлахъ внѣшнихъ, Іоаннъ первый понялъ и важность предварительнаго приготовленія воинскихъ дружинъ для дѣла военнаго. Охранительные отряды на предѣлахъ государства, войско готовое къ сбору по первому слову, оружіе полное, исправное, устройство въ начальствѣ его и правильное раздѣленіе по *разрядамъ*—таковы были причины, споспѣшествовавшія тому, что Іоанна никогда не заставали врасплохъ ни Казань, ни Орда, и что онъ всегда готовъ былъ двинуть поспѣшно дружи-

---

нія, рѣшительно не щадилъ чужеземцевъ, предававшихъ ему судьбу свою вполнѣ. Примѣры: лекарь, взявшійся вылечить сына его, и не исполнившій обѣщанія, былъ казненъ жестоко; врачъ Антонъ, Нѣмецъ, *уморилъ* (т. е. не вылечилъ) сына Даніярова, и Іоаннъ выдалъ его Даніяру, а «онъ мучивъ его, хотѣ дати на окупъ; Князь-же Великій не повелѣ, но велѣ его убити, и сведше его на Москву рѣку, подъ мостъ, зимою, да *зарѣзаша его ножемъ, какъ овцу*» (Стр. Лѣт. т. II, 226). Сія казнь такъ испугала Фіоравенти, что онъ, не надѣясь ни на заслуги свои, ни на милости Іоанна, хотѣлъ бѣжать; его уличили, и посадили въ заточеніе, на дворѣ несчастнаго Антона. Стефанъ Молдавскій говаривалъ объ Іоаннѣ: Illum domi sedendo et dormitando imperium suum augere, se vero pugnando quotidie vix limites defendere posse (Герберштеинъ, R M. стр. 8). Неудивительно!

ны сильныя и многочисленныя. Войско Іоанна въ одно время защищало Псковъ отъ Рыцарей, Карелію отъ Шведовъ, западъ отъ Литвы, востокъ отъ Казани, ходило покорять отдаленный сѣверъ и помогало Менгли-Гирею. Тогда еще во всей Европѣ не знали постоянныхъ войскъ, или *солдатъ*; воинъ обращался къ своимъ мирнымъ занятіямъ, уцѣлѣвъ на брани и воротясь во своясв. Но Іоаннъ началъ уже ту государственную систему, по которой выгоды особенныя давались человѣку, долженствовавшему сражаться за отчизну, и войско его переставало быть безпорядочною толпою наскоро набраннаго народа (475).

---

(475) Постоянное войско, не просто сборъ людей на случай войны, или не на долгое время, какіе нибудь *Кондотіери*, учредилось первоначально во Франціи, съ половины XV-го вѣка: Карлъ VII-й, первый завелъ 25,000 войска постояннаго въ 1445 году. У насъ Іоаннъ первый началъ давать земли и помѣстья, съ обязанностію выставлять извѣстное число ратниковъ. Древнѣйшая *Разрядная книга*, или расписаніе людей и воеводъ по полкамъ, относится къ 1471 г. (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 582). Множество Литовцевъ, Нѣмцевъ, попадавшихся въ плѣнъ, были принуждаемы къ постоянной службѣ воинской. Разряды произвели наконецъ гибельное *мѣстничество* (см. о семъ Ист. Р. Н. т. VI, стр. 27). Древнѣйшій примѣръ споровъ *за мѣста* находимъ въ 1500 году: воевода Юрій

Не менѣе важны были гражданскія учрежденія Іоанна: *Приказы*, по которымъ раздѣлялись дѣла; единообразное устройство податей и сборовъ; внутренняя полиція по городамъ; распоряженія при пожарахъ, столь часто опустошавшихъ города, состоявшіе изъ деревянныхъ, тѣсными, кривыми улицами расположенныхъ домовъ. Самъ Іоаннъ подавалъ примѣръ мужества на пожарахъ. Недоступный въ теремѣ своемъ въ другое время, онъ первый являлся, нерѣдко съ дѣтьми своими, тушилъ огонь, награждалъ и утѣшалъ потерявшихъ (476). Видя

Захарьевичъ (Романовъ) жаловался Іоанну, «что ему въ *Сторожевомъ полку* быти не мочно: то мнѣ стеречи Князя Данила (*Щеню*, которому поручили *Большой* полкъ, одержавшему потомъ побѣду при Ведрошѣ, мстившему Ливоніи за Сирицкую битву, и устоявшему противъ Плеттенберга въ Смолинской битвѣ). И Князь Великій къ нему приказалъ: « Гораздо-ли такъ чинишь? Говоришь: тебѣ не пригоже стеречи Князя Данила, меня и моего дѣла. Каковы воеводы въ Большомъ полку, тако чинятъ и въ Сторожевомъ; ино не соромъ тебѣ?» и проч. *Разрядн. книга* (Карамз. т. VI, прим. 489).

(476) «Іюля въ 22-й день (1472 г.) загорѣся на Москвѣ.... и самъ Князь Великій по многимъ мѣстамъ стоялъ со многими Дѣтьми Боярскими, объѣзжая вскорѣ, и повелѣвая гасити и раземтывати» .... « Отт.

разнообразіе уставовъ и законовъ по разнымъ областямъ Русской земли, онъ повелѣлъ собрать и разсмотрѣть ихъ; по его волѣ былъ написанъ уставъ о судѣ уголовномъ, извѣстный подъ именемъ его *Уложенія*. Составленіемъ сего Уложенія занимался Дьякъ Владиміръ Гусевъ (477).

Всѣ сіи начала гражданскаго устройства были еще слабы, несовершенны. Но что заставалъ

1475 г.) въ 4-й часъ дня загорѣся на Москвѣ.... Князь-же Великій самъ пришедъ, со многими людьми, угасиша, и оттолѣ пойде В. К. за столъ, и часа того загорѣся внутри-же града.... и едва угасиша въ 3-й часъ нощи, понеже самъ В. К. пристоялъ (отстоялъ) со многими людьми».... О пожарѣ 1477 года: «Пристоялъ самъ К. В. и сынъ его, понеже не успѣ лещи еще К. В. послѣ стоянія *Канона Андреева*».... «Сент. въ 9-й день (1479 г.) загорѣся Москва.... Самъ Князь Великій и сынъ его во всю нощь и до 4-го часа дни съ коней не ссѣдающе, своими руками разметающе».... (*Ист. Г. Р.* т. *VI*, прим. 629). Послѣ пожара 1471 года Іоаннъ говорилъ Митрополиту: «Отче господине! не скорби; тако Богу изволившу.... Азъ ти колико хощеши хоромъ дамъ, или кой запасъ, то все у меня бери» (Ист. Г. Р. т. *VI*, прим. 101).

(477) О Гусевѣ, *Тип. Лѣт.* стр. 339. Уложеніе Іоанна извѣстно было только по Лат. сокращенію Герберштейна (R. M. стр. 38). Даже сомнѣвались въ

Іоаннъ въ Руси? Младенцемъ плѣнникъ въ крамолахъ междоусобія, онъ видѣлъ отца, лишеннаго очей во враждѣ съ родными, зналъ самовидцевъ того времени, когда Литва и Монголы подступали подъ Москву беззащитную, когда Князья Великіе ѣздили въ Сарай бить челомъ Хану Ордынскому и Новгородъ не думалъ слушаться Москвы. Здѣсь настоящая точка зрѣнія на дѣла Іоанна.

Изобразивъ его, какъ политика и законодателя, продолжимъ описаніе внѣшнихъ и внутреннихъ событій Русской Исторіи въ остальное время его царствованія.

Іоаннъ неуклонно слѣдовалъ одной системѣ правленія, уже оправданной столь блестящими успѣхами. Среди учрежденій земскихъ, и сношеній съ иноземцами, онъ не переставалъ мыслить о скрѣпленіи разрозненныхъ частей Руси, уничтоженіи Монголовъ, борьбѣ съ Литвою—мыслить и дѣйствовать неутомимо.

Еще въ 1484 году Тверь казалась сохраняющею прежнюю независимость. Въ договорѣ,

---

подлинности его; но въ 1817 г. найденъ былъ и Русскій подлинникъ, изд. потомъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ *Судебникомъ Царя Іоанна* (подъ названіемъ: *Законы В. К. І. В.* и проч. М. 1819 г. in-4). Это оправдало Герберштейна.

тогда заключенном, *Великій Князь Тверской* еще свободно говорилъ о неприкосновенности своихъ владѣній, хотя смиренно назывался онъ *младшимъ братомъ сына Іоаннова*, и отказывался отъ дружбы и договора съ Королемъ Польскимъ, которые осмѣлился заключить безъ воли Іоанна. Но конецъ Твери сближался быстро: подвластные ей Князья безпрестанно отъ нея отступались; Бояре Тверскіе переходили въ Москву; подданные боялись болѣе Іоанна, нежели своего Князя. Наконецъ, перехваченъ былъ Посланникъ Тверскаго Князя въ Польшу. Іоаннъ разгнѣвался, объявилъ, что сносясь съ врагомъ его, Королемъ Польскимъ, Тверской Князь нарушаетъ всѣ договоры, и за то независимость Твери должна быть уничтожена. Владыка Тверской и Князь Михаилъ Холмскій пріѣхали умолять — онъ не пустилъ ихъ на глаза! Сильное войско Московское двинулось къ Твери немедленно. Самъ Іоаннъ предводилъ имъ; Фіоравенти управлялъ пушками, тюфяками и пищалями. Князь Михаилъ Тверской не дождался Іоанна и бѣжалъ въ Литву. Въ Сентябрѣ 1485 г. Москвичи окружили Тверь, зажгли посады, и — Тверь покорилась Іоанну, молила только его о милости. Іоаннъ объявилъ, что за измѣну Тверскаго Князя, онъ лишаетъ его и потомство его навѣки наслѣдія. Подвластные Твери, Князья Холмскіе, Дорого-

бужскіе, Микулинскіе, перешли въ службу Іоанна; Намѣстники Московскіе стали управлять городами княжества, нѣкогда превосходившаго силами Москву, столь долго боровшагося съ нею, пятнадцать лѣтъ продолжавшаго кровавую войну съ прадѣдомъ Іоанна, войну, въ которой три раза Москва видѣла побѣдительныя знамена Твери и Литвы подъ своими стѣнами, и едва спасалась отъ гибели. Прошло *сто* лѣтъ, и Тверь, безъ битвъ и защиты, пала по слову правнука Димитріева (478)!

Верея не могла быть опасна Іоанну; онъ, кажется, любилъ притомъ юнаго Князя Василія, храбраго, пылкаго, и за него прощалъ старому крамольнику, отцу Василіеву, уже покорному и смиренному. Но Іоаннъ безпрерывно стѣснялъ Верею; позволилъ Василію заступить мѣсто отца его, но договорился (въ 1482 г.), что послѣ смерти отцовской Василій уступаетъ Бѣлозерскъ Великому Князю. Тогдаже Князь Верейскій принужденъ былъ выдать всѣ договорныя прежнія грамоты; у него взяли

(478) Договоръ 1484 г. *Собр. Г. г.* т. I, № 119, 120. *Лѣт. Архивск.* и *Псковская* (Карамзинъ, т. VI, прим. 282, и слѣд.); *Львовская,* т. III, стр. 194; *Стр. Лѣт.* т. II, 231.

потомъ Вышгородъ, подарокъ отца Іоаннова. Юный Василій, можетъ быть, негодовалъ, но таилъ досаду, и вскорѣ увидѣлъ, что званіе независимаго Князя не охраняетъ его личной безопасности. Женясь на племянницѣ Софіи, Василій получилъ отъ тетки, въ приданое за своею женою, какое-то драгоцѣнное украшеніе, принадлежавшее первой супругѣ Іоанна. Софія не сказала объ этомъ супругу своему; вдругъ Іоаннъ вздумалъ подарить симъ украшеніемъ своего внука, узналъ объ отдачѣ драгоцѣнности Василію, разсердился, велѣлъ отобрать у Василія подарокъ Софіи и изъявить ему гнѣвъ свой. Василій не смѣлъ болѣе оставаться въ Москвѣ и даже въ Руси; онъ оставилъ отчизну, и съ супругою своею бѣжалъ въ Литву. Іоаннъ послалъ за нимъ погоню, и требовалъ отъ Михаила Верейскаго, чтобы онъ немедленно лишилъ сына своего наслѣдства. Бѣдный старикъ не смѣлъ противиться, и въ 1483 г. заключилъ договоръ съ Іоанномъ, по которому отрекся навсегда отъ сына своего, и получилъ удѣлъ его, Верею, въ *пожалованіе* отъ Іоанна, съ тѣмъ, что по кончинѣ Михаила, все безъ остатка должно присоединиться къ Великому Княжеству. Еще болѣе двухъ лѣтъ Князь Верейскій жилъ одинокій, безотрадный. Въ духовной своей, передъ кончиною, исполняя договоръ 1483 года, Михаилъ все от-

далъ Іоанну; осмѣлился только просить его: заплатить долги, не отнимать вотчинъ, пожалованныхъ имъ разнымъ людямъ, особливо родственнику его Ивану Юрьевичу, «потому» —говорилъ Михаилъ — «что даровъ его много за мною, и онъ душу мою помянетъ.» Отдавая имѣнія разнымъ церквамъ и монастырямъ, Михаилъ включалъ условіе — «если они понадобятся Великому Князю», то обители и церкви должны удовольствоваться небольшою платою денегъ въ замѣну ихъ. Движимое имѣніе Михаилъ также отказалъ Іоанну, исключивъ весьма немногое дочери своей и на поминъ души. Въ трогательной припискѣ къ духовной, еще разъ просилъ онъ Іоанна: простить долги его, за кѣмъ что есть, и не отнимать жалованья у вѣрныхъ людей его, «чтобы люди мои послѣ моего живота не заплакали, и меня-бы тѣмъ въ грѣхѣ не положили; а душу мою приказалъ я тебѣ, Великому Князю, Государю моему, и помянуть, и отъ долговъ очистить.» Упоминая о сынѣ своемъ, какъ о преступникѣ и чуждомъ ему человѣкѣ, Михаилъ не смѣлъ отказать ему ни благословенія, ни креста, ни иконы. Михаилъ умеръ послѣ Пасхи 1485 г., и былъ погребенъ въ Пафнутьевскомъ Боровскомъ монастырѣ; на похоронахъ его присутствовалъ старшій сынъ Іоанна, гордый, могущій наслѣдникъ отца—не

вѣдая, что черезъ немного лѣтъ послѣ горестной жертвы самовластія, лежавшей передъ нимъ во гробѣ, наступитъ и для него самого часъ смертный, а родной сынъ его бѣдно погибнетъ въ тѣсномъ заточеніи! Изгнанникъ Василій не возвращался уже на родину, и умеръ на чужбинѣ, хотя Іоаннъ сжалился надъ нимъ, и звалъ его къ себѣ впослѣдствіи: Василій не вѣрилъ ласкѣ грознаго Московскаго Государя (479).

Мать Іоанна скончалась въ 1484 г. Она успѣвала сохранять согласіе между старшимъ сыномъ своимъ и двумя остальными его братьями, *Андреемъ* Углицкимъ и *Борисомъ* Волоцкимъ; братья Іоанновы, послѣ примиренія ихъ въ 1480 году, не вступались въ новыя прі-

---

(479) Договоры съ Верейскимъ Княземъ, *Собр. Г. г.* (Издатели Граматъ несправедливо называютъ Михаила Андреевича *Можайскимъ*) т. I, N° 90, 91, 92, 93, 94, 113, 114; Духовныя Михаила тамъ-же N° 121, 122. О храбрости Василія Верейскаго въ битвѣ подъ Алексинымъ, 1472 г., *Арханг. Лѣт.* стр. 152: его прозвали *Удалымъ*. О гнѣвѣ Іоанна, *Льв. Лѣт.* т. III, 188, *Стр. Лѣт.* II, 228. Что Іоаннъ звалъ къ себѣ обратно юнаго Князя Верейскаго, доказываетъ письмо Василія Іоанновича къ Верейскому, (*Собр. Г. г.* т. II, N° 22), пис. 1493 года. Видимъ изъ сего письма, что Софія была посредницею. Она любила племянника.

обрѣшенія Іоанна. Договорами 1486 г. они отреклись отъ всѣхъ притязаній на вотчины, которыя «взялъ Великій Князь у Князя Верейскаго, за вину его,» и на то, что «при Божіей помощи, взялъ онъ у недруга своего Князя Тверскаго.» Но ничто не спасло ихъ, когда не стало матери. Въ 1491 г., послѣ ласковаго, дружескаго пріема въ Московскомъ дворцѣ, неожиданно взяли подъ стражу Князя Андрея. Бояринъ Ряполовскій заплакалъ, объявляя ему волю Іоанна. «Воленъ Богъ, да Государь мой, братъ старѣйшій; но онъ *имаетъ* меня неповинно, и судъ мой съ нимъ передаю Богу!» отвѣчалъ Андрей. Еще не задолго до того, Іоаннъ едва не предалъ жестокой казни Боярина, остерегавшаго Андрея; теперь взвели на Андрея небывалыя вины, и посадили его въ тюрьму. Владѣнія его были заняты войскомъ; дѣти его: Іоаннъ и Димитрій были сосланы въ заточеніе. Андрей находился въ темницѣ болѣе двухъ лѣтъ, и скончался въ своемъ печальномъ заключеніи (въ 1493 г.). Жестокій поступокъ сей, не прикрытый даже никакимъ благовиднымъ предлогомъ, тревожилъ совѣсть Іоанна. Черезъ пять лѣтъ, онъ призвалъ къ себѣ однажды Митрополита и Духовенство, и со слезами каялся имъ, что былъ причиною погибели брата; Духовенство простило его въ грѣхѣ, и— вѣроятно—не смѣло потребовать свободы пле-

мянникамъ его, дѣтямъ Андрея! Немного найдемъ въ Исторіи примѣровъ участи столь злополучной, какова была участь несчастныхъ *Іоанна* и *Димитрія Андреевичей*. Во все время правленія дяди своего, и потомъ во все правленіе Василія, они были въ темницѣ на Вологдѣ, въ цѣпяхъ. Димитрій Андреевичъ пережилъ брата своего, *сорокъ девять лѣтъ* изнывалъ въ цѣпяхъ и умеръ въ заточеніи; Іоаннъ Андреевичъ скончался за нѣсколько лѣтъ до смерти брата, также въ темницѣ, принявъ передъ кончиною схиму.... (480). Борисъ ужа-

(480) Договоры Іоанна съ братьями, *Собр. Г. г.* т. I, № 123, 124, 125, 126. О событіяхъ, *Стр. Лѣт.* т. II, 239, *Тип. Лѣт.* 323 и 339, *Арханг.* стр. 169, *Львова*, т. III, 197, *Синод. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. VIII, прим. 94). «Того-же лѣта (1498 г.) Симону Митрополиту веля быти у себя на дворѣ, со Архіепископомъ и съ Епископы, и прійдоша къ нему. Князь-же Вел. ставъ предъ своимъ отцомъ Митрополитомъ, и Архіепископомъ и Епископы, *нача бити челомъ предъ ними, со умиленіемъ и съ великими слезами*, а прося у нихъ прощенія о своемъ братѣ, Князѣ А. В., что *своимъ грѣхомъ, несторожею его уморилъ въ нужи*; стоялъ предъ ними долгое время; Митрополитъ-же, и Архіепископъ, и Епископы, со испытаніемъ и съ великимъ наказаніемъ, и понудиша и долгое время, *и едва простиша и*, и понаказаша его впредь, *какъ-бы ему своя душа исправити передъ*

снулся, когда заключивъ Андрея, Іоаннъ потребовалъ его къ себѣ; онъ не смѣлъ ослушаться, явился, и былъ доволенъ, что Іоаннъ отпустилъ его невредимо. Онъ пережилъ Андрея только семью мѣсяцами. Дѣти его, Θеодоръ и Іоаннъ, наслѣдовали послѣ него удѣлъ; но уступили всѣ волости Московскія дядѣ, взявъ въ обмѣнъ другія. Іоаннъ Борисовичъ скончался въ 1503 г., и, умирая бездѣтенъ, отказалъ дядѣ свой удѣлъ (Рузу, и половину Ржевы), прося только заплатить послѣ него долги и помянуть душу. Онъ не смѣлъ распорядиться ничѣмъ, ни пожаловать кого нибудь волостью, говоря въ духовной: «*Людцы* мои передъ Богомъ, да передъ моимъ Государемъ; вѣдаетъ ихъ Богъ, да Государь, какъ ему Богъ на сердце положитъ» (481).

Богомъ.» Іоаннъ Андреевичъ умеръ въ 1522 г., въ схимѣ, которую принялъ передъ кончиною въ Спасо-Прилуцкомъ мон., находящемся близъ Вологды; тамъ погребенъ онъ, тамъ и донынѣ находятся мощи его, ибо Церковь причла сего страдальца къ лику Святыхъ. Въ ногахъ его находится гробница Димитрія Андреевича (*Ист. Росс. Іерархіи*, т. VI, стр. 224). Близъ сихъ гробницъ, вмѣщающихъ въ себѣ тѣлеса великихъ страстотерпцевъ, кто изъ насъ осмѣлится возроптать на свои мѣлкія скорби!

(481) Духовная І. Б. въ *Собр. Г. г.* т. I, № 132.

Управляясь такимъ образомъ съ главными Князьями, братьями и племянниками, Іоаннъ еще самовластнѣе оканчивалъ съ Князьями меньшими. Едва замѣчали современники, какъ исчезали послѣдніе слѣды Удѣловъ, уцѣлѣвшихъ въ сихъ Князьяхъ. Въ 1463 г. *добровольно уступили* Іоанну послѣднюю независимость свою Князья Ярославскіе; въ 1474 г. Князья Ростовскіе *продали* ему остальную половину Ростова. Зять Іоанна, Князь Рязанскій Василій скончался въ 1483 году. Іоаннъ не вступался въ его наслѣдство; дѣти Василія, Іоаннъ и Ѳеодоръ, подѣлили Рязанское Княжество; Ѳеодоръ вскорѣ *уступилъ* свою часть Великому Князю (Перевитескъ и Старую Рязань). Іоаннъ умеръ въ 1500 г., передавъ малолѣтному сыну Іоанну остатки Рязанскаго Княжества: Переяславль, Ростиславль, Пронскъ; мать его, Агриппина, и бабка Анна, правительствовали его именемъ; Ѳеодоръ-же въ своей части считался только Намѣстникомъ Великаго Князя. Анна скончалась въ 1501 г., и Великій Князь повелѣвалъ внукомъ и матерью его, какъ полный самовластитель (482).

---

(482) Арханг. Лѣт. стр. 140; Архив. Лѣт. (Ист. Г. Р. т. *VI*, прим. 293); Раздѣльная грамата Ряз. Князей,

Когда Іоаннъ былъ подъ Новгородомъ въ 1478 году, Ибрагимъ, властитель Казани, обманутый ложною вѣстію, будто Іоаннъ совершенно разбитъ Новгородцами и едва убѣжалъ самъ-четвертъ, послалъ свои хищныя толпы раззорять Вятку. Узнавъ, что извѣстіе о разбитіи Іоанна ложно, Ибрагимъ такъ поспѣшно приказалъ Казанцамъ воротиться, что они бросили котлы съ пищею, которую начали было варить остановясь таборомъ, и опрометью бѣжали. Іоаннъ не оставилъ набѣга хищниковъ безъ отплаты; воеводы его ходили до самой Казани; Ибрагимъ просилъ мира. Онъ вскорѣ умеръ. Алегамъ, старшій сынъ, заступилъ его мѣсто. Но братья Алегамовы, дѣти разныхъ матерей, крамольствовали и ссорились между собою. Іоаннъ особенно покровительствовалъ *Магметъ-Аминя*, сына Ибрагимова и Нуръ-Салтанъ, одной изъ любимыхъ женъ его. По смерти Ибрагима, сія Ханша вышла за друга Іоаннова Менгли-Гирея; Мегметъ-Аминь выѣхалъ въ Москву (въ 1485 г.). Іоаннъ началъ ссориться съ Алегамомъ, посылалъ воевать его; наконецъ,

---

Собр. Г. г. т. I, № 128; передача Θеодора видна изъ Дух. Іоанна (*тамъ-же*, стр. 393). См. еще *Ист. Г. Р.* т. VI, прим. 563.

въ 1487 году отрядилъ Холмскаго, съ Мегметъ-Аминемъ и сильнымъ войскомъ, къ Казани. Холмскій держалъ Казань въ осадѣ два мѣсяца, взялъ ее, возвелъ на престолъ Казанскій, отъ имени Іоанна, юнаго Мегметъ-Аминя, и— Москва увидѣла изумительное зрѣлище: Царя Казанскаго Алегама привезли въ Москву, плѣннаго, съ матерью, братьями и женами. Іоаннъ велѣлъ пѣть благодарственные молебны и звонить въ колокола. Плѣннаго Царя, Царевичей и Царицъ разослали по разнымъ сѣвернымъ городамъ. Іоаннъ спѣшилъ хвалиться Менгли-Гирею и Нуръ-Салтанъ своею дружбою, которая заставила его, не пользуясь важною побѣдою, отдать Казань сыну Нуръ-Салтанъ Мегметъ-Аминю. Не давая знать, или въ самомъ дѣлѣ не догадываясь, что Іоаннъ получалъ чрезъ то средства самовластно управлять Казанью, Менгли-Гирей благодарилъ своего союзника; но Ногайскіе властители оскорблялись неволею Алегама. Тщетно просивъ Іоанна отпустить изъ плѣна Нордулата, они столь-же безполезно просили теперь за Алегама. Іоаннъ хитрилъ съ ними, и укрѣпилъ власть надъ Казанью совершеннымъ покореніемъ Вятки, въ 1489 году, и приведеніемъ въ подданство земли Арской. Вятка, столь долго бывшая убѣжищемъ Русскихъ бѣглецовъ и притономъ Волжскихъ ушкуйниковъ и удальцовъ, утратила наконецъ

полудикую свою вольность, а близость ея къ Казани давала средства поставить новую, крѣпкую стражу надъ самымъ гнѣздомъ хищниковъ Казанскихъ (483).

Іоаннъ рѣшилъ, что настало наконецъ время начать съ Польшею открытую войну. Предпріятія его были обширны: онъ хотѣлъ отнять всѣ древнія достоянія Русскія — Смоленскъ, страну до Чернигова, Черниговъ; для того столь много лѣтъ и такъ постоянно поддерживалъ онъ неудовольствія съ Казиміромъ. Іоаннъ постепенно увеличивалъ свои притязанія, такъ, что Король съ досадою сказалъ наконецъ одному изъ Русскихъ Посланниковъ: «Государь вашъ привыкъ только самъ требовать, а не удовлетворять требованія другихъ» (484). Беклемишевъ, Посолъ Іоанна, возвратился въ Москву, въ 1492 г., съ извѣстіемъ, что Ка-

(483) *Арханг. Лѣт.* стр. 156, 165; *Львовск. Лѣт.* т. III, 127, 195, 202; *Крымскія дѣла* и *Ногайскія* (Карамзинъ, VI, прим. 297, 308); *Стр. Лѣт.* II, 232, 234. Предводители Вятчанъ были высѣчены кнутомъ и потомъ повѣшены. Митрополитъ писалъ къ Вятчанамъ, и жестоко порицалъ ихъ (*Ист. Г. Р.* т. VI, прим. 311).

(484) Ист. Г. Р. т. VI, стр. 238, прим. 377.

зимiръ скончался. Выборъ преемника ему производилъ большiя несогласiя. Старшiй сынъ Казимiра, *Владиславъ*, былъ Королемъ Богемiи и Венгрiи (послѣ кончины Матѳiя Корвина). Поляки не хотѣли слышать о соединенiи своемъ съ сими Государствами подъ его державою. Литва отдѣльно избрала въ Великiе Князья свои третьяго сына Казимiрова, *Александра*. Болѣе другихъ голоса склонялись въ Польшѣ на сторону Iоанна Алберта, втораго сына Казимiрова, который нѣкогда спорилъ за Венгрiю съ братомъ Владиславомъ и удачно сражался съ Крымцами. Но многiе желали избрать въ Короли младшаго брата Iоаннова, *Сигизмунда*. Наконецъ Iоаннъ Албертъ превозмогъ другихъ. Александръ остался Герцогомъ Литовскимъ, съ условiемъ зависимости отъ Польши.

«Теперь время» — думалъ Iоаннъ, и послалъ къ Менгли-Гирею и къ свату своему Стефану Молдавскому, говоря, что настала пора уничтожить общаго врага ихъ, гордую Литву. Менгли-Гирей медлилъ; онъ строилъ тогда при устьѣ Днѣпра крѣпость Очаковъ, и просилъ Iоанна заплатить ему 33 тысячи алтынъ, занятыхъ на ея построенiе, увѣряя, что изъ сей крѣпости будетъ онъ страшенъ Польшѣ и Литвѣ. Онъ просилъ еще принять въ милость пасынка его Абдулъ-Летифа, брата Мегметъ-Аминева; постараться перезвать къ себѣ изъ

Литвы Усмомира и Девлета Крымскихъ Князей, угрожавшихъ Менгли-Гирею; также отдать Каширу Царевичу Мамутеку, сыну Мустафы, и наконецъ прислать въ Крымъ соколовъ и кречетовъ. Іоаннъ послалъ ему соколовъ; принялъ въ милость Абдулъ-Летифа, не исполнилъ болѣе ничего, но хвалился дружбою, усердіемъ, отдачею Казани Мегметъ-Аминю и подарками, хотя стерегъ Казань, не позволялъ ей сноситься съ Крымомъ иначе, какъ черезъ Москву, гдѣ читали всѣ письма Царя Казанскаго; а за каждый подарокъ свой Іоаннъ требовалъ ихъ еще болѣе отъ Менгли-Гирея. Іоаннъ увѣрялъ, что не крѣпости строить теперь надобно, но нападать быстро и немедленно (485).

---

(485) *Крымск. дѣла* (Карамзинъ, т. VI, стр. 186, 236, 272, прим. 305, 376 и 534). Любопытенъ восточный слогъ переписки между Крымомъ и Казанью. «Единъ есть Богъ!» пишетъ Мегметъ-Аминь къ Менгли-Гирею — «въ большой бесѣдѣ вольный, надъ храбрыми и грамотными большой, надъ Вѣрою Господарь, силы отъ Бога въ прокъ и имя великое доставшій, надъ недруги сильный, въ вѣрѣ святой, отъ лиха унимающій, отъ воды и земли созданный, чистота вѣры, тѣнь Божія, на земли твое повелѣніе, времени и свѣта Господарь, братъ мой Менгли-Гирей, да учинитъ господарство твое Богъ свыше, Величеству твоему,

Онъ первый подалъ примѣръ, и не дожидаясь Крыма, началъ войну. Воевода его Телепневъ раззорилъ Мценскъ, Любутскъ; другое войско его захватило Серпейскъ, Опаковъ, Мещовскъ, третій отрядъ взялъ Вязьму. Не менѣе зла дѣлали переметчики Литовскіе, поддавшіеся Іоанну, Князья Перемышльскіе, Одоевскіе, Воротынскіе. Они захватили Мосальскъ, Хлепень, Рогачевъ. Князья Мезецкіе не хотѣли передаться Іоанну, хотя одинъ изъ братьевъ ихъ измѣнилъ Литвѣ; непослушныхъ схватили и сослали въ сѣверныя области. Іоаннъ хотѣлъ воевать столько-же мечемъ, сколько перевѣтомъ, безпрестанно напоминая о древнемъ родствѣ съ Русью областей, отторгнутыхъ

челомъ ударивъ, поклонъ!» О подаркахъ: въ 1486 г. пославъ къ Менгли-Гирею рысью, кунью и бѣличью шубы, три соболя и по золотой монетѣ женѣ его, брату и дѣтямъ, Іоаннъ велѣлъ извиняться, что не посылаетъ рысьихъ черевъ, бѣлки, черныхъ соболей, и проч., чего требовалъ Ханъ. «Скажите ему, что лѣтомъ мы этого не получаемъ, а бываетъ это у насъ зимою; что-же теперь у насъ есть, то послано, а что будетъ, то пошлемъ. Спросите предварительно у Хана: при всѣхъ-ли велитъ онъ это сказать, или только наединѣ себѣ. И какъ привезутъ къ вамъ посланные подарки, то велите сперва хорошенько ихъ прицравить, и не отдавайте измятыхъ.» Не смотря

нѣкогда Олгердомъ и Витовтомъ, говоря о православіи, притѣсненіяхъ его, лаская, награждая измѣнниковъ, и страшною казнію преслѣдуя малѣйшее помышленіе объ измѣнѣ противъ него. Слуга Князя Лукомскаго, перешедшаго къ Іоанну еще при Казимірѣ, донесъ, что господинъ его тайно сносится съ Литвою. Немедленно взяли Лукомскаго и другихъ, толмача Матіаса, Смоленскихъ бѣглецовъ Селевиныхъ. Терзаемый палачами, Лукомскій признался, что Казиміръ прислалъ его нарочно отравить Іоанна: нашли даже ядъ, данный ему для

на такія отговорки, Іоаннъ успѣлъ тогда-же выпросить у Хана какую-то драгоцѣнную *Тохтамышеву жемчужину*. Въ 1493 г., пославъ кречетовъ для Султана, онъ вытребовалъ въ замѣну знаменитый *красный большой лалъ*; въ 1497 г., безъ всякаго *отдарка*, получилъ онъ изъ Крыма драгоцѣнный яхонтовый перстень Мугаммеда II-го; въ 1502 г. Ханъ прислалъ ему величайшую рѣдкость: талисманъ, изъ мнимаго единороговаго рога, предохраняющій отъ яда, и выпрошенный Менгли-Гиреемъ у Индійскаго Хана. «Тебѣ вѣдомо» — писалъ добродушный Ханъ, «что въ Эндустанской землѣ, *Кереґденемъ* зовутъ, *однорогъ* звѣрь, и рогъ его о томъ дѣлѣ надобенъ: у кого на рукѣ будетъ, какъ ѣдячи то лизати, и въ той ѣствѣ что лихое зеліе будетъ, и человѣку лиха не будетъ,» и проч.

сего Королемъ — Лукомскій берегъ этотъ ядъ довольно долго! Онъ оговорилъ и знаменитаго Бѣльскаго, увѣряя, будто Бѣльскій хочетъ бѣжать въ Литву. Іоаннъ удовольствовался ссылкою Бѣльскаго въ Галичъ, но жестоко казнилъ другихъ: Лукомскаго и Матіаса сожгли зимою въ клѣткѣ, на Москвѣ рѣкѣ; Богдана Селевина засѣкли кнутомъ, брату его отрубили голову (486).

Все предвѣщало, что Іоаннъ рѣшился на войну упорную, продолжительную. Литва не могла ему противиться; Александръ старал-

(486) Стр. Лѣт. ч. II, стр. 242; Арханг. Лѣт. стр. 171; Типогр. Лѣт. стр. 328. Карамзинъ вѣрилъ преступленію несчастнаго Лукомскаго, хотя довольно сообразить обстоятельства, и знать характеры Казиміра и Іоанна, чтобы увѣриться въ противномъ. Философическія размышленія Карамзина по сему случаю, см. въ *Ист. Г. Р.* т. *VI*, стр. 242: «*Никогда выгода государственная не можетъ оправдать злодѣянія; нравственность существуетъ не только для частныхъ людей, но и для Государей: они должны поступать такъ, чтобы правила ихъ дѣяній могли быть общими законами.*» Далѣе, о казни Лукомскаго: «*Злодѣйство* столь необыкновенное требовало и *наказанія* чрезвычайнаго.» и проч.

ся только обезопасить себя отъ Крымцевъ и Молдаванъ, которымъ помогали Турки; вовсе неспособный къ войнѣ, страстный любитель музыки, но Государь слабодушный, Александръ еще менѣе могъ надѣяться чего-либо отъ Іоанна Алберта, занятаго любовными шалостями, отдавшаго управленіе всѣми государственными дѣлами любимцамъ своимъ. Противъ сихъ двухъ юныхъ, безпечныхъ Государей Польши, были врагами—кто-же? Опытный старецъ Іоаннъ; другой старикъ Стефанъ Молдавскій; третій, старый послушникъ Іоанна, Менгли-Гирей, повелитель летучихъ, хищныхъ ордъ Крымскихъ! Венгрія не думала помогать Польшѣ и Литвѣ. Нѣмецкій Орденъ былъ непріязненъ Польшѣ, ослабѣлъ уже въ это время, но вредить еще могъ. Рѣшились обезоружить главнаго врага Литвы, Русскаго Государя, и придумали средство неожиданное: ему предложили *супружество дочери его съ Великимъ Княземъ Литовскимъ*, и, къ радости совѣтниковъ Александра, Іоаннъ не отказалъ.

Первое предложеніе объ этомъ сдѣлано было послѣ раззоренія Рускими Мценска. Воевода Полоцкій писалъ къ Боярину Патрикѣеву, и получилъ отвѣтъ благопріятный. Въ Москву пріѣхало посольство Литовское, будто-бы говорить о Мценскѣ. Отвѣчали, что взятіе Мценска учинено въ отмщеніе непріязни и обидъ

Литовскихъ, и предложили Посламъ длинную роспись притѣсненій нестерпимыхъ. Послы упомянули о сватовствѣ; но имъ дали знать, что прежде надобно говорить о мирѣ (487). Послы уѣхали; явился новый женихъ для дочери Іоанна, Конрадъ, Князь Мазовецкій. Посолъ его прибылъ въ Москву въ Маѣ 1493 г. Нападенія Рускихъ на Литву продолжались. Іоаннъ отправилъ гонца къ Александру, съ объясненіемъ требованій своихъ, и послалъ къ Конраду, говорить объ условіяхъ супружества. Въ Іюнѣ пріѣхали въ Москву Послы Литовскіе, мириться, требуя, чтобы для сего Іоаннъ отказался отъ всѣхъ захваченныхъ имъ Литовскихъ областей, и не употреблялъ слишкомъ высокаго титула: *Государь всея Руси.* Имъ отвѣчали, что захваченныхъ у Литвы земель не отдадутъ, ибо сіи земли издревле принадлежали Руси; что только пользуясь *невзгодою* Русской земли, захватила ихъ Литва, и что Іоаннъ не употребляетъ титула слишкомъ высокаго, ибо называетъ себя *Государемъ того,*

---

(487) *Дѣла Польскія* (Карамз. т. VI, прим. 381). Роспись обидъ Литовскихъ, см. у Щербатова, т. IV, ч. 3. стр. 217. Всѣ самыя мѣлкія ссоры между Рускими и Литовцами были тогда поставлены на видъ.

чемъ, по милости Божіей, владѣетъ въ самомъ дѣлѣ. Въ Январѣ 1494 г. прибыли наконецъ *Великіе Послы* Литовскіе, спорили долго, и заключили вѣчный миръ. Послѣ того начались предложенія о супружествѣ Елены, второй дочери Іоанновой съ властителемъ Литовскимъ. Іоаннъ согласился, и положилъ только одно непремѣннымъ условіемъ, что Елена *сохранитъ свое православіе.* Послы утвердили сіе условіе честнымъ словомъ, и обѣщали привезти особую о томъ грамату Александра. Февраля 6 дня, въ первый разъ показали имъ невѣсту, и при собраніи всего Двора, въ комнатахъ Софіи, совершилось обрученіе. Второй Посолъ заступилъ мѣсто жениха, ибо первому, какъ второженцу, сего не позволили. Февраля 7-го утвердили клятвою мирный договоръ. Іоаннъ именовался въ договорѣ «*Государемъ всея Руссіи, Великимъ Княземъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ, Псковскимъ, Тверскимъ, Югорскимъ, Пермскимъ, Болгарскимъ, и иныхъ.*» Обязывались съ обѣихъ сторонъ дружбою, союзомъ, условились о свободной торговлѣ и порубежныхъ спорахъ. Литва отказалась отъ *Вязьмы*, Князей Вяземскихъ, Блудовыхъ, Хлепенскихъ, Ѳоминскихъ, *Алексина, Тѣшилова, Рославля, Венева, Мстиславля, Торусы, Оболенска, Козельска, Людимска, Сѣренска*, Князей Новосильскихъ, Одоевскихъ, Воротынскихъ,

Перемышльскихъ, Бѣлевскихъ, и *Мещеры*. Князья Мезецкіе были раздѣлены; не приставшіе къ Руси остались за Литвою. Обязавшись не трогать Рязани, Александръ далъ еще обѣщаніе не выпускать изъ Литвы *израдцевъ* Русскихъ: *дѣтей Можайскаго*, *внучатъ Шемяки и Боровскаго*, *Князей Тверскихъ* и *Василія Верейскаго*. Іоаннъ уступилъ всѣ остальныя занятыя имъ мѣста, и обѣщалъ не вступаться въ Смоленскъ, Любутскъ, Мценскъ, Брянскъ, Серпейскъ, Лучинъ, Мосальскъ, Дмитровъ, Жулинъ, Лычино, Залидовъ, Бышковичи и Опаковъ *по Угру* (488).

Послы Литовскіе три раза обѣдали съ Іоанномъ, и одиннадцать разъ бесѣдовали съ нимъ; ихъ одарили собольими шубами и серебряными ковшами, отъ имени Іоанна, Софіи и Елены; шубы, подаренныя отъ Іоанна, были покрыты золотымъ атласомъ. Послы Іоанна поѣхали въ Литву править Александру отъ него поклонъ, а отъ дѣтей и внучатъ Іоанна челобитье; поднести обручальные дары; принять присягу Александра въ мирѣ и грамату о сохраненіи православія Елены. Послѣднее едва было не

(488) *Дѣла Польскія* (Карамзинъ, т. VI, прим. 390, 393, 394). Трактатъ съ Литвою, *тамъ-же*, прим. 396.

разрушило всего дѣла: Александръ подтвердилъ обѣщаніе, но помѣстилъ слова: «Если Елена добровольно захочетъ принять Римскую вѣру, то ей не препятствовать.» Іоаннъ разсердился; его успокоили; грамату прислали новую, съ исключеніемъ досаднаго условія, и въ Январѣ 1495 г. великолѣпное Посольство Литовское пріѣхало за Еленою. Января 13-го, отслушавъ литургію въ Успенскомъ соборѣ, Іоаннъ благословилъ Елену, вручилъ ее при дверяхъ собора Посламъ, далъ ей послѣднія наставленія. Въ Дорогомиловѣ Елена жила еще два дня; тамъ угощали Пословъ; Софія пробыла цѣлыя сутки съ дочерью; Іоаннъ пріѣзжалъ прощаться два раза. Восмнадцатилѣтняя Княжна, сопровождаемая знаменитою свитою, гдѣ съ Литовской и Русской стороны были знатнѣйшіе вельможи, казалась залогомъ дружбы, мира и согласія между двумя народами, искони враждебными одинъ другому. Всюду—въ Смоленскѣ, Витебскѣ, Полоцкѣ, встрѣчали Елену съ торжествомъ. Думали, что она будетъ также и опорою угнетеннаго православія въ Литвѣ и Волыни.... Свадьба совершилась въ Вильнѣ, и угощеній не жалѣли. Александръ казался счастливымъ, заключивъ родственный союзъ съ грознымъ Государемъ Русскимъ (489).

---

(489) *Дѣла Польскія* (Карамзинъ т. VI, прим. 397,

Однимъ изъ главнѣйшихъ затрудненій для Іоанна были теперь отношенія его къ Крыму и Молдавіи. Менгли-Гирей усердно воевалъ съ Литвою по его слову. Онъ задержалъ Посла Литовскаго, присланнаго для переговоровъ о мирѣ, не слушалъ ничего, выжегъ окрестности Кіева и Чернигова, отвергъ всякое посредничество, всѣ предложенія о выкупѣ плѣнныхъ. Воевода Польскій Богданъ Черкасскій, къ прискорбію Хана, раззорилъ предметъ безконечныхъ заботъ его, крѣпость Очаковскую. Менгли-Гирей хотѣлъ мстить. Еще въ Ноябрѣ 1493 г. Іоаннъ возбуждалъ его къ войнѣ, и вдругъ въ Маѣ 1495 г. извѣстилъ о мирѣ и родствѣ съ Литвою, давъ слово Александру примирить его съ Крымомъ, или воевать съ нимъ противъ Крыма за-одно. Лишая средствъ раззорять Литву, Іоаннъ лишалъ чрезъ то Крымцевъ лучшей добычи. Менгли-Гирей оскорбился. Онъ укорялъ Іоанна въ измѣнѣ, въ томъ, что онъ сроднился съ врагомъ его, даже не сказавъ ни слова ему, своему другу; что по его слову и для него онъ воевалъ, не жалѣлъ Очакова, стоившаго 150-ть тысячь алтынъ; дѣлил-

398, 399, 401, 402). Подробности поѣздки и свадьбы Елены, см. въ *Вивліоѳикѣ*, Новикова, т. XIV, стр. 1—21.

ся всегда добычею, и отъ союза ихъ обѣ стороны пріобрѣтали выгоды. «Ни слова о добычѣ и выгодахъ,» продолжалъ Ханъ, «но я былъ тебѣ другъ и братъ: гдѣ добудешь ты другаго брата и друга? Для этого много надобно. Что-же теперь учинилъ ты изъ нашей шерти и правды?» (490) Стефанъ Молдавскій также негодовалъ, поставленный въ опасное положеніе между Турціею и Польшею. Онъ удачно отразилъ Поляковъ, и только что хотѣлъ мстить имъ, когда Іоаннъ просилъ его мириться (491).

Іоаннъ принялся хитрить съ Менгли-Гиреемъ;

---

(490) *Крымскія дѣла* (Карамз. т. VI, прим. 387, 388, 408). Письмо Менгли-Гирея, у Щербатова, т. IV, ч. 3, стр. 237. «Мы то все оставя, что добыть, другъ и братъ еси: другъ и братъ много надобѣ; гдѣ такова добыти молвя?» Польша обѣщала ему 13,500 червонцевъ за выкупъ плѣнныхъ; онъ не взялъ.

(491) Въ 1488 г. Стефанъ присягнулъ въ подданствѣ Польшѣ, и при помощи Поляковъ разбилъ Турецкія войска, когда Іоаннъ Албертъ поразилъ, въ 1489 г., Менгли-Гирея. Въ 1494 г., на Любочскомъ сеймѣ, положено было отнять Молдавію у Стефана за его измѣны, и въ 1497 г. войско Польское ходило въ Молдавію, но безуспѣшно; въ 1498 г. принуждены были помириться съ Стефаномъ (*Хроника Бѣльскаго*, стр. 482; *Стр. Лѣт*. II, 256).

послалъ сказать ему, что не могъ испросить у него совѣта, ибо не льзя было отправить къ нему Посла за худою дорогою; что онъ не требуетъ, но только проситъ друга своего быть въ мирѣ съ Литвою, и въ случаѣ войны никогда не выдастъ его зятю, но будетъ усердно помогать. Тоже говорили Послы его Стефану. Менгли-Гирей повѣрилъ всему, и соглашался на миръ, если Литва заплатитъ ему убытки. Но Стефанъ не слушалъ никакихъ предложеній (492).

Іоаннъ удачно отговорился отъ Менгли-Гирея и въ другомъ самовольномъ поступкѣ, на который рѣшился также не спрашиваясь совѣтовъ стараго своего друга и союзника.

Великій Князь держалъ Казань *подъ рукою*, до такой степени, что Мегметъ-Аминь, тѣнь самобытнаго властителя, казался совершеннымъ рабомъ Рускихъ. Послы Іоанновы распоряжали въ Казани всѣми дѣлами, оскорбляли гордость Казанцевъ, не думали объ ихъ выгодахъ. Наконецъ, недостало терпѣнія у под-

---

(492) *Дѣла Крымскія* (Карамзинъ, т. VI, прим. 415); Щербатовъ, т. IV, ч. 3. стр. 245). «Ты, нашъ братъ, пришлешь своего человѣка, молвя такъ: « Съ моимъ зятемъ помирися. Ино вельми добро; мнѣ твоего слова, своего брата, какъ не послушать, помиримся,» и проч.

данныхъ Мегметъ-Аминя. Они тайно звали къ себѣ Мамука, Ногайскаго Князя, обѣщая передать ему Казань. Мегметъ-Аминь узналъ о заговорѣ, приближеніи Мамука, и молилъ защитить его. Въ Маѣ 1496 года, Князь Ряполовскій пошелъ съ сильнымъ войскомъ, и простоялъ все лѣто подъ Казанью. Мамукъ не смѣлъ начать нападеній; обратился во свояси. Въ Сентябрѣ отступили Руские. Мамукъ снова явился тогда, и Мегметъ-Аминь бѣжалъ въ Москву. Іоаннъ хотѣлъ отправить войско. Но въ Москву пріѣхалъ Посолъ Казанскій, извѣщая, что Мамукъ, свирѣпый и кровожадный, уже изгнанъ изъ Казани, и Казань бьетъ челомъ Государю своему Царю Московскому, чтобы «онъ Казанцевъ пожаловалъ, *не любки*, и вины ихъ, и измѣну къ нему Государю отдалъ. Не хотимъ мы Мамука, но не хотимъ и Мегметъ-Аминя,» говорили Казанцы. «Отъ этого прихотливаго Хана не было покоя ни одной изъ женъ нашихъ; за то мы измѣнили ему, а теперь просимъ дать намъ брата Мегметъ-Аминева, Абдулъ-Летифа.» Іоаннъ согласился, и Абдулъ-Летифъ былъ возведенъ на тронъ Казанскій Князьями Палецкимъ и Холмскимъ (493).

---

(493) Строевск. Лѣт. II, 252.

Іоаннъ старался объяснить Менгли-Гирею, и особенно Нуръ-Салтанъ, управлявшей старымъ мужемъ своимъ, что собственная польза Мегметъ-Аминя требовала смѣны его; что возведя другаго сына ея на тронъ Казанскій, онъ ни мало не измѣняетъ дружбѣ, и за лишеніе Казани щедро наградитъ Мегметъ-Аминя. Въ самомъ дѣлѣ, онъ отдалъ ему въ удѣлъ Каширу, Серпуховъ, Хотунь, и не слушалъ жалобъ тамошнихъ жителей на своевольства женолюбиваго Хана. Менгли-Гирей отвѣчалъ, что не жалуется на распоряженія Казанью; Нуръ-Салтанъ также была довольна, и увѣдомляла Іоанна, что недавно возвратясь изъ богомолья своего въ Мекку, и удостоясь поклониться гробу Пророка, желаетъ теперь посѣтить дѣтей, и скоро пріѣдетъ въ Москву, чтобы оттуда съѣздить въ Казань. Іоаннъ отвѣчалъ, что приметъ ее, какъ знаменитую свою гостью (494).

Такъ протекло около сорока лѣтъ царствованія Іоаннова, и наступила старость и дряхлость его, среди безпрерывныхъ заботъ и попеченій государственныхъ. Скорби ожидали въ

---

(494) *Дѣла Крымскія* (Карамз. т. VI, прим. 438, 439).

будущемъ шестидесятилѣтняго Монарха, доселѣ безпрерывно удачливаго въ государственныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ. Не таково было его семейственное счастіе, и самыя удачи въ дѣлахъ служили къ тому только, что Іоаннъ отравилъ самому себѣ горестями и неудачами послѣдніе дни жизни, ознаменованной славою и честію, какихъ не достигалъ ни одинъ изъ его предшественниковъ (495).

---

(495) Исчисляемъ здѣсь частныя событія, чудеса, знаменія, естественныя бѣдствія, какъ *дополненія къ Исторіи*, отъ 1462 года до самой кончины Іоанна: въ 1463 г. открыты были мощи Св. Князя Ѳеодора Чернаго и дѣтей его, въ Ярославлѣ (описаніе чудесъ и событій при семъ случаѣ, *Стр. Лѣт.* II, 90 и 92).—Въ 1466 г. умерла въ схимѣ, жившая въ Вознесенск. мон., супруга Кн. Петра Димитріевича, Дмитровскаго, скончавшагося отъ язвы въ 1426 г. (см. выше стр. 288). —Въ 1473 г. въ Спасскомъ соборѣ нашли мощи супруги Князя Симеона Гордаго, но не велѣно было открывать ихъ. — Въ 1478 г. Іосифъ Волоколамскій началъ строить свой знаменитый монастырь, и скончался Св. Зосима Соловецкій. Другіе святые мужи того времени: Преп. Пафнутій Боровскій (другъ несчастнаго Михаила Верейскаго) сконч. въ 1477 г.; Преп. Макарій Колязинскій въ 1483 г.; Пр. Тихонъ Луховскій въ 1492 г.; Св. Іоаннъ Юродивый, Устюжскій, въ 1494 г.—Въ 1463 г. умирало много людей отъ *коросты* (проказы). Въ 1465 г. была моровая язва во Пско-

вѣ; въ 1467 г. въ Москвѣ и Новгородѣ (гдѣ умерло болѣе 250 т. человѣкъ); въ 1474 г. въ Устюгѣ; въ 1478 г. опять въ Новгородѣ; въ 1487 г. во Псковѣ. Прекращеніе сего бѣдствія приписывали *обыденнымъ* церквамъ, которыя спѣшили строить повсюду, гдѣ только язва появлялась.—Страшные пожары опустошили: въ 1465 г. Псковъ, въ 1468 г. Устюгъ, въ 1475 г. Новгородъ, въ 1476 г. опять Новгородъ (« и церкви и люди горѣли, и не помнятъ такова пожара: 15 церквей сгорѣло, а 3 каменныя разсыпались, а надъ городомъ яко солнце красно стояло»), въ 1491 г. Владиміръ (при чѣмъ огорѣли мощи Св. Александра Невскаго), въ 1493 г. Рязань и Кострому. Москва была жестоко опустошаема пожарами нѣсколько разъ: въ 1468 году (въ этотъже годъ цѣлое лѣто шли дожди, сгноили сѣно и хлѣбъ; сдѣлался конскій падежъ; было затмѣніе мѣсяца; испуганный Іоаннъ, *по обѣщанію,* построилъ тогда церковь Симеона Дивногорца); потомъ въ 1470 г., въ 1472 г. (сгорѣло 25 церквей), въ 1475 г., въ 1477 г., въ 1479 г., въ 1488 г. (во дворцѣ В. К. какой-то юродивый кричалъ тогда: *Горѣть Москвѣ на великъ день!* «Князь-же Вел. велѣ его, яко юрода, поймати, и на Угрѣшу посла. Гости, свѣдавши, носилися изъ града, боящеся пожара. Сбысться-же его слово,» и проч.— Церквей сгорѣло 42); въ 1493 г. пожаръ былъ два раза: въ Апрѣлѣ (остася развѣ дворъ К. В. за Архангеломъ, новый) и въ Іюлѣ (погорѣша въ градѣ всѣ *алачуги,* понеже-бо не поспѣшили ставляти хоромовъ послѣ вешняго пожара; и лѣтописцы и старые люди сказываютъ, *какъ Москва стала, таковъ пожаръ не бывалъ.*).— Въ 1466 г. шелъ снѣгъ въ Маѣ, а морозы начались въ Августѣ; въ 1467 г. въ Маѣ выпало снѣгу до полколѣна, а въ Іюнѣ былъ морозъ; Ростовское озеро, замерзая, въ этотъ годъ выло и стучало ужас-

нымъ образомъ; въ 1487 г. въ Псковѣ шелъ градъ, величиною съ яблоко садовое; въ 1496 г. зима «люта бысть, мрази и снѣги велики, а на веснѣ половодіе зѣло велико, и не помнятъ таковой воды»; въ 1498 г. Апрѣля 26, «палъ снѣгъ въ полколѣни, и лежалъ до Бориша дни» (Мая 1-го).—Ужасающія кометы были замѣчены въ 1472 и 1491 гг. (явися звѣзда хвостата, съ запада, хвостъ ея на востокѣ съ двѣ сажени). — Въ 1470 г. въ Новгородѣ, «изъ тополья воды капало много, отъ верха и изъ сучья;» въ 1474 г. «знаменіе на небѣ: два солнца, во 2-мъ часу дня, и сущее солнце идяше своимъ путемъ, а другое необычное свыше того, и свѣтло вельми бѣлостію, а лучей отъ него не бяше;» въ 1476 г. «бысть гибель солнцу, и тма велика, яко и человѣкомъ другъ друга въ лицо не видѣти; и того бысть не долго, но людямъ страхъ былъ великъ; да на той-же недѣли въ нощи свѣтъ блисталъ на небеси.» — Въ тотъ-же годъ было еще знаменіе въ солнцѣ (кругъ вельми великъ, яко дуги образомъ, червлено, зелено, багряно, желто,» и проч.). Въ 1478 г. (послѣ похода Іоаннова на Новгородъ) въ Новгородѣ, «нощію, Декабря 26-го, бысть громъ и молнія.» Въ 1480 г. (когда Іоаннъ стоялъ противъ Ахмата на Угрѣ) «вожжеся свѣча о себѣ, въ храмѣ Пречистыя, у гроба Петра Чудотворца; Митрополитъ-же молебная совершивъ, и вощаницу оныя свѣчи нарядивъ, посла къ Кн. Вел. на Угру.» Въ Ноябрѣ 1490 г. въ Новгородѣ, «доспѣлося небо свѣтло, аки заря ведреная свѣтлая, вечерняя, а въ зарѣ той столпы, аки лучи солнечные, и освѣтиша весь градъ и поля, аки пожаръ силенъ, и какъ уже времени быть заутрени, пришли облацы съ востока, да ту свѣтлость помрачили, и потомъ взошла заря по своему обычаю, и Богъ свѣтъ далъ; а изъ Юрьева мон. видѣли какъ-бы страшный пожаръ,

и чаяли, что градъ весь горитъ.» — Въ 1493 г. въ Устюгѣ; въ Преображ. мон. «шло миро у Спаса изъ грудей, и у Моисея, и у Иліи.» — Пропускаемъ множество другихъ замѣчаній, знаменій и чудесъ того времени: они безпрерывно являются въ Лѣтописяхъ. Такъ, напримѣръ, въ *одинъ* 1483-й годъ: въ Петровъ постъ сдѣлалось отъ дождей ужасное половодье; рожь зацвѣла, и превратилась *на метлу и на костеръ*; какой-то священникъ видѣлъ въ Новгородѣ облакъ свѣтлый, и слышалъ изъ него голосъ: *повѣждь людямъ, дабы ся обратили*; въ Владимірѣ невидимый голосъ повелѣвалъ Христіанамъ молиться; въ церкви Св. Иліи загорѣлась свѣча; въ Новгородѣ нашли на Волховѣ икону Св. Бориса и Глѣба; изъ иконы Богоматери текли кровавыя слезы; въ Іюлѣ была страшная гроза, а въ Сентябрѣ видѣли на небѣ три мѣсяца («предъ сими деньми — замѣчаетъ Лѣтописецъ — Турковe плѣниша землю Волынскую»). — Въ 1475 г. «нѣкоторые *Философове* начаша пѣти: *Господи помилуй!* а друзіи: *Осподи помилуй.* Въ 1476 г. Владыка Ѳеофилъ поставилъ во Псковѣ *самозвонные часы.* — Вотъ нѣсколько извѣстій, въ коихъ находимъ имя *Казаковъ*: въ 1492 г. *Ордынскіе Казаки* грабили близъ Алексина, и были побиты; въ 1493 г. они-же грабили около Рязани; въ 1494 г. ограбили Пословъ Іоанна, ѣхавшихъ изъ Крыма; въ 1497 г. ограбилъ Пословъ его «Япончa Салтанъ, Крымскаго Царя сынъ *съ своими Казаками*»; Менгли-Гирей отыскалъ и возвратилъ все тогда пограбленное; въ 1499 г. Ордынскіе и Азовскіе Казаки грабили подъ Козельскомъ, и были прогнаны.

ГЛАВА IX.

Дѣла, свершенныя въ теченіе столь долголѣтняго властительства, составили-ль счастіе Іоанна? Сіи самыя дѣла, блестящія и великія, не заключали-ль въ самихъ себѣ и начала неизбѣжнаго зла въ будущемъ?

Счастіе Государя не есть счастіе частнаго человѣка; но и для него есть наслажденія общія съ людьми подвластными: сочувствіе современниковъ, тишина душевная, наслажденія семейственныя. Ничего этого не зналъ Іоаннъ.

Одинокій въ обширной думѣ своей, онъ не былъ ни понимаемъ, ни любимъ своими современниками и подданными. Далеко превышая ихъ умомъ и свойствами души, онъ и по смерти не заслужилъ благодарнаго ихъ воспоминанія: въ Новгородѣ, Псковѣ, Твери, Рязани, Вяткѣ, Вереѣ, видѣли въ Іоаннѣ свирѣпаго притѣснителя, рушителя старинныхъ правъ; въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ — его *боялись*, но не *любили*. Духовенство трепетало его самовластія; воеводы и вельможи страшились его гнѣва, неумолимаго и неразборчиваго въ наказаніи. Современники славили-бы его, мо-

жетъ быть, за дѣла воинскія, если-бы онъ, по примѣру Димитрія Донскаго, самъ вдавался въ опасности; любили-бы его, можетъ быть, если-бы онъ былъ народенъ, какъ Іоаннъ Калита, и уважалъ предразсудки, какъ уважали ихъ другіе его предшественники: Іоаннъ не зналъ сихъ средствъ для пріобрѣтенія любви народной. Повелѣвая войскомъ изъ Кремля Московскаго, даже рѣдко являясь самъ въ станѣ воинскомъ, онъ не заслужилъ имени Государя храбраго; дружась съ погаными и съ чужеземцами, онъ возбуждалъ негодованіе Рускихъ. Если-бы Іоаннъ усердно кланялся Монголамъ, но за то и сражался съ ними храбро, его лучше поняли-бы современники; если-бы онъ только отчасти уничтожилъ старину Новгорода и Удѣлы, его хвалили-бы болѣе—Іоаннъ дѣлалъ по своему, начисто: губилъ Монголовъ, но не сражался съ ними; и—никто не замѣтилъ, какъ онъ успѣлъ истребить ихъ; онъ уничтожалъ удѣлы и отдѣльность Твери и другихъ мѣстъ безъ возврата, совершенно, и—возбуждалъ участіе къ жертвамъ своей немилосердой политики. Изгнаніе родныхъ, смерть братьевъ, неуваженіе совѣтовъ матери, казались въ немъ современникамъ тяжкими грѣхами. Притворная робость Іоанна передъ Ахматомъ на Угрѣ; полученіе отъ Менгли-Гирея церковныхъ утварей, награбленныхъ въ Кіевѣ; уничтоженіе церквей

вокругъ стѣнъ Кремлевскихъ, ужасали суевѣріе. Еще болѣе ужасалъ его Іоаннъ своевластіемъ въ церковныхъ дѣлахъ.

Іоаннъ не былъ совершенно чуждъ своего вѣка, хотя и превосходилъ его умомъ и понятіями. Душа его долженствовала иногда трепетать, при мысли: не слишкомъ-ли далеко, въ самомъ дѣлѣ, простираетъ онъ свою хитрость, свое безстрастіе, свою политику въ дѣлахъ государственныхъ? Онъ плакалъ и каялся послѣ смерти брата Андрея; онъ звалъ къ себѣ изъ Польши Василія Верейскаго, сокрушаясь о немилостивомъ поступкѣ съ симъ юнымъ и доблестнымъ Княземъ....

Наконецъ — Іоаннъ не зналъ семейственнаго спокойствія. Мать почитала его, но *любила* его братьевъ; братья не могли любить Іоанна. Въ юности лишась первой супруги, онъ сочетался съ Софіею, женщиною гордою, сварливою и хитрою. Невѣстка его, юная Княжна Молдаванская, не могла ужиться съ свекровью; Дворъ раздѣлялся на сообщниковъ Софіи и Елены; клеветали взаимно другъ на друга, крамольничали, и тревожили Іоанна безпрерывными навѣтами и ссорами. Софія не могла любить и супруга Елены, сына отъ первой жены Іоанновой и наслѣдника его престола. *Іоаннъ Іоанновичъ* былъ любимъ отцомъ, отличался храбростію. Не таковъ былъ *Василій Іоанновичъ*, сла-

бый, хотя и крамольный. Тяжкая скорбь поразила наконецъ сердце Іоанна: старшій сынъ и соименникъ его, въ цвѣтѣ лѣтъ, внезапно заболѣлъ и скончался (1490 г.). Іоаннъ казнилъ несчастнаго врача, который неосторожно обѣщалъ вылечить больнаго, и не исполнилъ своего обѣщанія (496). Тѣмъ сильнѣе обратилась послѣ сего любовь Іоанна къ внуку Димитрію, оставшемуся послѣ отца семи лѣтъ. Это возбудило гордость Елены, и усилило ненависть къ ней и Димитрію Софіи и Василія.

Какъ будто тѣнь, необходимая при свѣтѣ, то, что приноситъ добро, ведетъ за собою и неизбѣжное зло. Самовластіе и неизмѣнная воля Іоанна въ дѣлахъ, были главною причиною его успѣховъ. Но съ лѣтами и старостью, сіи причины повлекли за собою измѣненіе его сильнаго характера: привыкшій повелѣвать безъ совѣтовъ и возраженій, ослѣпленный успѣхами, Іоаннъ, отъ природы суровый, сдѣлался гордъ и свирѣпъ въ дѣлахъ, неумолимъ въ рѣшеніяхъ. Не смѣли представлять ему никакихъ замѣча-

(496) О характерѣ Софіи, Гербештейнъ, R. M. стр. 7.—Сынъ Іоанна сдѣлался боленъ *камчугомъ* (какою-то ножною болѣзнью). Его лечилъ несчастный *Маестро* Леонъ (см. выше, прим. 469), давалъ лекарства внутрь, и грѣлъ ему ноги стклянками съ горячею водою.

ній и возраженій, и при старости лѣтъ, именно отъ того, онъ впалъ въ важныя ошибки; думалъ поправлять ихъ хитростію, и ошибался снова; хотѣлъ рѣшать твердою волею, и — разрушалъ благо дѣлъ своихъ въ самомъ основаніи.

Такъ важною политическою ошибкою должно почесть самое родство Іоанна съ Александромъ Литовскимъ. Іоанну-ли, столько разъ неуважавшему договорами и обѣщаніями, было невѣдомо, что *вѣчнаго мира* не бываетъ, и что родство рѣдко крѣпитъ союзы и дружбу! И для супружества съ Александромъ, Государемъ слабымъ и ничтожнымъ, онъ отваживался на потерю важнаго союза Крымцевъ и Молдавіи! По крайней мѣрѣ, согласясь на родство съ Литвою, искренно-ли поступалъ послѣ того Іоаннъ съ зятемъ своимъ? Сомнѣваемся; и въ ничтожествѣ зятя, и дѣлахъ съ нимъ Іоанна, находимъ разгадку родственнаго союза Іоаннова: онъ думалъ послѣ сего удобнѣе проводить Литву, и владѣть ею, какъ владѣлъ Казанью. Іоаннъ не отдалъ зятю завоеванныхъ городовъ съ самаго начала, и потомъ хотѣлъ править имъ и землею его, по праву отца и родственника. Но Іоаннъ не понялъ ни характера Александрова, ни духа правленія Литовскаго. Александръ, по странному свойству всѣхъ Ягеллоновъ, былъ привязанъ къ

Католицизму; при слабости души, былъ гордъ; по устройству правленія Литвы, былъ не самовластитель, но только правитель Литвы, ибо волю его ограничивали сильные вельможи; въ дѣлахъ государственныхъ, Александръ не обладалъ никакими средствами безъ ихъ согласія, и сверхъ того, онъ зависѣлъ отъ Польши. Увидѣвъ неуспѣхъ своихъ политическихъ предположеній, Іоаннъ принялся за прежнія хитрости, и довелъ зятя до явной вражды, бѣдственной для Литвы, оскорбительной для Руси, ибо, что прощали прежде Государю Русскому, то осуждали теперь въ родственникѣ Литовскаго властителя.

Основаніе неудовольствій съ Литвою началось при самомъ первомъ заключеніи сватовства, потомъ усилилось на свадьбѣ Елены. Упорство и неискренность Іоанна вредили всему; вспыльчивость его довершала неудовольствія. Мы видѣли гнѣвъ его, когда Александръ осмѣлился включить въ свою увѣрительную грамату о сохраненіи православія Елены одно условіе. Іоаннъ хотѣлъ и послѣ супружества дочери управлять ею, какъ будто она все еще была Княжною въ Кремлевскомъ своемъ теремѣ. «Дочери моей надобна особенная придворная церковь,» говорилъ Іоаннъ Посламъ Литовскимъ, при первомъ переговорѣ о сватовствѣ. Прощаясь съ Еленою, послѣднюю

письменную *память* вручилъ онъ ей слѣдующаго содержанія: «*Память Великой Княжнѣ Еленѣ.* Къ Лашинской божницѣ не ходишь, а ходишь къ своей церкви; захочешь посмотрѣть божницу, или монастырь Лашинскій, можешь посмотрѣть разъ, или два, а болѣе того не ходи. Если свекровь пойдетъ, и велитъ тебѣ идти съ собою, проводи ее до божницы и вѣжливо отпросись въ свою церковь, отнюдь не входя въ божницу.» — Іоаннъ подтверждалъ еще Еленѣ не носить Польскаго платья, а носить Русское; вѣнчаться непремѣнно по Русскому обряду; при вопросѣ священника о томъ, согласна-ли она отдать руку свою Александру, отвѣчать: «Любъ ми, и не оставити мнѣ его до живота, ни коея ради болѣзни, кромѣ Закона; держать мнѣ Греческій, а ему не нудить меня къ Римскому (497).» Іоаннъ негодовалъ, узнавъ что обрядъ вѣнчанья совершенъ въ Лашинской церкви, *Епископомъ* Лашинскимъ и только *священникомъ* Русскимъ; Архимандритъ Виленскаго православнаго монастыря былъ тутъ-же, но безмолвствовалъ. Послы Русскіе не рѣшались спорить объ этомъ. Придворной особенной церкви Еленѣ имѣть не

(497) *Дѣла Польскія* (Карамз. т. *VI*, прим. 400, 401.)

позволили, говоря, что она можетъ ходить въ *приходскую*, которая находится недалеко отъ дворца. Нѣсколько сановниковъ Русскихъ, съ семействами, и Подъячихъ Русскихъ; осталось при Еленѣ. Отецъ велѣлъ ей переписываться съ нимъ черезъ сихъ людей, отдѣльно отъ мужа; приказывалъ ей открывать всѣ тайны государственныя; отдавать отчетъ въ самыхъ мѣлкихъ отношеніяхъ своихъ къ мужу. Александръ увидѣлъ хитрость Іоанна, вознегодовалъ, выслалъ въ Москву всѣхъ Рускихъ, бывшихъ при Еленѣ, оставивъ при ней только священника, двухъ Подъячихъ и нѣсколько поваровъ; Іоаннъ жаловался на поступки зятя, и не переставалъ требовать, чтобы отъ Елены удалили служителей Латинской вѣры, построили ей особую церковь православную, и не принуждали-бы ея носить Польскаго платья. Дальнѣйшіе упреки состояли въ томъ, что зять не именуетъ Іоанна *Государемъ*, а только *Великимъ Княземъ*; что онъ не отпускаетъ изъ Литвы Княгини Бѣльской, жены перемѣтчика Князя Бѣльскаго, хотя Александръ отвѣчалъ, что Бѣльская сама не ѣдетъ къ мужу. Іоаннъ вмѣшивался и въ распоряженія внутреннія: узнавъ, что Александръ хочетъ отдать Кіевъ въ удѣлъ младшему брату своему, Сигизмунду, Іоаннъ послалъ къ Еленѣ, и приказывалъ ей отговаривать мужа, представляя, какое зло Русь и

Литва видѣли уже отъ системы удѣловъ. Все это сопровождалось съ обѣихъ сторонъ укоризнами и недовѣрчивостью; Александръ не пропустилъ черезъ Польшу Турецкаго Посла, ѣхавшаго въ Русь; жаловался, что Послы Русскіе своевольничаютъ, ѣздя въ Литву; Іоаннъ возражалъ, что ихъ худо угощаютъ и мало честятъ (498).

Но зять имѣлъ сильнѣйшія причины упрекать тестя. Послѣ первыхъ покушеній примирить Менгли-Гирея съ Литвою, Іоаннъ принялъ сторону Крымцевъ, и увѣрялъ Хана, что никогда не выдастъ его въ войнѣ съ Литвою. Менгли-Гирей требовалъ невозможнаго: уступки Кіева и обширныхъ областей; онъ открылъ Іоанну, что приготовляетъ себѣ въ Кіевѣ убѣжище, опасаясь, что ему не дадутъ спокойно прожить вѣкъ въ Крыму; что Султаны Турецкіе не прямые люди; что прежде управлять Кафою позволяли они ему, а теперь сынъ Баязета управляетъ симъ городомъ, и, можетъ быть, присвоитъ себѣ господство надъ всѣмъ Крымомъ. «Хорошо, пока еще сынъ Султана меня слушается; но будетъ-ли всегда слушать-

(498) *Дѣла Польскія* (Карамзинъ, т. VI, прим. 405, 406, 409, 410, 411, 413). Письмо къ Еленѣ о Сигизмундѣ, у Щербатова, т. IV, ч. 3, стр. 239.

ся, не знаю,» писалъ Менгли-Гирей. «У насъ стариковъ есть пословица, что двѣ бараньи головы въ одинъ котелъ не лѣзутъ; начнутся ссоры, будетъ худо, а гдѣ худо, оттуда бѣгутъ добрые люди.» Онъ просилъ Іоанна достать ему Кіевъ и Черкаскъ, или взять ихъ самому, а въ замѣну дать мѣсто въ Руси для переселенія Крымской Орды. Іоаннъ отвѣчалъ, что во всемъ этомъ радъ помогать своему старому другу (499). Еще хуже были поступки Іоанна въ отношеніяхъ Литвы къ Молдавіи. Стефанъ не хотѣлъ мириться, не смотря на родство Іоанна съ Александромъ. Въ 1497 г. онъ навелъ полчища Турковъ на предѣлы Литвы. Александръ просилъ помощи Іоанна; но получилъ въ отвѣтъ, что Рускіе будутъ помогать, когда Турки появятся въ Литвѣ. «Если этого ждать, то пока вы соберетесь помогать, они успѣютъ взять Вильну,» сказалъ Александръ, и хотѣлъ упорно воевать съ Стефаномъ, когда Турки удалились. Іоаннъ просилъ его не трогать Молдавіи. «Давно зналъ я, что сватъ тебѣ дороже зятя!» воскликнулъ Александръ. «Отъ чего мужъ твой живетъ со мною въ непріязни?» писалъ Іоаннъ къ дочери. «Отъ того, что ты

---

(499) *Дѣла Крымскія* (Карамзинъ, т. VI, прим. 472).

забралъ города Литовскіе, и хитришь, ссылаясь съ моими врагами»—отвѣчалъ Александръ. Іоаннъ заговорилъ о Литовскихъ городахъ прежнее, увѣряя, что сношенія его съ Крымомъ и Молдавіею не имѣютъ цѣлью никакого вреда Литвѣ. Но Александръ уличилъ въ противномъ. Въ 1499 г. Посолъ Литовскій пріѣхалъ въ Москву, извѣщая, что Литва заключила миръ съ Молдавіею, но что Турція оскорбилась симъ миромъ, и хочетъ воевать Молдавію. Александръ называлъ Іоанна въ грамашѣ своей *Государемъ*, и просилъ его, въ доказательство дружбы, навсегда отказаться отъ Кіева, соединиться съ Молдавіею и Литвою противъ Турковъ и Крыма, извѣщая его, что Короли Венгерскій и Польскій соединятся съ ними. Іоаннъ не захотѣлъ отказаться отъ Кіева; сказалъ, что помогать Молдавіи готовъ тогда только, когда Турки нападутъ на нее. Посолъ Литовскій упрекалъ его послѣ сего въ злоумышленіи, и показалъ ему переписку его съ Менгли-Гиреемъ, которую Литовскіе Послы умѣли достать въ Крыму. Іоаннъ не могъ отпираться болѣе, но началъ говорить, что зять вынуждаетъ его къ тому, ибо дружится съ остатками Золотой Орды (500).

---

(500) *Дѣла Польскія* (Карамзинъ, прим. 469, 470, 471).

Такъ прошло около восьми лѣтъ послѣ свадьбы Елены. Въ сіи годы, важныя событія внутреннія возмутили спокойствіе Іоанна. Семейственныя несогласія между Софіею и Еленою безпрерывно умножались. Сообщники той и другой видѣли старость Іоанна, и начали наконецъ думать о наслѣдникѣ ему. Князья Палецкій, Скрябинъ, Дьяки Стромиловъ, Владиміръ Гусевъ (сочинитель Уложенія), Поярокъ, братъ Князя Руна, многіе другіе, особливо Аѳанасій Ярошкинъ, составили заговоръ, держа сторону Софіи и Василія. Партія Елены и сына ея Димитрія состояла изъ множества знатнѣйшихъ царедворцевъ: Князя Патрикѣева и двухъ дѣтей его: Василія Косаго и Ивана, Князей Ряполовскихъ, и многихъ другихъ. Они говорили, что престолъ слѣдуетъ Димитрію, какъ *сыну старшаго сына* Іоаннова. Утверждались на примѣрахъ предковъ отъ временъ Димитрія Донскаго — вѣроятно, еще болѣе на томъ, что гордая Софія и слабый сынъ ея, послѣ смерти Іоанна, могли представить собою вторую Софію Витовтовну и Василія Темнаго; что враговъ Софіи ожидала гибель, когда, напротивъ, юный Димитрій доставлялъ царедворцамъ всѣ средства властвовать. Друзья Софіи и Василія говорили, что Василій есть потомокъ Греческихъ Императоровъ, и потому имѣетъ болѣе правъ; а всего болѣе, какъ

вѣроятно, они страшились за будущую свою участь, если-бы Елена сдѣлалась правительницею. Софія была смѣлѣе въ дѣйствіяхъ: она и друзья ея условились, что юный Василій поѣдетъ въ Сѣверныя области, соберетъ тамъ войско, казну, и при помощи своихъ сообщниковъ захватитъ Димитрія, низложивъ, или ограничивъ старика отца. Дьякъ Стромиловъ испугался такого дерзкаго замысла, и открылъ Іоанну весь заговоръ. Гнѣвъ его былъ безграниченъ. Софію и Василія взяли подъ стражу; сообщниковъ ихъ кинули въ темницы. Іоаннъ самъ судилъ заговорщиковъ, и 27-го Декабря 1498 г., на льду Москвы рѣки, отрубили головы *Князю Палецкому*, *Князю Скрябину*, *Аѳанасью Яропкину*, *Владиміру Гусеву*, *Поярку*, и доносщику *Стромилову*. Нѣсколько ворожей, уличенныхъ въ томъ, что онѣ ходили къ Софіи съ лихими зельями, были утоплены въ прорубяхъ. Судьба Софіи осталась нерѣшенною; но Василій объявленъ отъ отца на вѣки лишеннымъ наслѣдства, и Москва увидѣла неожиданное зрѣлище: торжественное коронованіе внука при жизни дѣда (501).

---

(501) *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 257. Все сложено на діявола: «По діяволю дѣйству, В. К. распалися на сына своего Василія,» и проч. Но другое, подробнѣйшее

Февраля 4 дня, весь Дворъ, дѣти Іоанна, Духовенство, Митрополитъ и шесть Епископовъ, въ богатыхъ одеждахъ, пришли въ Успенскій соборъ. Войско и народъ окружили сей древній храмъ. Посреди собора устроены были мѣста для Іоанна, юнаго Димитрія и Митрополита. Царская утварь, шапка и бармы Мономаховы, лежали на налоѣ. Отслужили молебенъ. Іоаннъ и Митрополитъ сѣли на свои мѣста; Димитрій сталъ передъ ними. «Владыка Митрополитъ!» сказалъ Іоаннъ. «Божіимъ изволеніемъ, отъ прародителей нашихъ, Великихъ Князей, старина наша отъ толѣ и до сихъ мѣстъ: отцы, Великіе Князья, старшимъ сыновьямъ отдавали Великое Княженіе. Я также благословилъ *старшаго своего сына, Князя Ивана*, при жизни своей Великимъ Княженіемъ. Но стала́сь Божія воля—сына моего Ивана въ животѣ не стало; остался у него сынъ Димитрій, и я благословляю его при себѣ и послѣ себя Великимъ Княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ; и ты, Владыко, на Великое Княженіе благослови его!» Начали читать молитвы, возглашать эктеніи; Митро-

---

извѣстіе въ т. II-мъ, стр. 353; оно повторено въ *Архивск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 444).

политъ подалъ Великокняжескую шапку и бармы Іоанну; онъ возложилъ ихъ на внука; Митрополитъ осѣнилъ юношу крестомъ. Потомъ духовные сановники привѣтствовали Іоанна: «Божіею милостію, радуйся и здравствуй, православный *Царь Іоаннъ*, Великій Князь, Самодержецъ всея Руси, и съ своимъ внукомъ, *Великимъ Княземъ Димитріемъ Ивановичемъ*, всея Руси, на многая лѣта!» Они сказали Димитрію, возсѣдшему на свое мѣсто подлѣ дѣда: «Божіею милостію, радуйся и здравствуй, Господинъ и сынъ нашъ, Князь Великій Димитрій Ивановичъ, всея Руси, съ своимъ Государемъ и дѣдомъ, Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ, всея Руси Самодержцемъ, на многая лѣта!» Потомъ поздравляли Димитрія дѣти Іоанна, Бояре, сановники. Митрополитъ сказалъ наконецъ поученіе юному Государю: «Господинъ и сынъ, Князь Великій Димитрій! Божіимъ изволеніемъ, дѣдъ твой, Князь Великій, пожаловалъ тебя и благословилъ Великимъ Княженіемъ, и ты, Господинъ и сынъ мой, имѣй страхъ Божій въ сердцѣ; люби правду, милость и судъ праведенъ; имѣй послушаніе къ твоему Государю и дѣду, Великому Князю, и попеченіе имѣй, отъ всего сердца, о всемъ православномъ Христіанствѣ; а мы тебя, своего Господина и сына, благословляемъ, и Бога молимъ о твоемъ здравіи.»—«Внукъ Ди-

митрій!» сказалъ тогда Іоаннъ — «пожаловалъ я тебя, и благословилъ Великимъ Княжествомъ. Имѣй-же страхъ въ сердцѣ; люби правду, милость и судъ праведенъ; имѣй попеченіе отъ всего сердца о всемъ православномъ Христіанствѣ.» По отслушаніи литургіи, Іоаннъ пошелъ во дворецъ свой; а Димитрій, въ вѣнцѣ и бармахъ, ходилъ поклониться предкамъ въ Архангельскомъ соборѣ, и помолиться въ Благовѣщенскомъ. При выходѣ изъ Успенскаго, при входѣ въ Архангельскій и Благовѣщенскій, его по трижды осыпалъ золотомъ и серебромъ дядя его, Князь Юрій (502).

Но торжество Елены, Димитрія и сообщниковъ ихъ не было продолжительно. Не сдѣлались-ли они слишкомъ своевольны и дерзки? Не раскаялся-ли самъ Іоаннъ, слишкомъ поспѣшивъ наказаніемъ сына и наградою внука? Не успѣла-ли Софія, двадцать лѣтъ хитро владѣвшая Дворомъ и супругомъ, мать многочисленнаго семейства его, снова возвратить себѣ уваженіе Іоанна, и разстроить силу Елены, подкрѣпляемой только юнымъ, неопытнымъ, одинокимъ Димитріемъ, противъ копо-

(502) Стр. Лѣт. т. II, стр. 257; Собр. Г. Г. т. II, № 25.

раго были всѣ сыновья и дочери Іоанна? Современники не знали, или не сказали намъ. Но не прошло года, и страшная *опала* возложена была на сообщниковъ Елены: *Патрикѣевъ*, первый сановникъ и родственникъ Іоанна, *Ряполовскіе*, коихъ отецъ спасалъ самого Іоанна въ дѣтствѣ, *Ромодановскій*, вѣрный воевода и вельможа, подпали гнѣву *за крамолу*; ихъ осудили на казнь, и—Симеонъ Ряполовскій былъ обезглавленъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ за годъ прежде пролилась кровь враговъ его—Палецкаго, Скрябина, Гусева. Митрополитъ и Духовенство молили за Патрикѣева: Іоаннъ позволилъ ему и старшему сыну его, Василію Косому, постричься; другой сынъ остался подъ стражею; всѣхъ остальныхъ сообщниковъ Патрикѣева простили. Ничего еще не вѣдали объ участіи Елены и Димитрія; все еще видѣли Димитрія въ вѣнцѣ Великокняжескомъ; но Іоаннъ былъ холоденъ къ нему, мраченъ, и объявилъ, что по родительской милости своей прощаетъ Василія. Призванный къ отцу, Василій каялся, плакалъ. Іоаннъ назначилъ его *Государемъ и Великимъ Княземъ Новгорода и Пскова*. Василій отправился во Псковъ. Неуже-ли Іоаннъ думалъ въ самомъ дѣлѣ отдѣлить отъ Москвы области, столь хитро и удачно имъ пріобрѣтенныя! Новгородцы не смѣли противорѣчить; но Псковитяне, сохраняя еще тѣнь своей незави-

40*

симости, испуганные мыслію, что со временемъ будутъ жертвою междоусобій, послали просить Іоанна, чтобы онъ не отдавалъ ихъ *особому Князю*, но положилъ: тому, кто будетъ Князь на Москвѣ, быть Княземъ и во Псковѣ. «Какъ смѣете вы мнѣ указывать!» гнѣвно возразилъ Іоаннъ. «Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и дѣтяхъ? Кому хочу, тому даю!» Пословъ Псковскихъ заключили въ темницу. Едва могли вымолить себѣ прощеніе Псковитяне, и смиренно замолчали (503).

Въ 1500-мъ году разрушилась наконецъ самая тѣнь дружбы между Литвою и Русью. Началась война, свирѣпая и кровопролитная.

Дошли слухи въ Москву, что Александръ принуждаетъ Елену принять Католическую вѣру. Онъ выслалъ изъ Литвы послѣдняго совѣтника Елены, духовника ея, священника Ѳому. Послы Іоанна спрашивали о причинѣ. «Онъ мнѣ

---

(503) въ *Собр. Г. г.*, т. I, № 130, есть духовная Патрикѣева, писанная, вѣроятно, прежде раззоренія его рода, но не ранѣе 1497 г., ибо она скрѣплена уже Митрополитомъ Симономъ. Патрикѣевъ умеръ вскорѣ (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 454). О странной судьбѣ *Василія Косаго* узнаемъ въ княженіе наслѣдника Іоаннова (*Ист. Г. Н.* т. VI, прим. 108). См. еще *Стр. Лѣт.* II, 261; *Псковск. Лѣт.* (Карамз. т. VI, прим. 455).

неугоденъ,» отвѣчала Елена, вѣроятно, по волѣ мужа. Вскорѣ перебѣжалъ въ Русь изъ Литвы новый знатный измѣнникъ, Князь Симеонъ Бѣльскій, и съ нимъ другіе — Князь Хотетовскій, Князья Мосальскіе, Бояре Мценскіе и Серпейскіе. Они извѣстили, что въ Литвѣ открылось явное гоненіе за вѣру; что всѣ православные готовы перейдти къ Іоанну; что даже исконные враги его, внукъ Шемяки и сынъ Можайскаго, просятъ его принять ихъ въ подданство, и готовы передать ему свои владѣнія, Черниговъ, Стародубъ, Гомель, Любечъ, Рыльскъ и Новгородъ-Сѣверскій, и что Христіанству приходитъ въ Литвѣ конецъ отъ *проклятаго Папежа и Латинщиковъ*. Справедливо-ли было все это? Нимало: измѣнники нагло клеветали (504).

---

(504) *Дѣла Польскія* (Карамз. т. VI, прим. 473, 478). См. у Щербатова, т. IV, ч. 3, стр. 243, образчикъ тайныхъ клеветъ на Александра: записку, данную въ Смоленскѣ, какимъ-то Ѳедькою Шестаковымъ жителю Можайска Василью Демидову, отъ него переданную священнику, отъ священника дошедшую Князю Турену. Какъ будто всѣ пути сообщенія съ Москвою были пресѣчены, какъ будто изъ тяжкой неволи, негодяй этотъ пишетъ: «У насъ замятенье великсе; дьяволъ вселился въ Сапегу и гонителей православія;

Съ избраніемъ въ Митрополиты Кіевскіе Мисаила (1474 г.), мысль о Флорентійскомъ соединеніи истребилась въ Литвѣ, особливо послѣ уничтоженія оной въ Царяградѣ. Покоривъ Царьградъ, Турки не гнали, не истребляли вѣры Христіанской; отняли только у Христіанъ разныя права; нѣкоторыя церкви Христіанъ обратили въ мечети, обложили другія податью, награждали принимавшихъ Исламизмъ, унижали *гяуровъ* Греческихъ; но нетерпимость никогда не была свойствомъ властителей Царяграда. Они не уважали Христіанства, не разбирали въ рѣшеніяхъ своихъ

Вел. Княгиню Елену принуждаютъ къ Латинству,» и проч., прибавляя въ концѣ: «*больше писать не смѣю.*» Θеодоръ Бѣльскій жилъ въ Руси съ 1482 года; Симеонъ пріѣхалъ въ Москву Апрѣля 12-го 1500 г. Посолъ Александра, которому Іоаннъ жаловался на гоненіе православія въ Литвѣ, пріѣхалъ Апрѣля 23-го, а Іоаннъ увѣдомилъ уже Крымскаго Хана въ это время, что сынъ Князя Можайскаго, *Симеонъ*, съ Черниговомъ, Стародубомъ, Гомелемъ, Любечемъ, внукъ Шемяки *Василій* съ Рыльскомъ и Новгородомъ Сѣверскимъ, и Князья *Трубецкіе* и *Мосальскіе* передались ему (*Дѣла Крым.*, Карамз., т. VI, прим. 481). Не смотря на явное противорѣчіе дѣлъ, Карамзинъ вѣрилъ гоненію Православія въ Литвѣ, и другимъ выдуманнымъ обвиненіямъ на Александра (Ист. Г. Р. т. VI, стр. 292, и

ни сана, ни достоинства духовных; но дозволили остаться Патріаршескому престолу въ Царьградѣ и Патріарху управлять Церковію Греческою. Греки рѣшительно отвергли несчастный Флорентійскій Соборъ, и въ рабствѣ своемъ утѣшались православіемъ. Церковь Русская не зависѣла отъ нихъ, но возобновила свои сношенія съ Восточными Патріархами. Церковь Кіевская, или Литовская, также сблизилась съ ними и считалась даже подвластною Цареградскому Патріарху; Короли Польскіе дозволяли Литовскому духовенству сношенія съ Греками изъ политическихъ видовъ своихъ, ибо находили въ сихъ сношеніяхъ орудіе къ дѣйствію въ Цареградѣ. Притѣсненія православныхъ въ Литвѣ прекратились съ уничтоженіемъ послѣдователей Исидора. Права и преимущества были возстановлены; Церковію правилъ Митрополитъ Кіевскій свободно; Христіане Греческаго исповѣданія были вельможа-

---

слѣд.). *Бѣльскіе*, игравшіе потомъ въ Руси столь важную ролю, происходили отъ Владиміра Олгердовича, Кіевскаго (см. выше, прим. 81), у котораго было два сына: Одельно и *Иванъ Бѣльскій*; бѣглецы въ Москву, *Ѳеодоръ* и *Симеонъ*, были дѣти этого Ивана (см. *Родословную книгу*).

ми и сановниками Литвы и Польши безпрепятственно. Послѣ Мисаила поставленъ былъ Греческимъ Патріархомъ (Максимомъ Философомъ) въ Митрополиты Кіевскіе Симеонъ (1477 г.). При немъ Менгли-Гирей ограбилъ Кіевскіе монастыри и церкви, и получилъ благодареніе Іоанна. Іона наслѣдовалъ Симеону (въ 1488 г.), и былъ любимцемъ Казиміра. Макарій (котораго Руские прозвали *Чортомъ*), Архимандритъ Виленскій, находившійся при вѣнчаніи Елены, поступилъ на Кіевскую Митрополію въ 1495 г., благословенный Патріархомъ Царяградскимъ. Онъ остался въ Вильнѣ, ибо въ Кіевѣ не было безопасности отъ безпрерывныхъ набѣговъ Татарскихъ. Добродѣтельный Архипастырь сей не спасся однакожъ отъ гибели: его ограбили и убили Крымцы, когда онъ ѣхалъ посѣтить Кіевъ (1497 г.). Наслѣдникомъ ему былъ Іосифъ Солтанъ, нѣкогда знатный вельможа, но потомъ оставившій свѣтъ, и получившій наконецъ Епископію Смоленскую. Александръ особенно уважалъ Іосифа, и въ 1499 г. подтвердилъ ему независимость его въ управленіи Церковью и церковными судами. Іосифъ ревновалъ благочестію, и впослѣдствіи, на Соборѣ Виленскомъ (въ 1509 г.), въ присутствіи Епископовъ Владимірско-Берестенскаго, Смоленскаго, Луцко-Острожскаго, Полоцко-Витебскаго, Туровско-Пинскаго, Перемышльскаго,

Холмскаго, 14 Архимандритовъ и 7-ми Протоіереевъ выборныхъ, положилъ благоразумныя правила о благочиніи церковномъ (505). Гдѣже было мнимое *гоненіе?* Правда, что Католики ревностно старались обращать православныхъ; что монашескіе Ордена ихъ неусыпно дѣйствовали, особенно на обращеніе женщинъ; что они старались увлекать дѣтей въ Католицизмъ, умножали Латинскія церкви, вѣра Латинская считалась въ Литвѣ главною, и Папа гремѣлъ буллами. Но бѣглецы Литовскіе безбожно оговорили добродѣтельнаго Іосифа, утверждая, что онъ предался Папѣ, и поклялся

(505) О Мисаилѣ см. выше стр. 416. Далѣе см. *Опис. Кіево-Соф. собора*, стр. 113, и слѣд., и *приложенія* къ нему № 10 и 11-й, а также *Ист. Г. Р.* т. *VI*, прим. 475. Слич. превосходныя изслѣдованія Митрополита Евгенія съ ошибочнымъ повѣствованіемъ Карамзина (Ист. Г. Р. т. *VI*, стр. 292—294). Знатнѣйшіе вельможи Литовскіе, каковы: Князья Глинскіе, Бѣльскіе, Острожскіе, были православнаго исповѣданія; самъ Митр. Іосифъ былъ прежде Великимъ Подскарбіемъ Литовскимъ. Макарія убили на берегахъ Вчичи, въ селѣ Стриголовѣ; мощи его почиваютъ въ Соф. Кіевскомъ соборѣ. Грамата Александра извѣстна по подтвержденію оной въ 1766 г. Правила Виленскаго Собора хранятся въ Синод. биб. (*Оп. Кіев. Соф. соб.* прилож. 10 и 11-е).

обратить всѣхъ въ Латинскую ересь, что онъ ѣздитъ по городамъ съ Латинскимъ Епископомъ, и обращаетъ въ Латинь волею и неволею, хотя уже Богъ послалъ на него въ наказаніе болѣзни тяжкія (506). Іоаннъ не слушалъ ничего болѣе; готовилъ войско, послалъ въ Крымъ, въ Молдавію. Александръ отправилъ къ Іоанну Посла, называлъ его въ грамотѣ своей *Государемъ*, усовѣщивалъ, уговаривалъ не вступаться въ сношенія съ измѣнниками, выдать Бѣльскаго, увѣряя, что вовсе не думалъ гнать вѣры, и что его оклеветали безстыдно. Іоаннъ отвѣчалъ, что онъ не измѣнниковъ принимаетъ, но спасаетъ православныхъ отъ поганства Латинскаго, и будетъ спасать ихъ всегда, почитая себя опорою православія; что Александръ поздно даетъ ему надлежащіе титулы, и напрасно коварствуетъ, увѣряя, будто нѣтъ гоненія на вѣру. « Въ городахъ строятъ поганые костелы; отступникъ православія Іосифъ поноситъ нашу вѣру; дѣтей право-

(506) Райнальд. А. Е. г. 1501, N° 37; Костр. Лѣт. ч. II, стр. 188: «Посла Богъ на него (Іосифа) недугъ, разслабу, и поставленъ бысть на Митрополію, и *едино лѣто* пребысть въ томъ санѣ, и живота измѣнися» (въ *Стр. Лѣт.* умре). Явная клевета! Іосифъ правилъ Митрополіею 19-ть лѣтъ.

славныхъ крестятъ въ Латинщину насильно, а женъ обольщаютъ прелестью; у Елены нѣтъ ни духовника изъ Москвы, ни придворной церкви: это-ли не гоненія?» говорилъ Іоаннъ (507).

Но онъ уже не довольствовался словами. Чиновникъ его Телешовъ поѣхалъ объявить Александру о томъ, что Іоаннъ принимаетъ подъ власть свою Можайскаго и Шемякина, и объявляетъ войну Литвѣ. Русскія войска уже опустошали въ это время Литву и брали города. Іоаннъ горделиво хотѣлъ, чтобы *Царь Казанскій*, Магметъ-Аминъ, предводилъ его войскомъ. Яковъ Захарьинъ приданъ былъ къ нему. Можайскій, Шемякинъ, Князья Трубчевскіе, съ радостью встрѣтили Руских и присягнули Іоанну; Мценскъ, Серпейскъ сдались; Брянскъ и Пушивль были взяты. Намѣстниковъ и Воеводъ Литовскихъ увезли въ Москву. Другой Захарьинъ, Юрій, занялъ Дорогобужъ и шелъ къ Смоленску. Молдавія еще не двигалась; но Менгли-Гирей, какъ коршунъ хищный, уже налетѣлъ на Волынь, сжегъ, разграбилъ Хмѣльникъ, Кременецъ, Брестъ, Владиміръ, Луцкъ, Бряславль. Онъ хвасталъ Іоанну своими кровавыми успѣхами; Іоаннъ поздравлялъ его, извѣ-

(507) *Дѣла Польскія* (Карамз., т. VI, прим. 479).

щалъ о своихъ успѣхахъ, и въ непродолжительномъ времени обрадовалъ еще болѣе (508).

Наскоро спѣшили въ Литвѣ собрать войско, и защитить хотя сѣверную Литву и Смоленскъ. Предводительство вручено было Князю Константину Острожскому, мужу храброму, ревностному защитнику православія, но еще болѣе усердному на службу отчизнѣ. Александръ возвелъ его въ достоинство Гетмана Литовскаго, самъ остался въ Борисовѣ, а Константинъ выступилъ къ Дорогобужу. Здѣсь ожидалъ его Князь Даніилъ Щеня, присоединившійся къ Юрію Захарьину съ дружинами Новгорода и Твери. Юрій оскорбился, что Даніилъ поставленъ былъ выше его; Іоаннъ велѣлъ ему молчать. На берегахъ Ведроши, при урочищѣ Митьково поле, (14 Іюля, 1500 г.) Воеводы Русскіе встрѣтили Острожскаго, и наголову разбили его. Самъ полководецъ Литовскій попался въ полонъ. Его, какъ злодѣя, противника дѣлу православныхъ, привезли въ Москву въ кандалахъ, и сослали въ Вологду, гдѣ выдавали ему на содержаніе по 4-ре алтына

---

(508) Стр. Лѣт. т. II, 265, Костр. т. II, 189, Львов. т. III, 265, Типогр. стр. 341; *Дѣла Крымскія* (Карамз. т. VI, прим. 495, 496, 497).

въ день. Іоаннъ называлъ это *милостію*, ибо другимъ плѣнникамъ Литовскимъ выдавали на день только по полу-деньгѣ. Предложили наконецъ Острожскому вступить въ службу *Государя православнаго*, оставя *еретика Латинскаго*. Бѣдный плѣнникъ принужденъ былъ согласиться (509). Іоаннъ благодарилъ Воеводъ своихъ, и велѣлъ имъ осаждать Смоленскъ. Наступившая осень не допустила до осады. Подъ Торопцемъ, Руские разбили еще отрядъ Литовцевъ. Тутъ предводили племянники Іоанна Иванъ и Ѳеодоръ Борисовичи, но начальствовалъ Новгородскій Намѣстникъ Челяднинъ. Военныя дѣйствія прекратились (510).

---

(509) Славная битва Ведрошская описана во всѣхъ Русск. Лѣтописяхъ. О плѣнѣ Острожскаго, см. *Бѣльскаго* и *Арханг. Лѣт*. (стр. 175). Онъ страдалъ въ плѣну *восемь лѣтъ*, бѣжалъ, едва только получилъ облегченіе, и мстилъ за свой плѣнъ побѣдами. Бѣльскій пишетъ (стр. 489), что Острожскій шелъ отъ Дорогобужа черезъ Лопачинъ. Погостъ *Ведроши* находится нынѣ на югъ отъ Дорогобужа. По словамъ Курбскаго (*Сказанія объ Іоаннѣ*), Острожскаго освободили отъ оковъ по просьбѣ Димитрія, Игумена Прилуцкаго, который былъ тогда на Вологдѣ утѣшителемъ несчастныхъ племянниковъ Іоанна; что Димитрій чудесно исцѣлилъ изсохшія отъ оковъ ноги Константина, и проч.

(510) Битва была на Тешковѣ полѣ, на берегахъ Подмы (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 493).

Александръ поспѣшно дѣлалъ, что могъ сдѣлать, но онъ не имѣлъ средствъ противостать сильно, не приготовясь предварительно къ защитѣ. Пославъ войско свое съ Княземъ Острожскимъ противъ Русскихъ, онъ уговаривалъ Стефана Молдавскаго не нарушать мира, и убѣждалъ Менгли-Гирея отстать отъ Іоанна, представляя ему дѣла тестя въ самомъ черномъ видѣ. «Можешь-ли надѣяться на него, видя, что онъ дѣлаетъ со мною, зятемъ своимъ? Забудешь-ли, какъ погубилъ онъ своихъ родныхъ братьевъ?» говорилъ Александръ. Но Ханъ не слушалъ ничего, отвергъ посредство Стефана, и увѣдомилъ Іоанна, что изъ Литвы присылали къ нему *съ пустыми рѣчами*, въ одно время сносясь съ нимъ и съ врагами его, остатками Золотой Орды (511). Александръ

---

(511) *Дѣла Крымскія* (Ист. Г. Р. т. *VI*, прим. 499, 500, 501). О *Золотой Ордѣ*, см. выше прим. 440. Послы Хана Ордынскаго были на Піотрковскомъ сеймѣ 1501 г., и присягали *zwyklym obyczaiem* (говоритъ Бѣльскій), т. е. *лили* воду на сабли, и пили потомъ эту воду, говоря: «Если нарушимъ нашу клятву, да погибнемъ отъ этихъ сабель, и да потечетъ наша кровь, какъ эта вода!» Двигнувшись по убѣжденію Литвы, Золотая Орда погибла совершенно въ это время, хотя до конца своего не измѣняла Польшѣ.

испытывалъ и мирныя средства. Братья его, Короли Польскій и Венгерскій, прислали въ Москву Пословъ своихъ, вмѣстѣ съ Литовскимъ. Александръ горько жаловался на вѣроломство, нечаянное нападеніе Руских, тяжкій плѣнъ Острожскаго, пріемъ измѣнниковъ въ Руси; просилъ начать переговоры о мирѣ и отпустить плѣнныхъ; ему отвѣчали, что Іоаннъ не прочь отъ мира, но взятаго не отдастъ, и плѣнныхъ безъ выкупа не отпуститъ (512).

Зимою 1501 г. Александръ получилъ неожиданную почесть: Іоаннъ Албертъ скончался въ Іюлѣ, и Великаго Князя Литовскаго избрали въ Польскіе Короли. Зная, что Александръ былъ занятъ дѣлами въ Польшѣ, Іоаннъ спѣшилъ продолжать войну. Василій, сынъ его, раззорялъ сѣверную Литву; другой отрядъ, подъ предводительствомъ двухъ измѣнниковъ Литовскихъ, Князей Шемякина и Стародубскаго, и Князя Ростовскаго съ Бояриномъ Воронцовымъ, разбилъ новое Литовское войско, коимъ начальствовали Князь Ижеславскій, и отважный наѣздникъ, Воевода Литовскій, Ев-

(512) *Дѣла Польскія* (Карамз. т. VI, прим. 504).

стафій Дашковичъ. Битва происходила Ноября 14-го 1501 г., подъ Мстиславлемъ (513).

Іоаннъ остановился на время послѣ сего, ибо два обстоятельства обратили на себя его вниманіе. Союзника его Менгли-Гирея отвлекли въ это время непримиримые враги — остатки Золотой Орды. Съ другой стороны явился храбрый союзникъ Литвѣ — Магистръ Ливонскаго ордена, Вальтеръ фонъ-Плеттенбергъ. Онъ видѣлъ опасность самовластія и успѣховъ Іоанна, заключилъ союзъ съ Польшею, и лѣтомъ 1501 г. вступилъ въ Псковскую область, захвативъ предварительно Русскихъ купцовъ, находившихся въ Дерптѣ и Ревелѣ. Войско его было немногочисленно, но хорошо устроено и снабжено сильною артиллеріею. Воеводы Русскіе, Князья Шуйскій и Пенко, только бражничали во Псковѣ, видѣли опустошеніе земель Рыцарями, и робѣли. Наконецъ, они выступили къ Изборску, и 27-го Августа на рѣкѣ Сирицѣ были разгромлены артиллеріею Плеттенберга, бѣжали и скрылись во Псковѣ.

---

(513) Ист. Г. Р. т. VI, прим. 507, 508; Стр. Лѣт. т. II, 267. *Ижеславскій* былъ не сынъ, но зять Юрія Лугвеніевича. *Дашковичъ*, впослѣдствіи бывшій столь достопамятнымъ предводителемъ Казаковъ, названъ *Дашковъ*, въ *Разрядныхъ книгахъ*.

Рыцари безпрепятственно жгли и грабили селенія, взяли Островъ, осаждали Изборскъ и Опочку (вмѣстѣ съ Литовцами); хотѣли даже осадить Псковъ. Только повальныя болѣзни, открывшіяся въ войскѣ ихъ, заставили Плеттенберга удалиться во свояси (514).

При неожиданной удачѣ новаго союзника Литовскаго, Іоаннъ раздражилъ и отвлекъ было отъ себя своихъ старыхъ союзниковъ, Менгли-Гирея и Стефана. Событія, оскорбившія Крымскаго Хана и Молдавскаго Господаря, были совершенно различны.

Стефанъ услышалъ о бѣдствіи, постигшемъ несчастную дочь его и внука. Уже съ 1499-го года, казнь Ряполовскаго, изгнаніе Патрикѣевыхъ, и прощеніе Василія, не предвѣщали добра Еленѣ и Димитрію. Мать и сынъ казались опальными при Дворѣ, хотя Димитрій все еще носилъ титулъ Великаго Князя и наслѣдника. Но весною 1502 года Іоаннъ изъявилъ рѣшительный гнѣвъ свой Еленѣ: Апрѣля 11-го запрещено было поминать сына ея на эктеніяхъ; и Елену, и Димитрія посадили подъ тѣсную стражу. Несчастный юноша былъ даже скованъ!

(514) Ист. Г. Р. т. VI, прим. 509 — 515; Кельхъ, стр. 158.

Апрѣля 14-го объявили, что Іоаннъ жалуетъ Василія *Великимъ Княземъ и Наслѣдникомъ* своимъ. Вѣчная темница назначена была Еленѣ и Димитрію.... Такое жестокое наказаніе дочери и внука опечалило Стефана. Онъ требовалъ изъясненій: почему столь безчеловѣчно ихъ преслѣдуютъ? «Такъ хочу» — отвѣчалъ Іоаннъ Менгли-Гирею (ибо черезъ него сносился Стефанъ съ Москвою, прося Хана заступиться) — «такъ хочу! Жалую, кто мнѣ нравится и угоденъ; не жалую, кто не нравится и неугоденъ.» Что могъ возразить на это слабый, далекій Господарь Молдавскій? Онъ захватилъ было Пословъ и художниковъ, ѣхавшихъ изъ Италіи; но Іоаннъ потребовалъ ихъ, разжаловался Менгли-Гирею и Кафинскому Намѣстнику—Стефанъ отпустилъ задержанныхъ имъ людей (515).

Самовластіе Іоанна въ Казани разсердило Менгли-Гирея. Въ 1500 г. посланъ былъ изъ Москвы Ѳедоръ Бѣльскій, защитить Казань отъ набѣга Ногайскихъ Царевичей Агалака, Ямгурчея и Мусы. Іоаннъ казался благосклоненъ

---

(515) Карамз. т. VI, прим. 536, 537, 538, 539; Стр. Лѣт. II, 269; Архангел. Лѣт. стр. 174. Наказъ Іоанна, о томъ, *какъ стеречи внука,* хранился нѣкогда въ Государственномъ Архивѣ, но утраченъ.

и милостивъ. Но черезъ два года, онъ возвергъ гнѣвъ свой на Абдулъ-Летифа, призвалъ въ Москву Мегметъ-Аминя, наименовалъ его Царемъ Казанскимъ, отдалъ ему жену Алегамову, и отправилъ его съ войскомъ подъ Казань. Князь Ноздроватый возвелъ Мегметъ-Аминя на тронъ Казанскій. Абдулъ-Летифа привезли въ Москву скованнаго, и отправили въ ссылку въ Бѣлозерскъ. «Я пожаловалъ Абдулъ-Летифа,» писалъ Іоаннъ Крымскому Хану, «посадилъ его на Казань; но онъ почалъ мнѣ лгать; ни въ какихъ дѣлахъ не училъ управы чинить, и землѣ Казанской сталъ лихъ: я свелъ его съ Казани, и держу у себя.» Кажется, что *неучиненіе управы* и вся *лихость* Абдулъ-Летифа состояли только въ неповиновеніи волѣ Іоанна. Менгли-Гирей, оказавшій въ это время важную услугу Іоанну, истребленіемъ послѣднихъ остатковъ Золотой Орды, и готовый снова ринуться на Литву, отвѣчалъ, что Іоаннъ долженъ былъ извинить Абдулъ-Летифа за его юность; по крайней мѣрѣ, теперь долженъ отпустить его въ Крымъ, или дать ему помѣстья въ Руси. Безъ сего удовлетворенія, Ханъ грозилъ расторгнуть союзъ свой съ Іоанномъ. «Разрушится наше братство, а старые, добрые люди говорятъ, что лучше умереть съ добрымъ именемъ, нежели благоденствовать съ худымъ. Будешь-ли имѣть

доброе имя, нарушивъ святую клятву братства между нами?» Іоаннъ исполнилъ требованіе Менгли-Гиреево, далъ Абдулъ-Летифу помѣстья, но не выпускалъ изъ рукъ этого бѣднаго Князя, предметъ неудовольствій между имъ и Крымомъ. Ханъ ничего болѣе не требовалъ и былъ доволенъ (516). Война съ Литвою снова началась, вдругъ въ четырехъ мѣстахъ, и на сей разъ счастіе худо послужило храбрости Плеттенберга.

Еще въ 1501 г., едва ушли побѣдительные полки его, Іоаннъ въ глубокую осень послалъ Князя Даніила Щеню раззорять земли Рыцарскія. Въ виду защитниковъ, сидѣвшихъ въ Дерптѣ, Маріенбургѣ, Нейгаузенѣ, Рускіе жгли, опустошали, брали въ полонъ. Отрядъ Рыцарей напалъ на нихъ близъ Гельмета, и принужденъ былъ бѣжать (24 Ноября). Плеттенбергъ выступилъ наконецъ самъ; но Рускіе, совершивъ страшную месть, уже ушли въ свои предѣлы. Рыцари только выжгли посадъ Ивангородскій. Лѣтомъ 1502 г. Плеттенбергъ снова вошелъ въ Псковскую область, осаждалъ

(516) *Крымскія дѣла* (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 467, 531, 532); Арханг. Лѣт. стр. 176; Костр. Лѣт. II, 191, 195.

Изборскъ, оставилъ его, и осадилъ Псковъ: Даніилъ Щеня, съ усиленнымъ войскомъ, спѣшилъ на непріятеля. Плеттенбергъ отступилъ, и ждалъ Рускихъ близъ озера Смолина, въ 30-ти верстахъ отъ Пскова. Здѣсь, Сентября 13-го, началась битва жестокая. Рускіе превосходили числомъ, Рыцари устройствомъ; два раза Рускіе были сбиты, возвращались и нападали снова. Орденскій знаменоносецъ Шварцъ былъ раненъ, и кричалъ товарищамъ: «Возьмите знамя!» Рыцарь Гаммерштетъ хотѣлъ взять его; Шварцъ не отдалъ ему знамени, и изорвалъ зубами, когда Гаммерштетъ, въ бѣшенствѣ, старался отнять его, и отрубилъ руку Шварцу. Гаммерштетъ немедленно бѣжалъ къ Рускимъ, и повелъ ихъ на слабую сторону Нѣмецкой пѣхоты. Ничто не пособило; Рускіе отступили въ безпорядкѣ; Плеттенбергъ удержалъ мѣсто битвы, но — не болѣе, хотя и установилъ на вѣки праздновать день Смолинской битвы. Гаммерштетъ былъ принятъ Іоанномъ ласково, и остался въ Москвѣ (517).

---

(517) Карамз. т. VI, прим. 516, 518, 519, 546, 547; Герберштейнъ, R. M. стр. 85; Пск. Лѣт. годъ 1502-й; Арханг. Лѣт. стр. 176; Тип. Лѣт. стр. 343; Кельхъ, стр. 159, и слѣд. — О Гельметской битвѣ: «биша поганыхъ на десять верстъ, и не оставиша

Но сильное войско Русское, лѣтомъ 1502 г., въ замѣну нерѣшительной Смолинской битвы, опустошило всю Литву до Полоцка и Мстиславля, взяло Оршу, выжгло Витебскій посадъ, и осадило Смоленскъ; недостатокъ припасовъ въ оголоженной странѣ заставилъ отступить. Раззоренія продолжались даже и зимою. Князь Шемякинъ, и другіе переметчики, мстили Александру за его прежнюю дружбу. Южную Литву и Волынь раззорялъ неутомимый Менгли-Гирей, не слушая увѣщаній Александра, и отсылая письма его къ Іоанну; наѣздники Крымскіе являлись даже близъ Кракова и Сендомира. Еще Левъ Даніиловичъ Галицкій замѣчалъ, что послѣ Татаръ уже нечего было взять (518). Наконецъ, и Стефанъ Молдавскій,

---

ихъ ни *вѣстоноши*; а не саблями свѣтлыми сѣкоша, но биша, аки свиней, шестоперами.» Герберштейнъ лично видѣлъ Гаммерштета honorifice vestitum, inter Principis stipendiarios.

(518) Рускими предводилъ (разумѣется, для почета) сынъ Іоанна, *Димитрій*, Переписка Александра съ Плеттенбергомъ и Іоанна съ Менгли-Гиреемъ, въ *Ист. Г. Р.* т. VI, прим. 542, 543, 544. — См. еще *Бѣльскаго*, стр. 494. Татаръ разбили въ Литвѣ въ 1503 г. — Возвратясь въ Москву, Димитрій жаловался Іоанну на своевольство нѣкоторыхъ воиновъ, «и за то Князь Вел. воспалися, и многихъ велѣлъ испой-

не смотря на ссору съ Іоанномъ, занялъ области Волынскія, Галичъ, Снятинъ, Красное, Колымью. Онъ хотѣлъ обезопасить себя при мирѣ, которымъ вскорѣ, какъ полагалъ онъ, должно было все окончиться: Александръ, не умѣя согласить ни братьевъ, ни подданныхъ своихъ, былъ притомъ боленъ, не могъ ни стоять противъ Руснихъ, Молдаванъ и Крымцевъ, ни помогать Плеттенбергу. Онъ рѣшился купить тишину всѣми возможными пожертвованіями (519), и въ 1503 г. пріѣхалъ къ неумолимому тестю его Посолъ Венгерскій, съ

мати, да велѣлъ ихъ казнити, по торгу водя, велѣлъ кнутьемъ бити, а многихъ велѣлъ въ тюрьму пометати.» О бѣдствіяхъ, какими сопровождалась война въ Литвѣ, можно судить изъ словъ Лѣтописей: «Граду (Смоленску) учиниша зла много; и людей подъ градомъ побиша много; а волости и села повоеваша, пограбиша, пожгоша, и полону выведоша множество безчисленно.» Александръ писалъ къ Плеттенбергу, что опасается сдачи Смоленска, по причинѣ голода, и заразы, производимой множествомъ непогребенныхъ и гніющихъ повсюду труповъ. Ожесточеніе воиновъ съ обѣихъ сторонъ было ужасное. Въ Ведрошской битвѣ, напримѣръ, «бишася, имающеся за руки сѣчахуся, и по удоліямъ (кровь текла) яко рѣка, а въ трупу конь не скочитъ,» и проч.

(519) *Дѣла Крымскія* (Ист. Г. Р. т. VI. прим. 535); Бѣльскій, стр. 496. Впрочемъ, Поляки жестоко раз-

письмами отъ Папы и Венгерскаго Короля. Оба просили Іоанна мириться. По прежнему жаловался Іоаннъ на обиды; на то, что зять его, изъявляя желаніе мира, наводилъ на него Нѣмцевъ и Золотую Орду. Но онъ позволилъ пріѣхать Посламъ Польскимъ, и остановилъ военныя дѣйствія. Послы явились отъ Александра и Плеттенберга, терпѣли грубости и гордость вельможъ Русскихъ, назначенныхъ Іоанномъ для переговоровъ. Посламъ Плеттенберга сказано было, что они должны переговаривать съ Новгородскимъ и Псковскимъ Намѣстниками; такъ мало подѣйствовали на Іоанна побѣды Плеттенберга. Но Магистръ Ливонскій былъ доволенъ, что его не заставили унижаться болѣе. Миръ заключенъ былъ имъ по старинѣ (520). Не такъ было съ Поль-

---

зоряли тогда Молдавію. Стефанъ, старый, страдавшій подагрою, огорчаемый участью дочери и безнадежностію отчизны въ будущемъ, умеръ въ 1504 г.—Замѣтимъ, что Турки звали его *Кара-Богданомъ*, т. е. *Чернымъ Богданомъ*, переиначивая по своему Молдаванское слово: *Кара*, что значитъ: *драгоцѣнный*.

(520) *Дѣла Польскія* (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 548, 549, 551). Къ сему времени должно отнести трогательное письмо Елены къ родителю (*Сѣверн. Архивъ* 1823 г., т. VIII, стр. 356). Уговаривая его мириться,

шею. Послы Литовскіе заговорили сначала объ уступкѣ всѣхъ завоеванныхъ Рускими областей. «Ничего не отдамъ,» сказалъ Іоаннъ. «Я взялъ свое, принадлежавшее Руси издревле; хочу взять и остальное: Смоленскъ и Кіевъ. Александрова отчина Польша и Литва: я ихъ не трогаю.» Онъ согласился наконецъ заключить перемиріе на *шесть лѣтъ*, отдавъ весьма немногое изъ завоеванныхъ областей. Упомянули о Швеціи, гдѣ снова были тогда побѣждены Датчане. Іоаннъ не хотѣлъ ничего слышать; не хотѣлъ мирить зятя съ Менгли-Гиреемъ; даже писалъ къ Хану, что онъ хочетъ теперь помириться на время, но что между Литвою и Русью прочнаго мира нѣтъ; что онъ постарается между тѣмъ упрочить себѣ завоеванные города, переведя изъ нихъ всѣхъ людей непріязненныхъ Руси, и замѣнивъ ихъ людьми добрыми. Александръ нѣсколько време-

---

она говоритъ: «Челомъ бью и широко пишу къ тебѣ, служебница и дѣвка твоя Алена, отъ великихъ слезъ моихъ и тяжкой жалости, видя гнѣвъ и нежитіе промежъ тебя Государя, отца моего, и Государя мужа моего; а болѣе потому, что всѣ приписываютъ мнѣ бѣдствіе и раззореніе, говоря: какое дитя отцу не мило? Если-бы она захотѣла, отецъ ея сжалился-бы на ея просьбы,» и проч.

ни колебался утвердить миръ, столь унизительный для Польши, удерживалъ Пословъ Русскихъ, отправленныхъ для сего утвержденія; Іоаннъ потерялъ терпѣніе, потребовалъ изъясненій медленности; Пословъ его отпустили съ подтвержденіемъ мира, и съ грамотою Короля, въ которой, по желанію Іоанна, онъ подтверждалъ, что Елену не будутъ принуждать къ перемѣнѣ закона. Но Александръ задержалъ гонца Русскаго, отправленнаго къ Стефану, сказавъ, что до мира окончательнаго не допуститъ сношеній съ Молдавіею; онъ не позволилъ также Еленѣ исполнить требованіе отца, который просилъ ее сыскать для брата Василія невѣсту изъ какого-либо дома Европейскихъ Государей. Въ замѣну сей безполезной грубости, въ 1504 году явились Послы Александра въ Москвѣ, съ почтительными грамотами. Они просили прочнаго мира. «Отдайте мнѣ Кіевъ и Смоленскъ» — отвѣчалъ Іоаннъ. Еще новый бѣглецъ ушелъ тогда въ Русь: Евстафій Дашковичъ, храбрый воевода, начальникъ Литовцевъ въ Мстиславльской битвѣ. Онъ свелъ съ собою многихъ сообщниковъ, увезъ въ Русь свою жену, дѣтей, имѣніе. Послы требовали выдачи бѣглеца. «Развѣ онъ бѣглецъ?» отвѣчалъ Іоаннъ. «Бывъ воеводою у зятя моего, теперь перешелъ въ мою службу, и не учинилъ никакого преступленія.» Послы

возвратились безъ успѣха. Іоаннъ началъ сношенія съ дочерью, но только *кланялся* черезъ нее Королю Польскому, и всѣ дѣла съ Польшею касались только рѣшенія разныхъ пограничныхъ споровъ (521).

Уже на порогѣ гроба стоялъ Іоаннъ, дѣйствуя столь неуклонно, и хотя показывалъ еще прежній умъ, прежнюю твердость въ дѣлахъ государственныхъ, но онъ не былъ уже вполнѣ прежнимъ Іоанномъ. Въ Апрѣлѣ 1503 г. скончалась Софія. Самъ Іоаннъ сдѣлался тяжко боленъ; далъ обѣщаніе съѣздить на поклоненіе разнымъ Угодникамъ, и получивъ облегченіе отъ болѣзни, въ Сентябрѣ ѣздилъ въ Троицкую Сергіеву Лавру, Переяславль, Ростовъ, Ярославль. Возвратясь въ Москву въ Ноябрѣ, онъ чувствовалъ усиливающуюся болѣзнь свою, и спѣшилъ устроить послѣ себя наслѣдство. Тогда написана была его духовная (522).

Еще прежде онъ роздалъ каждому изъ сыновей своихъ города въ *удѣлы*, ограничивъ власть ихъ особыми грамотами, приказавъ да-

---

(521) *Дѣла Крымскія* (Карамз. т. *VI*, прим. 550, 551); *Дѣла Польскія* (тамъ-же, прим. 553, 554, 555, 569, 570).

(522) Стр. Лѣт. т. II, стр. 271, Льв. Лѣт. III, 278. Духовная Іоанна, въ *Собр. Г. Г.* т. I, № 144.

же обмежевать удѣлы, и заключить всѣмъ младшимъ братьямъ договоры съ старшимъ братомъ; даже на Московскіе дворы ихъ выданы были особыя граматы (523). Все это пояснилъ подробно Іоаннъ въ своей духовной, опредѣляя владѣнія Московскими городами каждому сыну, излагая мѣру взносовъ для удовлетворенія платежами Татаръ, распредѣляя и оставшуюся послѣ него казну, разложенную имъ въ особые ларцы для каждаго изъ сыновей. Онъ подробно исчислилъ въ духовной города и области, «чѣмъ благословилъ меня отецъ, и что мнѣ далъ Богъ.» Вотъ это исчисленіе — слѣдствіе обширныхъ дѣлъ Іоанновыхъ: *Василію*, старшему сыну, и *Великому Князю всея Руси—Москва*, съ Коломною; Кашира, Тѣши-

---

(523) Сохранились: договоръ Василія съ Юріемъ, 1504 г. Іюня 16; жалованная грамата Юрію и братьямъ его на домы въ Москвѣ; граматы Юрію на сельцо Сущовское и на Кашинъ; межевыя граматы, или росписи Юрію на Дмитровъ, Кашинъ, Звенигородъ, и раздѣльныя на Дмитровъ съ Рузою и Звенигородомъ, съ Московской, Можайской, Клинской стороны, въ *Собр. Г. г.* т. I, N° отъ 133 до 142-го. Все это сохранилось, вѣроятно, потому, что было взято вдругъ у несчастнаго Юрія и брошено въ Архивы въ 1533 году. Другія граматы и договоры Василія съ братьями погибли.

ловъ, Рославль, Веневъ, Мстиславль, по Рязанскій рубежъ, съ Ельцомъ; Серпуховъ, Хотунь, Торуса, Мценскъ, Воротынскъ, съ Князьями Воротынскими, Мезецкими, Новосильскими, Одоевскими; Боровскъ, Суходолъ, Ярославецъ, Мядынь, Можайскъ, Вязьма, Дорогобужъ, Переяславль, Владиміръ, Суздаль, Ростовъ, Ярославль, Романовъ, Бѣлозерскъ, Заозерье, Кубена, Устюгъ, Заволочье, Югра, Печора, Великая Пермь, Кострома, Нерехта, Галичъ, Нижній Новгородъ (съ Мордвою и Черемисою), Муромъ, Мещера, Вятка (съ Арскими Князьями); Великое Княжество Тверское, съ Городнею, Клиномъ; Великій Новгородъ, съ пятью пятинами и городами Ивангородомъ, Ямомъ, Копорьемъ, Орѣшкомъ, Ладогою, Демономъ, Куромъ, Порховомъ, Высокимъ, Кошкинымъ, Русою, Холмомъ, Великими Луками, Ржевою Пустою, Карелою и Лопью; Псковъ, Торопецъ, Старая Рязань, Перевитескъ. — Второй сынъ, *Юрій*, получалъ: *Дмитровъ*, Звенигородъ, Кашинъ, Рузу, Брянскъ, Серпейскъ; третій сынъ, *Дмитрій—Угличъ*, Мологу (съ ярмаркою), Хлепень, Рогачевъ, Нѣгоміръ, Зубцовъ, Опоки, половину Ржевы, Мещевскъ, Опаковъ; четвертый сынъ, *Симеонъ*—Бѣжецкъ, *Калугу*, Козельскъ; пятый *Андрей*—*Верею*, Алексинъ, Любутскъ, Старицу, Холмъ и Новгородъ (Тверскіе).

И так, Іоаннъ, столь рѣшительно истреблявшій всѣ слѣды Удѣловъ въ Ростовѣ, Ярославлѣ, Вереѣ, убѣждавшій Александра не давать удѣла брату Сигизмунду — возобновилъ дѣтямъ своимъ Удѣлы? Правда, что онъ опредѣлилъ всѣ отношенія; сказалъ, что послѣ смерти каждаго брата, *если онъ умретъ бездѣтенъ*, удѣлъ поступаетъ Василію; лишилъ младшихъ сыновей всякихъ правъ владѣнія независимаго; изрекъ проклятіе на того, кто подъ старшимъ братомъ будетъ подыскивать Великаго Княженія, не будетъ съ нимъ *одиначиться*, станетъ ссылаться, тайно или явно, на лихо ему, или подымать на него кого нибудь. Но удѣлы дѣтей Іоанна были значительны, близки къ Москвѣ, словомъ: удѣлы *существовали*—и что̀ значили клятвы и договоры между братьями? Столь великъ предразсудокъ, если онъ укрѣпленъ вѣками; такъ сильно себялюбіе человѣка, что онъ думаетъ видѣть въ дѣтяхъ своихъ исключеніе изъ правила общаго?

Но не должно-ли приписать распоряженій Іоанна всего болѣе упадку духа его передъ кончиною, въ болѣзни, которую онъ признавалъ смертною? Это особенно докажетъ намъ послѣднее распоряженіе Іоанна въ Церковныхъ дѣлахъ.

Во все продолженіе своего владычества, Іоаннъ, Христіанинъ благочестивый и набож-

ный, былъ выше суевѣрій своего вѣка; ясный умъ заставлялъ его не дорожить мнѣніемъ невѣждъ. Мы указывали уже на сіе свойство характера Іоаннова въ разныхъ событіяхъ. Дополнимъ здѣсь еще нѣсколько чертъ. Іоаннъ не хотѣлъ подчиниться Церкви Греческой, хотя она отвергла Исидорову ересь. Давая милостыни, содержа монастыри въ горахъ Аѳонскихъ, Іоаннъ управлялъ Русскою Церковью самовластно (524). Митрополитъ Ѳеодосій избранъ былъ послѣ Іоны (въ 1461 г.), не смотря на подозрѣніе въ ереси, въ которой былъ онъ нѣкогда уличенъ и раскаялся. Желая прекратить разныя неустройства въ жизни священниковъ, Ѳеодосій раздражилъ народъ, и самъ отказался отъ Митрополіи. Іоаннъ не

(524) Въ 1464 г. Іоакимъ, Патріархъ Іерусалимскій, ѣхалъ въ Русь за милостынею, «бѣ бо имъ истома отъ Египетскаго Султана,» но умеръ дорогою въ Кафѣ. Братъ его, Протосинкеллъ Іосифъ, прибылъ въ Москву, былъ поставленъ Русскимъ Духовенствомъ въ Митрополиты Кесаріи Филипповой, и осыпанъ дарами.— Въ 1497 г. Паисій, Игуменъ мон. Св. Пантелеймона, изъ Аѳонскихъ горъ («изъ старины тотъ мон. строеніе бяше прежнихъ Великихъ Русскихъ Князей»), пріѣхалъ въ Москву, съ Молдавскимъ Посланникомъ, «милостыни ради, и Князь Вел. милостынею его издоволилъ, и на иные мон. послалъ,» и проч.

хотѣлъ его уговаривать. Подъ собственнымъ предсѣданіемъ Іоанна, Соборомъ избрали въ Митрополиты Суздальскаго Владыку Филиппа (1465 г.), скончавшагося въ 1473 году (525). Геронтій (Епископъ Коломенскій) заступилъ его мѣсто, и поссорился съ Іоанномъ при освященіи Успенскаго собора: Геронтій пошелъ съ крестами вокругъ церкви противъ солнца. Іоаннъ думалъ, что Митрополитъ ошибся; Геронтій заспорилъ и не уступалъ; велѣно было изыскать для сего основное правило, но его не находили; Митрополитъ оставилъ свое мѣсто, соглашаясь лучше быть низложеннымъ, нежели утвердить неправду; но Іоаннъ не

---

(525) Въ 1455 г. Ѳеодосій, бывши Архіеп. Ростовскимъ, разрѣшилъ: *ѣсть скоромное послѣ вечерни наканунѣ Богоявленія, если придется день воскресный.* Это назвали ересью. Собрался Соборъ, гдѣ Іона Митр., Василій Темный, и множество духовныхъ, обличили Ѳеодосія и заставили его каяться «въ дьявольскомъ наущеніи и своемъ скудоумствѣ.» Бывъ Митрополитомъ, Ѳеодосій воспретилъ служеніе вдовымъ попамъ, и жестоко наказывалъ тѣхъ изъ нихъ, которые держали наложницъ. По множеству церквей, во многихъ нѣкому было служить послѣ такого распоряженія; народъ роптал, и Ѳеодосій, сложивъ санъ, удалился въ Чудовъ монастырь, гдѣ, подавая примѣръ смиренія, ходилъ за какимъ-то больнымъ старцемъ, до самой смерти своей.

покорялся, и тогда только призналъ свою ошибку, когда убѣдили его въ истинѣ словъ Геронтія; онъ рѣшился мириться съ Геронтіемъ, послѣ сильнаго и продолжительнаго спора. — Съ 1470 года началась въ Новгородѣ особенная ересь, наименованная *Жидовскою*. Она сильно распространилась тамъ и въ Москвѣ. Іоаннъ не уважалъ спорами о ней, и взялъ съ собою изъ Новгорода въ Москву священниковъ Алексія и Діонисія, хотя ихъ подозрѣвали въ Жидовской ереси. Оба священника сіи были потомъ любимцами Іоанна, и привлекли въ ересь свою множество народа. Въ числѣ послѣдователей ихъ былъ Архимандритъ Симоновскій Зосима, сановники Іоанна Курицыны, и даже сама невѣстка его, Елена. Послѣ кончины Геронтія, Іоаннъ приказалъ поставить въ Митрополиты Зосиму (1489 г.). Ересь скрывалась въ величайшей тайнѣ; но православные подозрѣвали ее, и увидѣвъ Митрополитомъ одного изъ главныхъ защитниковъ ереси, возопили о несправедливости и безбожіи Іоанна (526). Главными ревнителями православія были въ семъ случаѣ Геннадій, Архіепископъ Новгородскій, и Іосифъ, Игуменъ

---

(526) О Геронтіи, Спр. Лѣт. II, стр. 202; Арх. и Рост. Лѣт. (Карамз. т. VI, прим. 103). О ропотѣ противъ поставленія Зосимы, *Карамз.* т. VI, стр. 197.

Волоколамскій. Геннадій прислалъ даже въ Москву изъ Новгорода именные списки еретиковъ. Іоаннъ собралъ Соборъ; но удовольствовался духовнымъ наказаніемъ людей, впадшихъ въ ересь, хотя Геннадій, не смотря на то, самовольно подвергъ осужденныхъ въ Новгородѣ народному позору, а Игуменъ Іосифъ неутомимо преслѣдовалъ, писалъ, обличалъ, требовалъ казни мечемъ и огнемъ, оподозрилъ самого Митрополита и Курицыныхъ; Іоаннъ велѣлъ ему молчать; Зосима оставался на своемъ мѣстѣ, и только склонность его къ пьянству была причиною его удаленія (527). Игуменъ Троицкій Симонъ возведенъ былъ въ Митрополиты. Іоаннъ хотѣлъ торжественно показать при семъ случаѣ власть свою. Онъ повелъ съ собою нареченнаго Митрополита въ соборъ Успенскій, и своею рукою *передалъ* его Епископамъ. Въ день посвященія, когда кончился обрядъ, Іоаннъ *нарекъ* его Митрополитомъ, прежде нежели Симонъ сталъ на свое Митро-

---

(527) Подробности ереси описаны въ особой книгѣ Св. Іосифа Волоколамскаго (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 319), и въ бумагахъ, взятыхъ изъ Іосифова Волоколамскаго мон. и напеч. въ *Вивліоѳикѣ* Новикова, т. XIV. О кончинѣ Геронтія, см. подробности, въ *Лѣт. Львова*, III, стр. 190; о Зосимѣ, *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 247.

поличье мѣсто. Митрополитъ преклонился, привѣтствуя своего повелителя; Іоаннъ указалъ ему мѣсто своею рукою (528). Когда всѣ современники трепетали совершенія *седьмой* тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра — времени, издревле страшившаго весь міръ христіанскій, Іоаннъ спокойно распоряжалъ дѣлами, велѣлъ собраться въ Москвѣ Собору, и расположить новую пасхалію на всѣ праздники и церковное счисленіе, не думая о предвѣщаніяхъ, что скоро настанетъ Страшный Судъ. Геннадій, Архіепископъ Новгородскій, съ Агаѳономъ, Священникомъ Новгородскимъ, составили всѣ исчисленія; Соборъ утвердилъ ихъ, и успокоивая умы, обнародовалъ съ особеннымъ предисловіемъ, гдѣ говорилъ: «Нѣсть наше искати времена и лѣта, но подобаетъ только молиться Богу о устроеніи всего міра, благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей, и пособленіи и укрѣпленіи благовѣрнаго Христолюбиваго Великаго Князя Ивана Васильевича, всея Руси Самодержца, и о здравіи его (529).» — Въ 1500 г. все Духо-

(528) Стр. Лѣт. II, 250; Собр. Г. г. т. II, № 23.

(529) Ист. Г. Р. т. VI, прим. 618 — 620; Словарь Писат. Дух. чина т. I, стр. 11 и 90. Списковъ Геннадіева, или Агаѳонова, *Церковнаго круга* находится довольно, и при нихъ множество трудныхъ вычетовъ математическихъ.

венство Русское было потревожено, болѣе всякой ереси, смѣлою, неслыханною дотолѣ мыслію Іоанна. Онъ созвалъ Соборъ, и объявилъ, что почитаетъ неприличнымъ для Духовенства владѣніе деревнями, селами и недвижимыми имѣніями; что управленіе ими вводитъ Духовенство въ заботы и занятія, несовмѣстныя съ ихъ званіемъ; въ слѣдствіе сего, Іоаннъ предлагалъ отобрать отъ монастырей, церквей и Владычнихъ домовъ всѣ имѣнія. Единогласно отвергли предложенія его на Соборѣ, и написали ему посланіе, гдѣ доказывали Древнею и Русскою Исторіею, что не только благочестивые Цари и предки его, но даже богомерзкіе гонители и поганые Ханы не думали о томъ, что онъ теперь помышляетъ, ибо отнять у Церкви, все равно, что отнять у Бога: «Церковное есть Божіе, и никто еще изъ Государей не дерзалъ и не дерзаетъ передвигать вещей недвижимыхъ.» Іоаннъ замолчалъ, и оставилъ свое предположеніе, хотя въ томъ-же году отнялъ всѣ церковныя имѣнія у Новгородскаго Владыки, и роздалъ ихъ въ помѣстье служивымъ людямъ (530). Отправляясь на богомолье въ 1503 г., Іоаннъ созвалъ еще Соборъ, и опредѣлилъ строгія правила для

---

(530) Описаніе Собора хранится въ Синод. библіотекѣ (Ист. Г. Р. т. VI, прим. 622).

Священства. Тогда-же строго было запрещено всякое церковное мздоимство. Примѣръ неумолимаго суда слѣдовалъ немедленно за постановленіемъ: знаменитый Геннадій, Архіепископъ Новгородскій, былъ уличенъ въ мздоимствѣ, сверженъ (въ 1504 г.), заточенъ въ Москвѣ въ Чудовъ монастырь, и тамъ оставался до самой своей кончины (531).

Такъ поступалъ Іоаннъ. Чему-же другому, кромѣ ослабленія духа, можно приписать дѣло Іоанново, когда онъ пріѣхалъ съ богомолья? Въ Декабрѣ 1503 г. собранъ былъ Соборъ въ Москвѣ: Іосифъ Волоколамскій, и другіе защитники православія, предстали на Соборъ съ прежними обвиненіями на Жидовскую ересь; дѣло, остававшееся въ забвеніи тринадцать лѣтъ, возобновилось; еретиковъ призвали, заставили признаться, и съ согласія Іоанна осудили на мучительную казнь. Напрасно каялись они, говоря, что видятъ свое заблужденіе, винятся въ немъ и отрекаются отъ него. «Только добровольное, а не по нуждѣ приносимое покаяніе пріемлетъ Церковь!» возражалъ Іосифъ Волоколамскій, и — еретики погибли въ страшныхъ мученіяхъ. Ихъ жгли въ клѣткахъ, рѣзали имъ языки. Многіе,

---

(531) Ист. Г. Р. т. VI прим. 624; *Вивліоѳика*, Новикова, XIV, 206; Стр. Лѣт. II, 272.

страшась казни, бѣжали въ Литву, въ Ливонію; иные скрылись подъ личиною благочестія, и корни ереси остались, хотя Іоаннъ не пощадилъ даже вѣрныхъ слугъ своихъ Дьяковъ Курицыныхъ, и не разбиралъ того, что многіе изъ еретиковъ были ученые Архимандриты и Священники (532).

Здоровье Іоанна видимо ослабѣвало; но онъ не оставлялъ дѣлъ. Хладнокровно принята была имъ вѣсть о кончинѣ невѣстки его Елены: горесть убила ее въ Январѣ 1505 года; ее похоронили въ Вознесенскомъ монастырѣ, на ряду съ Великими Княгинями; несчастный Димитрій остался въ заключеніи тѣсномъ (533). Іоаннъ хотѣлъ видѣть наслѣдника своего Василія женатымъ; не искалъ уже для него невѣсты между Княжнами Европейскихъ владѣтельныхъ домовъ, и отдавъ въ 1497 году племянницу свою, дочь Рязанскаго Князя, за Князя Θеодора Бѣльскаго, а родную дочь свою, Θеодосію, въ 1500-мъ году, за Князя Василія

---

(532) Выше, прим. 527; Стр. Лѣт. II, 272, и другія лѣтописи.

(533) «Преставися Княг. Елена Волошанка, *въ нятствѣ*» (*Стр. Лѣт.* II, 273) — «нужною смертію, въ заточеніи» (*Тип. Лѣт.* стр. 345).

Холмскаго, избралъ супругу Василію изъ среды подданныхъ. Въ Москву собрали до 1500 дѣвицъ знатнѣйшихъ домовъ. Женихъ смотрѣлъ ихъ, полюбилъ прекрасную дочь незнатнаго человѣка, Юрія Сабурова, Соломонію, и свадьба Василія была празднована 4-го Сентября 1505 года (534).

Пока Дворъ былъ занятъ симъ дѣломъ, которое казалось, и дѣйствительно было важно для каждаго царедворца, приближая избранный родъ подданнаго къ трону властителей, получены извѣстія о злодѣйствѣ и возмущеніи

---

(534) Герберштеинъ, R. M. стр. 18. Впрочемъ, родъ *Сабуровыхъ* былъ древній. Въ самомъ началѣ царствованія Іоанна, *Михаилъ Ѳедоровичъ Сабуровъ* былъ его Бояриномъ и Дворецкимъ. Сабуровы происходили отъ одного племени съ Годуновыми, отъ Мурзы Чета, выѣхавшаго нѣкогда (будто-бы въ 1330 г.) изъ Орды. Названный по крещеніи *Захаріею*, Четъ имѣлъ сына *Александра*, внука *Димитрія Зерно*, правнука *Ивана*, у котораго были сыновья: Ѳедоръ *Сабуръ* и Иванъ *Годунъ*. Мы видѣли, что первая жена Бѣльскаго не поѣхала изъ Литвы, хотя ее и требовали въ Москву. О свадьбѣ его, *Стр. Лѣт.* II, 257. Описаніе свадьбы Холмскаго и Ѳеодосіи (*древнѣйшее*, изъ дошедшихъ до насъ), см. въ *Вивліоѳикѣ*, Новикова, т. XIII. Ѳеодосія скончалась черезъ годъ; супруга ея не спасли отъ гибели ни заслуги отца, ни его собственныя, ни знаменитое родство (см. далѣе, т. VI, прим. 52).

Мегмедъ-Аминя. Уже всѣ привыкли считать Казань *подручною Русскою волостью*. Мегмедъ-Аминь, соблазняемый любимою женою, убѣждаемый Казанцами, выходившими изъ терпѣнія отъ своеволія Руских, все еще боялся возстать явно. Но онъ не исполнялъ разныхъ требованій Іоанна, и присылалъ объясняться въ Москву. Іоаннъ отправилъ къ нему Дьяка своего, Михайла Кляпика, напоминая ему объ участи Абдулъ-Летифа. Тогда обнаружились непріязнь и ненависть Казанцевъ. Въ концѣ Іюня съѣхалось въ Казань множество Русскихъ торговцевъ на славную тамошнюю ярмарку; Казанцы вдругъ возмутились; 24-го Іюня схватили, перерѣзали, ограбили Рускихъ, не щадили ни пола, ни возраста, продали плѣнныхъ въ Ногайскіе улусы. Открылось, что злодѣйство было издавно подготовлено. Мегмедъ-Аминь не медлилъ, хотѣлъ предупредить мщеніе Русскаго Государя, соединился съ Ногаями и бросился въ Русь. Его нигдѣ не ожидали; Казанцы свободно прошли до Нижняго Новгорода, означивъ путь свой губительнымъ раззореніемъ. Они зажгли даже посады Нижегородскіе и осадили тамошнюю крѣпость. Храбрый Воевода, Хабаръ Симскій, не хотѣлъ сдаваться; вывелъ изъ заключенія триста Литовскихъ плѣнниковъ, содержавшихся въ Нижнемъ, обѣщалъ имъ милость и награду, далъ

оружіе, и шри дня защищался прошивъ многочисленной шолпы Ташаръ. Изъ Москвы спѣшило на помощь къ нему сильное войско. Казанцы перессорились, подрались съ Ногайцами и поспѣшно ворошились во свояси. Воеводы Русскіе преслѣдовали ихъ за Муромъ, и осшановились (535): совершилось важное собышіе — *не стало Іоанна.*

« Лѣша 1505-го, осенью, Окшября 27-го дня, съ понедѣльника на вшорникъ, въ первомъ часу нощи, пресшавился благовѣрный и христолюбивый Князь Великій Иванъ Васильевичъ, Государь всея Руси. Былъ онъ на государсшвѣ, на Великомъ Княженіи, послѣ ошца своего Великаго Князя Василія Васильевича, 43 года и 7-мь мѣсяцевъ, а всѣхъ лѣшъ живоша его было 66-шь и 9-шь мѣсяцевъ. Тѣло его положили въ *новой* церкви Свяшаго Архангела Михаила, которую заложилъ онъ при своемъ живошѣ, въ преименишомъ и славномъ градѣ Москвѣ, гдѣ и прародишели его лежашъ...»

Такъ на память потомству записалъ кончину Іоанна его современникъ, и не прибавилъ

(535) *Казанскій Лѣт.*; въ другихъ извѣстіе кратко. Только всѣ согласно порицаютъ и бранятъ Магметъ-Аминя.

ни похвалы, ни осужденія, какъ будто не смѣя говорить о грозномъ властителѣ своемъ, даже и послѣ смерти его (536). Есть извѣстія, что при послѣднемъ издыханіи, Іоаннъ призвалъ изъ темницы юнаго Димитрія, и сказалъ ему: «Милый внукъ! прости меня—я согрѣшилъ предъ Богомъ и предъ тобою—будь свободенъ...» Димитрій со слезами упалъ на колѣна подлѣ смертнаго одра дѣда. Іоаннъ умеръ. Едва Димитрій вышелъ изъ комнаты—его снова отвели въ темницу (537).

---

(536) Стр. Лѣт. II, стр. 274. Въ *Арханг. Лѣт.*, стр. 178, прибавлено къ имени Іоанна: *«отъ него-же трепетаху поганыя страны.»*

(537) Герберштеинъ, R. M. стр. 8.

Конецъ пятаго тома.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТАГО ТОМА.

Стран.

Стран.

Страм.

Стран.

Стран.

(*) Здѣсь въ исчисленіи страницъ сдѣлана ошибка: съ начала 17-го листа, вмѣсто 257-й, поставлено: 267, и такъ перенумерованъ весь листъ. Извиняемся передъ читателями, почитая необходимымъ замѣтить сію ошибку.

Стран.

Стран.

Страм.

Страм.

Стран.